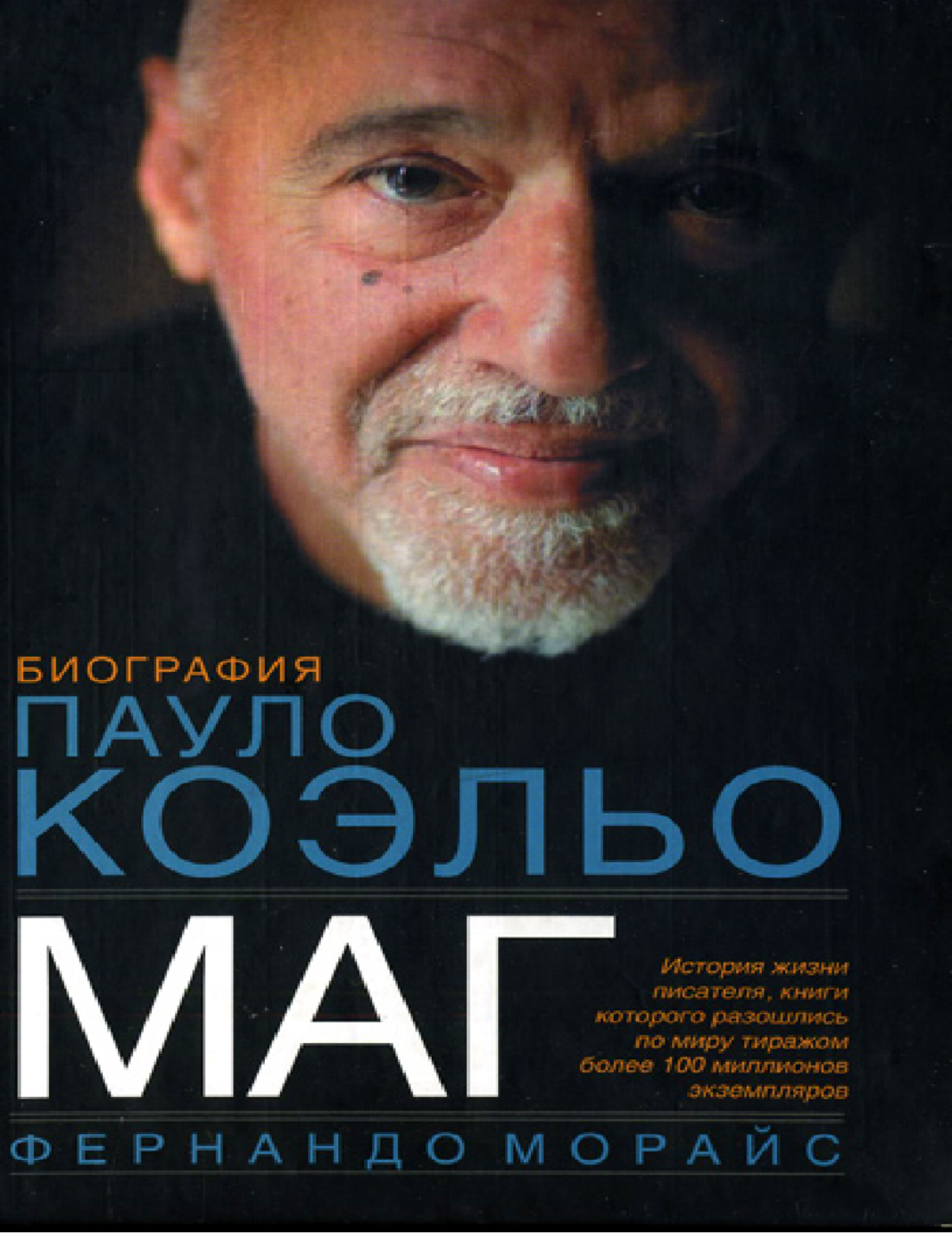


БИОГРАФИЯ

ПАУЛО КОЭЛЬО

МАГ

История жизни писателя, книги которого разошлись по миру тиражом более 100 миллионов экземпляров

ФЕРНАНДО МОРАЙС

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

«Маг» — история жизни писателя, книги которого разошлись по миру тиражом более 100 миллионов экземпляров.

Прежде чем стал всемирно известным автором бестселлеров, Пауло Коэльо прожил множество разных жизней. Его лечили электрошоком в сумасшедшем доме, он принимал наркотики, пробовал нетрадиционные варианты секса, вызывал дьявола, сидел в тюрьме, писал песни и наконец в 1986 году прошел священным «Путем Сантьяго», дорогой средневековых паломников. Коэльо описал обретенный им духовный опыт в своей первой книге «Дневник мага». Роман «Алхимик», вышедший в следующем году, принес автору международную известность и обрел статус мировой классики. И вот теперь читатель может познакомиться с историей жизни столь популярного и читаемого во всем мире писателя.

«Пауло Коэльо де Соуза родился дождливым утром 24 августа 1947 года, в день святого Варфоломея. В пять минут первого врач, который буквально вывинчивал его из матери, услышал слабый хруст. Будто карандаш треснул — тоненькая ключица новорожденного не выдержала нажима щипцов. Но вряд ли это имело значение: мальчик был мертв.

Убитые горем родители попросили кого-нибудь позвать, чтобы мертворожденного соборовали. Но вдруг послышался слабый стон — словно котенок мяукнул. Младенец был жив. Трудные роды стали первым вызовом, который судьба бросила этому малышу. Он его принял…»

- Фернандо Морайс
  -
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13

- 14
- 15
- 16
- 17
- 18
- 19
- 20
- 21
- 22
- 23
- 24
- 25
- 26
- 27
- 28
- 29
- 30
- Об этой книге

• notes
- 1
- 2
- 3
- 4
- 5
- 6
- 7
- 8
- 9
- 10
- 11
- 12
- 13
- 14
- 15
- 16
- 17
- 18
- 19
- 20
- 21
- 22
- 23
- 24
- 25

- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38

Фернандо Морайс
Маг
Биография Пауло Коэльо

Марии, с которой мы перешли еще и этот Рубикон

Если в 2000 году и не наступит конец света, возможно, наступит конец всему этому ажиотажу вокруг Пауло Коэльо.

Уилсон Мартинз, литературный критик. Апрель 1998 года, газета «Глобо»

Бразилия — это Руй Барбоза, Эуклидес да Кунья[1], но это еще и Пауло Коэльо. Я не читаю его книг, не отношусь к числу его поклонников, но его следует принимать как некую данность современной Бразилии.

Тот же Мартинз, шюль 2005 года, «Глобо»

1
Что это за птица? А может, не птица — самолет? Это поп-звезда Пауло Коэльо, писатель, продавший сто миллионов своих книг

Пасмурным майским вечером 2005 года огромный белый аэробус «Эр Франс» A600 мягко опускается на мокрую полосу аэропорта Ферихедь в Будапеште. Двухчасовой перелет начался в Лионе. Бортпроводница сообщает, что в венгерской столице шесть часов вечера и восемь градусов выше нуля. Мужчина в черной футболке, сидящий у иллюминатора в первом ряду бизнес-класса, не торопится отстегнуть ремни. Он поднимает глаза и всматривается в некую точку, где-то за переборкой салона. Не обращая внимания на любопытные взгляды пассажиров, он в благословляющем жесте поднимает правую руку с выпрямленными указательным и средним пальцами и замирает в такой позе на несколько секунд. Когда встает, чтобы снять с багажной сетки рюкзак, оказывается, что он с ног до головы одет в черное: черные кроссовки, черные джинсы, черная футболка. Однажды кто-то сказал, что если бы не лукавый блеск глаз, его можно было бы принять за священника. Но пассажиры, по крайней мере французы, догадываются, что их спутник — человек непростой, ибо красная с золотом эмалевая розетка чуть больше компьютерного микрочипа на лацкане его пиджака — черного, разумеется, как и все остальное — свидетельствует, что ее обладатель — кавалер ордена Почетного легиона, учрежденного Наполеоном Бонапартом в 1802 году. Во Франции эта высшая и самая желанная награда вручается по указу президента республики. Однако нашего пассажира из толпы выделяет не только этот орден, который вручил ему Жак Ширак. Редкие седые волосы собраны на затылке в небольшой хвост: такую косицу обычно носят брахманы, индуисты и монахи-кришнаиты. Худое лицо с гладкой и смуглой кожей с аккуратно подстриженными седыми усами и остроконечной бородкой. Росту в нем — сто шестьдесят девять сантиметров; он хрупок, но мускулист, сухощав и подтянут, что называется — ни жиринки.

Одолевая мучительное желание закурить, человек вливается в поток выходящих пассажиров: рюкзак за спиной, в зубах — незажженная сигарета «Гэлэкси лайт» бразильского производства,

в руке — зажигалка «Бик», которую он пустит в ход, как только представится случай, но до этого, судя по всему, еще далеко. Даже тот, кто не знает венгерского языка и не понимает смысла надписи «Tilos adohanyzas», не может не заметить огромного числа табличек с жирно перечеркнутой зажженной сигаретой. Будапешт тоже капитулировал перед антитабачной пропагандой, и в аэропорту курить запрещено. Стоя у багажного транспортера, человек в черном с нетерпением смотрит сквозь прозрачную стену, отделяющую зал прилета от основного вестибюля. Благодаря изобретательности хозяина, черный чемодан на колесиках можно узнать сразу: на нем мелом нарисовано сердце. Чемодан маленький, сошел бы и за ручную кладь, но пассажир в черном терпеть не может таскать багаж с собой.

Оказавшись после таможенного досмотра по другую сторону стеклянной стены, человек явно обескуражен: он не обнаружил своего имени на плакатиках, что обычно держат в руках шоферы и туристические агенты. Еще хуже — его не ждут ни фоторепортеры, ни журналисты, ни телевизионщики. Никого. Он выходит на улицу, оглядывается по сторонам, и, еще не подняв воротник пиджака от пронизывающе-холодного будапештского ветра, закуривает, делая глубокую — сразу на пол сигареты — затяжку. Остальные пассажиры «Эр Франс» рассаживаются по автобусам, такси и частным машинам, тротуар перед аэровокзалом пустеет, и настроение у человека в черном портится окончательно. Он закуривает вторую сигарету, звонит по мобильному в Бразилию и сердито произносит по-португальски, с характерным выговором «кариоки» — жителя Рио-де-Жанейро:

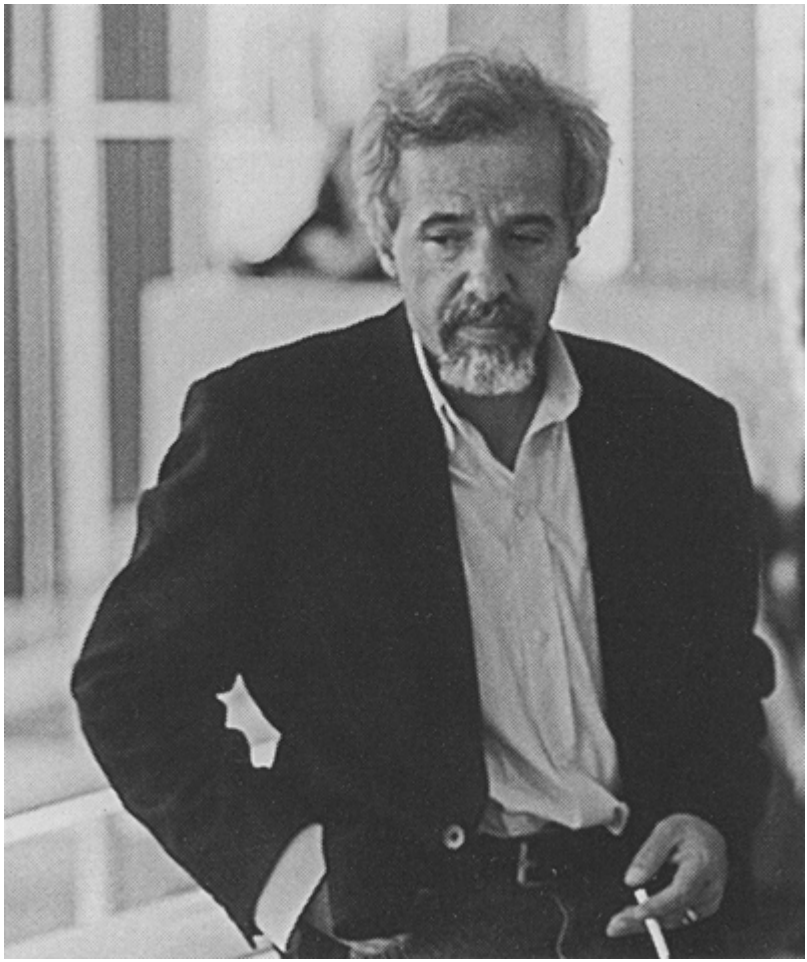
— В Будапеште меня никто не встречает! Да! Именно то, что вы слышали. — Он медленно повторяет по слогам, будто желая вбить каждое слово в голову собеседника: — Именно так: ник-то-не-ждет-ме-ня-в-Бу-да-пеш-те. Нет, никто. Я же сказал: никто!

Не попрощавшись, дает отбой, гасит окурок в урне, закуривает третью сигарету и принимается расхаживать взад-вперед с недовольным видом. Лишь через пятнадцать бесконечных минут он слышит знакомый топот, оборачивается на шум и, просияв широкой улыбкой, видит в нескольких метрах от себя целую ватагу репортеров, телевизионщиков и папарацци. Они бегут к нему, выкрикивая его имя, почти все тянут вперед микрофоны и диктофоны. А за ними спешит огромная толпа поклонников.

— Мистер Коле-ро! Мистер Пауло Коле-ро!

«Коле-ро» — так венгры произносят фамилию бразильского писателя Пауло Коэльо, человека в черном, только что прибывшего в Будапешт в качестве почетного гостя

Международной книжной ярмарки. Его пригласили сюда по инициативе России, которою чествовали здесь в 2005 году, — но не Бразилии, не представленной на ярмарке ни единым стендом. Причина проста: в то время он был самым читаемым автором в России, стране с населением 143 миллиона человек. Вместе с журналистами к нему бегут люди с его последним бестселлером «Заир» в руках. Книга открыта на первой странице, они путаются в ползущих по земле проводах и в погоне за автографом отталкивают хамоватых репортеров. Фотовспышки, голубой свет переносных юпитеров — так в 1970-х выглядели посетители дискотек в вибрирующем свете стробоскопов. Несмотря на толчею и беспорядок, с лица писателя не сходит ангельская улыбка: он как будто наслаждается градом вопросов на английском, французском и венгерском, упиваясь славой. Он здесь как рыба в воде. Его глаза блестят, он улыбается самой искренней улыбкой, на какую вообще способен человек. Мистер Коле-ро снова стал суперзвездой Пауло Коэльо — писателем, продавшим сто миллионов книг, членом Бразильской академии, которого читают жители 160 стран на 66 языках и диалектах. Он сообщил журналистам, что был в Венгрии всего однажды — более двадцати лет назад.



Пауло Коэльо, автор супербестселлера «Алхимик»

— Боюсь, за пятнадцать лет Будапешт пострадал от капиталистического туризма больше, чем за полвека от русских, — говорит он, имея в виду период, когда Венгрия находилась под опекой бывшего Советского Союза (1949–1989).

В тот день писателю уже представился случай насладиться признанием публики. Пока он ждал самолет в Лионском аэропорту, к нему подошел седобородый бразилец и представился его читателем и поклонником. Когда объявили посадку на автобус к самолету, они вместе встали в очередь и вместе подошли к дверям. Надо было предъявить авиабилет, и тут оказалось, что бразилец никак не может найти свой — тот затерялся в пачке туристических брошюр и буклетов. Остальные пассажиры подняли ропот, и служащий «Эр Франс» попросил бразильца отойти в сторонку, чтобы не задерживать очередь. Пауло из деликатности остался с соотечественником, но тот

сказал:

— Спасибо, не беспокойтесь. Через минуту мой билет найдется.

Все пассажиры уже сидели в автобусе, очередь рассосалась, а вместе с нею — и благодушие контролера, который пригрозил, что сейчас закроет дверь:

— Прошу прощения, но без билета я не могу вас пропустить.

Бразилец понял, что над его приятной туристической поездкой нависла опасность, но не собирался сдаваться:

— Мсье, у меня есть билет, можете в этом не сомневаться. Несколько минут назад я показал его писателю Пауло Коэльо — мы хотели удостовериться, что наши места рядом.

Француз вытаращил глаза:

— Пауло Коэльо? Вы хотите сказать, что этот седеющий господин с орденом Почетного легиона — Пауло Коэльо?!

Получив подтверждение этому, служащий пробежал несколько метров до автобуса, в котором ожидали пассажиры, и крикнул:

— Мсье Пауло Коэло!

Писатель отозвался и подтвердил, что видел билет. Этого оказалось достаточно, чтобы служащий, снова став доброжелательным и вежливым, жестом пригласил задержавшегося бразильца в автобус.

В Будапеште уже наступает ночь, когда гид — высокий молодой человек — объявляет, что встреча закончена. Несмотря на протесты журналистов, Пауло усаживают на заднее сидение «Мерседеса», чей возраст и внушительный вид наводят на мысль, что на нем, пожалуй, могли ездить еще руководители венгерского коммунистического режима. Внутри уже сидят те, кто будет сопровождать писателя в ближайшие три дня: шофер и охранник Пал Сабадош — стриженный ежиком детина почти двухметрового роста, и Дьердь Хусти — тот самый гид, что вызволил Пауло из лап журналистов. Обоих предоставило издательство «Атенеум», выпускающее в Венгрии книги Пауло Коэльо.

Машина трогается, и, не успевает Дьердь представиться, Пауло просит всех на миг замолчать и делает то же, что в самолете: устремив взгляд в бесконечность, поднимает два пальца в безмолвной молитве.

Такую молитву он творит по крайней мере трижды в день — проснувшись утром, в шесть часов вечера и в полночь — и повторяет ее при взлете и посадке, а также садясь в машину (все равно, короткая это поездка в такси или долгое путешествие из страны в страну). По дороге в гостиницу Дьердь читает писателю программу пребывания в столице Венгрии: дискуссия и раздача

автографов на книжной ярмарке, осмотр будапештского метро в сопровождении префекта Габора Демски, пять интервью для телепрограмм и самых важных печатных органов, пресс-конференция, фотосессия с «мисс Перу», его читательницей (она приехала в Венгрию участвовать в конкурсе «мисс Вселенная»), два ужина, шоу на дискотеке под открытым небом… Пауло прерывает Дьердя по-английски:

— Прошу вас, хватит. Вычеркните осмотр метро, шоу и «мисс Перу». Этого в программе не было.

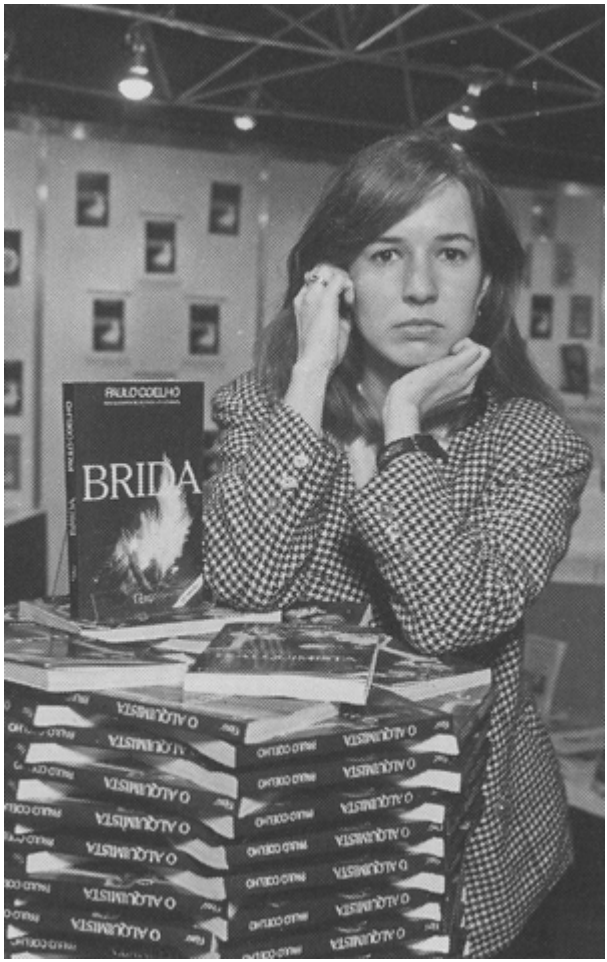
Но гид стоит на своем:

— Думаю, следует оставить хотя бы метро — оно одно из самых старых в мире, третье… И потом, супруга префекта — ваша поклонница, она прочла все ваши книги.

— Замечательно. Я обязательно подпишу ей книгу, но в метро не пойду.

После того как из программы убрали метро, шоу и «мисс Перу» (она потом сама пришла на автограф-сессию), писатель утвердил программу. Он совсем не кажется усталым, хотя неделя у него выдалась трудной. После презентации «Заира» Пауло дал несколько интервью — чилийской газете «Меркурио», французскому журналу «Пари-Матч», голландскому ежедневному изданию «Телеграф», журналу «Мезон Картье», польской газете «Факт» и норвежскому женскому журналу. А еще провел долгую беседу с Найджелом Дадли и Сарой Маклинз — издателями британского журнала «Синк».

Через полчаса после выезда из аэропорта «Мерседес» останавливается перед столетним четырехзвездочным отелем «Геллерт» — импозантным зданием на берегу Дуная; здесь находятся самые древние в Центральной Европе термы. Не успев зарегистрироваться, Пауло радостно заключает в объятия красивую молодую женщину, светлокожую и черноволосую: она ждала его в холле, держа за ручку пухлого голубоглазого мальчугана. Это Моника Антунес, тридцатишестилетняя бразильянка, со своим сынишкой. Все считают ее просто литературным агентом Пауло Коэльо, но это лишь малая часть той работы, которую выполняет для него Моника с конца восьмидесятых годов.



После успеха «Алхимика» в Бразилии литературный агент Моника Антунес предрекла, что лихорадка — еще только в самом начале

Моника Антунес (в офисе агентства «Сан-Джорди»): не просто литературный агент, но и ангел-хранитель Коэльо, она занимается сотнями контрактов на издание его книг по всему миру

Моника Антунес с Пауло и друзьями в Дубаи

Писатель получает ключи от дома, который ему подарили в Дубаи

За миловидным лицом, нежным голосом и застенчивой белозубой улыбкой скрывается, если верить окололитературным сплетням, не знающая пощады змея. Ее боятся — говорят, она жестоко расправляется с теми, кто посмел нанести ущерб интересам писателя. За глаза многие издатели злобно называют ее «барселонской ведьмой», по месту, где она живет и откуда контролирует все, что имеет отношение к профессиональной жизни ее единственного подопечного. Моника не просто продает авторские права: она — тот мост, что соединяет писателя Пауло Коэльо с издательским миром. Все, что так или иначе, прямо или косвенно касается его литературного творчества, обязательно проходит через седьмой этаж современного здания в Барселоне, где располагается литературное агентство «Сан-Джорди» — так каталонцы именуют Святого Георгия, покровителя книг. Издатель, дерзнувший напрямую связаться с Пауло Коэльо, минуя агентство, немедленно попадет в черный список Моники —

правда, сама она хмуро отрицает существование этого документа. Солидные европейские и латиноамериканские книготорговцы утверждают, что кара может настигнуть ослушника и не сразу, однако избежать ее не удастся никому.

Пока няня-перуанка присматривает за малышом, писатель и Моника усаживаются за столик в углу перед папкой с распечатками. На повестке дня только хорошие новости: за три недели в Венгрии продано сто шесть тысяч экземпляров «Заира». В Италии за тот же срок — четыреста двадцать тысяч. В списках итальянских бестселлеров этой книге удалось оставить позади даже мемуары недавно скончавшегося папы римского Иоанна Павла II. Но писатель не очень доволен:

— Это ведь абсолютные цифры, Моника. А я хочу знать, каков успех «Заира» по сравнению с моей предыдущей книгой за такой же срок.

Моника отвечает не сразу. Она достает другую таблицу и читает ее с торжествующей улыбкой.

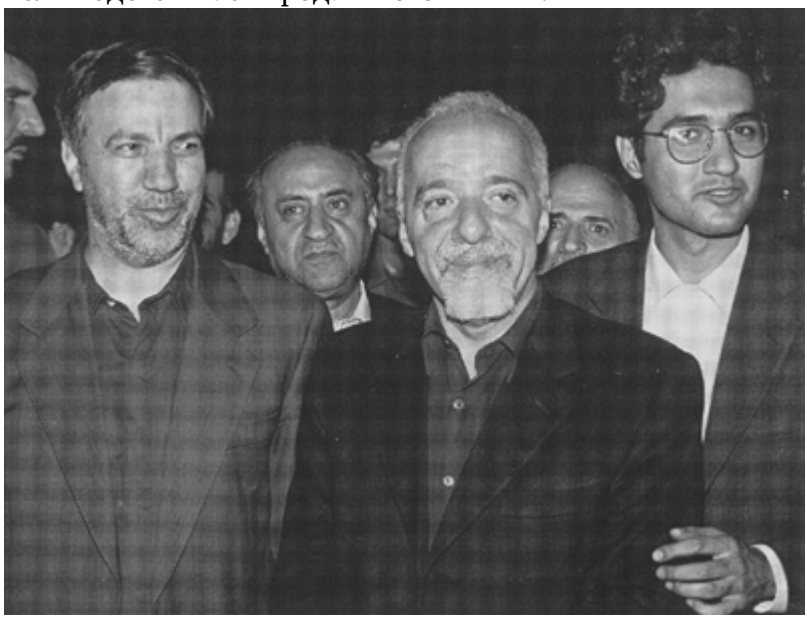
— За тот же срок было продано триста двадцать восемь тысяч экземпляров «Одиннадцати минут». Следовательно, «Заир» опередил эту книгу на тридцать процентов. Теперь довольны?

— Вполне. А как дела в Германии?

— В рейтинге «Шпигеля» «Заир» на втором месте после «Кода да Винчи».

Получив информацию о продажах в Венгрии, Италии и Германии, писатель интересуется, как идет продажа его книг в России, сумел ли его иранский издатель Араш Хежази решить проблемы с цензурой и как обстоят дела с пиратскими изданиями его произведений в Египте. Судя по отчету Моники, ему удалось побить свои же рекорды во всех странах, где появилась его последняя книга. Во Франции уже через неделю после выхода «Заир» возглавил список самых читаемых книг, опубликованный престижным еженедельником «Экспресс»; в России продано более пятисот тридцати тысяч экземпляров; в Португалии — сто тридцать тысяч (там продали восемьдесят тысяч «Одиннадцати минут» за полгода). А пока Пауло совершает поездку по Венгрии, пятьсот тысяч экземпляров испанского перевода «Заира» распространяются по всей Латинской Америке — по восемнадцати странам от южной границы Соединенных Штатов до Патагонии, а также среди испаноязычного населения Северной Америки. Но самой удивительной оказывается последняя новость: на окраине Буэнос-Айреса группа вооруженных людей напала на грузовик, который вез в книжные магазины аргентинской столицы ценный груз — две тысячи экземпляров «Заира», прямо из типографии. А через несколько дней один испанский

литературный критик из ежедневной газеты «Наварра» высказал предположение, что ограбление было рекламным ходом: так-де писатель подстегивает продажи своих книг.



Пауло со своим иранским издателем Арашем Хежази (в очках): чтобы избежать «официального пиратства», первое издание «Заира» должно было выйти в Тегеране даже раньше, чем в Бразилии

Это повторяется каждые два года. Всякий раз, выпустив новую книгу, Пауло Коэльо, один из самых читаемых авторов в мире, какое-то время живет в тревоге и страхе, словно новичок. Так было всегда. Написав первую книгу, «Дневник мага», вместе с женой Кристиной Ойтисика он сам раздавал рекламные листовки у входа в театры и кинозалы в Рио-де-Жанейро, а потом обходил книжные магазины южной части города, чтобы узнать, сколько экземпляров продано. Прошло двадцать лет, изменились методы и техника продаж, но писатель остается тем же: по мобильному телефону или через интернет с ноутбука — в какой бы точке планеты ни находился — он контролирует распространение новой книги, реакцию средств массовой информации, место в списках бестселлеров от Огненной Земли до Гренландии, от Аляски до Австралии.

Заполнить анкету для приезжающих он не успевает. В том же гостиничном вестибюле он дружески беседует с Лией — симпатичной пятидесятилетней супругой швейцарского министра внутренних дел, страстной его почитательницей. С ней Коэльо познакомился на Международном экономическом форуме в

Давосе. Узнав из газет, что бразильский писатель должен почтить своим присутствием столицу Венгрии, Лия села на поезд в Женеве и проехала полторы тысячи километров по Швейцарии, Австрии и половине Венгрии, чтобы несколько часов провести в Будапеште со своим кумиром.

Только в восемь вечера Пауло наконец входит в номер-люкс отеля «Геллерт». И без того роскошный номер представляется покоями дворца, когда в него попадают воистину францисканские пожитки: четыре черные майки, четыре пары шелковых трусов «самба», пять пар носков, черные «ливайсы», полотняные шорты и сигареты «Гэлэкси» (их запас пополняется заботами офиса в Рио или бразильских друзей). В торжественных случаях извлекаются пиджак, в котором он прибыл из Франции, рубашка с воротничком, галстук и «парадные туфли» — пара ковбойских сапог, черных, как и все остальное. Вопреки возможным предположениям, выбор цвета не имеет отношения к суевериям, мистике или соображениям духовного порядка. Писатель, проводящий две трети времени вне дома, уверен, что черная ткань лучше переносит гостиничную машинную стирку, хотя обычно в поездках сам стирает себе белье. В углу чемодана, в маленьком несессере у него — зубная паста и щетка, ручной бритвенный станок, зубная нить, дезодорант, одеколон, спрей для бритья и тюбик «Псоракса» — крема, которым он пользуется, когда из-за псориаза, хронического заболевания кожи, у него начинается зуд и шелушатся локти и коленки. В другом углу, под бельем, прячется маленькое изображение это Нья Шика, блаженная из южного штата Минас-Жерайс, и пузырек со святой водой из священного для католиков Лурда на юге Франции.

Через полчаса Пауло Коэльо выбрит и благоухает лавандой, у него свежий вид отлично выспавшегося человека. Пиджак наброшен на плечи и не скрывает татуировку на левом предплечье — маленькую голубую бабочку с развернутыми крыльями. Последним мероприятием сегодняшней программы у него должен стать ужин в доме одного художника — в шале, примостившемся на склоне холма в Буде на правом, высоком берегу Дуная, откуда открывается потрясающий вид на тысячелетнюю венгерскую столицу в легкой дымке дождя. Там его ждут при свечах полсотни гостей. Художники, писатели, дипломаты, люди в большинстве своем молодые, всем около тридцати. Среди них много женщин — так бывает везде, где ждут Коэльо. На диванах или прямо на полу сидят гости и беседуют — насколько это возможно под рвущийся из колонок тяжелый рок.

Писатель окружен людьми, он говорит не переставая. Зрители этого небольшого представления вскоре замечают две

его странные привычки: довольно часто он быстро проводит правой рукой перед глазами, словно отгоняя невидимую муху. Через несколько минут жест повторяется, но теперь кажется, что муха жужжит у его правого уха. За ужином он на беглом английском благодарит за прием и восхищается венгерской кухней, способной превратить обычное мясное блюдо в несравненное лакомство — гуляш. В два часа ночи, после кофе и нескольких бокалов токайского — местного аналога портвейна — гости начинают расходиться.

Наутро, без пятнадцати десять первые приглашенные на пресс-конференцию журналисты уже сидят в тридцати мягких креслах маленького зала в отеле «Геллерт». Тем, кто пунктуально придет ровно в десять, придется стоять. Сам объект репортерского интереса поднялся в половине девятого. Если бы не дождь, писатель, как обычно, совершил бы часовую прогулку по ближайшим улицам. Ему не нравится заказывать еду в номер («В спальне едят только лежачие больные», — говорит он), и Коэльо позавтракал в кафе гостиницы, принял душ и теперь читает газеты и что-то ищет в интернете. Обычно он просматривает одну газету, выходящую в Рио, и одну — в Сан-Пауло, а также основанную в Париже газету на английском языке — «Интернешнл геральд трибюн». Прочую информацию он получит позже из специально подобранных газетных выдержек и обзоров, где упоминаются он сам и его книги.

Ровно в десять он входит в освещенный прожекторами зал, набитый журналистами, и садится за столик, где стоят бутылка минеральной воды, стакан, пепельница и букет красных роз. Дьердь берет микрофон, сообщает о цели визита писателя и о том, что в первом ряду сидит его литературный агент Моника Антунес. Она поднимается, смущенная, и благодарит за аплодисменты.

Пауло говорит по-английски сорок минут — включая то время, что Дьердь тратит на перевод каждой фразы на венгерский. Писатель вспоминает свой визит в Будапешт в 1982 году и немного рассказывает о себе и своей писательской карьере. Например, о том, что после успеха «Дневника мага» число паломников, идущих в Испании по «Пути Святого Иакова», увеличилось с четырехсот человек в год до четырехсот человек в день; в благодарность правительство Галисии назвало улицу города Сантьяго-де-Компостела[2], завершающую этот путь, именем Пауло Коэльо. Когда настает черед вопросам, журналисты проявляют не только хорошее знание его творчества, но и, махнув рукой на пресловутую объективность, откровенно им восхищаются. Некоторые прямо называют какие-то его романы

любимыми. Писателю не задают нескромных вопросов, не говорят ничего неприятного. Здесь царит дружеская атмосфера будапештского клуба читателей Пауло Коэльо. Когда Дьердь объявляет встречу закрытой, его провожают аплодисментами. Перед его столиком образуется очередь охотников за автографами — почти все журналисты прихватили с собой его книги.

Писатель не очень любит тратить время на обед — он быстро перекусывает тут же, в ресторане гостиницы. Съедает тост с печеночным паштетом, выпивает стакан апельсинового сока и чашечку эспрессо. До следующего мероприятия остается полчаса, и он просматривает международные полосы парижской газеты «Монд» и мадридской «Пайс». Благодаря интернету, телевидению или прессе Пауло всегда в курсе мировых событий. Он жадно следит за международной политикой, хорошо осведомлен о войнах и кризисах в любой части света. Обычно он говорит со знанием дела (но при этом без тени педантизма или снобизма) о таких различных вещах, как обострение кризиса в Ливане или национализация нефти и газа в Боливии. В свое время он публично требовал обмена заложников, которых удерживали колумбийские партизаны-марксисты, на политзаключенных в Боготе. В 2003 году разразилась громкая полемика вокруг его письма протеста, которое прочло более четырехсот миллионов человек оно имело название «Спасибо, президент Буш» и содержало резкую критику главы Соединенных Штатов за вторжение в Ирак.

Просмотрев газеты, писатель вновь включается в работу. Теперь настал черед белокурой Маржи Анико, ведущей программы «Фокус-2» на телевизионном канале «РТЛ-Клуб» — самой популярной воскресной вечерней передачи. Ведущая «Фокус-2» славится не только талантом и красотой, но и тем, что в завершение передачи имеет обыкновение баловать гостя блюдом венгерской кухни, приготовленным ее собственными руками. При записи в маленькой телестудии, оборудованной по этому случаю в комнате отеля, не происходит ничего неожиданного. Маржи даже ни разу не приняла свою любимую позу, при которой она эротично забрасывает ногу на ногу, однако слегка зарделась, когда Пауло Коэльо, придя в прекрасное настроение, принялся рассуждать о сексе. В конце передачи писатель получил пару поцелуев, блюдо с традиционным венгерским тортом с маковыми лепестками — Маржи уверяет, будто готовила его сама, — и бутылку «палинки» — крепчайшей венгерской водки. За считанные минуты декорации студии сменяются другими, поярче и повеселее: теперь у писателя будет

брать интервью Андраш Шимон с венгерского «МТБ». Через час запись заканчивается, и бразилец получает вместо подарка стопку из семи своих книг, на которых он должен оставить автограф.

Через несколько минут — Коэльо успевает лишь выпить эспрессо и выкурить сигарету — начинаются и длятся до самого вечера интервью с наиболее значительными венгерскими СМИ. Когда последний журналист покидает отель, в городе уже темно. У Пауло под глазами темные круги, но он уверяет, что совсем не устал:

— Напротив. Когда говоришь о таких различных вещах за такое короткое время, повышается уровень адреналина. Меня будто электризует…

Благодаря то ли профессионализму, то ли честолюбию, то ли еще какому-нибудь горючему, писатель, которому уже за шестьдесят, сохраняет завидную форму. Приняв душ и выпив эспрессо, в половине десятого он вновь появляется в холле отеля, где его дожидаются Моника, швейцарка Лия, которая, кажется, тоже решила присоединиться к группе, безмолвный охранник Сабадош и Дьердь.

Малыш под присмотром няни Хуаны уже видит третий сон в материнском номере. Завершением сегодняшней программы должен стать ужин с писателями, издателями и журналистами в доме Тамаша Колоши, хозяина издательства «Атенеум» и одного из организаторов приезда Пауло Коэльо в Венгрию. Когда Дьердь спрашивает, не устал ли писатель, тот хохочет:

— Конечно, нет! Сегодня был аперитив, настоящая работа начнется завтра!

После ужина у издателя Моника сообщает программу на следующий день, составленную совместно с Дьердем.

— Открытие ярмарки назначено на два часа дня. Утром будут еще интервью в гостинице, поэтому на обед времени не останется. Я зарезервировала места в одном ресторанчике по дороге, ограничимся бутербродами и салатом.

Но Пауло думает о другом:

— Меня беспокоит израильское издательство. Им не нравится название «Заир», они хотят его поменять. Пожалуйста, позвони им завтра же и скажи, что я не согласен. Или они сохраняют заглавие, или я запрещаю печатать книгу. Хватит с меня и того, что они переименовали пастуха Сантьяго из «Дневника мага» в Якоби.

Он всегда был упрям — еще до того, как стал звездой. Моника вспоминает, что когда в Соединенных Штатах издавали «Алхимика», издатель вознамерился озаглавить книгу «The Shepherd and His Dreams»[3], но автор топнул ногой и настоял на

своем. Пауло слушает и улыбается:

— Я тогда был никто, а они — «Харпер Коллинз». Но я не уступил, сказал «не пройдет», и они меня зауважали.

На следующее утро слабое солнышко воодушевляет писателя на часовую прогулку по дунайскому берегу. Душ, быстрый поиск в интернете, кофе, два интервью — и он готов ко второй половине рабочего дня, к открытию ярмарки. По пути они останавливаются в зарезервированном Моникой ресторанчике, откуда всех посетителей, судя по всему, выгнал оглушительный рев древнего музыкального автомата. Пауло подходит к машине, уменьшает громкость, кидает в него 200 форинтов мелочью и выбирает романтический хит Элвиса Пресли «Люби меня нежно». Возвращается к своему столику, напевая:

— Love me tender, love me true… Обожаю «Битлз», а Элвис — вечный, он останется навсегда…

Дьердь интересуется причиной его хорошего настроения, и Пауло отвечает, широко раскинув руки:

— Сегодня день святого Георгия, покровителя книг. Все будет прекрасно!

Международная книжная ярмарка, проходящая ежегодно в деловом центре, расположенном в парке, где еще не сошел снег, славится тем, что на нее съезжаются сотни тысяч участников. У служебного входа Пауло встречают трое огромных охранников, которые проводят его в VIP-салон, и писатель возмущается, узнав, что у стенда издательства «Атенеум» в очереди за автографами стоит почти пятьсот человек:

— Мы так не договаривались! По программе должны были раздать только сто пятьдесят билетов.

Директор издательства объясняет, что не было никакой возможности отбиться от читателей и фанатов:

— Простите, но когда все билеты были распроданы, люди просто заявили, что никуда не уйдут. Их собралось еще больше, но остальные уже в зале, где вы будете выступать. Проблема в том, что помещение рассчитано на триста пятьдесят человек, а туда набилось восемьсот. Пришлось установить снаружи экраны для тех, кому не удалось войти.

Моника незаметно покидает салон, идет к стенду «Атенеума» и через пять минут возвращается, озабоченно качая головой:

— Это катастрофа. Не давай автографов, будет свалка.

Охранники говорят, что никакой опасности нет, однако на всякий случай советуют няне с малышом остаться в салоне. Весть о том, что ярмарка бурлит от наплыва читателей и фанатов, радует Пауло. Он встает, улыбается и, похлопав Монику по руке, заявляет:

— Слишком много людей? Тем лучше! Идем к читателям. А сейчас, с вашего позволения, я минут на пять отлучусь.

Он делает вид, что направляется в туалет, а на самом деле замирает перед стеной и, устремив взгляд в бесконечность, безмолвно творит молитву, а затем просит у Бога помощи в сегодняшних делах:

— Уповаю на Тебя.

И Бог, кажется, слышит его. В сопровождении трех охранников и Сабадоша, который неукоснительно следует приказу не отступать от писателя ни на шаг, Пауло Коэльо входит в зал имени Бэлы Бартока, освещенный юпитерами телевизионщиков и вспышками фотоаппаратов. Все места и даже приставные стулья заняты, забиты все проходы и балконы. Мужчин и женщин поровну, и в основном это молодежь. Охранники проводят писателя на сцену. Он благодарит за аплодисменты, скрестив на груди руки. Из-за телевизионных юпитеров и огромного числа людей здесь невыносимо жарко. Пауло Коэльо, ни разу не присев, целый час говорит по-французски — так же бегло, как и по-английски: рассказывает о своей жизни, о борьбе за право стать писателем, об осуществлении мечты, о том, во что он верит… На сей раз его речь переводит на венгерский девушка. После выступления заранее отобранные читатели задают ему вопросы, потом он снова встает и благодарит за теплый прием. В зале начинают кричать, чтобы он не уходил, люди размахивают его книгами и вопят:

— Ne! Ne! Ne!

В этом шуме переводчица ухитряется объяснить ему, что «ne» по-венгерски — «нет»: присутствующие требуют, чтобы он не уходил, не раздав автографы. Но охранники тоже говорят «ne» — в таком столпотворении организовать раздачу автографов невозможно. Люди продолжают скандировать: «Ne! ne! ne!» — и Пауло, сделав вид, что не понял охранников, достает из кармана ручку и говорит с улыбкой:

— Если сумеете организоваться, я кое-что подпишу.

Но, заметив его жест, несколько десятков человек, толкаясь, взбираются на сцену и окружают писателя. Перед угрозой давки охранники решают действовать на свой страх и риск, они подхватывают писателя и уносят за занавес, а оттуда — в надежное место. Он пытается вырваться, хохочет:

— Вы бы могли оставить меня здесь! Я не боюсь моих читателей, я боюсь только насилия. В 1998 году в Хорватии, в Загребе, какой-то тип пытался прорваться без очереди, угрожая, что будет стрелять, и у него на поясе был пистолет. Вот это

действительно было опасно. Но мне мои читатели никогда не причинят зла.

Под эскортом охраны — двое впереди, двое сзади — на виду у любопытных Пауло Коэльо проводят по коридорам делового центра к стенду «Атенеума», где его ожидают груды экземпляров «Заира». Очередь из пятисот человек превратилась в огромную толпу, которую никак не удается организовать. Сто пятьдесят обладателей билетов потрясают своими пронумерованными кусочками картона, а у подавляющего большинства собравшихся основанием для получения автографа служат лишь принесенные с собой книги. Писатель не впервые попадает в подобную переделку и берет командование на себя. Он решает поговорить с присутствующими по-французски через переводчицу. Сколько же их? Полторы тысячи? Или две? Непонятно. Кто-то пришел за автографом, кто-то — поглядеть на кумира, кого-то просто привлек шум. Пауло Коэльо поднимает руки и обращается к толпе, его почти не слышно, но он кричит:

— Спасибо, что пришли! Я знаю, вы ждете здесь с полудня, и я попросил издательство дать всем минеральной воды! Мы сделаем так — вы становитесь в две очереди — одна для тех, кто с билетами, другая для остальных. Я постараюсь подписать всем. Большое спасибо!

Пока официанты пробираются сквозь толпу с подносами охлажденной минеральной воды, писатель пытается установить порядок: подписывает тридцать книг обладателям билетов, потом еще тридцать — безбилетникам. Каждые пятьдесят минут или час он делает короткий перерыв, чтобы выйти в туалет или покурить в тесном закутке на открытом воздухе: в деловом центре курить разрешается только там. Уголок этот он окрестил «bad boy's corner»[4]. Выйдя на перекур в третий раз, Коэльо находит в закутке некурящего молодого человека с книгой в руках: парень желает получить автограф без очереди. Это бразилец из Рио-де-Жанейро Джек Жил, он приехал в Венгрию играть на столетнем юбилее «Уйпешта» — старейшего футбольного клуба страны. Пауло быстро подписывает ему книгу, за пять затяжек выкуривает сигарету и скорым шагом возвращается к стенду, перед которым его терпеливо ожидает толпа.

Когда последние читатели подходят к столу, небо в окне под потолком уже темнеет. Официальная часть программы закончена, можно расслабиться. Первоначальная группа, в которую влились полдюжины юношей и девушек, не пожелавших уйти, договаривается о встрече после ужина у входа в отель. В десять вечера все собираются в караоке-баре «Мамонта» в модном торговом центре. Молодые венгры приходят в отчаяние, узнав,

что здесь вышла из строя звуковая аппаратура.

— Какая досада! — жалуется один администратору. — Нам как раз удалось уговорить Пауло Коэльо спеть…

Имя писателя вновь открывает все двери: администратор шепчет что-то на ухо бритому почти наголо блондину, тот вытаскивает из-под стола шлем и быстро выходит. Администратор с улыбкой поворачивается к группе:

— Неисправность не помешает нам послушать Пауло Коэльо. Мой помощник привезет все необходимое из соседнего дома на мотоцикле. Рассаживайтесь, пожалуйста.

Но мотоциклист задерживается, и выступление ограничивается тем, что музыканты называют «экспромтом». Вместе с Эндрюсом, американским студентом, приехавшим в Венгрию на каникулы, Пауло поет «My Way» — эту песню обессмертил Фрэнк Синатра, — а затем соло исполняет «Love Me Tender», но выйти «на бис» отказывается. В полночь все возвращаются в отель, а наутро группа распадается. Моника с сыном и Хуаной возвращается в Барселону, Лия уезжает в Швейцарию, а писатель после часовой прогулки по центру Будапешта усаживается на заднее сиденье антикварного «Мерседеса», который ведет Сабадош. Рядом стоит картонная коробка с его книгами, он берет их по одной, открывает на первой странице и подписывает, а затем передает Дьердю на переднее сиденье. Последние две книги он подписывает специально для шофера и гида. Через час Пауло Коэльо вновь творит свою безмолвную молитву в салоне самолета «Эр Франс» — теперь он летит в Париж. Когда самолет отрывается от земли, к нему подходит молодая хорошенькая африканка. Ее волосы заплетены в мелкие косички, а в руках у нее «Дневник мага» на португальском. Это Патрисия, секретарша знаменитой певицы из Кабо-Верде Сезарии Эворы. С выговором, характерным для жителей бывших португальских колоний в Африке, она просит автограф:

— Не для меня, для Сезарии, она сидит вон там, сзади, но она очень застенчива.

Через два с небольшим часа, уже в Париже писателю неожиданно приходится провести краткую автограф- и фотосессию: его узнала толпа встречавших певицу поклонников. Они поднимают такой шум, что привлекают внимание любопытной публики. Теперь все хотят сфотографироваться с Пауло Коэльо. У него усталый вид, но он с улыбкой выполняет все просьбы. У входа его ожидает шофер Жорж в серебристом «Мерседесе», предоставленном Пауло его французским издателем. Ему забронирован номер-люкс за тысячу триста евро в

сутки, но писатель отправляется домой, в свою просторную квартиру с четырьмя спальнями общей площадью двести десять квадратных метров в элегантном Шестнадцатом округе. Там из окон открывается романтический вид на Сену. Однако доехать туда оказалось непросто — в этот день отмечалась очередная годовщина резни армян, учиненной в Оттоманской империи, и турецкое посольство, расположенное недалеко от дома писателя, было окружено шумными демонстрантами. По дороге мимо газетных киосков взгляд пассажира выхватывает страницу «Фемины» — еженедельного женского приложения к нескольким французским газетам. Здесь публикуется глава из «Заира». Видна также огромная фотография писателя, помещенная на первой полосе газеты «Журналь дю диманш», где анонсируется эксклюзивное интервью с Пауло Коэльо. Жоржу, который время от времени вынужден нарушать правила, выезжая на тротуар или встречную полосу, наконец удается добраться до подъезда. Дом — такой же, как сотни и тысячи зданий, возведенных в Париже в начале XX века: пример так называемого буржуазного стиля в архитектуре. Пауло Коэльо бывает здесь так редко, что не сумел запомнить код, состоящий из двух букв и четырех цифр, хотя приобрел эту квартиру более четырех лет назад. Его жена Кристина ждет наверху, но у нее нет мобильного телефона, а номер городского он тоже забыл. У него две возможности: подождать соседа или крикнуть, чтобы жена сбросила ключ. Моросит дождь, и поскольку «буржуазная» архитектура не предусматривает козырька над входом, ожидание становится неприятным. К тому же на каждом из семи этажей здания только по одной квартире, и доброго самаритянина можно прождать много часов. Значит, надо кричать — в надежде, что Кристина уже проснулась. Встав посреди улицы и поднеся ко рту сложенные рупором ладони, Коэльо орет:

— Крис!

Никакого ответа. Он делает еще одну попытку:

— Кристина!

Он озирается. Боязливо смотрит на окна, опасаясь, что его узнают, и снова кричит во всю силу легких:

— Крис-тиии-наааа!

Словно мать, услышавшая зов озорного сынишки, на балконе четвертого этажа появляется женщина в джинсах и шерстяном джемпере и с улыбкой бросает на улицу связку ключей, чтобы муж (теперь уже видно, как он устал) смог попасть в квартиру. Супруги проведут в ней всего одну ночь. На следующий день издательством «Фламмарион» им приготовлен люкс № 722 отеля «Бристоль». Выбор «Бристоля» — этого храма роскоши на улице

Сент-Оноре — не случаен: именно здесь, в холле, обставленном креслами в стиле Людовика XV, разыгрались некоторые сцены «Заира». Главный герой встречается тут со своей женой, журналисткой Эстер, чтобы выпить в кафе отеля горячий шоколад с апельсиновыми цукатами. В благодарность за невольную рекламу руководство отеля решило назвать этот напиток «Горячий шоколад Пауло Коэльо» — такое название украшает золотистую обертку плиток шоколада, которые продают гостям по десять евро. Сегодня вечером отель должен стать местом встречи журналистов, важных персон и иностранных гостей, приглашенных на ужин, где издательство «Фламмарион» огласит главную новость — сенсацию, призванную взорвать европейский издательский рынок: заключение контракта с писателем Пауло Коэльо. С 1994 года писатель хранил верность маленькому издательству «Анн Каррьер», чьим доходам могли позавидовать самые известные издательские дома: за десять с небольшим лет оно продало восемь миллионов книг Пауло Коэльо. Долгое время писатель отказывался от предложений, которые становились все заманчивее, но в конце концов не устоял перед 1,2 миллионом евро. Впрочем, стороны предпочитают не афишировать эту цифру.

«Горячий шоколад Пауло Коэльо», фирменное блюдо отеля «Бристоль» в Париже

Пауло и Кристина появляются в вестибюле «Бристоля». Кристина — красивая женщина пятидесяти пяти лет, ростом немного ниже мужа. Они поженились в 1980-м. Кристина выглядит скромно и элегантно, у нее светлая кожа, карие глаза и изящный нос, а на левом предплечье вытатуирована маленькая голубая бабочка — такая же, как у мужа. Ее отливающие глянцем

волосы чуть-чуть закрывают уши. На ней длинное черное платье, на плечи наброшена ярко-красная накидка. Привлекают внимание два необычных перстня на руках («Благословение старейшины рода», — объясняет она), которые муж привез в ей подарок из Казахстана. Сам писатель как всегда с головы до ног в черном: пиджак, брюки, ковбойские сапоги. Единственное отличие сегодняшнего вечера — парадная рубашка и галстук. Но разумеется, тоже черные.

Первым его встречает старый друг, он тоже остановился в «Бристоле» и тоже приехал издалека. Это русский журналист Дмитрий Воскобойников, человек высокого роста и веселого нрава. На ногах у него еще остались шрамы — память о травмах, полученных во время цунами 2004 года в Индонезии, где он с женой Евгенией встречал Новый год. Бывший лондонский корреспондент ТАСС — официального информационного агентства бывшего Советского Союза — и сын одного из шефов грозного КГБ, советской службы безопасности, Дмитрий ныне руководит в Москве «Интерфаксом» — огромным информационным агентством, освещающим события, происходящие по всему миру, от Португалии до Дальнего Востока.

Друзья усаживаются за бежевый мраморный столик в вестибюле, и казашка Евгения, полная блондинка, преподносит писателю особый подарок: роскошное издание «Заира» на языке ее страны. На столике тут же появляются четыре фужера с шампанским и хрустальные вазочки с очищенными фисташками. Беседа переходит на гастрономические темы. Евгения рассказывает, что в Марракеше она ела «кускус а-ля Пауло Коэльо». Дмитрий вспоминает, что в швейцарском Гштааде они были в ресторане «Пауло Коэльо». Разговор прерывает еще один знаменитый журналист — бразилец Како Барселос, руководитель европейского отдела телевизионной сети «Глобо». Он только что прибыл из своего центрального офиса в Лондоне освещать ужин, организованный издательством «Фламмарион». Приехал один, без оператора — снимать будет сам. Журналист раскладывает и устанавливает девятикилограммовый штатив, привинчивает камеру с встроенным юпитером, включает его, жмет на кнопку «пуск», поворачивается, берет микрофон и начинает интервью. Создается фантастическое впечатление, будто съемку ведет камера-фантом, работающая без оператора.

В семь вечера на «Мерседесе» приезжает Жорж, чтобы отвезти их на ужин. Место, выбранное издательством для банкета на двести пятьдесят персон, соответствует грандиозности праздника: это ресторан «Шале дез Иль». Само здание было разобрано в

Швейцарии и в точности восстановлено на островке в западной части Парижа, в Булонском лесу, по приказу Наполеона III, пожелавшего таким образом доказать свою любовь к жене, испанской графине Евгении де Монтихо. Охранники проверяют приглашенных на судне, которое должно доставить их на остров Иль-Сюперьер, где находится ресторан. У пристани гостей встречают администраторы и проводят к главному входу, а там всех приветствуют, сменяя друг друга, руководители издательства «Фламмарион». Издателей, литературных критиков, артистов, дипломатов и видных деятелей европейской культуры тотчас окружают папарацци и репортеры светских изданий, их фотографируют, у них берут интервью.

Среди присутствующих минимум два посла: бразилец Сержинью Амарал и Куаныш Султанов, представитель Казахстана, страны, в которой частично разворачивается действие «Заира». Среди тех, кто «блистает своим отсутствием», самая заметная фигура — Фредерик Бегбедер, писатель и литературный критик, в прошлом журналист-рекламщик. С 2003 года он занимает пост редактора в издательстве «Фламмарион». В том, что его нет на банкете, не было бы ничего особенного, если бы не одно обстоятельство: несколькими годами раньше, когда Бегбедер был критиком в скандальном французском еженедельнике «Вуаси», он высмеял Пауло Коэльо после выхода во Франции его «Книги воина света». Когда все занимают места, писатель идет от столика к столику, приветствуя гостей. К присутствующим с краткой речью обращается Фредерик Морель, генеральный директор «Фламмариона»: он заявляет, что издательство, давшее путевку в жизнь нескольким великим писателям, гордится тем, что заключило контракт с Пауло Коэльо. Тот, в свою очередь, в кратком ответном слове благодарит за прием, который почтило своим присутствием столько людей. После десерта с шампанским и танцев под живую музыку встреча заканчивается — во Франции принято завершать мероприятия к определенному часу, в одиннадцать вечера ресторан пустеет.

Посол Бразилии Сержио Амарал, Пауло Коэльо, Кристина Ойтисика и супруга посла Розария Амарал на банкете, устроенном в честь писателя издательством «Фламмарион», Булонский лес, Париж

На следующее утро часовой полет переносит писателя и его жену в аэропорт города По на юго-западе Франции. Там они садятся в машину, которую Пауло оставил на стоянке несколько дней назад: это взятый в аренду скромный «Рено Сценик», такой же, как у Кристины. Пауло Коэльо равнодушен к материальным благам и в какой-то мере аскетичен, поэтому первая роскошная машина появилась у него только в 2006 году, и то в результате натурального обмена, хотя писатель очень богат. Немецкий автозавод «Ауди» заказал ему текст объемом шесть тысяч знаков (что соответствует примерно двум машинописным страницам), который должен был сопровождать ежегодный отчет, рассылаемый акционерам. У писателя спросили, какую плату он хочет получить за свой труд, и Пауло в шутку ответил:

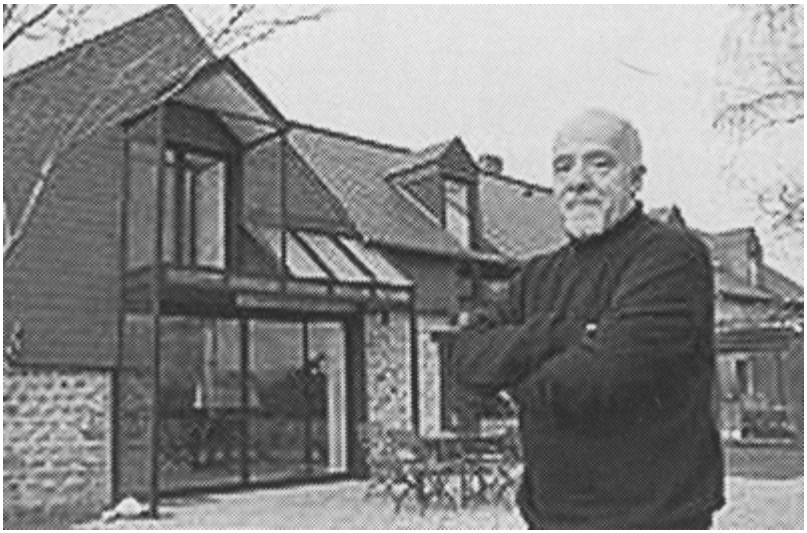
— Машину.

Он написал текст и послал его электронной почтой. Через несколько дней пришедший из Германии фургон выгрузил перед его домом сверкающую черную «Ауди Авант». Одна бразильская журналистка, узнав, что такая машина стоит около ста тысяч

евро, произвела несложный подсчет и выяснила, что писатель получил по шестнадцать евро за букву.

— Прекрасно! — воскликнул он, прочитав об этом. — Мне говорили, что Хемингуэю платили пять долларов за слово.

Через полчаса после выезда из По Пауло и Кристина прибывают в тихий Тарб — городок с пятьюдесятью тысячами жителей на окраине французской Страны Басков, в нескольких километрах от испанской границы. Проехав еще немного к югу по пустынной сельской дороге, они оказываются дома — в деревушке Сен-Мартен, окруженной пшеничными полями и пастбищами, по которым бродят коровы-голштинки. В деревушке всего несколько десятков домов, где проживает триста шестнадцать душ. Столь странное место жительства было выбрано ими в 2001 году, когда Пауло и Кристина совершали паломничество в Лурд, что в семнадцати километрах отсюда. Туда стекаются паломники со всех уголков мира, и в гостиницах не нашлось ни одного свободного места, поэтому супруги остановились в Тарбе, в скромном трехзвездочном отеле «Генрих IV». Спокойствие этих мест, близость священного Лурда и великолепный вид на Пиренейские горы заставили Пауло и Кристину принять радикальное решение: они остались здесь жить. А пока не спеша подыскивали подходящий дом, почти два года провели в отеле «Генрих IV» — старом уютном здании, лишенном, правда, того комфорта, к которому пара привыкла в современных больших отелях. Отсутствие новомодных изысков — здесь нельзя было даже подключиться к интернету — компенсировалось радушием хозяйки, мадам Женевьевы Фалипу, и ее сына Сержа, который по мере надобности преображался из управляющего в официанта, а из официанта — в портье. Так называемый «люкс», в котором поселились супруги, состоял из спальни и ванной, как и прочие номера, но зато здесь был небольшой удобный холл, который они превратили в гостиную.



Пауло Коэльо у своего дома в городке Сен-Мартен в предгорьях Пиренеев

Годы, проведенные бразильским писателем в этом крохотном городке, превратили его в местного жителя. У него не было ни секретарей, ни помощников — он, как и все остальные, сам ходил на почту, в супермаркет, аптеку, мясную лавку. На первых порах к нему еще относились как к знаменитости (к тому же у дверей отеля постоянно толклись журналисты), но никакая слава не может устоять перед повседневными встречами в булочной или парикмахерской, и через несколько месяцев Пауло стал настоящим тарбезцем. Никто не мог понять, почему Коэльо не поселился в излюбленном знаменитостями Париже, Нью-Йорке, на виллах французской Ривьеры или на итальянской Коста-Амальфигана, а предпочел обитать в глуши, фактически на краю света, ибо Тарб — конечный пункт линии скоростного поезда

«TGV». И даже после того как он переехал из гостиницы в собственный дом в Сен-Мартене, тарбезцы продолжают считать его своим — и Пауло не остается в долгу. Он доказал это в один из приездов в Париж, выступая в программе «Tout le monde en parle»[5], выходящей в прямой эфир на канале «Франс-2». Ее ведущий Тьерри Ардиссон славится своим умением ставить собеседника в неловкое положение. В тот раз в программе участвовали также певец Донован и стилист Пако Рабанн. Адриссон сразу взял быка за рога:

— Пауло Коэльо, меня давно мучает один вопрос. Вы богаты, знамениты, вас знает весь мир, но вы живете… Вы живете в Тарбе! В чем причина такой глупости?

Тьерри Ардиссон берет у Пауло интервью для французского телевидения: «Почему звезда такой величины, как вы, живет в захолустном городишке?»

Писатель не поддался на провокацию, он рассмеялся и ответил:

— Местные жители — и те удивляются. Но это была любовь с первого взгляда. Так можно поступить только из любви.

Ведущий не унимался:

— А теперь объясните нам серьезно, без смеха, почему вы выбрали Тарб?

— По любви.

— Я не верю. Признайтесь, вы поспорили, проиграли пари и теперь вынуждены жить в Тарбе?

— Нет! Нет!

— Они держат вашу жену в заложницах?

— Да нет же!

— Но ведь тот, кто живет в Тарбе, должен ездить за покупками в Лалубер или Ибо?

— Да, именно туда я и езжу.

— А в Тарбе знают, что вы — Пауло Коэльо?

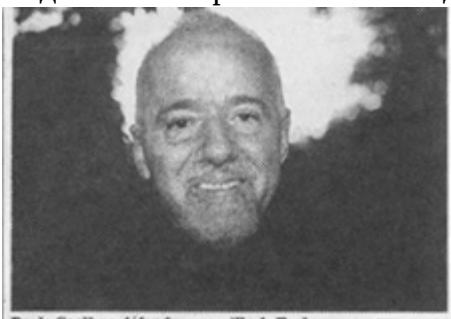
— Конечно, там все меня знают…

— Раз уж вам так дорого это место, не хотели бы вы сказать что-нибудь жителю… пардон, жителям Тарба?

— Разумеется: тарбезцы, я вас люблю. Я благодарен вам за то, что вы приняли меня в своем городе как сына.

Это заявление Пауло Коэльо музыкой отозвалось в душах новых земляков. Через несколько дней газета «Депеш» департамента Верхние Пиренеи, восхищаясь писателем, утверждала, что «Тарб пережил в субботу вечером миг своей национальной славы». Вопреки тому, о чем трубят СМИ, Коэльо живет отнюдь не в замке. Супруги обитают на бывшей мельнице «Мулен Жанпок», которую Пауло и Кристина превратили в уютный дом с жилой площадью чуть менее трехсот квадратных метров. Дом очень удобный, но отнюдь не роскошный. В нижнем этаже — гостиная со старинным очагом (рядом писатель поставил свой рабочий стол), маленькая кухня, столовая и ванная комната. Перестраивая мельницу, супруги соорудили также большую застекленную веранду — даже потолок там из стекла, и теперь хозяева могут ужинать при свете звезд. Весь второй этаж отведен под спальни — хозяйскую, гостевую и комнату Марии де Оливейра, первоклассной кухарки. Кристина привезла ее из штата Минас-Жерайс, но зарплату кухарка получает европейскую — две тысячи евро в месяц. Однако главное очарование жилища не внутри, а вне его. С любого места открывается изумительный вид на Пиренеи — горную цепь протяженностью в четыреста тридцать километров и высотой до трех тысяч метров. Эта естественная граница между Францией и Испанией соединяет Атлантику со Средиземноморьем. Пиренейские горы особенно прекрасны с ноября по март, когда весь этот каменный монолит покрывается снегом. Чтобы наслаждаться несравненным зрелищем без помех, писатель купил и снес дом своего соседа, разводившего овец и мулов. Он не помнит, сколько именно пришлось заплатить за собственный дом, а также за соседский, но местные маклеры оценивают недвижимость без учета стоимости участка приблизительно в девятьсот тысяч евро. Стоимость всей недвижимости писателя, включая его квартиры в Париже и на Копакабане в Рио, значительно возросла в 2007 году, когда его

высочество шейх Мухаммед бен-Рашид аль-Мактум, эмир Дубая и премьер-министр Объединенных Арабских Эмиратов, преподнес ему в дар роскошную виллу в одном из самых шикарных кондоминимумов Дубая. Такой же подарок получили от монарха немецкий гонщик «Формулы-1» Михаэль Шумахер, английский полузащитник Дэвид Бэкхам и бразильский нападающий Пеле.



Paolo Coelho a défendu « sa » ville de Tarbes. Photo DDM.

Télévision. Paolo Coelho était l'invité de Thierry Ardisson.

Tout le monde en parle de Tarbes

La ville de Tarbes a connu son « moment de gloire » dans l'émission de Thierry Ardisson « Tout le monde en parle », diffusée samedi soir sur France 2, avec l'interview de l'écrivain Paolo Coelho.

Thierry Ardisson, bien aidé par son compère, le truculent Laurent Baffie, a prouvé à sa façon qu'il connaissait la ville : « Tarbes avec sa place Verdun, sa place Marcadieu, son jardin Massey et son usine Giat qui va bientôt fermer ? » La classe.

Et puis, la machine à grandes vannes est lâchée, méritant quelques réponses : « Vous avez déjà vu une Tarbaise en string ? [...] C'est le mot « putaing cong » qui vous a séduit ? » Visiblement Thierry Ardisson n'avait pas, lors de son passage, tout à fait terminé sa visite de la capitale des Hautes-Pyrénées. Au sujet des dessous des Bigourdanes, il n'y a qu'à voir les articles proposés par les magasins de lingerie pour s'apercevoir que, tanga ou brésilien, les Tarbaises sont à la page. À moins qu'ils ne soient réservés aux touristes franciliennes de passage. Quant à l'expression prononcée « avé l'accent », elle figure assurément dans le répertoire toulousain, beaucoup moins dans celui de la Bigorre.

Enfin, Thierry Ardisson trouva bon d'ajouter : « Avec ces conneries vous allez finir par vivre à Roubaix ? » Et pourquoi pas à Vissan dans une ferme avec quatorze autres célébrités ? Merci en tout cas Paolo Coelho d'avoir défendu Tarbes avec une sobriété et une discrétion, aussi insolentes que les attaques de ces comiques du samedi soir.

Dimitri Germain et Julien Munoz.

Местная газета ликует: бразилец защитил Тарб, и это «миг славы для нашего города»

Поскольку у супругов нет прислуги, кроме Марии, и нет даже

шофера, Пауло Коэльо сам занимается повседневной домашней работой: колет дрова для очага, ухаживает за розами, подстригает газон и сгребает сухие листья. Он человек организованный, любит порядок, что, говорят, свойственно всем, кто родился под знаком Девы, поэтому он стремится подчинить домашнюю жизнь определенным правилам, которые в шутку называет «монастырским уставом». Если писатель не продвигает очередную книгу, для чего приходится ездить по всей планете и участвовать в дискуссиях или беседах, его распорядок изо дня в день почти не меняется. Пауло не ведет богемный образ жизни, но редко ложится спать до полуночи. Из алкогольных напитков употребляет почти исключительно вино, как правило — умеренно, поэтому обычно встает в восемь утра в прекрасном расположении духа. Его завтрак состоит из кофе и бутербродов с сыром, а затем — и в дождь, и в солнце — он совершает часовую прогулку по окрестным пшеничным полям или, если погода позволяет, по крутым каменистым холмам пиренейских предгорий. В таких прогулках его почти всегда сопровождает Кристина, но если она в отъезде или ей нездоровится, он гуляет один. А вот когда у него гостят друзья, они обязательно должны сопровождать хозяина — таково одно из правил «монастыря». Излюбленный маршрут писателя заканчивается у часовни Богоматери Милосердия в коммуне Барбазан-Деба, находящейся недалеко и от Сен-Мартена, и от Тарба. В часовне он преклоняет колени и, осенив себя крестным знамением, творит недолгую молитву, а затем опускает монетку в прорезь жестяного ящичка для пожертвований и зажигает свечу перед деревянным раскрашенным изображением Девы Марии с необычным Младенцем Христом на руках: он мал как ребенок, но у него борода и истерзанное тело.

Вернувшись домой, Пауло возится в саду, поливает цветы, подрезает кустарник, которым зарастает протекающий по его земле ручей. И только после этого поднимается в ванную, а затем, впервые за день, включает компьютер. Он читает онлайновые версии по меньшей мере двух бразильских газет — «Фолья де Сан-Пауло» и «Глобо», — просматривает электронную подборку газетных выдержек, чтобы узнать, что было опубликовано о нем и его книгах в мировых СМИ. Но прежде чем нажать на «enter» и открыть сайт со списками бестселлеров, он подносит ладони к экрану ноутбука, словно грея их у очага, а затем прикрывает глаза и одно мгновение медитирует, чтобы, как он говорит, «притянуть положительную энергию». Закончив, с силой бьет указательным пальцем по клавиатуре, читает информацию и улыбается: в наиболее значимых странах «Заир» занимает первое

место по продажам, за исключением Германии и… Бразилии, где его опережает Дэн Браун со своим «Кодом да Винчи». Электронная почта тоже не приносит неожиданностей: за утро пришла тысяча сообщений из ста одиннадцати стран — их список в алфавитном порядке открывает Андорра и завершает Тувалу в Полинезии. Среди прочих фигурируют Буркина-Фасо в Африке, Венесуэла, Ниуэ — остров в содружестве Новой Зеландии. Пауло говорит сидящей рядом Кристине:

— Послушай, Крис, когда мы вернулись, было одиннадцать часов одиннадцать минут, термометр показывал одиннадцать градусов. А сейчас я открыл почту и нашел сообщения из ста одиннадцати стран. Надо подумать, что бы это могло значить.

Писатель довольно часто высказывается подобным образом. Там, где большинство людей видит простое совпадение: например, как в данном случае, повторяющееся несколько раз число, — он усматривает некий знак, который необходимо расшифровать. Его тревога из-за некоторых имен, мест, дат, цветов, предметов и чисел, способных, по его мнению, привлечь беду, как и та невидимая муха, которую он постоянно отгоняет рукой, — все это наводит на мысль, что он страдает легкой формой невроза навязчивых состояний. Пауло никогда не произносит название страны Парагвай, имени бывшего президента Бразилии Фернандо Коллора (а также его министра экономики Зелии Кардозо де Мело), а имя одной из своих четырех жен Адалжизы Риос начал упоминать вслух только после её кончины в июле 2007 года. Если кто-нибудь произнесет запретное имя в его присутствии, Пауло обязательно трижды стукнет костяшками пальцев по дереву, чтобы удалить отрицательную энергию. Он сворачивает в сторону, увидев на дороге голубиное перо, — через него он никогда не переступит.

В апреле 2007 года, когда репортаж о нем опубликовал американский журнал «Нью-Йоркер», писатель простодушно признался журналистке Дэйне Гудьер, что никогда не станет ужинать за столом, где сидят тринадцать человек. Кристина с полным пониманием относится к эксцентричным странностям мужа — она разделяет его страхи, а нередко сама предупреждает его о каком-нибудь астральном риске, советуя поступить так или иначе, что-то сделать, а от чего-то отказаться.

По сложившейся традиции один вечер в неделю посвящается чтению бумажной корреспонденции. Раз в семь дней Пауло Коэльо получает пакеты из своего бразильского офиса или барселонского агентства «Сан-Джорди».

Пакеты кладут на стол на садовой лужайке и вскрывают перочинным ножом с костяной ручкой, а сами письма сортируют

и раскладывают в стопки по размеру. Время от времени тишина нарушается мычанием коровы или отдаленным тарахтеньем трактора.

Пакеты с распечатками или дискетами — произведениями начинающих авторов — отправляются прямиком в корзину: об этом объявлено на сайтах и в блогах Пауло Коэльо. В эпоху, когда смертоносным оружием стали письма-бомбы и письма с ядовитым порошком, писатель начал бояться, что какому-нибудь безумцу может прийти в голову идея подорвать или отравить его, но до сих пор он ни разу не получил по почте ничего подозрительного. Однако на всякий случай все пакеты — даже те, что уже проверены в офисах Рио или Барселоны, — подвергаются краткой направленной медитации: так им передаются положительные вибрации.

В прибывшей из Рио картонной коробке размером с упаковку для рубашек — ответы на письма читателей, которые он должен подписать. Самые длинные напечатаны на листах офисного формата с эмблемой Бразильской литературной академии — ее членом Пауло Коэльо стал в 2002 году. Короткие ответы — на карточках с его именной печатью. Еще в коробке лежит сто фотографий, их тоже надо подписать по просьбе читателей. Пауло выглядит на них как всегда: черные брюки, черная рубашка, черный пиджак.

Сделав несколько телефонных звонков, писатель позволяет себе часок расслабиться. В саду или роще неподалеку устанавливается переносной стенд, и Коэльо занимается кудо — японским боевым искусством стрельбы из лука, соединяющим физическую силу и силу мысли. К вечеру он садится за компьютер, чтобы сочинить еженедельную колонку в сто двадцать слов, которую публикуют в тридцати газетах на пяти континентах — от Ливана(«Аль Байан») до Южной Африки («Одиссей»), включая Венесуэлу («Насиональ»), Индию («Эйжен Эйдж»), Бразилию («Глобо») и Польшу («Зверчадло»).

В остальном жизнь Пауло и Кристины мало чем отличается от безмятежного существования трех сотен обитателей деревушки. Круг общения супругов чрезвычайно узок, он не включает ни интеллектуалов, ни знаменитостей, ни фигурантов светской хроники.

— У меня пятьсот телевизионных каналов, — сказал Пауло Коэльо несколько лет назад в интервью газете «Нью-Йорк таймс», — но я живу в поселке, где нет даже булочной.

Там действительно нет ни булочной, ни бара, ни супермаркета, ни автозаправочной станции. Как и в большинстве из тридцати пяти тысяч маленьких коммун Франции, в сонном

Сен-Мартене нет ни одного торгового предприятия. Чтобы сделать покупки или просто немного развеяться, проще всего поехать в Тарб, но туда надо прибыть до пяти вечера, пока жизнь в городишке еще не замерла. Чтобы приятно провести вечер, можно пойти в один из трех местных ресторанов.

Отдых в Сен-Мартене подходит к концу. Пора снова включаться в работу. Из «Сан-Джорди» по электронной почте пришел такой проект программы на ближайшие три недели, что если бы Пауло Коэльо захотел ее выполнить, ему пришлось бы совершить кругосветное путешествие. В отличие от большинства писателей, целью подобных поездок для него давно уже не является пропаганда собственного творчества. Среди его поклонников есть люди весьма известные — американский президент Билл Клинтон, голливудская суперзвезда Джулия Робертс, российский президент Владимир Путин. Благодаря дружеским отношениям с ними Пауло Коэльо давно уже вошел в мировую элиту. Присланный из Барселоны список включает приглашения на презентации «Заира» в Аргентине, Мексике, Колумбии, Пуэрто-Рико, Париже; вручение писателю премии «Золотое перо» в Гамбурге (Германия); автограф-сессии в Египте, Сирии и Ливане, а также поездку в Варшаву на празднование дня рождения Иоланты, супруги польского президента Александра Квасьневского. Затем писателю предстоит поездка в Лондон, где он вместе с теннисистом Борисом Беккером, певцом Кэтом Стивензом и бывшим генеральным секретарем ООН Бутросом Гали должен принять участие в благотворительном ужине в поддержку кампании против использования пехотных мин, а на следующий день ему следует вернуться в Париж на ужин в Версальском дворце с Лили Мариньо — вдовой Роберто Мариньо, хозяина бразильского медиа-концерна «Организасоэнс глобо». А еще через три дня планируются презентация «Заира» в Японии и Южной Корее. На обратном пути в Европу писатель должен посетить столицу Казахстана Астану и принять участие в праздновании шестидесятипятилетнего юбилея президента республики Нурсултана Назарбаева. Последнее из предполагаемых мероприятий сомнений у Пауло Коэльо не вызывает: писателя просят выступить на открытии учрежденного по его инициативе «Культурного фестиваля Вербье» — для участия в нем один швейцарский кантон собирает у себя молодых музыкантов, исполняющих классическую музыку.

С президентом Путиным

Пауло дважды, трижды отмахивается от невидимой мухи и недовольно бормочет что-то вроде:

— Человеку это не под силу.

Кристина, сидящая рядом за компьютером, улыбается и вызывающе заявляет:

— Ты же хотел быть чемпионом мира в «Формуле-1», правда? Садись теперь в «Феррари» — и вперед!

Ее реплика обезоруживает писателя. Он хохочет и соглашается — он не только хотел, он всю жизнь боролся, чтобы стать тем, кем стал, и нисколько об этом не жалеет.

— Хорошо, но выполнить такую программу целиком невозможно. Всё слишком близко друг к другу по времени — да еще на трех континентах!

На самом деле его пугают не сами мероприятия, а тот ад, в который превратились современные аэропорты после терактов в Нью-Йорке 11 сентября 2001 года: теперь бдительность, подозрительность, бюрократическое рвение приводят к невыносимым задержкам. Слава наделяет привилегиями, но стоять в очередях в аэропорту и подвергаться бесконечным проверкам, предполетным и послеполетным досмотрам ему приходится так же, как любому из миллионов его читателей.

Основная беда программы, предложенной агентством «Сан-Джорди», состоит в том, что летать придется обычными рейсами. Пауло распечатывает список, берет ручку и вычеркивает сначала те мероприятия, что связаны с межконтинентальными перелетами: Латинской Америке, Японии и Корее придется подождать, отказывается он и от мероприятий в Казахстане. Из

списка уходят Сирия и Ливан, но Каир остается. Варшава заменяется Прагой — в этом городе писатель намеревается исполнить обет, данный более двадцати лет назад. В конце концов он решает, что из Чешской республики, где начнется путешествие, он отправится в Гамбург, получит премию, а оттуда полетит в Каир. Но тут опять возникает проблема, нестыковка авиарейсов, которые позволили бы провести мероприятия в Германии и Египте, как запланировано. Немцы отказываются менять программу — ее уже отпечатали и разослали, — но предлагают такой выход: сразу после церемонии награждения Пауло и его спутники полетят из Гамбурга в Каир на личном самолете Клауса Бауэра, президента медийного конгломерата «Бауэр ферлагсгруппе», учредителя премии «Золотое перо». Через несколько часов, когда программа уже согласована со всеми сторонами, писатель звонит Монике и коварно спрашивает ее:

— Раз уж мы будем в Праге, не устроить ли нам «блицкриг»?

Так они называют импровизированную автограф-сессию, которая проводится без предварительного объявления и рекламы. Пауло просто входит в книжный магазин, выбранный наугад, здоровается с заведующим: «Разрешите представиться, Пауло Коэльо», — и предлагает автографы всем желающим. Поговаривают, что на самом деле «блицкриг» — рекламная акция, которую писатель обожает проводить перед журналистами, как это произошло в Италии с Дэйной Гудьер, готовившей материал о нем для «Нью-Йоркера». В Милане «блицкриг» устроили специально для нее. В Праге Коэльо задумал организовать нечто среднее: предупредить издателя, но только накануне, чтобы у него не осталось времени для подготовки интервью, дискуссии или беседы, но он все-таки смог бы обеспечить книгами желающих, если их окажется много.

И вот Коэльо едет в Чехию — но отнюдь не для продвижения книг. В 1982 году, в самом начале своего возвращения к католицизму после многих лет отказа от веры и увлечения демоническими сектами, Пауло прибыл в Прагу с Кристиной, которая уже была его женой. Они тогда путешествовали по Европе как хиппи. Проходя по мрачной Кармелитской улице, он зашел в маленькую церковь Богоматери Победы, зажатую между скромными домами и лавочками с религиозными сувенирами, чтобы дать обет Пражскому Младенцу. Никого не удивило, что в церковь пришел бразилец. С незапамятных времен по какой-то необъяснимой причине бразильские христиане чтят изображение Пражского Младенца, освященное в XVII веке: об этом можно судить по огромному количеству благодарственных объявлений, которые в последние десятилетия публикуются в газетах по всей

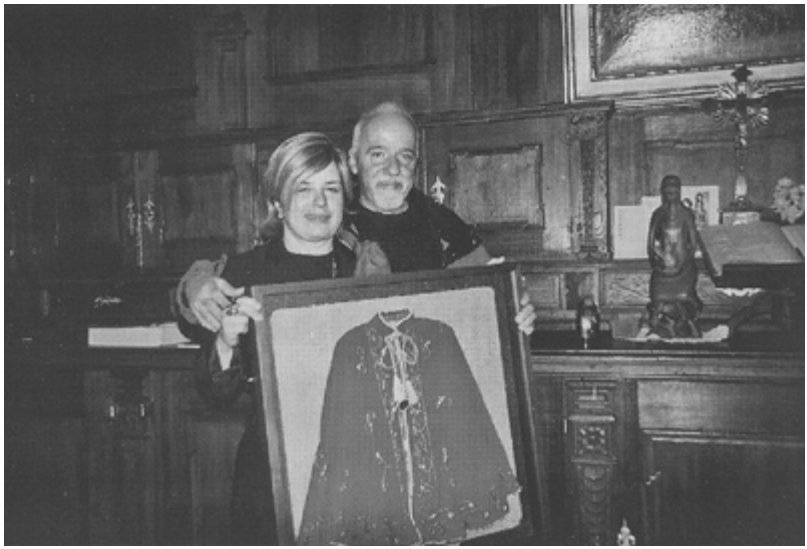
Бразилии и состоят всего из одной фразы, подписанной начальной буквой имени облагодетельствованного: «Младенцу Иисусу Пражскому с благодарностью за оказанную милость. Д…» Как и миллионы соотечественников, Пауло решил обратиться к Младенцу с просьбой — и весьма существенной. Он опустился на колени перед маленьким боковым алтарем и прошептал так тихо, что не услышала даже Кристина:

— Я хочу стать писателем, которого читают и чтят во всем мире.

Да, он знал, что это была за просьба, — за ее исполнение и благодарность должна быть соответствующей. Пауло с грустью смотрел на изъеденные молью одежды святого изображения — копию тех, что выткала в 620 году принцесса Поликсена Лобкович для первого известного образа Пражского Младенца. И Пауло еле слышно пообещал то, что представилось ему в тот миг самым великолепным:

— Когда я стану читаемым и чтимым во всем мире писателем, я вернусь сюда и принесу в дар мантию, расшитую золотом.

Так что намерение устроить «блицкриг» — лишь предлог, а не истинная цель поездки в Прагу: со времени данного обета прошло около трех десятилетий, настала пора его выполнить. Мантию из красного бархата по мерке священного изображения высотой около полуметра в течение нескольких недель готовила теща писателя, Паула Ойтисика. Одеяние расшито очень тонкой золотой нитью и для пущей надежности упаковано в акриловую коробку. Этот дар вызвал инцидент в парижском аэропорту «Шарль Де Голль»: по требованию полиции его следовало просветить рентгеном, чтобы убедиться, что в нем нет наркотиков и взрывчатки, но пакет не помещался в аппарат, а без мантии Пауло отказывался сесть в самолет. Но и полицейские не сдавались: без рентгена мантия останется в аэропорту. Вокруг спорящих собралась небольшая толпа, это привлекло внимание начальства аэропорта. Там «мсье Коэл**о**» узнали и разрешили недоразумение: мантию пропустили в самолет без рентгена.



Кристина и Пауло в Праге: писатель исполняет свой обет, данный Младенцу Христу, данный двадцать лет назад, и преподносит ему расшитую золотом мантию

Когда супруги входят в маленькую пражскую церковь, чтобы исполнить долг и принести дар священному изображению, там находятся не более двух десятков верующих, по виду — иностранцев. Кармелитский священник Анастазио Руджеро говорит только по-чешски и по-итальянски и сначала не понимает, что нужно в его церкви этому типу с косицей, который держит в руках красную мантию. Нетерпеливо оглаживая руками поношенную сутану, священник слушает, что Пауло говорит ему по-английски, делает вид, будто понимает; улыбается, благодарит и уже собирается спрятать мантию в шкаф в ризнице у нефа, — но тут писателя узнает какая-то французская старушка. И несколько громче, нежели подобает в таком месте, она сообщает своей экскурсионной группе:

— Смотрите, кто пришел: писатель Пауло Коэльо!

В тот же миг туристы окружают его, просят дать автограф и сфотографироваться. Священник оборачивается, снова смотрит на мантию и начинает осознавать, что попал впросак Он извиняется, что не сразу узнал Пауло, — теперь до него дошло, какой подарок получил Младенец Иисус. Он идет в ризницу и возвращается с цифровым фотоаппаратом «Никон», чтобы сфотографировать мантию, туристов и сняться со знаменитым писателем самому. Теперь он уверяет, что хорошо знаком с его творчеством.

Выполнив долг перед маленькой святыней, супруги в оставшееся свободное время еще раз осматривают город и навещают Леонардо Ойтисику — брата Кристины. Его жена

Татьяна — дипломат, работает в бразильском посольстве в Праге. Поскольку газеты «Право» и «Комсомольска» опередили остальных и уже объявили, что приехал Пауло Коэльо, устроить настоящий «блицкриг» не удается. В три часа дня, за час до начала встречи, сотни людей встают в очередь у входа в «Эмпик мегастор» — огромный современный книжный магазин, выбранный для этой акции издательством «Арго», публикующим в Чехии книги Пауло Коэльо. Писатель приходит точно в назначенный час и попадает в такую же ситуацию, как в Будапеште, только на сей раз получить билеты удалось лишь ста пятидесяти читателям. Остальные, толпа в несколько сот человек, заполонили все коридоры здания и выплеснулись на Венцеславскую площадь, одну из самых оживленных в городе. Все хотят получить автограф. Писатель решает использовать венгерский опыт — просит администрацию пустить официантов с минеральной водой, делит присутствующих на две группы и попеременно подписывает книги обладателям билетов и безбилетникам. В шесть вечера он смотрит на часы и просит разрешения пойти вымыть руки, а на самом деле отходит всего на несколько метров, прячется за книжными полками и творит безмолвную молитву. Когда последний читатель получает автограф, в городе уже темно. Пауло заканчивает вечер в обществе нескольких друзей и знакомых за ужином, состоящим из блюд «нувель кюизин»[6], в шикарном ресторане, расположенном в подвале в старой части города.

На следующий день он возвращается в свою парижскую квартиру: после обеда ему предстоит автограф-сессия в книжном магазине «Фнак». Туда планировалось пригласить лишь сотню читателей, предварительно отобранных администрацией магазина, но слух о встрече с Пауло Коэльо разнесся по городу, и в небольшое помещение набилось чуть ли не в три раза больше. В фойе теснится публика, люди толпятся у огромной витрины, желая приобрести книги, компакт-диски и DVD.

Это выставка-продажа не только всех его книг, вышедших во Франции, но и любимых произведений литературы, музыки и кино. Среди любимых книг писателя — «Посторонний» Альбера Камю, «Тропик Рака» Генри Миллера, рассказы Хорхе Луиса Борхеса, «Габриэла» Жоржи Амаду, никогда не издававшаяся в Бразилии биография знаменитого тореадора по прозвищу Эль Кордобес, которую написали Доминик Лапьерр и Ларри Коллинз, — «I'll Dress You in Morning», во французском переводе — «Ou tu porteras mon deuil»[7]. Поклонники, пришедшие во «Фнак», могут также приобрести любимые фильмы Пауло Коэльо — «Бегущий по лезвию бритвы» Ридли Скотта, «Однажды на

Диком Западе» Серджо Леоне, «2001: Космическая Одиссея» Стэнли Кубрика, «Лоуренс Аравийский» Дэвида Лина и бразильский фильм «Исполняющий обет» Ансельмо Дуарте. Его музыкальные пристрастия еще показательнее: «Эбби-роуд» «Битлз», Девятая симфония Бетховена, «Мать с атомным сердцем» «Пинк Флойд» и Первый концерт для фортепиано с оркестром Шопена. Список замыкает сборник лучших песен Роберто Карлоса — певца, пользующегося огромным успехом в Бразилии. С ним Пауло предстоит через несколько месяцев вступить в конфликт — музыкант в судебном порядке потребовал изъять из продажи свою биографию, изданную без его разрешения. Французы, заполнившие «Фнак», ничуть не скромнее и не сдержаннее венгерских и чешских читателей. Они столь же настойчивы: после получаса выступления и ответов на вопросы писатель, прежде чем покинуть зал, вынужден раздать автографы всем присутствующим.

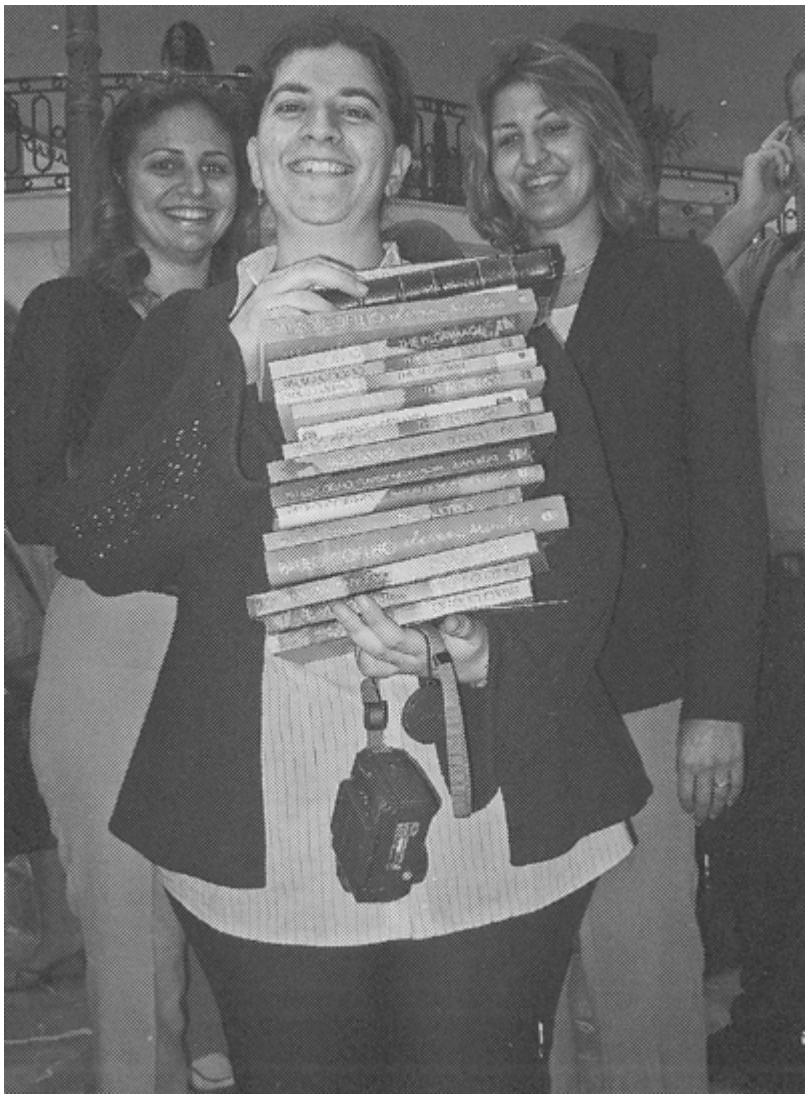
В отличие от беспорядка, царившего на презентациях в Будапеште, Праге и Париже, состоявшаяся на следующий день церемония вручения премии «Золотое перо» проходит в обстановке прямо-таки военной дисциплины: Гамбург живет в тревожном напряжении с того дня, когда выяснилось, что в городе действует ячейка террористической организации «Аль-Каида», к которой принадлежали исполнители теракта 11 сентября 2001 года в Соединенных Штатах. Из двадцати террористов-смертников, принимавших участие в той акции, девять проживали в квартире на окраине Гамбурга. Среди них был и египтянин Мухаммед Атта, пилот одного из самолетов, врезавшихся в башни Всемирного торгового центра. Суда по числу «Роллс-Ройсов» и «Ягуаров», подвозящих гостей к Торговой палате, а также личных охранников, церемония может стать замечательной мишенью для террористов. Банкиры, промышленники, предприниматели, издатели и знаменитости прибыли сюда из многих стран Европы. Чтобы избежать проблем, организаторы предоставляют каждому СМИ не более пяти минут, чтобы сфотографировать гостей и премируемых. А таких несколько: помимо Пауло Коэльо, премия вручается также ученому, преподавателю, предпринимательнице и священнику. Телекамеры не должны питаться от аккумуляторов, их следует подключать только к местным источникам тока, вести радиотрансляцию запрещено.

Через пять часов после прибытия в Торговую палату писатель уже сидит с рюкзаком за плечами в VIP-салоне Гамбургского аэропорта, готовясь подняться на борт самолета «Фалькон-джет», который доставит его в Каир. Его пребывание в столице Египта

совпадает с визитом Лоры Буш, первой леди Соединенных Штатов, поэтому в городе усилены меры безопасности. В Египте нередки теракты, которые совершают радикальные исламисты главным образом против туристов. Это очень беспокоило друзей писателя: «Ты подумал, что будет, если тебя похитит группа религиозных фанатиков, — спросил один, — и потребует обменять тебя на сотню политзаключенных?». Но писателя это, похоже, не беспокоит. И не только потому, что он предварительно посоветовался со своими оракулами: он также будет находиться под надежным покровительством Хибы Рауф Эззат, пригласившей его провести беседу в Каирском университете. Этой сорокалетней мусульманке, матери троих детей, приглашенному профессору Вестминстерского университета в Лондоне, обаятельной женщине, известному ученому-политологу удалось одолеть предрассудки общества, основанного на мужской гегемонии, и стать активным борцом за права человека и диалог между исламом и другими религиями. Тот, кто прибыл в Египет по приглашению Хибы, может свободно и безопасно общаться с представителями самых разных политических и религиозных течений.

Но у Пауло есть и сугубо личные мотивы для посещения Египта: эта страна — чуть ли не мировой лидер по пиратским изданиям его книг. Хотя половина местного населения неграмотна, по самым приблизительным подсчетам, около четырехсот тысяч экземпляров незаконно изданных книг Пауло Коэльо, что составляет примерно пять процентов пиратских публикаций во всем мире, продается именно здесь. Начиная с «Дневника мага» и кончая «Заиром», полное собрание произведений Пауло Коэльо в переводе на арабский можно встретить всюду — от витрин шикарных книжных магазинов до лотков бродячих торговцев на улицах Каира, Александрии и Луксора. Книги на любой кошелек, от грубых и неказистых, напечатанных кое-как, до солидных изданий в твердом переплете и на хорошей бумаге, выпущенных в престижных частных и даже государственных типографиях. Это наносит ущерб не только автору, не получившему ни гроша за изданные в Египте произведения, но и его читателям: они приобретают книги с купюрами, неправильной последовательностью глав и отрывками, пиратски заимствованными из переводов, которые были сделаны в других арабских странах и не всегда понятны читателям, владеющим египетским вариантом арабского языка. Безнаказанность пиратов такова, что на последней Международной книжной ярмарке в Каире — важнейшем событии в культурной жизни Египта — книги Пауло Коэльо заняли первое

место по продажам, словно были выпущены издательствами, соблюдающими все международные законы и соглашения. Решив положить конец произволу, Пауло Коэльо прилетает в Египет в сопровождении Моники Антунес и Анны Сендеры, владелицы испанского издательства «Сирпус», специализирующегося на выпуске книг на арабском языке для стран Ближнего Востока и Северной Африки. Теперь, с мая 2005 года, только два издательства — ливанский «Олл-Принтс» и испанский «Сирпус» — будут иметь законное право распространять книги Коэльо в Египте.



Поклонница творчества Пауло Коэльо. Каир

В аэропорту; где кишат солдаты с автоматами, троих

прибывших встречают Хиба и ее муж Ахмед Мухаммед — как и она, политический деятель. Он одет по-европейски, а у нее все скрыто он нескромных взглядов бежевой чадрой. Все говорят по-английски — этот язык в Египте очень распространен. Группа направляется прямо в отель «Фор сизонз» — там для писателя зарезервирован пентхаус, оттуда открывается роскошный вид на расположенную на самой границе Сахары Гизу, где находится одно из чудес света — пирамиды Хеопса, Хефрена и Микерина.

Организованная Хибой программа столь же насыщена, как предыдущие: интервью и ток-шоу для основных печатных органов и телеканалов страны, встречи со знаменитостями (в их числе Нагиб Махфуз, лауреат Нобелевской премии по литературе, девяностолетний и почти слепой — он пожелал угостить бразильского писателя чаем у себя дома), беседа в Каирском университете и две дискуссии — одна в Египетской ассоциации писателей, а другая — у ее главного соперника, в Союзе египетских писателей. По просьбе Пауло Хиба организовала в одном из салонов отеля обед, куда приглашены главные книгоиздатели и книготорговцы страны, а также представители Министерства культуры. На этой встрече писатель намеревается отстаивать свои права с мечом в руках. С самым коварным видом он заявляет:

— Вы хорошо знаете, Хиба: обнажив меч, воин обязан пустить его в ход. Он не вернет его в ножны, не обагрив кровью.

На следующее утро салон отеля осаждают тележурналисты, ожидающие начала организованных Моникой интервью. Камеры, штативы, юпитеры, провода, аккумуляторы громоздятся в углах, лежат на столах и диванах. Персональные интервью — привилегия телевидения: представителям печатных изданий предстоит довольствоваться общей пресс-конференцией. Единственное исключение сделано для «Аль Ахрам» — ведущей газеты страны, органа государственного, как почти все в Египте. К тому же газета стоит в списке первой. После интервью репортер Али Саид открывает портфель и просит автора подписать три книги — «Алхимик», «Мактуб» и «Одиннадцать минут»; все они — пиратские, куплены на улице по семь долларов за штуку. Под вечер неразлучная пятерка заходит в типичный местный ресторан, чтобы наскоро пообедать, запивая еду «фантой», «кока-колой», чаем и минеральной водой. В ресторанчике есть вино и пиво, но поскольку платит мусульманин Ахмед, хорошее воспитание предписывает не употреблять при нем спиртных напитков.

Разделавшись со средствами массовой информации, Пауло принимает участие в недолгих дискуссиях в обеих писательских

организациях. Всякий раз публики набирается значительно больше, чем может вместить помещение, а по окончании встреч писатель любезно раздает автографы. Перед возвращением в отель его везут к Мухаммеду Хейкалю, влиятельному политику, который начал карьеру еще при Гамале Абделе Насере — ныне покойном президенте, правившем страной с 1954 по 1970 годы. Хейкаль до сих пор близко к сердцу принимает все политические бури, потрясающие Египет. Окруженный охранниками, он встречает гостя в своей маленькой квартире. Ее стены увешаны фотографиями хозяина в обществе известнейших политических лидеров XX века. Тут и ныне покойный советский руководитель Никита Хрущев, и — также покойные — Чжоу Эньлай и Джавахарлал Неру, премьер-министры Китая и Индии, премьер тогдашней ФРГ Вилли Бранд, руководитель Советского Союза Леонид Брежнев, и, разумеется, сам Насер. Встреча с Нагибом Махфузом проходит под неусыпным наблюдением охранников: несколько лет назад писатель чудом остался жив, когда у дверей дома его пырнул ножом в горло исламский фундаменталист, обвинявший его в кощунственных высказываниях против Корана, священной книги мусульман. Пауло недолго беседует с Нагибом Махфузом по-английски, обменивается книгами, и на этом встреча заканчивается.

Утро следующего дня выпадает свободным, и писатель позволяет себе немного позже встать, совершить прогулку и посвятить больше времени интернету. В час дня он снова в гостинице — ждет обеда, организованного по его просьбе. Несмотря на любезности и улыбки, в воздухе пахнет грозой. Когда все уже расселись по местам, но блюда еще не поданы, один издатель встает и обращается к гостю с приветственной речью, желая подчеркнуть дружеский характер встречи.

— Писатель Коэльо доказал, что он друг арабского народа, не только своими произведениями, — утверждает выступающий, — но и смелыми публичными высказываниями, например, в письме «Спасибо, президент Буш», где безоговорочно осуждает вторжение Соединенных Штатов в Ирак…

Еще одно выступление, снова поток любезностей. Наконец слово берет сам Коэльо. Он выкладывает на стол рядом с приборами три пиратских экземпляра своих книг — намеренно, чтобы смутить сидящих перед ним издателей, элегантных господ в костюмах и галстуках.

Испытанный оратор, он блестяще владеет искусством публичных выступлений, хоть и ненавидит этот жанр. Он начинает издалека — напоминает присутствующим, что Египет и арабская культура занимают видное место в его книгах, золотит

пилюлю, прежде чем заговорить о книжном пиратстве с самими пиратами.

— Любой писатель мечтает, чтобы его издавали в такой стране, как Египет. Но меня беспокоит как раз обратное: у меня в Египте слишком много издателей…

Его шутка никому из присутствующих не кажется забавной, но это не останавливает Пауло. Не садясь, он на миг поднимает взор к небу, словно прося у Святого Георгия защиты для своих книг, и решает говорить прямо. Берет пиратский экземпляр «Алхимика», взмахивает им и продолжает:

— Я прилетел сюда по приглашению профессора Хибы, иными словами — по приглашению египетского народа. Но я прибыл за свой счет, потому что мне хочется раз и навсегда покончить с проблемой пиратского издания моих книг в Египте.

Гостям — и мужчинам, и женщинам — неловко, они ерзают на стульях. Некоторые чертят что-то на салфетках, опустив головы. Пауло знает, что среди приглашенных — высокопоставленные чиновники Министерства культуры, держателя акций многих издательств, и не упускает этой возможности:

— Правительство не привлекает к ответственности и не наказывает пиратов, но ведь Египет подписал международные соглашения по авторским правам и обязан выполнять их. Я бы мог нанять адвокатов и выиграть процесс в международном суде, но я защищаю не только материальные ценности, я защищаю принципы. Мои читатели покупают книги по недостойным ценам и получают недостойное содержание. С этим должно быть покончено. — Однако перемирие, которое предлагает Коэльо, вряд ли нравится кому-то из присутствующих. — Прошлое меня не интересует, забудем о нем. Я не собираюсь ни с кого взыскивать плату за четыреста тысяч экземпляров моих книг, изданных здесь. В этой стране у меня до сих пор не было законного издателя. Но начиная с сегодняшнего дня каждая моя книга, выпущенная любым издательством, кроме «Сирпуса» и «Олл-принтс», будет считаться незаконной, а виновные будут привлекаться к судебной ответственности.

Желая доказать серьезность своих намерений, писатель объявляет, что нынче же вечером в книжном магазине «Дар-эль-Шорук» состоится особый «блицкриг»: он будет подписывать только свои книги новой серии (выпущенное «Сирпусом» карманное издание «Алхимика») и перевод «Заира» на английский. Неприятная встреча заканчивается без аплодисментов, гости покидают зал с мрачными лицами. В дальнейшем все развивается именно так, как предполагал Пауло:

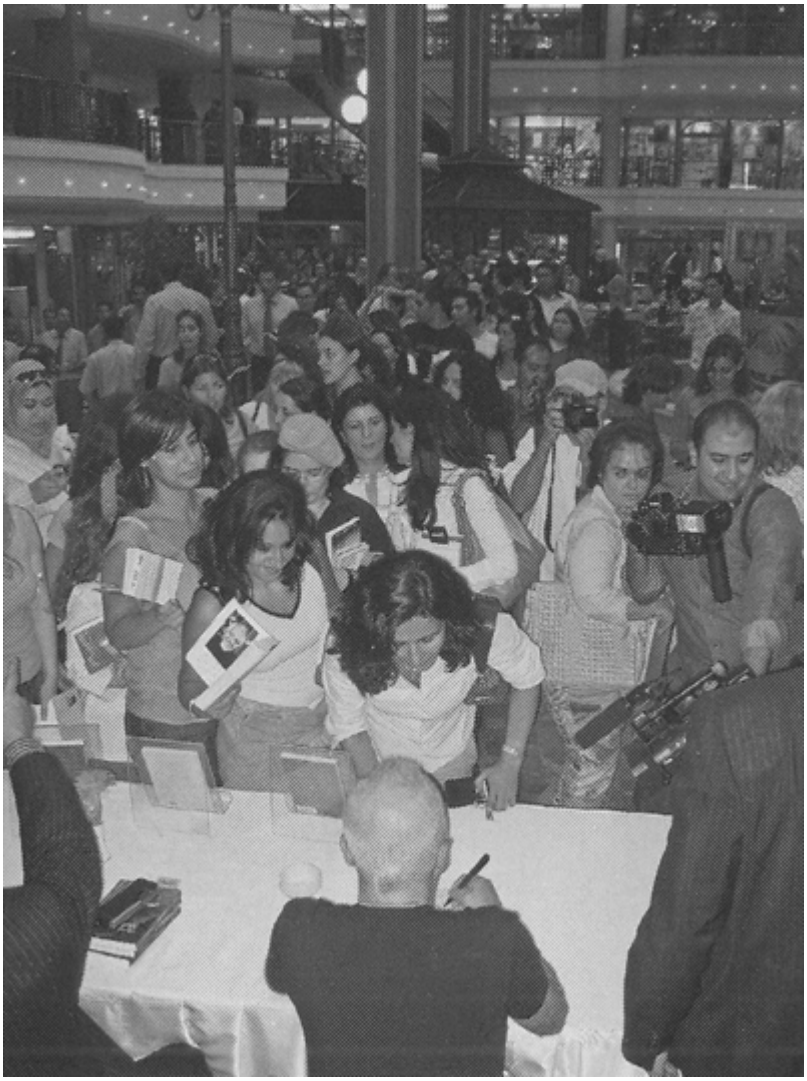
автограф-сессия проходит с большим успехом, и всем журналистам, беседующим с ним, он настойчиво повторяет:

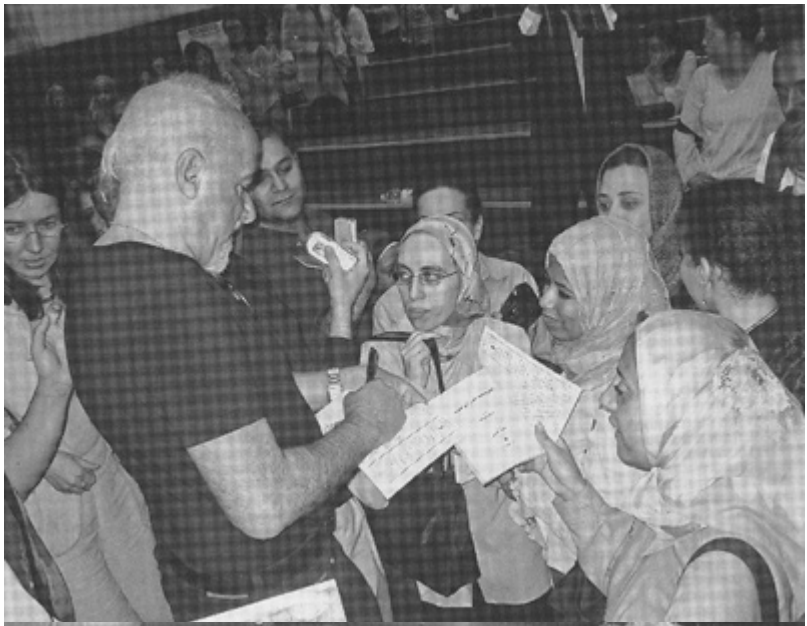
— Я уверен, что издатели приняли мой ультиматум. Теперь египтяне будут читать мои книги только в официальных переводах, выпущенных «Сирпусом».

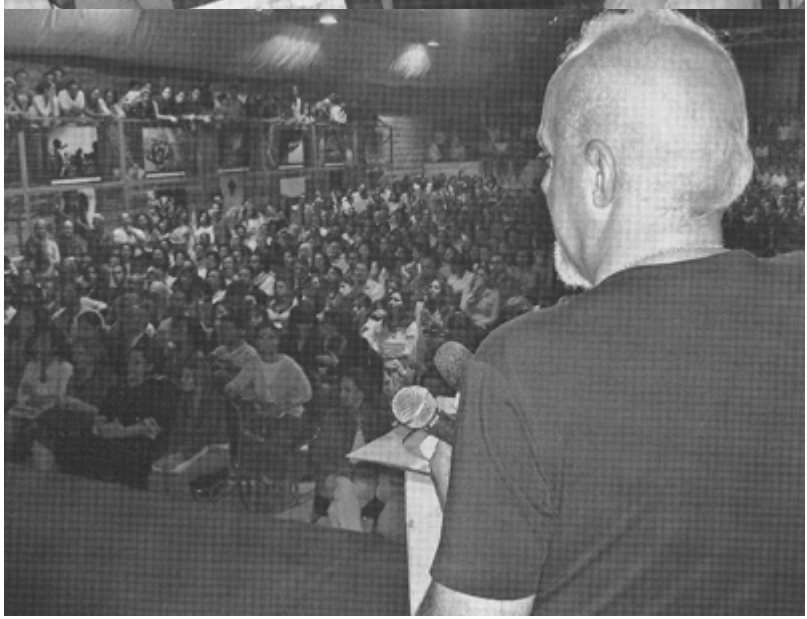
Однако время показало, что его радость была преждевременной: не прошло и полугода, как выяснилось, что все осталось как было. Единственная новость заключалась лишь в том, что у пиратов появился конкурент в лице «Сирпуса».

Встреча в Каирском университете, назначенная на следующий день — последняя в этой поездке — проходит гладко и по организации скорее напоминает мероприятие в школе-интернате, а не в университетском кампусе: в аудитории на триста мест сидят ровно триста человек, в большинстве своем — девушки. В отличие от Хибы, они одеты по западной моде, в обтягивающие джинсы и майки, открывающие плечи и талию. Правда, после выступления гостя восхищение кумиром оказывается сильнее дисциплины, и присутствующие бросаются к нему с книгами и просьбами дать автограф.

Триумф Пауло Коэльо в Каире







По дороге в отель Хиба предлагает провести незапланированную акцию. Читатели, состоящие в официальном «Клубе поклонников Пауло Коэльо» и не сумевшие попасть ни на одно его публичное выступление, хотели бы побеседовать с ним неформально. Воодушевленный якобы успешными переговорами с издателями, он соглашается, не уточняя деталей. Получив его согласие, Хиба уезжает собирать публику. Они договариваются встретиться под одним из мостов через Нил. Непонятно, как Хибе удалось мобилизовать столько людей за такое короткое время:

прибыв на место, бразильцы с удивлением видят более чем двухтысячную толпу. Площадка — какое-то недостроенное здание: вокруг еще лежат железобетонные плиты с торчащей арматурой. Люди теснятся в проходах между сиденьями, в боковых галереях. Невероятно, что в будний день, при полном отсутствии информации в газетах, по радио и на телевидении, пришло столько народу. Люди забрались даже на окружающие площадку стены и деревья. Жара просто адская. Хиба подводит Пауло к маленькой трибуне на краю сцены, где стоят столик и три стула. Когда Пауло произносит по-английски первые слова:

— Здравствуйте, спасибо, что пришли… — шум голосов сменяется благоговейным безмолвием. Пауло полчаса рассказывает о своей жизни, о борьбе за то, чтобы стать признанным писателем, о близком знакомстве с наркотиками, колдовством, психиатрическими лечебницами, политическими репрессиями, недоброжелательной критикой, он говорит о том, как в конце концов вернулся к вере и осуществил свою мечту. Люди смотрят на него как зачарованные, словно перед ними не автор любимых книг, но тот, кто может научить их жить. Многие не в состоянии справиться с волнением, их глаза полны слез.

Когда писатель в последний раз говорит «большое спасибо», видно, что он тоже плачет.

Аплодисментам, кажется, не будет конца. Не скрывая слез, бразилец несколько раз благодарит присутствующих легкими поклонами, скрестив руки на груди. Ему аплодируют стоя. Девушка в темной чадре поднимается на сцену и протягивает писателю букет роз. Пауло часто оказывается в подобных ситуациях, но сейчас он глубоко растроган и даже растерян. Овация не кончается. Писатель быстро поворачивается, прячется за занавесом, поднимает глаза к небу, осеняет себя крестным знамением и в который раз творит молитву Святому Иосифу, почти шестьдесят лет назад благословившему его возвращение к жизни.

2
В одиннадцать лет жизнь преподала ему урок: если надо сделать такое, от чего будет больно, делай это сразу

Пауло Коэльо де Соуза родился дождливым утром 24 августа 1947 года, в день Святого Варфоломея. Это случилось в клинике Святого Иосифа в Рио-де-Жанейро, которая расположена в районе Умаита, где живет преимущественно средний класс. Мальчик родился мертвым. Врачи предупреждали, что эти роды — первые у двадцатитрехлетней Лижии Арарипе Коэльо де Соуза, домохозяйки, супруги тридцатитрехлетнего инженера Педро Кейма Коэльо де Соуза — окажутся трудными. Ребенок был не только первенцем у супружеской пары, но и первым внуком дедушек и бабушек со стороны отца и матери — а также первым племянником дядюшек и тетушек с обеих сторон. Предварительный осмотр показал: плод отравился опасной смесью собственных испражнений и аммиачной жидкости. Спасти такого ребенка могло только чудо. Не шевелясь, он лежал в материнском чреве и не продвигался к выходу во внешний мир, его пришлось вытаскивать щипцами. Ровно в пять минут первого врач, который буквально вывинчивал его из матери, услышал слабый хруст. Будто карандаш треснул — тоненькая ключица новорожденного не выдержала нажима щипцов. Но вряд ли это имело значение: мальчик был мертв. Видимо, захлебнулся жидкостью, девять месяцев служившей ему защитой в теле матери.

Обезумевшей от отчаяния Лижии, ревностной католичке, первым делом пришло в голову имя Святого Иосифа, покровителя клиники:

— Божественный Святой Иосиф, верни мне моего сына! Святой Иосиф, спаси его, жизнь моего ребенка в твоих руках!

Убитые горем родители попросили кого-нибудь позвать, чтобы мертворожденного соборовали. Священника не нашлось, и эту миссию взяла на себя монахиня, служившая в клинике. Но вдруг сквозь рыдания родителей послышался слабый стон — будто мяукнул котенок: младенец был жив. Трудные роды стали первым вызовом, который судьба бросила этому малышу, но он принял его и выжил.

Первые три дня жизни Пауло провел в инкубаторе. Все эти решающие семьдесят два часа при нем неотлучно сидел отец — и он покинул свой пост лишь когда стало ясно, что жизнь ребенка вне опасности. На четвертый день Пауло извлекли из инкубатора, но оставили в клинике под наблюдением врачей, проводивших ему курс интенсивной терапии. Отца сменила при младенце теща, Мария Элиза. По прошествии шести десятилетий Пауло утверждал, что Мария Элиза стала его первым воспоминанием. В остальном же малыш оказался здоровым, весил 3 килограмма 330 граммов и росту имел сорок девять сантиметров. Судя по первым записям Лижии в «альбоме младенца», у ребеночка были темные волосы, карие глаза, светлая кожа и он походил на отца (что отнюдь не являлось достоинством, поскольку Педро трудно было назвать красавцем). Ребенку дали имя в честь одного его дяди, рано умершего от сердечного приступа.

Младенец Пауло, который при рождении удостоился сомнительного комплимента: «Вылитый отец»

Если не считать легкого бронхита, перешедшего в коклюш, детство Пауло прошло совершенно нормально. В восемь месяцев

он произнес первое слово, в десять у него прорезались первые зубы, а в одиннадцать он сделал первый шаг — причем до этого вообще не ползал. По воспоминаниям Лижии, он был «ласковым, послушным, очень живым и умненьким» мальчиком. Когда ему исполнилось два года, родилась его единственная сестра Соня Мария, которую он нежно любил и к которой никогда не ревновал ни мать, ни отца. В три года он научился осенять себя крестным знамением и впоследствии, крестясь, стал просить у Господа здоровья родителям, дедушкам, бабушкам, двоюродным братьям и сестрам, дядям и тетям. С рождения Пауло и до 1960 года, когда ему исполнилось тринадцать лет, семья жила в огороженном частном квартале из одиннадцати домов, построенных его отцом на перекрестке улиц Тереза Гимараэнс и Мена Баррето, в Ботафого — уютном районе среднего класса. Лучший дом — единственный, при котором имелся сад, — принадлежал дедушке и бабушке с материнской стороны, владельцам земельного участка Лилизе и Туке. Один дом отдали Педро в награду за работу, а оставшиеся девять сдавали или продали родственникам.

Пауло со сверстниками

Семейство Коэльо так заботилось о своей безопасности, что несмотря на стены, окружавшие участок, двери и окна в их доме всегда были закрыты. И Пауло, и его маленькие друзья могли играть сколько душе угодно — однако только на участке. Хотя участок был расположен недалеко от пляжа Ботафого, жизнь за стенами была совершенно незнакома здешним детям. Нечего было и думать о том, чтобы водить дружбу с уличными сорванцами. С самого раннего детства Пауло отличался оригинальностью поведения. Желая избежать наказания, он произносил тирады, которые ставили в тупик взрослых. Когда в три года Лижия застала его на месте некоего преступления и принялась бранить, он ей ответил:

— Знаешь, мама, почему я сегодня такой непослушный? Потому что мой ангел-хранитель перестал работать. Он очень старался, и у него кончились батарейки.

Больше всего маленький Пауло любил «помогать» дедушке Туке чинить мотор его большого «Паккарда». Отец очень этим гордился, считая, что малыш станет инженером. У Педро тоже была машина — намного скромнее, чем у тестя: она практически никогда не ломалась по той простой причине, что ее редко выводили из гаража. Экономный Педро Коэльо полагал, что, если семейство может передвигаться по городу на автобусе, незачем тратиться на бензин.

Возможно, это было одним из самых ранних воспоминаний, оставшихся у Пауло от жизни в Ботафого: строгий контроль отца за всеми семейными расходами. Дело в том, что инженер Педро Кейма Коэльо де Соуза мечтал, чтобы семья жила не в скромном домике, а в настоящем особняке с салонами, зимним садом, террасами и несколькими ванными. Первый взнос на

строительство этих хором был сделан тестем Тукой, который предоставил семье Коэльо участок площадью четыреста квадратных метров на улице Падре Леонел Франк в шикарном районе Гавеа. Педро считал, что на таком участке в самом сердце южной зоны города следует возвести и соответствующее здание. И теперь все расходы, кроме самых необходимых, безжалостно урезались.

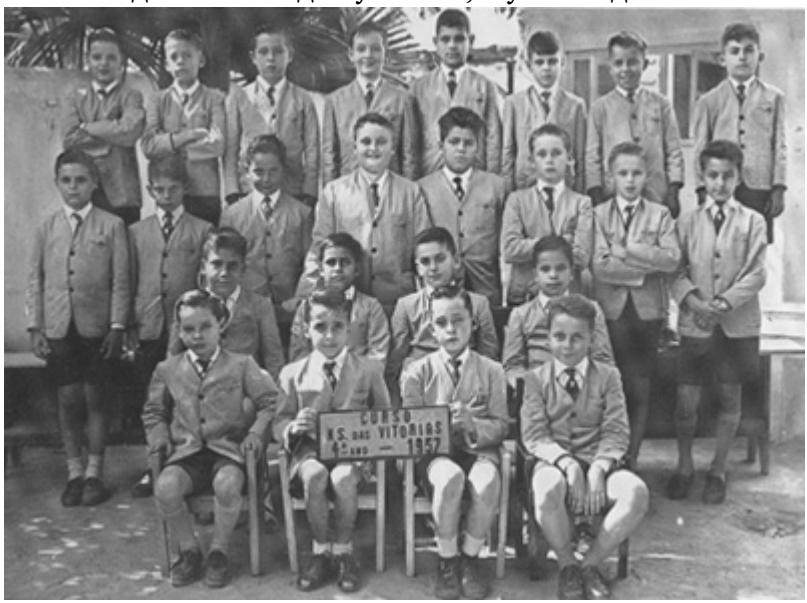
— Раз уж мы решили строить такой дом, — изрекал инженер Педро, все члены семьи должны свести свои расходы к минимуму.

Никаких обновок, никаких празднований дней рождения, никаких поездок на машине и трат на бензин. «У нас тогда совсем ничего не было, — вспоминал писатель впоследствии, — впрочем, в самом необходимом мы себе не отказывали». На Рождество брат и сестра получали только немецкую электрическую железную дорогу и французских кукол — подарок от дедушки и бабушки по материнской линии. Исключение сделали, когда дети пошли в школу: попусту тратить деньги не следовало, но сын и дочь должны учиться в лучших гимназиях. Помимо строжайшей экономии, мечта об особняке в Гавеа принесла семье еще одно неудобство. Инженер Педро предпочел не вкладывать сбережения в ценные бумаги, а превратить их в недвижимость — в самом прямом смысле слова. В стройматериалы. И поскольку у него не было сарая, он хранил покупки в доме — в ожидании того дня, когда можно будет начать строительство. Поэтому брат и сестра вспоминали, что провели детство среди всевозможной сантехники, мешков с цементом и коробок с плиткой, которыми были забиты все закутки.

Однако «время тощих коров» нисколько не обеднило интеллектуальную жизнь семейства Коэльо. Педро перестал покупать пластинки с записями опер и классической музыки, но не изменил привычке наслаждаться по вечерам любимыми ариями. Звуки музыки неслись из его проигрывателя, а еще соседи, проходившие мимо дома 11, нередко слышали произведения Баха и Чайковского, которые играла Лижия на пианино, принадлежавшем ей еще до замужества. Знакомые вспоминали о тех временах, что все стены в их доме были заняты книжными полками — главным образом стараниями Лижии, но не ее супруга. У семьи имелась неплохая общеобразовательная библиотека, которая после рождения детей стала пополняться и детскими книгами.

Когда Пауло исполнилось четыре с половиной, родители записали его в детский сад Сан-Патрисио, который он посещал в течение двух лет. Предполагалось, что в дальнейшем Пауло будет учиться в иезуитском колледже Санто-Инасио, и в 1954 году мать

перевела его в начальную школу Богоматери Побед, располагавшуюся в нескольких кварталах от дома в старинном особняке, окруженном деревьями. Над входом красовался лозунг учебного заведения: «Все для ученика, а ученик для Бога».



Пауло в десять лет, среди одноклассников в колледже Богоматери Побед (в первом ряду, второй слева)

Хотя формально школа Богоматери Побед не была связана с орденом иезуитов, обучение в ней считалось верным путем для поступления в колледж Санто-Инасио — самое традиционное учебное заведение в Рио. Этот колледж, возглавляемый иезуитами, делил с колледжем Педро II[8] славу лучшей средней школы для мальчиков. Колледж Педро II обладал несомненным достоинством: давая солидные знания, он был учебным заведением государственным и федеральным, а следовательно — бесплатным. Но дорогой колледж Санто-Инасио гарантировал нечто весьма существенное для родителей Пауло Коэльо: иезуиты вкладывали в своих подопечных не только знания, но главное — веру, при жесточайшей, строжайшей дисциплине.

Родителям пришлось признать, что — по крайней мере на Пауло — возведение санитарного кордона вокруг жилого комплекса с целью оградить ребенка от тлетворного влияния улицы желаемого воздействия не оказало. Наоборот, соседи жаловались, что лет с пяти Пауло стал дурно влиять на их детей. На участке было еще два мальчика с таким же именем — его двоюродные братья Пауло Арраэс и Пауло Арарипе, — и потому будущего писателя называли по фамилии, Коэльо. К ужасу Лижии

и Педро, их худшие подозрения вскоре оправдались: именно Коэльо оказался инициатором странных событий, происходивших в их маленьком сообществе. Сначала это был случай с девочкой, которую нашли обнимающей дерево, причем ее руки и ноги были связаны веревками. Она не решилась открыть имя злоумышленника. Потом выяснилось, что по ночам какие-то безобразники устраивают бега едва вылупившихся цыплят, которых потом убивают, оставляя в живых только победителя. Однажды кто-то заменил туалетную воду во флаконах у девочек простой водой. И тут одна из пострадавших — Сесилия Арраэс, двоюродная сестра Пауло, которая была на несколько лет старше, — догадалась, чьих рук это дело. В устроенном мальчиками тайнике она отыскала папку с секретными бумагами: все эти нелепые выходки совершались членами «тайной организации» со своими руководством, уставом и протоколами регулярных собраний. Организация именовалась «Арко» — название составили из начальных слогов фамилий Арарипе и Коэльо. Сесилия устроила будущему писателю допрос:

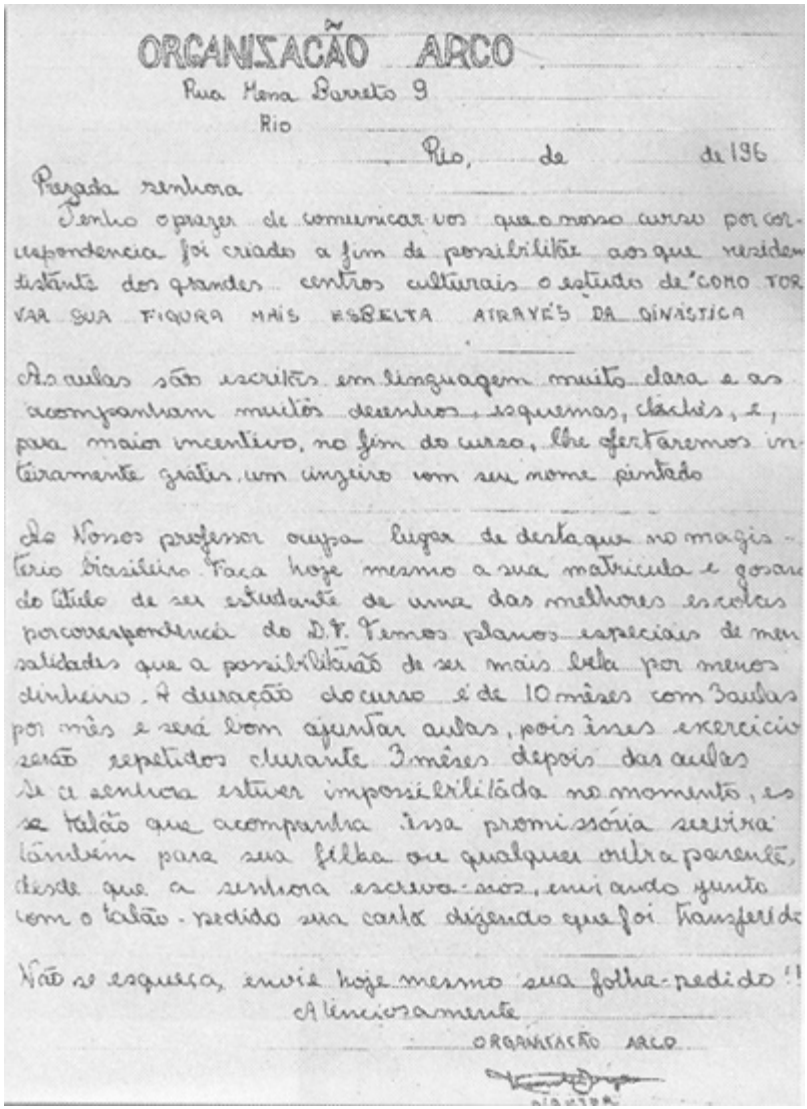
— Что это еще за «Арко»? Чем вы там занимаетесь? Если не ответишь, все расскажу родителям.

Пауло испугался:

— Это тайная организация, я не имею права о ней рассказывать.

Сесилия повторила угрозу, и Пауло взмолился:

— Ради Бога, прости меня, но я могу открыть тебе только одно: «Арко» занимается саботажем.



ORGANIZAÇÃO ARCO

Rua Mena Barreto 9

Rio

Rio, de de 196

Prezada senhora

Tenho o prazer de comunicar-vos que o nosso curso por correspondencia foi criado a fim de possibilitar aos que residem distante dos grandes centros culturais o estudo de COMO TORNAR SUA FIGURA MAIS ESBELTA ATRAVÉS DA GINASTICA

As aulas são escritas em linguagem muito clara e as acompanham muitos desenhos, esquemas, clichés, e, para maior incentivo, no fim do curso, lhe ofertaremos inteiramente gratis um anzeiro com seu nome pintado

Se Vossa professor ouppa lugar de destaque no magisterio brasileiro faça hoje mesmo a sua matricula e gozará do titulo de ser estudante de uma das melhores escolas porcorrespondencia do D.F. Temos planos especiais de mensalidades que a possibilitarão de ser mais bela por menos dinheiro. A duração do curso é de 10 mêses com 3 aulas por mês e será bom ajuntar aulas, pois àses exercicios serão repetidos durante 3 mêses depois das aulas Se a senhora estiver impossibilitada no momento, esse talão que acompanha essa promissória servirá tambem para sua filha ou qualquer outra parente, desde que a senhora escreva-nos, enviando junto com o talão - recibo sua carta dizendo que foi transferido

Não se esqueça, envie hoje mesmo sua folha-pedido !!

Atenciosamente

ORGANIZAÇÃO ARCO

Один из циркуляров опасной организации «Арко»

Но кое-что он все-таки рассказал, и Сесилия, в чьем флаконе оказалась вода, и девочка, привязанная к дереву, поплатились за то, что нарушили границу, проведенную мелом, и вторглись на территорию «Арко», «запретную для девчонок». Когда слухи об участии Пауло в этих проделках дошли до обитателей дома 11, у родителей Пауло уже не оставалось сомнений: их сын вполне созрел для того, чтобы оказаться в жестких и мудрых руках отцов-иезуитов.

Первым новшеством, которое внесла в его жизнь школа Богоматери Побед, стало изменение учебного расписания. Чтобы подготовить воспитанников к режиму, который ожидал их в

колледже Санто-Инасио, их лишали отдыха по субботам, а второй свободный день переносили на среду. Поэтому теперь Пауло мог играть с приятелями только один день в неделю, в воскресенье. По субботам, когда все отдыхали, он был в школе. А в среду, когда он был свободен, его друзья учились, и ему не оставалось ничего другого, как сидеть дома — заниматься или читать. Поскольку в школу Богоматери Побед ходили дети от семи до одиннадцати лет, учителя, помимо обязательной программы, стремились привить им также какие-то нравственные ценности — к примеру, необходимость взаимного уважения. В дневниках печатали школьные заповеди, которые ученики обязаны были вызубрить: «Во имя вежливости, христианского милосердия и духа коллективизма недопустимо оскорблять словами или смехом учеников менее способных или менее подготовленных».

Иезуиты сумели сделать Пауло глубоко верующим человеком, что впоследствии оказало большое влияние на его жизнь, но им не удалось заставить его полюбить обязательные занятия. Пауло ненавидел все школьные предметы без исключения. И только необходимость получать хорошие оценки при переходе из класса в класс могла заставить его корпеть целыми днями над учебниками. В первые два года в школе Богоматери Побед Пауло еще удавалось получать оценки выше восьми баллов — то есть выше средних. И даже по поведению он имел оценку семь. Однако на третий год положение ухудшилось. Об этом свидетельствует письмо, которое он написал отцу в 1956 году по случаю Родительского дня.

> Папа,
>
> теперь мне надо будет заниматься с тобой каждый вечер, потому что я получил единицу за контрольную по математике. По остальным предметам у меня оценки выше. Разница вот какая: по религии я поднялся от нуля к шести. По португальскому языку: от нуля к шести с половиной. По математике: спустили от четырех с половиной до двух с половиной. По общей успеваемости я на низком уровне, хоть и немного улучшил свой результат, перейдя с 25-го места на 16-е.
>
> С уважением,
>
> Пауло.

Двадцать пятое место, о котором пишет Пауло, на самом деле было последним, ибо в классах начальной школы Богоматери Побед сидело по двадцать пять мальчиков. Именно мальчиков, как и в колледже Санто-Инасио, потому что в ту пору оба эти заведения были мужскими. Однако то, что Пауло был последним

учеником, отнюдь не означает, что супруги Коэльо вырастили дурака и невежду, вовсе нет. Их сын ненавидел учение, но обожал читать. Он читал те книги, что покупали родители или давали друзья. Вскоре Пауло в кругу своих друзей стал признанным рассказчиком. Его тетя Сесилия Дантас Арраэс, мать девочки, пострадавшей от шалости с туалетной водой, по прошествии многих лет вспоминала о «мальчике с тоненькими ножками, болтавшимися в широких и длинных шортах»:

— Когда он не замышлял какую-нибудь проказу, то садился у дорожки, вокруг собирались друзья, и Пауло начинал рассказывать истории.

Сейчас уже невозможно установить, были эти истории реальными или выдуманными, но речь в них шла о войнах, принцах и шпионах. Как-то вечером Пауло вместе с родителями, дедушкой и бабушкой смотрел по телевизору программу вопросов и ответов «Предела нет». Какой-то профессор отвечал на вопросы о Римской империи, и когда журналист спросил, кто правил Римом после Юлия Цезаря, Пауло подскочил и, к всеобщему удивлению, выпалил, не дожидаясь ответа с экрана:

— Октавиан Август. — К тому же мальчик знал не только имя правителя: — Мне всегда нравился этот император, потому что его имя дали тому месяцу, когда я родился.

Знать больше друзей — этим Пауло стремился компенсировать свою физическую хрупкость. Тщедушный невысокий Пауло везде — и в школе, и дома — был «хиляком». На тогдашнем жаргоне Рио этим словом обозначался тот, кто сам не мог никого побить и кого били все. Пауло надоело быть жертвой, и он открыл для себя способ выделиться и заставить с собой считаться: надо знать то, чего не знают другие, читать то, чего другие не читают. Понимая, что никогда не сможет стать первым, Пауло участвовал только в тех школьных спортивных соревнованиях, за которые ставили отметки. А вот когда объявили конкурс на лучшее сочинение среди учеников третьего класса, он решил попробовать свои силы. Тема для сочинения была предложена такая: «Отец авиации» — тогда праздновали юбилей бразильского летчика Альберто Сантоса-Дюмона. Объем — две тетрадных страницы, что составляет приблизительно двести слов:

> Жил когда-то мальчик по имени Альберто Сантос-Дюмон. Каждый день с раннего утра Альберто видел летающих птичек и думал иногда: «Если орлы летают, почему бы не полететь и мне? Ведь я умней орлов». И когда Сантос-Дюмон решил учиться, а отец и мать

отдали его в школу аэромоделирования.

Многие люди мечтали летать — например, падре Бартоломеу и Аугусто Северо. Но его воздушный шар упал, и он погиб. А Сантос-Дюмон не сдавался. Он построил дирижабль — это такая труба, наполненная воздухом, — и полетел. Он облетел вокруг Жефелевой [так] башни в Париже и опустился па то же место, откуда начал полет.

Тогда он решил изобрести аэроплан, который тяжелее воздуха. Он сделал конструкцию из бамбука и шелка. В 1906 году аэроплан проходил испытания на поле Багатель. Многие люди смеялись, думая, что он не взлетит. Дали старт. Сантос-Дюмон на своем «14-бис» прокатился больше 220 метров, и вдруг колеса оторвались от земли. Толпа людей, видя это, закричала: «О!» — и готово. Так изобрели авиацию.

Одноклассники должны были выбрать лучшее сочинение голосованием. Пауло был настолько не уверен в себе, что проголосовал за чужое сочинение. Но тем не менее, очень удивился, когда подвели итоги и выяснилось, что победил именно он. А мальчик, за которого он проголосовал, занял второе место, но потом его дисквалифицировали: выяснилось, что он лишь переиначил журнальную статью.

К сожалению, успех Пауло на конкурсе не распространился на другие предметы. Когда пришла пора сдавать вступительные экзамены в колледж Санто-Инасио, оказалось, что уровень требований и жесткая дисциплина школы Богоматери Побед еще не гарантировали успеха, и Пауло провалился. Наказание не заставило себя ждать: чтобы готовиться к повторным экзаменам, его оставили в Рио, наняли частных преподавателей и лишили отдыха с семьей в Арарууме — прелестном городке на берегу озера в ста километрах от Рио-де-Жанейро, где жил один из его дядей. Чтобы у Пауло не оставалось свободного времени, мать, которую, к тому же, волновали состояние здоровья и физическая слабость сына, решила, что по утрам он будет заниматься спортом в летнем лагере в крепости Сан-Жуан — воинской части, размещенной в спокойном и романтичном районе Урка в центральной зоне Рио. Пауло пришлось делать две вещи, которые он ненавидел: заниматься спортом с утра и учиться после обеда. Он чувствовал себя так, будто его на два месяца сослали в ад.

Каждое утро Лижия с сыном садилась в автобус из Ботафого в Урку и сдавала его в руки «палачей». Апогеем кошмара был проклятый прыжок в реку: этим упражнением все мальчики — а

их было около пятидесяти — должны были завершать бесконечную цепь мучений в виде наклонов, приседаний, бега и упражнений на брусьях. Взрослые командиры-инструкторы выстраивали подростков в очередь и заставляли прыгать с мостков в ледяную воду речушки, протекавшей в роще, которая окружала крепость. Пауло знал, что возможность утонуть или покалечиться равна нулю, но одна мысль об этом прыжке повергала его в панику. В первые недели он становился в очередь последним. И до того мига, когда ему предстояло взяться за поручни и броситься в пустоту, он невыносимо страдал. Сердце бешено колотилось, он весь покрывался холодным потом, ему хотелось плакать, звать маму, он боялся описаться, был готов на все, только бы не прыгать с этой ужасной вышки. Но он пересиливал себя, чтобы не быть уличенным в трусости. И вот однажды, своим собственным умом — безо всякой подсказки — он вдруг сделал открытие: «Если я встану в очередь первым, буду меньше страдать».

Вскоре выяснилось, что траты и муки двух месяцев были напрасны, Пауло не сдал вступительные экзамены. Весь следующий, 1958 год Пауло готовился к экзаменам и сумел поступить в колледж Санто-Инасио, получив средний балл 8,3. Такая высокая оценка обеспечила ему не только поступление, но и почетный титул — теперь он стал именоваться «граф» Пауло Коэльо де Соуза. Если бы в дальнейшем он улучшил успеваемость, заслужил бы титул «маркиза» или даже «герцога», о чем мечтали его родители, но для этого по итогам учебного года надо было получить по всем предметам десятки.

Однако Пауло не подарил своим родителям такой радости. Высокий вступительный балл в колледже Санто-Инасио оказался единственным славным моментом во всей его учебной жизни от начальной школы до университета. Уже в 1959 году кривая успеваемости Пауло поползла вниз и остановилась только в самом конце его школьного пути — в 1965-м, в одном из худших колледжей Рио. Своим поразительным успехом при поступлении в Санто-Инасио Пауло как бы обращался к родителям: «Ваша мечта видеть сына в этом колледже осуществилась, а теперь оставьте меня в покое». Высокий балл 8,3 оказался — позволим себе заимствовать это выражение из книги Пауло Коэльо — его последним подвигом в мире нормальных людей.

3
«Сын мой, Жоржи Амаду только один»

Если дьявол прятался в стенах почтенного колледжа Санто-Инасио, рай находился всего в сотне километров от Рио и назывался Арарuама. Там Пауло Коэльо почти всегда проводил каникулы со своей сестрой Соней Марией. Если позволяли финансы — что случалось нечасто, поскольку все свободные средства по-прежнему шли на строительство нового дома в Гавеа, — родители с детьми отправлялись в город Белен-ду-Пара, где жили дедушка и бабушка по отцу.

Арарuама располагалась в районе озер и славилась солеными пляжами. Ее семейство Коэльо выбрало для отдыха отнюдь не из-за красот природы и лечебных песков: здесь у них имелось гарантированное пристанище, дом двоюродного дедушки Пауло, эксцентричного Жозе Браза Арарипе. Инженер-механик по специальности, он в двадцать лет поступил на работу в бразильский «Ллойд» — государственную судостроительную компанию, и со временем возглавил ее судоремонтный филиал, находившийся в Соединенных Штатах. Вместе с другим бразильским инженером по имени Фернандо Иели Лемос, Арарипе проводил все свое время у станков и в лабораториях «Ллойда»: они работали над техническим усовершенствованием, которое впоследствии коренным образом изменило не только их жизнь, но и жизнь миллионов автомобилистов во всем мире. Бразильские инженеры изобрели автоматическую коробку передач. Дядя Жозе взял за основу приспособление, созданное в 1904 году братьями Стёртавант из Бостона и не запущенное в промышленное производство потому, что оно обеспечивало лишь две скорости и могло работать только на высоких оборотах. Революционное изобретение Арарипе и Лемоса удалось запатентовать лишь в 1932 году, после бесконечных испытаний и проверок В том же году компания «Дженерал моторз» купила у них права на запуск изобретения в серийное производство, которое было начато в 1938 году. Тогда же «Дженерал моторз» объявила, что одна из ее легковых моделей — «олдсмобил» — будет оборудована величайшим техническим усовершенствованием, вторым по значению после изобретения самого автомобиля: гидравлической системой. За столь роскошное новшество покупателям нужно было заплатить на

семьдесят долларов больше, что составляло почти десятую часть от общей стоимости машины. Сведения о том, какое вознаграждение получили бразильские инженеры, противоречивы: одни утверждают, что каждому выдали крупную сумму наличными, и на этом дело закончилось, а другие уверяют, будто изобретатели предпочли пожизненно получать определенный процент с каждой проданной коробки передач. Очевидно одно: нужды в деньгах инженер Арарипе — «дядя Жозе», как называли его двоюродные внуки, — не испытывал.

Необыкновенный дом дяди Жозе

Открыв солидный счет в банке и обеспечив себе безбедное будущее, дядя Жозе уволился из «Ллойда» и вернулся в Бразилию. Однако в Рио, с другими родственниками, он жить не захотел. В Соединенных Штатах Жозе получил производственную травму, вследствие чего его левая рука плохо двигалась, и кто-то сказал ему, будто черные пляжи Арарауамы великолепно излечивают такие заболевания. Дядя переехал в Арарауаму, купил большой земельный участок на Оскар Кларк — одной из главных улиц города — и возвел там крайне экстравагантное здание: дом с шестью спальнями, в котором все перегородки и мебель были складными и подъемными. Стены, кровати, столы исчезали по команде хозяина, и помещение преображалось в огромную мастерскую. Почти весь год перегородки и мебель пребывали в специальных отсеках, устроенных в потолке и стенах, а на огромном свободном пространстве дядя обдумывал и конструировал свои изобретения.

Летом же система блоков возвращала перегородки и мебель на место, и в дом приезжали дети. Но даже на каникулах перегородки вновь исчезали на один вечер в неделю, когда здесь

устанавливали профессиональный тридцатипятимиллиметровый кинопроектор, и помещение становилось кинозалом. Иногда летом у дяди Жозе собиралось до двадцати человек внучатые племянники, прислуга и некоторые взрослые, бравшие на себя невыполнимую миссию присмотра за малолетней компанией. Родители не одобряли дядиных чудачеств, но слишком уж их соблазняли предоставляемые удобства. Озабоченные мамаши перешептывались: дядя Жозе не только атеист, он показывает порнографические фильмы, когда в доме остаются одни мальчики. И это было правдой. Доброжелательность и щедрость дяди распространялась и на соседей. Узнав, что купленный им телевизор оказался единственным во всем городе, он тут же развернул его экраном на улицу и поставил скамейки, чтобы с семи до десяти вечера все желающие могли предаваться новой национальной мании.

Друзья Пауло из Араруамы Микеле Конте и Жорже Рамос вспоминают, что будущий писатель всякий раз привозил из Рио какую-нибудь новинку. Однажды привез пневматическую винтовку «Диана», из которой впервые в жизни подстрелил птичку-тизиу. Пауло аккуратно отделил от тела черные крылья и завернул их в бумагу, а сверху написал дату и характеристики своего первого охотничьего трофея (он хранится в музее писателя в Рио). На следующий год Пауло привез маску и ласты для подводного плавания, а дядя Жозе смастерил ему пружинный гарпун: стрелы вылетали, как в средневековом арбалете.

На каникулах Пауло, как и его приятели — и местные, и приезжие — вставал затемно. В Араруаме запомнили мальчика на тоненьких ножках, в гольфах до колен, в широких штанах и с платком в руке, которым он вечно утирал нос. Мальчишки уходили в рощи и на озера, брали без спросу лодки и катались, устраивали набеги на сады, исследовали пещеры. Домой возвращались после обеда с подстреленными из воздушки горлицами и рыбой, добытой дядюшкиным гарпуном. Кухарка Роза чистила их и готовила ужин. Нередко кто-нибудь приходил с травмой или кого-нибудь за незаконную охоту задерживала лесная охрана — как это однажды случилось с Пауло.

Лижия приезжала на выходные проведать детей и поддавалась атмосфере бесшабашности, царившей в дядином доме. Она нередко брала гитару и наигрывала песенки Трини Лопеса, американского певца родом из Мексики, или Роберто Карлоса, восходящей бразильской звезды. Дети подпевали.

Одного Пауло не переносил, что называется, «на дух» — развлечений во время карнавала. Ему нравились конкурсы карнавальных костюмов в Рио, но танцы он ненавидел: считал,

что будет выглядеть нелепо, если по настоянию друзей начнет скакать и подпрыгивать на карнавальных балах в Арараруаме. Чтобы не становиться посмешищем, придя в клуб, он сразу направлялся в туалет, снимал рубашку, мочил ее под краном и снова надевал.

И когда кто-нибудь приглашал его встать в цепь танцующих, Пауло отнекивался:

— Я уже наплясался до упаду — видишь, как вспотел. Отдохну и вернусь.

В Арараруаме Пауло совершил и свои первые подростковые открытия: например, там он впервые напился. Две бутылки рома, тайно купленные в Рио и спрятанные под одеждой в глубине чемодана, были распиты с двумя приятелями на безлюдном пляже. Опьянение было столь сильным, что Пауло заснул прямо на песке и проснулся лишь через несколько часов. Он весь обгорел и опух, и солнечные ожоги довольно долго не проходили. На него это подействовало так сильно, что, в отличие от множества сверстников, он к спиртному не пристрастился. На каникулах же он впервые поцеловался. Хотя Пауло театрально заявлял приятелям, что его «первым поцелуем, по воле рока, был поцелуй проститутки», на самом деле впервые он поцеловался с девочкой в невинной Арараруаме. Ее звали Элида, или Деде, и она была старшей сестрой его друга Микеле, чуть моложе Пауло. Эта девочка стала первой официальной возлюбленной будущего писателя. В Арараруаме Пауло испытал и первое сексуальное потрясение. Он обнаружил, что подъемные перегородки дяди Жозе сделаны из очень тонких досок. Племянник потихоньку расковырял перегородку у своей кровати перочинным ножиком и проделал небольшое отверстие. Перед сном он в одиночку наслаждался неслыханной привилегией: подсматривал за голыми кузинами в соседней комнате. Пауло это потрясло — он своими глазами увидел, что низ живота у девочек покрыт курчавыми волосами. У него перехватило дыхание, заколотилось сердце, задрожали ноги и едва не начался приступ астмы, а это могло бы иметь катастрофические последствия.

Да, начало полового созревания принесло Пауло новую хворь. Проблемы с дыханием, возникшие еще при рождении, перешли в мучительную астму. Приступы начинались внезапно, их могло вызвать что угодно — изменение климата, пыль, плесень, дым. Ему не хватало воздуха, из груди вырывался свист, он заходился кашлем, а потом наступало удушье, и каждый выдох давался Пауло с таким неимоверным напряжением, что, казалось, у него вот-вот разорвутся легкие. После первого приступа — он случился, когда семья ненадолго приехала на пляж Гуарапари в

штате Эспириту-Санту, — Пауло всегда имел при себе сумочку с микстурами, препаратами кортизона (обычно в виде таблеток) и неизменным ингалятором. Иногда по ночам родители дежурили по очереди у его постели. Отчаяние Лижии было столь велико, что, по совету друзей, она даже повела сына к экстрасенсу. Тот посадил Пауло перед собой, пристально посмотрел ему в глаза и изрек:

— Вижу доктора Фрица[9].

Этого было достаточно. Мать взяла ребенка за руку и увела, бормоча сквозь зубы, что «в таком месте христианину делать нечего». Когда астма настигала Пауло в Арарауме, вдали от материнских забот, мать и сын начинали чаще обмениваться письмами, нередко очень тревожными. «Ты не могла бы приехать и полечить меня вместе с тетей Элизой?» — жалобно просил Пауло. Получив такое письмо, Лижия забрасывала телеграммами тетушку, которая присматривала за детьми. «Меня очень беспокоит астма Пауло. Врач рекомендует давать по одной ампуле редуктила три дня, потом две таблетки метикортена в день. Жду вестей».

Пауло говорил, что очень любит получать письма, но терпеть не может их писать; на самом деле, едва выучившись грамоте, он пользовался любым случаем, чтобы строчить страницу за страницей — особенно родителям. Судя по содержанию, он был мальчиком развитым, ласковым и очень страдал от своих школьных неудач. Особенно нежные и даже слащавые письма он адресовал матери:

> Дорогая мамочка,
>
> нет, не только восьмого мая мы вспоминаем обо всем хорошем, что мы от тебя получили. О твоей нежности, о внимании, хотя мы часто бываем такими гадкими, непослушными…
>
> Но твоя любовь прощает нас. Она такая прочная, ее невозможно порвать, как жевательную резинку… Да хранит тебя Господь, милая мамочка, и прости мне мои ошибки, я ведь еще маленький и обещаю как можно скорее исправиться.
>
> Целую,
>
> Паулиньо.

Письма к отцу, в которых временами тоже ощущается нежность, были более официальными, в том числе и подпись, и, как правило, содержали просьбы:

> Папа,

мои документы уже готовы? А как наш новый дам? Когда мы будем в нем жить?

Надеюсь, ты приедешь сюда в ближайшие выходные. Обнимаю.

Пауло.

Со временем писать письма вошло у него в привычку. Пауло писал родителям, дядям, тетям, дедушкам, бабушкам, друзьям. Когда писать было некому, он просто заносил мысли на листки бумаги и прятал в потайном месте, подальше от нескромных глаз. Лет в двенадцать Пауло купил ежедневник — из тех, что умещаются на ладони взрослого человека, — и стал вести регулярные записи. Он писал всегда чернилами, неровным, еще неустоявшимся почерком, почти без ошибок.

В начале он записывал, чтобы не забыть, какие-то свои подростковые дела: «прибрать на столе», «отправить телеграмму дедушке Казузе», — затем стал писать о том, чем занимался, что видел или о чем подумал. Иногда записи содержат ключевые слова, чей смысл был понятен только ему: «поменяться м. с Зекой», «выполнить пункт Е плана». К этому времени относится и его первая попытка написать о себе:

Я родился 24 августа 1947 года в клинике Святого Иосифа. Я с детства живу в этом квартале и на этой улице. Я уже учился в трех школах, во всех трех ко мне относились как к принцу, так нарядно я был одет. И во всех трех я получал хорошие оценки.

Мне очень нравится учиться, а еще играть. Я никогда не интересовался оперой и романтической музыкой. Я ненавижу рок-н-ролл, но очень люблю бразильскую народную музыку. На карнавале мне нравится только бал-маскарад.

Я очень люблю приключения, но боюсь опасностей… У меня уже было несколько подружек. Я обожаю спорт. Я мечтаю стать ученым-химиком, мне нравится возиться с химикатами и пробирками. Я люблю смотреть кино, ловить рыбу и заниматься авиамоделированием.

Мне нравятся детские журналы и кроссворды. Ненавижу пикники и экскурсии. И все, от чего устаешь.

Пауло так понравилось рассказывать о себе и своей повседневной жизни, что он стал фиксировать буквально все: писал в тетрадь или надиктовывал на кассетный магнитофон. Много позже, с развитием информационных технологий, толстые тетради сменил цифровой архив. Коэльо собрал всю

накопившуюся у него за четыре десятилетия информацию и запер эту исповедь в сундук. В ста семидесяти рукописных тетрадях и на девяноста четырех компакт-дисках хранилась подробная история его материальной и духовной жизни, начиная с 1959 года, когда ему было двенадцать лет, вплоть до 1995-го, когда, уже соракавосьмилетним, он принялся заносить информацию прямо в компьютер. Став взрослым и знаменитым, он распорядился в завещании сжечь сундук со всем содержимым сразу после его смерти, однако впоследствии отказался от этого решения в пользу настоящей биографии. Можно с уверенностью предположить: не только те фрагменты истории его жизни, что предназначались для печати, но и все его дневники втайне рассчитаны на то, что их когда-нибудь прочтут, — иначе зачем было их писать? Поскольку записи делались сразу после каких-либо поступков или переживаний, в большинстве случаев они — свидетельства катарсиса. Это особенно заметно в тех местах, где Пауло говорит о темных, подчас извращенных сторонах своей личности. Но были у него тогда и победы, и счастливые мгновения, достойные увековечения.

Дневник давал Пауло свободу фантазировать сколько душе угодно. Вопреки содержанию приведенной выше записи, Пауло никогда не бывал нарядно одет, ненавидел как школьные занятия, так и спорт, а его влюбленности далеко не всегда заканчивались радостно. Если верить ему на слово, его возлюбленными были и Сесилия (вспомним проделку с флаконами), и соседка Моника, и Деде, с которой он впервые в жизни поцеловался в Арарауме, и Анна Мария Тата, хорошенькая смуглянка со скобками на зубах. Чувство к последней, как это часто бывает в юности, захватило Пауло и перевернуло всю его жизнь. Он пишет о ней драматически: «Впервые в жизни я плакал из-за женщины… с ней я испытал горе и потерял желание жить». Ворочаясь ночью без сна, он воображал себя героем трагедий Нелсона Родригеса[10], например: он проезжает на велосипеде мимо дома возлюбленной, его сбивает машина, он падает на землю весь в крови. Тут же, откуда ни возьмись, появляется Она, бросается в слезах на колени, склоняется к умирающему и успевает услышать его последние слова: «Это моя кровь. Она пролилась из-за тебя. Помни обо мне…»

Хотя у девочки и Пауло были чисто платонические отношения, реакция ее родителей оказалась немедленной и категоричной: ей запретили дружить с «плохим мальчиком». Но Тата взбунтовалась и не покорилась воле семьи. Она призналась Пауло, что даже материна трепка не заставила ее отказаться от него. Пауло был и а каникулах в Арарауме, когда почта принесла

страшную весть — всего несколько строк, написанных его другом Шико: «Тата просила тебе передать, что между вами все кончено. Она любит другого». Стены дядюшкиного дома словно придавили ею своей тяжестью. Речь шла не только о потере возлюбленной — он сгорал от позора, что его так унизительно предали. Пауло был готов на все, только бы в глазах друзей не выглядеть жалким. Он выдумал фантастическую историю и на следующий день сообщил ее в письме другу: он просил Шико открыть всем приятелям, чем на самом деле была для него Тата. Он лгал ей — он никогда не питал к ней нежных чувств. Он — «тайный агент ЦРУ, шпионской организации Соединенных Штатов, и получил задание следить за этой девчонкой», только поэтому он с ней водился. Через неделю, получив ответное письмо Шико, Пауло записал в дневнике: «Он поверил моей выдумке, но теперь мне все время придется лгать. Моя честь спасена, но сердце пылает».

А у Лижии и Педро сердца если и не пылали, то были не на месте — но совсем по другой причине. Первые месяцы обучения сына в колледже Санто-Инасио свидетельствовали о крахе их надежд. Табель со скверными отметками вызвал тяжелые объяснения в семье. Соня Мария училась блестяще и неизменно была первой ученицей в Жакобине, а Пауло катился вниз. Он успевал лишь по таким второстепенным предметам, как пение и труд, в остальном лее едва дотягивал до пяти баллов, которые необходимо набрать, чтобы не вылететь из колледжа. И только строгий домашний режим, при котором Пауло часами просиживал за уроками, а также дополнительные занятия по нескольким предметам помогли ему закончить первый год с мизерным средним баллом 6,3. Дальше положение ухудшилось. Ему по-прежнему ставили высокие оценки по пению, но он не дотягивал до минимально допустимого балла по математике, истории, португальскому, латыни, английскому…

Однако родители знали, что их мальчик, по сути своей, не так уж плох. Они надеялись, что железная рука иезуитов в конце концов наставит его на путь истинный. А Пауло тем временем все больше замыкался в себе, становился робким и неуверенным. Он даже потерял интерес к любимому развлечению однокашников по Санто-Инасио дежурить у дверей колледжа Жакобина, дожидаясь выхода девочек. Многие вспоминали потом об этом всю оставшуюся жизнь. Например, Риккардо Гофштетер, впоследствии писатель и сценарист:

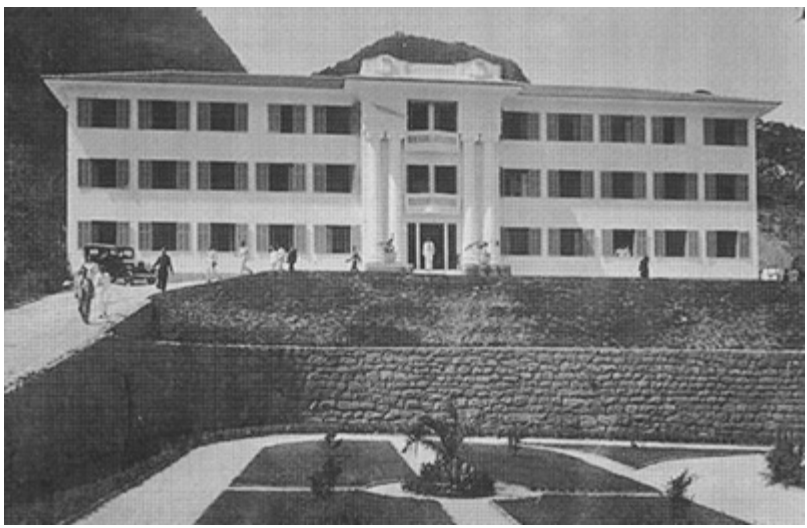
— Нам доставляло огромное удовольствие пройти два-три квартала до Жакобины и зачарованно смотреть, как они выходят. Эта картина до сих пор стоит у меня перед глазами: прелестные тоненькие ножки девочек, наполовину скрытые плиссированными

юбочками. Они выходили стайками — стайки ножек и юбочек, развевавшихся на ветру, — и нам становилось еще интереснее. Те, кому удавалось с кем-нибудь из них подружиться, говорили, что большего наслаждения просто не бывает. Но у меня никогда не было подружки из Жакобины.

У Пауло ее тоже не было. Ни из Жакобины, ни из какой-нибудь другой школы. Если не считать легкого флирта и невинных записок, которыми он обменивался с девочками на участке и в Араруаме, Пауло рос, так и не обзаведясь настоящей подружкой. Когда приятели начали хвастать своими похождениями и победами — на самом деле все ограничивалось мимолетными поцелуями, прикосновениями рук или редкими торопливыми объятиями, — одному Пауло нечего было рассказать. Природа обделила его красотой. Тщедушный, узкоплечий, с большой головой. Унаследованные от отца толстые губы и чересчур массивный нос на лице мальчика его возраста смотрелись странно. Одиночество все возрастало, и Пауло уходил в мир книг — но не тех, что заставляли читать отцы-иезуиты, — эти он ненавидел. Его любимым чтением были приключенческие истории и романы. Пауло читал много и жадно, но это ничуть не улучшало его успеваемость. В конце каждого учебного года на публичной церемонии награждения лучших учеников Пауло привык видеть, как его друзьям (некоторые из них впоследствии стали крупными фигурами в общественной жизни Бразилии) вручают почетные дипломы и медали. А Пауло был на волосок от отчисления: его средняя годовая оценка превышала нижний предел лишь на три сотых балла. Он с трудом закончил учебный год, и над ним нависла угроза отчисления — в Санто-Инасио не держали двоечников.

Успеваемость Пауло была катастрофической, но родители тешили себя надеждой, что сын зато станет добрым христианином. В этом смысле он, видимо, стоял на верном пути. Пауло не любил занятия, но хорошо себя чувствовал в тяжелой для многих атмосфере набожности, свойственной колледжу Санто-Инасио. Он послушно ходил в парадной форме на обязательные воскресные мессы — их служили на латыни — и свыкся с загадочными ритуалами: например, с обычаем в Великий пост закрывать изображения святых лиловым покрывалом. И даже мрачные катакомбы, где покоились бренные останки отцов-иезуитов, будоражили его любопытство, хотя спуститься туда не хватало смелости. Надежды Лижии и Педро спасти душу сына укрепились, когда уже в четвертом классе он захотел пожить в духовном приюте колледжа. Уединение продолжалось три или четыре будних дня, чтобы это ничем не напоминало лагерь

отдыха. Местом его бывал обычно «Дом уединения падре Аншиеты»[11] или просто «Дом в Гавеа» — небольшая усадьба в тогда еще окраинном районе Сан-Конрадо, в пятнадцати километрах от центра Рио. Дом построили в 1935 году среди густого леса — тяжеловесное белое трехэтажное здание с тридцатью окнами по фасаду: по числу комнат для воспитанников. Из каждого окна открывался великолепный вид на пустынное побережье Сан-Конрадо. Иезуиты не уставали повторять, что глубокая и полная тишина в доме позволяла слышать в любой час дня и ночи, как накатываются на берег океанские волны.



«Дом в Гавеа»

И вот жарким октябрьским утром 1962 года Пауло отправился туда на встречу с Господом. В чемоданчике, собранном матерью, помимо одежды и туалетных принадлежностей лежали его неразлучные теперь уже спутники: тетрадь в твердой обложке и вечная ручка для записей, которые все больше напоминали дневник. В восемь утра готовые к отправке мальчики уже стояли во внутреннем дворе колледжа Санто-Инасио. Пока ждали автобуса, будущий писатель вдруг ощутил порыв смелости. С двумя друзьями он вошел в темную часовню, обогнул алтарь и спустился по лестнице в катакомбы. Подземелье, освещенное только свечами, казалось зловещим. Однако, к своему удивлению, Пауло испытал не ужас, а необыкновенное, невыразимое умиротворение. «Мне казалось, что передо мной не мрачный лик смерти, — записал он в тетради, — но вечный покой тех, кто жил и страдал ради Иисуса».

Через полчаса они уже входили в «Дом в Гавеа». Несколько

дней Пауло делил с другим мальчиком скромную комнату, где стояли две кровати, шкаф, стол, два стула, а на стене висел ораторий с изображениями святых. В углу помещался фаянсовый умывальник, над ним — зеркало. «Наверное, чтобы мы могли наблюдать с его помощью свое обновление», — оптимистично предположил в дневниковой записи Пауло. Разобрав чемоданы, мальчики спустились в столовую, где им подали чай с бисквитами. Духовный наставник группы падре Жуан Батиста Руффьер огласил прибывшим здешние правила, и первое надлежало исполнять уже через десять минут: обет молчания. До самого отъезда из приюта никто не должен произнести ни слова. За соблюдением правил следил сам падре Руффьер — энергичный коренастый гаушо, сын выходцев из Франции, увлекавшийся пчеловодством. Он туг же прочел мальчикам одну из своих знаменитых проповедей, которые оставили неизгладимый след в памяти многих поколений учеников Санто-Инасио:

— Вы прибыли сюда, как прибывают машины на технический осмотр и ремонт. Попытайтесь полностью разобрать себя, деталь за деталью. Не бойтесь, если увидите много грязи. Важно потом вновь поставить детали на нужное место и при этом быть предельно честными.

Проповедь длилась почти час, но именно эти слова звучали потом в голове Пауло весь первый день, который он провел в одиночестве, бродя по лесу вокруг дома. Вечером он записал в дневник: «Я пересмотрел все свои мысли последних дней и готов к исправлению». Прочитав «Аве Мария» и «Отче наш», он погрузился в сон.

Хотя падре Руффьер ясно определил цель уединения — «здесь вы удалитесь от мирских соблазнов и предадитесь размышлению и молитве», — далеко не все мальчики прибыли сюда с благочестивыми намерениями. После ужина и вечерней молитвы по коридорам здания скользили тени, мальчики тайком собирались в группы, играли в покер и «семь-с-половиной». Если им удавалось провезти в чемодане приемник на батарейках, что было строжайше запрещено, и поймать «Радиожурнал Бразилии», кто-нибудь тут же предлагал сделать ставки на скачках «Жокей-клуба». Глубокой ночью благочестие приюта осквернялось азартной игрой, курением и даже выпивкой, если кто-то ухитрялся привезти виски во флаконах от шампуня. Заметив ночью свет в комнате, какой-нибудь бдительный падре туг же вырубал электричество, дабы пресечь греховную деятельность, что однако не всегда решало проблему — нечестивое веселье могло продолжаться и при свечах, похищенных днем в капелле.

Пауло проснулся в пять утра с тяжелой головой, но ему стало

немного лучше, когда он открыл окно и увидел первые лучи солнца над океаном.

Ровно в шесть, еще до завтрака, дожидаясь в капелле утренней мессы вместе с товарищами, Пауло решил вверить себя Господу и совершить то, на что у него не хватало духа вот уже почти год: исповедаться. Трудность была не в самой исповеди, но в тех мучительных объяснениях, что обычно за нею следовали. Мальчики приходили к исповеднику, намереваясь признаться лишь в самых банальных грехах, но священник обязательно задавал им стыдный прямой вопрос:

— Ты согрешил против целомудрия, сын мой? — Если ответ был утвердительным, неизбежно следовали другие вопросы: — Один или с кем-то? — Если с кем-то, священник продолжал терзать несчастного грешника: — С человеком или животным? — Если с человеком, приходилось уточнить пол партнера: — С мальчиком или девочкой?

Пауло было безумно трудно говорить о таком, что он даже не считал грехом. По его мнению, в мастурбации не было ничего зазорного. В тетради он писал: «Никто на земле не вправе бросить в меня камень, потому что никто не может избежать этого искушения». Но Пауло не мог заставить себя признаться в этом на исповеди и постоянно тяготился ощущением собственной греховности. После мессы падре Руффьер вновь произнес грозную проповедь. Глядя в устремленные на него широко открытые глаза учеников, священник красочно изобразил то место, куда неизбежно попадают грешники:

— И вот мы уже в аду! Мы видим вокруг лишь слезы и слышим скрежет зубовный! И я встречаю совратившего меня приятеля и проклинаю его! И все мы рыдаем и раскаиваемся, а дьявол смотрит на нас с мерзкой улыбкой, от которой наши страдания становятся еще страшнее. Но самая лютая кара, самая нестерпимая мука состоит в том, что у нас нет никакой надежды. Мы останемся здесь навечно.

Пауло не сомневался: падре Руффьер говорит о нем. Он не исповедовался уже год, боясь признаться в том, что мастурбирует, и если вдруг сейчас умрет, то отправится прямо в ад. Пауло представил себе, как дьявол смотрит ему в глаза с издевательским хохотом: «Мой дорогой, твои муки еще и не начинались!» Пауло чувствовал себя беззащитным, бессильным, потерянным. Ему никто не мог помочь, но он знал, что приют — вместилище истины, а не сомнений. И перед ним стоял выбор: терпеть вечные муки в адском огне или отказаться от самоудовлетворения. Он выбрал веру. Дрожа от волнения, стоя на коленях на каменных плитах, он обратился к Богу и дал

торжественное обещание никогда больше не мастурбировать. Это придало ему храбрости и успокоило сердце, но благостное состояние оказалось недолгим. На другой же день дьявол набросился на Пауло столь яростно, что мальчик не устоял. Он вышел из туалета с таким чувством, будто у него руки в крови, после чего встал перед алтарем и взмолился:

— Господи! Я мечтаю исправиться, но не могу удержаться! Я много раз пытался преодолеть искушение, но продолжаю грешить! Я грешу мыслями, словами, поступками. Дай мне силы! Я прошу милости! Милости! Милости!

Он был в отчаянии, однако ему несколько полегчало, когда, бродя по лесу, он узнал, что не будет одинок в вечных муках: один приятель шепотом признался, что тоже грешит рукоблудием.

Падре Руффьер: «Грех рукоблудия будет караться вечным пламенем геенны»

Сгорая от стыда, Пауло до отъезда выслушал еще две проповеди падре Руффьера, составленные так, чтобы произвести ошеломляющее впечатление на неокрепшие души подростков. На этот раз священник обратился к жутким и трагическим образам — он хотел предупредить слушателей о губительности пристрастия к материальным благам. Жестикулируя как настоящий актер, священник картинно воздевал короткие мускулистые руки к небесам:

— Истинно, истинно реку вам, дети мои: придет час, и все мы сляжем. Представьте, что вы в агонии. В больничной палате ваши бледные, потрясенные родственники. Столик завален уже ненужными лекарствами. И вы наконец понимаете, насколько слабы. Вы униженно признаете свое бессилие. Какая вам польза в этот фатальный час от славы, денег, автомобилей, роскоши? К чему все это, если в конце с вами будет только Создатель? — Его воздетые руки со сжатыми кулаками казались двумя деревянными башнями. Падре Руффьер взывал, будто охваченный божественным гневом: — Оставьте все, дети мои! Отриньте все!

Но его слова отнюдь не были призывом к социализму. И не только потому, что перед ним стояли дети из самых обеспеченных семей Рио-де-Жанейро. Колледж Санто-Инасио славился своими консервативными политическими взглядами, там все время показывали фильмы о расстрелах на кастровской Кубе, чтобы подростки не сомневались в «кровавой природе коммунизма». Да и сам падре Руффьер любил рассказывать, как бежал из Колумбии, «спасаясь от коммунистов» (он имел в виду народное восстание, вспыхнувшее в Боготе в 1948 году, его называли «Боготасо»). И теперь мальчики испуганно переглянулись, а священник выдержал паузу и вернулся к образу ада. Он упирал на то, что страдания грешников будут вечными:

— Ад — он как океан, что у нас перед глазами. Представим себе: раз в сто лет прилетает ласточка и уносит каплю воды. Ласточка — это ты, океан — наказание за твои грехи. Ты будешь страдать миллионы лет, но однажды океан опустеет. И ты скажешь: все, это конец, теперь я смогу успокоиться. — Падре Руффьер сделал эффектную паузу и продолжил: — А Создатель улыбнется в вышине и изречет: это лишь начало. Будут новые океаны, и так будет вечно. Ласточка осушает, а я наполняю вновь.

Весь остаток дня эти слова звучали в голове Пауло. Он бродил по лесу, пытаясь утешиться красотой природы, но она не могла заглушить страшные слова проповедника. Перед сном Пауло записал в тетради, какую пользу принесло ему уединение в духовном приюте:

> Здесь я полностью забыл о мире. Забыл, что мне грозит провал по математике, забыл, что футболисты Ботафого оказались на чемпионате впереди всех, забыл, что на будущей неделе поеду на остров Итаипу. Но я чувствую, что с каждой минутой забвения я учусь лучше понимать мир. Я возвращаюсь в мир, которого не понимал, который ненавидел — но уединение помогло мне понять и полюбить его. Здесь я научился видеть красоту в каждой травинке и каждом камне. Короче говоря, я научился жить.

Важнее всего было то, что он возвращался домой, обретя благодетельный дар. Несмотря на все последующие взлеты и падения, он станет теперь для Пауло великой путеводной звездой: будущий писатель обрел веру. И даже его родители, уже потерявшие, кажется, надежду загнать мальчика в какие-то рамки, воспряли духом, увидев Пауло, которого им вернули иезуиты.

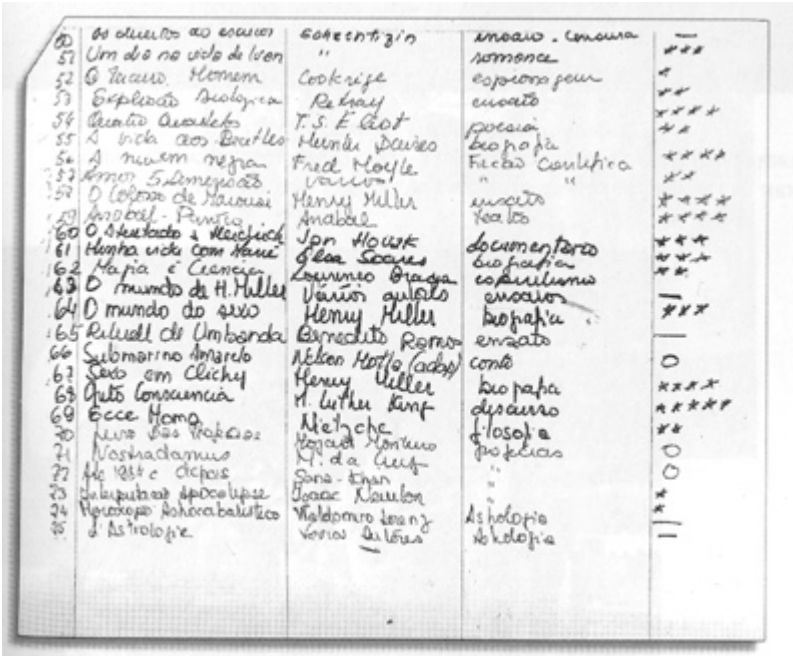
— Мы счастливы, что ты наконец на верном пути, — радовалась Лижия.

Обращение сына в истинную веру стало тем звеном, которого им не хватало для семейной гармонии, потому что материальная составляющая мечты Педро Кейма Коэльо наконец стала реальностью: несколькими месяцами раньше семья переехала в новый розовый особняк, построенный, как с гордостью утверждал отец, его собственными руками. Правда, переезд состоялся немного раньше полного завершения строительства, и еще какое-то время семья жила среди банок с краской, ванн и умывальников, загромождавших проходы. Но дом получился замечательный: в нем были и столовая, и гостиная, и общая комната, и мраморная лестница, и терраса, а при каждой спальне имелась отдельная ванная. Зимний сад, устроенный во внутреннем дворе, оказался таким просторным, что Пауло потом даже подумывал проводить в нем театральные репетиции.

Переезд в новый дом Пауло тяжело переживал, ведь ему пришлось покинуть маленький уютный участок в Ботафого, где он вырос и стал признанным лидером. Теперь его окружала Гавеа, в ту пору — просто лес, где изредка попадались дома. Переселение нисколько не уменьшило страха родителей, особенно отца, перед «улицей», которая могла пагубно повлиять на характер и судьбу сына. Педро запретил ему выходить из дома по вечерам, и Пауло разом лишился всех своих друзей. Приятели из Ботафого, с которыми он провел детство, исчезли из его жизни. Теперь он мог делать только три вещи: спать, ходить в

колледж Санто-Инасио и читать, сидя дома. Пауло начал с тех классиков детской и юношеской литературы, которые бразильские родители обычно дают детям, — произведений Монтейро Лобато и «Сокровищ юности». Затем перешел к Конан Дойлу и прочел все приключения Шерлока Холмса. Получив по программе задание прочесть и проанализировать роман Алуизио Азеведо «Трущобы»[12], Пауло стал записывать впечатления в тетрадь. Сначала он морщил нос: «Мне не нравится эта книга. Я не знаю, зачем Алуизио Азеведо уделяет такое внимание сексу». Однако, прочтя несколько глав, он меняет мнение и рассыпается в комплиментах: «Наконец-то я понял, в чем смысл „Трущоб“: в этой книге жизнь представлена как она есть, со всеми ее предательствами, с угрызениями совести, которые угнетают и унижают. Я понял, что жизнь длинна и полна разочарований. „Трущобы“ — замечательная книга. Она заставляет задуматься о несчастьях ближнего». Скучное школьное задание обернулось огромным удовольствием, и с этих пор Пауло стал записывать мнение обо всех прочитанных книгах. Его приговор мог быть категоричным и кратким, «слабый сюжет», отозвался он о романе Франсуазы Саган «Любите ли вы Брамса?», но в то же время он посвящал несколько восторженных абзацев такому произведению, как «Вузз» П. А. Ури, назвав его «восхитительным».

Пауло читал много и обо всем. Читал все, что попадало ему в руки, — от лирики Мишеля Куаста до жестоких произведений Жана Поля Сартра. Он читал бестселлеры Леона Юриса, детективы Эллери Куина и такие псевдонаучные книги, как «Человек в космосе» («плохо скрытая красная пропаганда», — записал он в тетради). За несколько месяцев вечернего одиночества Пауло прочел тридцать книг. Его маленькие литературные рецензии на прочитанное наводят на мысль, что он писал их, одинаково заботясь и об эстетике, и о добропорядочности. Суждения типа «В этой поэзии мы находим элементы деградации человеческой нравственности, без которых вполне можно было обойтись» (объект критики — Винисиус де Мораэс[13] и его книга «Чтобы пережить большую любовь»), или «бразильцы еще не доросли до такого чтения» (по поводу пьесы Нелсона Родригеса «Хорошенькая, но заурядная») довольно часто встречаются в его заметках. О Нелсоне Родригесе Пауло написал еще и такое: «Говорят, он пишет публике на потребу, но я не согласен: он рожден для литературы такого типа, публика тут ни при чем».



Пауло, страстный, но неразборчивый книгочей, читает вперемешку Т.С. Элиота, Генри Миллера, Эльзу Соарес. Читает и оценивает прочитанное звездочками

В политике его взгляды были столь же предвзяты. Посмотрев фильм «Красные всходы» по одноименному роману Жоржи Амаду, Пауло написал что, к великому сожалению, данное произведение является «откровенно коммунистическим, показывающим эксплуатацию человека человеком». Но его приятно поразил другой бестселлер писателя из Баии. Вопреки тому, что произошло с Кони, Пауло был очарован романом «Габриэла»: «Какая естественность… и ни тени коммунизма на его страницах! Мне очень понравилось». Лучшим бразильским поэтом будущий писатель считал Мануэла Бандейру[14] («потому что он не касается грязных сторон жизни и у него простой и сдержанный стиль»). Жуан Кабрал де Мело Нето[15] ему не понравился («я прочел несколько стихотворений и закрыл книгу»), и он признавался, что не понимает Карлоса Друммонда де Андраде[16] (который «пишет абстрактно и неясно, его поэзия трудна для восприятия»).

Видимо, к тому же возрасту — тринадцати-четырнадцати годам — относятся и первые симптомы неодолимой навязчивой идеи Пауло, подлинного наваждения, которое с тех пор ни на минуту не отпускало его: стать писателем. Спустя почти полвека, будучи уже одним из самых читаемых авторов всех времен, Пауло

открыл в своей книге «Заир» причины этой мечты:

> Я пишу, потому что в детстве неумел играть в футбол, у меня не было машины, мне давали мало денег на карманные расходы и я был плохо развит физически.
>
> Я был немодно одет, и девочки не обращали на меня внимания, как я ни старался. И по вечерам, когда мои одноклассники проводили время со своими подружками, я создавал свой мир — мир, в котором я могу быть счастливым. И спутниками моими были писатели и их книги. В один прекрасный день я сочинил стихотворение, посвященное девочке, жившей на нашей улице. Мой приятель нашел его у меня на столе, украл и прочел перед всем классом. Все смеялись, все считали, что быть влюбленным — нелепо.

Видимо, Пауло стал считать себя писателем раньше, чем даже заявил об этом. Он ведь не только победил на конкурсе сочинений в школе Богоматери Побед — едва научившись грамоте, Пауло начал писать стихи. Он посвящал их родителям, дедушкам, бабушкам, друзьям, двоюродным братьям и сестрам, подружкам и даже святым, которых почитали в семье. Например:

> Госпожа, этой пламенной ночью юности я приношу
> Вам в дар свое чистое детство, которое теперь пожирает огонь.
> И я становлюсь дымом, чтобы подняться к Вам.
> Пусть огонь освободит меня от моего прошлого.

Эти стихи обращены к Деве Марии. А вот куплет, посвященный родителям:

> Если счастливые дни
> от Господа получают
> родители, то они
> больше всего и страдают.

Если посвящать стихи было некому, он писал их себе:

> Прошлого больше нет,
> грядущее еще не настало.
> Витаю в несбыточном настоящем
> со своими идеалами, любовью, неверием.

Мне кажется, будто я прохожу мимо жизни.

Повзрослевшему Пауло стали доступнее книги и библиотеки. Тогда-то ему на глаза попалось высказывание, которое часто приписывают Эмилю Золя. Автор памфлета «Я обвиняю» будто бы выразился так: «Моя муза оказалась никчемной кривлякой; отныне я стану прозаиком». Пауло счел, что эта фраза написана будто специально для него, и решил руководствоваться ею в дальнейшей жизни. «Сегодня я завершаю свою поэтическую фазу. Теперь буду заниматься только прозой и театром», — записал он в дневник Он собрал все свои поэтические сочинения, созданные к тому времени, вынес в сад, сложил в костери поджег. Откровенно говоря, поступок этот был проявлением неблагодарности: именно стихотворение «Тринадцатилетняя женщина» позволило ему впервые выделиться из тысячи двухсот учеников колледжа Санто-Инасио Традиционно это учебное заведение представляла Академия литературы Святого Игнатия (АЛСИ), учрежденная в 1941 году, — она способствовала расцвету культурной жизни в колледже. На мероприятиях АЛСИ можно было увидеть крупнейших деятелей бразильской культуры: журналистов Пауло Мендеса Кампоса и Фернанда Сабино, поэтов Бандейру и Друммонда, христианского мыслителя Алсеу Аморозо Лиму, Тристана де Атаиде. В четырнадцать лет имя Пауло впервые появилось на страницах журнала «Витториа колежиал» — официального органа АЛСИ: там поместили его небольшую заметку, названную «Почему я люблю книги». В ней Пауло с огромным сочувствием говорит о писателях, драматично представляет их как несчастных людей, проводящих ночи без сна:

> Что такое книга? Книга — неоценимое культурное достояние. Именно книга открывает нам окно в мир. Благодаря книге мы переживаем необыкновенные приключения Дон-Кихота и Тарзана так, словно все это происходило с на ми. Мы смеемся над забавными похождениями дона Камипо и страдаем вместе с героями великих произведений мировой литературы. В свободное время я люблю читать книги. Благодаря книге мы можем подготовить себя к будущему. Пробежав глазами по страницам, мы знакомимся с теориями, за которые их создатели заплатили страданиями и самой жизнью. Каждый прочитанный нами учебник — шаг к славному горизонту нашей страны. Поэтому я люблю читать книги в часы занятий. Но какой путь должны пройти книги, прежде чем попасть к нам в руки? Это путь страданий их

авторов. Сколько ночей проводят они без сна, голодные, часто при свете одного лишь дрожащего пламени свечи? Их эксплуатируют издатели, и они умирают забытыми — несправедливо забытыми. Какую же они должны проявить силу воли, чтобы книга попала нам в руки! Поэтому я люблю книги.

Эта публикация открыла перед Пауло двери Академии, и он занял в ней кресло, патроном которого был сам автор «Трущоб». Через несколько месяцев АЛСИ объявила традиционный ежегодный конкурс на лучшее поэтическое произведение. Пауло только что посмотрел франко-итальянский фильм «Чочара» режиссера Витторио де Сики и вышел из кинотеатра потрясенным. В фильме, снятом по роману итальянского писателя Альберто Моравиа, представлена история Чезиры (Софи Лорен) и ее дочери Розетты (Элеонора Браун), которых изнасиловали союзные солдаты во время Второй мировой войны. Мысль о Розетте не давала Пауло покоя и, придя домой, он написал стихотворение «Тринадцатилетняя женщина». Его-то впоследствии он и извлек из ящика и представил на академический конкурс.

Ожидание результатов стало для Пауло смертной мукой. Он не мог думать ни о чем другом. В начале вечера, когда имена трех победителей еще не огласили, он не выдержал и, поборов смущение, спросил у члена жюри, преподавателя португальского языка, за кого тот отдал голос. И побледнел, услышав ответ:

— За тебя, Аттилу и Шаме.

Сначала из всех поданных стихотворений выбрали двадцать. Пауло знал по крайней мере одного претендента — Жозе Аттилу Рамоса, автора стихотворения «Представь». По мнению Пауло, оно должно было занять первое место. Но его нисколько не беспокоило, что победителем станет другой. Если ему самому удастся выйти хотя бы на третье место, он будет безумно счастлив. В девять часов вечера аудиторию заполнили нетерпеливые подростки — они возбужденно переговаривались, строили догадки об итогах голосования. Но вот настал торжественный миг. В напряженной тишине жюри, состоявшее из двух преподавателей и одного ученика (будущего популярного композитора Сидни Миллера), приступило к оглашению имен победителей. Услышав, что третье место заняло стихотворение «Серпентина и Коломбина», а второе — «Представь», Пауло потерял надежду. И чуть не упал со стула, когда со сцены раздалось:

— Победителем конкурса стало стихотворение…

«Тринадцатилетняя женщина» автора Пауло Коэльо де Соуза, за которое единодушно проголосовали все члены жюри!

Первое место! Он не верил своим ушам. Сердце бешено забилось. На подгибающихся от волнения и робости ногах тщедушный мальчик пересек под оглушительные аплодисменты зал и поднялся на сцену. Ему вручили диплом и премию — чек на тысячу крузейро: это около восьмидесяти современных реалов. После церемонии он одним из первых ушел из колледжа, чтобы скорее принести радостную весть родителям. В трамвае по пути в Гавеа он подыскивал слова и обдумывал, как убедительнее сообщить отцу, что он наконец открыл в себе подлинное и единственное призвание: быть писателем. Подойдя к розовому особняку, Пауло с удивлением увидел отца: тот, как всегда, мрачный, стоял перед домом, постукивая указательным пальцем по циферблату ручных часов:

— Почти одиннадцать, а тебе хорошо известно, что двери этого дома всегда запираются ровно в десять.

Но сегодня Пауло мог вытащить из рукава козырную карту в надежде тронуть суровое отцовское сердце. Он с улыбкой помахал только что завоеванным призом — чеком на тысячу крузейро — и, захлебываясь от волнения и избытка чувств, рассказал обо всем: о премии, единогласии жюри, десятках конкурентов и своем призвании. Но ему не удалось смягчить угрюмого инженера Педро.

Словно ничего этого не услышав, отец окатил восторженного Пауло ведром ледяной воды:

— Я бы предпочел, чтобы ты получал хорошие отметки и приходил домой вовремя.

Надежда Пауло, что хотя бы мать порадуется его победе, развеялась через несколько секунд. Встретив ее в дверях, мальчик с горящими глазами повторил новость, о которой только что рассказал отцу: премия, единодушие жюри, конкуренты, призвание. Но к изумлению Педро, Лижия повторила то же самое — хотя, по своему обыкновению, деликатно и тоном ниже:

— Сынок, выбрось из головы эти фантазии и не мечтай о писательстве. Ты хорошо пишешь, это замечательно, но жизнь устроена иначе. В Бразилии семьдесят миллионов населения и тысячи писателей, из них только Жоржи Амаду может жить на доходы от своих книг. На то он и Жоржи Амаду — других таких нет.

Не сдерживая слез, несчастный Пауло заснул лишь на рассвете. В дневнике он написал только одну строку: «Мама дура. Папа болван». Проснувшись, он уже не сомневался: семья постарается навсегда похоронить то, что он несколько театрально

называл «единственным смыслом своей жизни», — намерение стать писателем. Пауло впервые понял, что готов дорого заплатить за свою мечту, и он не отступит, даже если придется пойти против воли родителей. Пусть Лижия и Педро Коэльо ждут его дома сколько угодно — не дождутся.

4
Карлиньос в ужасе кричит: «Гони, Пауло, гони! Ты сбил пешехода!»

Когда Пауло окончил школьный общеобразовательный курс, по требованию отца он вынужден был записаться в класс точных, а не гуманитарных наук, как ему хотелось. Четвертый год в колледже завершился большим позором: он получил переэкзаменовку по математике — словно в насмешку, именно по тому предмету, который был отцовским коньком. Инженер Педро обычно и помогал сыну готовиться к экзаменам. В конце концов Пауло поставили по математике ровно пять и ни на одну сотую балла больше: то была минимальная переводная оценка в колледже Санто-Инасио. В то время ученикам старших классов предлагались на выбор две возможности: желающие заниматься точными науками могли записаться в так называемый научный класс, а любители гуманитарных наук — в классический. Несмотря на явную склонность Пауло к литературе, родители заставляли его готовиться к карьере инженера, и Пауло, с таким трудом закончивший учебный год, не посмел настоять на своем и записался в научный класс.

Впрочем, у педантичного инженера Педро были основания питать надежду, что сын в конце концов возьмется за ум и пойдет по стопам отца. И не только потому, что в детстве Пауло интересовался механикой у дедушки Арарипе. Мальчик часто просил родителей купить ему журнал «Популярная механика», который в Бразилии пятидесятых годов пользовался большим спросом: из него можно было получить много полезной информации, начиная от ремонта полотера и заканчивая строительством лодок и домов. Лет в десять-одиннадцать Пауло так увлекся авиамоделированием, что любой отец увидел бы в нем задатки будущего авиаконструктора. Однако разница была в том, что другие дети просто играли с авиамоделями, а неуемный Пауло организовал «Воскресный клуб», членами которого стали он сам и его двоюродный брат Фред, живший в Белене. Поскольку мальчиков разделяли три тысячи километров, деятельность клуба сводилась к регистрации приобретенных моделей. Согласно данным, полученным им самим или присланным Фредом по почте, Пауло заносил достижения клуба в специальную тетрадь: указывал технические характеристики моделей, размах крыльев, длину, а также дату и место покупки, расходы на сборку, а особо

отмечал дату, место и причину гибели летательного аппарата, если таковая случалась. Вся эта информация была абсолютно бесполезна, но, по мнению Пауло, «в делах следовало соблюдать порядок». Когда планер «Шикита» врезался в стену в Гавеа, Пауло написал: «Он совершил только один вылет, но, учитывая его геройскую гибель, я награждаю планер „Шикита“ орденом „Боевой крест“. Пауло Коэльо де Соуза, директор».

Увлечение авиамоделированием быстро прошло, но его сменило новое, и отец, мечтавший, чтобы сын стал инженером, воспрял духом. Пауло занялся ракетостроением. Много месяцев он и его одноклассник Ренато Диас отдавали этому новому увлечению все свободное время. Сейчас уже трудно сказать, из-за чего именно мальчики заинтересовались ракетами, но они часами просиживали в Национальной библиотеке, пытаясь разобраться в таких понятиях, как «реактивная сила», «разгон», «твердое топливо». По воскресеньям и праздникам лужайка перед особняком семьи Коэльо превращалась в стартовую площадку. Дотошный Пауло систематически фиксировал всю эту деятельность в особой тетради, озаглавленной «Астронавтика — осуществление программы по строительству космических ракет». В специальных графиках отмечалось, сколько времени было истрачено на работу с книгами, какие использованы материалы, какое горючее. В день запуска Пауло печатал на машинке таблицу, оставляя пробелы для записей при испытаниях: точная дата, место, час, температура воздуха, влажность, видимость.

Ракеты сооружались из алюминиевых трубок длиной приблизительно двадцать сантиметров и весом около двухсот граммов, боеголовки были деревянными. Ракетное топливо изготавливалось самими юными ракетчиками из «сахара, пороха, магнезии и азотной кислоты», помещалось в нижний отсек ракеты и поджигалось при помощи шнура, смоченного в керосине. Каждая ракета получала какое-нибудь амбициозное имя: «Годдард I», II, III и «Фон Браун I», II, III — В честь Роберта Годдарда, пионера американской космической индустрии, и Вернера фон Брауна, создателя немецких баллистических ракет, которые били по Лондону во время Второй мировой войны; фон Браун впоследствии стал одним из отцов американской космической программы. Друзья конструировали свои ракеты с таким расчетом, чтобы те поднимались на высоту до семнадцати метров, но всякий раз терпели фиаско. В день запуска Пауло огораживал у дверей дома особое «место для публики», превращал ров, который не удосужилась засыпать телефонная компания, в траншею для себя и Ренато и звал отца, прислугу и даже прохожих, чтобы они подписали бюллетень как

«правительственные инспекторы». Однако ракеты всегда подводили. Ни одна не взлетела выше нескольких сантиметров — в большинстве своем они взрывались прямо на земле. Космическая программа закончилась столь же быстро, как и началась: друзья даже не приступили к строительству седьмой ракеты.

Однако если не считать таких отклонений и еще одного мимолетного увлечения — филателией, — первенец инженера Педро оставался верен своей извечной мечте стать писателем. Когда Пауло исполнилось шестнадцать, отец в знак примирения решил сделать ему роскошный подарок — отправить самолетом в Белен, который был для мальчика таким же райским местом, как и Арарауама. Но Пауло отказался и попросил подарить ему пишущую машинку. Отец выполнил просьбу и купил «Смит-Корону», которая служила будущему писателю, пока он не заменил ее электрической «Оливетти», а еще через несколько десятилетий — персональным компьютером. Из-за своего олимпийского безразличия к школьным делам Пауло стал одним из последних учеников в классе точных наук, и в конце учебного года набрал всего 5,2 балла, еле дотянув до переходного. Ведомость он принес домой накануне Рождества. Пауло так и не узнал, что стало причиной — его позорные оценки или споры насчет длины его волос, — но 25 декабря 1963 года, когда на рождественский ужин уже начали собираться родственники, мать сухо сообщила ему:

— Я записала тебя на консультацию. Двадцать восьмого мы идем к невропатологу.

Испугавшись, — доктор по нервным болезням, это что еще такое? — Пауло заперся у себя в комнате и подвел нелицеприятно-суровый, почти жестокий итог своему положению в семье:

> Меня поведут к специалисту по нервным болезням. От страха у меня холодеют руки. Но нервное состояние, в которое меня привела эта новость, позволяет лучше понять мою семью и ее отношение ко мне.
>
> Мама наказывает меня не для того, чтобы воспитывать, но чтобы показать свою власть. Она не понимает, что я нервный, не всегда могу сдержаться, и наказывает меня за это. Желая сделать что-то для моего же блага, она угрожает, доводит меня до предела, поступает как эгоистка.
>
> Папа — человек невыносимо правильный. Он обеспечивает нас материально, и все. Он, как и мама,

никогда не разговаривает со мной, думает только о своей работе и о доме. Это ужасно.

Соня не имеет собственного мнения. Она всегда заодно с мамой, но она не эгоистичная и не злая. С ней я немного оттаиваю.

Мама дура. Она только и делает, что создает мне комплексы. Она дура, величайшая дура. И папа такой же.

Однако, судя по дневнику, ужас перед визитом к врачу оказался напрасным. На следующий день Пауло лишь вскользь упоминает о нем:

Вчера меня водили к психиатру. Это был предварительный осмотр. Пока трудно делать серьезные выводы.

Я посмотрел пьесу «Бедная богатая девушка», авторы — Карлос Лира и Винисиус де Морайс, потом съел пиццу.

Я решил перенести всю свою литературную программу 1964 года на 1965-й. Мне надо немного повзрослеть.

Дело в том, что в конце года Пауло все-таки получил переходный балл и, по семейным законам, ему полагался отдых на каникулах, которые на сей раз предстояло провести в Белене. Каникулы в доме дедушки и бабушки по отцу, Казузы и Сенситы, имели немалое преимущество в сравнении с Арарауамой. В те времена письмо из Рио в Белен шло несколько недель, а ждать междугородного телефонного разговора приходилось несколько часов, а то и дней, и расстояние в три тысячи километров избавляло мальчишку от постоянного контроля родителей или их внезапного приезда. То, о чем в Рио-де-Жанейро и помыслить было нельзя, в столице штата Пара оказывалось как бы в порядке вещей, и никто не видел ничего особенного в том, например, чтобы пить пиво, играть в карты или проводить ночи вне дома с тремя двоюродными братьями-сиротами, которых воспитывал дед Казуза. Пауло так разгулялся, что в первые же дни каникул потерял перочинный ножик, часы, фонарик и любимую шариковую ручку «Шиффер», купленную на свою литературную премию. Но одной своей привычке он оставался верен: в какое бы время ни ложился спать, последние полчаса перед сном он писал письма друзьям или читал привезенные с собой книги. Там были и детективы Эрла Стэнли Гарднера, и энциклика папы римского Иоанна XXIII «Pacem in terris»[17], вышедшая в 1963 году («чтение этой книги помогло мне лучше разобраться в социальных

проблемах», — написал позже Пауло).

Если в письмах к друзьям Пауло на многих страницах рассказывал о своих похождениях в штате Пара, то в письмах отцу речь шла только о деньгах.

> Ты никогда не тратил деньги так удачно, как сейчас, купив мне этот билет. Я развлекаюсь, как никогда раньше. Но для того чтобы истраченные деньги принесли как можно больше пользы, надо еще добавить. Будет несправедливо, если я не получу удовольствие от поездки, за которую ты заплатил 140 тысяч. Если бы у тебя не было денег, ладно. Но ведь это несправедливо — тратить все на дом, пока моя короткая жизнь проходит.

Видимо, Белену суждено было стать в жизни Пауло городом роковых душевных потрясений. За три года до этого на каникулах в столице штата Пара Пауло решил выяснить мучивший его в то время ужасный вопрос: откуда, в конце концов, берутся дети? Расхрабрившись, он задал его своему приятелю Рую, который был немного старше, но ответ поверг Пауло в шок своей грубой прямотой:

— Все очень просто. Мужчина засовывает свою палку женщине между ног, получает наслаждение и оставляет у нее в животе семя. Из него и вырастают дети.

Пауло не поверил. Он не мог допустить, что его отец способен совершать подобную непристойность с матерью. В письмах спрашивать о таком не следовало, и Пауло решил дождаться каникул и поговорить с Фредом: брат ведь не только старше, но и свой, они из одной семьи, он не станет обманывать. При первой же возможности, оставшись с Фредом наедине, Пауло направил разговор в нужное русло и поведал двоюродному брату о гадости, рассказанной приятелем из Рио. У него чуть не начался приступ астмы, когда он услышал в ответ:

— Твой друг из Рио сказал правду. Мужчина проникает в женщину и оставляет в ее влагалище каплю спермы. Именно от этого рождаются все люди.

Пауло пришел в ярость:

— Ты говоришь так, потому что у тебя нет матери! Ты можешь представить, как твой отец проникает в твою мать? Ты сошел с ума!

Утрата неведения была не единственным ударом, который он получил в Белене. В этом городе Пауло впервые столкнулся со смертью. Вернувшись домой в карнавальную субботу после бала в клубе «Туна Лузо», он содрогнулся, услышав, как тетка спрашивает кого-то:

— Паулиньо уже знает?

Его дед Казуза скоропостижно скончался от инсульта. Эта весть подействовала на Пауло угнетающе — ему стало очень грустно, но он немного воспрял духом, когда выяснилось, что Педро и Лижия не смогут приехать в Белен вовремя, а потому назначают его представлять на похоронах семью. По своему обыкновению, Пауло предпочел излить чувства в одиночестве, записав перед сном в дневнике:

> Карнавальная суббота 8 февраля.
>
> Сегодня ночью случилось так, что для старого Казузы не настанет завтрашний день. Я потрясен и подавлен этой трагедией. Вчера он весело смеялся нашим шуткам, а сегодня все смолкло. Его смех больше не доставит нам радости. Его добрые руки, его рассказы о старом Рио, его советы, ободряющие слова — все это закончилось. По улице проходят школы самбы, едут карнавальные машины, но все кончено.

Той же ночью Пауло сочинил «Воспоминание» — три длинные строфы, посвященные дедушке. Горе подростка, выраженное в стихах и прозе, было скорее всего искренним, но к нему примешивались и другие чувства. На следующий день, пока тело еще лежало в гостиной, Пауло несколько раз согрешил против целомудрия, глядя на ножки пришедших попрощаться с дедом кузин. Казузу похоронили в воскресенье после обеда; похороны прошли «по высшему разряду», написал внук в дневнике, однако в «жирный вторник» на траурной неделе двоюродные братья уже веселились в городских клубах. Каникулы в Белене оказались не только последними для Пауло, но и стали водоразделом в его жизни. Мальчик, переживший столько эмоций и потрясений, знал, что его ожидает тяжелый учебный год. Учиться ему хотелось еще меньше, чем раньше, и можно было предположить, что дни его в колледже Санто-Инасио сочтены — со всеми вытекающими семейными последствиями. Однако черные тучи собирались не только над его жизнью в школе. В конце месяца, накануне возвращения в Рио Пауло перелистал страницы дневника, дошел до дня смерти дедушки и написал на полях мелко, но вполне разборчиво: «Сегодня я немного подумал и понял, что приближаюсь к ужасной истине: я начинаю терять веру!»

Мысль была не нова. Она уже подтачивала Пауло, словно термиты. Первые сомнения зародились еще в духовном приюте Санто-Инасио. Борясь с сексуальным желанием и мучаясь угрызениями совести, мальчик панически боялся адских мучений

и пламени геенны, столь картинно описанных падре Руффьером. Свои чувства Пауло выразил в дневнике — но сделал это слишком вызывающе для христианина: «Грех создали Вы! И Вы виноваты в том, что создали меня недостаточно сильным, чтобы сопротивляться! Если я не смогу сдержать слово, виноваты в этом будете Вы!»

На следующий день, прочтя написанные богохульства, Пауло пришел в еще больший ужас. Не помня себя от отчаяния, он затащил в потаенное место одноклассника Эдуардо Жардина, нарушил обет молчания и открыл ему душу. Выбор был не случаен: в глазах Пауло Жардин был непревзойденным образцом — умный, начитанный, хорошо писал стихи, никогда ничем не кичился. В гараже его дома собиралась маленькая группа учеников колледжа, которые обсуждали прочитанные книги. Именно твердость религиозных воззрений делала Жардина не только примером для подражания, но и идеальным слушателем при душевном смятении. Пауло рассказал, что все началось с сомнения: если есть Бог, создавший его по Своему образу и подобию, почему Он находит удовольствие в его страданиях? Вопрос следовал за вопросом, и наконец Пауло дошел до главного — до своего сомнения, в котором невозможно признаться: есть ли Бог вообще? Опасаясь любопытных ушей, Жардин близко подошел к другу и еле слышно, словно в исповедальне, прошептал слова, которые для Пауло были словно соль на рану:

— Когда я почувствовал, что теряю веру в Бога, я пошел на величайшие жертвы, чтобы удержать ее. Я отчаянно молился, я становился зимой под ледяной душ, но вера все равно исчезала и вскоре исчезла совсем. Моя вера кончилась.

Значит, Жардин тоже капитулировал. Воображение Пауло рисовало хрупкого мальчика, жертвенно стоящего зимой под холодным душем, только бы Бог не оставил его — но Бог от него отвернулся! В тот день Пауло не мог думать ни о чем другом — он возненавидел Бога. И написал, чтобы не оставалось никаких сомнений: «Но я знаю, что ненавидеть Бога очень опасно».

Банальный эпизод, случившийся, когда они возвращались из приюта в колледж Санто-Инасио, еще более охладил отношение Пауло к Богу и его пастырям. Мальчику вдруг показалось, что шофер слишком гонит автобус и подвергает опасности их жизнь. Сначала это была просто тревога, затем его фантазия развернула перед ним целый фильм ужасов: если случится авария и Пауло погибнет, его душа еще до полудня будет гореть в аду. Страх оказался сильнее стыда. Пауло прошел в переднюю часть автобуса, где сидел духовный наставник, и сказал ему:

— Падре Руффьер, шофер слишком гонит машину. Я боюсь погибнуть.

Разгневанный священник прошипел в лицо мальчика:

— Ты боишься погибнуть, а я возмущен твоей трусостью!

Постепенно сомнения стали уверенностью. Пауло начал ненавидеть священников («банду ретроградов») и все их требования, касавшиеся как религии, так и учебы. Ему представлялось, что иезуиты обманули его. Проповеди, которые он раньше воспринимал как твердокаменную истину, казались ему теперь «порциями яда, медленно вводимого для того, чтобы мы возненавидели жизнь». Пауло жалел, что некогда принимал всерьез подобные разглагольствования. «Я, идиот, начал даже верить, что жизнь ничего не стоит, — писал он в дневнике. — Вечно боясь смерти, я был вынужден постоянно исповедоваться, чтобы не попасть в ад». Ценой неимоверных страданий и множества ночей без сна к семнадцати годам Пауло сделал окончательный вывод. Он больше ничего не хочет слышать о церкви, проповедях, грехе. И он не собирается стать хорошим учеником во втором классе точных наук, где занятия должны вот-вот начаться. Но в то же время он готов все поставить на карту, употребить всю энергию на осуществление своей навязчивой идеи, которую теперь называет не призванием, а профессией.

Хватило одного семестра, чтобы стало понятно: колледж Санто-Инасио для Пауло больше ничего не значил. «Я всегда был плохим учеником, а теперь стал хуже некуда». Оценки в табеле подтверждают, что Пауло не преувеличивал. Он стал одним из последних в классе, и с каждым экзаменом его результат снижался. На первых ежемесячных контрольных его средняя оценка оказалась чуть выше пяти баллов благодаря весьма спорной девятке по химии. В мае средняя оценка опустилась до 4,4 балла, а в июне грянул гром. Результат упал до 3,7, Педро и Лижию пригласили на собрание в колледж. Новости оказались ужасающими. Один священник зачитал супругам пятую статью устава Санто-Инасио — родителям следовало подписывать этот документ при переходе чада из класса в класс. Согласно этой статье, ученики, недобравшие переходный балл, подлежат отчислению. Священник без обиняков изложил суть: если в следующем семестре Пауло не возьмется за ум и не нагонит упущенное, он провалится на экзаменах, будет отчислен из одного из самых уважаемых и престижных учебных заведений Бразилии, а это — несмываемое пятно на репутации. Есть только один способ избежать этого и избавить ученика и его родителей от позора: пусть Педро и Лижия по собственному желанию заберут Пауло из Санто-Инасио и переведут в другую школу.

Обычно Санто-Инасио не идет на такие уступки. Но в данном случае колледж готов сделать исключение, поскольку Пауло — внук Артура Арарипе Жуниора, мастера Туки, одного из тех, кто был среди первых (1903 года) выпускников Санто-Инасио.

Педро и Лижия пришли домой очень расстроенными. Они знали, что Пауло потихоньку курит, от него частенько пахнет спиртным, и кое-кто из родни стал жаловаться, что он подает дурной пример другим детям.

— Этот мальчик просто опасен, — шушукались тетушки. — Он собьет с пути своих младших кузенов.

Но до сих пор «странное поведение» Пауло было внутрисемейной проблемой, а вот исключение из Санто-Инасио стало бы настоящим — и громким! — скандалом, который во всеуслышание доказал бы неспособность родителей воспитывать сына. Если ребенок, как любил повторять инженер Педро, — визитная карточка семьи, у супругов Коэльо были все основания чувствовать себя опозоренными. Физическое насилие в то время считалось естественной составляющей бразильской семейной педагогики, но Педро и Лижия никогда не били сына — наказывали его строго, но к рукоприкладству не прибегали. Объявив о решении перевести Пауло в колледж Эндрюс, где он должен был и дальше заниматься точными науками, отец добавил, что отныне лишает его не только отдыха на каникулах, но и карманных денег. Если ему нужны деньги на сигареты и пиво, пусть ищет работу.

Перевод в колледж Эндрюс был задуман как наказание, но на деле вышло наоборот. Пауло пришел в восторг от новой школы. Колледж Эндрюс являлся не только светским и несравненно более либеральным, чем Санто-Инасио, но и смешанным — в нем учились вместе и мальчики, и девочки. А еще там устраивались политические диспуты, действовали кружки, киностудия и даже любительский театр, в который Пауло поступил раньше, чем познакомился со всеми преподавателями. Годом ранее он решился сделать первый шаг в мир драматургии: на выходных по случаю Дня поминовения усопших заперся в комнате, задавшись целью сочинить пьесу. Пауло выходил только к обеду и ужину, а родителям говорил, что готовится к переходным экзаменам. Через четыре дня он поставил последнюю точку в пьесе «Урод». Претенциозно назвав ее «petit guigno[18] в духе Алуизио Азеведо», он записал в дневнике:

> В этой пьесе я изображаю судьбу урода в обществе. Это история отвергнутого юноши, который кончает жизнь самоубийством. Сцены разыгрывают силуэты, а

четыре менестреля декламируют стихи о чувствах и действиях персонажей. В промежутке между первым и вторым актом в глубине сцены кто-то поет медленную боссанову, чей текст связан с действием первого акта. Я нашел удачные мизансцены. Уже в этом году пьеса будет поставлена здесь, в зимнем саду.

Критическое чутье оказалось сильнее самолюбия, и через неделю Пауло уничтожил свой первый драматургический опыт, удостоив его эпитафии всего из пяти слов: «Она плохая. Скоро напишу другую». Именно как автор пьес, хоть и неизданных, Пауло вошел в 1964 году в любительский театр колледжа Эндрюс. А что касается школьной жизни, преподавателей, зачетов — все это, видимо, нисколько его не интересовало. В тех редких случаях, когда Пауло считал необходимым упомянуть о школьных занятиях в дневнике, появлялись короткие неутешительные заметки: «Учусь плохо, грозит провал по геометрии, физике и химии… Никак не могу взяться за учебники, постоянно отвлекаюсь, чаще всего — на всякую ерунду… Уроки, мне кажется, тянутся все дольше… Честное слово, я не знаю, что со мной происходит, и описать это словами не могу». Признавая, что плохо учится, Пауло несколько приукрашивал действительность. На самом деле он неуклонно катился вниз.

Завораживающий мир театра влечет к себе Пауло столь же сильно, как отталкивает школа, где его дела идут все плачевней

"OS CAPITÃES DA AREIA"

Teatro Castro Alves: João Cesar, Ruth, Tavares

В октябре, за два месяца до конца года, оценки по всем предметам были у него ниже пяти баллов. Отец решил, что пришло время натянуть вожжи и выполнил обещание: кузен Илдебрандо Гойе Нето выхлопотал Пауло место учетчика на предприятии, занимавшемся очисткой входа в порт Рио-де-Жанейро. Зарплаты не хватало даже на транспорт и сигареты. Каждый день после уроков Пауло бежал домой, обедал, садился на автобус и ехал в Санто-Кристо, центральный район Рио, расположенный у пристани. Буксир доставлял его на драгу, где Пауло весь остаток дня отмечал мелом на дощечке каждый черпак драги, которая забирала с морского дна отбросы и вываливала их в баржу. Эта деятельность казалась Пауло совершенно бессмысленной и напоминала миф о Сизифе, обреченном бесконечно втаскивать на гору камень, который тут же скатывается обратно. «Эта работа не имеет конца, — записал

Пауло в дневнике. — Только подумаешь: „Все!“, как в тот же миг все начинается снова». Наказание не принесло никакого результата, Пауло продолжал учиться плохо, а узнав, что может остаться на второй год, написал об этом весьма легкомысленно: «Приятель сказал, что у меня будет переэкзаменовка по математике. Но утро такое прекрасное, такое музыкальное, и я счастлив. Господи, как хороша жизнь! Господи, как она хороша!» Ведомость в конце года подтвердила худшие опасения: средняя годовая оценка 4,2 балла означала провал по всем предметам.

А Пауло с каждым днем становился, казалось, все безразличнее к этому миру. Он покорно работал на землечерпалке и совсем не обиделся, когда на Рождество родители подарили ему всего-навсего перочинный ножик. Его интересовала только литература, причем в любых своих формах и жанрах, будь то романы, пьесы или стихи. Да, и стихи тоже, потому что, отказавшись на несколько месяцев от поэзии, он вновь принялся самозабвенно версифицировать. После долгих раздумий он пришел к выводу, что вовсе не стыдно писать стихи в ожидании часа, когда он сможет перенести на бумагу роман. «У меня для романа такой сюжет! Но, черт побери, мне никак не сочинить хорошее начало, а для того чтобы продолжать, не хватает терпения, — жаловался Пауло и тут же заключал, смирившись: — Но я избрал для себя именно эту профессию». Ближе познакомившись с соседями в Гавеа, Пауло обнаружил еще нескольких юношей и девушек, интересовавшихся литературой и книгами. Всего их оказалось пятнадцать, и они создали литературный клуб «Рота 15» — название составили из начальных слогов названия улицы Родриго Отавио, пересекавшей улицу Падре Леонел Франка, где стоял особняк семьи Коэльо. Юные литераторы собирались в угловом доме неподалеку. Пауло оказался столь плодовитым поэтом, что, когда клуб «Рота 15» решил напечатать на ротапринте коллективный сборник, будущий писатель представил подборку из тринадцати стихотворений, среди которых была и премированная «Тринадцатилетняя женщина». Справка об авторе гласила: «Пауло Коэльо начал литературную карьеру в 1962 году, писал небольшие заметки, затем обратился к поэзии. В 1963 году был принят в Академию литературы Санто-Инасио и тогда же получил высшую премию этого литературного объединения». Деятельность клуба «Рота 15» закончилась скандалом — Пауло уличил казначея в том, что тот истратил общие деньги, купив билет на шоу французской поп-дивы Франсуазы Арди, выступавшей тогда в Рио.

Пауло считал себя достаточно зрелым поэтом и уже не

довольствовался публикациями в местных газетках и клубных сборниках. Ощущая себя ветераном, он решил, что настало время взлететь повыше. Его мечтой было прочесть о себе хвалебный отзыв — или хотя бы упоминание — в престижной рубрике «Писатели и книги», которую вел в известной многотиражной газете «Коррейо да манья» пернамбуканец Жозе Кондэ, способный создать или погубить репутацию одной меткой фразой. Нелюбезный Жозе Кондэ отмечал тогда свое соавторство в выпускаемой издательством «Сивилизасан бразилейра» серии «Семь смертных грехов» — он участвовал в ней наряду с такими фигурами, как Гимараэнс Роза, Отто Лара Резенде, Карлос Эйтор Кони и Лижия Фагундес Телес, не считая прочих знаменитостей. Пауло восхищался жестким стилем Кондэ и надеялся, что зоркий глаз критика рассмотрит в его произведениях искру таланта. Он дополнил новыми стихотворениями подборку, опубликованную клубом «Рота 15», красиво отпечатал ее на машинке, тщательно переплел и отправил в редакцию «Коррейо». В следующую среду — день выхода рубрики «Писатели и книги» — Пауло побежал в газетный киоск, горя желанием узнать, что же написал о нем Жозе Кондэ. Потрясение было таким сильным, что он вырезал соответствующий столбец, вклеил его в дневник и снабдил пометкой: «Неделю назад я послал Жозе Кондэ свои стихи с просьбой высказаться о них. А сегодня прочел в газете вот это». Пауло имел в виду постскриптум колонки из десяти строк:

> Бойким юнцам, стремящимся во что бы то ни стало обратить на себя внимание и опубликовать свои книги, стоило бы вспомнить, что Карлос Друммонд де Андраде выпустил за пятнадцать лет всего три маленьких сборника, содержащих в общей сложности 144 стихотворения… А недавно один критик подчеркнул, что Эрнест Хемингуэй не менее двадцати раз переписал свой маленький шедевр «Старик и море».

Пауло понял намек, и его сразила такая агрессивность. Совсем недавно он благодарил Бога за дарованное ему счастье — открытие призвания, — но теперь самоуверенность сменилась мучительными сомнениями. «Может, я зря упорствую, желая стать писателем? — размышлял он. — Может, писатель из меня не получится?» Но все же Пауло сомнения отметал. Его друг обливался ледяной водой, чтобы не потерять веру в Бога, и Пауло решил не поддаваться слабости и бороться за осуществление мечты. Он тяжело перенес удар, нанесенный Кондэ, но не собирался сдаваться. Целый день он не мог думать ни о чем другом, кроме литературной рубрики. Вечером, чтобы немного

отвлечься, он решил посмотреть знаменитый американский сериал о докторе Килдэре, молодом враче, которого играл Ричард Чемберлен. Пауло выключил телевизор, не досмотрев серию до конца, и записал в тетради:

> В сегодняшней серии о докторе Килдэре директор больницы сказал ему: «Я не должен был пытаться изменить вашу жизнь, Джим. Все мы с рождения созданы для своего идеала». Я применил эти слова к профессий писателя и решил стать им.

Воодушевленный собственной смелостью, Пауло сочинил вариацию стихотворения Редьярда Киплинга «Если…»:

> Если ты в состоянии просить и друзей и врагов
> дать тебе шанс,
> Если, услышав «нет», ты в состоянии понять
> это как «может быть»,
> Если ты в состоянии начать с самого низу
> и извлечь пользу из того немногого, что имеешь,
> Если ты в состоянии совершенствовать себя
> каждый миг и, поднявшись наверх, не уступить
> честолюбию,
> Ты станешь писателем.

Вознесшись в свои заоблачные высоты, Пауло с тоской думал о перспективе снова сесть за школьную парту. Стремясь избежать этой муки, он разработал план, который мог бы избавить его от колледжа на пару лет: надо постараться получить зарубежную стипендию и на какое-то время уехать из Бразилии, как это уже сделали некоторые его соученики. Родители Пауло вновь обрели бы надежду, если б ему удалось стать участником очень популярной в то время программы культурного обмена «Американ филд сервис». Судя по оценкам, Пауло неплохо успевал по английскому (особенно в сравнении с другими предметами), а это уже полдела. Две недели он потратил на сбор документов: справки из школы, фотографии, рекомендательные письма. Когда начались отборочные испытания, из семи претендентов группы, в которую входил Пауло, осталось вначале четверо, а потом его и еще двоих допустили к решающему экзамену: собеседованию, — разумеется, на английском языке — с проверяющим из Штатов.

В назначенный день Пауло так волновался, что, сев перед экзаменатором — девушкой приблизительно его возраста, —

ощутил глухой толчок в глубине груди. Забыв о неверии, он мысленно воззвал к Богу, молясь, чтобы тревога оказалась ложной. Но нет — у него действительно начинался приступ астмы. Из легких вырывался хриплый свист, глаза вылезли из орбит, он судорожно ощупывал карманы в поисках ингалятора. Пауло пытался что-то сказать, но из горла неслось лишь сипенье. Американка и сама окаменела от ужаса. Через несколько минут все прошло, Пауло удалось взять себя в руки и пройти собеседование, но он покидал аудиторию с плохим предчувствием: «Боюсь, астма сыграла со мной злую шутку». И действительно, за месяц до предполагаемого отъезда ему сообщили телеграммой, что он не прошел по конкурсу. Но Пауло не чувствовал себя побежденным — он приписал отказ не неудаче на собеседовании, а тому факту, что мать ездила в США: «Думаю, они отдают предпочтение тем, чьи родственники никогда не бывали в Соединенных Штатах, — написал он и добавил, как та лисица из басни: Очевидно, они решили, что для Америки у меня слишком могучий интеллект».

В это же время Пауло охватила новая страсть. На сей раз — в образе реальной девушки из плоти и крови: кареглазой длинноногой Марсии. Пауло в свои семнадцать лет даже по бразильским меркам был малорослым и худым. При росте в метр шестьдесят девять, который остался у него на всю жизнь, он весил всего пятьдесят килограммов — на десять меньше нормы. Будущий писатель не отличался приятной наружностью и самокритично это признавал: «Я некрасив, тощ, лишен обаяния и неспособен заинтересовать женщину, — повторял он десятки раз с небольшими вариациями в интервью, которые давал впоследствии. — Из-за моей внешности у меня развился комплекс неполноценности». Большинство юношей ходили в рубашках с короткими рукавами, щеголяя крепкими мускулами, а Пауло носил только строгие рубашки с длинным рукавом, чтобы замаскировать узкие плечи и слишком тонкие руки. Огромный кожаный пояс, несуразно смотревшийся на тщедушной фигурке, поддерживал линялые джинсы, обтягивавшие, как того требовала мода, худые ноги. Образ довершали металлические очки с тонированными стеклами, позднее ставшие фирменным знаком Джона Леннона. Волосы у Пауло закрывали уши и свисали почти до плеч, а немного погодя он отрастил жидкие усики и что-то вроде остренькой мини-эспаньолки под нижней губой.

Марсия была на год моложе Пауло и жила почти по соседству на углу улиц Родриго Отавио и Падре Леонел Франка. Она тоже училась в колледже Эндрюс и была членом клуба «Рота 15». Светлые прямые волосы, кукольный носик, узкий разрез глаз —

несмотря на строгий надзор отца и старшего брата, она считалась отъявленной кокеткой и одной из самых соблазнительных девушек в группе. Будущий автор бестселлеров был о себе столь низкого мнения, что не замечал заинтересованных взглядов девушки, в которых сквозило восхищение, когда он спорил с другим «интеллектуалом» группы — Алсидесом Линсом, или Сидиньо — о книгах, фильмах и театральных постановках. Хотя большинство участников клуба не слишком хорошо понимало значение термина, все они считали себя экзистенциалистами. У Пауло не было ни шикарной одежды, ни машины, он не отличался физической силой, но Марсия с удовольствием слушала, как он пересказывает отрывки из прочитанных книг или декламирует стихи известных поэтов. Однако Пауло не подозревал о симпатии девушки, пока она не решила взять инициативу в свои руки.

Вечером 31 декабря 1964 года Пауло завершил очередную тетрадь дневника следующей грустной фразой: «Сегодняшний день, последний день 1964 года, завершается стоном, скрытым в ночи. Год не принес ничего, кроме горечи». По-прежнему мрачный и подавленный, через два дня он вместе с группой отправился в театр «Арена» в Копакабане смотреть пьесу «Мнение», в которой выступала певица Нара Леан. Приятели расселись в разных местах зала, и Пауло оказался рядом с Марсией. Когда погас свет и прекрасная Нара запела первые куплеты знаменитой «Злости» Жуана Вале, девушка ощутила легкое, словно вздох, прикосновение. Не оборачиваясь, она скосила глаза и увидела руку Пауло рядом со своей. Марсия сплела пальцы с пальцами Пауло и нежно пожала их. Будущий писатель испытал ужас, близкий к панике: вдруг сейчас начнется приступ астмы? Но ничего страшного не случилось, и он успокоился. «Я был уверен, что сам Господь приблизил руку Марсии к моей руке, — вспоминал он впоследствии. — А если так, Ему было незачем насылать на меня приступ». И он дышал, как все нормальные люди. Между ним и Марсией вспыхнула подлинная страсть. После спектакля Наре пришлось несколько раз спеть на бис зонг, в котором она протестовала против военной диктатуры, установившейся в Бразилии девятью месяцами раньше. Держась за руки, пользуясь темнотой, парочка пробралась между креслами и выскользнула из зала. На улице еще было слышно, как Нара в четвертый раз поет на «бис» начальные строчки «Мнения».

Они разулись и, по-прежнему не разнимая рук, пошли босиком по песку пляжа Копакабана. Пауло обнял Марсию и попытался поцеловать ее, но девушка мягко отстранилась:

— Меня никто еще не целовал в губы.

Пауло ответил с самоуверенностью бывалого донжуана:

— Не беспокойся, мне это не впервой. Тебе понравится.

Под звездным небом жаркой бразильской ночи двое лжецов слились в долгом поцелуе, о котором будут ностальгически вспоминать и через сорок лет. 1965 год не мог начаться лучше. Роман с Марсией вселил в душу Пауло умиротворение, какого юноша не ощущал никогда раньше ни в Арарауме, ни в Белене. Пауло витал в облаках и даже не огорчился, узнав, что не занял призового места на стихотворном конкурсе, который спонсировал Национальный институт Мате. «Какое имеет значение, дали премию, не дали, — проявляя истинное величие души, писал он, — для того, кого любит такая девушка, как Марсия?» Страницы его дневника заполнялись теперь рисунками: два сердца с именами влюбленных, пронзенные стрелой Амура.

Но счастье оказалось недолгим. Еще до конца лета родители Марсии узнали, кто ее возлюбленный, и приговор их звучал безапелляционно: только не он. Девушка пожелала узнать почему, и мать ответила с убийственной откровенностью:

— Ну, для начала, он настоящий урод. Не понимаю, что могла найти такая девушка, как ты, в таком безобразном и нескладном парне. И потом — ты любишь веселиться, ходить на вечеринки, а он даже танцевать не умеет, стесняется пригласить девушку. Его интересуют только книги. И вид у него болезненный…

Марсия возразила, что Пауло здоров. У него астма, но таких людей миллионы, и эту болезнь можно вылечить.

— Хорошо, астму можно вылечить, — стояла на своем мать, — но у него могут быть и другие болезни, и он, чего доброго, еще и тебя заразит. И потом, мне сказали, что он экзистенциалист и коммунист.

Однако Марсия не собиралась отказываться от своей любви. Она все рассказала Пауло, и они решили бороться вместе. Стали встречаться тайком дома у общих друзей. Надежного места не было, и минуты близости случались у них крайне редко — где-нибудь в укромных уголках лагуны Родриго Фрейтас — да и то дело не заходило слишком далеко. Пауло пытался в таких ситуациях вести себя непринужденно и уверенно, хотя на самом деле его сексуальный опыт был более чем скудным, чтобы не сказать — ничтожным. За несколько месяцев до этого, воспользовавшись отсутствием родителей, отправившихся в кино, Пауло сумел уговорить хорошенькую горничную Мадалену, недавно нанятую доной Лижией, подняться к нему в спальню. Восемнадцатилетняя Мада оказалась достаточно умелой, чтобы

дебют Пауло не принес ему разочарования.

Узнав, что их дочь продолжает тайком встречаться с «этим выродком», родители удвоили бдительность и запретили Марсии разговаривать с Пауло даже по телефону. Но вскоре обнаружилось, что Пауло и Марсия прятали под подушками будильники, поставленные на четыре часа утра и шептали в ночной тишине слова любви, прижавшись губами к трубке. Расплата за ослушание была жестокой: девушку на месяц заперли в доме. Но Марсия не сдалась: служанка помогала ей передавать возлюбленному записки, в которых указывалось точное время, когда девушка будет стоять у окна своей комнаты, выходившей на безлюдную улицу. Однажды утром, проснувшись, Марсия посмотрела в окно и увидела объяснение в любви, выведенное на асфальте огромными буквами: «М., я тебя люблю. П».

Когда истек срок наказания, мать снова пошла в атаку: Пауло не подходит Марсии, твердила она, их любовь не приведет ни к чему хорошему, у парня нет перспектив, нет будущего. Но упрямица стояла на своем: она от любви не откажется, она хочет выйти за Пауло замуж. Услышав это, одна тетушка намекнула Марсии, что у такого хилого юноши вряд ли хватит сил выполнять должным образом супружеские обязанности: «Ты ведь понимаешь, о чем я говорю, милая? Брак, секс, дети… Сомневаюсь, чтобы такой тщедушный и хилый мужчина мог вести нормальную жизнь!» Но Марсия пропускала все эти грозные предупреждения мимо ушей. Месяц заточения прошел, и она снова стала видеться с Пауло. Влюбленные нашли идеальное место для встреч — церковь Непорочного Зачатия поблизости от их домов. Чтобы не возбудить подозрений, в церкви они садились не рядом, а друг за другом, и разговаривали шепотом. Но несмотря на все предосторожности, отец Марсии выследил их, с руганью притащил дочь домой, где подверг наказанию, соразмерному вине, — отхлестал ремнем.

Однако девушка, несмотря ни на что, решила продолжать роман с Пауло, стать его невестой и выйти за него замуж. Если родители Марсии были против, то и родители Пауло тоже не пришли в восторг от его выбора. Приятели Пауло часто устраивали у себя дома вечеринки, и вот однажды он уговорил Педро и Лижию разрешить ему провести одну вечеринку у них. Но дело закончилось скандалом. Увидев, что сын танцует со своей возлюбленной «щека к щеке», инженер Педро приблизился, стал перед ними, скрестив на груди руки и испепеляя их взглядом. Обиженная Марсия прервала танец и, извинившись перед Пауло, отошла к группе друзей. А инженер продолжал следить за соблюдением приличий. Если юноша в танце

прижимался к девушке или обнимал ее ниже талии, он повторял свою бестактность: становился перед парой, скрестив руки, и ждал, чтобы «это безобразие» прекратилось. К тому же в доме царил строгий «сухой закон» — по воле хозяина все спиртные напитки, включая легкое пиво, были под запретом.

Эта вечеринка стала первой и последней в розовом особняке семьи Коэльо. Но ничто, даже оскорбительное поведение отца, не могло нарушить счастья Пауло. Приближался день рождения Марсии, ее роман с Пауло длился уже несколько месяцев, и мать решила с ней поговорить. Разуверившись в эффективности «кнута», она решила действовать методом «пряника» и выложила свой главный козырь:

— Если ты порвешь с этим парнем, мы пойдем в лучший бутик Рио, по твоему выбору, и ты купишь там все что захочешь.

Мать рассчитала верно: тщеславие и страсть к нарядам были слабостью дочери, и все же первой реакцией на предложение был отказ:

— Это просто бессовестный шантаж.

Но поразмыслив, девушка пришла к выводу, что принесла достаточно жертв во имя любви. И она, и Пауло в глубине души понимали, что их роман обречен. Они были несовершеннолетними, несамостоятельными, полностью зависели от родителей, и надеяться им было не на что. А уж если капитулировать, то хотя бы задорого. И Марсия согласилась. Прочитав письмо, в котором она сообщала об окончании их романа, Пауло разрыдался и поведал дневнику о своем великом разочаровании — ведь в его фантазиях их любовь с Марсией должна была кончиться так же трагично, как любовь Ромео и Джульетты: «Я думал, Гавеа станет бразильской Вероной, но можно ли представить себе что-нибудь более печальное, чем когда тебя меняют на пару платьев?»

Покинутый своей Большой Любовью именно так, с заглавной буквы, Пауло писал в дневнике о Марсии, — он снова впал в депрессию. Родители, обеспокоенные состоянием сына, сжалились над ним и отменили запрет на каникулы, наложенный из-за провала по математике: Пауло отпустили праздновать карнавал с двоюродными братьями. Пауло приехал в Арарауму автобусом в пятницу вечером и весь уикенд пребывал в крайне мрачном расположении духа: на карнавальных балах ему даже не хотелось смотреть на девушек. Но в понедельник вечером он все-таки принял приглашение троих друзей выпить пива в баре рядом с домом дяди Жозе. Когда стол был уже завален картонками под стаканы, одному из друзей Карлиньосу — пришла в голову идея:

— Родители в отъезде, а машина ржавеет в гараже. Если кто-

то умеет водить, можно покататься.

Хотя Пауло никогда в жизни не садился за руль, он отважился заявить:

— Я умею.

Друзья расплатились, пошли к Карлиньосу и вывели машину из гаража. Когда они выехали на главную улицу, по которой дефилировали танцоры школы самбы, в городе внезапно вырубилось электричество, и все погрузилось во тьму. Но Пауло ехал дальше, лавируя между прохожими и ряжеными. Внезапно он увидел прямо перед собой толпу каких-то подозрительных личностей. Растерявшись, Пауло вильнул в сторону, прибавил газу — и тут кто-то из приятелей закричал:

— Осторожно!

Но было уже поздно. Все почувствовали, как бампер обо что-то ударился, а Пауло продолжал жать на педаль акселератора под испуганные крики спутников:

— Гони, Пауло! Гони! Живей давай! Ты задавил мальчишку!

5
Чтобы насытить ангела смерти, Пауло зарезал соседскую козу и вымазал жертвенной кровью стену дома

Этим мальчиком был Луис Клаудио, он же Клаудиньо — сын портного Лауро Виейры да Силва Азеведо. Пострадавшему было семь лет, он жил на улице Оскар Кларк поблизости от того дома, где остановился Пауло. Удар был настолько силен, что ребенка отбросило далеко в сторону и из его распоротого живота вывалились внутренности. В бессознательном состоянии Клаудиньо доставили в «Дом милосердия» — единственную больницу Арараумы — где у него диагностировали, кроме всего прочего, разрыв мочевого пузыря. Чтобы компенсировать огромную потерю крови, врач сделал мальчику переливание, но артериальное давление резко упало, Клаудиньо был при смерти.

Пауло с приятелями не только не оказали ребенку помощи, но на большой скорости скрылись с места происшествия. Поставив автомобиль в гараж Карлиньоса, они пошли по еще темному городу к дому Маурисио, третьего пассажира злополучной машины. По дороге друзья поняли, что известие о наезде уже распространилось по Арараураме. Обеспокоенные слухами о том, что мальчик умер, приятели испугались и поклялись, что до гроба никто никогда и словом не обмолвится об этой трагедии. Все разошлись по домам. Чтобы не возбуждать подозрений, Пауло явился к дяде Жозе как ни в чем не бывало — впоследствии он сам назвал это «вопиющим цинизмом». Но бомба вскоре взорвалась — уже через полчаса свидетель происшествия опознал Маурисио и Аурелио, четвертого участника забавы; оба они были задержаны и на допросе в полиции выдали того, кто вел машину. Тогда дядя отвел Пауло в комнату и объяснил ему серьезность ситуации:

— Мальчик в критическом состоянии. Будем надеяться, что он выживет, иначе тебе несдобровать. Твои родители уже все знают и едут сюда договариваться с полицией и городским судьей. А ты пока будешь сидеть дома. Здесь ты в безопасности.

Дядя знал, что портной слывет задирой, грубияном и скандалистом, и опасался, как бы тот сгоряча не наделал глупостей, а проще говоря — не разделался с Пауло своими

руками. Его опасения подтвердились в тот же вечер. Побывав в больнице у сына, который по-прежнему находился между жизнью и смертью, Лауро явился к дверям дома, где прятался Пауло, в сопровождении двух молодцев самого зверского вида. Распахнув пиджак, чтобы был виден револьвер за поясом, он тряс пальцем перед самым носом Жозе вне себя от бешенства:

— Сеньор Арарипе, Клаудиньо при смерти! Пока он не выйдет из больницы, ваш племянник не покинет Араруаму! А если мой сын умрет, Пауло похоронят рядом с ним — я приду сюда и убью его!

Поздно вечером Лижия и Педро прибыли в Араруаму и, не встретившись с сыном, отправились прямо к следователю. Тот заявил им, что «преступник» не сможет покинуть город без его разрешения. Приезд родителей не уменьшил отчаяния Пауло: он провел ужасную ночь, ни на минуту не сомкнув глаз. Лежа в постели, он дрожащим почерком написал:

> Это самый долгий день в моей жизни. Я провожу ночь в тоске, я не знаю, в каком состоянии сейчас мальчик Но самое страшное было, когда, придя к Маурисио, мы услышали, что все говорят, будто ребенок мертв. Мне захотелось перестать существовать, исчезнуть. До сих пор я думал только о тебе, Марсия. Меня накажут за езду без прав. А если мальчик не выживет, меня будут судить и могут отправить в исправительную колонию.

Это был ад на земле. Утром во вторник обе новости — сам наезд и угроза портного — взбудоражили весь город. На улице Оскар Кларк толпились любопытные, которые ждали развязки драмы. Лижия и Педро решили нанести визит вежливости родителям Клаудиньо, который так и не пришел в сознание. Лижия принесла корзинку отборных фруктов для мальчика. Как только супруги приблизились к дому портного, Лауро велел им убираться: он не желает с ними разговаривать, ему не до бесед. Он снова повторил свою угрозу: «Ваш сын уедет из города живым, только если выживет мой», — и велел Лижии и Педро забрать свои фрукты:

— Мы не умираем с голоду. Мне не нужна милостыня, мне нужен мой сын.

Пауло выходил из комнаты только чтобы узнать о состоянии ребенка. Все полученные сведения он заносил в тетрадь:

> …Утром ходили в больницу. У мальчика стала снижаться температура… Хоть бы его отец забрал свое

заявление из полиции.

…Весь город уже все знает, и я не могу выйти из дому, потому что меня ищут. Мне сказали, что вчера на танцах у дверей стоял следователь, ждал моего появления.

…У мальчика снова поднялась температура.

…Меня могут арестовать в любой момент — кто-то сообщил в полицию, будто я совершеннолетний. Теперь все зависит от его состояния.

Температура повышалась и падала несколько раз. Клаудиньо пришел в себя в среду утром, через два дня после травмы, но кризис миновал только к ночи, когда врачи наконец сказали, что его жизнь вне опасности и через несколько дней его выпишут. В четверг рано утром Педро Коэльо повел сына на допрос к судье и в его присутствии подписал обязательство взять на себя все расходы по оказанию Клаудиньо медицинской помощи и пребыванию его в больнице. Мальчик выжил. Единственным серьезным последствием травмы был огромный шрам на животе, оставшийся у него на всю жизнь. Но, видимо, судьбе было угодно, чтобы карнавальный понедельник оставался для него роковым днем. Через тридцать четыре года, 15 февраля 1999 года коммерсант Луис Клаудио, имевший к тому времени жену и двух дочерей, был силой выведен из своего дома в Араруаме двумя бандитами в масках — видимо, их наняла мафия, грабившая грузовики с товаром. Его жестоко пытали, потом связали, облили бензином и заживо сожгли.

А тогда, в 1965 году спасение Клаудио не повлияло на решение Педро Коэльо принять к сыну самые строгие меры. Когда семья вернулась в Рио, он заявил, что в наказание за наезд и ложь Пауло запрещается выходить из дому по вечерам. А денег на карманные расходы, которые он снова стал получать, уволившись в декабре с землечерпалки, он не увидит, пока отец не возместит те сто тысяч крузейро (около трех тысяч реалов[19] по курсу 2008 года), что ушли на медицинские и прочие расходы. Первый табель, принесенный через два месяца после начала занятий, возродил было надежды семьи: хотя Пауло так же плохо успевал по нескольким предметам, он получил хорошие оценки по португальскому, философии и химии, и его общий балл поднялся до 6,1. Этот показатель, сам по себе весьма средний, стал несомненным свидетельством прогресса Пауло, которому уже давно не удавалось добраться даже до пяти баллов. Родители было воспряли духом, но уже в следующей ведомости средний балл опустился до 4,6, а затем едва достиг 2,5. Когда подвели

итоги, в семье Коэльо разразился страшный скандал. Педро Кейма Коэльо де Соуза рвал и метал, запрещал развлечения, грозил все более страшными наказаниями, но Пауло, казалось, оставался к этому равнодушен. «Я по горло сыт колледжем, — говорил он друзьям, — сбегу оттуда, как только смогу».

Энергия и рвение, которые он не тратил на занятия в школе, полностью отдавались реализации проекта стать писателем. Убежденный в собственном таланте, не желая пребывать в неизвестности, Пауло решил, что помочь ему может только одно: реклама. В начале 1965 года во время долгих прогулок по пляжу Копакабана с Эдуардо Жардином, он вслух размышлял о том, как стать признанным писателем. Решение задачи представлялось ему простым: мир становится все более материалистическим (неважно, по чьей вине — коммунизма или капитализма), поэтому, скорее всего, искусство, в том числе и литература, обречено на исчезновение. И только массовая информация, то есть реклама может спасти мир от культурного Армагеддона. Пауло твердил Жардину, что его особенно беспокоит литература: она не получила такого широкого распространения, как музыка, ею мало интересуется молодежь.

— Если нашему поколению никто не привьет интереса к литературе, — делился он опасениями с Эдуардо, — она очень скоро перестанет существовать. — И Пауло поведал другу свой рецепт спасения литературы: — Моим главным занятием станет массовая коммуникация, пропаганда; она будет тем инструментом, которым я заставлю публику читать и обдумывать то, что пишу. Благодаря ей мои книги станут лучше продаваться, но это — вторичный результат. Главное — таким образом я пробужу всеобщий интерес к моим идеям, к моим теориям. — Друг слушал с недоверием, но Пауло и дальше излагал ему проект, относящийся уже к тому времени, когда публика будет завоевана. — А потом, по примеру Бальзака, я сам буду писать — под псевдонимом, разумеется, — критические и хвалебные статьи о собственном творчестве, но это уже совсем другая история.

Жардин не соглашался:

— Ты очень по-коммерчески рассуждаешь, Пауло. Ты же знаешь, что реклама насквозь лжива, она заставляет людей делать то, чего они не хотят.

Но Пауло был настолько уверен в действенности своего плана, что в январе наклеил на поверхность письменного стола нечто вроде программы того, что собирается сделать в новом году:

Литературная программа на 1965 год.

Покупать все газеты, выходящие в Рио.

Изучить их литературные отделы и выяснить, кто ответственные редакторы и руководители этих газет. Посылать свои сочинения редакторам и объяснительные письма руководителям. Установить с ними телефонные контакты, справляясь о дне, когда мои сочинения будут опубликованы. Информировать руководителей о моих намерениях.

Найти покровителей.

Провести всю эту работу и с журналами.

Выяснить, пожелает ли кто-нибудь систематически получать мои сочинения.

Провести такую же работу с радиостанциями. Попытаться создать собственную программу или поступить на службу в уже существующие. Выяснить по телефону, будет ли передано то, что я им посылаю, и если да, то когда именно.

Достать адреса известных писателей, послать им мои стихи, попросить высказать о них свое мнение и поместить в изданиях, с которыми они сотрудничают. Обращаться к ним снова и снова, если письмо останется без ответа.

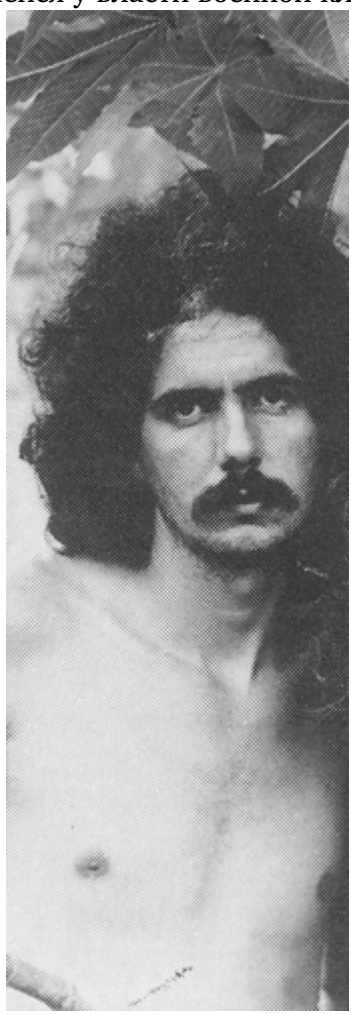
Приходить на автограф-сессии, конференции, встречи, премьеры спектаклей, стараться побеседовать со знаменитостями и сделать так, чтобы меня заметили.

Организовать показы моих, театральных пьес. Приглашать на них литераторов старшего поколения, чтобы добиться их покровительства.

Попытаться наладить контакты с писателями нового поколения, угощать их коктейлями, посещать места, где они собираются. Продолжать себя рекламировать, рассказывать в писательских кругах о своих удачах.

Отпечатанный на машинке план казался беспроигрышным, но в реальной жизни Пауло не удавалось выбраться из унизительной и обидной безвестности. Его не печатали, он не сумел познакомиться ни с одним критиком, ни с одним журналистом, ни с кем из тех, кто бы смог отворить ему заветную дверь или протянуть руку помощи на пути к славе. Его угнетало еще и то, что учился он хуже некуда. Пауло с трудом заставлял себя ходить в колледж Эндрюс — и делал это совершенно напрасно, потому что его оценки становились все позорнее. У Пауло всегда был такой вид, будто он витает в каком-то совсем другом мире. И вот в состоянии такой душевной летаргии он познакомился с

учеником классического отделения колледжа Эндрюс, которого звали Жоэл Маседо. Юноши были одного возраста, но Жоэл оказался полной противоположностью Пауло: общительный экстраверт, хорошо ориентировавшийся в политике, он был одним из самых молодых представителей так называемого поколения «Пайсанду», к которому принадлежали киноманы и интеллектуалы, собиравшиеся в кинотеатре «Пайсанду» в районе Фламенго. Жоэл руководил школьным театральным кружком и отвечал также за газету «Агора» — печатный орган учеников колледжа Эндрюс. В редколлегию он пригласил и Пауло. Газетка постоянно конфликтовала с консервативно настроенным руководством колледжа, поскольку выступала против репрессий и произвола находившейся у власти военной клики.



Жоэл Маседо, представитель «группы Пайсанду»

Перед Пауло открылся новый мир. Причастность к группе

«Пайсанду» обеспечивала ему контакты с интеллектуальной элитой Рио-де-Жанейро, общение со звездами левой оппозиции, противостоявшей военному режиму. Не только деятели кино, но и драматурги, музыканты, журналисты, законодатели культурной моды Рио были постоянными посетителями кинотеатра и его естественного продолжения — расположенных неподалеку баров «Оклахома» и «Синерама». На так называемых «проклятых сеансах», проводимых по пятницам в полночь, — билеты на них разлетались за несколько минут, — показывали последние новинки европейского кино. Пауло мало интересовался политикой и социальными проблемами, но его глухая экзистенциальная тоска позволила ему хорошо вписаться в круг завсегдатаев «Пайсанду», и вскоре он стал там своим человеком. Однажды Жоэл спросил его, почему Пауло никогда не ходит на такие популярные «проклятые сеансы»:

— Во-первых, мне не хватает нескольких месяцев до восемнадцати, а на эти фильмы обычно не пускают несовершеннолетних, — объяснил он, добавив, что есть еще и вторая, столь же непреодолимая причина: — Если я до одиннадцати не вернусь домой, отец не откроет мне дверь.

Жоэл никак не мог согласиться с тем, что семнадцатилетний юноша должен являться домой в строго определенное время:

— Тебе пора завоевать свободу. А с возрастом все очень просто: подделай дату рождения в школьном билете, как это сделал я. — Проблему же позднего возвращения Жоэл предложил решить следующим образом: — После ночных сеансов ты будешь спать в доме моих родителей в Ипанеме.

Подправив школьный билет и получив возможность гарантированной ночевки, Пауло вступил в волшебный мир, где царили Жан-Люк Годар, Глаубер Роша[20], Микеланджело Антониони, Ингмар Бергман и Роберто Росселлини.

Но одна трудность все же оставалась. Билеты, пиво, сигареты и транспорт — за все это надо было платить. Совсем немного, естественно, но у Пауло, лишенного карманных денег, не было буквально ни гроша, и он не представлял себе, как выпутаться из этой ситуации. К немалому удивлению Пауло, проблему решил отец. У инженера Педро был друг Луис Эдуардо Гимараэнс, директор «Диарио де нотисиас» — одной из самых влиятельных в то время газет Рио, а к тому же зять ее владелицы Ондины Дантас. Педро устроил встречу сына с газетчиком, и через несколько дней Пауло начал работать «тюленем» (так на жаргоне бразильских журналистов назывался стажер) в старом здании на улице Риашуэло, в самом центре города. На первых порах — бесплатно, дожидаясь, пока с ним не заключат контракт.

Проблема с деньгами оставалась, но работа в газете освобождала Пауло от строгого отцовского контроля. Теперь Пауло почти не бывал дома. Утром он шел в колледж Эндрюс, потом возвращался, наскоро обедал и проводил вторую половину дня в газете, а вечер — в «Пайсанду». Он так часто ночевал в квартире Жоэла, что она стала его вторым домом.

Как это обычно бывает в редакции любой газеты, «тюленям» достаются самые рутинные задания: ямы на дорогах, создающие неудобство для транспорта, семейные драки, закончившиеся в полицейском участке, или составление списков тех, кто скончался в муниципальных больницах и не был «востребован» родственниками. Нередко новичок, придя в редакцию, слышал от заведующего отделом хроники «Диарио де нотисиас» Силвио Ферраса распоряжения типа: «Потолкуй с лавочниками, выясни, не начинается ли кризис в торговле». Но даже не получая ничего за свой труд и занимаясь подобной «мелочовкой», Пауло ощущал себя интеллектуалом, человеком пишущим — неважно что. Однако главное преимущество его новой службы состояло в следующем. Теперь, если в колледже Эндрюс или «Пайсанду» Пауло спрашивали, чем он занимается, он отвечал с наигранной естественностью:

— Я журналист, пишу для «Диарио де нотисиас».

Газета, кино, любительский театр — при такой нагрузке дни как будто становились все короче, и на учебу времени практически не оставалось. Педро готов был рвать на себе волосы, узнав, что сын получил за апрель средний балл 2,5 (чему немало способствовали нулевые оценки по португальскому, английскому и химии), но Пауло явно пребывал в иных мирах. Он делал только то, что ему нравилось, а вечером приходил домой, когда хотел. Если дверь была открыта, входил. А если оказывалось, что отец уже тщательно ее запер, Пауло разворачивался, садился в автобус Леблон — Лапа и через несколько минут уже спал у Жоэла. Родители не знали, что делать.

В мае один друг попросил Пауло об одолжении: он устраивался на работу в «Банко кредите Реаль де Минас-Жерайс», и ему требовались два рекомендательных письма. Поскольку именно там держал свои сбережения дон Педро, не мог бы он написать ему такую рекомендацию? Пауло попытался поговорить с отцом, но получил резкий отказ:

— Ни за что! Только тебе могло прийти в голову, что я стану ручаться за этих шалопаев, твоих приятелей!

Обманутый в ожиданиях и стесняясь сказать другу правду, Пауло решил действовать на собственный страх и риск заперся в

комнате, напечатал на машинке письмо, полное самых лестных отзывов в адрес соискателя вакансии, и подписал его «инженер Педро Кейма Коэльо де Соуза». Старательно скопировал отцовскую подпись, вложил лист в конверт и решил, что все в порядке. Но результат оказался столь блестящим, что получатель счел своим долгом позвонить отцу Пауло и поблагодарить за оказанную любезность. Сначала Педро не понял, о чем идет речь:

— Письмо? Какое письмо? — Однако, услышав слова «управляющему банком», даже не дал собеседнику закончить фразу. — Я не писал никакого письма! Принесите мне его! Принесите немедленно! Это проделки Пауло! Он подделал мою подпись!

Инженер бросил трубку и сам поехал в банк, чтобы изъять улику — письмо, свидетельствующее о том, что его сын стал фальсификатором и лжецом. Ни о чем не подозревавший Пауло, придя вечером домой, заметил, что отец не в духе, но тут не было ничего необычного. Перед сном он сделал в дневнике короткую запись:

> За полтора месяца я опубликовал в «Диарио де нотисиас» девять репортажей. 12 июня я еду в Фурнас — присутствовать на встрече с высшими политическими деятелями: президентом, наиболее влиятельными губернаторами и министрами.

На следующее утро Пауло проснулся в прекрасном настроении: в газете прошел слух, что в этот день его должны принять на постоянную работу. Отныне он будет настоящим журналистом, получит удостоверение и гарантированное жалованье. Спустившись из спальни, он удивился тому, что родители стоят посреди гостиной и явно ждут его. Дон Педро хранил угрюмое молчание, но глаза его метали молнии. Заговорила Лижия:

— Сынок, нас очень беспокоит твоя астма и мы записали тебя на обследование. Выпей кофе, скоро нам ехать.

Через несколько минут отец вывел из гаража машину — это бывало крайне редко — и все трое поехали по набережной к центру города. Пауло, устроившись на заднем сиденье, думал о своем и любовался исполинскими темными тучами, которые всегда в это время года нависали над бухтой Гуанабара, придавая пейзажу возвышенно-романтическую мрачность. Доехав до середины пляжа Ботафого, машина свернула влево, на улицу Маркиза Олинды, миновала еще три квартала и остановилась у высокой — не меньше трех метров — стены. Они вышли из машины, подошли к железным воротам. Отец сказал что-то

привратнику, и появившаяся через несколько минут монахиня повела их в кабинет врача. Они находились в лечебнице доктора Эйраса — крупной клинике, занимавшей несколько зданий и особняков в роще у подножия холма. Монахиня шла впереди, показывая дорогу, а Пауло следовал за родителями, не понимая, что происходит. Все поднялись на четвертый этаж на лифте и прошли по длинному коридору. Монахиня открыла одну из дверей и показала Педро и Лижии комнату с двумя кроватями и зарешеченным окном. С улыбкой она пояснила:

— Ваш мальчик будет спать здесь. Видите — палата просторная и светлая.

Пауло не понимал, в чем дело, но спросить не успел: они тут же прошли в кабинет. За деревянным столом сидел психиатр Бенжамин Гаспар Гомес — человек пятидесяти двух лет, лысый, с маленькими глазками и приветливым выражением лица. В недоумении Пауло обратился к родителям:

— Если я должен пройти обследование по поводу астмы, почему мне приготовили палату?

Педро не произнес ни слова, а Лижия постаралась как можно более деликатно объяснить сыну, что он находится в психиатрической больнице:

— Ты фактически бросил школу, не ночуешь дома. Мы взяли тебя из колледжа Санто-Инасио, чтобы тебя оттуда не выгнали, но и в Эндрюс ты не успеваешь. И потом, ты сбил мальчика в Арарууме…

Наконец — впервые за все утро — подал голос отец:

— Ты перешел все границы. Ты подделал мою подпись, а это уже не детская шалость, это преступление.

Дальнейшее происходило очень быстро. Мать рассказала Пауло, что они с отцом долго консультировались с доктором Бенжамином — он служил вместе с Педро в ЖИДП и пользовался его полнейшим доверием — и пришли к единому мнению: Пауло следует привести в порядок расшатавшиеся нервы, подлечиться, а потому ему придется пробыть несколько дней в этом «доме отдыха». Пауло еще не оправился от шока, когда родители поднялись и вышли в коридор. Остолбенев от ужаса, Пауло вдруг осознал, что его заперли в психушке, и он теперь совершенно один, со школьным портфелем подмышкой, в теплой куртке на плечах. Он спросил врача, словно надеясь, что из этого кошмара еще можно как-то выбраться:

— Значит, вы запрете меня в сумасшедшем доме, не проведя никакого осмотра, даже не поговорив со мной?

Бенжамин Гомес с успокаивающей улыбкой отвечал:

— Вас никто не сажал в сумасшедший дом. Это санаторий.

Здесь вы подлечитесь и отдохнете. А в беседе не было необходимости — я и так все про вас знаю. У меня имеются все данные.

Данные эти врач получил от инженера Педро, и, на взгляд разумного человека, едва ли они могли оправдать насилие, жертвой которого стал Пауло: да, он раздражителен, упрям, плохо учится и «политически не согласен с отцом», но такие жалобы на своих детей-подростков могут выразить девять из десяти отцов. Тревоги матери были конкретнее. Она считала, что у сына имеются «проблемы полового характера». Однако три причины, которые она приводила в доказательство, производили странное впечатление из уст умной и интеллигентной женщины: у Пауло нет возлюбленной, он отказывается от операции по поводу фимоза, у него, как у девочки в пору созревания, стала заметно расти грудь. Однако указанные «симптомы», в том числе и увеличение груди, были всего лишь побочным следствием гормональных препаратов, прописанных Пауло врачом, к которому его водила сама же Лижия. А вот о том единственном поступке сына, который действительно мог вызвать беспокойство за его психическое здоровье, им было ровным счетом ничего не известно: несколькими месяцами раньше, в одну из мучительных бессонных ночей Пауло решил покончить с собой. Пошел на кухню, заткнул все щели кухонными тряпками, закрепил клейкой лентой. Оставалось пустить газ, но в последний момент Пауло испугался. Внезапно — словно снизошло спасительное озарение — он понял, что ему совсем не хочется умирать, он лишь жаждет привлечь внимание родителей к своему отчаянному положению. Но когда он сорвал с двери последний кусок ленты и уже собирался вернуться к себе в комнату, ему вдруг показалось, что он в кухне не один: к своему ужасу Пауло понял, что рядом с ним — Ангел Смерти. Панический страх юноши объяснялся тем, что он где-то вычитал, будто сей Ангел, если уж слетел с небес на чей-то зов, никогда не возвращается с пустыми руками. Эта зловещая встреча не могла, разумеется, не удостоиться упоминания в дневнике:

> Я чувствовал, как меня обволакивает исходящий от Ангела запах, я ощущал дыхание Ангела и ощущал его желание кого-нибудь унести с собой. Я молчал. Мысленно я спросил его, чего он хочет. Он ответил, что его призвали и он должен кого-то забрать, ибо ему надо отчитаться о своих действиях. И тогда я взял кухонный нож, перелез через стену на пустырь, где пасутся соседские козы, поймал одну и одним махом перерезал

ей горло. Струя крови взметнулась высоким фонтанам, залила ограду, перелетела через нее, так что брызги попали даже на стену нашего дома. Но Ангел получил желаемое и исчез. Теперь я знаю, что больше никогда в жизни не сделаю попытки покончить с собой.

Если предположить, что родители Пауло совершили бестактность и прочли его дневник — в чем через какое-то время он стал их подозревать, — даже то, что он принес в жертву козу (это происшествие тогда приписали неведомому маньяку), не могло служить достаточным основанием для госпитализации сына.

Когда санитар отвел его в приготовленную палату, Пауло все еще находился в состоянии шока. Подойдя к зарешеченному окну, юноша был потрясен красотой вида, открывавшегося из этого мрачного места. Из окна можно было любоваться белым песком пляжа Ботафого, садами на недавно возведенной дамбе Фламенго и чудесными очертаниями холмов Урка и Корковадо вдали. Вторая кровать была пуста — значит, Пауло предстояло страдать одному. Вечером кто-то из родителей передал привратнику чемодан с одеждой, личными вещами и книгами нового пациента. Больше в тот день не произошло никаких важных событий. Лежа на койке, Пауло думал о выборе жизненного пути. Больше всего ему хотелось, естественно, осуществить свою мечту и стать писателем. А если не получится, было бы неплохо сделаться настоящим сумасшедшим. Тогда его будет содержать государство, ему не придется работать и брать на себя какую бы то ни было ответственность. Правда, в таком случае он будет проводить много времени в психиатрических больницах, к тому же позднее, бродя по коридорам клиники доктора Эйраса, он быстро поймет, что ее пациенты ведут себя совсем не так, «как те безумцы, которых показывают в голливудских фильмах».

За исключением некоторых особо тяжелых случаев кататонии или шизофрении, остальные пациенты вполне способны здраво рассуждать о жизни и иметь собственное мнение по разным вопросам. Иногда у них случаются приступы панического страха, депрессии или буйства, но, как правило, они непродолжительны.

Первые несколько дней Пауло пытался освоиться в этом месте, куда его заточили родители. Из бесед с санитарами и служителями, которые неспешным шагом передвигались по бесконечным коридорам, он узнал, что в клинике содержат восемьсот душевнобольных. Они поделены на несколько

категорий — в зависимости от тяжести заболевания и классовой принадлежности. Этаж, на котором жил Пауло, был территорией так называемых «тихих психов» — пациентов, поступивших в клинику по рекомендации частных врачей, а остальные, «беспокойные» и попавшие в лечебницу по направлению государственной службы здравоохранения, размещались в другом корпусе. Пациенты первой категории лежали в двухместных палатах с отдельным туалетом Днем они могли свободно перемещаться по всему этажу. А вот пользоваться лифтами, которые запирались на ключ, разрешалось только в сопровождении санитара и только при наличии подписанного врачом пропуска. Все окна, балконы и лоджии были ограждены решетками или бетонными блоками. Больных, принятых в клинику по государственной страховке, помещали в общие палаты на десять, двадцать и даже тридцать коек, а так называемые «беспокойные» содержались в отдельных запираемых боксах.

Больница доктора Эйраса была не просто психиатрической лечебницей, как вначале подумал Пауло: она представляла собой целый комплекс клиник — неврологической, кардиологической, а также наркологии, где лечили от алкоголизма и наркомании. Оба ее руководителя — доктор Авраам Акерман и доктор Пауло Нимейро — входили в число самых уважаемых нейрохирургов Бразилии. У дверей, ожидая приема, обычно стояли в очереди сотни обычных людей, пользовавшихся государственной страховкой, но приходили сюда со своими проблемами и сильные мира сего. За пять лег до Пауло здесь провел четыре месяца в отдельном шале магнат Ассиз Шатобриан, глава империи телекоммуникаций, лечившийся от мозгового тромбоза. Впоследствии в больнице доктора Эйраса окончили свои дни две популярнейшие личности, два бразильских кумира: гениальный футболист Гарринша в 1983 году умер здесь от алкоголизма, а певица Дирсинья Батиста попала сюда в состоянии глубокой депрессии и скончалась в 1999 году от остановки сердца.

Лижия каждую неделю навещала Пауло в лечебнице. Однажды она привела с собой дочь — Соня Мария, которой исполнилось пятнадцать, упросила родителей дать ей возможность повидаться с братом. Посещение клиники стало для девочки настоящим потрясением.

— Это такой ужас, по коридорам ходят люди и разговаривают сами с собой! — вспоминала она с возмущением через много лет. — И в этом аду затерялся Пауло, мальчик, которому было там совершенно нечего делать.

Соня хотела высказать все это родителям, воззвать к их

милосердию, умолить, чтобы брата забрали из клиники, но у нее не хватило смелости. Она никогда не отстаивала даже собственные интересы, что уж говорить о брате? В отличие от Пауло, Соня всю жизнь была в подчинении у родителей — до такой степени, что, уже выйдя замуж и став матерью, никогда не позволяла себе курить при отце и скрывала от него, что носит бикини.

Что же касается Пауло, то, по словам доктора Бенжамина, навещавшего его каждое утро, юноше удавалось смягчать свои страдания «какими-то магическими движениями поясницы, которые он производил, даже когда упрашивал отпустить его из больницы». По мнению психиатра, он был в лучшем положении еще и потому, что умел «красиво говорить». Именно из-за этого Пауло избежал жестокой процедуры, которой часто подвергали душевнобольных в клинике — электрошоковой терапии. Доктор Бенжамин Гомес, хоть и был прекрасным знатоком душевных болезней и переводил книги по психиатрии, являлся убежденным сторонником этого варварского метода лечения, давно отвергнутого и осужденного в большинстве стран мира.

— В некоторых случаях, например, при тяжелых, затяжных депрессиях, иного выхода просто нет, авторитетно заявлял доктор Бенжамин. — При такой патологии любая другая терапия — самообман, надувательство, паллиатив, опасное продление страданий.

В клинике Пауло давали такие огромные дозы психотропных средств, что он целые дни проводил в оглушенном состоянии, бесцельно бродя по коридорам. Хотя он никогда в жизни не пробовал наркотиков — даже марихуаны — ему четыре недели кряду скармливали препараты, предназначенные для дезинтоксикации. Неудивительно, что он был заторможен.

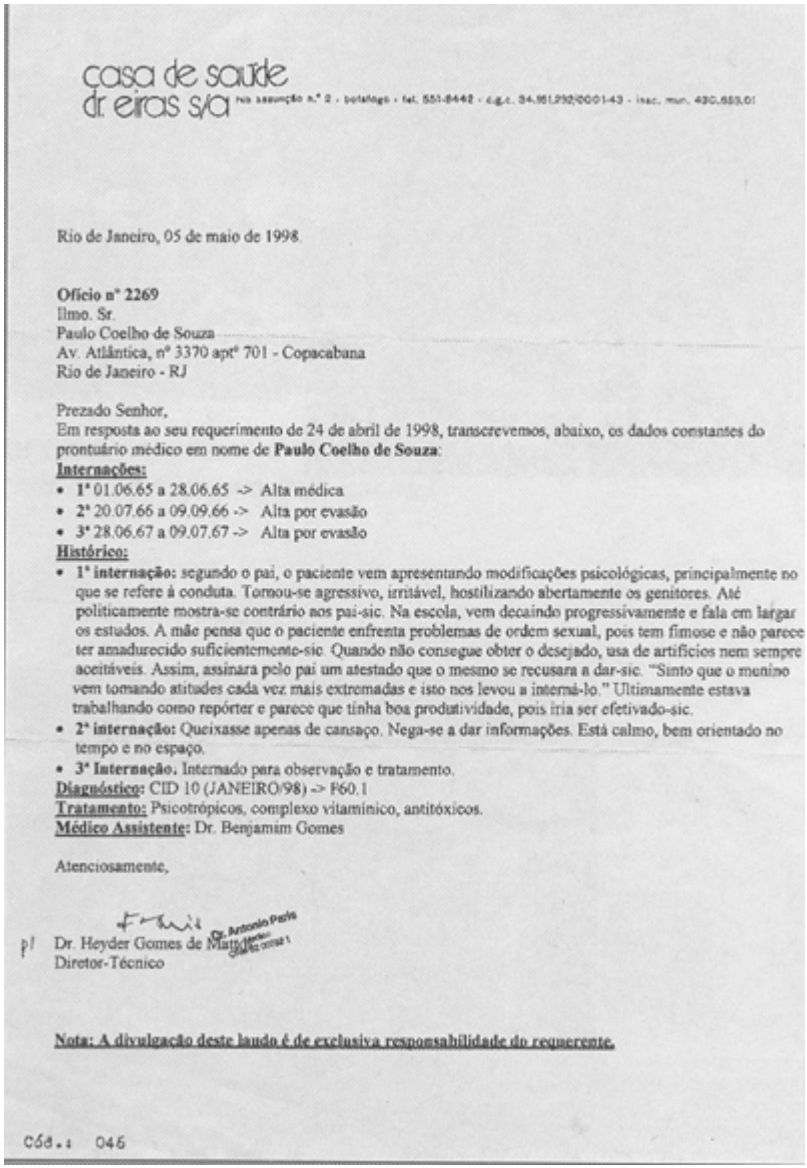
Поскольку мало кто знал, что Пауло поместили в лечебницу, он почти не получал весточек от друзей. Однако неожиданно Пауло посетил невольный виновник его заточения в клинике — тот приятель, что попросил у дона Педро рекомендательное письмо. Ему пришла в голову безумная идея, оставшаяся неосуществленной: организовать боевой отряд из юношей, входивших в теперь уже распавшуюся группу «Рота 15», и силой вырвать Пауло из этого страшного места. Исстрадавшейся душе Пауло становилось немного легче лишь когда в клинике появлялась его последняя пассия — Рената Сошакзевски, красивая девушка, с которой он познакомился в любительском театре. Впоследствии она стала одной из лучших бразильских актрис и прославилась под сценическим именем Рената Сорра. Пауло ласково называл ее «Ренни», «Уточка». Когда им не

удавалось встретиться, Рената потихоньку пересылала ему любовные записки: «Выгляни в окно, я тут стою, хочу с тобой попрощаться», или «Передай мне в пятницу список того, что тебе нужно. Вчера я звонила, но тебя не позвали».

Когда через четыре недели Пауло выписали, он был очень слаб, но попытался извлечь хоть какой-то положительный урок из своего пребывания в аду. Вернувшись домой, он собрался с духом и продолжил дневниковые записи:

> Во время этого перерыва я находился в клинике доктора Эйраса как помешанный. Я провел там 28 дней, не ходил в школу, потерял работу, а теперь оказалось, что я совершенно здоров и что не было никакой необходимости меня туда помещать. Хороши, однако, мои старики! Погубили мою карьеру, погубили учебный год, истратили столько денег, и все для того, чтобы выяснить, что я совершенно нормален. Теперь придется все начинать сначала, (Хуже всего, что в день поступления в клинику меня должны были принять на постоянную работу в газету.)
>
> Но что ни делается, все к лучшему. Как говорил один мой сосед по этажу, «даже то, что причиняет нам вред, в конечном счете идет на пользу». Да, пользу из всего этого я извлек несомненную. Я стал более зрелым и уверенным в себе. Я лучше разобрался в своих друзьях и оценил некоторые свои идеи, которым раньше не придавал значения. Я стал взрослым.

Пауло вышел из клиники убежденным, что у него «ничего не было», однако доктор Бенжамин Гомес придерживался иного мнения. Подписанная им история болезни, сохранившаяся в архиве больницы доктора Эйраса, содержит довольно мрачный диагноз, похожий на приговор: «Пациент с шизоидным типом личности, не склонный к социальным и эмоциональным контактам. Предпочитает действовать в одиночестве. Неспособен выражать чувства и испытывать радость». Судя по этому листку бумаги, страдания Пауло только начинались.



casa de saúde
dr. eiras s/a
rua assunção n.º 2 - botafogo - tel. 551-8442 - c.g.c. 34.161.292/0001-43 - insc. mun. 490.883.01

Rio de Janeiro, 05 de maio de 1998.

Ofício nº 2269
Ilmo. Sr.
Paulo Coelho de Souza
Av. Atlântica, nº 3370 aptº 701 - Copacabana
Rio de Janeiro - RJ

Prezado Senhor,
Em resposta ao seu requerimento de 24 de abril de 1998, transcrevemos, abaixo, os dados constantes do prontuário médico em nome de **Paulo Coelho de Souza**:
Internações:
- **1ª** 01.06.65 a 28.06.65 -> Alta médica
- **2ª** 20.07.66 a 09.09.66 -> Alta por evasão
- **3ª** 28.06.67 a 09.07.67 -> Alta por evasão

Histórico:
- **1ª internação:** segundo o pai, o paciente vem apresentando modificações psicológicas, principalmente no que se refere à conduta. Tornou-se agressivo, irritável, hostilizando abertamente os genitores. Até politicamente mostra-se contrário aos pai-sic. Na escola, vem decaindo progressivamente e fala em largar os estudos. A mãe pensa que o paciente enfrenta problemas de ordem sexual, pois tem fimose e não parece ter amadurecido suficientemente-sic. Quando não consegue obter o desejado, usa de artifícios nem sempre aceitáveis. Assim, assinara pelo pai um atestado que o mesmo se recusara a dar-sic. "Sinto que o menino vem tomando atitudes cada vez mais extremadas e isto nos levou a interná-lo." Ultimamente estava trabalhando como repórter e parece que tinha boa produtividade, pois iria ser efetivado-sic.
- **2ª internação:** Queixasse apenas de cansaço. Nega-se a dar informações. Está calmo, bem orientado no tempo e no espaço.
- **3ª Internação.** Internado para observação e tratamento.

Diagnóstico: CID 10 (JANEIRO/98) -> F60.1
Tratamento: Psicotrópicos, complexo vitamínico, antitóxicos.
Médico Assistente: Dr. Benjamim Gomes

Atenciosamente,

Dr. Antonio Paiva
p/ Dr. Heyder Gomes de Matos
Diretor-Técnico

Nota: A divulgação deste laudo é de exclusiva responsabilidade do requerente.

Cód.: 046

História de Paulo, escrita na clínica do doutor Eiras: além de ser considerado «agressivo, irritável, hostilizando abertamente os genitores», a mãe achava que ele tinha problemas sexuais

6
Пауло осыпает отчий дом градом камней и видит во сне, что его снова помещают в психиатрическую больницу. К сожалению, сон оказался вещим

Те немногие друзья, кто за эти двадцать восемь дней навещал Пауло в больнице, очень удивились, когда его выписали. Он был подавлен и казался физически слабее, чем прежде, но даже не пытался скрывать, что лечился в психиатрической клинике. Наоборот, едва появившись на улице Родриго Отавио, собрал друзей и стал хвастать, что пережил такое, чего им и во сне не увидать: прошел курс лечения в «психушке». Пауло красочно описывал невероятные происшествия (часто выдуманные), свидетелем которых якобы стал в лечебнице, и некоторые приятели ему позавидовали — они жалели, что им не довелось побывать в таком интересном месте. Поведение Пауло не на шутку обеспокоило Педро и Лижию. Опасаясь, что пребывание в психиатрической клинике может нанести ущерб репутации Пауло и в школе, и на работе, они об этом никому не говорили. Отец сообщил в колледж Эндрюс и в «Диарио де нотисиас», что отсутствие сына объясняется необходимостью совершить «неожиданную поездку», а узнав, что Пауло всем рассказывает правду, предупредил его:

— Немедленно прекрати болтать! Если станет известно, что ты лечился от душевной болезни, потеряешь право баллотироваться на пост президента Республики.

Не имея ни малейшего желания становиться президентом чего бы то ни было, Пауло вышел из клиники, изголодавшись по тому, что он называл «интеллектуальной жизнью». Теперь, помимо любительского театра колледжа Эндрюс и кинотеатра «Пайсанду», у него появилось новое место для развития творческой активности. Барбара Элиодора, возглавлявшая организацию, в чьем ведении находились бразильские театры, добилась от правительства разрешения преобразовать помещение бывшего Национального союза студентов (разграбленное и сожженное бандой крайне правых молодчиков в день военного переворота) в новую Национальную театральную консерваторию.

Не ремонтируя здание Народного центра культуры, знаменитого НЦК, где располагался Национальный союз студентов, и даже не закрасив следы вандализма, Барбара Элиодора создала в нем театр «Палкан». Зал на сто пятьдесят мест стал потом центром культурного просветительства — правда, не такого свободного, как прежде. Здесь проводились репетиции и ставились спектакли, а позднее возник не имевший постоянной труппы Национальный университетский театр (НУТ), в котором работали только студенты. Весь театральный опыт Пауло сводился к пьесе «Урод», уничтоженной в тот же день, когда он ее дописал, и двум-трем другим пьесам, тоже не дошедшим до сцены. Но Пауло был уверен, что обладает необходимыми способностями, и с головой погрузился в деятельность только что созданной Национальной театральной консерватории.

Вернувшись в «Диарио де нотисиас», Пауло понял, что его почти месячное отсутствие похоронило или по крайней мере отодвинуло на неопределенный срок возможность влиться в ее штат репортером, но он продолжал сотрудничать в газете, ничего не зарабатывая и ничего не требуя. Работать в таком месте, где он каждый день мог писать, пусть даже о тех ничтожных событиях, что обычно оставляли для него, было просто замечательно, и он делал это с радостью и совершенно бесплатно. В конце июля 1965 года ему поручили подготовить репортаж об истории Конгрегации марианитов[21] в Бразилии. Используя уже имевшиеся навыки репортерской работы, Пауло без особого труда справился с заданием, пошел в штаб-квартиру конгрегации, побеседовал со священнослужителями, собрал необходимые данные и написал небольшую статью о деятельности этого ордена, начиная с того дня, когда первые миссионеры-марианиты прибыли в Бразилию вместе с португальскими иезуитами. На следующее утро по дороге в колледж он купил в киоске газету и с гордостью улыбнулся, увидев свой материал. В статью была внесена небольшая правка, но в основе своей это был им созданный текст, и его читали тысячи людей.

Придя после обеда в редакцию, Пауло узнал, что за его голову назначена награда. Руководство Конгрегации марианитов, взбешенное опубликованным репортажем, явилось с рекламацией прямо к владелице газеты. Автора статьи обвиняли в том, что он сам выдумал содержащуюся в статье информацию. Услышав это, юный «тюлень» возмутился: эпизод с рекомендательным письмом на всю жизнь отбил у него охоту заниматься фальсификацией. Коллеги советовали ему лечь на дно и затаиться, пока не улягутся страсти, но Пауло, вспомнив о прыжках в реку в крепости Сан-Жуан, решил, что не стоит безропотно ожидать незаслуженного

наказания, лучше сразу пойти к начальству и объясниться. Он уселся перед стеклянным директорским кабинетом-«аквариумом» и дождался хозяйки, которая появилась часа через два. Получив приглашение войти, Пауло остановился перед столом, за которым сидела владелица:

— Дона Ондина, я написал репортаж о Конгрегации марианитов и хочу вам объяснить…

Ему даже не дали закончить фразу:

— Вы уволены.

Пауло попытался возразить:

— Но, дона Ондина, меня же собирались принять на постоянную работу…

Не поднимая глаз от бумаг, хозяйка повторила:

— Вы уволены. Прошу вас удалиться…

Пауло вышел из кабинета, ругая себя за опрометчивость. Если бы он подождал пару дней, как советовали коллеги, об этом инциденте никто бы и не вспомнил. А теперь все кончено. Он поплелся домой как побитая собака. Но несмотря на пережитое потрясение, его способность фантазировать оставалась воистину беспредельной. Рассказывая в дневнике о глупости, которую он совершил, некстати проявив инициативу, Пауло попытался придать своему увольнению политическую окраску:

> Ах! У меня было столько возможностей избежать того, что со мной произошло! Я бы мог уступить и заявить, что симпатизирую правым, чтобы остаться работать в газете. Но нет. Я предпочел стать мучеником, распятым за свои идеи, и меня пригвоздили к кресту прежде, чем я успел что-то сказать человечеству. Я даже не мог сказать, что невиновен, что боролся за всеобщее благо. Но нет! Умри же, грязный пес. Я червь. Я ТРУС! Меня уволили из «ДН» за подрывную деятельность. Теперь меня ждет вечерняя школа и длительное бездействие.

«Диарио де нотисиас» не была правой газетой и Пауло уволили отнюдь не из политических соображений, но он намеревался извлечь максимальную пользу из своего лечения в психиатрической клинике. Раз уж он оказался в категории тех, кого в народе называют «псих со справкой», он воспользуется тем, что невменяемые не несут ответственности за свои поступки, и станет делать только то, что ему заблагорассудится. Махнет рукой и на школу, и на родителей и займется воплощением в жизнь своей мечты. По его собственным словам, он стал «заблудшим» и даже начал захаживать в злачные места, но в

отличие от других парней, у него не было крепких кулаков, и немного погодя Пауло решил, что будет «интеллектуально заблудшим», читающим то, чего не читают другие, и знающим то, что недоступно остальным. Он входил тогда в три сообщества — «Пайсанду», консерваторию и маленькую группу, оставшуюся от «Рота 15», — но всякий раз, когда требовалось применить физическую силу, Пауло сгорал от стыда: ему недоставало храбрости даже разнять дерущихся.

При этом он хорошо знал, что будущая победа не зависит от физической силы. И если раньше Пауло ощущал себя «экзистенциалистом на пути к коммунизму», то теперь стал себя считать «уличным коммунистом». Он прочел знаменитую трилогию Генри Миллера «Благостное распятие» («Сексус», «Плексус», «Нексус»), пролистал труды Маркса и Энгельса и с апломбом рассуждал на такие темы, как «реальный социализм», «холодная война» и «эксплуатация трудящихся». В заметке «Искусство в Бразилии» он цитировал Ленина, уверяя, что большевистский лидер «уже давно говорил о необходимости сделать два шага назад, когда это является единственным способом сделать один шаг вперед. Искусство тоже не может этого избежать. Сначала оно должно приспособиться к человеку, а потом, завоевав его доверие, уважение и любовь, вывести на нужный путь». Идеологической основой вторжения Пауло в область, которую он ранее отвергал, явился простой силлогизм: я интеллектуал, а поскольку каждый интеллектуал — коммунист, я коммунист. Мать одной тогдашней подружки Пауло обвиняла его в том, что он «морочит голову городской бедноте». Но ведь «от Генри Миллера до коммунизма всего один шаг, — писал Пауло, — значит, я коммунист». И только дневнику он поверял, что ненавидит Бергмана, считает Годара «неуклюжим», а Антониони «скучным». Откровенно говоря, ему очень нравилось слушать «Битлз», но коммунисту не подобает признаваться в таком публично.

Занятия в школе, как Пауло и обещал самому себе, отошли на второй или даже третий план. Опасаясь, что он не сможет успешно закончить учебный год, руководство колледжа Эндрюс вызвало Лижию и Педро, чтобы обсудить с ними три вопроса: низкие оценки, частые прогулы и «личностные проблемы» ученика. В начале занятий после июльских каникул Пауло не получил ни по одному предмету оценку выше 2,5 баллов и не присутствовал ни на одном уроке математики, по которой больше трех баллов никогда не получал. Он и в самом деле каждое утро отправлялся из дома в колледж, но там не сидел на уроках, а вместе со своими единомышленниками занимался театром.

Родителям поставили ультиматум: либо их сын возьмется за ум, найдет какой-нибудь стимул, чтобы начать нормально учиться, либо его исключат. И хотя в колледже Эндрюс не было такой жесткой системы отчисления, как в Санто-Инасио, классный руководитель деликатно намекнул им, что «лучше не доводить дело до крайностей»: может быть, не дожидаясь конца учебного года, его следует перевести в учебное заведение, «где бы предъявлялись менее строгие требования». Иными словами, если Педро и Лижия хотят избежать позорного провала сына на экзаменах, его необходимо перевести в «дискотеку» — так называли тогда те колледжи, где при условии регулярного внесения платы ученику был гарантирован в конце года проходной балл. Супруги Коэльо с возмущением отвергли это предложение. Они еще не потеряли надежду вернуть Пауло на стезю Добра, а перевод в «дискотеку» означал бы позорную капитуляцию. Их сын никогда не будет учиться в школе пятого сорта.

Меж тем окружающим казалось, что Пауло обитает в другой галактике. Он целиком погрузился в мир театра, который тогда был в авангарде борьбы с военной диктатурой, и это сблизило его с молодежью, вступавшей в политическую борьбу. Теперь он смотрел только фильмы и пьесы протеста, а также обогатил свою речь лозунгами типа «больше хлеба, меньше пушек» и «когда народ един — он непобедим». Однажды вечером, когда Пауло с друзьями смотрел пьесу «Свобода, свобода», которую поставили Одувалдо Виана Фильо и Пауло Аутран[22], спектакль неожиданно прервался. На сцену вылез растрепанный парень и с сильным северо-восточным акцентом провел «митинг-молнию» против военной диктатуры. То был студенческий лидер и будущий федеральный депутат Владимир Палмейра, в ту пору — президент Академического центра Конрадо де Оливейра. Он призывал зрителей к участию в еще одной студенческой антиправительственной демонстрации. Через несколько лет, когда режим еще более ужесточился, политзаключенного Владимира Палмейру обменяли на посла Соединенных Штатов Чарлза Бёрка Элбрика, похищенного партизанами. В тех редких случаях, когда Пауло отваживался на участие в антиправительственных демонстрациях, он делал это лишь для того, чтобы насолить отцу, работавшему в самом центре Рио, где и проходили все манифестации. Откровенно говоря, раньше Пауло совсем не интересовался политикой.

За исключением двух или трех коротких записей — например, по случаю президентских выборов 1960 года, когда к власти пришел Жанио Куадрос, — его дневник отражает полное

равнодушие автора к политике и политикам. А когда власть в Бразилии захватили военные, Пауло предавался возвышенным рассуждениям о том, что такое Небеса и Ад. За две недели до государственного переворота, когда страна бурлила, взбудораженная речью президента Жуана Гуларта на знаменитом «митинге реформ», Пауло исписал несколько страниц своего дневника, повествуя о злоключениях «шестнадцатилетней блондинки», с которой он познакомился на улице: «Представьте себе, эта девочка убежала из дома и, чтобы выжить, вынуждена заниматься самой черной работой. Пока ей удается остаться девственницей, но голод вынудит ее потерять невинность». И в заключение Пауло признался: «В такие минуты я начинаю сомневаться в существовании Бога».

Но так было раньше. Теперь же будущий автор бестселлеров считал себя политическим борцом, участником сопротивления. Впрочем, его протестные высказывания были весьма робкими и не выходили за пределы дневника. О своем несогласии с существующим строем Пауло написал также в памфлете «Я обвиняю», представлявшем собой некую мешанину, где «Битлз», Франко, Салазар и Линдон Джонсон противопоставлялись таким фигурам, как де Голль, Глаубер Роша и бессменный генсек бразильской компартии Луис Карлос Престес:

> Я обвиняю богачей, купивших совесть политиков. Я обвиняю военных, силой оружия подавивших сознание народа. Я обвиняю «Битлз», карнавал и футбол, отвлекающие внимание поколения, у которого хватило бы отваги свергнуть тиранов. Я обвиняю Франко и Салазара, живущих за счет репрессий, направленных против их соотечественников. Я обвиняю Линдона Джонсона, живущего за счет угнетения стран, которые не могут противостоять потоку долларов. Я обвиняю папу Павла VI, исказившего слово Христа.
>
> Но существует ли в окружающем мире что-нибудь хорошее? Да, в нем есть такое, что может вселить надежду. Это — де Голль, возродивший Францию и намеревающийся распространить свободу по всему миру. Это — Евтушенко: он поднял голос против режима, хоть и знал, что в любой момент его могут безнаказанно раздавить, и человечество сумело оценить полет его мысли, вольной, как птица. Это — Хрущев, разрешивший мятежному поэту говорить все, что он хочет. Это — Франсиско Жулиан и Мигел Арраэс, два истинных лидера, сумевших до самого конца не прекращать

борьбы. Это — Руй Герра и Глаубер Роша, внесшие в народное искусство идею сопротивления. Это — Луис Карлос Престес, пожертвовавший всем ради идеала. Это — жизнь, трепещущая во мне, чтобы я тоже смог когда-нибудь сказать свое слово. Это — мир, принадлежащий молодым. Может быть, еще не поздно, и они все поймут. И будут бороться до самой смерти.

Однако первая возможность реальной работы, появившаяся у Пауло, на множество световых лет отстояла от борьбы против военной диктатуры и американского империализма, высасывающего все соки из слаборазвитых стран. Творческое содружество под названием «Группа Отличие» начало репетировать спектакль по классическому произведению детской литературы — «Пиноккио». Премьеру назначили на конец 1965 года, но руководство группы столкнулось с некоторой проблемой. По ходу действия требовалось семь раз сменить декорации, и все опасались, что дети, которым предназначался спектакль, при закрытии занавеса станут бегать по залу, задерживая действие. Продюсер — француз Жан Арлен — предложил простое решение: пригласить еще одного актера, который при смене декораций будет появляться на сцене и развлекать публику. Ему пришло в голову предложить эту роль новичку, с которым его познакомил Жоэл Маседо, — некрасивому и нескладному, но остроумному юноше по имени Пауло Коэльо. Театральная группа возражать не стала, роль, которую предложили Пауло, была без слов — текст предстояло импровизировать — да и гонорар был под большим вопросом. «Группа Отличие» представляла собой кооператив, и большая часть выручки шла на аренду помещения и жалованье техническому персоналу, а остаток — если таковой был — по-братски распределялся между актерами и актрисами. Этой суммы хватило бы разве что на трамвайный билет, но Пауло с радостью принял предложение.

Перед первой репетицией Пауло раздобыл в костюмерной театра рваный комбинезон и старую шляпу и стал ждать своего выхода. Режиссер, аргентинец Луис Мария Ольмедо по прозвищу «Пес» дал ему единственное указание: импровизировать. Когда занавес опустили для первой смены декораций, Пауло поднялся на сцену и, кривляясь, произнес первое, что пришло в голову:

— Картошечка разрослась, поле листиками покрыла, мамашечка улеглась, ручку на сердце положила.

И тут же под всеобщий хохот получил и роль, и новую кличку. Театральные друзья Пауло стали звать его «Картошечкой». Он считал себя очень плохим актером, но на

ближайшие недели с таким рвением отдался работе, что перед премьерой «Пиноккио» его номера были официально включены в спектакль, а имя фигурировало и в программе, и на афишах. С каждой репетицией Пауло все тщательнее отделывал свои монологи и всегда укладывался в те несколько минут, что требовались для смены декораций; он изобретал забавные словечки, гримасничал, кричал и прыгал. В глубине души он считал все это смехотворным, но если перед ним открыли именно эту Дверь, он попытается войти в мир театра через нее. Самодеятельность закончилась. В «Группе Отличие» Пауло работал с профессионалами, которые жили театром, — начиная от таких опытных деятелей, как Жеральдо Казе, отвечавший за звуковое оформление спектакля, и кончая новичком, выходцем из штата Сеара Жозе Уилкером. Ровесник Пауло, Уилкер уже профессионально работал в театре и даже успел сыграть небольшую роль в фильме «Покойница», снятом Леоном Иршманом, одним из столпов бразильского «нового кино». После репетиций веселая и колоритная труппа «Пиноккио» покидала театр «Мигел Лемос» и, пройдя по пляжу четыре квартала до улицы Са-Феррейра, обосновывалась в баре «Гондола». Там собирались актеры, актрисы, режиссеры и технический персонал — все те, кто проводил вечера на сцене театров Копакабаны, а их в ту пору было около двадцати.

Пауло отныне чувствовал себя среди них превосходно. Ему наконец-то исполнилось восемнадцать и он мог теперь пить сколько захочет, ходить на любые фильмы и пьесы и проводить ночи не дома, ни перед кем не отчитываясь. Кроме отца, разумеется. Инженер Педро Кейма Коэльо очень неодобрительно смотрел на увлечение сына театром. И не только потому, что сын плохо учился и мог провалиться на экзаменах. Для родителей Пауло мир театра был «прибежищем гомосексуалистов, коммунистов, наркоманов и бездельников», от которого их сын должен держаться как можно дальше. Но в конце декабря Лижия и Педро капитулировали — они приняли настойчивое приглашение Пауло и пришли на генеральную репетицию «Пиноккио». В конце концов это — классика детской литературы, а не какой-нибудь непристойный подрывной спектакль, из тех, что пользовались тогда в Бразилии таким успехом. Пауло забронировал места для родителей, сестры и дедушки с бабушкой и, к его немалому изумлению, все они явились в театр. В день премьеры в приложении к «Жорнал до Бразил» появилась заметка, где впервые напечатали имя Пауло Коэльо. Оно замыкало список, но для начинающего это было естественно. О чувствах, которые Пауло испытал на сцене, он коротко, но

эмоционально написал в дневнике:

> Вчера состоялась моя премьера. Потрясающе. Действительно потрясающе. Никогда не забуду, как появился перед публикой, и софиты ослепили меня, и от моих реплик зал засмеялся. Великолепно. Действительно великолепно. Моя первая победа в этом году.

Однако приход семьи на спектакль не означал перемирия. Узнав о его провале в Эндрюс и вбив себе в голову, что у Пауло не все в порядке с психикой, родители заставили его ходить три раза в неделю на сеансы групповой психотерапии. Но Пауло, не обращая внимания на неприязнь родителей, переживал незабываемые минуты. За несколько недель он фактически создал в пьесе еще одного персонажа: когда опускали занавес, Картошечка усаживался на край сцены, разворачивал аппетитную конфету и принимался с наслаждением ее поедать. Детишки смотрели с завистью, пуская слюни, а начинающий актер спрашивал у какого-нибудь карапуза из первого ряда:

— Хочешь карамельку?

Публика начинала орать:

— Хочу! Хочу!

Но Пауло отвечал с садистским видом:

— Хотеть не вредно. Не дам!

Картошечка откусывал еще и снова обращался к одному из маленьких зрителей:

— Хочешь конфетку?

Дети снова кричали, Пауло снова отвечал им отказом, и так продолжалось, пока занавес не поднимался перед следующим актом. Через полтора месяца после премьеры спектакль «Пиноккио» перевели в театр «Кариока», помещавшийся в первом этаже жилого дома в районе Фламенго — совсем рядом с кинотеатром «Пайсанду». Однажды на репетиции Пауло заметил в последнем ряду хорошенькую девушку — голубоглазую, с длинными волосами, рассыпанными по плечам. Девушка пристально смотрела на него. Это была Фабиола Фракаролли, жившая на восьмом этаже: она увидела открытую дверь и вошла, чтобы посмотреть, что там делается. На следующий день Фабиола пришла снова, а на третий Пауло решил заговорить с ней. Девушке было шестнадцать лет, ее отец умер, она жила в маленькой съемной квартире с матерью-портнихой и бабушкой, пребывавшей в маразме и не расставшейся с сумкой, набитой старыми бумагами, — всем ее «состоянием». До пятнадцати лет Фабиола страдала от физического уродства — у нее, как у Сирано де Бержерака, был огромный безобразный нос. Узнав, что

единственный парень, которого ей удалось заинтересовать, ухаживает за ней за деньги по просьбе ее кузины, сжалившейся над несчастной, Фабиола пришла в отчаяние. Она влезла на подоконник, свесилась из окна и заявила матери:

— Или вы дадите мне деньги на операцию, или я брошусь вниз!

Через несколько недель, оправившись после пластической операции и обзаведясь изящным носиком, она прежде всего порвала с возлюбленным, который с трудом узнал в теперешней красотке прежнюю носатую уродину. И эта новая Фабиола влюбилась в Пауло до полного самозабвения. В ту пору он ничем не ограничивал себя в отношениях с женщинами — продолжал флиртовать с Ренатой, простил Марсию и снова сделал ее своей возлюбленной — и ничто не помешало ему завести серьезный роман с Фабиолой. Мать девушки жалела худенького юного астматика и считала его членом семьи. Пауло стал почти каждый день обедать и ужинать у Фабиолы, что очень облегчало жизнь исполнителя роли Картошечки.

Но доне Бет этого показалось мало — она переставила свою кровать в комнату больной матери, и Пауло в свое распоряжение получил студию и кабинет. Чтобы придать комнатушке деловой вид, он оклеил ее стены, пол и потолок газетными листами. А когда матери не было дома, студия превращалась в спальню, где Фабиола познала первые радости секса. Но Пауло никак не мог понять, что могла найти в таком заморыше, каким он себя считал, хорошенькая девушка, на которую оборачивались мужчины на улице. И в один прекрасный день, измученный сомнениями, он предъявил возлюбленной ультиматум:

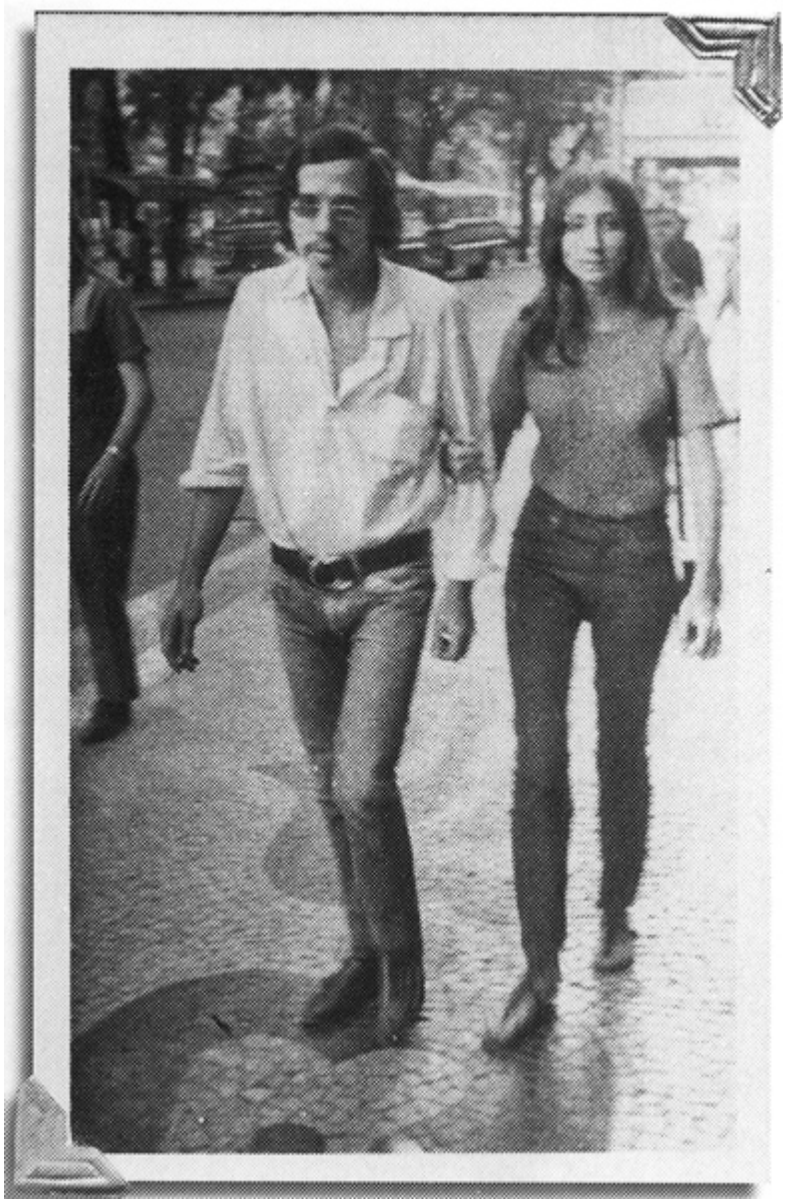
— Я не могу поверить, что такая красивая, такая обаятельная, такая нарядная девушка, как ты, может испытывать ко мне серьезные чувства. Докажи, что ты действительно меня любишь.

Фабиола ответила: «Проси что хочешь», — так твердо, что Пауло осмелел и промолвил:

— Тогда позволь мне загасить эту сигарету о твое бедро. И не плачь.

Девушка приподняла подол длинной индейской юбки, обнажив ногу, словно в ожидании укола, улыбнулась Пауло и зажмурилась. Он глубоко затянулся сигаретой «Континентал» без фильтра и впечатал горящий кончик в гладкую загорелую кожу. Фабиола услышала шипенье и ощутила жуткую боль и неприятный запах горелого мяса — шрам остался у нее на всю жизнь, — но не издала ни звука, даже не заплакала. Пауло промолчал, но про себя решил: она меня любит. Но несмотря на такие доказательства, он по-прежнему не знал, как быть. С одной

стороны, ему было приятно тешить тщеславие, появляясь в обществе такой очаровательной девушки, а с другой — поразительное невежество Фабиолы частенько заставляло его сгорать со стыда. Например, однажды она заявила при всех, что Мао Цзэдун — «французский модельер, создавший тужурочку Мао», и Пауло захотелось провалиться сквозь землю. Вместе с нею, разумеется. Но Фабиола была на редкость удобной возлюбленной — ничего не требовала и была так красива, что вполне заслуживала снисхождения.



В доказательство своей любви красавица Фабиола

позволила Пауло прижечь себя сигаретой

Однажды Пауло пригласил ее к себе домой, и девушка испугалась. Судя по его потрепанной одежде и вечному безденежью (она часто делилась с ним карманными деньгами на автобус и сигаретами), Фабиола считала Пауло чуть ли не нищим. И поэтому очень удивилась, когда в дверях дома ее встретил дворецкий в белых перчатках и ливрее с золотыми пуговицами. Она было решила, что Пауло — сын кого-нибудь из здешней прислуги, но нет: его отцом оказался сам хозяин дома, «огромного розового особняка с роялем и большим садом», как впоследствии, вспоминая тот день, скажет Фабиола.

— Вы только себе представьте, в гостиную вела мраморная лестница, прямо как в фильме «Унесенные ветром»…

Став совершеннолетним и пользуясь относительной независимостью, Пауло по-прежнему довольно часто вел себя по-детски. Однажды он допоздна слушал пластинки у Марсии (ее семья сдалась и больше не препятствовала их любви) и, собираясь вернуться домой — для этого ему нужно было пройти всего несколько десятков метров, — заметил на улице, по его словам, «банду злобных парней». На самом деле то были мальчишки, на которых Пауло на днях накричал: они шумели под окнами, гоняя мяч. Увидев, что на сей раз парни вооружены палками и бутылками, Пауло струсил, вернулся в квартиру девушки, позвонил домой и разбудил недовольного отца. Словно разыгрывая драматическую сцену, Пауло умолял:

— Папа, зайди за мной к Марсии! Но возьми револьвер — за мной охотится дюжина бандитов.

Он отважился выйти, только увидев из окна своей возлюбленной, что посреди улицы стоит высокий могучий мужчина, его отец. В пижаме, но с оружием. Однако отцовская забота не означала, что положение Пауло в семье улучшилось. Ситуация оставалась напряженной, несколько ослабел лишь контроль за его поведением. Успеваемость Пауло во втором семестре в колледже Эндрюс была столь низкой, что его не допустили к экзаменам. Единственным выходом стал теперь тот, от которого инженер Педро ранее с возмущением отказывался: найти «менее требовательное» учебное заведение. Выбор пал на колледж Гуанабара в районе Фламенго. Там Пауло намеревался получить диплом о среднем образовании, а потом уже пробовать поступить на какой-нибудь факультет — но только не инженерный, как мечтал отец. Вечерняя школа вынудила родителей ослабить режим, и Пауло даже выдали дубликат ключей от входной двери, но за свободу следовало платить: если

Пауло хочет быть независимым, учиться в другом колледже, играть в театре, являться домой когда пожелает, ему придется устроиться на работу. Педро устроил сына распространителем программы скачек в «Жокей-клубе», но за несколько недель упорных стараний новоприбывший не сумел продать ни одного квадратного сантиметра продукции.

Неудача не обескуражила отца, и он подыскал Пауло другую работу — на сей раз в фирме «Соуза Алвес и компаньоны», которая торговала промышленным оборудованием. Пауло терпеть не мог делать что-то по принуждению, но ради финансовой самостоятельности согласился: в этой фирме ему предстояло получать твердую зарплату независимо от продаж. В первый день Пауло явился на новое место работы в строгом костюме с галстуком, старательно пригладив щеткой буйную шевелюру. Он думал, что ему укажут стол, за которым он будет работать, но начальник провел его в огромный сарай, велел взять метлу и распорядился:

— Можешь начинать. Для начала подмети склад. Когда закончишь, доложишь.

Подметать? Но ведь он актер, писатель, а отец нашел ему место уборщика? Нет, тут что-то не так. Видимо, это шутка — захотели посмеяться над новичком в первый день работы. Пауло решил принять игру, засучил рукава и поработал метлой. Закончив, с улыбкой сообщил начальнику, что все готово. Тот, даже не взглянув на нового работника, вручил ему накладную и указал пальцем на дверь:

— Возьмешь оттуда двадцать коробок с гидрометрами, отнесешь вниз, в экспедицию и отдашь вместе с накладной.

Значит, это не шутка. Значит, отец решил унизить его, устроив подсобным рабочим. Помрачнев, Пауло выполнил, что велели. За несколько дней работы он понял, что отныне и до скончания века обречен таскать ящики, паковать счетчики воды и электричества, подметать склады, Как и сизифов труд на драге, здешняя работа казалась бесконечной. Он заканчивал одно дело, и ему тут же поручали другое. Через несколько недель Пауло записал в дневнике:

> Я медленно и незаметно убиваю себя. Я больше не могу вставать в шесть и являться на работу в семь тридцать, целый день без обеда подметать и таскать ящики со всякими железками, а потом до полуночи репетировать.

Он выдержал полтора месяца, и ему даже не пришлось просить об увольнении. Управляющий сам позвонил инженеру

Педро и сообщил, что «парень не подходит для такой работы». Когда Пауло в последний раз вышел со склада фирмы «Соуза Алвес», в кармане у него лежали тридцать крузейро, заработанных честным трудом. Он сразу же купил на эти деньги пластинку с последними хитами Роберто Карлоса — «Пропади все пропадом» и «Напиши мне, любовь моя». Совершенно ясно: долго такой жизни он бы не выдержал. Кроме «Пиноккио», который репетировали шесть дней в неделю, в театре начались репетиции еще одной детской пьесы, которую тоже ставил Луис Олмедо. «Я получил роль в этом спектакле, — хвастал Пауло в дневнике, — благодаря блестящей игре моего Картошечки в „Пиноккио“». Теперь ему предстояло выступать на сцене уже как признанному актеру вместе со своим другом Жоэлем Маседо и хорошенькой смуглянкой Нэнси, чей брат Роберто Мангабейра Унжер был примерным учеником в колледже Санто-Инасио и завоевывал там все первые места. Премьера «Войны Ланчей» состоялась в середине апреля 1966 года после утомительного периода репетиций. Видя, что Пауло нервничает, Пес чмокнул его в лоб и сказал:

— Картошечка, я в тебя верю!

Согласно старинной примете, одетый ковбоем Пауло ступил на сцену правой ногой — и зал встретил его аплодисментами, то и дело раздававшимися до самого конца спектакля. А потом все единодушно признали, что он идет «первым номером». Его осыпали комплиментами, а Пес, в присутствии смущенных Педро и Лижии, пришедших на премьеру, обнимал его и громогласно восторгался:

— Картошечка, у меня нет слов! Какая игра! От тебя просто током било, ты заворожил публику! Нет, это слишком!

То же повторилось и на закрытии сезона, когда давали «Пиноккио». Только Картошечку в исполнении именно того, кто и актером-то себя не считал, встречали и провожали аплодисментами. Если бы не полнейшее безденежье, Пауло считал бы, что сам Господь Бог послал ему такую жизнь. У него было несколько возлюбленных, он пользовался успехом как актер и намеревался писать и ставить собственные пьесы. Он научился играть на гитаре и носил ее на плече, подражая своим кумирам — исполнителям боссановы. Но как это обычно случалось у Пауло, радостный подъем легко сменялся приступом глубокой депрессии. В этот вроде бы счастливый и удачный период жизни Пауло записал в дневнике:

> Я только что дочитал одну из самых грустных историй в жизни. О художнике — богатом, знатном,

талантливом. Он стал знаменитым еще в молодости, но был несчастнейшим из людей, потому что его никто не любил из-за его физического уродства. Пьянство сгубило его рано, отняв у него последние силы. В темных шумных кафе Монмартра он встречался с Ван Гогом, Золя, Оскаром Уайльдом, Дега, Дебюсси. С восемнадцати лет он жил той жизнью, о которой мечтают все интеллектуалы. Он никогда не пользовался своим богатством и общественным положением, чтобы унижать других людей, но его истосковавшееся по нежности сердце ни разу не получило ни крошки искренней любви. В определенном смысле он очень похож на меня. Художник Анри Тулуз-Лотрек, чью жизнь замечательно описал Пьер Ламюр па четырехстах пятидесяти страницах «Мулен-Руж». Я никогда не забуду эту книгу.

Пауло по-прежнему много читал, но теперь, сочиняя, по своему обыкновению, на каждую книгу маленькую рецензию, сопровождал ее особым значком, как это делают профессиональные критики. В его системе одна звездочка означала «плохо», две — «хорошо», три — «замечательно», а четыре — «гениально». На одной июньской странице дневника Пауло удивляется числу книг, прочитанных за последнее время. «Я побил все рекорды: читаю одновременно четыре книги. Дальше так не пойдет». И читал он при этом отнюдь не пустые книжонки. На его ночном столике лежали «Преступление и наказание» Достоевского; «Страх и трепет» Кьеркегора; «Для нервных и тревожных» — медицинский справочник Дэвида Херолда Финка; «Шедевры мировой поэзии» — антология Сержа Милье; и «Панорама бразильского театра» Сабато Магалди.

В том же июне 1966 года Пауло расхрабрился и показал Жану Арлэну свое первое взрослое сочинение: пьесу в трех действиях «Безвременная молодость». По сути дела это была смесь стихотворных цитат, фрагментов речей и эффектных фраз самых разных авторов: Бертольда Брехта, Карлоса Ласерды, Морриса Уэста, Мануэла Бандейры, Винисиуса де Морайса, Карлоса Друммонда де Андраде, Жана Поля Сартра и, разумеется, Пауло Коэльо. Француз счел пьесу заслуживающей внимания, внес некоторые поправки и распорядился начать репетиции. Более того, поскольку это была очень простая для постановки пьеса — практически без декораций и костюмов, он решил показать ее на Первом фестивале молодежи, который должен был состояться в горном городке Терезополис, в с га километрах от Рио. Пауло был не только автором, но и актером, и на второй неделе июня уехал

в горы с «Группой Отличие» — против воли родителей, разумеется. Окрыленный успехом, он послал свое стихотворение «Мятеж» на объявленный Фестивалем поэтический конкурс. В жюри входили поэт Ледо Иво и критик Валмир Аяла. Пьеса провалилась, а результаты конкурса должны были объявить только через месяц. Но главное заключалось в том, что Пауло нашел в себе смелость попробовать свои силы.

Обстановка в семье оставалась тяжелой. Его все так же попрекали поздними приходами домой — он редко возвращался раньше часа ночи. К тому же родители принуждали его постричься, чего он не делал уже полгода. Если отец слышал, как поворачивается ключ в замке, Пауло ожидала получасовая нотация перед сном. Однажды ночью у дверей его встретил инженер Педро — он стоял, скрестив руки, и глядел угрожающе:

— Ты снова перешел все границы. С завтрашнего дня входит в силу прежний режим: двери дома будут запираться в одиннадцать. Кто придет позже, останется спать на улице.

Весь следующий день Пауло мотался между своей студией в квартире Фабиолы и залом, где репетировали «Войну Ланчей»: спектакль катастрофически терял публику. Вечером он пошел в «Пайсанду» посмотреть «Китаянку» — последнее творение Годара. Пауло не очень любил этого режиссера, но хотел поучаствовать в обсуждении после просмотра. Там он встретился с Ренатой и после фильма они отправились поесть утку с яблоками и выпить ледяного пива, которыми славился «Цеппелин» в Ипанеме — закрытый клуб, служивший прибежищем людям с левыми взглядами, но при деньгах — куда Пауло мог попасть только по приглашению, как на этот раз. В «Цеппелине» уже почти никого не осталось, когда они попросили счет и вышли. Взявшись за руки, прошли почти три километра к Леблону, до улицы Рита Лудолф, где жила Рената. Борясь со сном, Пауло дождался автобуса Лапа — Леблон. Было уже около четырех утра, когда он вставил ключ в замок входной двери. Вернее, попытался. Ключ в замочную скважину не входил. Только тут до него дошло, что отец выполнил угрозу и сменил замок. В такой час Пауло уже не мог заявиться Ни к Жоэлу, ни к Фабиоле. Не помня себя от ярости, он набрал камней и стал швырять их в стеклянные двери и окна фасада. Полетели осколки. Разбуженные шумом родители испугались, что соседи вызовут полицию, Педро Коэльо спустился и открыл сыну дверь. Пауло, явно навеселе, пересек засыпанный стеклом вестибюль и поднялся по лестнице, не услышав от отца ни единого слова.

Войдя к себе, он рухнул на кровать, заснул, и ему приснился кошмар. Будто на краю его постели сидит врач, меряет ему

давление, а в дверях стоят два санитара со смирительной рубашкой. Вдруг он понял, что это не сон. Отец вызвал «скорую помощь» из лечебницы, и Пауло снова туда отвезли, на сей раз — силой.

7
Фрагменты «Новой баллады о Редингской тюрьме» *(навеяно Оскаром Уайлдом)*

Среда, 20 июля.

8.00 — Меня разбудили, чтобы измерить давление. Я еще не совсем проснулся и подумал, что вижу сон. Но вскоре понял, что это наяву. Все кончено. Мне велели быстро одеться. У дверей дома стояла машина «скорой психиатрической помощи». Я не думал, что садиться в нее так унизительно. Несколько соседей издали наблюдали, как тощий длинноволосый парень пригибает голову, чтобы войти в машину. Да, он склоняет голову. Он побежден.

9.30 — Бюрократические формальности позади. И вот я снова здесь. Как же скоро это случилось! Еще вчера я гулял с Ренни и был весел — слегка озабочен, правда, но такого не ожидал. И вот я снова здесь, потому что не захотел провести ночь на улице. Иногда я думаю о Ренни. Я немного сентиментален.

Здесь все пациенты очень печальны. Они не улыбаются. У них остановившиеся взгляды, будто они что-то ищут — возможно, встречи с самими собой. В одной палате со мной лежит племянник важного министра. Он одержим мыслями о смерти. Чтобы развлечься, играет на гитаре похоронный марш. Хорошо, что есть гитара. Она помогает забыться. Вносит немного радости в эту юдоль скорби. Глубокой скорби тех, кто уже ничего не ждет и ни к чему не стремится в этой жизни. Меня отчасти утешает, что они, оказывается, умеют петь.

15.00 — Я говорил с парнем, который здесь уже два года. Сказал ему, что тоскую и хочу отсюда выбраться. Но он ответил мне очень искренне: «Зачем? Здесь так хорошо. Не надо ни о чем думать. К чему бороться? В конце концов никто ничего не хочет». Мне страшно. Страшно, что я начну думать как он. Мне тоскливо.

Тоскливо, потому что я не знаю, когда снова увижу мир не сквозь решетку. Неописуемая тоска. Тоска приговоренного к пожизненному заключению, который надеется, что его когда-нибудь освободят условно. Но когда? Через месяц? Три месяца? Год? Или никогда?

17.00 — Или никогда?

19.20 — Я не могу покинуть этот этаж, не могу позвонить по телефону. Не могу отправить письмо. Недавно я попытался (украдкой) позвонить Ренни, но она как раз ужинала. А если бы нет? Что бы я ей сказал? Стал бы жаловаться? Или превозносить себя? Что бы я сказал, кому? Да и могу ли я еще говорить, Господи?

Меня удивляет спокойствие, с которым все они относятся к своему заключению. Боюсь, что и я в конце концов успокоюсь. «Каждый человек в двадцать лет поджигатель, а в сорок — пожарный». Кажется, что мне уже тридцать девять лет и одиннадцать месяцев. Я на пороге полного поражения. Я это почувствовал, когда сегодня к вечеру сюда пришла мама. Она смотрела на меня сверху вниз. В первый же день я уже ощущаю себя почти побежденным. Но я должен победить.

Четверг, 21 июня.

8.00 — Вчера мне дали очень сильное снотворное, и я проснулся только сейчас. Ночью сосед вдруг разбудил меня и спросил, одобряю ли я мастурбацию. Я сказал, что да, и повернулся на другой бок. Откровенно говоря, я не понял, почему он это спросил. Может, мне это приснилось, но все равно странно. Флавио, мой сосед, подолгу молчит. А заговорив, бесконечно повторяет один и тот же вопрос: что делается и что делают люди там, на воле? Ему все еще хочется общения с миром. Бедняга! Он гордится тем, что вел богемную жизнь, но вот он здесь, и он признает, что болен.

Я бы никогда не признал этого. Я здоров.

11.30 — Я обнаружил, что мой бумажник опустошили, и я не смогу ничего купить для Уточки. Вчера я говорил с ней. Она обещала, что сегодня придет меня навестить. Я знаю, что это запрещено, но очень хочу повидаться с Ренни. Я говорил с ней по телефону шутливо, чтобы пе чувствовалось отчаяние.

Здешняя публика не перестает меня удивлять. В глубине души они мне нравятся. Роберто показывает мне разные штуки — как вычислить возраст, как пользоваться вольтметром и пр. У Флавио мания знакомиться со знаменитостями. Здесь огромное число курьезных случаев. У одного мания нюхать еду, другой ничего не ест, боясь располнеть, третий говорит только об извращениях и сексе. Мой сосед по комнате все время лежит, у него грустное лицо и остановившийся взгляд. По радио поют «Девочку-цветок». О чем думает Флавио? Его взгляд безнадежно ищет встречи с самим собой или он бесцельно и обреченно направлен в пустоту, в никуда?

Я говорил с некоторыми пациентами. Кто-то провел здесь три месяца, кто-то — девять, а кто-то — годы. Я бы такого не вынес.

«И от шестого часа была тьма до часа девятого и в девятом часу. Он возопил: Отче, Отче, отчего Ты оставил меня?»

Музыка, солнце за решетками, мечты — все это вызывает бесконечную грусть. Я вспоминаю о Терезополисе, где мы поставили «Безвременную молодость». Пьеса провалилась по вине публики, но я получил, хороший опыт. Какие счастливые дни — я мог свободно смотреть на солнечный свет, ездить верхом, целоваться, улыбаться.

А теперь ничего нет. Ничего. Мы хотели показать мою пьесу здесь, в Рио. Теперь они сделают это без меня. Грустно, когда начинаешь что-то, а тебя прерывают. Очень грустно. Мне сейчас лень писать о пьесе, но и спать я не должен. Сон притупляет, разум, я боюсь стать таким, как остальные. У меня есть газетные вырезки с отзывами, напечатанными еще до нашей поездки в Терезополис. Что было после, расскажу потом. Времени у меня много.

Очень много.

14.10 — Жду Уточку. Приходил мой врач, принес мне антологию французских поэтов. Это хорошо, потому что я понемногу учу французский язык. Он сказал, что я кажусь спокойным, — видимо, мне здесь нравится. Иногда мне действительно начинает здесь нравиться. Это особый мир, где только едят и спят. И все. Но в какой-то момент я вспоминаю о внешнем мире, и мне хочется уйти отсюда. Теперь уже меньше. Вчера было

хуже. Начинаю привыкать. Не хватает только пишущей машинки.

Я знаю, что Уточка придет (или попытается прийти) сегодня. Ей, наверное, интересно узнать, что со мной случилось. Она придет еще раза два или три, а потом забудет меня, C'est la vie. И я ничего не могу с этим поделать. Мне бы хотелось, чтобы она приходила каждый день и радовала меня своей необычностью, но этого не будет. Я даже не знаю, пустят ли ее ко мне сегодня. Но как бы то ни было, это приятное ожидание, мне нравится ее ждать.

14.45 — Без четверти три, а Уточки нет. Наверное, не придет. Или ее не пустили.

Пятница, 22 июля.

11.50 — Вчера приходила Уточка. Принесла показать свои фотографии из Штатов и обещала одну подписать.

Мне очень нравится Уточка. С грустью думаю, что говорил с ней неподобающим тоном. Холодно, отчужденно. А она была так ласкова…

Из дому еще не принесли все нужные вещи. Как только получу пишущую машинку, буду печатать исследование по психиатрии, которое дал мне доктор Бенжамин. Я уже прочел «Антологию поэтов Франции». Теперь попробую осилить «Леопарда» Лампедузы[23].

Забавно, что я привыкаю к мысли остаться здесь.

12.00 — Меня одолевает сон. Тяжелый, без сновидений, сон-бегство, сон, заставляющий забыть, что я здесь.

14.00 — Не могу читать «Леопарда». Это одна из самых скучных книг, которые я когда-либо брал в руки. Монотонно, неумно, никакой ценности. Дошел до страницы 122 и бросил. Очень жаль. Нехорошо бросать что-то на середине, но я больше не могу. Хочу спать. А ведь мне надо бороться со сном изо всех сил.

14.30 — Нехорошо бросать что-то на середине.

14.45 — Диалог с соседом по комнате:

— Я не хочу жить ни в клинике доктора Эйраса, ни во Фламенго, ни в Копакабане.

— А где же, Флавио?

— На кладбище Сан-Жуан-Батиста. Жизнь потеряла

для меня всякий смысл после карнавала 1964 года.

— Почему?

— Человек, которого я люблю больше всего на свете, не захотел пойти со мной в Муниципальный театр.

— Какие глупости, Флавио. В мире есть столько других женщин. (Пауза.) Ты еще любишь ее?

— Его. Это мальчик. Сейчас он поступает на медицинский, а я здесь, жду смерти.

— Не говори глупостей, Флавио.

— Вчера он мне позвонил. Он немного женственный. Из-за него я хотел покончить с собой. В ночь бала я выпил ароматизированный эфир из спрея с духами, смешал его с виски. Меня увезли на «скорой». Теперь он там, а я здесь, жду смерти.

Флавио очень странный, ведет себя как типичный шизофреник. Но иногда начинает разговаривать как сейчас. И мне становится грустно от собственного бессилия. Он и здесь несколько раз пытался покончить с собой. Он много и с гордостью рассказывает мне о своей богемной жизни. Я на собственном опыте знаю, что люди, ведущие богемный образ жизни, обычно этим гордятся.

Флавио плачет.

Друзья мои, в глубине души, в самой ее глубине, я чувствую, что большинство пациентов попало сюда из-за недостатка любви (родительской или еще чьей-либо). Я отношусь к первой категории (родительская).

15.00 — Здешние пациенты бывают забавными. Сеньор Апио, пятидесятилетний старик, сказал мне вчера, что большевистскую революцию финансировали американцы. Один парень, единственный здешний пациент моего возраста, временами подымает веселый шум… Иногда по вечерам я играю в карты.

Больше не могу писать. Флавио плачет.

Суббота, 23 июля.

10.00 — Вчера вечером удалось позвонить Луису и Уточке. Ренни сказала, что очень любит меня. Я был счастлив и, наверное, наговорил глупостей. Я сентиментальный дурак. В конце нашего разговора вмешалась телефонистка, и я не смог ничего больше

сказать Уточке. Она придет сюда в понедельник. Боюсь, начну жаловаться. Очень досадно, но я ощущаю себя неполноценным человеком.

Луис обещал прийти в понедельник.

У меня сейчас сидит один зануда по имени Маркос. Он поступил сюда год назад, сразу после моего ухода. Все время берет мое радио, чтобы слушать футбол.

Я дипломатично выставил его из комнаты.

20.30 — Сейчас полдевятого вечера, но здесь кажется, будто уже гораздо позднее. Приходил Луис и здорово поднял мне дух. Я звонил Уточке и снова наговорил глупостей.

Воскресенье, 24 июля.

Воскресное утро. Слушаю радио, и мне бесконечно, убийственно одиноко. Утро мрачного, тоскливого воскресенья. Я сижу за решеткой, мне не с кем поговорить, я погружен в одиночество. Мне нравится это выражение: погружен в одиночество.

Воскресное утро. Здесь никто не поет, по радио передают грустную песню о любви и слезах. Какой безнадежный день.

Уточка далеко. Мои друзья далеко. Спят еще, наверное, после веселой разгульной ночи. А я здесь один. По радио теперь звучит старинный вальс. Я думаю об отце. Мне жаль его. Наверное, очень печально иметь такого сына, как я.

Этим воскресным утром мне кажется, что моя любовь к Ренни постепенно угасает. Я уверен, что и ее любовь ко мне — тоже. Мои руки пусты, я ничего не могу обещать, ничего не могу дать ей. Я бессилен, беспомощен, словно бескрылая ласточка. Злой, безнравственный и одинокий. Я совершенно один в этом мире.

Здесь все однообразно и вместе с тем — непредсказуемо. Я как зеницу ока берегу фотографии Уточки, деньги и сигареты. Только это и может хоть как-то меня развлечь.

Понедельник, 25 июля.

Я так жду тебя, и чем ближе час встречи, тем больше мне хочется тебя увидеть. Вчера по телефону ты сказала, что любишь меня. Я счастлив, что у меня есть возлюбленная. Мне уже не так одиноко, и мир кажется мне прекрасным, даже если смотреть на него сквозь решетку. А когда ты придешь, он станет еще прекраснее. Сегодня утром я дарю тебе мое сердце, любовь моя. Мне немного грустно, что ты далеко и не можешь быть все время со мной. Но я взрослый мужчина и должен сам со всем этим справиться.

Забавно, но мне кажется, я чего-то стою. Вчера говорил по телефону с Луисом и Рикардо. Они придут во вторник. Я знаю, им сейчас очень трудно — Луис сидит с отцом в больнице, а у Рикардо занятия. Но они придут. Меня это радует. Я понял, что можно радоваться и быть счастливым даже в самых грустных обстоятельствах. Понял, что я не так одинок, как мне казалось. Кто-то меня любит, кому-то я нужен. Я тоскую, но я счастлив.

Вторник 26 июля.

Ночью прочел роман «Наш человек в Гаване» Грэма Грина. У меня не было времени (ха! ха! ха!), чтобы проанализировать эту книгу. Но я получил удовольствие. Мне понравилось.

Воскресенье, 31 июля.

13 00 — Сегодня в 13 часов, находясь в психиатрической лечебнице, я узнал, что в поэтическом конкурсе, организованном газетой «Диарио де нотисиас», где приняли участие 25 тысяч претендентов, я занял девятое место в общей категории и второе почетное. Возможно, меня включат в антологию.

Я счастлив. Мне хотелось бы оказаться на воле, со всеми поговорить, всем это рассказать. Я сверхсчастлив.

Сидя за решеткой, я подумал о том, помнит ли меня, своего первого возлюбленного, Тата. Я не знаю, очень ли она выросла, похудела или пополнела, стала интеллектуалкой или ведет светскую жизнь. Может, за это время она сделалась калекой или у нее умерла мать,

может, она живет в роскошном особняке. Я не видел ее восемь лет, а сегодня мне захотелось с ней встретиться. Я ничего о ней не знаю. Как-то я позвонил ей и спросил, помнит ли она еще, что у нее когда-то был роман с неким Коэльо. Она ответила «да» и повесила трубку.

Суббота, 6 августа.

Уточка, любовь моя, сейчас мне безумно хочется говорить с тобой. Доктор Бенжамин угрожает мне инсулином и электрошоком, меня обвиняют в токсикомании, я как беспомощный загнанный зверь, и мне очень хочется говорить с тобой. Если действительно я начал деградировать как личности если вот-вот начнется разрушение моего «я», мне бы хотелось, чтобы ты была рядом.

Мы бы говорили о самых банальных вещах. А потом ты бы ушла, улыбаясь и надеясь вновь повидаться со мной через несколько дней. Ты бы ни о чем не догадалась, я бы делал вид, что все в порядке. В дверях лифта ты бы заметила глупую слезинку на моем лице, и я бы сказал: это от зевоты, разговор был скучным. Из проигрывателя, который ты мне одолжила, неслась бы песенка Нары Пеан «Оле-Ола». Выйдя на улицу, ты бы посмотрела вверх и увидела, что я машу тебе рукой через решетку. Вернувшись в комнату, я бы плакал, и платок стал бы мокрым от слез. Я бы думал о том, что было, что могло быть и чего быть не может. А потом вошли бы врачи со своим черным чемоданом, и мое тело содрогнулось бы от электрошока.

А в одиночестве ночи я бы взял лезвие бритвы, посмотрел бы на твою фотографию, приклеенную к спинке моей кровати, и потекла бы кровь, и я бы тихонько сказал тебе: «Это моя кровь». И умер бы без улыбки и без слез. Просто умер, оставив много незавершенных дел.

Воскресенье, 7 августа.

Диалог с доктором Бенжамином:

— У вас нет чувства собственного достоинства.

После вашего первого пребывания здесь я думал, что вы больше никогда сюда не вернетесь, сделаете все возможное, чтобы стать независимым. Но какое там! Вы снова здесь. Что вы сделали, чего добились за это время? Ничего. Что вам дала поездка в Терезополис? Какую пользу вы от нее получили? Почему вы ничего не можете сделать один?

— Никто ничего не может сделать один.

— Хорошо. Но скажите мне: какую выгоду, какой прок вы извлекли из поездки в Терезополис?

— Опыт.

— Вы из тех, кто всю жизнь экспериментирует?

— Доктор, все, что делается с любовью, имеет смысл. Вот моя философия: любовь к чему-либо оправдывает наши действия.

— Если бы я обратился к шизофреникам — самым настоящим, с четвертого этажа, — они привели бы мне более веские аргументы.

— Я сказал глупость?

— Конечно! Вы все время пытаетесь создать образ себя, но это ложный образ. Вы даже не замечаете, что в нем нет ничего от вас такого, какой вы на самом деле. На самом деле вы — ноль.

— Знаю. Все, что я сейчас говорю, — самозащита. Я и сам понимаю, что толку от меня нет.

— Так сделайте что-нибудь! Но вы ни на что не способны. Происходящее вас устраивает. Вам так удобнее. Послушайте, я ведь могу снять с себя ответственность, созвать консилиум, вам назначат электрошок, инсулин, гликоз, вы все забудете и станете покорнее. Но я дам вам еще какое-то время. Будьте же мужчиной! Победите себя!

Воскресенье, 14 августа — Родительский день.

Здравствуй, папа. Сегодня твой день.
Много лет ты в этот день просыпался с улыбкой
и с улыбкой брал подарок, который я тебе приносил,
и с улыбкой целовал меня в лоб, благословляя меня.

Здравствуй, папа, сегодня твой день,
но я ничего не могу подарить и сказать тебе,
потому что твое сердце, полное горечи, стало глухо к словам.
Ты уже не тот, твое сердце состарилось,
твой слух утомлен крушением надежд,
твое сердце изболелось. Но ты еще можешь плакать,
и я думаю, что сейчас ты плачешь —
робко, как строгий и властный отец:
плачешь обо мне, потому что я здесь, за решеткой,
плачешь, потому что сегодня родительский день, а я далеко
и горечь и грусть наполнили твое сердце из-за меня.

Здравствуй, папа. Какой прекрасный восход.
У многих людей сегодня радостный праздник,
но тебе грустно. Грустно из-за меня.
Я невольно стал твоим тяжелым крестом,
ты несешь его, он терзает твою спину и рвет тебе сердце.
Сейчас моя сестра войдет в комнату
с подарком, завернутым в шелковую бумагу,
и ты улыбнешься, чтобы не огорчать ее.
Но твое сердце будет исходить слезами,
потому что я ничего не могу сказать тебе,
кроме разящих слов бунта,
я ничего не могу для тебя сделать, я могу лишь усилить твое страдание.
Я ничего не могу подарить тебе, кроме горьких слез и раскаяния
в том, что ты привел меня в этот мир.
Возможно, не будь меня, ты был бы счастлив,
как человек, упорно трудившийся,
чтобы заработать на безбедную жизнь,
и сегодня, в родительский день
получить награду — поцелуй и скромный подарок
купленный на гроши, отложенные из карманных денег,
что бережно хранились в глубине ящика,
а теперь стали подарком, очень маленьким,

но огромным для отцовского сердца.
Сегодня родительский день. Мой отец
отдал меня в сумасшедший дом.
Я далеко, я не могу обнять его, я
далеко от семьи, от него, и я знаю,
что ему при виде других отцов, окруженных
сыновьями, очень больно —
болит его бедное горестное сердце.
Но я далеко, уже двадцать дней я не вижу
солнца, и я не смог бы подарить отцу ничего,
кроме тьмы, как тот, кто уже ни на что
не надеется в жизни.
Поэтому я спокоен. Поэтому я не могу
сказать: «Добрый день, дорогой мой, будь счастлив,
ты мужчина, ты зачал меня,
моя мать родила меня в муках,
но теперь я могу отдать тебе часть
сокровища, что храпит мое сердце,
положив его в твои огрубевшие от работы руки».
Я не могу сказать тебе даже этого,
я должен быть спокоен,
чтобы не огорчить тебя еще больше,
чтобы ты не узнал, как я страдаю,
как я несчастен в бескрайнем спокойствии,
какое может быть только на небесах,
если они существуют.
Грустно иметь такого сына, как я, отец мой.

Здравствуй, отец. Скрестив руки,
я дарю тебе это красное всемогущее
восходящее солнце, чтобы смягчить твою грусть,
чтобы ты думал, что ты справедлив, а я счастлив.

Вторник, 23 августа.

Рассвет накануне дня моего рождения. Мне бы хотелось написать в этой тетради слова оптимизма и примирения, поэтому я вырвал предшествующие страницы, полные непримиримости и печали. Тяжело,

особенно для человека с моим темпераментом, выдерживать тридцать два дня в заточении. Очень тяжело, поверьте. Но в глубине души я понимаю, что я еще не самый несчастный из людей. В моих жилах течет юная кровь, и я могу начать все сначала еще тысячу раз.

Канун дня моего рождения. В этих строках, написанных на рассвете, мне хотелось хотя бы немного возродить мою веру в себя.

Послушай, Пауло, в будущем году ты можешь поступить в университет, и у тебя еще много лет впереди. Используй же это время, чтобы думать и как можно больше писать. Не надо жаловаться. Розетта, твоя пишущая машинка, твоя боевая подруга, здесь, с тобой, она готова верно служить тебе. Помнишь, что сказал Сэлинджер? «Храни свой опыт. Может, когда-нибудь он кому-нибудь пригодится, как тебе пригодился опыт тех, кто был до тебя». Поразмысли над этим. И не чувствуй себя таким покинутым. Ведь вначале друзья оказали тебе достаточно поддержки. Они сделали что могли. Но они утомились, как утомился бы и ты на их месте.

Четверг, 1 сентября.

Я здесь с июля. И я стал трусом. Я сам во всем виноват. Вчера, например, только я позволил сделать себе укол снотворного — лег и послушно протянул санитару руку. А остальные подняли бучу. Монахиня повздорила с моей девушкой, и теперь Ренни не сможет меня навещать. Они узнали, что я хотел продать рубашки, и теперь у меня нет ни такой возможности, ни денег. Меня увидели с пистолетом «беретта» в руке и установили за мной слежку.

Остановка: заставили остричься.

Нет у меня больше волос. Теперь у меня лицо беспомощного младенца. И ко мне приходит желание, которого я так боялся: желание остаться здесь. Мне больше не хочется отсюда уйти. Я не стригся с февраля. И вот, в сумасшедшем доме, меня поставили перед выбором: обрезать волосы или остаться здесь навсегда, Я предпочел стрижку. Но потом у меня появилось ощущение, что я лишился последнего, что имел. Эта страница должна была стать манифестом бунта. Но

теперь я больше ничего не хочу. Я укрощен. Я уже не бунтую. Я почти примирился.

Суббота, 3 сентября.

Так приходит конец и этой балладе, и мне.
Никаких сочинений, ничего, никакой воли к победе,
она разрушена изнутри человеческой ненавистью.
Хорошо, что я это понял. Полное поражение…
Начнем все сначала.

8
Привязанное к кровати тело Пауло бьется в конвульсиях: электросудорожная терапия началась

Однажды сентябрьским днем 1966 года Пауло в пижаме бесцельно бродил после воскресного обеда по коридорам клиники. Он только что перечел законченную накануне «Балладу…» и очень гордился тем, что ему удалось за полтора месяца в сумасшедшем доме создать эти тридцать пять машинописных страниц. Поэма была очень близка вдохновившей Пауло «Балладе о Редингской тюрьме», написанной в 1898 году Оскаром Уайлдом, которого на два года заточили за его гомосексуальные наклонности. Перечитав последнюю строку на последней странице — «Начнем все сначала», — Пауло готов был поклясться, что это не пустые слова, сочиненные лишь для того, чтобы украсить концовку. Высказывание имело совершенно конкретный смысл: как можно скорее выбраться из этого ада и начать новую жизнь. Ему все чаще приходила в голову жуткая мысль: если это зависит только от врачей и воли его родителей, то ему в коридорах девятого этажа клиники доктора Эйраса плесневеть еще очень долго.

Глубоко погруженный в свои мысли, Пауло не заметил, как к нему подошли два санитара и предложили пройти с ними в другое крыло. Его привели в комнату, где пол и стены были выложены плиткой. Там уже находился доктор Бенжамин. В центре стояла кровать, покрытая толстой прорезиненной простыней, рядом — маленький аппарат, похожий на бытовой трансформатор, с проводами и ручкой. То была так называемая «марикота» — прибор вроде тех, которые тайно использовали в полиции, когда требовалось вырвать у задержанных признание. Пауло стало не по себе:

— Значит, все-таки решили применить электрошок?

Психиатр, не теряя своей всегдашней улыбчивой любезности, попытался успокоить его:

— Не бойтесь, Пауло. Вы же знаете, это не больно. Гораздо страшнее смотреть на судороги пациентов, чем испытывать их самому. Это не больно.

Один санитар ввел в рот лежащему на кровати Пауло

пластиковую трубку, чтобы при судорогах пациент не прикусил язык Другой подошел сзади и приложил к вискам Пауло электроды, похожие на маленькие дефибрилляторы. Пауло смотрел на облупившийся потолок. Машину включили. При первом повороте ручки на его глаза словно опустилась какая-то пелена. Поле зрения стало быстро сужаться, свелось в одну точку. Потом наступила тьма. При каждом повороте его тело беспорядочно билось в судорогах, изо рта потоками лилась слюна — казалось, будто его рвет белой пеной. Пауло не удалось определить, сколько времени длился сеанс — несколько минут? Час? Целый день? Никаких болезненных ощущений он не испытывал, а придя в себя, был в таком состоянии, как после общей анестезии: ничего не помнил и долго лежал на кровати, глядя вверх и пытаясь понять, где он и что с ним произошло. Кроме насквозь вымокших от слюны ворота пижамы и наволочки, никаких следов варварской процедуры не оставалось. Электрошок мог разрушить бесценные нейроны его мозга, но в одном врач был прав: больно не было.

В основе метода ЭСТ лежал тезис: психические отклонения у человека происходят в результате «нарушения циркуляции электротоков в мозгу». После десяти-двенадцати сеансов судороги, вызываемые электрическими разрядами, должны были якобы «привести мозг в порядок» и обеспечить его возвращение к нормальной деятельности. Этот метод обладал определенными преимуществами по сравнению с лечением метазолом и инсулиновым шоком: он вызывал частичную амнезию, стирал из памяти пациента события, непосредственно предшествовавшие сеансу и вызванным им судорогам. Не помнивший, что с ним произошло и по чьей вине, пациент не испытывал неприязни ни к врачам, ни к родственникам.

Пауло пришел в себя к концу дня. Во рту была горечь. Мысли вяло текли, мышцы не слушались — так бывает всегда после сеанса электрошока. Юноша медленно подошел к зарешеченному окну. Снаружи моросило, но он еще не узнавал своей палаты, куда его перенесли после сеанса. Он попытался вспомнить, что находится за дверью, но не смог. На ватных ногах Пауло подошел к двери, чувствуя себя совершенно разбитым, с трудом открыл ее и вышел. Увидел длинный пустой коридор, и ему захотелось пройти по этому кладбищу живых людей. Тишина была такой глубокой, что, казалось, шарканье его тапок по плитам белых коридоров, пахнущих дезинфекцией, разносится по всему этажу. Сделав несколько шагов, Пауло почувствовал, что стены смыкаются над ним, грозя вот-вот расплющить. Уже болели сдавленные ребра. Стены придвинулись так близко, что

перекрыли путь вперед. Пауло в ужасе попытался рассуждать:

— Если я остановлюсь, со мной ничего не случится. А пойду вперед — или разрушу стены, или они раздавят меня.

Что же делать? Ничего. Пауло продолжал стоять. Он стоял так, пока к нему не подошла медсестра. Взяла его под руку, медленно отвела в палату и уложила. Проснувшись, Пауло увидел, что рядом стоит человек, — он, видимо, пытался разговаривать с ним. Это был Луис Карлос из соседней палаты — худенький плутоватый мулат, который так стеснялся своего заикания, что при чужих притворялся немым. Как и остальные пациенты, он уверял, что вовсе не сумасшедший.

— Я здесь потому, что хочу получить пенсию, — говорил он шепотом, словно выдавая государственную тайну. — Я уговорил одного врача дать мне справку, будто я душевнобольной. Если я проведу здесь два года как сумасшедший, мне удастся получить пенсию.

Пауло невыносимо было слушать подобные истории. Когда к нему приходили родители, он становился перед ними на колени, плакал и умолял забрать его из клиники, но в ответ всегда слышал одно и то же:

— Подожди еще несколько дней, ты уже почти здоров, скоро доктор Бенжамин тебя выпишет.

С внешним миром Пауло связывали только друзья, но им все реже удавалось обмануть бдительность охранников. Пользуясь толкучкой у входа, можно было улучить удобный миг и пронести что-нибудь запретное. Именно так к Пауло попала заряженная автоматическая «беретта» калибра 7,65 — кто-то из друзей пронес пистолет, запрятав его в трусах. Когда среди больных поползли слухи, что Пауло ходит по коридорам с оружием, он положил «беретту» в сумку Ренаты, и она вынесла пистолет из клиники. Рената приходила к нему чаще других. Когда ей не удавалось преодолеть контроль, она оставляла на вахте записочки:

> …Этот дурак лифтер уже знает меня, не разрешил мне подняться. Скажи им, что ты со мной поссорился, тогда эти гады, возможно, оставят тебя в покое.
>
> …Мне очень грустно, но не из-за тебя, а потому, что я ничем не могу тебе помочь.

В день рождения Пауло Рената принесла целую пачку записок и писем: друзья пытались ободрить его, надеялись, что Картошечка скоро вернется на сцену. Среди бумажного вороха с поцелуями и обещаниями навестить одно послание особо тронуло Пауло. Крохотная записка от Жана Арлена: «Друг Картошечка, 12 сентября в Рио состоится премьера нашей „Безвременной

молодости“. Надеемся на присутствие автора». Мысль о бегстве с новой силой овладела Пауло. К тому же он понял, что стрижка радикально изменила его внешность: в первый момент его не узнал даже сосед по палате. Пауло два дня сидел в коридоре на стуле и делал вид, будто читает книгу, а на самом деле наблюдал за работой лифта. Лифт был единственной возможностью не только бежать, но и вообще перемещаться по зданию, потому что все лестницы были закрыты железными решетками. Рекогносцировка оказалась удачной. Пауло выяснил, что интенсивнее всего лифт работает по воскресеньям между двенадцатью и двумя часами пополудни, когда одна смена врачей, санитаров и прочего персонала сдает дежурство, а другая только приступает, и служащим клиники нужно пробираться сквозь толпу посетителей.

Бежать в пижаме и тапках невозможно. А вот в «уличной» одежде и обуви можно запросто смешаться с толпой посетителей и незаметно покинуть клинику. Маскируясь раскрытой книгой, Пауло десятки раз обдумывал план бегства. Он учел все препятствия, все возможные неожиданности и решил, что шансы на успех есть. Но действовать следовало без промедления, пока окружающие еще не привыкли к его новой физиономии, лишенной курчавой гривы до плеч.

Пауло посвятил в свой план только двоих: Ренату и своего соседа Луиса Карлоса, который по-прежнему при посторонних прикидывался немым. Возлюбленная не только поддержала идею, но и дала Пауло из своих сбережений тридцать тысяч крузейро — приблизительно 495 долларов (по курсу 2008 года) — на тот случай, если придется кого-нибудь подкупить. А Луис Карлос пришел в восторг и тоже решил бежать, потому что уже был «сыт по горло» пребыванием в психлечебнице. Пауло спросил его, как же пенсия, которую он намеревался получить, на что Луис Карлос ответил — как всегда заикаясь:

— П-побег только п-подтверждает диагноз. Каждый п-псих хотя бы один раз п-пытается убежать. Я тоже убегал. П-потом сам сюда вернусь.

И вот наступило долгожданное воскресенье 4 сентября 1966 года. Приятели, переодевшись в «нормальных людей», вытерпели, казалось, целую вечность, пока лифт спускался, тормозя на каждом этаже. Они стояли, опустив головы, и боялись, что в лифт войдет знакомый врач или санитар. Чуть легче им стало, когда лифт наконец остановился внизу, и они направились к выходу — именно так, как это уже сотни раз представлял себе Пауло: не слишком быстро, чтобы не возбуждать подозрений, но и не слишком медленно, чтобы их кто-нибудь не узнал. Все прошло

благополучно. Им не пришлось никого подкупать, и на оставшиеся деньги можно было прожить несколько дней.

Пауло с Луисом Карлосом пришли на автобусную остановку и купили два билета до Мангаритибы — приморского городка в ста километрах от Рио-де-Жанейро. Солнце уже садилось, когда они договорились с лодочником, чтобы тот доставил их на островок в получасе хода от побережья. Островок этот — Гуаиба — доживал тогда последние дни: Пауло еще не успел толком повзрослеть, когда это райское местечко превратили в терминал для вывоза железной руды. На одном его мысу, на пляже Тапера стоял загородный домик Элоизы Арарипе «Тети Элой», родной тетки Пауло по матери. Только добравшись до него, юноша почувствовал, что они с Карлосом наконец избавлены от проклятой клиники, докторов и санитаров.

Домик тети Элой был идеальным убежищем, но вскоре беглецы поняли, что долго им тут не прожить. Хозяйка приезжала сюда очень редко, и в доме был только один глиняный фильтр, до половины заполненный водой подозрительно зеленоватого цвета. Диковатый сторож, живший неподалеку в хижине, не пожелал делиться с приятелями ужином, и они обчистили росшее во дворе банановое дерево. Наутро проснулись искусанные москитами — и вновь им пришлось завтракать, а затем обедать и ужинать все теми же бананами. На второй день заика предложил внести какое-то разнообразие в меню и наловить рыбы, но от замысла пришлось отказаться: плита оказалась отключена от газа, а на кухне не было ни посуды, ни соли, ни масла — вообще ничего. Во вторник, на третий день пребывания на острове, приятели несколько часов просидели у причала, дожидаясь лодки, которая вернула бы их на материк. Когда автобус довез их из Мангаритибы в Рио, Пауло сказал спутнику, что будет прятаться еще несколько дней, а потом решит, что делать дальше. А Луис Карлос счел, что приключений с него довольно и пора возвращаться в клинику доктора Бенжамина.

Беглецы расстались, хохоча и обещая друг другу когда-нибудь встретиться. Сын инженера Педро сел в автобус и приехал к Жоэлу Маседо, у которого собирался немного пожить и собраться с мыслями. Жоэл принял друга с распростертыми объятиями, только он опасался, что его квартира — не самое лучшее убежище для Пауло: Педро и Лижия знали, что их сын время от времени прежде ночевал именно здесь. Идеально подошло бы другое место — квартира, которую отец Жоэла недавно приобрел в районе Кабо-Фрио. Перед поездкой туда Жоэл потребовал, чтобы Пауло, не мывшийся уже четыре дня, привел себя в порядок, принял душ и переоделся. Друзья выехали на шоссе на машине

Жоэла, которую вел хозяин: Пауло после наезда не решался садиться за руль. Молодые люди провели несколько чудесных дней — пили пиво в квартале Ожива, гуляли по пляжу Коншас и читали литературу, которой теперь увлекался Жоэл: русская драматургия, пьесы Горького и Гоголя. Когда деньги Ренаты закончились, Пауло решил, что пора возвращаться. В бегах он провел целую неделю, и скрываться больше не имело смысла. Бесцельная жизнь была не по нему. Пауло позвонил из автомата домой. Услышав голос отца, он понял, что тот не сердится, но серьезно озабочен здоровьем Пауло — как физическим, так и психическим. Узнав, что сын в Кабо-Фрио, инженер Педро любезно предложил приехать за ним на машине, но Пауло из осторожности предпочел вернуться с Жоэлом.

Целую неделю безрезультатно проискав сына в моргах и полицейских участках, Лижия и Педро теперь вели себя иначе, стали внимательны и деликатны. Они согласились не возвращать его в клинику, уверяли, будто интересуются его работой в театре, и больше не требовали, чтобы он приходил домой в определенное время. Пауло отнесся к такой либеральности с подозрением. «Проведя неделю в панике, не имея никаких сведений обо мне, — скажет он впоследствии, — они были готовы на все, и я поспешил этим воспользоваться». У него отрастали волосы и нечто вроде бородки, и никто его этим не попрекал. Все свободное время, не занятое театральной деятельностью, он посвящал девушкам. Продолжая дружить с Ренатой и Фабиолой (Марсия в последнее время несколько от него отдалилась), Пауло увлекся Женивалдой — девушкой с северо-востока, некрасивой и плохо одетой, но обладающей блестящим интеллектом. Жени, как она просила себя называть, не по карману было жить в южной зоне и учиться в дорогом колледже, зато она была всезнайкой, и ей удалось прославиться в кругах, связанных с «Пайсанду».

Пауло начинал пользоваться все большим успехом у женщин. Причиной тому была отнюдь не пластическая операция, как у Фабиолы. Изменились сами обычаи, и волна перемен докатилась теперь до Бразилии. Потрясшая мир так называемая «контркультурная» революция меняла не только политические и поведенческие, но и эстетические пристрастия. Мужчины, чья внешность прежде считалась уродливой — Фрэнк Заппа, например, или бразильский музыкант Каэтано Велозо, — словно по мановению волшебной палочки сделались образцами красоты в ее современном понимании. Мужественный, здоровый и чисто выбритый красавец уступил место растрепанному, худосочному, скверно одетому типу. Благодаря новой моде, из всех прежних проблем у Пауло теперь осталась одна-единственная: найти место

для своих любовных свиданий. Стремясь наверстать упущенное, он не ограничивался постоянными возлюбленными, а подхватывал и дополнительных — всех, кто случайно встречался на пути, как любительниц, так и профессионалок Мотелей тогда еще не было, в гостиницах требовали свидетельство о браке, и у молодых людей без собственных квартир возникали нешуточные трудности. Но Пауло грех было жаловаться: мать и бабушка Фабиолы закрывали глаза на то, что происходит в оклеенной газетами маленькой студии, а двери дома дяди Жозе из Араруамы всегда были открыты для племянника и его спутниц, с которыми он приезжал в свободные дни и по праздникам.

А когда у Пауло случайная возлюбленная появлялась неожиданно, он решал проблему как придется. Однажды он провел несколько часов с одной начинающей актрисой в окрестностях лагуны Родриго де Фрейтас. Пройдя по всем тамошним злачным местам и изрядно накачавшись алкоголем — наркотиков еще никто не употреблял, — Пауло с подругой под утро вынуждены были заниматься любовью в однокомнатной квартирке, где его избранница жила со своей глухонемой двоюродной бабушкой. Выжившая из ума старушка смотрела на их утехи, вытаращив глаза. Потом они повторили этот опыт еще несколько раз. А затем Пауло поведал дневнику, что занимался сексом и в более необычных условиях:

> Я пригласил Марию Лусию прогуляться со мной по пляжу, а потом мы оказались на кладбище. Вот для чего я это пишу сегодня: чтобы потом вспоминать, какая у меня была однажды любовница на один день. Девочка, совершенно лишенная предрассудков, готовая на все ради свободной смелой любви, девочка-женщина. Она сказала, что сразу поняла по моему физическому типу, что я, должно быть, горяч в постели. И мы любили друг друга до самого вечера, изредка делая перерыв на отдых — или когда мимо проходили очередные похороны.

Правда, через пару недель после побега из клиники и эти проблемы Пауло остались в прошлом: по ходатайству дедушки он получил от родителей разрешение пожить самостоятельно. Новое пристанище ему предоставил сам мастер Тука, которому принадлежала квартирка в коммерческом центре города, на проспекте Рио-Бранко, в здании «Маркиз де Эрвал». Здание располагалось в незавидном месте, всего в паре кварталов от скопления дешевых домов терпимости. Днем здесь было вавилонское столпотворение: бродячие торговцы, лоточники, продавцы лотерейных билетов, нищие, снующие всюду автобусы и

машины… А после семи вечера словно менялись театральные декорации. Дневная яркость красок уступала место тьме, появлялись новые персонажи: проститутки, сутенеры, жулики, трансвеститы… Ничто здесь не напоминало тот мир, из которого вышел Пауло, но это его не смущало: он жил в своей квартире и делал все что хотел. К тому же он обнаружил, что у всего здания — очень положительные флюиды. В двадцатые годы здесь располагался знаменитый отель «Палас», служивший местом свиданий замечательно красивым француженкам, благосклонностью которых, кстати, пользовались двое друзей: сам мастер Тука и его школьный товарищ композитор Бороро, вместе с Ламартином Бабо сочинивший знаменитую песенку «Цветы греха».

Встретившись с друзьями из «Группы Отличие», Пауло узнал, что обещанная премьера «Безвременной молодости» в Рио отменяется из-за недостатка средств. Часть труппы, принимавшей участие в спектаклях «Пиноккио» и «Война Ланчей», задумала новую авантюру, в которую тут же ввязался и Пауло: поставить пьесу для взрослых. Под эгидой Национального университетского театра юные актеры уже несколько недель репетировали сценическую версию «Капитанов песка» — прославленного и вызвавшего бурные споры романа, написанного Жоржи Амаду тридцать лет назад. Светловолосый, голубоглазый и загорелый режиссер и автор инсценировки был больше похож на тех серферов, что целыми днями катались в приливных волнах на пляже Арпоадор. Фрэнсис Палмейра — из молодых, да ранний — уже в пятнадцать лет сочинил пьесу «Правительственный акт», тут же запрещенную цензурой. Жоржи Амаду, в то время уже всемирно известный писатель и член Бразильской академии, был так приятно удивлен, увидев молодежную труппу, ставящую для взрослых, что не только одобрил инсценировку, но и написал очень благожелательный текст для программы:

> Я доверил студентам инсценировку моего романа «Капитаны песка» и сделал это с надеждой и радостью: студенты — в авангарде всего хорошего, что делается сегодня в Бразилии. Они борются за демократию, за права человека, за прогресс, за процветание бразильского народа, они — против диктатуры и угнетения. В романе, послужившем основой пьесы, я тоже сказал свое слово веры в бразильский народ и выразил протест против всех форм несправедливости и угнетения. Первое издание «Капитанов песка» вышло за неделю до провозглашения «нового государства»,

установившего жестокую обскурантистскую диктатуру, арестовавшего издание и запретившего эту книгу. Мои роман стоп орудием борьбы. Сегодня он получает новое измерение: сцену, возможность непосредственного контакта с публикой Я желаю студентам Национального университетского театра самого большого успеха. Я убежден, что они еще раз послужат делу демократии в Бразилии.

Было ясно, что проблем не избежать. Первую препону воздвигло Управление по делам несовершеннолетних, грозившее запретить репетиции, если все члены труппы моложе восемнадцати, начиная с режиссера, не предоставят письменное разрешение родителей. За несколько дней до премьеры в театр явился представитель полиции и главный цензор Рио-де-Жанейро Эдгар Фасанья в сопровождении агента Национальной информационной службы ГНИС) и потребовал предъявить официальное разрешение без которого пьесу нельзя показывать зрителям. Поскольку разрешения не было, завязалась словесная перепалка и в результате полицейские задержали актера Фернандо Рески, а остальным заявили: если они хотят, чтобы премьера состоялась в назначенный день, 15 октября 1966 года они должны срочно представить текст пьесы в цензурный комитет. Через несколько дней инсценировка «Капитанов песка» получила официальное разрешение, но из нее вычеркнули некоторые слова и выражения — явное свидетельство обскурантизма, усиленно насаждавшегося в стране военным режимом. Из текста убрали слова «товарищ», «революция», «свобода» и даже целую фразу: «Тогда все дома будут для него открыты, потому что революция — это родина и семья для всех». Запуганные трудностями постановщики решили беспрекословно выполнить все требования цензуры. Среди тридцати актеров и актрис, занятых в спектакле, был и Пауло — причем он играл не самую последнюю роль. Его персонажем был Алмиро, влюбленный в негритенка Бузотера гомосексуалист, который в конце спектакля умирает от оспы. Жоржи Амаду пообещал прийти на генеральную репетицию, но ему пришлось уехать в Лиссабон на презентацию своего романа «Дона Флор и два ее мужа», имевшего шумный успех, и он попросил, чтобы вместо него на премьере присутствовал не кто иной, как сам Вертун, — бывший беспризорник города Салвадор, ставший прототипом одного из персонажей. В прессе Рио-де-Жанейро появились сообщения о нападках цензуры на молодежный спектакль — они привлекли такое внимание публики, что в вечер премьеры

четырехсот мест театра «Серрадор» оказалось недостаточно для всех желающих. Из личных гостей Пауло на премьере не было только двоих: Ренаты и доктора Бенжамина, того самого энтузиаста электросудорожной терапии.

После второго срока в лечебнице у Пауло с этим психиатром установились странные отношения. У юноши возникла к нему симпатия, несмотря на страдания, перенесенные в клинике, больше того, — он испытывал необходимость поделиться с врачом сомнениями и услышать его совет. Это придавало Пауло ту уверенность в себе, которой не было прежде. В те времена такое поведение пациентов считалось побочным следствием частичной амнезии от электрошока. Однако через много лет Пауло пришел к выводу, что здесь скорее проявлялся так называемый «стокгольмский синдром». «Между мной и доктором Бенжамином установилась связь, как у похищенного с похитителем, — скажет впоследствии уже зрелый писатель в одном интервью. — Даже после выхода из лечебницы, когда меня одолевали муки взросления или возникали проблемы с девушками, я шел к доктору Бенжамину».

«Капитаны песка» не сходили со сцены два месяца. Особо громкого успеха спектакль не имел, но собирал достаточно публики, чтобы оплачивать расходы и делить оставшиеся деньги между актерами и техническим персоналом. К тому же постановка удостоилась хвалебных отзывов уважаемых критиков. Но эйфория, вызванная постановкой «Капитанов песка», прошла, и Пауло снова впал в депрессию. Он чувствовал себя опустошенным, потерянным, пинал, ногами все, что попадалось ему на глаза в дедовой квартирке. Он был одинок среди чуждых и враждебных ему людей, населявших тот район, в котором он теперь жил, здесь никто не мог поддержать его в трудную минуту или разделить с ним редкие радости. Временами он приходил в отчаяние. Когда наступал такой кризис, его дневник заметно увеличивался в размерах. Как-то он целую ночь печатал через один интервал страницу за страницей некое сочинение, которое впоследствии озаглавил «Признания писателя»:

> …Моя жизнь вдруг переменилась. Я оказался в самом ужасном месте Бразилии — в коммерческом центре Рио. Вечером нет никого. Днем — тысячи чуждых мне людей. Мое одиночество настолько материализуется, что я ощущаю его как что-то живое и жесткое, оно заполняет все углы и пути. Я, Пауло Коэльо — 19 лет от роду, и руки мои пусты.

Дешевые дома терпимости, что теснились в районах Лапа и

Манте, были расположены очень близко, это манило Пауло, и он стал в них частым гостем. Неважно, что женщины эти не были элегантны и внешне мало походили на девушек, которыми он увлекался в южной зоне. С проститутками он мог говорить обо всем, что приходило в голову, не опасаясь критики, и беспрепятственно осуществлять все свои тайные фантазии. Даже когда эти фантазии заключались в том, чтобы не делать ничего, — один такой случай он описал в дневнике:

> Вчера я снял самую старую женщину в этой зоне — я никогда не спал ни с кем старше. Я не тронул ее, заплатил только за то, чтобы смотреть. Ее груди казались пустыми мешками, она лежала передо мной совершенно голая. Я смотрел на нее, не понимая, почему она вызывает во мне одновременно и жалость, и уважение. Она была чистой, профессиональной и ласковой, но очень старой — невозможно вообразить, сколько ей лет. Может, 70. Она француженка, на полу валялась газета «Франс суар». Она была со мной очень заботлива. Она работает с 18-ти до 23-х, а потом едет на автобусе домой, и там у себя она — всеми уважаемая почтенная старая дама. Кто бы мог подумать, Господи! Я не в состоянии представлять ее голой, я содрогаюсь. Все перемешалось. Я никогда не забуду эту старушку. Как странно.

Если иногда Пауло платил, не занимаясь сексом, то случалось и наоборот, он не платил ничего или почти ничего: «… Вчера я был в ударе и взял проститутку, ничего ей не заплатив; в итоге она забрала свитер, который я умыкнул у одного приятеля».

Женщины этой зоны могли не только изредка внушать Пауло платонические чувства, но и погружать его в вихрь всепоглощающей страсти. Несколько недель он описывал в дневнике свою безумную любовь к одной юной проститутке. Но однажды она сбежала от него с другим клиентом, и Пауло снова вошел в штопор. Повзрослев, он, видимо, в глубине души еще оставался невинным мальчиком — иначе не объяснить тот приступ ревности, что охватил его, когда его бросила проститутка. «Мне было так тяжело! Мне хотелось плакать, как я никогда прежде не плакал, потому что в этой женщине заключался весь смысл моего существования». Пауло был безутешен: «В ее теле я мог хоть немного избыть свое одиночество». Но узнав, что возлюбленная вернулась и рассказывает всем о его интимных особенностях, Пауло не выдержал:

> Я узнал, что она позорит меня, рассказывая о том, на что меня толкала огромная любовь к ней. Она ни разу не сказала обо мне ничего достойного. Стало понятно: я для нее — никто, ноль без палочки, разрушенная пристань. Я напишу здесь имя женщины, которой подарил все то чистое, что еще оставалось в моем гнилом существе: Тереза Кристина де Мело.

В то время дневная жизнь Пауло весьма отличалась от ночной. Днем он жил как мечтал: возлюбленные, репетиции, занятия, споры о кино и экзистенциализме. В новом колледже он ухитрился благополучно завершить учебный год и мог теперь поступить в университет но, естественно, не на инженерную специальность, как хотелось отцу. Изредка заглядывая в родительский дом — обычно поесть или попросить денег, — Пауло сочинял всякие небылицы, чтобы шокировать родителей: например, уверял, будто ходит в самые экстравагантные места Рио. «Я узнавал из газет, где собирается неформальная свободная молодежь, и врал, что якобы тоже хожу туда, чтобы привести в ужас отца и мать». Он всегда носил на плече гитару, на которой почти не играл, но хотел тем самым «производить впечатление на девчонок». Будучи уже совершеннолетним, он разыгрывал участников рейдов Управления по делам несовершеннолетних, которые ловили подростков, употреблявших спиртное.

Но с наступлением ночи на него безжалостно наваливались одиночество и тоска. И Пауло не выдержал. Три месяца он еженощно отчаянно боролся с этим кошмаром, и наконец понял, что должен вернуться. Он собрал пожитки и, угрюмый, униженный, попросил родителей принять его в дом, где, как ему раньше казалось, никогда больше не будет жить.

9
Третья попытка с мужчиной убеждает Пауло: он не гомосексуалист

Судя по непринужденности, с какой Пауло обращался с женщинами разного разбора — от проституток Манге до элегантных кокоток «Пайсанду», — можно было предположить, что он человек сексуально раскованный. Но такое впечатление обманчиво. Гомосексуализм, который в театральном мире цвел пышным цветом, не встречая ни порицания, ни осуждения, возбуждал в Пауло тайное сомнение, — такое, что не доверишь даже дневнику, — а что если у него действительно «проблемы с сексом», как и предполагала некогда мать? Или, выражаясь яснее, не гомосексуалист ли он? Хотя двадцатилетие было уже не за горами, секс оставался для Пауло областью темной и загадочной. В отличие от множества бразильских мальчиков того времени его первый опыт однополой близости случился с Мада, преждевременно созревшим и не по возрасту опытным, а не с кем-либо из сверстников-друзей по схеме «ты мне — я тебе», или, как говаривали тогда в Рио, «напополам». У Пауло никогда не возникало желания интимной близости с мужчиной, даже фантазий таких не бывало. Иногда впрочем, завидев группки друзей-гомосексуалистов, беседующих о чем-то в перерывах между репетициями, он краснел, и его душу будоражили вопросы: «А что если правы они? И верный выбор сделали они, а не я?»

Жизнь научила его, что лучше первым нырнуть в ледяную реку, а не мучиться в ожидании своей очереди. Надо не терзаться бесконечными сомнениями, а прибегнуть к единственному способу решения проблемы: попробовать самому. Он вычитал у Карла Маркса что-то вроде того, что «практика есть критерий истины» и взял эту формулу на вооружение — словно получив еще один стимул выполнить принятое решение. Однажды вечером, еще на дедушкиной квартире в центре, набравшись храбрости, Пауло решил разрубить этот узел. Несколько часов слонялся он по гейским барам на задах душных галерей «Аляска» и «Менескал», шатался по Копакабане. Выпил несколько порций виски — и наконец решился. В каком-то кромешном аду, подобравшись у стойки к парнишке-ровеснику — профессионалу из тех, что приходят подзаработать, — Пауло сразу взял быка за рога:

— Привет, как дела? Я здесь, чтобы пригласить тебя в постель. Не хочешь пойти со мной?

Он был готов ко всему, но ответ поразил его:

— Нет. С тобой — не хочу.

Если бы паренек вдруг ударил его по лицу, неожиданность была бы меньшей. Как так — «нет»? Он же платит! Однако тот уже отвернулся, а Пауло так и застыл на месте со стаканом в руке. В следующем кабачке он предпринял было новую попытку, но, сраженный вторым отказом, решил не продолжать подобных экспериментов. А спустя месяц, погрузившись в лихорадочную профессиональную деятельность, он, кажется, забыл об этом вовсе.

Если Коэльо-прозаик начал свою карьеру с оглушительного провала, то этого нельзя сказать о Коэльо-драматурге. Первой попыткой его выступления на сцене, еще в детском театре, была постановка киноклассики — инсценировка картины «Волшебник страны Оз». Он не только взялся писать пьесу на основе сказки Лимана Франка Баума, но стал режиссером и актером, выбрав для себя роль Льва. Средств на реквизит и костюмы не было, и он просто подрисовывал себе усы, привязывал к голове два тряпичных уха, а хвостом служила веревка, пристроченная к штанам. Кисточку хвоста Пауло то и дело обматывал вокруг пальца. От киноверсии, на самом деле, там осталась всего лишь песня «Где-то за радугой», остальную музыку сочинил Антонио Карлос Диас по прозвищу Какико, музыкант и актер, с которым Пауло делил гримерку на «Капитанах песка». Ко всеобщему изумлению, «Волшебник страны Оз» не только окупил расходы на постановку и зарплату артистов и персонала, но и дал прибыль — эти деньги Пауло, преодолевая всяческие соблазны, будет сохранять для новых постановок Его имя в анонсах на газетных полосах было непреложным свидетельством успеха; так в один день 1967 года имя Коэльо появилось на страницах трех разных изданий о культурной жизни Рио. В театре «Арена» он был автором и режиссером спектакля «Сокровище капитана Беренгундо»; в «Санта-Терезинье» афиша гласила, что он драматург постановки «Аладдин и волшебная лампа», а в театре «Кариока» он выступал как актер в «Крылатом ягуаре» Валмира Аялы.

Детские пьесы, конечно, приносили кое-какие деньги, но вожделенной славы можно было добиться лишь в настоящем взрослом театре. Резонанс, полученный «Капитанами песка», подчеркнул это достаточно ясно. В марте Пауло пригласили участвовать в большой постановке: речь шла о мюзикле «Трехгрошовая опера» Бертольда Брехта и Курта Вайля, чей

перевод был заказан академику литературы Раймундо Магальяесу Жуниору. Режиссура поручалась Жузе Ренато. Спектакль имел громкий успех в Сан-Пауло, в труппе играли знаменитости, и актерский ансамбль Рио-де-Жанейро, также состоявший из звезд первой величины, выступал не хуже. Представление было приурочено к торжественному открытию театра «Зал Сесилии Мейрелес» в районе Лапа. Пауло играл слепого попрошайку — роль маловыразительную, но имя его стояло в программе рядом с именами великих. После долгих репетиций все были готовы к премьере. Накануне актеров, занятых в спектакле, пригласили в телестудию самого влиятельного канала Рио, чтобы они сыграли одну сцену в прямом эфире. В назначенный час выяснилось, что отсутствует актер Освалдо Лоурейро, исполнявший в спектакле зонги, и лишь Пауло знает наизусть текст «Баллады Мэкки-Ножа». И вот, его номер стал гвоздем телепередачи! Успех «Трехгрошовой оперы» еще больше укрепил его в убеждении, что он верно выбрал себе профессию.

Он вновь поселился в родительском доме, название спектакля не сходило с афиш — и вот тогда-то бес гомосексуальности опять принялся его искушать. На сей раз инициатива шла не от него, а от артиста лет тридцати, тоже занятого в спектакле. По правде сказать, они уже сталкивались раза два, не более, но однажды после представления тот подошел и спросил напрямик:

— Хочешь, пойдем ко мне?..

Застигнутый врасплох неожиданным предложением, Пауло согласился:

— Пошли.

Ту ночь они провели вместе. Несмотря испытанное волнение, Пауло, как он вспоминал позднее, чувствовал скорее отвращение, как бы видя себя со стороны в объятиях мужчины, когда они занимались сексом и поочередно овладевали друг другом. На следующий день Пауло вернулся домой в еще большем смятении, чем раньше. Он не почувствовал никакого удовольствия и продолжал терзаться, пытаясь понять, гомосексуален он или нет. Несколько месяцев спустя он вернулся к решению этой задачи и на сей раз выбирал объект для новой попытки из коллег по сцене. В гостях у одного из артистов, в квартирке на Копакабане, Пауло вновь ощутил ужасное стеснение, когда партнер предложил принять вдвоем ванну. Всю ночь Пауло было неловко. Солнце уже заглядывало в окна квартирки, когда им наконец удалось совершить задуманное, и Пауло Коэльо убедился — теперь уже навсегда — в том, что однополая любовь не для него.

Удивительно, но человек с серьезными сомнениями

относительно собственной половой ориентации продолжал пользоваться феноменальным успехом у женщин. Он расстался с Марсией, прекратил встречи с Ренатой и продолжал жить гражданским браком с Фабиолой, которая, кажется, день ото дня становилась все краше. Двоеженец-скороспелка, он к тому же воспылал страстью к Женивалде из штата Сержипе. Некрасивая, но обворожительная, Жени своими речами пьянила слух «интеллектуалов», завсегдатаев злачных мест «Пайсанду» и «Цеппелина». После месяца ежедневной бесплодной осады ему удалось наконец привезти ее на выходные в дом дяди Жузе в Арарауме. Как же удивился Пауло в первую ночь, когда Жени, такая на вид опытная, зрелая, всезнающая женщина, шепотом попросила его действовать осторожно и бережно, ибо он — ее первый мужчина. Подходящих мест для свиданий не было, и их «медовые месяцы» прошли, хоть и не в комфорте, зато плодотворно — в самом прямом смысле слова: в начале июня Жени позвонила и сообщила, что ждет от него ребенка. И Пауло вдруг понял, что хочет стать отцом, но не успел ей в этом признаться, как она заявила, что собирается сделать аборт. Он предложил встретиться и поговорить, но Жени была непреклонна — решение окончательное, к тому же она желает поставить точку в их отношениях. После чего она бросила трубку и исчезла, словно ее никогда и не существовало.

Так Пауло неожиданно для себя снова оказался в трудном положении. Взволнованный известием о беременности, а потом и внезапным исчезновением Жени, он бросился на поиски и узнал, что его возлюбленная вернулась на родину, в город Аракажу, где и намеревалась совершить задуманное. Страстно желая отговорить ее, он впал в депрессию: невозможно было ни разыскать женщину на расстоянии в две тысячи миль, ни связаться с нею. Изредка случались всплески эйфории. Именно это состояние — страница за страницей — фиксировал дневник, свидетель его бессонных ночей:

> Я дышу одиночеством, облачаюсь в одиночество, испражняюсь одиночеством. Полное дерьмо. Я никогда не чувствовал себя так одиноко. Даже в те горькие и бесконечные дни моей покинутой юности. Что ж, одиночество мне не в новинку. Вот только я здорово устаю от него. В скором времени я совершу нечто безумное, что ужаснет мир.
>
> Хочу писать. Но для чего? Зачем? Я один, экзистенциальные вопросы занимают мой мозг, и во всей этой какофонии я различаю одно желание: умереть.

Драматические отрезки жизни чередовались у него с радостными событиями. Редкие и достаточно короткие, эти мгновения оптимизма фиксировались без малейшего намека на скромность:

> Настал мой час рождать, и он уже воспет в стихах, которые я сотворил в клинике. Этим утром я рождаюсь с первым лучом. Пришла пора явить миру, кто я таков.

До середины 1967 года мир, еще не знавший, кто таков Пауло Коэльо, уже рисковал потерять его, судя по частоте депрессивных всплесков и той настойчивости, с которой он твердил о смерти и самоубийстве. В конце июня, вновь промучившись бессонницей всю ночь, он совершил необдуманный импульсивный поступок. Спрятал дневник в ящик стола, запер дверь ключом на два оборота, убедился, что она действительно закрыта, — и начал крушить все подряд. Первой под руку попалась шестиструнная гитара — он разбил ее в щепки о письменный стол с таким грохотом, что это походило на взрыв бомбы. В тот ранний час, в обычный день — около шести утра в четверг — соседей, вяло собиравшихся на работу, до смерти перепугал шум в доме Коэльо. Отломанным грифом Пауло вдребезги разнес красный проигрыватель, коротковолновый радиоприемник и продолжал сеять разрушение, круша все на своем пути.

Ничего целого уже не оставалось, а ярость еще не была утолена. Пауло подобрался к стеллажу с книгами и смел на пол собрания сочинений, начиная с «Приключений Шерлока Холмса». Он начал рвать книги европейских писателей одну за другой, затем перешел к полкам с томами бразильских авторов… Поэзия, проза, философские сочинения — все летело на пол, уже покрытый растерзанными книгами. Пауло ворвался в ванную и, орудуя грифом гитары как дубинкой, вдребезги расколотил зеркало туалетного шкафа. Когда грохот на миг стих, он услышал, как отец просит его открыть дверь. Он не внял отцовским просьбам. Сорвал и разодрал в мелкие клочья два плаката, что висели на двери, — с текстом молитвы святого Франциска Ассизского и «Барбарой», стихотворением Жака Превера. То же самое он сделал с постерами — репродукциями картин, украшавшими комнату: «Махой обнаженной» Гойи, «Садом наслаждений» Босха и «Распятием» Рубенса. Запыхавшись, Пауло заметил, что уцелел лишь один предмет: белое кресло, в котором он привык «плакать либо созерцать звездное небо», как он однажды написал. Инструмента, чтобы разбить его, под рукой не оказалось, и, недолго думая, он распахнул окно и с грохотом выбросил кресло в садик. И лишь когда в комнате не осталось ни

одной целой вещи, решил открыть дверь. Он только успел понять, что ломился к нему уже не отец: его быстро зафиксировали два санитара, а один из них вколол ему в руку инъекцию сильнодействующего транквилизатора.

Открыв глаза после отключки, он узнал этот облупившийся потолок: его снова поместили в палату на девятом этаже в частной клинике доктора Эйраса. Как только Пауло очнулся, санитары подвели его к лифтерам, чтобы предупредить:

— Вот тот самый пациент, что сбежал отсюда в прошлом году. Сторожите его хорошенько, и на сей раз будьте начеку.

В клинике ничто не изменилось. Не хватало только Флавио — племянника министра, который пытался убить себя виски и спреем с духами, а все остальные, включая заику и мнимого немого Луиса Карлоса, товарища по бегству, остались на месте. Лица — те же, что и всегда. Прежними были и мучения. В первый день Пауло подвергли сеансу электрошока столь тяжелому, что когда Фабиола спустя несколько часов пришла его проведать, он все еще лежал без сознания, на губах пузырилась слюна, а лицо страдальчески кривилось. Несмотря на ласку и заботу возлюбленной — теперь, помимо родителей, его в больнице навещала только Фабиола, — Пауло так и не смог выбросить из головы исчезнувшую Жени и ребенка.

Через неделю, после трех сеансов электрошока подряд, Пауло вновь замыслил побег. И снова компаньоном выбрал Луиса Карлоса — тот в очередной раз решил, что с него хватит. Шанс появился в тот день, когда врач из бригады доктора Бенжамина санировал Пауло полость рта и увидел, что у юноши режется зуб мудрости. Врачу показалось, что он совершил гениальное открытие:

— Я знаю, в чем твоя проблема: все дело в зубе, он у тебя режется и давит на голову. Это тебя нервирует и вызывает все эти кризисы. Я попрошу нашего дантиста, чтобы он вырвал зуб, и на этом все закончится.

Пока искали фельдшера, чтобы сопровождать пациента в стоматологическую поликлинику доктора Эйраса, Пауло встретил Луиса Карлоса и предупредил его:

— Сейчас или никогда! Меня поведут к стоматологу, а я попытаюсь скрыться. Смотри, может и тебе удастся. Если все пойдет как надо, встречаемся через час в кафе перед входом.

По аллеям между корпусами клиники его сопровождал фельдшер. У дверей кабинета тот глянул на часы и договорился с зубным врачом: удаление займет около получаса, он пока сходит в туалет и тут же вернется, чтобы отвести пациента в корпус душевнобольных. Однако прием не занял и пяти минут. Быстро

осмотрев Пауло рот и постукав по зубам пинцетом, врач отпустил больного:

— Не знаю, кто придумал эту глупость! С каких это пор с катушек слетают от зуба мудрости? Можешь посидеть пока в коридоре и подождать фельдшера.

Час настал. Пауло, стараясь не привлекать внимания, опустив голову, проскользнул по коридорам корпуса, быстро прошагал по больничной рощице, влился в толпу посетителей и медперсонала у входа — и через пару минут оказался на свободе. Он припустил бегом в кафе на перекрестке улиц Ассунсан и Маркиза Олинды. К его удивлению, Луис Карлос ждал его с бокалом пива в руке — только на это и хватило мелочи, завалявшейся в его карманах. Они отметили свой подвиг взрывами хохота и пришли к выводу, что отсюда надо сваливать, пока их не хватились. На самом же деле охрана клиники опять оказалась не на высоте: врачи заметили исчезновение парочки лишь два дня спустя, 9 июля. Пауло ухитрился продать наручные часы кассиру в баре, но торговаться не было времени, и он выручил за них всего триста новых крузейро (шестьсот пятьдесят реалов по курсу 2008 года) — меньше половины действительной стоимости. Беглецы прошагали три квартала по улице Маркиза Олинды, присели на травку насыпи и несколько часов молча сидели, наслаждаясь бесплатной и неописуемой красотой ослепительно прекрасного пляжа Урка на фоне горы Корковадо. Тот же вид открывался из окон клиники, только теперь его не загораживала решетка. Пауло посвятил Луиса Карлоса в свои планы:

— Пойду на автостанцию, куплю билет до Аракажу. Мне надо разыскать любимую — она ждет или ждала от меня ребенка. Если хочешь, поехали вместе: денег, что мы выручили за часы, нам хватит.

Заику пугала столь дальняя поездка, но других предложений не было — как и какого-либо пристанища, — и он принял приглашение. Междугородний автобус компании «Экспресс Параибы» до столицы штата Сержипи отправлялся лишь в восемь утра на следующий день, и сообщники переночевали на скамейках автовокзала. На билеты ушло восемьдесят новых крузейро, и еще хватило запастись едой в дорогу — дорога была длинная, а их двое. Луис Карлос хотел узнать, что они будут делать, прибыв на место, но Пауло успокаивал его:

— Вот когда окажемся на месте, тогда и будем об этом думать.

Проехав по территории штатов Рио-де-Жанейро, Минас-Жерайс и Баия с остановками в пятнадцати городах, два дня спустя, утром 9 июля 1967 года, беглецы прибыли в столицу

штата Сержипи. Только в Аракажу Луис Карлос узнал, что у Пауло нет ни адреса, ни телефона Женивалды — и вообще никаких сведений о ней. В стосемидесятитысячном городе Пауло знал только Марио Жоржи Виэйру, молодого поэта и активиста подпольной Бразильской коммунистической партии (БКП): его имя сообщила ему студентка мединститута и пропагандист культуры Илма Фонтес.

Благодаря невообразимым ухищрениям спустя сутки Пауло с комфортом устроился в доме журналиста Маркоса Мути. С ним был друг, которого он представлял всем как своего «немого секретаря». Время от времени он выступал со статьями на социальные темы в местной прессе — то как «студент университета и актер», то как «молодой драматург из Рио», но всегда его имя сопровождалось необычными историями:

> Появившийся в артистических кругах Сержипи театральный автор Пауло Коэльо известен тем, что недавно в Рио вместе с Пауло Аутраном поставил пьесу «Царь Эдип». Похоже, Коэльо прибыл в наши Палестины для ознакомления с «молодняком» и желает сеять новые семена на скромной ниве наших сценических искусств.

Через неделю безуспешных поисков он потерял надежду вновь встретить Жени. Он услышит о ней лишь спустя много лет: тогда она действительно сделала аборт, а еще какое-то время спустя погибла под колесами машины, совсем молодой. Потерпев фиаско на пути к единственной цели, приведшей его в Аракажу, Пауло нужно было возвращаться в Рио-де-Жанейро, но его так хорошо принимали, что он остался. Обласканный как звезда, он дал пространное интервью, опубликованное в «Газета де Сержипи». Читателям его представили так:

> 9-го числа к нам прибыл необыкновенный человек Лохматый, небритый, тщедушный, он выглядит весьма необычно, но в голове его роится множество идей, он преисполнен надежд и огромного желания распространять искусство по Бразилии и для бразильцев. Артист. Двадцатилетний парень, принадлежащий к одной из самых блестящих семей Рио-де-Жанейро, он ушел из дому, движимый любовью к искусству. Этот Разум обращен к Человечеству.

Защищенный расстоянием (или — как знать? — хранимый высшими силами, что так милостивы к безумцам, детям и индейцам), Пауло ничего не боялся и использовал газету, чтобы

впервые куснуть военную диктатуру — или, что гораздо серьезнее, тогдашнего президента республики маршала Артура да Коста-и-Силва. «Я не собираюсь молчать лишь потому, что какой-то пижамный маршал схватился за ружье и провозгласил себя защитником нравственности и свободы народа, а сам и знать не знает, что такое свобода, — заявил он, явно злоупотребляя доверием интервьюера: казалось, это скорее манифест, чем интервью. — Я ехал за тысячи миль в Аракажу не для того, чтобы обрести покой. Я не буду лгать самому себе и тем, кто рядом со мной». Отклик на его запальчивость был лучше некуда. Грянул резонанс такой силы, что «Газета де Сержипи» заказала Пауло статью о политике, обещав поставить ее в субботний выпуск.

В пятницу, однако, стало известно, что по городу рыщут два субъекта — разыскивают «того типа, что прибыл из Рио», намереваясь его убить. Пауло стало ясно, что это родственники Жени, готовые кровью смыть позор девушки, и его бесстрашие мгновенно улетучилось. Он бросился паковать вещи и уже совсем было собрался бежать, как вдруг заика напомнил ему о статье, обещанной газете. Пауло открыл кожаную сумку, что носил через плечо, и достал оттуда вырезку из газеты Рио-де-Жанейро, которую подобрал со скамейки на автовокзале Витория-да-Конкиста в Баие, где они останавливались на пути в Аракажу. Он попросил у хозяев пишущую машинку и перепечатал слово в слово одну заметку, бичующую военную диктатуру за упразднение гражданских свобод в Бразилии. Заголовок Пауло оставил, лишь поменял имя автора. Там, где раньше стояло «Карлос Эйтор Кони» — так звали писателя и журналиста, прославившегося мужеством, с которым он обличал военных на страницах «Коррейо да Манья» с первых дней переворота, — он начертал «Пауло Коэльо де Соуза». Кроме того, он истратил все деньги, отложенные на обратную дорогу. Его знакомые в штате Сержипи, спустя много лет узнав, что их тогда обманули, станут с возмущением рассказывать иную версию его поспешного отъезда из Аракажу.

EM SOCIEDADE

JUVENTUDE X ARTE

EM SOCIEDADE

DE ONTEM E DE HOJE

Газеты Аракажу представляют Пауло как выдающегося драматурга из Рио-де-Жанейро. Прежде чем скрыться из города, он копирует статью Карлоса Эйтора Кони, направленную против военной диктатуры, и подписывает ее: «Пауло Коэльо де Соуза»

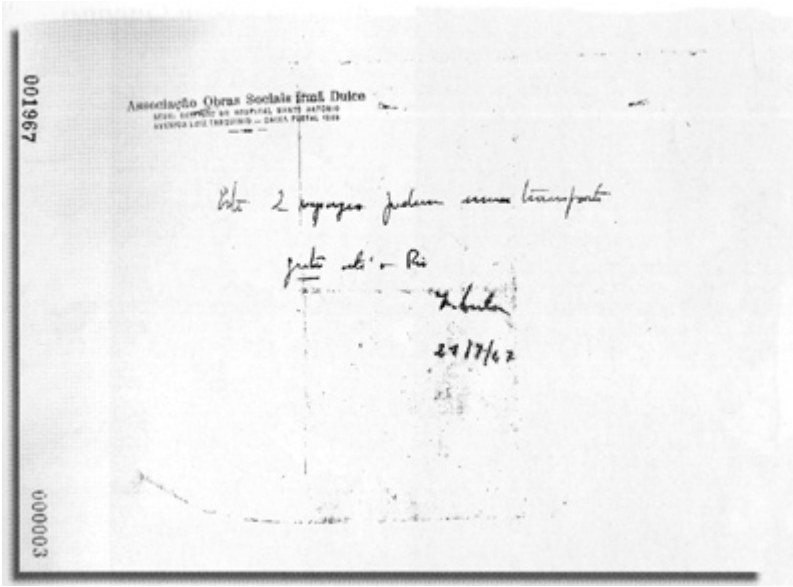
— Он и его немой секретарь две недели сутками напролет курили траву и больше ничего не делали, даже не умывались, — вспоминала Илма Фонтес, — потому-то Пауло Коэльо и выгнали из дома Маркоса Мути.

Две недели без душа — это Пауло не впервой, но вот наркотики в июне 1967 года были для него новостью.

Парочка отправилась в столицу штата Баия без гроша в кармане. Они прошагали десять километров до ворот с вывеской «Общественные работы сестры Дулсе» — благотворительной организации, известной всей Бразилии. Отстояв среди нищих с алюминиевыми мисками в руках длинную очередь, чтобы получить дневную порцию супа, они подступили к столику, за которым беглецов приняла сама сестра Дулсе. Пауло объяснил маленькой монахине с грустными глазами, что ему нужны деньги на два автобусных билета до Рио. Лучшим доказательством того, в какое положение попала эта парочка, служили их лохмотья, и монахиня без лишних слов написала на листке с грифом своей организации мелким почерком:

> Эти 2 парня просят бесплатный проезд до Рио.
> Сестра Дулсе — 21/7/67.

Оставалось лишь обменять записку в окошечке автовокзала на два автобусных билета. В Баии любой клочок бумаги за подписью монахини служил, так сказать, «ваучером» и обменивался на тарелку еды, больничную койку для родственника или, как в случае с нашими героями, на автобусные билеты. Сорок часов пути из Салвадора в Рио Пауло разрабатывал план книги о том, как сбежал из психиатрической лечебницы и скитался по северо-востоку Бразилии. Впрочем нет — даже не книги. Со своей всегдашней манией величия он предполагал написать не менее девяти книг по двенадцать глав в каждой. К концу поездки у него все тома были упорядочены, а главы поименованы («Подготовка побега»; «Мои товарищи по скитаниям»; «Сын генерала»; «Мои длинные волосы и короткий ум других»; «Пистолет Педро, или Когда баиянцы какают»; «Ночлег в керосиновых канистрах при +70 по Фаренгейту») — эта работа заняла пятнадцать страниц дневника. Но весь проект так и остался проектом. На автовокзале в Рио он трогательно простится с Луисом Карлосом и направится домой, а его лже-немой — назад, в психушку, где во имя вожделенной пенсии он собирался терпеть все, что потребуется для роли безумца. До пенсии же ему оставалось несколько месяцев, поэтому оба понимали, что шансы на новую встречу невелики.



Сбежав из психиатрической клиники, Пауло прибывает в Баию без гроша в кармане и благодаря сестре Дулсе получает бесплатный билет до Рио-де-Жанейро

Если бы родители не поменяли тактику, они могли бы еще встретиться. Не прошло и года с последней госпитализации, как будущий автор бестселлеров опять впал в жесточайшую депрессию и вновь разгромил свою комнату. Вначале все было в точности как прежде — и грохот, и разгромленная мебель, — но финал оказался иным. На сей раз, открыв дверь, он встретил не санитаров со шприцем и смирительной рубашкой, а молодого и приятного на вид врача, который деликатно осведомился:

— Можно войти?

То был психиатр Антонио Овидио Клемент Фажардо; это из его кабинета пациенты обычно направлялись на лечение в частную клинику доктора Эйраса. Едва Лижия и Педро услыхали шум и грохот в комнате сына, они позвонили доктору Бенжамину, но разыскать его не удалось. Случай был весьма срочный, и их соединили с доктором Фажардо. В разговоре с Педро Коэльо врач запросил основные данные на больного:

— Вооружен?

— Нет.

— Алкоголик?

— Нет.

— Употребляет наркотики?

— Нет.

— Что ж, тем легче…

И теперь, стоя на пороге, Фажардо настойчиво повторил:

— Можно войти?

Необычный вопрос обезоружил Пауло.

— Войти сюда? Разве вы пришли не затем, чтобы забрать меня в психушку?

Врач с улыбкой ответил:

— Только если вы сами пожелаете. Но вы мне так и не ответили. Могу я войти?

Присев на кровать, врач вначале осмотрелся, словно оценивая размер ущерба, но как ни в чем ни бывало продолжил:

— Разгромил-таки всё? Изрядно. Великолепно.

Пауло не понимал, что происходит. А врач говорил лекторским тоном:

— То, что ты разрушил, было твоим прошлым. Превосходно. Отныне его больше нет, значит, начнем думать о будущем. Идет? У меня такое предложение: ты приходишь ко мне на консультацию два раза в неделю, и там мы с тобой беседуем о твоем будущем.

Пауло удивленно отвечал:

— Как же так? У меня был приступ буйного сумасшествия, а вы не собираетесь меня госпитализировать?

Врач оставался бесстрастен:

— Все мы немного с приветом, все без исключения, и я тоже. У каждого в голове свои тараканы, но это еще не повод чуть что сажать людей в психушку. Ты не душевнобольной.

Лишь с этого момента в семье Коэльо воцарился покой. «Я полагаю, что мои родители были убеждены: я человек пропащий, и потому пусть лучше я проведу всю оставшуюся жизнь на их иждивении, но — у них на глазах, — вспоминал Пауло спустя много лет. — Они знали, что я опять стану якшаться с дурной компанией, но им и в голову не приходило вновь упрятать меня в больницу». Но сын не собирался всю жизнь оставаться под родительским крылом. Он был готов принять любой вариант, лишь бы не пришлось возвращаться в дедово жилище в центре города с его давящей атмосферой. Компромиссное решение о том, где ему жить в ближайшие месяцы, тем не менее вновь исходило от дедушки с бабушкой. За несколько лет до этого мастер Тука и бабушка Лилиза переехали поближе, в район Гавеа, и над гаражом у них имелась однокомнатная пристройка с удобствами и отдельным входом. Если захочет внук и, естественно, если согласится инженер Педро, — можно устроиться там.

Внук хотел — да так, что отец еще не успел ничего сказать, а он уже перевез в новое пристанище все, что уцелело от разгрома в его комнате: кровать, письменный стол, немного одежды и пишущую машинку, благоразумно спрятанную от греха подальше

еще в июне. Почти сразу он понял, что попал чуть ли не в преддверие рая: мало того, что бабушка с дедушкой были крайне щедры, он мог входить и выходить, когда заблагорассудится, а также принимать у себя кого захочет в любое время суток. В разумных пределах, понятно. Либерализм простирался до таких пределов, — вспоминал Пауло много лет спустя, что, скорее всего, именно в той пристройке он впервые попробовал и марихуану.

Никоим образом не контролируя сына и не получая жалоб на его поведение от бабушки с дедом, отец через несколько месяцев предложил Пауло занять местечко поудобнее. Если ему интересно, он может снова пожить один, но уже не в квартирке мастера Туки, а в прекрасных апартаментах, которые дон Педро получил в виде гонорара за строительство здания на улице Раймундо Корреа в районе Копакабана. Такая щедрость насторожила Пауло; и в самом деле, вскоре выяснилось, что за подарком скрывался далеко не бескорыстный, чтобы не сказать «шкурный», интерес отца: истинная его цель состояла в том, чтобы выкурить из квартиры жильца, неаккуратно платившего за поднаем. По закону договор о субаренде мог быть расторгнут лишь в случае, если владелец передавал недвижимость родственнику первой очереди. Предложенной комбинацией Коэльо-старший убивал сразу двух зайцев. Но как обычно, отцовская доброта оговаривалась некоторыми условиями: Пауло мог пользоваться только одной из трех спален, прочие пустовали под замком. Входить следовало только с черного хода: парадный был закрыт, и ключ был у отца. В наследство от прежнего жильца остался старый холодильник, который неожиданно взревывал и содрогался, к ужасу непосвященных, хотя в остальном работал как следует. Пауло оставалось лишь приобрести в ближайшей лавке несколько лампочек, недорогую кровать, книжную полку — и готово, можно въезжать.

Если период жизни, проведенный в дедовой квартире, был, мягко говоря, мрачноват, то улица Раймундо Корреа оставила по себе самые приятные воспоминания. Появлялись и исчезали разные возлюбленные, но Фабиола оставалась ему верна. Ей приходилось подавлять в себе ревность и терпеть разных «Ренат, Жени и Марсий, которые приходили и уходили». Она утешалась следующим соображением: «В трудную минуту именно я была рядом с ним просто по любви — из чистой любви». Много лет спустя мировая знаменитость Пауло Коэльо с грустной отрадой будет вспоминать то время:

Я пребывал в чрезвычайно радостном и светлом

состоянии духа, пользуясь своей свободой так, чтобы в конце концов жить как подобает «творческой натуре». Я окончательно бросил учение и посвятил себя исключительно театру и барам, любимым интеллигенцией. Целый год я делал именно то, что хотел. Вот тогда-то Фабиола и вошла в мою жизнь раз и навсегда.

Драматург и в жизни, он превратил столовую новой квартиры в мастерскую сценографа, художника по костюмам и режиссера. И привел соседей в полное недоумение, намалевав по-итальянски на входной двери парадного, которым никогда не пользовался, фразу, начертанную у адских врат в поэме Данте Алигьери: «Lasciate ogni speranza, voi che entrate»[24]. Пауло переводил пьесы, ставил их и сам в них играл. Самые успешные постановки покрывали убытки от прочих и позволяли больше не зависеть от родителей.

Когда же, выражаясь фигурально, в сундуке показывалось дно, он старался снискать себе хлеб насущный за ломберным или бильярдным столом, играя в покер и синуку[25] или на тотализаторе в «Жокей-клубе». Он наконец получил среднее образование, но поступать в университет не спешил. В конце 1968 года решил попытать счастья в не испробованном им доселе амплуа и стать продюсером. И сам написал инсценировку классического «Питера Пэна», собирался сам его поставить и сам в нем играть, однако с отчаянием убедился, что сбережений не хватит на приобретение даже самого необходимого для постановки. Это открытие было подобно ушату ледяной воды. Он тяжело переживал поражение, но однажды вечером к нему явилась Фабиола, раскрыла сумку и выложила на кровать пачки банкнот, скрепленные резинкой, — более пяти тысяч новых крузейро, что-то около двадцати тысяч реалов по курсу 2008 года.

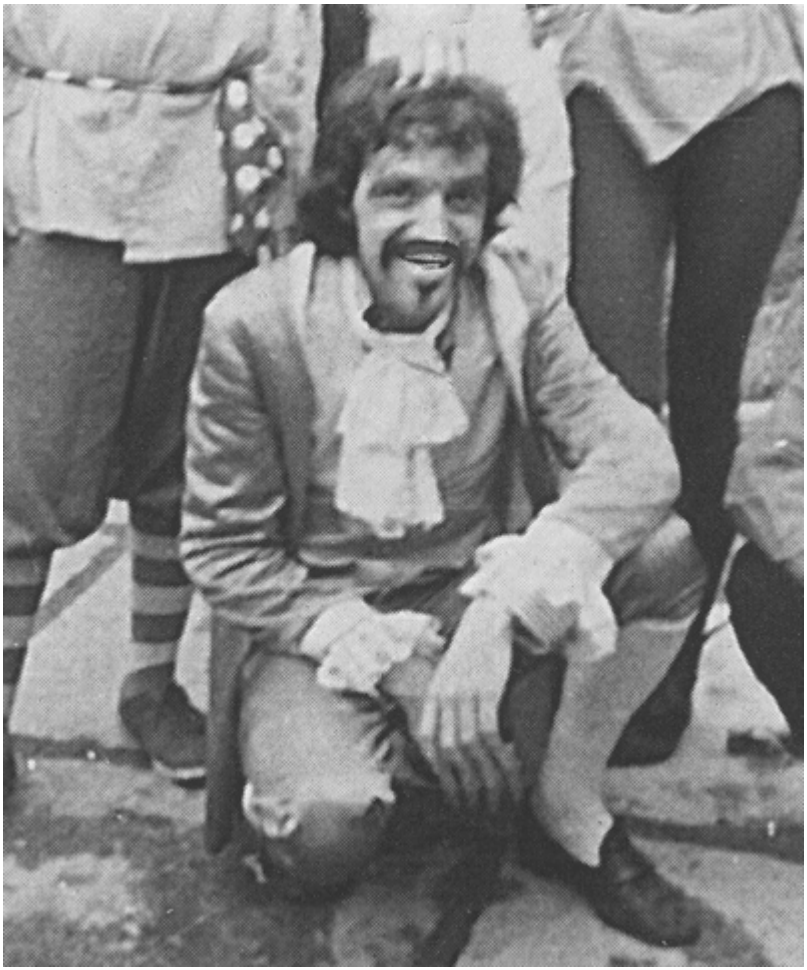
— Дарю их тебе на постановку «Питера Пэна».

Собираясь праздновать восемнадцатилетие, Фабиола говорила матери, бабушке и всем друзьям и родственникам, что вместо платьев и подарков предпочитает деньги, Собирала здесь и там, разыскивала богатых клиенток матери и знакомых, которых давным-давно не видела, и в результате набрала столько, что засыпала кровать пачками купюр. Конечно, это были не бог весть какие деньги, но средств на постановку хватало с лихвой. Пауло, тронутый до глубины души, произнес, по своему обыкновению с театральным пафосом:

— Одна возлюбленная променяла меня на пару платьев, а ты отказываешься от платьев и подарков ради меня. Твой поступок

возвышает в моих глазах всех женщин.

Фабиола не только раздобыла средства на постановку, но и продавала рекламу в программки. И договорилась с владельцами ресторанов, расположенных близ театра «Санта-Терезинья» в районе Ботанического сада, что если актеров, осветителей и рабочих сцены будут кормить ужином бесплатно, названия заведений будут указаны на афишах и в программках. В благодарность за такое усердие Пауло дал ей главную роль. Себе он взял роль Капитана Крюка. В его доме звучала музыка, написанная к спектаклю Какико. И спектакль, окупивший каждый вложенный сентаво, опроверг старинное поверье: «Успех у публики — провал у критики», поскольку был заслуженно увенчан премией на Первом фестивале детского театра штата Гуанабара. Пауло, как и прежде, мечтал лишь о том, чтобы стать великим писателем, но пока этого не произошло, ему не оставалось выбора: только идти вперед и жить театром. Успех побудил его стать профессиональным театральным деятелем, и вскоре он уже с гордостью показывал друзьям членский билет Бразильского сообщества театральных авторов за подписью председателя Раймундо Магальяэнса Жутиюра, переводчика «Трехгрошовой оперы», где некогда играл Пауло.



Пауло в роли Капитана Крюка в инсценировка «Питера Пэна»

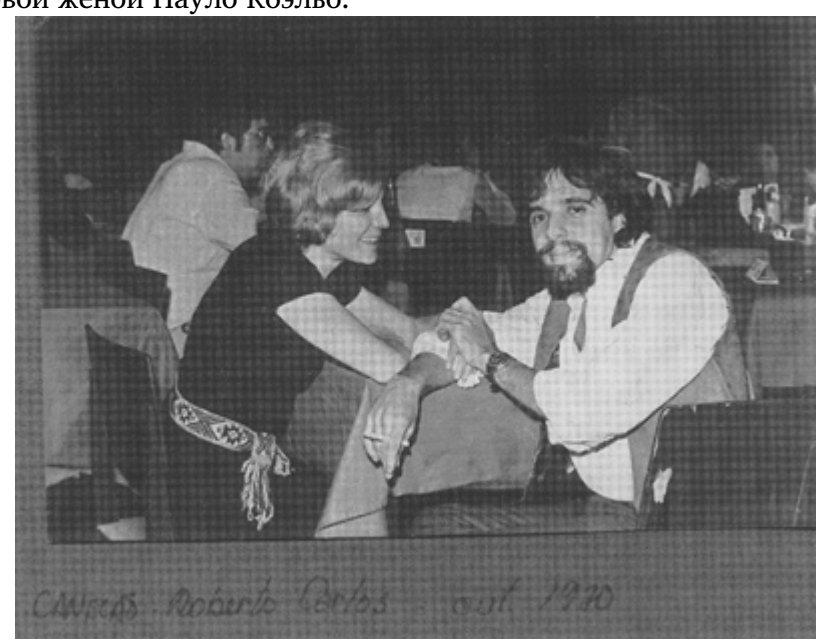
Фабиола в роли Сининьо

В 1969 году поступило приглашение сыграть в спектакле «Честная вдова» Нелсона Родригеса. Как-то в перерыве между репетициями, когда Пауло потягивал пиво в баре рядом с театром «Сержинью Порто», он вдруг заметил, что за ним наблюдает красивая белокурая женщина, сидевшая у стойки. С напускным безразличием он отвел взгляд, а когда повернулся вновь, увидел: женщина не исчезла, напротив — продолжает смотреть на него в упор, робко улыбаясь. Легкий флирт продолжался всего минут

десять, но Пауло остался под сильным впечатлением от встречи. Вечером он записывал в дневнике:

> Не могу сказать точно, как все началось. Она возникла внезапно. Я вошел и сразу почувствовал ее взгляд. Я ощущал ее присутствие в толпе и ее взгляд, а у меня недоставало смелости взглянуть ей прямо в глаза. Я никогда не встречал ее раньше. Но уже словно что-то предчувствовал. Так начала сказываться эта сказка и разворачиваться наша лав-стори.

Прекрасной и загадочной блондинкой была Вера Прнятович Рихтер. Она была на одиннадцать лет старше Пауло и в те дни собиралась завершить свой пятнадцатилетний брачный союз с неким богатым промышленником. Вера всегда хорошо одевалась, водила машину, что было тогда редкостью у бразильянок, и жила в квартире, занимавшей целый этаж в одном из самых фешенебельных и дорогих кварталов во всей Бразилии — на проспекте Делфим Морейра в престижнейшем районе Леблон. С точки зрения Пауло, у нее имелся лишь один заметный изъян: близкие отношения с актером Пауло Элизио, бородатым Аполлоном, который постоянно пребывал в скверном расположении духа и к тому же, как было известно, имел черный пояс карате. Но предчувствия, описанные в дневнике, окажутся сильнее боевых искусств. Две недели спустя Вера Рихтер станет первой женой Пауло Коэльо.



Пауло и Вера Рихтер

10
«Будешь мне врать, я вырву тебе глаз и сожру его»

Год 1969-й Бразилия начинала во мраке самой жестокой диктатуры за всю свою историю. 13 декабря 1968 года президент республики маршал Артур да Коста-и-Силва — «пижамный маршал», как назвал его Пауло в Сержипи — подписал «Институционный акт № 5», наглухо запечатавший последние отдушины свободы, еще остававшиеся после военного переворота 1964 года. Подписанный президентом, завизированный всеми членами его кабинета, включая министра здравоохранения доктора Леонела Миранду, владельца частной клиники доктора Эйраса, документ этот, помимо множества иных ограничений общественных свобод и прав граждан, отменял неприкосновенность личности и давал правительству полномочия на цензуру прессы, театра, книгоиздания, а также право приостановить работу Национального конгресса. Но в 1968 году большой пожар разгорался не только в Бразилии.

Агрессия против Вьетнама, куда Соединенные Штаты направили более полумиллиона солдат, длилась уже пять с лишним лет, когда на пост президента США избрали «ястреба» Ричарда Никсона. В марте был убит Мартин Лютер Кинг, человек, возглавлявший борьбу чернокожих за свои права ненасильственными методами. Не пройдет и двух месяцев — и настанет черед сенатора Роберта Кеннеди, выразителя самых либеральных течении в американской политике. Одним из символов контркультуры того времени был мюзикл «Волосы», поставленный в Нью-Йорке: вся труппа там в некий момент выходит на сцену нагишом. В мае французские студенты захватили Сорбонну и превратили Париж в поле битвы, вынудив Шарля де Голля устроить совещание с генералами в немецком городе Баден-Бадене. Мировая лихорадка преодолела «железный занавес» и охватила Чехословакию, ознаменовавшись «Пражской весной» — проектом либерализации страны, автором которого стал генеральный секретарь коммунистической партии Чехословакии Александр Дуочек. В августе «Пражская весна» будет раздавлена танками стран Варшавского договора — военного блока Советского Союза и его сателлитов.

В Бразилии тоже стали заметны первые признаки сопротивления диктатуре. Это проявлялось прежде всего в

мирных студенческих шествиях — в них Пауло участвовал редко, да и то скорее ради бравады или же в поисках острых ощущений от «встреч с полицией», чем из убеждений. Столбик политического термометра стал подниматься, когда начались забастовки рабочих в Сан-Пауло и штате Минас-Жерайс, и достиг тревожного уровня, когда военная разведка зафиксировала появление партизанских групп, которые режим без разбора записывал в «террористы». На самом деле к концу года имелось по меньшей мере четыре вооруженных организации, применявших методы партизанской борьбы в городских условиях: Вооруженный революционный авангард (BF Палмарис), Освободительное национальное действие (ОНД), Народный революционный авангард (НРА) и командование национального освобождения (КОЛИНА). КПБ маоистского толка, в свою очередь, направила в Шамбиоа, на север штата Гояс (сейчас это на границе штата Токанчинс) своих бойцов, которые создадут в районе реки Арагуайя, на краю амазонской сельвы, первый сельский очаг партизанской войны. Крайние левые устраивали налеты на банки и взрывали бомбы в казармах, а крайние правые организовывали нападения на самые явные центры оппозиции режиму — например, театры.

В Сан-Пауло и Рио театры подвергались нападениям боевиков. Прошла волна арестов. Среди арестованных — бывший губернатор штата Гуанабара и «гражданский» организатор переворота 1964 года Карлос Ласерда, композиторы Каэтано Велозо и Жилберту Жил, журналист Карлос Эйтор Кони — тот самый, чью статью Пауло присвоил в Аракажу и подписал своим именем.

Хотя Пауло хвастал, что он коммунист «по принадлежности» и своими глазами видел, какие насилия творят над его собратьями по цеху — он как-никак был театральным деятелем, что удостоверялось членским билетом Ассоциации, — на деле проявлял полнейшее безразличие к той политической буре, что свирепствовала в стране. Да и сам военный переворот прошел абсолютно незамеченным и не удостоился в пространных дневниковых записях той поры не то что запятой, но даже кляксы. Первые слова, написанные Пауло в 1969 году, определяют, на какие цели будущий писатель устремлял свою энергию.

> Сегодня — Новый год. Я провел ночь с прелюбодейками, гомосексуалистами, лесбиянками и рогоносцами.

В 1964 году отсутствие интереса к политической жизни еще объяснялось юным возрастом, но теперь-то он был взрослым, на

пороге двадцатидвухлетия — то есть находился на том возрастном рубеже, с которого большинство известных деятелей стартовало и вышло в лидеры политических и культурных движений, будораживших всю Бразилию. Но если в то время в его жизни и происходили какие-либо метаморфозы, то связаны они были отнюдь не с кипением политических страстей, а с новой возлюбленной — Верой Рихтер.

Эта изящная, неизменно хорошо одетая блондинка родилась в 1936 году в Белграде, столице тогдашнего королевства Югославия (сегодня это столица Сербии). Вера происходила из семьи богатых землевладельцев и до двадцати лет вела жизнь, характерную для «верхов» общества. Когда же окончила первый курс театрального факультета, где специализировалась на режиссуре, она на себе испытала те политические перемены, что в ту пору катились по странам Центральной Европы. Смерть Сталина вновь сблизила Москву с великим югославским лидером — маршалом Иосипом Броз Тито. Железной рукой проведя объединение страны, Тито осуществил коллективизацию сельского хозяйства, превратил частные владения в общественные негосударственные угодья, управляющих — в трудящихся. Богатым настал черед сойти со сцены. В Рио-де-Жанейро обосновались друзья семьи, и Прнятовичи — овдовевшая мать, старшая сестра и Вера — решили, что этот город и станет их пунктом назначения. Бушевала «холодная война»; все границы были закрыты, и выезд за кордон сопровождался большими сложностями. Мать и старшая сестра отправились первыми, и лишь несколько месяцев спустя, уже обустроившись в Копакабане, послали вызов Вере. Кроме родного языка, та говорила только по-английски и в Бразилии ощущала себя всем чужой, человеком, лишившимся корней, отчего в конце концов и уступила настояниям семьи и приняла предложение руки и сердца от земляка-миллионера, который был на двенадцать лет старше. Годы спустя Вера будет вспоминать, что даже посторонние отмечали, насколько супруги не подходят друг другу. Как и подобает девушке двадцати лет, она обожала веселье, шумные сборища, желала танцевать, заниматься спортом и петь, тогда как ее муж был замкнут, застенчив и молчалив, а все то время, что он не занимался делами во внешнеторговой фирме, отдавал чтению и классической музыке.

К той минуте, когда Вера и Пауло увидели друг друга в театральном баре, брак для нее давно уже был чистейшей формальностью. Они с мужем по-прежнему жили под одной крышей, но их супружеский союз распался. В театр «Кариока» ее привело объявление в газете: молодой режиссер из Баии Алвару

Гимараэнс, известный как человек, открывший Каэтано Велозо, набирал студентов на свой курс. Спустя почти сорок лет Вера вспоминала, что сначала Пауло произвел на нее не очень-то выигрышное впечатление:

— Он напоминал профессора Абронсиуса, высоколобого ученого из фильма «Бесстрашные убийцы вампиров» Романа Полански. Огромная голова на хрупком тельце. Некрасивый, прыщеватый, с толстыми отвислыми губами и вытаращенными глазами… Нет, красивым его никак нельзя было назвать… Но он обладал теми чарующими свойствами, которые легко замечает взгляд каждой влюбленной женщины. Пауло был настоящий Дон Кихот! Какой-то одержимый… Все ему казалось легко, все для него было просто. Он витал в облаках, не касаясь земли. При этом у него была одна навязчивая идея — стать известным. И ясно было, что он сделает все, чтобы этого добиться. В этом был весь Пауло.

С появлением Веры его отношения с Фабиолой были так или иначе обречены, но прервались они, когда Пауло был застигнут с поличным. Фабиола подозревала, что Пауло начал тайком встречаться с «молодой артисткой из Голландии», появившейся недавно на репетициях, и решила вывести его на чистую воду. Однажды вечером она устроила засаду у подъезда его дома на улице Раймундо Корреа и покинула свой наблюдательный пункт лишь после полудня, когда Пауло пришлось выйти на улицу вместе со своей спутницей. Окончательно разочаровавшись в человеке, получавшем от нее самые верные доказательства любви, она порвала с ним. Несколько месяцев спустя Фабиола, уже ставшая своей в семье Коэльо, шокирует Лижию и Педро, представ обнаженной на обложке сатирического еженедельника «Пасским» («Пасквиль»).

Фабиола, убедившись в неверности Пауло, шокировала родителей Коэльо, снявшись обнаженной для еженедельника «Паским»

Как будет впоследствии вспоминать сам Пауло, именно опытная Вера обучила его науке физической любви. Еще она учила его говорить по-английски и одеваться чуточку лучше. Не смогла только помочь преодолеть психологические последствия травмы в Арарауме: он по-прежнему содрогался при одной только мысли, что придется сесть за руль. Их вкусы и интересы совпадали настолько, что средства Веры стали тем топливом, которого не хватало Пауло, чтобы с головой погрузиться в театральное творчество. Деля свое время между прежним жильем на Копакабане и роскошной квартирой Веры в районе Леблон где он теперь проводил почти все ночи, Пауло неделями напролет стучал по клавишам пишущей машинки. А потом с гордостью показал возлюбленной свою первую пьесу для взрослых — «Апокалипсис». Они как будто были созданы друг для друга: Вера не только оказалась одной из тех очень немногих, кто сразу понял замысел пьесы но и прониклась ею до такой степени, что взялась за ее сценическое воплощение, выступив в роли продюсера, коль скоро режиссурой занялся сам Пауло. Все складывалось так удачно, что в конце апреля 1969 года критики и редакторы отделов культуры городских газет получили приглашение на генеральную репетицию. Главную роль играла тоже Вера. Композитором Пауло пригласил своего друга Какико — тот недавно получил диплом ортодонта и теперь разрывался

между зубоврачебным кабинетом и музыкой.

Вместе с приглашением и программкой журналисты и критики получили пресс-релиз, написанный претенциозно и крайне туманно, однако все же позволявший понять, о чем, собственно, в «Апокалипсисе» идет речь. «Пьеса — моментальный снимок человеческого бытия, которое теряет индивидуальные черты в пользу более удобной усредненности, ибо та знает, как овладеть умами», — гласил текст. Продолжалось столь же непостижимо. Спектакль начнется с показа документальной ленты о полете космического корабля «Аполлон-8» к Луне, после чего, согласно программке, труппа исполнит «пляски племен с восточными элементами». Актеры и актрисы будут сменять друг друга на сцене, разыгрывая отрывки из «Прикованного Прометея» Эсхила, «Юлия Цезаря» Шекспира, а также представляя инсценировки Евангелий. Под занавес, до выхода на поклоны каждый артист сыграет собственную роль, воплощая душераздирающие моменты, пережитые им в детстве.

«Апокалипсис» дал Пауло возможность впервые изведать на собственной шкуре ту «казнь египетскую», что отныне будет его преследовать, — критику. Сразу же после генеральной репетиции пьесу колесовали во всех газетах Рио. Впрочем, оттого, что критики сочли «Апокалипсис» провалом, зрители валом на него не повалили. Он продержался на афишах считанные недели и пробил жуткую брешь в первом инвестиционном проекте Пауло и Веры. Впрочем, брешь эту она с готовностью взялась заделать.

Постановка совпала с важной переменой в жизни обоих. Брак Веры катился под откос, но ее муж продолжал жить в супружеской квартире, и Вера решила покончить с этим неудобством и переехала с возлюбленным в то место, которое в Рио конца 1960-х годов стало символическим адресом всей контркультуры — или, как тогда говаривали, «отвязности». «Особняк Святой Терезиньи» содержался одноименной церковью и обессмертил себя под названием «Особняк Ямы». Задуман он был как ночлежка для нищих и представлял собой огромное прямоугольное здание с внутренним двором. Там по всему периметру располагались подъезды. Благодаря удачнейшему расположению — «Особняк» находился на улице Лауро Мюллера на полпути от Копакабаны и Ботафого, близ недавно открытого театра «Канекау», — дом облюбовала молодая безденежная интеллигенция Рио-де-Жанейро. Здание напоминало гигантский обветшавший улей, но жить там считалось модным. Ежемесячная арендная плата за suite спальню с удобствами вроде той, где жил писатель из штата Минас-Жерайс Руй Кастро, — составляла около двухсот крузейро (триста шестьдесят реалов 2008 года), но в

большинстве случаев один туалет приходился примерно на полудюжину жильцов.

В конце июля 1969 года Пауло и Вере, занимавшим один из номеров «Особняка», захотелось разнообразия. В середине августа бразильская сборная по футболу должна была встретиться в Асунсьоне в отборочном матче с командой Парагвая — они сражались за путевку на Чемпионат мира

1970 года в Мехико. Как-то в воскресенье равнодушному, в общем, к футболу Пауло удалось уговорить подругу пойти на матч. На переполненном стадионе «Маракана» встречались команды «Фламенко» и «Флуминенсе». Зрелище заворожило Веру и сделало ее неистовой болельщицей. Именно она предложила отправиться вдвоем на машине в Парагвай посмотреть игру. Пауло понятия не имел об этом выездном матче бразильской сборной, но идеей загорелся и по своему обыкновению прежде всего составил план поездки. Он с ходу отбросил возможность проехать вдвоем на машине почти две тысячи километров в этом марафоне единственным водителем была бы Вера, ибо ее возлюбленный еще не обрел достаточной смелости, чтобы вести машину. Принять участие в этой авантюре предложили еще двоим: музыканту-дантисту Какико и Арнольду Бруверу-младшему, новому человеку в театре. О Какико вспомнили не просто так он не только был опытным водителем, но и мог гарантировать всем приют в Асунсьоне — там, в столице Парагавая, жила давняя любовница его отца. А Брувер, как едва ли не каждый, кто попадал в орбиту Пауло, был весьма своеобразной личностью: тридцатитрехлетний сын латыша и португалки, балетный танцовщик, драматический актер, музыкант и оперный певец. После переворота 1964 года военная полиция завела на него дело, и по подозрению в подрывной деятельности Брувер-младший был уволен с военного флота, где на тот момент состоял в чине капитана третьего ранга. Арнольд сначала принял приглашение и лишь затем признался, что тоже не умеет водить. Предусмотрительность требовала обратиться к мастеру Туке — однажды дед с бабушкой Лилизой ездил на машине в Фож-до-Игуасу, на границу с Парагваем. Пауло попросил его составить маршрут, указав заправки, придорожные рестораны и удобные места для ночлега.

Солнечным и холодным утром в четверг 14 августа четверка собралась у входа в «Особняк Ямы» и уселась в белый «Фольксваген» Веры. Путешествие шло гладко, Вера и Какико сменяли друг друга за рулем каждые сто пятьдесят километров. Настал поздний вечер, когда машина затормозила у дверей небольшой гостиницы в Режистро, где решила заночевать

утомленная, но счастливая четверка: за двенадцать часов они покрыли шестьсот километров, почти треть всего пути.

Местные жители поглядывали на любого чужака в их краях с понятным недоверием. За несколько месяцев до того, как политическая полиция страны — Департамент государственного и общественного порядка (ДОПС) — разогнала в ста километрах отсюда, в Ибиуне, съезд Национального союза студентов, в городках долины Рибейра, беднейшей части штата Сан-Пауло, стали появляться пришлые люди. И местным было невдомек, кто они: из полиции или еще откуда. Но эти четверо вымотались до такой степени что своим появлением даже не успели разжечь ничьего любопытства. И прямиком отправились спать.

В пятницу проснулись рано, потому что следующий отрезок пути — самый протяженный — собирались проехать всего за день. Если все пойдет хорошо, в обед они будут уже в Каскавеле, что в западной части штата Парана, а это еще семьсот пятьдесят километров. Там — последний привал перед Асунсьоном. Но расчеты не оправдались. По трассе шел сплошной поток грузовиков, и приходилось плестись за ними, чтобы улучить момент и совершить безопасный обгон. В результате к десяти вечера все здорово проголодались, а до Каскавела оставалось еще добрых двести километров. Вера остановила машину на обочине и попросила Какико выйти посмотреть, все ли в порядке с шинами, — ей показалось, что машину заносит.

Все было в норме, и погрешили на густой туман, от которого дорога-де стала скользкой. Какико предложил: пусть Вера переберется назад и отдохнет, а он поведет до Каскавела Через час остановились на заправке. Все расходы делились на четверых, и Вера полезла за бумажником — и только тут поняла, что потеряла сумочку с деньгами и всеми документами, включая права и свидетельство о регистрации. Она твердила, что сумочка могла вывалиться только в тот момент, когда они с Какико менялись местами. Делать нечего: развернулись и в надежде отыскать сумку поехали к месту последнего привала еще сто километров назад. Так проездили туда-сюда больше трех часов. Тщетно. Сколько ни рыскали по сторонам, светя фарами, сумка не находилась, а в барах и на заправках, понятное дело, никто ничего не знал. Стало ясно, что это плохое предзнаменование — знак, требующий истолкования. Пауло предложил развернуться и возвращаться в Рио: в конце концов, никому этот футбол не интересен, — но оказался в меньшинстве: его не поддержали. Путешествие продолжилось, и в Каскавел они въехали на рассвете в субботу, причем машина впервые дала сбой: полетело сцепление, а без него не поедешь.

Из-за назначенного на следующий день матча сборных Бразилии и Парагвая почти все в Каскавеле было закрыто, в том числе автомастерские. Но большинством голосов постановили доехать до Асунсьона, поэтому дальше решили двигаться автобусом. Купили билеты до Фож-до-Игуасу и, поскольку у Веры не было документов, пограничный мост из Бразилии в Парагвай они переходили с толпой туристов и болельщиков. На парагвайской стороне сели в автобус до столицы. Только разместившись в доме той самой отцовской знакомой, четверка сообразила, что все билеты на футбол давным-давно раскуплены. Однако горевать не стали. Выходные посвятили экскурсии в пригородные селения индейцев гуарани и скучным лодочным прогулкам по реке Парагвай. С утра в понедельник они наконец занялись поисками автомастерской в Каскавеле и починкой машины. С пропажей сумки возникло множество дополнительных хлопот: придется неукоснительно соблюдать все правила движения, ибо малейшее нарушение приведет к проверке документов, каковых не имеется вовсе. К тому же без Вериных денег расходы следовало делить не на четверых, а на троих, а потому есть поменьше и ночевать где подешевле. Дедушкин маршрут пришлось перекраивать. Решили ехать в Куритибу, где можно было остановиться на ночлег и попытаться выправить копии документов на машину и водительских прав для Веры.

Около десяти вечера голод заставил ничего не подозревавших путешественников остановиться немного не доезжая до столицы штата Парана. Припарковав машину на стоянке у закусочной на въезде в город Понта-Гросса, они увидели, что накрутили уже около четырехсот километров. Чтобы сэкономить деньги, применили тот прием, к которому уже не раз прибегали после потери сумочки-. Пауло и Вера садились за столик и заказывали на двоих. Когда заказ приносили, появлялись Какико с Арнолдом, и ели они все вместе. Должным образом подкрепившись, четверка собиралась возвратиться к машине, как вдруг в зал вошла группа полицейских с автоматами. Старший направился к их столику:

— Белый «жук» с номерами штата Гуанабара на стоянке — ваш?

Какико — единственный, у кого были права, — понял, что отвечать должен он:

— Наш.

Когда же военный попросил предъявить удостоверение владельца, Какико подробно объяснил, переглядываясь с испуганными друзьями, что Вера оставила сумочку у машины, живописал обстоятельства утраты бумажника со всем

содержимым, не умолчав и о планах на ночлег в Куритибе:

— Там же мы хотели выправить копии пропавших документов.

Старший патруля недоверчиво смотрел и слушал. Затем принял решение:

— Объясняться будете с начальником полиции. Следуйте за мной.

Их отвели в участок и оставили ночевать на деревянных нарах, в жуткой холодрыге. Наконец в шесть утра появился начальник полиции — в пончо и весь обмотанный шарфами. Он сообщил следующее:

— Вы обвиняетесь в терроризме и вооруженном налете на банк. А это уже не ко мне. Вами займется армия.

Никто из четверки особенно не следил за политическими событиями, а между тем в последние месяцы положение в стране крайне осложнилось. После издания «ИА-5» в декабре 1968 года более двухсот университетских преподавателей и ученых досрочно отправили на пенсию, арестовали или выслали. В списке репрессированных значились имена всемирно известных людей — социолога и будущего президента республики Фернандо Энрике Кардозо, историка Кайо Прадо Жуниора и физика Марио Шемберга. В Национальном конгрессе сто десять депутатов и четырех сенаторов лишили мандатов, а в различных штатах и муниципалитетах почти пятьсот человек, обвиненных в подрывной деятельности, были отстранены от участия в прямом и косвенном государственном управлении. Из Федерального верховного суда устранили трех судей — насилие в стране коснулось и высшей судебной инстанции. В январе капитан Карлос Ламарк покинул армейскую казарму в Китауне, что в промышленном пригороде Сан-Пауло Осаско, и угнал для городских партизан машину с шестьюдесятью тремя автоматическими винтовками, тремя автоматами и большим количеством боеприпасов. В Сан-Пауло вновь назначенный губернатор Абреу Содре учредил так называемый «Операсан бандейрантес» (ОБАН): этот карательный орган, объединивший полицейских и военных трех видов вооруженных сил, был призван подавить оппозицию, но вскоре превратился в настоящий застенок для противников режима.

За два дня до ареста Пауло и его друзей четверо вооруженных автоматами партизан — трое мужчин и одна белокурая женщина — на белом «Фольксвагене» с номерами Гуанабары совершили налет на банк и супермаркет в городе Жандайа-до-Сул в ста километрах к северу от Понта-Гросса. Воображение карательных органов услужливо подсказало, что такое могла совершить только

наша четверка. Их, дрожащих от холода и страха, в оливковом «воронке» под охраной вооруженных до зубов солдат отвезли на другой конец города в штаб 13-го мотопехотного батальона в район Уваранас. Оборванные, давно не умывавшиеся и полумертвые от холода, все четверо вывалились из арестантского отсека «воронка» на огромный плац, где почти тысяча новобранцев постигала премудрости строевой подготовки.

Их развели по разным камерам, раздели и обыскали, а спустя полчаса начали допрашивать. Первым вызвали Какико. Его привели в камеру, где стояли стол и два стула. На одном уже восседал смуглый мужчина, рослый и крепкий, в камуфляже и армейских ботинках. На груди был нашит прямоугольник с надписью: «Майор Индио»[26].

Майор Индио велел Какико сесть напротив. Поднеся к самому лицу задержанного указательный и большой пальцы, сложенные вместе так, что получилось нечто похожее на штырь или шпатель, он произнес тираду, которую музыкант и зубной врач запомнит слово в слово на всю жизнь:

— До сих пор мы с вами нянчились, но запомни хорошенько, что я тебе скажу. Если произнесешь хоть слово лжи — одно-единственное, этого будет вполне достаточно! — я воткну эти два пальца тебе в левый глаз, вырву глазное яблоко и сожру его. А правым глазом ты будешь за этим наблюдать. Мы поняли друг друга?

Преступления, в которых обвинялись Пауло и его спутники, были совершены несколько дней назад. Первое, вооруженное нападение на кассы супермаркета в Жандайа-до-Сул, к жертвам не привело. Но при попытке завладеть инкассаторскими баулами, доставленными в отделение «Банко до Кредите Реал де Минас-Жерайс» в том же городе, шайка застрелила управляющего Жузе Сантамарию Фильо. Сходство четырех путешественников с партизанами вызвало подозрения военных из Понта-Гросса. Хотя налетчики скрывали лица под нейлоновыми чулками, не было сомнений, что банда состояла из троих белых мужчин, один из которых был космат, как Пауло, и блондинки, похожей на Веру. К тому же налетчики разъезжали на белом «Фольксвагене» с номерами штата Гуанабара — точь-в-точь как у наших туристов. Карта Пауло с указаниями пути тоже показалась властям слишком подробной и профессиональной, чтобы сойти за заметки заботливого дедушки для хипповатого внучка. Но больше всего наших героев компрометировал сам маршрут: по сведениям военной разведки выходило, что группа капитана Карлоса Ламарка могла готовить новый очаг партизанской войны в долине Рибейра, в точности придерживаясь маршрута, которым

четверка следовала в Асунсьон. Досье на четверых и данные на автомашину были разосланы в органы безопасности городов Бразилиа, Рио-де-Жанейро и Сан-Пауло.

Помимо самого задержания и угроз, которые становились все более жуткими, физического насилия пока не было. Майор Индио пообещал выдавить и сжевать глаз и у остальных, утверждая, что это не пустая угроза:

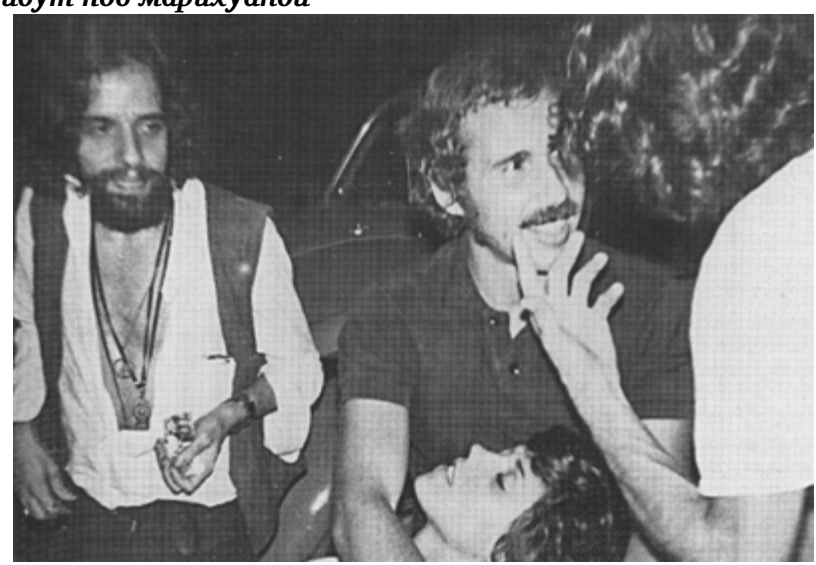
— Пока никто не поднял на вас руку. Мы даем вам пищу и одеяла, исходя из презумпции вашей невиновности. Но не забывайте: хоть полслова лжи в ваших показаниях — и я исполню обещанное. Я уже драл буркалы террористам и без проблем проделаю то же с вами.

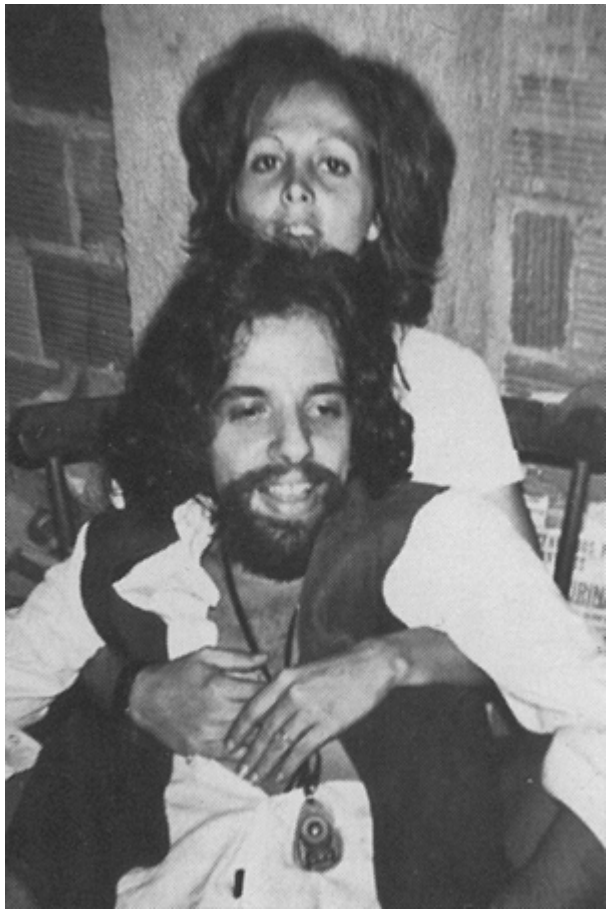
Положение усугубилось ближе к полудню во вторник, когда в расположение части привезли работников супермаркета из Жандайа-до-Сул. Пауло и Веру они опознавали через окошечки в дверях камер, чтобы задержанные не заметили, что их рассматривают. В случае с Арнольдом и Какико двери просто открывали, чтобы приглашенные на опознание, напуганные не меньше, чем сами арестованные, могли быстро заглянуть внутрь. Хотя налетчики шли на дело с закрытыми лицами, а на арестованных, сидевших в плохо освещенных камерах, опознаватели смотрели мельком, свидетели были единодушны: это те самые преступники. Допросы становились все более напряженными и устрашающими, одни и те же вопросы повторяли по четыре, пять, шесть, десять раз. Вера и Арнольд должны были снова и снова объяснять всем подряд — ибо теперь это был настоящий конвейер: гражданские и военные чередовались в камере, где шел допрос — что делают в этом районе югославка и морской офицер, уволенный по обвинению в подрывной деятельности. Пауло несчетное число раз пытался развеять одни и те же сомнения: стоило ли ехать так далеко, если возвращаетесь в Бразилию, так и не посмотрев матч? Как удалось Вере без документов дважды пересечь границу с Парагваем. Почему на карте помечено столько различных вариантов ночлега и заправки? Улучив минутку, когда их оставили в камере вдвоем, Пауло пожаловался Арнольду, что ему все это напоминает какой-то кафкианский кошмар: даже невинный ингалятор от астмы потребовал детальных и бесконечных объяснений.

Кошмар длился пять суток. В субботу утром вооруженные солдаты вошли в камеры и скомандовали задержанным собирать вещи — сейчас их будут «вывозить». Зажатые в задней клетушке все того же оливкового «воронка», все четверо приготовились к худшему: видимо, их везут на казнь. Каково же было их изумление, когда через несколько минут автомобиль

остановился, и их высадили у бунгало, окруженного аккуратно подстриженными розовыми кустами. На верху лестницы их с улыбкой встречал седовласый военный с букетом цветов в руках. Это был сорокадевятилетний полковник Иван Лобо Мазза, командир 13-го батальона, в составе бразильского экспедиционного корпуса сражавшийся в годы Второй мировой войны в Италии. Мазза сообщил ошеломленным путешественникам: все разъяснилось, они действительно невиновны. Цветы, лично срезанные офицером, были с извинениями преподнесены Вере. Полковник объяснил причины задержания: начало вооруженной борьбы, их сходство с налетчиками из Жандайа-до-Сул, проезд по долине Рибейра, — и счел своим долгом осведомиться у каждого, не подвергался ли он физическому насилию. Группа, не умывавшаяся неделю, выглядела плачевно; хозяин прежде всего предложил им привести себя в порядок, а затем сам поднес закуску и угостил шотландским виски. Сцепление починили в армейской автомастерской, а чтобы они могли безопасно добраться до Рио, им выдали пропуск, подписанный самим полковником. Путешествие завершилось.

Уикенд в квартире Какико: следующие сутки целиком пройдут под марихуаной





11
«Наркотик для меня — то же, что автомат для коммунистов и партизан»

По возвращении в Рио Пауло на годы обрел для себя новый источник энергии — марихуану. Потом настанет черед и других наркотиков, но поначалу была только «травка». Они с Верой впервые попробовали марихуану вместе, а потому вместе и стали регулярными ее потребителями. Оба они были новичками, не очень сознавали последствия, поэтому прежде чем закурить, запирали в ящик стола все колющие и режущие предметы в доме. «На всякий случаи, мало ли что…» — говорила Вера. Курили ежедневно и под любым предлогом: вечерами — чтобы с особенной остротой наблюдать багровый закат на Леблоне, по ночам — чтобы успокоить нервы. Приходилось терпеть оглушительный рев самолетов, садившихся, казалось, им прямо на голову: совсем рядом находился аэропорт имени Сантоса-Дюмона, и самолеты ежеминутно взлетали и приземлялись. Если же причины не находилось, курили просто так, разогнать скуку Пауло вспоминал потом, что, случалось, проводил в дурмане дни напролет, не давая себе и получасового перерыва.

Окончательно выйдя из-под родительского контроля, он превратился в настоящего хиппи — не только по одежде, образу жизни или манерам, но и по «идеологии». Он перестал считать себя коммунистом (хотя на самом деле никогда им и не был) после того как на людях признался, что обожает фильм «Шербурские зонтики» — французский мюзикл, где в главной роли блистала Катрин Денёв, — и получил нагоняй от одного партийного активиста. Подобно тому как раньше он с легкостью перешел к марксизму от христианской доктрины, преподаваемой иезуитами, теперь он стал убежденным и ярым сторонником бунтарского движения хиппи, охватившего весь мир. «Это будет последняя революция человечества, — записал он в дневнике. — Коммунизм остается в прошлом, возникает новая братская общность, мистицизм проникает в искусство, наркотик становится важнее хлеба. Когда Христос освятил вино, он освятил наркотик. Наркотик — это вино из лозы высшего порядка».

Прожив несколько месяцев в «Особняке Ямы», они с Верой и одним общим другом сняли квартиру с двумя спальнями в Санта-Терезе — богемном районе в центре города, на вершине холма

вблизи Лапы, где по улицам проезжал со звоном романтический трамвайчик. При переезде им пришлось около месяца прожить в леблонской квартире вместе с бывшим мужем Веры.

Если трава, по мнению специалистов-наркологов, имеет свойство вводить потребителя в длительную прострацию, в продолжительный сон наяву, то на Пауло, похоже, она оказывала прямо противоположное действие. Нежданно-негаданно войдя в состояние гиперактивности, он в первые месяцы 1970 года инсценировал и поставил «Войну миров» Герберта Уэллса, совместно с драматургом Амиром Аддадом пробовал новые сценические приемы, посылал свои тексты на конкурс рассказа штата Парана и стал соискателем «Премии Эссо» по литературе (впоследствии премию упразднили). А еще успел написать три театральные пьесы: «Дороги мистицизма» — о падре Сисеро Романе Батиста, чудотворце с северо-востока Бразилии; «Восстание Плети. Историю у причала» — о восстании моряков в Рио-де-Жанейро в 1910 году; и сборник «Пределы сопротивления». Его он отправил в Национальный институт книги, орган федерального правительства, с просьбой об издании, но не прошел и отборочного тура. Его труд попал в руки критика и романиста Октавио де Фариа, который хоть и отметил, что рукопись не лишена известных достоинств, отправил ее в архив с красноречивым пояснением:

> Не могу скрыть своего замешательства перед столь странной книгой, поскольку, даже прочитав, не могу понять, к какому литературному жанру ее отнести и что означает пометка на обложке, гласящая, что «Пределы сопротивления» составлены из «одиннадцати Фундаментальных Отличий». Книга, предваряемая эпиграфом из Генри Миллера, претендует быть абсолютом в области «восприятия» жизни. Отступления, сюрреалистические построения, отчеты о психоделических опытах, шутки самого разного свойства. В целом нагромождение этих «фундаментальных отличий» бесспорно выписано добротно, они умны, но мне кажется, это вещь не того рода, что подпадает под понятие «наши ценности». Книга принадлежит к тому виду работ, которые иные издательства готовят «на вырост», в надежде открыть «гениев», но, каким бы ни было литературное будущее г-на Пауло Коэльо де Соуза, издательства Национального института книги на такое не пойдут.

Оставалось утешаться тем, что Пауло попал в отличную

компанию. Та же отборочная комиссия, что вынесла «Пределы сопротивления» за рамки жанров и разрядов, к тому времени забраковала по крайней мере две работы, чьи авторы станут классиками бразильской литературы: «Сержант Жетулио» Жоана Убалдо Рибейро, которая потом выйдет в Бразилии и Соединенных Штатах, и «Кричащий объект» Кларис Лиспектор — сборник рассказов, впоследствии опубликованный под названием «Живая вода». Словно бы для того, чтобы отвадить Пауло от навязчивой идеи стать писателем, театр обеспечивал к нему больший интерес публики, нежели проза. Хотя Пауло очень верил в свою пьесу о падре Сисеро, предсказывая ей блестящее будущее, на деле только «Восстание Плети» будет иметь некоторый успех. Эта пьеса, результат подробнейшего исследования истории восстания во главе с чернокожим матросом Жоаном Кандидо, была подана автором на престижный конкурс театра «Опиньян» скорее по инерции, без особой надежды на успех. Но премия, полагающаяся лауреату, оказалась лучше конверта с деньгами: пьесу-победительницу должны были ставить на сцене «Опиньян», всеми признанного авангардного театра Бразилии. Узнав по телефону от Веры, что его «Восстание» заняло второе место, Пауло мрачно ответил, не пытаясь быть скромным:

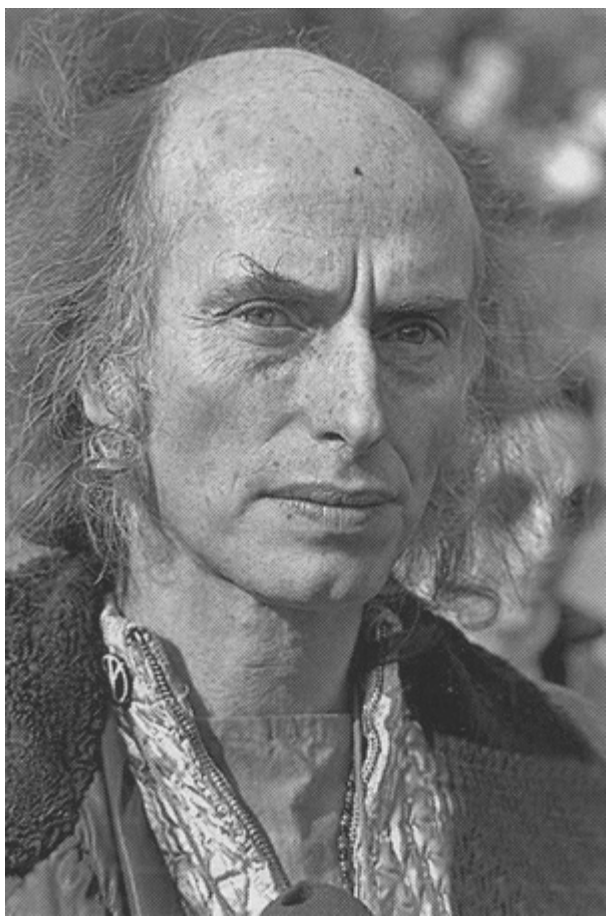
— Лишь второе? Что за дерьмо! Я становлюсь вечно вторым.

Первое место присудили детективной комедии «Клыки тигра», принадлежавшей перу Марии Элены Кюнер, начинающего драматурга из Минас-Жерайса. Если Пауло хотел прославиться, то жаловаться ему было не на что. Мало того что о нем заговорили все газеты и похвалили такие звезды критики, как Жоан дас Невес и Жозе Аррабал; заняв второе место, пьеса «Восстание Плети» завоевала право войти в избранный «Круг художественного чтения „Опиньян“», куда раз в неделю допускались все желающие. Хотя Пауло весьма пренебрежительно отзывался о премии, перед чтением пьесы он несколько дней пребывал в сильном волнении. Целую неделю он не мог думать ни о чем другом. Счастьем было видеть, как на вечернем представлении при полном зале знаменитая актриса Мария Помпеу читает написанный им текст.

Сближение с «Опиньян» позволило ему через несколько месяцев познакомиться — по крайней мере, попытаться свести знакомство — с представителями международной контркультуры: революционной труппой американского «Ливинг тиэтр», созданной в 1947 году в Нью-Йорке супругами Джулианом Беком и Джудит Малина, и приехавшей на гастроли в Бразилию. Узнав, что удалось-таки достать билеты на представление американской труппы, Пауло был необычайно взволнован и чувствовал себя, по

его словам, «в преддверии великого шага, сделать который… не отваживаюсь». Опасаясь, что от него могут потребовать высказаться в антрактах или по окончании спектакля, он перед походом в театр старался начитаться Ницше — «чтобы было что сказать». Они с Верой были так потрясены увиденным, что добились приглашения в дом, где остановилась труппа. Оттуда все вместе отправились осматривать фавелу Видигала. Однако, если верить дневниковым записям, встреча прошла не очень гладко:

> Личный контакт с «Ливинг тиэтр». Мы отправились домой к Джулиану Беку и Джудит Малина, и никто не вышел нам навстречу Горькое унижение. Пошли с ними осматривать фавелу. Впервые в жизни я оказался в фавеле. Это совершенно особый мир.



Джулиан Бек, руководитель «Ливинг-тиэтр»

На следующий день они отобедали с труппой и побывали на

репетициях, но отношение к ним американцев не изменилось. «Джулиан Бек и Джудит Малина: в отношении нас сохраняется абсолютный лед, — записывал Пауло — Но я их не осуждаю. Знаю, насколько, должно быть, трудно достичь такой высоты». Спустя несколько месяцев Пауло получит известие о «Ливинг тиэтр» и его руководителях: в такси он услышит по радио, что вся труппа арестована в Оуро-Прето, штат Минас-Жерайс, по обвинению в употреблении и хранении наркотиков. Супружеская чета арендовала дом в исторической части города и превратила его в постоянно действующую лабораторию драматического мастерства для артистов, съехавшихся из разных штатов. Через несколько недель, 1 июля 1971 года полиция окружила дом и схватила восемнадцать членов труппы, а затем этапировала их в камеры ДОПС в Бело-Оризонти.

Невзирая на протесты мировых знаменитостей, среди которых были Жан Поль Сартр, Мишель Фуко, Пьер Паоло Пазолини, Жан Люк Годар и Умберто Эко, военное правительство продержало артистов в заключении два месяца, а потом выслало из Бразилии, обвинив в «распространении наркотиков и подрывной деятельности».

Через несколько месяцев после первого опыта с травкой Пауло и Вера получили от своего друга, художника Жоржи Моурана, брусочек, похожий на упаковку леденцов, слепленный, казалось, из очень темного, почти черного воска. То был гашиш. Хотя его получают из той же конопли, что и марихуану, действует он сильнее и всегда был более востребован в Европе и на Севере Африки, чем в Южной Америке. Потому-то и пришелся тогда в новинку бразильским наркоманам. Помешанный на планировании и организации всего, за что ни брался, Пауло решил превратить пошлое получение кайфа в торжественно обставленный научный эксперимент. Начиная с первого приема наркотика, он стал наговаривать свои ощущения на магнитофон, засекая при этом время. Окончательный результат он перепечатывал и вклеивал в дневник:

Краткие заметки об опытах с гашишем

Эдгару Аллану По посвящаю

Мы начали курить в моей комнате в десять сорок вечера. Присутствовали: я, Вера и Моуран. Гашиш смешивается с обычным табаком в пропорции примерно один к семи и помещается в специальную серебряную

трубку. Эта трубка позволяет пропускать дым через ледяную воду, обеспечивая тем самым превосходную фильтрацию. Три затяжки на брата — вот достаточная доза. Но Вера не будет участвовать в этом опыте — она будет записывать на магнитофон и фотографировать. По этим дорогам меня поведет Моуран, ветеран наркотиков.

3 минуты — Ощущение эйфории и легкость. Неудержимая радость. Внутреннее возбуждение достаточно мощное. Хожу взад-вперед, чувствую себя споено во хмелю.

6 минут — Веки отяжелели. Клонит в сон, в голове туман. Голова начинает приобретать пугающие размеры, перед глазами появляются картинки, слегка скругленные по краям. На этом этапе опыта обозначились определенные блокировки морального порядка. Примечание: эти результаты от избытка волнения могут быть признаны некорректными.

10 минут — Ощущение неимоверного оцепенения. Нервы полностью расслаблены, и я ложусь на пол. Начинаю потеть — скорее от тревоги, чем из-за жары. Никакой инициативы: если дом займется огнем, предпочту умереть, нежели встать с места.

20 минут — Я все сознаю, но утратил слуховую ориентацию. Эта стадия — приятная, потому что постепенно устраняет всякое беспокойство.

28 минут — Ощущение относительности времени впечатляет. Должно быть, именно в таком состоянии Эйнштейн и открыл свою теорию относительности.

30 минут — Внезапно и полностью перестаю сознавать, что делаю. Пытаюсь писать, но не понимаю, что это — всего лишь попытка, проба. Начинаю плясать, пляшу как чокнутый, музыка льется с другой планеты и обладает неизвестным размером.

33 минуты — Время тянется чрезвычайно медленно У меня не хватает смелости попробовать ЛСД…

45 минут — Страх вылететь в окно столь велик, что соскальзываю с постели и устраиваюсь на полу в дальнем углу, подальше от улицы. Мое тело не требует удобной позы. Могу остаться лежать на полу без движения.

1 час — Гляжу на часы, не понимая, зачем пытаюсь записать все это на магнитофон. Для меня это просто вечность, из которой я никогда уже не смогу выйти.

1 час 15 минут — Вдруг возникает нестерпимое

желание выйти из транса. Холодной зимой меня обуревает внезапное мужество, и я принимаю холодную ванну. Я не ощущаю воды на теле. Я наг. Но мне не удалось выйти из транса. Меня охватывает ужас — вдруг я навечно останусь таким. Появляются книги по шизофрении, которые я прочел, они идут в ванную. Хочу выйти. Хочу выйти!

1 час с половиной — Я одеревенел, лежу, вспотев.

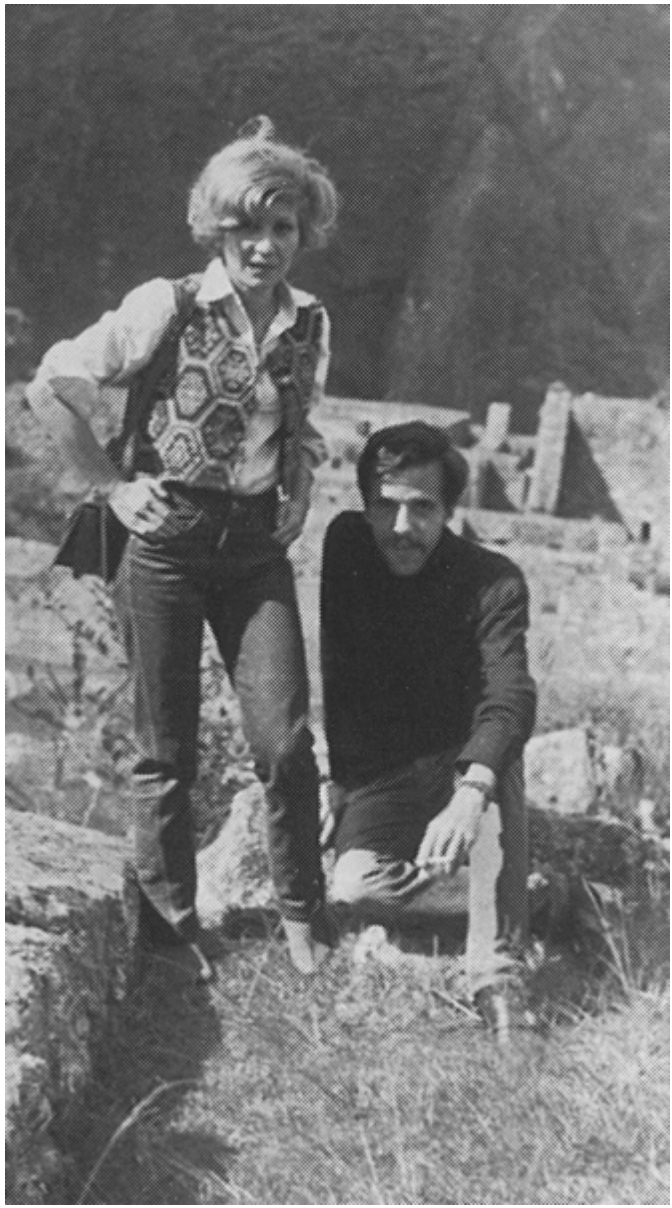
2 часа — Переход из транса к нормальному состоянию происходит неощутимо. Нет ни тошноты, ни сонливости, ни усталости, но есть необычный голод. Ищу ресторан на углу. Продвигаюсь, иду. Нога за ногу.

Не удовлетворившись тем, что покурил гашиша и зафиксировал все фазы его воздействия, Пауло совершил поступок столь отчаянный, что живи он как в старые добрые времена в отчем доме, это стоило бы ему нескольких сеансов электрошоковой терапии в сумасшедшем доме — снял копию с «Кратких заметок» и дал прочесть родителям. С его точки зрения, этот жест, должно быть, не был выпадом против Лижии и Педро. Хотя он и признавался дневнику, что «открыл какой-то новый мир», а «наркотик — лучшее из всего сущего», Пауло рассматривал себя не как банального наркомана, но как «активного идеолога движения хиппи», который без устали повторяет в кругу друзей вызывающе дерзкие слова: «Наркотик — это для меня то же, что автомат для коммунистов и партизан».

Помимо марихуаны и гашиша, супруги начинают принимать синтетические наркотики, произведенные промышленным способом в лаборатории. Еще с первой госпитализации Пауло регулярно принимал валиум, который прописывают при лечении психических расстройств, сопровождающихся мучительным беспокойством. Не опасаясь вреда, который подобные коктейли могут нанести мозгу, влюбленные увлекаются такими препаратами, как мандрикс, артан, дексамил, первитин. Содержащийся в некоторых амфетамин воздействует на центральную нервную систему, ускоряет сердцебиение и повышает кровяное давление, формируя приятное ощущение расслабленных мускулов, которое сменяется эйфорическими состояниями длительностью до четырнадцати часов. Когда же организм уставал, они принимали сильнодействующее снотворное и в буквальном смысле «отрубались». Средства, которыми обычно предупреждают эпилептические припадки или лечат болезнь Паркинсона, обеспечивали им нескончаемые сеансы «полного улета». Как-то на выходных у Какико во

Фрибурго, в ста километрах от Рио, Пауло провел «испытание на прочность», чтобы узнать, сколь долго ему удастся «ловить кайф» без перерыва на сон. Он был искренне рад, проведя полные сутки — время засекалось по часам — абсолютно без сна и полностью «вдетым», как говорили в то время. На этой опасной дорожке, как ему казалось, только наркотики имеют какое-то значение. «Еда стала для нас чем-то умозрительным, — записал он в дневнике. — Мы не знаем, когда ели в последний раз, и тем не менее никакого голода не испытываем».

Казалось, теперь с миром нормальных, не принимающих наркотики людей, его связывает единственная нить постоянная и навязчивая идея стать писателем. Он решает запереться в доме дяди Жузе в Арараруме и писать, ни на что больше не отвлекаясь. «Писать день и ночь, писать обо всем на свете» — таков его лозунг. Вера поддерживала его, но перед тем, как он с головой уйдет в работу, предложила совершить путешествие. И в апреле 1970 года пара решила отправиться в один из центров хиппи в Перуанских Андах — в Мачу-Пикчу, священный город инков, расположенный на высоте две тысячи четыреста метров. Все еще не оправившись от моральной травмы, причиненной поездкой в Парагвай, Пауло боялся, что при выезде из Бразилии с ним может приключиться какая-либо неприятность. Лишь после долгих прикидок — естественно, что по настоянию Пауло они неделями просиживали над картами и туристическими маршрутами, — супруги наконец отправились в путь. Под влиянием «Беспечного ездока» с Питером Фондой и Деннисом Хоппером, который в 1969 году пользовался большим успехом и стал поистине культовым фильмом хиппи, они не определили ни цели поездки, ни точной даты возвращения. Первого мая супруги вылетели на самолете компании «Ллойд Аэрео Боливиано» в Ла-Пас, где все им было в новинку — например, после посадки в аэропорту Эль-Альто в столице Боливии Пауло впервые в жизни увидел ослепительно белый снег. И это произвело на него такое впечатление, что спустившись по трапу самолета, он не выдержал — бросился на землю и стал его есть. Так начался месяц абсолютного безделья. Разреженный воздух Ла-Паса, находившегося на высоте почта четырех тысяч метров, вывел Веру из строя, и она провела весь день в постели. А Пауло вышел из гостиницы осмотреть город. Он привык к политической апатии, царившей в Бразилии под гнетом диктатуры, и поэтому рабочие демонстрации по случаю Дня Труда его изумили. Казалось, что грядут перемены. И действительно, спустя четыре месяца третьему (с сентября предшествующего года) сроку президентского правления генерала Альфредо Овандо Кандиа пришел конец.



Пауло и Вера на развалинах Мачу-Пикчу в Перу

Жизнь в Боливии была очень дешевой, и они взяли напрокат машину, останавливались в дорогих отелях, обедали и ужинали в роскошных ресторанах. Чуть ли не через день Вера, весьма заботившаяся о своей внешности, ходила к парикмахеру, а Пауло тем временем бродил по крутым улочкам Ла-Паса. Именно здесь они испробовали новый для себя наркотик, практически неведомый в Бразилии. Мескалин в разных странах именовали по-разному — пейот, пейотль или мескаль, — но все эти названия

обозначали все тот же галлюциногенный чай, получаемый в результате перегонки порубленного и высушенного кактуса. Восхищенные спокойным и тонким действием напитка, Пауло и Вера погружались в мир нескончаемых зрительных галлюцинаций и переживали удивительные моменты смешения восприятий — синестезии, когда цвета воспринимаются обонянием, а вкус — слухом.

Они провели в Ла-Пасе пять дней, наслаждаясь этим чаем, — ходили на «пеньяс», где в дружеских компаниях исполнялась народная музыка, посещали «диабладас» — театрализованные представления, где актер исполнял роль Супайи, существа, которое в мифологии инков аналогично Сатане у христиан. Затем путешественники отправились на поезде к озеру Титикака и на кораблике пересекли это самое высокогорное в мире судоходное озеро. После этого поездом двинулись в Куско и Мачу-Пикчу, а оттуда вылетели на самолете в Лиму.

В столице Перу они взяли напрокат машину и через Арекипу, Антофагасту и Арику поехали в Сантьяго-де-Чили. Предварительный план заключался в том, чтобы на этом отрезке пути никуда не торопиться, но гостиницы были скромны до полного убожества, так что Пауло и Вера решили побыстрее двигаться дальше. Столица Чили не приглянулась ни ей, ни ему — «город, похожий на любой другой», записал Пауло, — но именно здесь им довелось посмотреть «Z», запрещенный в Бразилии фильм греко-французского режиссера Коста-Гавраса, разоблачающий хунту «черных полковников» в Греции. Почти всегда под кайфом от мескалина, они к исходу третьей недели путешествия по пути в Буэнос-Айрес очутились в аргентинском городе Мендоса. Пауло сгорал от ревности, когда мужчины оказывали знаки внимания Вере, — особенно если она принималась говорить с ними на английском, которым он пока еще не овладел. Если в Ла-Пасе его буквально заворожил снег, то в Буэнос-Айресе столь же ошеломительный эффект произвело первое в жизни посещение метро. Привыкнув в дороге к дешевизне жизни, в аргентинской столице они решили поужинать в «Микеланжело» — ресторане, известном как «храм танго», где им удалось послушать классика жанра — певца Роберто «Поляка» Гойенече. Когда же принесли счет на двадцать долларов (по курсу 2008 года — около ста двадцати), Пауло чуть не упал со стула, сообразив наконец, что они попали в один из самых дорогих ресторанов города.

Астма, не тревожившая Пауло на высокогорье Анд, настигла его в Буэнос-Айресе, на уровне моря. С температурой тридцать девять градусов, с большим трудом одолевая приступы удушья,

он три дня пролежал пластом и восстановил силы только первого июня в Монтевидео — накануне возвращения в Бразилию. По его настоянию, они не полетели самолетом авиакомпании «Ллойд Аэрео Боливиано». Такую перемену вызвало вовсе не суеверие и даже не то обстоятельство, что им пришлось бы опять лететь домой через Ла-Пас. Все решил бронзовый памятник пилоту гражданской авиации, который Пауло увидел в аэропорту Ла-Паса. Его воздвигли в честь «героических летчиков авиакомпании „Ллойд Аэрео Боливиано“, погибших при исполнении служебного долга»:

— Только полоумный может летать авиакомпанией, которая почитает героями летчиков, разбившихся вместе со своими самолетами! А вдруг наш пилот тоже мечтает, чтобы его память увековечили?

В конце концов в Рио-де-Жанейро они улетели самолетом «Эр Франс». Домой они прибыли 3 июня, как раз к началу телетрансляции первой игры бразильских футболистов на чемпионате мира 1970 года. Бразильская сборная разгромила тогда команду Чехословакии со счетом 4:1.

Между тем мечта стать писателем не уходила. Ни один его текст пока не занял призового места на тех конкурсах, куда он их посылал. «Со стесненным сердцем услышал я новость в „Репортере Эссо“, — плачется он в дневнике — Я проиграл еще один литературный конкурс. Не был даже отмечен жюри». Чтобы не отчаяться вконец, он продолжает набрасывать темы будущих произведении: «летающие тарелки», «Иисус», «снежный человек», «духи, воплощенные в трупах» и «телепатия». Только с каждым днем срок получения заветной премии отодвигался все дальше, о чем говорится, к примеру, в таких строках:

> Мой добрый Иосиф, святой мой покровитель. Ты свидетель всего, что я попробовал предпринять в этом году. Я проиграл все конкурсы. Вчера, узнав омоем поражении на конкурсе детских пьес, Вера сказала: когда удача улыбнется мне, я получу все и сразу. Неужели? Тогда и расскажу.

24 августа Пауло исполнилось 23 года, и Вера подарила ему микроскоп последней модели и была счастлива, когда спустя несколько часов после вручения подарка увидела, что Пауло все так же сидит над окуляром, внимательно изучая предметные стекла и записывая что-то в тетрадку. С любопытством она принялась читать, что же он там написал:

> 23 года назад, в этот, самый день я родился. Я уже

прошел ту стадию развития, которую можно увидеть под микроскопом. Вот он я — бешено стремящийся к жизни, величина бесконечно малая, однако наделенная всеми наследственными признаками тех, кто остался позади. Уже запрограммированы мои руки, ноги, мозг. Из сперматозоида я эволюционирую, клетки пройдут стадии деления, И вот я — здесь. Двадцатитрехлетний.

Она поняла, что Пауло капнул на предметное стекло своего семени и рассматривает под микроскопом собственные сперматозоиды. Отчет продолжался:

> Там движется, возможно, будущий инженер. Умирает тот, что должен был стать врачом. Ученый, способный спасти Землю, тоже гибнет, а я взираю на это бесстрастно сквозь линзы своего микроскопа. В поле зрения мои сперматозоиды перемещаются, бешено стремясь обнаружить яйцеклетку: ими движет неистовый порыв, страстное желание вопреки всему существовать вечно.

Вера, с которой так приятно было делить досуг и развлечения, становилась непреклонной, когда Пауло следовало возвращаться в реальность. Поняв, что, отпущенный на волю, он так никогда не закончит колледж PI не получит аттестат, она буквально силой заставила его подготовиться к вступительным экзаменам в университет. Ее старания дали потрясающие результаты. В конце года возлюбленный смог поступить на три факультета сразу: юридический — в институте «Кандиду Мендес»; режиссерский — в Национальной школе театра, и связи — в Папском католическом университете (ПКУ) в Рио. Конечно, такой прорыв не стоит приписывать усилиям одной только Веры. И то, что Пауло закончил школу, не имевшую традиций качественного отбора и оценки, и то, что он успешно сдал вступительные экзамены сразу в три высших учебных заведения, — все это отвечало и его собственным литературным амбициям. Четырьмя годами раньше Пауло начал систематически читать и одолел более трехсот книг, по семьдесят пять в год — число поистине астрономическое, особенно если учесть, что каждый бразилец в то время прочитывал в среднем по одной книге ежегодно. Пауло же читал запоем и все подряд: от Сервантеса до Кафки, от Жоржи Амаду до Скотта Фицджеральда, от Эсхила до Олдоса Хаксли. Он читал советских диссидентов — таких, как Александр Солженицын, — и откровенно легковесных бразильских юмористов вроде Станислава Понте Преты. Он читал, писал

небольшой комментарий к каждому произведению и, подражая литературным критикам, столь жестоко его мучившим, расставлял всех на свой вкус по ранжиру дарования. Получить четыре звездочки — самую высокую оценку — было под силу немногим: Генри Миллеру, например, Борхесу или Хемингуэю. С необычайной легкостью Пауло мог сложить в один мешок столь разные книги, как «Американская мечта» Нормана Мейлера, «Революция в революции» Режи Дебре и два бразильских классических произведения — «Сертаны» Эуклидеса да Кунья и «Экономическую историю Бразилии» Кайо Прадо Жуниора.

В этой сложной мешанине сюжетов, эпох и авторов один жанр мало-помалу начинает пробуждать его живой интерес — книги об оккультизме, колдовстве и сатанизме. С тех пор как на глаза ему попалась «Секретная алхимия людей», написанная испанским колдуном Хосе Рамоном Молинеро, он начинает поглощать все, что относится к миру, непроницаемому для человеческих органов чувств. Закончив чтение «Утра магов» — мирового бестселлера, написанного бельгийцем Луи Повелем и французом украинского происхождения Жаком Бержье, — он тут же ощутил себя членом этого нового племени. «Я — маг, который готов пробудиться!» — записывает он в дневник. К концу 1970 года его коллекция по этой теме насчитывает уже около полусотни книг. Тогда же он прочел, откомментировал и пометил звездочками все шесть работ немецкого писателя Германа Гессе, опубликованные в Бразилии (включая, естественно, «Игру в бисер», удостоенную Нобелевской премии по литературе в 1946 году), а также бестселлеры швейцарца Эриха фон Деникена («Колесницы богов» и «Назад к звездам»). В список вошли как серьезные классические произведения: «Фауст» Гёте, получивший всего три звездочки, — так и макулатура, вроде книги «Черная Мария и Белая Мария» некоего В. С. Фолдежа, не заслужившая даже одной.

Интересно, что один из наиболее уважаемых авторов этой «новой волны» мистицизма не только писал об оккультизме, но и собственную жизнь окружил завесой тайны. Его звали Карлос Кастанеда. Он родился в Перу в 1925 году (по другим данным — в Бразилии в 1935-м), получил в Калифорнийском университете Лос-Анджелеса (UCLA) диплом антрополога. При подготовке к защите докторской диссертации он решил перенести на страницы автобиографических книг результаты своих полевых исследований по использованию естественных наркотиков — таких, как пейот, грибы и эстрамон (называемый еще «травой дьявола»), — в туземных ритуалах, бытующих в Мексике. Мировой успех Кастанеды, попавшего на обложку журнала «Тайм», погнал его в пустыню Сонора, на границу штатов

Калифорния и Аризона с Мексикой — то есть в места, описанные в его книгах, — куда направлялись также орды хиппи со всех краев света в поисках новой «земли обетованной».

Для тех, кто, подобно Пауло, не верил в случайные совпадения, известие о намерении матери преподнести ему в подарок путешествие (не куда-нибудь, а в США!), несомненно, тоже стало бы неким знаком. Бабушка Лилиза отправлялась в Вашингтон навестить дочь Лусию, жившую там с мужем-дипломатом Сержинью Вегелином, а Пауло следовало сопроводить старушку до североамериканской столицы. Если потом захочет, он сможет поехать еще куда-нибудь, один или с кузеном Сержинью, который был на несколько лет младше. Помимо шанса ближе познакомиться с шаманским регионом Кастанеды, поездка пришлась очень кстати еще и потому, что их отношения с Верой, похоже, клонились к закату. «Не жизнь, а сплошные проблемы, — в начале 1971 года исповедуется Пауло своему дневнику. — Нас больше не связывает секс, она доводит до исступления меня, я — ее. Я ее больше не люблю. Это просто привычка». Их отношения «износились», перчили себя и вышли на тот рубеж, за которым люди больше не могут жить вместе. Вера вернулась в квартиру на Леблоне, а Пауло сменил Санта-Терезу на свое прежнее обиталище, которое занимал в доме деда и бабушки до переезда в Копакабану. В дневнике, однако, он объявлял что уже «наполовину женат» на новой избраннице молодой актрисе Кристине Скардини, с которой свел знакомство в театральной школе. В нее, как Пауло божился он был влюблен без памяти. Это была ложь, хотя и похожая на правду: за полтора месяца разлуки девушка получит — ни много ни мало — сорок четыре письма из Соединенных Штатов.

Для друзей Пауло родители устроили праздничный прощальный ужин — и вот, в первых числах мая, он с бабушкой и дедом вылетел рейсом авиакомпании «Вар» в Нью-Йорк где им предстояла пересадка на вашингтонский рейс. Двигаясь по переходам аэропорта Кеннеди, Пауло с бабушкой Лилизой подивились тому, с какой неожиданной настойчивостью требовал мастер Тука лететь в столицу США одиннадцатичасовым рейсом, а регистрация на него, как сообщал громкоговоритель, заканчивалась Лилиза с внуком пытались разубедить деда, говоря, что нет никакой надобности так торопиться, не успеют на этот самолет — через полчаса полетят следующим. Упрямый старик ничего не желал слушать. Пришлось бежать бегом, и едва лишь они успели войти в самолет, как убрали трап. Дед успокоился только увидев, что все на местах, а ремни пристегнуты. Уже сидя в дядином доме вечером у телевизора,

Пауло увидел выпуск новостей и понял, что мастера Туку в аэропорту торопила рука Провидения. Вскоре после взлета на борту двухмоторного «Конуэя» авиакомпании «Аллегени Эйрлайнз» (ставшей потом «Ю-эс Эйруэйз»), который вылетел на полчаса позже, возникли технические неполадки. При попытке совершить вынужденную посадку близ Нью-Хейвена в семидесяти километрах от Нью-Йорка самолет упал и разбился. Авиакатастрофа унесла жизни тридцати человек — пассажиров и членов экипажа.

Остановившись в доме дяди-дипломата в городке Бетесда, штат Мэриленд, что в получасе езды от Вашингтона, Пауло вместо путевого журнала решил отмечать происходящее в письмах Кристине. Его потрясало буквально все. Он мог подолгу простаивать, разинув рот, у автоматов по продаже марок, газет и прохладительных напитков или часами прогуливаться по секциям супермаркетов, ничего не покупая и лишь восторгаясь сказочным изобилием товаров. Уже в первом письме он жалел, что не захватил с собой из Бразилии «мешок с мелочью»: здесь он сделал открытие, что любой автомат охотно принимает вместо двадцатипятицентовика бразильскую монетку в двадцать сентаво. И это при том, что бразильские деньги стоили в пять раз меньше американских! «Я бы здорово преуспел тут, возьми с собой побольше мелочи, — признавался он, — потому что как раз нашими четвертачками расплачиваюсь за отсылку каждого письма в Бразилию, покупая в автомате почтовые марки, или отдаю в обмен на возможность посмотреть всякую похабень в бесчисленных порнолавках, что здесь на каждом углу». Все было в новинку, и все его волновало: от эскалаторов в супермаркетах до шедевров Национальной галереи, где Пауло разрыдался, прикоснувшись к картине «Смерть и скупой» кисти голландского мастера Иеронима Босха, хоть и знал, что нарушение заповеди «Руками не трогать» почитается в любом серьезном музее за смертный грех. Впрочем, до полотна, написанного Босхом в 1485 году, он не дотрагивался, но некоторые другие раритеты потрогать все же сумел. Замирая перед ними на несколько минут, он озирался и, убедившись наверняка, что его не видят служители, без особых церемоний совершал святотатство, прикладывая все десять пальцев к картине. «Я прикоснулся к Ван Гогу и Гогену, приложился к Дега и ощутил, как что-то во мне стало расти, понимаешь? — признавался он любимой девушке — я расту здесь. Я многое познаю».

Однако, похоже, самое большое впечатление в американской столице на него произвели экскурсии в военный музей и ФБР. Первый — заполненный экспонатами, посвященными участию

Соединенных Штатов в обеих мировых войнах, — показался ему тем местом, «куда дети идут, чтобы научиться сильнее ненавидеть врагов США». И не только дети, судя по его реакции. Обойдя все залы музея, осмотрев самолеты, ракеты, посмотрев фильм, прославляющий американскую военную мощь, Пауло вышел, «захлебываясь от ненависти к русским, одержимый желанием убивать и убивать, упиваясь этим желанием». На экскурсии по ФБР он в сопровождении федерального агента побывал в Музее гангстеров, увидел подлинные одежду и оружие знаменитых бандитов: Диллинджера, «Мордашки» Нелсона, Келли-«Автомата» и других, — а также подлинные послания, написанные жертвами громких похищений. В углу одного зала он заметил мигающую лампочку. Под ней висела табличка: «Каждый раз, когда загорается свет, в США совершается одно преступление категории А (убийство, похищение или изнасилование)». Свет при этом вспыхивал каждые три секунды. В тире агент похвастал, что у них в ФБР стреляют только на поражение. Вечером в письме, испещренном восклицательными знаками, он подытожил впечатления дня:

> Эти ребята бьют без промаха! Из пистолета ли, из автомата — стреляют строго в голову! Бьют и не мажут! А дети! Детишки, боже мой, смотрят на все это! Школьники классами приходят в тир ФБР, чтобы увидеть, как те защищают родину! Какой тяжелый труд, любовь моя! Агент рассказал мне, что требования к поступающему на работу в ФБР таковы: рост — не ниже 180 см, хорошая меткость и согласие на полную проверку всех данных кандидата. И более ничего. Никакой тебе проверки интеллекта, только — меткость. Я сейчас в самой передовой стране мира, в государстве полного комфорта и совершенного общественного устройства. Так отчего же здесь происходит столько преступлений?

Трепетно относясь к тому, каким он желал бы выглядеть в глазах других людей, Пауло в конце почти каждого письма просит Кристину никому их не показывать. Она может, конечно, рассказывать, о чем они, но показывать — нет. «Они очень личные, а я пишу, как Бог на душу положит, — объяснял он. — Пересказывай содержание, пожалуйста, но читать не давай». После недельного марафона сменяющих друг друга экскурсий по Вашингтону он купил билет на поезд до Нью-Йорка, чтобы там решить, куда ехать дальше. Пауло удобно расположился в красно-синем вагоне второго класса компании «Амтрак». Но едва поезд

тронулся, его охватил леденящий ужас: до него дошло, что стоявшие вдоль железнодорожной линии бетонные пакгаузы, на стенах которых намалеваны желтой краской английские слова «Fallout Shelter», — не что иное, как ядерные бомбоубежища. Именно сюда в случае атомной войны поспешат люди… Поток тревожных мыслей прервался — кто-то похлопал Пауло по плечу. Поезд уже подходил к первой станции в городе Элизабет, штат Нью-Джерси. К нему обращался контролер в синей форме, с желтой кожаной сумкой на поясе:

— Hi, guy, can you show me your ticket?[27]

Перепугавшись и не понимая, что надо всего лишь предъявить билет, Пауло ответил по-португальски.

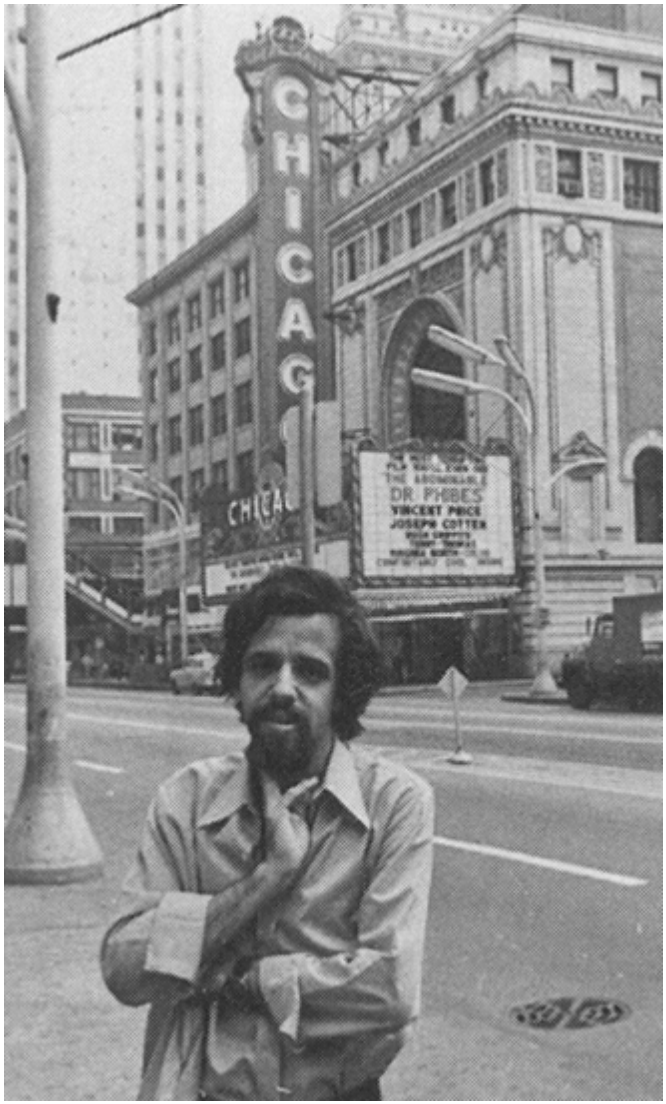
Но служащий спешил и, похоже, был не в настроении:

— Don’t you understand? I asked for your ticket! Without a ticket nobody travels in my train[28].

Только теперь Пауло в отчаянии понял, что все усилия Веры сделать из него безупречного знатока английской речи пошли прахом. Одно дело — читать тексты на английском когда ты всегда можешь спросить жену или залезть в словарь, и совсем другое — говорить самому и понимать, что тебе говорят другие. Жестокая правда заключалась в том, что он оказался в Соединенных Штатах один, а по-английски не мог произнести ни слова. Даже самого простого.

«Беспечный ездок» Пауло Коэльо в Соединенных Штатах

HAZARDOUS THERMAL AREA
Boiling Water — Unstable Ground
For Your Protection
STAY ON DESIGNATED TRAILS


CHICAG
CHICAG
DR PHIBES
VINCENT PRICE
JOSEPH COTTER

12
«Пауло, да у тебя эта штука — квадратная!»

Первое впечатление от Нью-Йорка было кошмарным. В отличие от той чистоты и тех ярких красок, к которым он привык по фильмам и книгам, Нью-Йорк, появившийся за окнами вагона, едва состав вылетел из Бруклинского тоннеля и покатил по острову Манхэттен, показался ему наводненным нищими уродливыми оборванцами угрожающего вида. Но не это обескуражило Пауло. Он намеревался пробыть в городе несколько дней, а затем достичь цели, ради которой и затевалась, собственно говоря, эта поездка: побывать в Большом каньоне, в Аризоне и в магических пустынях Мексики, столь впечатляюще воспетых в грудах его гуру Кастанеды. Первые навыки выживания в «каменных джунглях» преподал ему в поезде один пассажир, испанец по происхождению — это он помог будущему писателю в трудную минуту объясниться с контролером. У Пауло было с собой всего триста долларов (около полутора тысяч нынешних или две тысячи семьсот реалов по курсу 2008 года), и он собирался за два месяца «пересечь Соединенные Штаты из конца в конец», поэтому для начала следовало поменять вид транспорта: пересесть с поезда на автобус фирмы «Грейхаунд». Автобусы эти ему доводилось часто видеть в кино: они колесили по дорогам через пустыни. Каждую машину украшал рисунок элегантной борзой. Приобретя за девяносто девять долларов билет, пассажир имел право на поездку в течение сорока пяти суток в любую точку, куда ведет линия фирмы «Грейхаунд», — то есть мог объехать более двух тысяч городов, разбросанных по США, Мексике и Канаде. А если Пауло собирался эти два месяца провести в движении, оставшихся денег ему могло хватить лишь на то, чтобы останавливаться в общежитиях Христианской ассоциации молодых людей (ИМКА), где ночлег вместе с завтраком и ужином обходился в шесть долларов.

Уже двух дней в Нью-Йорке было достаточно, чтобы разочарование Пауло рассеялось. Для начала его порадовали общежития ИМКА: комнаты — хоть и небольшие, вдвое меньше его жилища у деда, и без туалета, телевизора или кондиционера — были отдельными и сияли чистотой, причем постельное белье меняли ежедневно. Обслуга оказалась внимательной, а на стойке кафетерия, вдоль которого он двигался с подносом, выставлены

были если и не деликатесы, то во всяком случае хорошо приготовленная и вкусная пища. Не смущал Пауло и один душ с туалетом на весь коридор. Он понял, что способен жить в гостинице сколько угодно. Серьезной проблемой, однако, оставался языковой барьер. Адские муки повторялись ежедневно — всякий раз, когда приходилось выбирать блюда в столовой. Когда стоишь с подносом в руке, нервничая, ибо сзади напирает очередь нетерпеливой и проголодавшейся молодежи, нелегко быстро и правильно выговорить названия блюд. Больших трудов стоило уразуметь, что в Америке многие слова произносятся иначе, и сначала его отказывались понимать вовсе. Выход нашелся, когда Пауло уразумел, что вкуснейшая фасоль, которой потчуют в столовых ИМКА, называется «порото».

Это слово произносилось без особых запинок и проблема была решена: пока не овладеет языком в совершенстве он будет есть только фасоль. Дело пошло на лад.

За считанные дни, благодаря не только приятному обхождению в общежитии, но и духу терпимости и свободе нравов, что царили в Нью-Йорке, Пауло освоился. И очень скоро обнаружил, что здесь вполне доступны и секс, и марихуана или гашиш, главным образом — в окрестностях Вашингтон-сквер, площади, где целыми днями слонялись, сидели, лежали, бренча на гитарах и наслаждаясь первыми весенними лучами солнца, кучки хиппи со всех концов света. Однажды вечером он пришел в столовую общежития за пять минут до закрытия. В зале было пусто; Пауло взял поднос и уселся напротив девушки лет двадцати, худенькой, белокожей, с длинными руками, одетой, можно сказать, в официальный костюм всех хиппи — разноцветный индейский хлопчатобумажный балахон до пят. Ее веснушчатое лицо осветилось улыбкой, и Пауло, убедивший себя, что для галантного разговора его английского хватит, произнес:

— Excuse me?

Девушка не поняла:

— What?

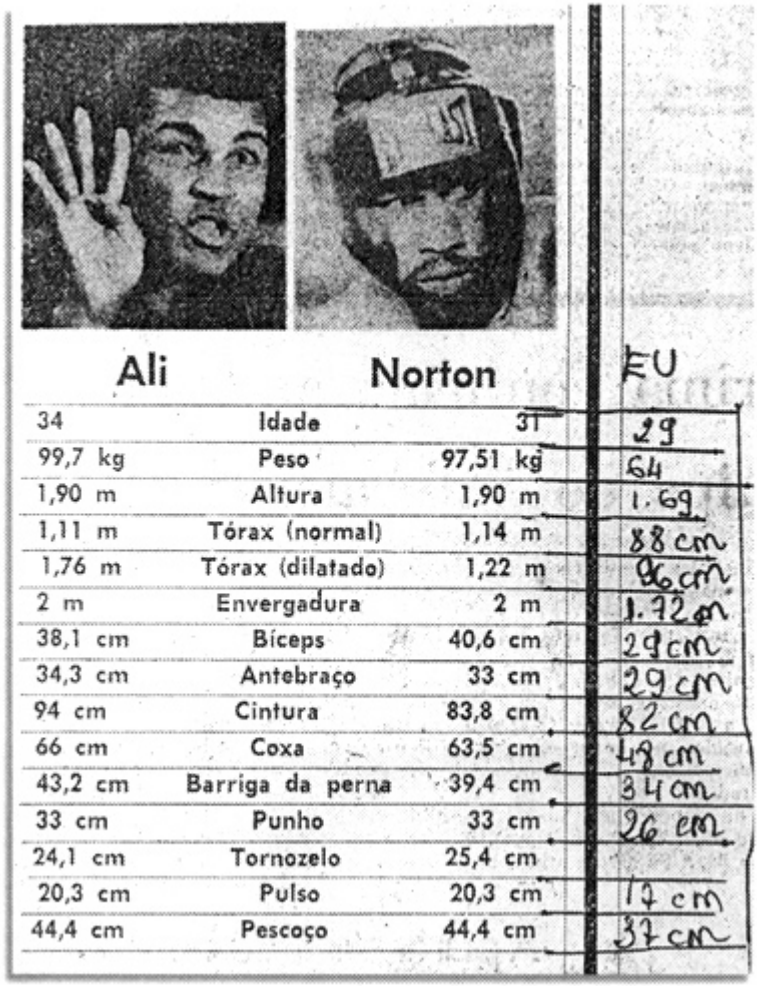
Сообразив, что он не в состоянии правильно произнести даже банальное «простите», Пауло расслабился и засмеялся над собой. Раскованность облегчила знакомство, и уже в одиннадцать ночи бразилец и Джанет — так звали девушку — отправились бродить по городским улицам. Чем настойчивее допытывался Пауло, чем занимается его новая подруга, тем меньше понимал смысл ее ответов. Что такое «бэлей»? Именно так назывался курс, который она изучает в университете. Что значит изучать «бэлей»? Джанет отошла в сторонку и вдруг, раскинув руки, взмыла вверх и в воздухе повернулась вокруг своей оси — то есть исполнила

пируэт. Подскочила на кончиках пальцев еще два-три раза под любопытными взглядами прохожих и грациозно склонилась перед ним в реверансе. Так вот оно что! «Бэлей» — это балет, а она — балерина! Под утро, возвращаясь в общежитие, где парни и девушки спали в раздельных корпусах, парочка остановилась попрощаться в укромном уголке на Мэдисон-сквер-гарден. Объятия сменились поцелуями, в какой-то момент рука Джанет скользнула ниже пояса Пауло… Однако вскоре девушка перестала поглаживать штаны своего нового друга и зашептала ему в ухо — очень четко, чтобы ему было понятнее:

— У меня уже были парни раньше, но такого я еще не видала… Вот это да! Ты первый, у кого квадратный член.

Пауло, задыхаясь от смеха, принялся объяснять, что дело не в особенностях его анатомии, просто, чтобы не оставлять документы в шкафу ИМКА, он положил деньги и обратный билет в паспорт с твердой корочкой и хранил все это в самом, как ему казалось, надежном месте — в трусах. И вот так, ведя его за руку, балерина Джанет — с нею теперь он будет регулярно заниматься любовью в укромных уголках парков и садов — открыла ему новый, безумный и притягательный мир Нью-Йорка начала — и не только — семидесятых. Пауло вливался в манифестации и марши протеста против войны во Вьетнаме, бывал на концертах классической музыки в Центральном парке, а однажды потрясенно замер, когда, спускаясь по лестницам к стадиону, вдруг увидел феерически подсвеченную Пенсильвания-стейшн. «Этот железнодорожный вокзал будет побольше нашего Центрального вокзала в Рио, — рассказывал он в письме возлюбленной, — только он полностью под землей». Пауло разволновался при входе в Мэдисон-сквер-гарден, «где три месяца назад Джо Фрэзер победил Кассиуса Клея». Страсть к боксеру, взявшему имя Мухаммед Али, была столь сильна, что Пауло не только бывал на всех поединках с его участием, но и приобрел привычку сравнивать свои скромные физические параметры с мускулатурой американского гиганта. Хотя дата возвращения была еще не определена, времени, казалось, не хватит, чтобы воспользоваться всем, чем Нью-Йорк мог одарить парня из бедной страны, к тому же задавленной диктатурой.

Пауло и Джанет, спросившая его: «У тебя квадратный член?»



Ali		Norton	EU
34	Idade	31	29
99,7 kg	Peso	97,51 kg	64
1,90 m	Altura	1,90 m	1.69
1,11 m	Tórax (normal)	1,14 m	88 cm
1,76 m	Tórax (dilatado)	1,22 m	96 cm
2 m	Envergadura	2 m	1.72 m
38,1 cm	Bíceps	40,6 cm	29 cm
34,3 cm	Antebraço	33 cm	29 cm
94 cm	Cintura	83,8 cm	82 cm
66 cm	Coxa	63,5 cm	48 cm
43,2 cm	Barriga da perna	39,4 cm	34 cm
33 cm	Punho	33 cm	26 cm
24,1 cm	Tornozelo	25,4 cm	
20,3 cm	Pulso	20,3 cm	17 cm
44,4 cm	Pescoço	44,4 cm	37 cm

Пауло сопоставляет свои физические параметры с боксерами-тяжеловесами Мухаммедом Али и Кеном Нортоном

Когда выдавалось немного свободного времени, Пауло пытался в письмах вкратце обрисовать водоворот событий, что увлек его:

> Есть районы, где всё — книги, газеты, вывески, реклама — по-китайски, в других — по-испански или по-итальянски. В моем, отеле кого только не встретишь: мужчины в тюрбанах, активисты «Черных пантер», индианки в длинных одеждах. Здесь, внутри, может произойти что угодно. Вчера вечером, выйдя из комнаты, я наблюдал яростную драку двух стариков лет шестидесяти и даже попытался их разнять! Надо было

видеть, как они лупили друг друга! Я еще не успел рассказать тебе о Гарлеме, негритянском районе, скажу только, что это захватывает, ошарашивает. Что такое Нью-Йорк? Полагаю, что Нью-Йорк — это проститутки, стоящие на тротуаре в полдень в Центральном парке, это здание, где снимали «Ребенка Розмари», это место, где проходили съемки мюзикла «Вестсайдская история».

Перед тем как запечатать конверт он исписывал поля нежнейшими и умилительными признаниями в любви («обожаемая, любимая, восхитительная женщина» или «позвоню тебе, даже если целый день придется голодать, — лишь бы хоть минуту слышать твой голос»), а также враньем вроде следующего: «Будь спокойна: с моей стороны никаких измен», — или: «Можешь полностью положиться на меня». Проведя две недели в самом крупном американском городе, Пауло убедился, что имеются по крайней мере два препятствия на пути к осуществлению его мечты: ни скудных денежных ресурсов никак не могло хватить на то, чтобы в одиночку объехать за два месяца Соединенные Штаты. Вопрос с деньгами еще можно было решить, воспользовавшись, например, подсказкой Джанет: брать билеты «Грейхаунда» только на ночные рейсы продолжительностью больше шести часов, когда в автобусе можно выспаться. А вот проблема с языком казалась неразрешимой. Его школьный лексикон годился лишь на объяснения касательно сна и пищи, но Пауло понимал, что поездка утратит всю прелесть, если он не в силах будет понять, о чем с ним говорят. Выбирая между возвращением в Бразилию и просьбой о помощи, он ухватился за самый удобный вариант: позвонил за счет абонента дяде в Вашингтон и пригласил кузена Сержинью, свободно владевшего английским, совершить путешествие вместе. Спустя несколько дней двое ребят с рюкзаками, пользуясь автобусами «Грейхаунд» как гостиницами на колесах, выехали в Чикаго — первый пункт на долгом пути в Большой каньон, сердце Аризоны. Чикаго отстоял от Манхэттена на четыре тысячи миль, и разделяли их два часовых пояса.

Единственные свидетельства того периода — его письма Кристине. В них только настораживает отсутствие какого бы то ни было упоминания о товарище, благодаря которому, в сущности, путешествие стало возможным. Это вовсе не ошибка: Пауло не только замалчивал присутствие Сержиньо, он еще и настаивал в письме к возлюбленной, что странствует один. «Наверное, я оставил фотоаппарат бабушке в суете переездов, — писал он, — а раз еду один и не могу ни сфотографировать себя сам, ни тратить пленку на пейзажи, лучше куплю открытку».

Пытаясь придать поездке характер приключения, требующего мужества, и красуясь перед девушкой, он создает и поддерживает впечатление, будто свой долгий путь преодолевает в одиночку. Какой бы ни была причина умолчания, из писем двоюродный брат загадочно исчез.

Ведя строгий учет деньгам, Пауло следит за расходами, записывая на клочке бумаги цены в долларах США и бразильской валюте: пачка сигарет — шестьдесят центов (три крузейро), гамбургер — восемьдесят центов, билет в метро — тридцать центов, билет в кино — два доллара. Всякий раз, когда они опаздывали на ночной рейс «Грейхаунда», в кошельке появлялась дыра в семь долларов — суточная стоимость самого дешевого придорожного мотеля. Купание в волнах цивилизации и варварства, пережитое в Нью-Йорке, так шокировало Пауло — «снесло башню», по его собственному выражению, — что он с трудом привыкает к «одноэтажным» штатам Среднего Запада. «После Нью-Йорка и писать-то нечего, — плачется он, покрывая каракулями письмо к Кристине, сочинявшееся в автобусе. — Я пишу лишь потому, что дико скучаю по своей жене». Прочие города и веси, через которые пролегал их путь, заслужили всего нескольких строк. Чикаго оставил впечатление «самого холодного» города из всех, куда их заносило. «Люди — сплошь невротики, полные бесконтрольной агрессии. Это город серьезного труда».

Проведя в пути пять дней, Пауло наконец углядел сквозь запыленное окно автобуса дорожный указатель: «До Шайенна — 100 миль». Глаза его радостно заблестели. Расположенный в штате Вайоминг на границе с Колорадо центр американского Запада показался старым знакомым. Пауло прочел столько книг и журналов, посмотрел так много вестернов, чье действие разворачивалось в Шайенне, что, казалось, наизусть знал названия улиц, отелей и салунов, где происходили приключения ковбоев и краснокожих. Он вообще не предполагал, что такой город существует. В его представлении Шайенн был индейской выдумкой, которой воспользовались авторы книг, фильмов и комиксов о Диком Западе, читанных и виденных в детстве и отрочестве. Хотя трудно было ожидать чего-то иного, Пауло крайне разочаровало, что если и остались еще в этом городе ковбои — в сапогах на деревянной подошве, десятигаллонных шляпах, с бычьими мордами на пряжках и револьверами, — то теперь они ездят в «Кадиллаках» с откидным верхом. Единственное, что осталось от того городка из классического вестерна Джона Форда «Осень шайеннов», — это были дилижансы, принадлежащие местной общине амишей —

старообрядческой христианской секте, обитавшей в Канаде и Соединенных Штатах: пользоваться другим транспортом им было запрещено законом.

Прямая дорога к Большому каньону пролегала под уклон на юго-запад и была длиной около тысячи километров. Затем следовало пересечь Колорадо и часть Нью-Мексико — там и начиналась Аризона. Но обоим путешественникам хотелось познакомиться с Йеллоустоунским национальным парком и при этом до последнего цента использовать автобусный билет. Поэтому они двинулись в другую сторону, на север. Узнав, что ближайшая станция «Грейхаунда» на пути в парк — город Айдахо-Фоллз в трехстах километрах от Йеллоустоуна, Пауло совершил два необдуманных поступка. Во-первых, он истратил триста долларов на прокат автомобиля. А поскольку так и не смог получить после наезда в Араруаме права, обманул сотрудницу прокатной фирмы — предъявил членский билет профсоюза актеров Рио-де-Жанейро, выдав его за бразильский документ на право вождения. Хорошо зная, что рискует загреметь в тюрьму, если его остановит дорожная полиция, Пауло весь день водил машину меж глетчеров и гейзеров парка, среди струй кипятка и серы, и дорогу перед его носом переходили медведи и олени. Вечером путешественники сдали машину и тут же занялись поисками автобуса, где можно было бы укрыться от холода. Хотя в разгаре было лето, а они уже испытали, что такое тридцативосьмиградусная жара, холод в тех местах, в двух часах езды до канадской границы, был невыносим, и автомобильная печка их не согревала. У них не было подходящей одежды для таких низких температур, поэтому на автовокзале столицы Айдахо Бойсе они подбежали к окошечку «Грейхаунда» узнать, когда уходит ближайший ночной рейс. Куда? Куда угодно, где не так холодно. Единственным удобным рейсом в тот час оказался автобус на Сан-Франциско, Калифорния. Именно туда они и отправились.

Среди ночи, когда автобус пересекал пустыню Невада, Пауло написал Кристине — похвастал, что ему удалось обмануть служащую прокатной фирмы фальшивым документом, но пожалел, что непредвиденные расходы на аренду автомобиля «подорвали бюджет». А еще он понял, отчего автобус провонял виски: «Все здесь путешествуют с бутылкой в кармане. В Соединенных Штатах пьют много». Письмо на середине прерывалось, но несколько часов спустя Пауло продолжил:

> Я еду прямо в Сан-Франциско, но сделал открытие: в Неваде законом разрешены азартные игры, поэтому я

провел там всю ночь. Хотел поиграть и посмотреть, как играют. Не завел ни одного друга в казино — все были слишком заняты игрой. В конце концов, я спустил пять долларов «однорукому бандиту» — это такие игральные автоматы, где надо дергать рычаг, знаешь? Рядом сидел ковбой в сапогах, шляпе и с шатком на шее, как в кино. Впрочем, в автобусе тоже полно ковбоев. Я на Диком Западе, еду в Сан-Франциско, куда должен прибыть в одиннадцать ночи. И через семь часов закончу свой путь через американский континент, а это мало кто проделывал.

Прибыв в Сан-Франциско после двадцати двух дней пути, обессиленные братья зарегистрировались в общежитии ИМКА и весь день спали. Колыбель движения хиппи и демонстраций протеста 1968 года произвела на Пауло такое же впечатление, что и Нью-Йорк «Этот город раскованнее Нью-Йорка. Я зашел в кабаре высшего класса и увидел, как обнаженные женщины занимаются любовью с мужчинами прямо на сцене, на глазах богатых американцев, пришедших с женами, — возбужденно рассказывал он, сетуя, что не смог досмотреть. — Я быстренько заскочил и увидел лишь кусочек, но у меня не было денег, чтобы что-то заказать, и служащий сразу выставил меня вон». Он ужаснулся, увидев, как подростки покупают и потребляют таблетки ЛСД средь бела дня, но и сам прикупил гашиша на Хейт-Эшбери — и закурил прямо на улице, и никто его не остановил. Пауло довелось участвовать в демонстрациях против войны во Вьетнаме, а еще однажды он увидел, как мирное шествие буддистских монахов разгоняет банда молодчиков с кастетами. «Воздух этого города насыщен безумием», — подытожил он в письме Кристине. Пять дней голова шла крутом от «андеграундного Диснейленда», в который давно уже превратился этот город, а на шестой братья снова сели в автобусе — теперь уже в сторону Большого каньона. Они вышли на полпути, в Лос-Анджелесе, но остановка пришлась на праздник 4 июля, День независимости США, — и все в городе было закрыто. Пробыли они там недолго. «Все вымерло, с трудом нашли местечко, где можно выпить кофе, — записывал Пауло. — Знаменитый Голливудский бульвар совсем опустел, на улицах — никого, но мы успели заметить, что все здесь — даже самый захудалый бар — такое шикарное!» Выяснилось, что стоимость жизни в Лос-Анджелесе несовместима с кошельком путешественников, и они даже не стали там ночевать. Пересели на другой автобус и уже через сутки подъезжали к городу

Флагстафф — воротам в Большой каньон.

Красота ущелья, по дну которого стремительно текут глинистые воды реки Колорадо, оказалась столь же потрясающа, сколь сумасшедшими были цены в отелях и ресторанах. К тому же нигде не нашлось общежития ИМКА, и братьям пришлось купить нейлоновую палатку — еще одна брешь в тощем кошельке — и провести первую ночь в лагере хиппи, где был гарантирован хотя бы бесплатный гашиш. Как только взошло солнце, они свернули палатку, положили в рюкзаки бутылки с водой, консервы и двинулись пешком к Большому каньону. Под палящим солнцем шли весь день. А когда, голодные и усталые, решили сделать привал, обнаружили, что находятся не только в самом широком месте — от одного края до другого было километров двадцать, — но и к тому же на самой глубине, — от них до русла реки было около двух километров. Поставили палатку, развели костер, чтобы подогреть еду, и провалились в сон — и лишь первые лучи солнца смогли их разбудить.

Когда Сержинью предложил спуститься к реке Колорадо, Пауло испугался. Рядом абсолютно никого не было, и он опасался, что они попали на заброшенный маршрут. Ведь случись что — им некого будет звать на помощь. Сержинью, однако, был полон решимости; он заявил, что если Пауло не хватает духу, он спустится один. Парень обвязался веревкой и начал спуск, не слушая громких протестов двоюродного брата:

— Сержинью, все дело не в спуске, а в дороге назад! Будет жарко, и лезть обратно — все равно что карабкаться по лестнице дома в пятьсот этажей! На солнцепеке!

Не сработало — брат даже головы не повернул. У Пауло не было иного выхода, как только самому схватить рюкзак и тоже поползти вниз в сотне метров позади. Мрачные предчувствия развеивало величие природы.

Большой Каньон напоминал открытую рану в пустыне красных песков протяженностью четыреста пятьдесят километров, в глубине которой змеилось нечто похожее на водную нить. На самом деле то была полноводная река Колорадо, что рождается в Скалистых горах в одноименном штате и несет свои воды более чем на две тысячи триста километров к Калифорнийскому заливу (море Кортеса) в Мексике. На пути она пересекает еще шесть американских штатов (Аризону, Калифорнию, Неваду, Юту Нью-Мексико и Вайоминг). Ощущения Пауло от этого чуда природы были неописуемы. Через пять часов спуска, выбившись из сил, он остановился и предложил кузену начинать подъем назад:

— Мы вчера плохо поужинали, толком не завтракали и до сих пор не обедали. Подними-ка глаза и посмотри, сколько нам еще

предстоит пройти.

Но тот оставался непреклонен:

— Тогда жди меня здесь, я спущусь к реке.

И двинулся дальше. Пауло устроился в теньке и выкупил сигарету. Сидя в абсолютной тишине, он наслаждался прелестью открывшейся картины. Глянув на часы, увидел, что уже полдень. Тогда он спустился на несколько метров, пытаясь разглядеть Сержинью, но не смог. Ни его, ни кого другого — на тропе не было ни следа живого существа ни туристов, ни местных жителей — безлюдье на много километров. Пауло понял, что если спуститься еще немного, можно выйти на скальную террасу, откуда должна открыться хорошая панорама. Да вот беда: даже оттуда оказалось невозможным углядеть брата. Тогда, сложив руки рупором, Пауло принялся звать его. Он кричал, замолкая на несколько секунд в ожидании ответа, вновь принимался звать кузена, но тщетно — ему откликалось лишь гулкое эхо, отдававшееся в красных каменных стенах. Должно быть, они все же выбрали заброшенную тропу. Чтобы совладать с паникой, Пауло несколько раз подпрыгнул на месте. Он чувствовал себя беззащитным и одиноким в этом далеком уголке земли, обернувшимся глухим безвыходным тупиком.

— Я умру здесь, — сказал он вслух и повторил: — Умру. Мне не удастся выжить. Мне не выйти отсюда. Придется умирать среди этой волшебной природы.

Пауло было известно, что в разгар лета температура в районе Большого каньона может доходить до пятидесяти градусов по Цельсию. Воды больше не было. Рассчитывать на то, что посреди пустыни кто-нибудь придет и нальет ему чашечку кофе, не приходилось. Пауло уже не понимал, где он, так все перепуталось в голове. Стал звать на помощь, но никто не появился, и до него долетало лишь эхо собственного голоса. Шел уже пятый час. Отчаявшись, он рванулся вниз, к реке, понимая, разумеется, что стремительный спуск обойдется ему потом тяжким подъемом. Солнце уже начало жечь лицо — как вдруг Пауло встретились следы цивилизации. Прямо в скалу был врезан железный щиток с красной кнопкой и уведомлением выпуклыми литерами: «Если вы заблудились, нажмите красную кнопку, и вас вывезут вертолетом или на мулах. Вам придется заплатить штраф 500 долларов». У Пауло оставалось всего восемьдесят и еще столько же — в кармане брата, но табличка вселяла надежду: значит, не они первые совершили глупость, двинувшись именно по этой дороге, и опасность умереть здесь не столь высока, как казалось. Пускай спасение обойдется им в несколько дней тюрьмы, где они посидят, пока родители не пришлют необходимой суммы. Но

сначала нужно найти Сержинью. Еще несколько десятков метров вниз, не выпуская из виду красной кнопки — единственного ориентира, — и за поворотом он выскочил на чудесную естественную террасу, где стояла подзорная труба со щелью для монет. Пауло бросил квортер и, когда окуляр открылся, стал обшаривать взглядом берега реки в поисках брата. Вон он где: похоже, заплутав, как и Пауло, Сержинью спал сладким сном, свернувшись в тени валуна. Лишь глубокой ночью они добрались до Флагстаффа, где два дня назад сошли с автобуса. Приползли, валясь с ног от усталости, обгоревшие на солнце, но целые и невредимые. После такого изматывающего дня перспектива провести ночь в лагере хиппи не приводила в восторг, и Пауло решился:

— Я считаю, что сегодня мы заслужили две вещи: ужин в ресторане и ночлег в отеле.

Они отыскали удобный и недорогой мотель, оставили там рюкзаки и вошли в первый же ресторан, где каждый заказал себе по стейку на косточке, который еле умещался на тарелке и стоил десять долларов — их суточный бюджет. Но кутить так кутить, решили оба. Им было плохо от ожогов — ни сил, ни настроения. Руки с трудом удерживали столовые приборы. Но аппетит был волчий, ели они торопливо, смели с тарелок все подчистую и уже через пять минут обоим пришлось бежать в туалет, где из них исторгся непереваренный ужин. Вернувшись в мотель, они завалились спать. То был их последний день вместе: назавтра Сержинью возвращался к родителям в Вашингтон, а Пауло ехал в Мексику.

Хотя путешествие Пауло близилось к концу и пока обходилось без серьезных передряг, поездка по Соединенным Штатам в известной мере напоминала ту, что они совершили с Верой, Какико и Арнольдом два года назад в Парагвай. Тогда он согласился проехать почти две тысячи километров в автомобиле, чтобы посмотреть футбольный матч бразильской сборной, а в Асунсьоне, попросту говоря, наплевал на то, что билеты распроданы. На сей раз его привлекла возможность пострансствовать по таинственным пустыням, что вдохновили мага Кастанеду — именно поэтому он и принял материнский подарок Теперь же, полный свежих впечатлений, совершенно об этом забыл; Все тело ныло после похода в Большой каньон, деньги таяли, и соблазн вернуться в Бразилию был велик. Но срок действия автобусного проездного давал еще несколько дней, и Пауло двинулся вперед, как и планировал вначале. Привыкнув к американскому изобилию, он все пять дней пребывания в Мексике не скрывал возмущения при виде явной нищеты,

выплеснутой на улицы, как и в Бразилии. Пауло испробовал все грибные настойки и чаи из галлюциногенных кактусов, какие только мог, а когда у него не осталось ни гроша, сел в автобус до Нью-Йорка и провел там еще три дня. А потом вернулся домой.

13
«Правительство пытает, а я боюсь пыток»

Пауло восстанавливал силы после поездки целую неделю, но так и не решил, чем будет заниматься дальше. Единственное он знал точно: на юридический факультет, брошенный посреди учебного года, он уже не вернется. Пауло продолжал посещать занятия по специальности «режиссура» на философском факультете университета штата Гуанабара, который впоследствии станет Университетом Рио-де-Жанейро, а также настойчиво пытался публиковать в газетах Рио свои статьи. На основе собственного опыта он написал заметку о той легкости, с какой происходит оборот наркотиков в США, и отправил ее в самое модное издание того времени — юмористический еженедельник «Паским», который вскоре станет влиятельным рупором оппозиции. Пауло пообещал Святому Иосифу поставить ему пятнадцать свечей, если текст опубликуют, и каждую среду первым делом спешил к газетному киоску, жадно пролистывал таблоид и угрюмо клал на место. Лишь к концу третьей недели он окончательно убедился, что статья отвергнута. Хотя подобные отказы, оскорбительные, как хлесткие пощечины, бесконечно огорчали Пауло, его давняя мечта не угасала, он по-прежнему хотел стать писателем. Поняв, что молчание «Паскима» означает внятное «нет», Пауло сделал в дневнике любопытную запись. «Я размышляю о проблеме славы, известности — и прихожу к выводу, что удача не дает о себе вестей, — сначала сетовал он, однако вскоре менял свое мнение: — Ну и хорошо, что нет тайных знаков. Слава, если уж она кому-то выпадает, — обрушивается сразу». Однако проблема была в том, что пока удача на него не свалилась, надо было зарабатывать на жизнь. Заниматься театром, продолжая привольную жизнь? Но сборов никогда не хватало даже на то, чтобы покрыть расходы на постановку. Об этом и думать было нечего, оставалось лишь принять предложение преподавать в частной группе, готовившей учеников к поступлению на театральный курс его философского факультета. Репетиторство никак не приближало его к мечтам о литературном поприще, но и не отнимало много времени, гарантируя при этом ежемесячный заработок в тысячу шестьсот крузейро (по курсу 2008 года — что-то около шестисот реалов).

13 августа 1971 года, в пятницу, когда прошло чуть больше

месяца после возвращения Пауло из Соединенных Штатов, раздался телефонный звонок из Вашингтона. Сообщили ужасную весть: только что скончался дедушка Артур Арарипе. Мастер Тука получил черепно-мозговую травму, упав с лестницы в доме дочери в Бетесде. Его госпитализировали, но в больнице он скончался. Потрясенный этим известием, Пауло некоторое время сидел молча, пытаясь осознать услышанное. Он вспоминал, каким в последний раз видел деда — улыбающегося, в задорном берете, — и воспоминание это было столь свежо, будто они только что прилетели в Вашингтон, а потому примириться с тем, что мастера Туки больше нет, было невозможно. У Пауло возникло ощущение, что сейчас он выйдет на балкон и обязательно увидит, как мастер Тука дремлет там с открытым ртом, прикрывшись журналом «Ридерз дайджест». А может быть — дедушка это просто обожал — он сейчас подденет каким-нибудь замечанием хипповатого внучка. Скажет, к примеру, что Пеле — просто «неотесанный мулат», а Роберто Карлос — «истеричный крикун». Бывало, дед принимался превозносить диктаторов правого толка вроде португальца Салазара или испанца Франко (инженер Педро в таких случаях имел обыкновение вклиниваться в разговор, громогласно утверждая, что малевать, как Пикассо, или бренчать на гитаре, как Джими Хендрикс, способен любой и каждый). Но Пауло это не раздражало — наоборот, он умирал со смеху от таких эскапад упрямого деда. Ведь тот, несмотря на весь свой консерватизм — и, видимо, потому, что в юности сам принадлежал к богеме, — единственный в семье с уважением и пониманием относился к друзьям Пауло. В конце концов, мастер Тука стал Пауло вторым отцом, щедрым и терпеливым — в отличие от первого, угрюмого и раздражительного инженера Педро. Поэтому юноша особенно тяжело переживал внезапную смерть дедушки. Прошло немало времени, пока рана в душе перестала саднить.

Пауло по-прежнему вел уроки для абитуриентов и ходил на занятия, где, похоже, вновь начались проблемы. «На первом году человек учится использовать личный авторитет, чтобы достичь желаемого, — писал он в дневнике. — На втором ученик теряет прежний организационный нюх, а на третьем вообще готов на все махнуть рукой». Вскоре он узнал, что детектив Нелсон Дуарте, которого подозревали в принадлежности к «Эскадронам смерти», уже вовсю нарезает круги вокруг Национальной школы театра в поисках «наркоманов и коммунистов». На одной такой вылазке этот полицейский столкнулся с мужественной женщиной, преподавателем и фоноаудиологом Глорией Бойтенмюллер, которая, тыча пальцем ему в грудь, заявила:

— Мои ученики будут носить прически, какие им заблагорассудится, а если кого-то из них арестуют, тебя вынесут отсюда вперед ногами.

Дневник надежно хранил все тайны, и Пауло потихоньку обличал творившийся вокруг произвол:

> Этот Нелсон Дуарте снова стращал учащихся и преподавателей с длинными волосами, и школа дала указание не пускать «волосатиков» на занятия. Я сегодня не пошел на занятия, потому что не решил еще, стричься или нет. Это здорово достает. Постричься, не носить цепочек, не одеваться как хиппи… Невероятно! В дневнике я сохраню полипный тайный отчет о нашем времени. Однажды я опубликую все это. Или буду хранить в специальном сейфе, не подверженном воздействию радиации и с легко доступным шифром на замке, чтобы кто-нибудь когда-нибудь прочел все, о чем я тут написал. Но если хорошо подумать, хранить эту тетрадку небезопасно.

В его записях можно отыскать множество подтверждений тому, что ему был чужд радикализм противников диктатуры. В дневнике полно таких утверждении: «Идея покончить с этим и установить коммунистический строи никуда не ведет, потому что это — такое же дерьмо», — или: «Вооруженная борьба — это путь в никуда, так было и так будет впредь». Но размах репрессий ширился, и гонениям в стране подвергались даже те, кто просто высказывал недовольство режимом, а также их друзья. Несмотря на строгую цензуру, установленную для газет, сообщения о насилии, которому по приказу правящей клики подвергались оппозиционеры, доходили до всех, а зловещая тень спецслужб нависла теперь над каждой головой. Одного друга Пауло арестовали люди из ДОПС только потому, что он решил поехать в Чили, а там правил социалист Сальвадор Альенде! За год до этого Пауло едва не хватил удар от ужаса, когда он прочел в газете, что его давняя возлюбленная, красотка Нэнси Унгер, была ранена, когда на Копакабане, сопротивляясь аресту, она стала отстреливаться. Теперь он узнал, что Нэнси в числе семидесяти политзаключенных была выслана из страны в обмен на захваченного отрядом Народного революционного авангарда посла Швейцарии Энрико Джованни Букера. Режим уже добирался до тех, кто вообще не имел отношения к вооруженной борьбе. Преследуемый цензурой композитор Шику Буарке де Оланда удалился в вынужденную эмиграцию в Италию. Жителей Баии Жилберто Жила и Каэтано Велозо обрили наголо в

армейской казарме в Рио, насильно посадили в самолет и отправили в Лондон. Мало-помалу зрели «гроздья гнева» против военной диктатуры, но ничто пока не могло заставить Пауло преодолеть страх и высказать наболевшее вслух. Огорченный собственным бессилием предпринять что-либо против режима пыток и убийств, он впал в депрессию.

В сентябре 1971 года армейские части окружили и уничтожили в сертанах Баии капитана Карлоса Ламарка. Прочтя отрывки из дневника убитого партизана, опубликованные в печати, Пауло разразился длинной и горькой записью, из которой видно, какие противоречивые чувства боролись у него в душе. И он вновь расписался в том, что избегает даже здесь вести речь о политике лишь по одной причине: из страха. Но как же не протестовать, видя, что творится вокруг? И вот в одиночестве, заперев дверь, он лил слезы, рассказывая о своей боли:

> Я живу в ужасной атмосфере, в УЖАСНОЙ! Я уже не выдерживаю разговоров про тюрьмы и пытки. В Бразилии больше нет свободы. Поле моей деятельности — под прессом дурацкой цензуры, так ее растак.
>
> Я прочел дневник Ламарка. Я восхищен им, ведь он сражался за свои убеждения — не больше не меньше. Сегодня, однако, я вижу в прессе унижающие его комментарии — и хочется выть и кричать. Я стал настоящей сволочью. И обнаружил в собственном дневнике бескорыстную и большую любовь, любовь поэтическую и жизнеутверждающую — ту, которую газета называет «зависимостью от террориста его возлюбленной». Я обнаружил в себе другого человека — предельно критичного по отношению к самому себе, предельно честного с самим собой — и отстаивающего идею, с которой я не согласен.
>
> Правительство пытает, а я боюсь пыток, боюсь боли. Сердце мое теперь стучит слишком сильно, поскольку эти строки выдают меня. Но я должен писать, все вокруг — сплошное дерьмо. Все мои знакомые или уже были арестованы, или подверглись избиениям. И никому за это ничего не сделали.
>
> Я всегда жду, что однажды с обыском придут в мою комнату и найдут эту тетрадь. Но Святой Иосиф хранит меня. Сейчас, когда написаны эти строки, я знаю, что буду жить, вздрагивая при каждом стуке, но мое молчание долго продолжаться не могло — мне необходимо было излить душу. Я буду печатать на

машинке — так быстрее. Надо спешить. Чем раньше эта тетрадь исчезнет из моей комнаты, тем лучше. Я очень боюсь физической боли. Боюсь снова оказаться арестованным, как это уже случалось. И хочу, чтобы это никогда больше не повторилось, поэтому стараюсь даже не думать о политике. Я могу не выдержать. Но я буду сопротивляться. До сего дня — 21 сентября 1971 года — я боялся. Но сегодня исторический день, или, как знать — историческими станут лишь несколько часов. Я освобождаюсь от оков, в которые сам себя заключил, под действием могучего аппарата подавления.

Мне было трудно писать эти строки. Повторяю, чтобы не обманывать себя, когда буду перечитывать этот дневник в надежном месте, лет этак через тридцать. Но теперь — кончено. Жребий брошен.

Однако Пауло понимал, что его противостояние режиму останется только на бумаге, и оттого на него вновь и вновь накатывали удушливые волны депрессии. Целыми днями он сидел, запершись в дальней комнате дедушкиного дома, куря марихуану и пытаясь начать заветную книгу. Или хотя бы театральную пьесу. Или эссе. Блокноты с набросками и замыслами всегда были под рукой. Но чего-то не хватало — настроя? вдохновения? Наступал очередной вечер, а он сидел, так и не написав ни строчки. Три часа он посвящал занятиям на курсах и шел на факультет. Входил, беседовал то с одним, то с другим. И вот в один такой вечер там появилась девушка — в мини-юбке, высоких сапогах, с роскошной гривой черных волос, струившихся по плечам. Она уселась у стойки бара, заказала кофе и завела разговор. Ее звали Адалжиза Элиана Риос де Магальяэс — выпускница архитектурного факультета, просто Жиза из городка Алфенас, штат Минас-Жерайс. Она была на два года старше Пауло и сменила Минас на Рио, чтобы учиться в федеральном университете, а сейчас зарабатывала тем, что готовила проекты для Национального жилищного банка, хотя гораздо больше ей нравилось рисовать комиксы. Худая, как манекенщица с подиума, Жиза была наделена экзотической наружностью, и ее меланхолические черные глаза служили контрастом чувственным пухлым губам. Они какое-то время поговорили, обменялись телефонами и попрощались. И вновь, как лиса, которая мечтает о винограде, Пауло, придя домой, одной фразой постарался побороть свое желание превратить эту встречу в нечто большее: «Она некрасива и не сексапильна».

Красавица Жиза вихрем врывается в жизнь Пауло: через месяц после того, как они впервые увидели друг друга, началась их совместная жизнь

Пауло и Жиза

В отличие от Пауло, Жиза активно боролась против военной хунты, о чем юноша не знал. Она, правда, никогда не участвовала

в вооруженных акциях или иных действиях, так или иначе опасных для жизни: подобные ей на жаргоне репрессивных органов назывались «подрывными элементами», а не «террористами». В 1965 году она поступила на первый курс архитектурного, и с тех пор постоянно состояла в различных левых подпольных объединениях, проникших в студенческое движение. Центр студенческого самоуправления открыл ей путь сначала в ряды бразильской компартии, и, выполняя партийное поручение, она распространяла на студенческих собраниях малоформатную газету «Воз операриа» («Голос рабочего»). Она вышла из «большой партии» вместе с отколовшимися «Диссидентами Гуанабары» — организацией, которая в 1969 году сменила название на «Революционное движение 8 октября» ГРД-81 и вместе с другими группировками взяла на себя ответственность за похищение посла США Чарльза Элбрика. Жиза была рядовым бойцом, и ей не суждено было подняться выше уровня обычной активистки.

В момент знакомства с Пауло Коэльо Жиза была влюблена в молодого архитектора из Пернамбуко по имени Маркус Парагуассу де Арруда Камара, также получившего образование в Рио. Сам партийный активист, Маркус был к тому же сыном Диоженеса де Арруда Камара члена высшего руководства компартии. Считавшийся твердокаменным сталинистом, «Аррудан» — он был известен под этим именем — в 1969 году был арестован и сидел в тюрьме.

Несмотря на показное пренебрежение, с каким Пауло отозвался о Жизе после их первой встречи, они стали видеться каждый вечер в том же баре у театральной школы Неделю спустя он проводил ее до дверей дома у пляжа Фламенго, где она жила с братом Луисом Фернандо. Девушка пригласила Пауло подняться в квартиру, где они весь вечер слушали музыку и курили траву… Брат, вернувшись домой в два ночи, застал их нагишом на ковре в гостиной. Не прошло и месяца со дня их знакомства, как Жиза порвала с Маркусом Парагуассу. Они с Пауло решили жить вместе. Чтобы союз мог осуществиться, им пришлось ждать еще три месяца — необходимо было обеспечить брата отдельным жильем. В первую же ночь, проведенную вместе, Пауло предложил ей пожениться в сочельник, через полтора месяца. Жиза согласилась, хотя ее немного удивила поспешность, с которой он к ней переехал, — а также его странная манера разгуливать дома голышом.

После знакомства Пауло с Жизой дона Лижия, видимо, обрела надежду, что этот брак наконец образумит сына, поэтому она повела себя как принято в этих случаях: сказала, что ей будет

очень приятно принять Жизу как невестку, и, если нет возражений, она сама выберет церковь и священника для свадебной церемонии. И вот 22 ноября, ровно через три месяца после первого обмена взглядами, Пауло отметил в дневнике: «Жиза беременна. Если так, что ж — у нас будет ребенок». Поскольку звезды обещали, что родится мальчик под знаком Льва, это обстоятельство, похоже, привлекало его внимание больше, чем сама перспектива отцовства. «Мои силы возродятся с рождением ребенка, — не скрывал радости Пауло. — В ближайшие восемь месяцев я удвою пыл и буду двигаться только вперед и вверх».

Мечта, однако, не выдержала испытания страхом. Несколько дней энтузиазма, вызванного новостью, прошли, и по спине Пауло уже ползли мурашки всякий раз, когда мысленно он возвращался к предстоящему событию. Когда же спустился с небес на землю, он решил, что заводить ребенка в сложившейся ситуации — без стабильной работы, профессии и средств для содержания семьи, — будет полным безумием; первым человеком, кого он известил о принятом решении, стала вовсе не Жиза, а мать. Дона Лижия не проявила себя фанатичной католичкой, услыхав от сына, что он собирается предложить любимой аборт. Она согласилась, что ничего хорошего из этого все равно бы не вышло.

Узнав о перемене планов, Жиза сначала упорно сопротивлялась, но в конце концов осознала, что рожать было бы крайней безответственностью. С помощью друзей нашли абортарий — понятное дело, подпольный, ведь речь шла о преступлении, — и назначили операцию на четверг, 9 декабря 1971 года. В ночь накануне аборта никто не сомкнул глаз. Утром поднялись молча, наскоро умылись и вышли искать такси. Ровно в семь, как было назначено, прибыли в клинику.

Неожиданно оказалось, что там собралось уже около тридцати женщин — в большинстве своем молоденькие, многие пришли с мужьями или возлюбленными. У всех на лицах читалась обреченность приговоренных к казни. По прибытии каждая называла себя медсестре, оставляла на столе пакетик с купюрами — чеков не принимали — и оставалась ждать вызова. Стульев в приемной хватило бы на всех, но большинство предпочло ожидать стоя. Пять минут спустя другая медсестра проводила Жизу к выложенной плиткой лестнице на третий этаж. Жиза ушла, опустив голову, не попрощавшись. Скоро в приемной никого не осталось за исключением нескольких мужчин. Пауло присел на стул, вытащил из кармана тетрадь и принялся что-то записывать, стараясь, чтобы почерк был мельче и непонятнее для

нескромных взглядов товарищей по несчастью. Каждый сопровождающий пытался скрыть волнение по-своему. Пауло постоянно моргал, его сосед справа высыпал в пепельницу половину табака от каждой сигареты и только потом прикуривал, третий с отсутствующим видом листал какой-то журнал с конца. Несмотря на тик, Пауло, казалось, не нервничал. Его — чего уж греха таить — охватило неприятное ощущение собственной физической ничтожности, словно он уменьшался прямо на глазах. Из двух динамиков лилась не-громкая музыка, и хотя сидящие здесь пришли не ради нее, мелодия в конце концов захватила всех, и люди стали отбивать ритм ногой или просто постукивать пальцем, например, по брелоку с ключами. Наблюдая все это, Пауло писал в дневнике: «Все ищут, чем бы подольше и поразнообразнее занять конечности, ибо подсознательно все стремятся к одному: не думать о том, что творится рядом». То и дело все поглядывали на часы, а когда раздавались шаги, головы, как по команде, поворачивались к лестнице. Иногда кто-нибудь ворчал, что время еле движется. Несколько мужчин, сбившись в кучку, пытались отогнать мрачные мысли, вполголоса беседуя о футболе. А Пауло смотрел и записывал:

> Какой-то парень рядом жалуется, что долго ждать, и говорит, что вот приедет с опозданием и уже не успеет отдать машину в автосервис. Но я знаю, что он не из таких. Он не думает сейчас о машине, но желает, чтобы я в это поверил, и тогда у меня окончательно сложится впечатление о нем как о **сильной личности**. Я улыбаюсь, и мой взгляд пронизывает его нейроны: там в раскоряку лежит его женщина, врач вкладывает внутрь щипцы, кромсает, выскребает и, заканчивая операцию, начиняет ей нутро тампонами. Он знает, что я это знаю, отворачивается от меня и затихает, глядя невидяще, дыша лишь для того, чтобы не умереть.

К половине девятого почти все женщины ушли, но Жиза не появлялась. В баре на углу Пауло выпил кофе, выкурил сигарету и возвратился к записям, нетерпеливый и обеспокоенный. Не случилось бы чего с возлюбленной. Еще час — и опять никаких известий. В полдесятого он сунул руку в карман, вытащил ручку и записал в каком-то порыве:

> Я ощутил, что это случилось только что. Мой ребенок погрузился в вечность и никогда не вынырнет оттуда.

Внезапно послышался звук, которого никто, наверное, не ожидал услышать в таком месте: пронзительный крик здорового младенца. И тут же кто-то в приемной вскрикнул в крайнем удивлении:

— Ты глянь, родился!

В тот же миг мужчины, кажется, превозмогли боль, грусть и страх, что связывали их, и дружно разразились безудержным хохотом. Когда смех утих, Пауло услышу на лестнице шаги: это Жиза возвращалась после выскабливания плода, спустя почти три часа после прихода в клинику. Бледная как никогда, с огромными темно-синими кругами под глазами, она пошатывалась как пьяная: на нее еще действовал наркоз. В такси по дороге домой Пауло попросил водителя ехать помедленнее:

— Девушка порезала ногу, и ей очень больно.

Жиза проспала весь день, а когда проснулась — расплакалась и уже не могла остановиться. Рыдая, она рассказала, что при подготовке к наркозу у нее появилось страстное желание сбежать оттуда:

— Врач ввел в меня какой-то цилиндр и вытащил мальчика, который прекрасно бы родился. Но теперь наш сын, Пауло, будет гнить неизвестно где…

Заснуть они не могли. Глубокой ночью она медленно подошла к письменному столу, за которым Пауло что-то писал:

— Даже не знаю, могу ли я просить тебя об одолжении: мне надо привести себя в порядок, и мне кажется, я справлюсь сама. Но если вдруг мне станет очень больно, ты придешь в туалет мне помочь?

Он улыбнулся и отделался вежливым «конечно», но как только за ней закрылась дверь ванной, начал возносить слезные мольбы Святому Иосифу, чтобы тот избавил его от этой непосильной задачи.

— Прости мне, Святой Иосиф, мое малодушие, — шептал он, подняв глаза, — но помогать Жизе после аборта — для меня это слишком. Чересчур! Чересчур!

К его радости, через несколько минут из туалета донесся шум спускаемой воды, и Жиза, вернувшись в комнату, вновь легла в постель. После аборта она почти все время плакала, прекращая разве что когда смыкала от усталости глаза. В субботу, похоже, ей стало чуточку лучше, и Пауло днем ходил на курсы преподавать. Вернувшись под вечер, он встретил ее на автобусной остановке возле дома. Они поднялись в квартиру, и только после настойчивых расспросов Жиза призналась, что она делала на улице:

— Я вышла из дому, чтобы умереть.

Реакция Пауло была неожиданной. С серьезным видом, чтобы не оставалось никаких сомнений в том, что это не шутка, он заявил не раздумывая:

— Мне искренне жаль, что я помешал тебе, прервав исполнение столь значительных замыслов. Если ты решила умереть, что ж — действуй, иди и покончи с собой.

Но у нее уже не было прежней решимости. На третью ночь без сна, когда Жиза в очередной раз готовилась заплакать, Пауло начинал говорить и не умолкал ни на минуту. Он менторским тоном разъяснял ей, что выхода нет: призванный на Землю Ангел Смерти возвратится обратно, лишь унеся с собой чью-нибудь душу. Он поведал ей, что не надо отступать, иначе Ангел будет преследовать ее вечно, и даже если сейчас она уже не захочет умирать, он сможет прикончить ее потом, например, подстроив несчастный случай. Он вспомнил собственное столкновение с Ангелом в отрочестве, когда пришлось обезглавить козу, только бы не отдавать собственную жизнь. Выход был лишь один — смело идти навстречу Ангелу:

— Тебе нужно бросить ему вызов. Делай, что задумала: попытайся покончить с собой, но извернись так, чтобы сохранить жизнь.

Когда Жиза, обессилев, сомкнула глаза, он устремился к дневнику, где продолжил развивать свои безумные идеи:

> Я знаю, что Жиза не умрет, но она не знает об этом и не может жить в сомнении. Нужно дать ответ Ангелу в любом случае. Несколько дней назад одна наша знакомая, Лола, искромсала себе все тело бритвой, но в последний момент ее спасли. Сейчас многие прибегают к попытке самоубийства. Но лишь немногим это удается, и это хорошо, потому что они выкарабкиваются оттуда живыми, да им еще удается убить того, кто существовал внутри и им совсем не нравился.

Эта мрачная теория не была плодом болезненного воображения Пауло; она научно обосновывалась психиатром, чей кабинет он в то время посещал. Этого врача в своем дневнике он выводит под именем «доктор Тень». Теоретический стержень такого врачевания сводился к тому, что Пауло и внушал Жизе: требовалось усугубить душевные травмы пациента. Врач рассказывал ему, что никого нельзя исцелить обычным методом.

— Если вы пропали и считаете, что мир значительно сильнее, — объяснял он пациентам, — тогда только и остается, что покончить с собой.

Именно в этом, по мнению Пауло, и крылась гениальность

тактики. Он писал: «Человек выходит от врача сокрушенным. Только теперь он понимает, что ему нечего больше терять, и начинает творить такие вещи, на которые никогда бы не решился при других обстоятельствах. В общем, метод доктора Тени — действительно то единственное в границах подсознательного, в чем я по крайней мере уверен. Это исцеление отчаянием».

Когда они проснулись наутро — это было воскресенье, солнечный летний день, — Пауло больше не требовалось подыскивать мудреные слова. Возлюбленная сама надела купальник, взяла пузырек с успокоительным из шкафчика в ванной — вероятно, это была упаковка с таблетками «Орап», которые Пауло обычно принимал после первой госпитализации, — одним махом высыпала их в рот и запила стаканом воды. Они вместе вышли из дому, Жиза — по-прежнему пошатываясь, — и зашагали к пляжу. Пауло остался на набережной, а Жиза вошла в воду и поплыла. И хотя было понятно, что, приняв такую дозу, его подруга не в силах будет вернуться назад, он ждал ее и наблюдал, как уже очень скоро она превратилась в точку, неразличимую в солнечных бликах… «Меня охватил страх, он заставлял меня утратить твердость, позвать ее, приказать ей не делать этого, — писал он впоследствии, — но я знал, что Жиза не погибнет». Двое мужчин, что занимались йогой на песке, окликнули его; их беспокоило, что девушка не возвращается:

— Надо бы вызвать спасателей. Вода очень холодная, вдруг ее схватит судорога.

Пауло с улыбкой успокоил их, солгав:

— Не нужно, она профессиональная пловчиха.

Через полчаса, когда на набережной в предчувствии беды стал собираться народ, Жиза повернула назад. На берегу ее, бледную как призрак, стало тошнить — что, вероятно и спасло ей жизнь, поскольку таблетки она из себя исторгла. Мускулы лица и рук одеревенели от холодной воды и лошадиной дозы успокоительного. Пауло повел ее домой, поддерживая за плечи, а потом описал в дневнике результат «исцеления отчаянием»:

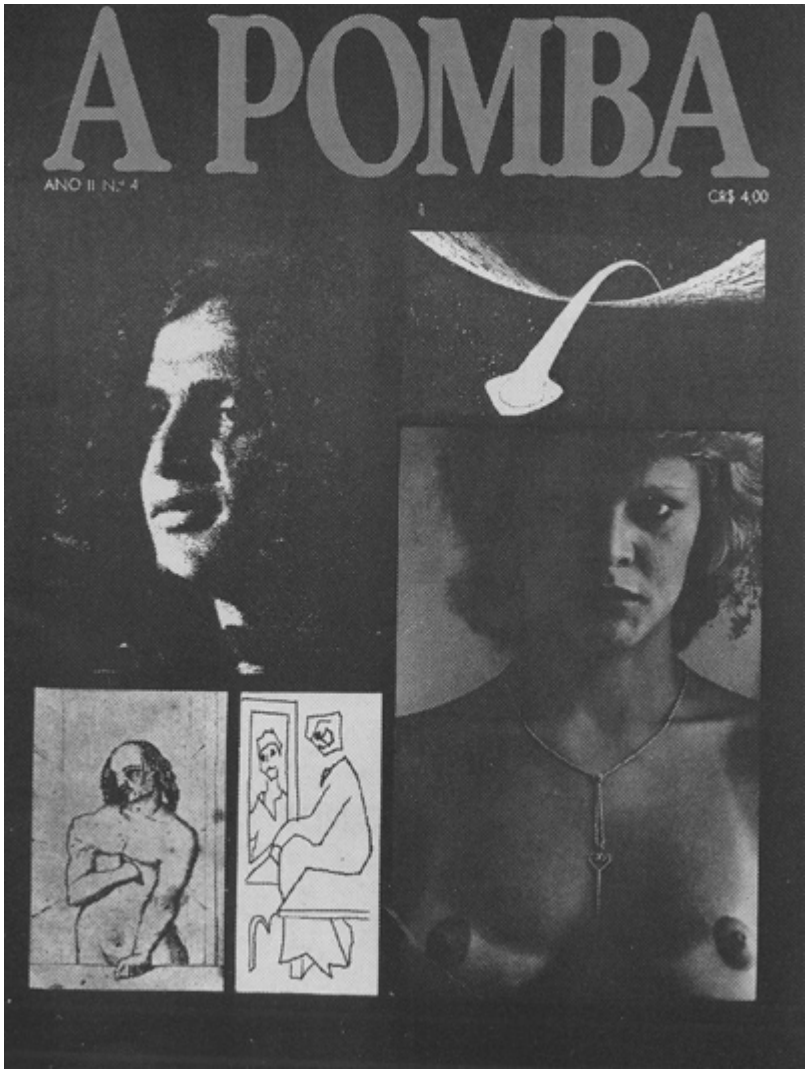
> Я все думаю: кем же на этот раз удовольствуется Ангел, поскольку Жиза — в моих руках? Она рыдала и очень устала, к тому же проглотила восемь таблеток. Когда вернулись домой, заснула прямо на ковре, но проснулась уже другим человеком: ожила, в глазах появился блеск. Какое-то время нам даже пришлось посидеть дома, мы боялись инфекции. Эпидемия самоубийств свирепствовала как никогда.

Если бы кто-нибудь мог изучить его дневник за несколько месяцев до попытки Жизы покончить с собой, он не удивился бы чудовищности поведения Пауло. С тех пор как юноша открыл для себя мир оккультизма, прочтя книгу Молинеро, он прямо-таки бредил магией и колдовством. Речь не шла о том, чтобы ходить к цыганкам, шаманам, служителям афро-американских культов, гадалкам Таро. В какой-то момент он пришел к такому выводу: «Оккультизм — моя единственная надежда, единственный доступный выход». Он словно бы распрощался с мечтой стать писателем и концентрировал теперь всю свою энергию на попытках «проникнуть в глубины Магии, последнее прибежище отчаяния, последнее средство найти из него выход». Издания, где говорилось о ведьмах, колдунах и тайных силах, поглощались им с жадностью. На книжном стеллаже в их с Жизой квартире книги Борхеса и Генри Миллера уступили место таким трудам, как «Дар пророчества», «Книга Страшного суда», «Левитация» и «Тайная мощь Разума». Пауло частенько наезжал в город Ибиапас в ста километрах от Рио, где лечил свой псориаз очистительными грязевыми ваннами, — процедуры эти проводил человек по имени Паже Катунда. Именно после таких поездок Пауло впервые написал своего рода отчет, в котором объявил себя способным воздействовать на природные стихии. «Я призвал бурю, — писал он, — и вскоре она разразилась с доселе невиданной силой».

Сверхъестественные способности, однако, срабатывали не всегда. «Я безрезультатно пытался вызвать сильный ветер, — записал он немного погодя, — и в конце концов вернулся домой, потерпев фиаско». Еще одной неудачей стала попытка разрушить предмет одной лишь силой мысли: «Вчера мы с Жизой пытались мыслительным усилием сломать пепельницу, но не получилось. И что это доказывает? Пусть не во время обеда, но сразу после пришла официантка и сказала, что пепельница сломана. Обалдеть можно!»

Новой навязчивой идеей Пауло становятся секты. Это могли быть «Дети Бога», «Харе Кришна», адепты «Библии дьявола», а также сторонники «Церкви сатаны», с которой он познакомился в Соединенных Штатах. Достаточно было лишь намека на сверхъестественное — или на запах серы, в зависимости от ситуации, — и он чувствовал вдохновение. Не говоря о бесчисленном множестве любителей инопланетян и охотников за летающими тарелками. Пауло так глубоко проник в эзотерический мир, что в конце концов получил приглашение написать об этом в журнал «Голубка». Выпускаемый «ПостерГрафом», небольшим издательством, занимавшимся культурой андеграунда и политической рекламой, журнал

представлял собой смесь статей и интервью, освещавших жизнь таборов хиппи: наркотики, рок, галлюцинации, опыт изучения паранормальных явлений. Журнал был черно-белым, и из номера в номер там публиковались фотоэтюды с обнаженными женщинами, как в обычных мужских журналах, — с той лишь разницей, что модели «Голубки» сильно смахивали на конторских служащих того здания, где размещалась редакция. Здесь, как и во множестве других подобных публикаций, не печаталось ничего особо «забойного», поэтому чтобы выжить (журналу это удавалось семь месяцев), «Голубка» должна была создать круг преданных читателей. За сумму, равную половине заработка на курсах, Пауло согласился стать в редакции «мастером на все руки»: правил материалы, брал интервью, писал эссе. Иллюстративная же часть — диаграммы, иллюстрации и фото — была поручена Жизе. Этот опыт пришелся очень кстати: после выхода первых же номеров журнала под руководством Пауло владелец «ПостерГрафа» Эдуардо Прадо принял его предложение затеять еще одно издание, которое в конце концов получило название «2001». Так как Пауло руководил и журналом, и газетой, он получал двойную зарплату, но вынужден был из-за нехватки времени оставить занятия на курсах подготовки абитуриентов.



Экземпляр журнала «Голубка»

Готовя репортаж об Апокалипсисе, Пауло получил указание встретиться с человеком по имени Марсело Рамос Мотта, который называл себя «наследником Зверя в Бразилии». Успев привыкнуть к самой фантастической обстановке тех мест, куда заносила его судьба журналиста-эзотерика, — иные колдуны обвязывали голову чалмой и, поражая воображение посетителей, принимали их в арабском шатре при свечах, — Пауло удивился, когда обнаружилось что герой будущего интервью живет в простенькой и скромной квартире, обставленной скудно, обыденно и без затей. Внимание привлекала лишь одна деталь: все стоявшие на полках книги — несколько десятков томов — были обернуты в бумагу неопределенно-бурого цвета, причем на корешках не было

написано ничего, если не считать номера, проставленного внизу от руки. Удивила его и внешность самого Мотты: ни черного плаща на плечах, ни трезубца в руках, напротив — вошедший был в элегантном костюме цвета морской волны, белой рубашке, шелковом галстуке и черных лакированных туфлях. По виду — лет на пятнадцать старше Пауло, высок и худощав. Черная густая борода скрывала пол-лица, а взгляд… Да, взгляд был довольно необычен. Да и глуховатый голос звучал своеобразно и не вполне естественно — порой казалось, что этот человек пытается кому-то подражать. Без улыбки, молча, он жестом пригласил репортера сесть и сам устроился на стуле напротив. Пауло достал из кармана блокнот и, чтобы растопить лед неловкости, задал первый вопрос:

— Отчего все ваши книги обернуты?

Похоже, мужчина не был расположен к непринужденной болтовне:

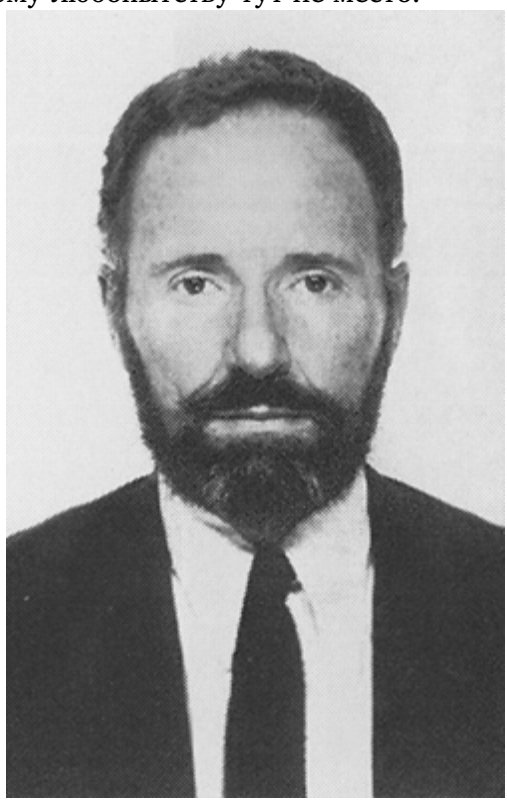
— Это не ваше дело.

Обескураженный такой грубостью, Пауло рассмеялся:

— Извините, я не хотел вас обидеть, спросил просто так, из чистого любопытства.

Мотта не принял извинений:

— Праздному любопытству тут не место.



Лидер сатанистов Марсело Мотта

После интервью Пауло написал и опубликовал репортаж, но так и не смог выбросить из головы странного субъекта и его собрание книг со слепыми корешками. После нескольких отказов Мотта согласился принять его снова и на сей раз раскрыл карты:

— Я — лидер всемирного сообщества, которое именует себя «А. А.» — «Аструм Аргентум»[29].

Он встал, снял с полки пластинку «Битлз» «Оркестр клуба одиноких сердец сержанта Пеппера» и ткнул указательным пальцем в одну из фигур на огромном коллаже, украшавшем конверт. То был лысый пожилой мужчина рядом с индийским гуру:

— Этого человека зовут Алистер Кроули, а мы несем миру свет его идей. Вот когда разузнаете о нем, тогда и приходите, поговорим.

Конверт альбома «Битлз» «Оркестр клуба одиноких сердец сержанта Пеппера»

Обшарив библиотеки и лавки букинистов, Пауло понял, как мало известно в Бразилии об этом старике с обложки пластинки «Битлз», затерявшемся среди портретов актрисы Мэй Уэст, Махатмы Ганди, Карла Маркса и Альберта Эйнштейна. Пока он готовился к новой встрече с загадочным Моттой, они с Жизой

трудились, стараясь поспевать к сроку сдачи обоих журналов. Средств нанять хотя бы еще одного сотрудника не было, и потому Пауло приходилось заполнять страницы обоих изданий собственными заметками, статьями, репортажами. Чтобы читатель не догадался, сколь нищенское существование они влачат, одни материалы Пауло вынужден был подписывать своим именем, другие шли под псевдонимами, которых у него было несколько. Вот как обстояли дела, когда в начале 1972 года в редакции — по правде говоря, это громкое слово не очень подходило к скромной комнате на одиннадцатом этаже офисного здания в центре Рио-де-Жанейро — появился незнакомец. На нем был костюм из поблескивающей немнущейся ткани, сорочка и узкий галстук подчеркивавший элегантность облика. В руках он держал портфель, какие носят менеджеры и прочий конторский люд. Вошедший заявил, что хотел бы переговорить с «редактором Аугусто Фигейредо». В тот момент Пауло еще не сообразил, что это, должно быть, тот самый тип, который несколько дней назад звонил и спрашивал опять-таки Аугусто Фигейредо, и потому в душе Пауло, склонного к болезненной подозрительности, мгновенно ожили давние страхи. Незнакомец здорово смахивает на полицейского, он, наверное, здесь по наводке. Наркотики? Все дело было в том, что никакого Аугусто Фигейредо не существовало в природе, это был один из его, Пауло псевдонимов. Перепуганный, он все же постарался принять непринужденный вид, но решил как можно скорее избавиться от незваного гостя:

— Аугусто сейчас нет на месте. Может быть, хотите что-нибудь передать?

— Да нет. Мне бы нужно с ним поговорить. Я подожду, с вашего разрешения.

Все ясно это то, что он подумал. Посетитель присел к столу, взял старый номер «Голубки», закурил и принялся читать с видом человека, которому некуда торопиться. Прошел час. Человек прочел все старые номера журнала, но не выказывал ни малейших признаков нетерпения. Пауло вспомнился урок, усвоенный в детстве в тот миг, когда он решился прыгнуть с моста в реку: не хочешь, чтобы страдание тебя подавило — не давай ему разрастись. И тогда он решил выложить полицейскому — а кем же еще может быть этот субъект? — всю правду. Но прежде, однако, порылся в ящиках редакционных столов, чтобы убедиться, что там не осталось ни крошки гашиша, ни случайного недокуренного косяка. Наконец, набравшись храбрости и часто моргая, он признался:

— Вы уж простите меня, но никакого Аугусто Фигейредо

здесь нет. Статью написал я, Пауло Коэльо. Так что же вас интересует?

Посетитель широко улыбнулся, а руки раскинул еще шире — так, словно желал заключить Пауло в объятия, — и произнес с сильным баиянским акцентом:

— Значит, именно с тобой я и хочу поговорить, дружище! Рад познакомиться, меня зовут Рауль Сейшас.

Алистер Кроули, в числе других знаменитостей запечатленный на конверте пластинки «Битлз»

14
В доказательство искренности своих намерений Пауло обещает дьяволу полгода не молиться

На первый взгляд, между Раулем Сейшасом и Пауло Коэльо не было ничего общего — разве что оба интересовались летающими тарелками да очень скверно учились в школе. Один работал в транснациональной корпорации «Си-би-эс», был всегда аккуратно причесан, неизменно ходил в пиджаке, при галстуке и с портфелем, никогда не употреблял наркотиков — даже таких относительно невинных, как марихуана. Другой носил джинсы на бедрах, косматую гриву до плеч, сандалии монаха-францисканца, ожерелья на шее, а на носу — восьмиугольные очки с фиолетовыми стеклами. И большую часть времени проводил под кайфом. Рауль жил у себя дома, был главой семьи и отцом двухлетней Симоны, а Пауло обитал в коммунах-племенах, чей состав менялся в зависимости от времени года. Хотя, впрочем, в последние месяцы его семью составляли Жиза и Стелла Паула, хорошенькая хиппушка с Ипанемы, как и он, безумно увлеченная оккультизмом и всем потусторонним. В «интеллектуальном багаже» разница была еще больше. Один к своим двадцати пяти годам успел прочесть и прокомментировать не менее пятисот книг и писал легко и бегло. Другой же, хоть и провел детство среди книг отца, железнодорожника и поэта-дилетанта, никак не мог считаться человеком читающим. Одна дата в биографии каждого оказалась одинаково важной для обоих, хоть имела для них совершенно разный смысл. 28 июня 1967 года, когда Пауло в третий раз поднялся на девятый этаж клиники доктора Эйраса, Рауль, которому исполнилось 22 года, женился на американской студентке Эдит Уизнер, обвенчавшись с нею в своем родном Салвадоре, столице штата Баия. Они оба верили в астрологию и, если бы сравнили свои гороскопы, смогли бы убедиться, что кое-что предсказано точно — тому и другому, в какой бы сфере они ни подвизались, было суждено заработать большие деньги.

Эдит, Рауль, Пауло и Жиза в Соединенных Штатах

Когда в жизнь Пауло Коэльо вошел Рауль Сейшас, будущий писатель был по самую макушку погружен в герметичный и опасный мир сатанизма. Встречи с Марсело Рамосом Моттой участились, а после того как Пауло буквально проглотил множество мудреных томов о пентаграммах, каббале, магических системах и астрологии, он смог хоть немного понять творчество того лысого джентльмена с конверта битловской пластинки. Алистер Кроули родился в английском городе Лемингтоне на исходе последнего часа 12 октября 1875 года. Ему было 23 года, когда, по его версии, он принял от некоего существа в Каире так называемую «Liber Al vel Legis» — «Книгу Закона» или просто «Либер Оз», — под этим названием получит известность его первое и самое значительное мистическое сочинение.

Закон Телемы провозгласил пришествие эры, при которой человек обретет свободу осуществлять все свои желания, — эта цель была сформулирована в тезисе «Делай что хочешь», который и стал основным правилом поведения для последователей Кроули. Для достижения этой свободы рекомендовались сексуальная раскрепощенность, наркотики и постижение восточной мудрости. В 1912 году Кроули вступил в секту «Ordo Templi Orientis» (O.T.O.) и уже очень скоро возглавил эту масонскую, магическую и мистическую организацию, став ее главным теоретиком. Английский колдун, назвавшийся «Зверем», построил храм на Сицилии, в городке Чефалу, однако в 1923

году, по настоянию правительства Бенито Муссолини, обвинившего Кроули в нарушении нравственных устоев, был вынужден покинуть Италию. В числе его поклонников был и португальский поэт Фернандо Пессоа, также увлекавшийся астрологией, — Кроули обменялся с ним несколькими письмами, где речь шла о гороскопах. Они не только вели переписку, но и встретились лично, когда Кроули приезжал в Лиссабон. Во время Второй мировой войны Ян Флеминг, создатель образа Джеймса Бонда и сотрудник военно-морской разведки, консультировался с Кроули о том, как использовать мистицизм и суеверия нацистских лидеров в интересах союзников. Именно Кроули через посредство Флеминга предложил Уинстону Черчиллю символ победы — букву «V», которая на самом деле была воплощением Апофис-Тифона, бога уничтожения и разрушения, способного возобладать над энергией, заключенной в нацистской свастике.

В мире музыки не только «Битлз» превратились, пусть и ненадолго, в «телемитов», как стали называть последователей Алистера Кроули. Его сатанистские теории прельстили многих рок-музыкантов — членов групп «Блэк Саббат» (в том числе Оззи Осборна, написавшего классическую композицию «Мистер Кроули»), а также «Клэш» и «Айрон Мейден». Знаменитый замок Болескин, где «Зверь» провел несколько лет, впоследствии перешел во владение Джимми Пейджу, гитаристу группы «Лед Зеппелин». Впрочем, идеи эти воплощались трагически, например, в августе 1969 года его американский ученик Чарльз Мэнсон в одном из особняков Малибу (Калифорния) учинил зверскую расправу над четырьмя людьми, вместе со своими присными застрелив, зарезав или забив их до смерти. Среди жертв была двадцатишестилетняя актриса Шэрон Тейт, жена режиссера Романа Полански, ожидавшая от него ребенка.

Но казалось, Пауло Коэльо до такой степени отравлен магическими ритуалами и чтением соответствующих книг, что и кровавая вакханалия, устроенная компанией Мэнсона, не вернула его на землю, не заставила одуматься. Убийца Шерон Тейт был признан судом «самым вредным и опасным сатанистом из всех, что появлялись когда-либо на свете», и приговорен к смертной казни, замененной впоследствии пожизненным заключением. Узнав об этом, Пауло записал в дневнике:

> Какие странные сейчас появились орудия в арсенале войны… Наркотики, религия, мода… Против них нельзя выстоять, с ними нельзя бороться. И в этом смысле Чарльза Мэнсона следует признать мучеником, распятым на кресте.

Рауль Сейшас до знакомства с Пауло даже не слышал ни о Кроули, ни обо всей номенклатуре понятий, употреблявшихся его единомышленниками: ни об «Аструм Аргентум», ни об О.Т.О., ни о «Либер Оз». Да, он с удовольствием почитывал статьи о летающих тарелках, но больше всего на свете его интересовала музыка, а точнее — рок-н-ролл, с которым Пауло Коэльо был знаком весьма поверхностно: будущему писателю нравился Элвис Пресли, он знал по названиям самые известные группы — и на этом все. А баиянец из-за своей страсти к року дважды оставался на второй год в салвадорской гимназии Сан-Бенто, и уже в восемнадцать лет стяжал себе некоторую славу в составе своей группы «Пантеры». По требованию будущего тестя — американского пастора-протестанта — он оставил сцену, хотя такая карьера и казалась многообещающей, вернулся к учению, быстро нагнал упущенное, и после собеседования на юридическом факультете его одним из первых допустили к вступительным экзаменам.

— Я всего лишь хотел доказать людям — и прежде всего моим родственникам, — как просто учиться и сдавать экзамены, — скажет он много лет спустя, — ибо для меня самого это не имело ни малейшего значения.

В первые месяцы после свадьбы он, так сказать, кормил семью, давая уроки игры на гитаре и английского языка, который знал в совершенстве — и не только благодаря происхождению Эдит. Дело в том, что еще с конца 1930-х годов, когда в салвадорском районе Лобато разведали первые в Бразилии нефтяные месторождения, столицу штата наводнили команды геологов, инженеров и техников, вывезенных из США для работ «в поле», и присутствие их было столь ощутимо, что в некоторых слоях общества все заговорили по-английски. Однако не прошло и трех месяцев после свадьбы, как Рауль не устоял перед искушением.

В октябре 1967 года в Салвадоре оказался певец Джерри Адриани, заключивший контракт на выступления в элитном баиянском «Теннис-клубе». В этом шоу участвовали также Нара Леан, звезда боссановы, и юморист Шико Анизио. Адриани, вознесенного до статуса национальной звезды, искушенные в музыке люди ни в грош не ставили, что не мешало ему пользоваться бешеной популярностью среди молодежи. Накануне выступления, однако, к нему в отель явился представитель администрации клуба и уведомил его, что шоу отменяется по причине, которая казалась немыслимой:

— В вашем оркестре несколько чернокожих музыкантов, а чернокожим доступ в «Теннис-клуб» закрыт.

Да, так и сказал. И хотя в стране с 1951 года действовал так называемый «закон Афонсо Ариноса», квалифицировавший расовую дискриминацию как уголовное преступление, «черный не мог попасть в клуб даже с черного хода», как расскажет много лет спустя в своей песне «Традиция» другой знаменитый баиянец — композитор Жилберто Жил. Предрассудок этот выглядел особенно нелепо, если вспомнить, что клуб находился в Баие, где более семидесяти процентов населения составляли негры и мулаты. Но импресарио, занимавшийся организацией шоу, не стал заявлять в полицию, а предпочел нанять других музыкантов. И первыми, о ком он вспомнил, была безвременно почившая группа Рауля Сейшаса «Пантеры» или, как они предпочитали называться в последние годы своего существования, «The Panthers». Рауль с большим воодушевлением принял идею воскресить группу и тотчас принялся рыскать по городу, разыскивая былых сподвижников — Мариано Ланату (бас-гитара), Периньо Албукерке (гитара) и Антонио Карлоса Кастро по прозвищу Карлеба (ударные). Все — белые. Импровизация оказалась очень удачной, и выступление «Пантер» на клубной сцене приветствовал гром аплодисментов. В конце шоу Нара Леан шепнула на ухо Джерри Адриани:

— Превосходная группа. Я бы на твоем месте и дальше с ними работала.

Услыхав такое, певец в тот же вечер предложил «пантерам» поехать с ним в турне по Северу и Северо-Востоку страны. Гастроли начинались через неделю, и Рауль Сейшас понимал, что от предложения сопровождать звезду первой величины, каким был в ту пору Адриани, не отказываются: его следовало рассматривать как настоящий подарок судьбы и не раздумывая принять. Однако покинуть Баию означало поставить крест на супружестве с Эдит, а платить такую непомерную цену он не был готов. И скрепя сердце ему пришлось отказаться:

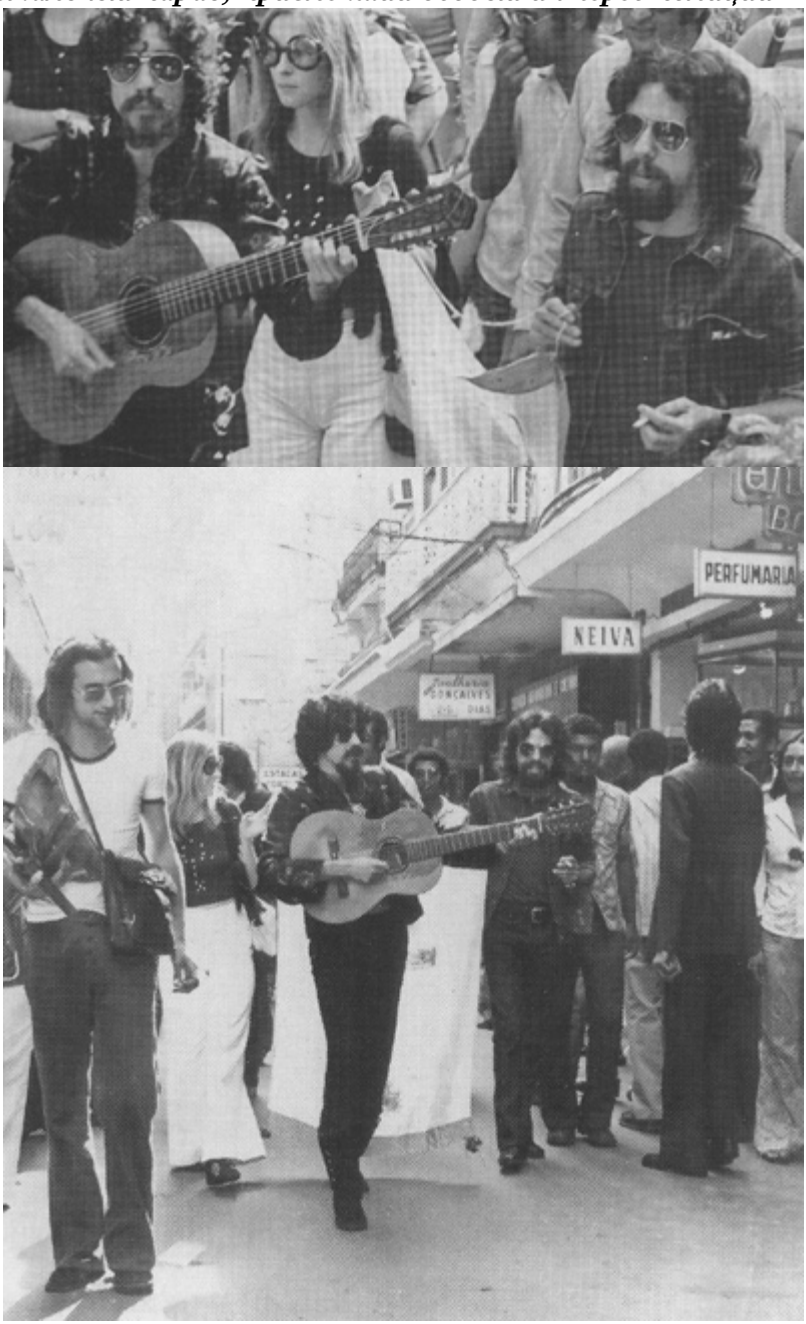
— Для меня было бы высокой честью работать с вами, но если я сейчас уеду из Баии — потеряю жену.

Адриани, заинтересованный в том, чтобы заполучить музыкантов, с которыми только что познакомился, усилил нажим:

— Если дело только в этом, считай, что проблема решена: бери жену с собой. Я приглашаю.

И воскресшая группа, получив новое название «Раульзито и Пантеры», начала турне по городам и весям Бразилии. Помимо того что медовый месяц вышел у молодоженов разнообразным и необычным, турне оказалось столь удачным, что Джерри Адриани предложил Раулю и прочим перебраться в Рио и стать профессионалами.

Пауло и Рауль устраивают на улицах Рио-де-Жанейро музыкальный парад, привлекший особый интерес полиции



В начале 1968 года они обосновались на Копакабане, но хеппи-энда не получилось. Группе удалось, правда, записать в «Одеоне» альбом, однако дальше этого дело не пошло: трудности были столь значительны, что два последующих года группа

выступала только в шоу самого Адриани. Раулю приходилось порой даже одалживать у отца деньги, чтобы заплатить за аренду квартиры, где жили они с Эдит и остальные музыканты. Возвращаться в Баию ни с чем было чувствительным ударом по самолюбию всех и прежде всего — лидера группы Рауля, но ничего другого не оставалось. Смирив гордыню, он вернулся к репетиторству, полагая, что на музыкальной карьере следует поставить крест. Однако вскоре последовало приглашение директора «Си-би-эс» Эвандро Рибейро вернуться в Рио — но уже не «бэнд-лидером», а музыкальным продюсером Его имя подсказал руководству звукозаписывающей компании все тот же Джерри Адриани, которому очень хотелось, чтобы друг вновь оказался на оси Рио Сан-Пауло, вокруг которой сосредоточилось бразильское музыкальное производство. Рауль, мечтавший взять в Рио реванш за недавнее поражение, долго не раздумывал. Попросил Эдит сложить вещи, отнести их в фургончик и двое суток спустя, в пиджаке и при галстуке, уже отправился на службу в продымленный и загазованный район старого Рио, где находилась штаб-квартира корпорации. Всего за несколько месяцев он стал продюсером у самых значительных фигур на музыкальном рынке страны, начиная с самого Адриани.

А в конце мая 1972 года он прошел пешком семь кварталов, отделявших здание «Си-би-эс» от редакции «Голубки» не только для того, чтобы похвалить заметку об инопланетянах, подписанную именем никогда не существовавшего Антонио Фигейредо. Нет, в портфеле, которым он, как всякий уважающий себя клерк, давно обзавелся, лежала его собственная статья, и он желал знать, представляет ли она интерес для публикации. Пауло принял его учтиво, сказал, что статью напечатает — журнал и в самом деле испытывал острую нужду в новых авторах — и завел разговор об НЛО и жизни на других планетах, преследуя, однако, свои цели. Упоминание «Си-би-эс» заставило его задуматься об аспектах вполне материальных — если уж этот сотрудник транснациональной корпорации утверждает, что ему нравится журнал, отчего бы не получить от него заказ на размещение рекламы на страницах «Голубки»? Краткая беседа завершилась тем, что назавтра (это был четверг) Рауль пригласил Пауло к себе в гости. Будущий писатель не предпринимал никаких шагов, не проконсультировавшись предварительно со своей новой семьей, в ту пору состоявшей из Жизы и неразлучной с ними Стеллы Паулы, — даже если речь шла о таких заурядных вещах, как идти или не идти к кому-нибудь в гости. Он вспоминал впоследствии, что все решалось голосованием:

— В стенах нашей маленькой коммуны развернулась

настоящая идеологическая дискуссия по вопросу о том, можно ли выпить вечерком дома у Рауля.

Пауло, хоть и понимал, что кроме уфологии, ничего общего у них нет, все же надеялся получить заказ на рекламу и проголосовал «за». Жиза хотела пойти с ним вместе, и Стелла, которая сочла, что это все ни к чему, осталась в «подавленном меньшинстве». В четверг вечером Пауло по дороге к Раулю завернул в магазин грампластинок и купил «Прелюдии для органа» Иоганна Себастьяна Баха. Автобус, направлявшийся с Фламенго в Жардин-де-Ала — маленький фешенебельный квартал, расположенный в южной зоне Рио, между Ипанемой и Леблоном, где находилась квартира нового знакомого, был остановлен полицейскими. С тех пор как в декабре 1968-го в стране установилась диктатура, операции «частый гребень» стали для жителей крупных городов привычным явлением. Когда Жиза увидела, что полицейские, войдя в автобус, начали повальную проверку документов, она сочла это дурным знаком и сделала попытку отвертеться от поездки в гости. Однако Пауло настоял на своем и в назначенный час — ровно в восемь вечера — нажимал кнопку звонка у дверей Рауля. Встреча продолжалась часа три. Чтобы подробности не изгладились из памяти, Пауло на обратном пути зашел в первый попавшийся бар и со свойственным ему педантизмом описал на конверте пластинки визит к тому, кого называл пока еще просто «этот малый». И все свободное пространство на конверте покрылось записями, сделанными мельчайшим почерком, который едва можно разобрать:

> Он принимал нас со своей женой Эдит и маленькой дочкой. Ей не больше трех лет. Все так чистенько, уютненько… Угощали вкусно. Как давно я не ел ничего подобного! Объеденье!
>
> — Хотите виски?
>
> Чего спрашивать-то? Разумеется, хотим! Не успел закончиться ужин, как нам с Жизой до смерти захотелось убраться подальше. Тут Рауль спросил:
>
> — А-а, я ведь хотел, чтобы вы послушали кое-что из моей музыки.
>
> Ох, мать твою! Еще и музыку слушать! Но я должен был выцарапать из него заказ на рекламу И мы отправились в комнату для прислуги, и там он взял гитару и сыграл не-сколько чудесных пьесок А потом сказал:
>
> — Ты ведь вроде писал какие-то тексты для дисков,

а? Я собираюсь вновь заделаться певцам — так не хочешь ли сочинить для меня две-три песни?

Я задумался: песни? Мне — сочинять тексты для этого олуха, который ни разу в жизни не пробовал наркоты?! Не выкурил не то что косячка, а и простой сигареты. Однако мы были уже в дверях, и я предпочел не распространяться на эту тему. Зато набрался храбрости и сказал:

— Мы тиснем твою статью… А ты не мог бы подбросить для нашего журнала рекламки?

И представьте, как я оторопел, когда он ответил, что уволился с «Си-би-эс»:

— Иду в «Филипс», потому что намерен следовать своей мечте, ведь я хочу быть не клерком, а певцом.

Тут меня осенило: олух — это я, а вот его есть за что уважать. Парень бросил службу, благодаря которой имел все, жил припеваючи и гостей принимал. Я ушел, под сильным впечатлением…

23 мая 1972 года

Дурные предчувствия, посетившие Жизу в автобусе, вскоре оправдались. Ошибкой был только год, но не дата. Именно в этот день, 25 мая, Пауло сделал первый шаг к воплощению своей мечты о славе, и этот же день, по странному совпадению, станет рубежом, вехой, если угодно, водоразделом в жизни будущего писателя. Этот день спустя несколько лет будет избран судьбой, чтобы устроить его встречу с дьяволом — церемонию, к которой он готовился как раз в пору знакомства с Раулем Сейшасом. Направляемый и руководимый Марсело Рамосом Моттой, он чувствовал себя новобранцем в фаланге Зверя. Желая присоединиться к силам зла, уже завоевавшим души Джона Леннона и Чарльза Мэнсона, он начал подготовку к инициации и вступлению в О.Т.О. в качестве «испытуемого» — такова была первая, низшая ступень в иерархии секты. Ему повезло, что его наставником стал не Мотта, а другой активист этой организации — высокопоставленный сотрудник нефтяной корпорации «Петробраз» по имени Эуклидес Ласерда де Алмейда, взявший себе «магический псевдоним» Фратер Заратустра (или просто Фратер З). Жил он в городе Параиба-ду-Сул, расположенном в полутораста километрах от Рио. «Я получил письмо — грубое, как всегда — от Марсело, — пишет ему Пауло. — Мне запрещено вступать с ним в контакт иначе как через твое посредство». С облегчением воспринял он известие о том, что наставником его будет учтивый Эуклидес, а не хамоватый Мотта, третировавший

всех своих подчиненных. Отрывки из писем, которые адресовал активистам О.Т.О. этот человек, напыщенно именовавший себя Парсифалем XI, свидетельствуют, что Пауло слегка смягчил краски, ограничившись всего лишь определением «грубый» в отношении лидера поклонников сатаны:

> <…> Лучше вообще не пиши мне. А если все же напишешь, вложи в конверт еще один — с наклеенными марками и надписанным адресом. Иначе отвечать не стану.
>
> <…> Пойми, кто ты и какое положение занимаешь, макака!
>
> <…> Если вы не способны подняться на ноги и собственными усилиями отыскать Путь, ходите на четвереньках, как и подобает твари, подобной вам.
>
> <…> Вы всего лишь — катышек дерьма на обезьяньем члене.
>
> <…> Если вдруг ваш любимый сын или вы сами заболеете смертельно опасной болезнью и вам потребуется дорогостоящая операция, деньги на которую вы сможете получить только из О.Т.О., пусть лучше ваш сын умрет, но деньги останутся неприкосновенны.
>
> <…>Ты еще ничего в жизни не видел. Дождись той минуты, когда станешь известен как член О.Т.О. Армейская контрразведка, ЦРУ, Шин-Бет[30], русские, китайцы и целый легион римских священников попытаются войти с тобой в контакт под видом «посвящаемых».

Имя Пауло Коэльо по крайней мере дважды встречается в переписке Парсифаля XI с Эуклидесом. Первое упоминание, судя по всему, связано с тем, что будущий писатель служит посредником между издательством «Эдитора Трес» (Сан-Пауло) и Марсело Моттой, желавшим напечатать там книгу Алистера Кроули «Равноденствие богов» в своем переводе на португальский:

> <…> Я вошел в прямой контакт с издательством «Эдитора Трес» через их представителя в Рио, и скоро мы увидим, чем кончится история с изданием книги Кроули. Пауло Коэльо молод, преисполнен энтузиазма, наделен живым и богатым воображением, но сейчас еще рано думать, будто публикацию в самом деле осуществит эта фирма.

Второй раз его имя упоминается в ином контексте: Мотта сурово выговаривает Эуклидесу за то, что тот прежде времени и чересчур подробно рассказал новичку о могуществе Парсифаля XI.

> <…> По словам Пауло Коэльо, ты сказал, будто я уничтожил в Бразилии масонство. Ты сболтнул лишнее. Даже если бы это было правдой, Пауло Коэльо еще не обладает достаточной магической зрелостью, чтобы понимать, как делаются такие дела, а потому был сильно смущен и растерян.

А сам Пауло к этому времени уже осуществил свои первые попытки сближения с сатаной. За несколько месяцев до знакомства с О.Т.О. и Моттой, во время одного из частых периодов тоски и упадка, казавшихся нескончаемыми, он буквально изошел жалобами. Причин тому находилось немало, но главная заключалось в том, что прожив на свете четверть века, он все еще оставался никчемным и никому не ведомым бумагомарателем, лишенным даже отдаленной перспективы когда-либо сделаться знаменитым писателем. В тот раз тупик представлялся совсем глухим, а душевная боль была столь нестерпима, что, против обыкновения, он обратился за помощью с молитвой не к Пречистой Деве и непогрешимому Святому Иосифу, а решил спознаться с князем тьмы, пообещав, что если сатана даст ему силы осуществить все свои намерения, то взамен получит его душу. «Как человек достаточно просвещенный и знакомый с принципами философии, которые правят миром, человечеством и космосом, я отчетливо сознаю, — записывает он в своем дневнике, — что дьявол — не есть зло: это всего лишь два полюса, поддерживающие человечество в равновесии». Вооружась ручкой с красными чернилами («это цвет того сверхъестественного существа, о котором идет речь»), Пауло принялся сочинять текст договора, который облек в форму письма, адресованного дьяволу. Уже «во первых строках» он дал ясно понять, что потребует соблюдения кое-каких условий, а к помощи посредников прибегать не станет:

> Ты уже давно этого добиваешься. Я давно почувствовал, как Ты стягиваешь вокруг меня кольцо и замыкаешь окружение, я знаю — Ты сильнее, чем я. И все равно — я должен иметь хоть какое-то представление о том, какую цену Ты мне предложишь. И для этого с сегодняшнего дня, то есть с 11 до 18 ноября 1971 года, я проведу эксперимент. И буду говорить напрямую с

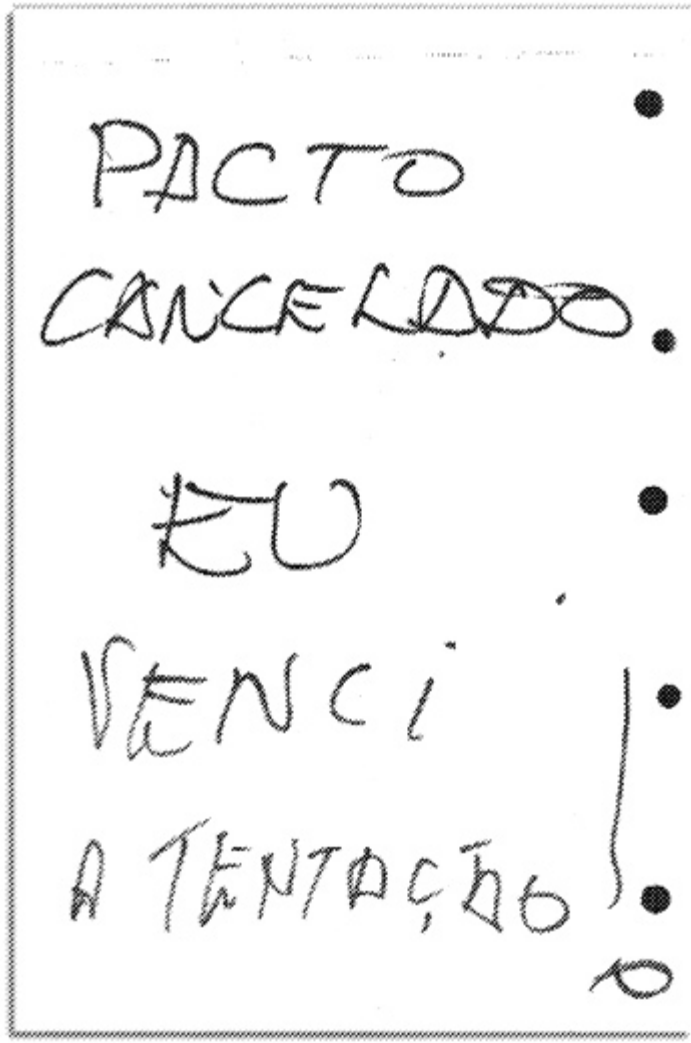
Тобой, Повелителем Иного Полюса.

Чтобы обставить сделку ритуальными действиями, он вытащил из вазы цветок и растер его о крышку письменного стола, одновременно предлагая дьяволу нечто вроде астрального «тест-драйва»:

> Я раздеру на волокна этот желтый цветок и съем его. С этой минуты и в течение семи дней я буду поступать так, как хочу, и достигну всего, чего желаю, ибо Ты сделаешь это для меня. В том случае, если останусь доволен результатами, я вручу Тебе свою душу. Если для этого потребуется какой-то обряд, я сам его придумаю.

В доказательство твердости своих намерений Пауло пообещал сатане, что в течение этого недельного испытательного срока принесет такую жертву: не будет ни молиться, ни даже произносить имена тех, кто причислен церковью к лику святых. Но особо подчеркнул, что речь идет именно о некоей пробе, а не о договоре на вечные времена. «Я сохраняю за собой право вернуться назад, — продолжал он свое письмо, — и хочу добавить, что совершаю этот поступок оттого, что меня обуяло самое беспросветное отчаяние: оно движет мною, оно направляет мои шаги». Письмо заняло не более часа. Пауло закрыл тетрадь, закурил и вышел погулять по пляжу, а когда вернулся, побелел как полотно, с ужасом осознав, какой безумный поступок совершил. Снова открыл тетрадь и крупными буквами, на всю страницу, вывел:

ДОГОВОР РАСТОРГНУТ
Я ПОБЕДИЛ ИСКУШЕНИЕ!



Пауло раскаивается и разрывает союз с сатаной

Пауло предал этот эпизод забвению, уверовав, что обвел дьявола вокруг пальца. Но поскольку встреча не состоялась, он продолжал настойчиво заклинать злого духа в своих статьях и репортажах для «Голубки» и в новом предприятии, в которое он ввязался, начав сочинять комиксы. Придуманные им потусторонние существа обрели зримые черты под карандашом Жизы и регулярно появлялись на страницах газеты. Одобрение, которым была встречена серия, повествовавшая о приключениях одинокого и миролюбивого «вампирчика», побудило Жизу отправить свои работы в «Кинг Фичерс», крупное агентство, занимавшееся распространением «историй в картинках», однако ответа она не получила. Впрочем, они с Пауло умудрялись

пристраивать свои картинки в две крупнейшие ежедневные газеты Рио — в «Жорнал» и в «Жорнал до Бразил» а для последней даже придумали специальную детскую серию, печатавшуюся в воскресном приложении. Соавторы произвели на свет чрезвычайно популярного сынка по имени Куринган: комиксы с его похождениями украшали билеты спортивной лотереи. Работы Пауло и Жизы появлялись даже на страницах «Паскима», считавшегося едва ли не официозом интеллигенции Рио. А «Голубка», практически не получавшая отчислении за рекламу, выходила тем не менее двадцатитысячным тиражом — случались такие феноменальные явления на скудном рынке контркультуры, однако во второй половине 1972 года зашаталась под бременем долгов, грозя увлечь за собой и «2001». Когда издатель Эдуардо Прадо объявил о своем намерении закрыть обе газеты, Пауло и Жиза перебрались в «Трибуна да Импренса», где вдвоем заполняли целую полосу в субботнем номере, и их рубрика получила имя журнала, скончавшегося через два номера после своего рождения — «2001».

Комикс о приключениях «Вампирчика»: рисунки сделала Жиза, текст написан Пауло

Смена работы стала еще одним шагом на пути к тому, чтобы выйдя из подземного мира эльфов и ведьм, обрести более широкую аудиторию. «Трибуна», хотя ее скромный тираж был несопоставим с крупными ежедневными газетами, пользовалась уважением читателей, и уважение это она снискала своей бескомпромиссной позицией.

Созданная в 1949 году журналистом Карлом Ласердой специально для того, чтобы оппонировать идеям, сторонникам, а затем и политическому курсу правительства, сформированного президентом Жетулио Варгасом (1951–1954), она принадлежала теперь Элио Фернандесу и была излюбленной жертвой военной цензуры. Пауло и Жиза появились в старинном здании на улице Лаврадио, где помещалась редакция, как раз в тот момент, когда репрессии достигли небывалого за всю историю этой диктатуры

размаха — и это не могло, разумеется, не отразиться на повседневном быте газеты. Вот уже три года в редакцию ежевечерне наведывались офицеры 1-й армии, которые прочитывали насквозь очередной номер и решали, что пускать в печать, а что — нет. По словам Элио Фернандеса, в ту пору примерно пятая часть всех материалов, подготовленных журналистами, каждый день выбрасывалась в корзину. Он и сам мог служить наглядным примером того, что происходит с людьми, имевшими несчастье навлечь на себя ненависть режима: начиная с 1964 года его арестовывали по крайней мере 27 раз, причем дважды высылали. Впрочем, поскольку военных мало интересовали герметизм и сверхъестественные явления, странице Пауло и Жизы ничего не грозило. Приобретенный в газете опыт побудил будущего писателя представить в рекламную службу корпорации «Петробраз» проект: раздавать на принадлежащих компании бензоколонках в штате Рио-де-Жанейро комиксы о приключениях некоего придуманного им и Жизой забавного негритенка. Менеджер отнесся к этой идее одобрительно, но когда Пауло, желая как можно более убедительно раскрыть основательность проекта, предложил во избежание рисков для «Петробраза» месяц работать бесплатно, он услышал в ответ:

— Бесплатно? Простите, но вы, оказывается, неисправимый дилетант. Здесь никто ничего не делает бесплатно. Идите, трудитесь, а вот когда станете профессионалом, тогда и принесете свой проект.

В августе Пауло, все еще обескураженный этим отказом, получил приглашение сопровождать мать и бабушку Лилизу в Европу, где они собирались провести три недели. Увлеченный журналистикой, он долго колебался прежде чем ответить согласием, однако рассудил, что не каждый день выпадает возможность съездить в Европу и пожить там, ничего за это не платя. Кроме того, можно ведь заранее приготовить несколько выпусков для «Трибуны», а Жиза в его отсутствие нарисует комиксы. (Стоит ли уточнять, что приглашение матери на его возлюбленную не распространялось?). И вот в течение 21 дня Пауло бродил по музеям, осматривал руины и храмы на своем туристическом маршруте, продолжавшемся от Ниццы через Рим, Милан, Амстердам и Лондон до Парижа. Если не считать того, что ему удалось два-три раза ускользнуть от бдительного ока матери и покурить гашиш (дело было в Амстердаме), путешествие почти на месяц отвратило его от ежедневного употребления наркотиков.

Успев привыкнуть за это время к методичной и скрупулезной аккуратности матери, Пауло, вернувшись домой и обнаружив там

полный хаос, а также и то, что работа для «Трибуны» в срок не сдана, рассвирепел:

> Не квартира, а самая настоящая помойка… Я был в ярости. Даже подмести — и то не могла! За свет не плачено, аренда не внесена… Полоса для «Трибуны» не готова… Вопиющая безответственность. Я до того обескуражен всем этим, что даже писать ничего не могу.

Впрочем, в Бразилии его ожидали не только неприятности. Покуда он путешествовал, пришло весьма соблазнительное приглашение. Глория Албуэс, сотрудница Управления образования штата Мато-Гроссо, наконец дала ход давнему проекту, который она с Пауло обдумывала во время одного из ее посещений Рио. Идея заключалась в том, что он каждые два месяца будет проводить по три недели в трех городах штата — Кампо-Гранде, Трес-Лагоас (он сейчас входит в штат Мато-Гроссо-ду-Сул, в ту пору еще не существовавший) и Куиаба — и читать там курс лекций под названием «Театр и образование» для учителей и учеников муниципальных школ. Вознаграждение обещали более чем приличное — полторы тысячи крузейро в месяц (что соответствует 560 реалам по курсу 2008 года), то есть вдвое больше того, что он получал в «Голубке» и «2001». Существовал и еще один немаловажный фактор, окончательно заставивший Пауло променять услады Рио на неприветливые края Мато-Гроссо. Когда проект этого лекционного курса только задумывался, он еще не был связан с О.Т.О., а вот сейчас его, чрезвычайно заинтересованного в распространении идей Кроули, осенило: отчего бы не использовать эти занятия как полигон, где изучались и отрабатывались бы практики и обряды черной магии?

Во время пребывания в штате Мато-Гроссо, читая подросткам курс лекций по истории и теории театра, Пауло прибегает к технике и обрядам черной магии

15
Пауло Коэльо больше не существует. Теперь он зовется «Вечный Свет» — такое магическое имя он выбрал себе для поклонения сатане

В одиночестве или в обществе Жизы, сопровождавшей его на пути постижения сатанизма, Пауло испробовал кое-какие магические ритуалы и обряды. Один из них повторялся особенно часто и заключался в том, что в каком-либо саду или парке для начала надо было сорвать жесткий остроконечный лист растения, по-латыни именуемого Sansevieria trifasciata, а в народе — «тещин язык» или «меч Святого Георгия». Если ритуал проводился на публике, новичок часто оказывался в довольно нелепом виде, ибо ему надлежало сделать десять шагов, сжимая в руке лист, словно настоящий меч, повернуться лицом на запад, поклониться на четыре стороны света, поочередно указывая острием на каждую, и выкрикивать во весь голос:

— Сила — на Западе!

Каждый шаг влево должен сопровождаться истошным криком, а глаза — устремлены к небу:

— Мудрость — на Юге! Защита — на Востоке! Победа — на Севере!

Затем «меч» нужно принести домой и рассечь на одиннадцать частей (11 — магическая цифра в телемитской теории) с помощью кухонного или перочинного ножа, который предварительно следует вонзить в землю, затем раскалить на огне и омыть морской водой. Одиннадцать кусочков раскладываются на кухонном столе так, чтобы получилась эмблема Марса — круг, увенчанный сверху маленькой стрелой (это же и символ мужского начала). Затем все это бросают в кипящую воду вместе с лепестками двух желтых роз. Весь ритуал проводится с таким расчетом, чтобы густое клейкое варево было готово к одиннадцати вечера — по Либер Озу это час Солнца, после чего его смешивают с водой для омовения, каковое должно длиться до полуночи, до часа Венеры. Проведя этот обряд, Пауло вытирался насухо и в погруженном во тьму доме, при свете единственной свечи записывал в тетрадь:

Я знаю — этот ритуал может показаться наивным до

крайности. От начала до конца он занимал два часа. Однако могу сказать, что большую часть этого времени я ощущал себя в контакте с иным измерением, где предметы переплетаются с Законами, Я чувствую механизм этой связи, хоть и не могу пока понять его, как не могу постичь его и с рациональной точки зрения. Чувствую только, что интуиция действует в непосредственной близости от разума, так что две эти сферы почти соприкасаются. Что-то заставляет меня верить — дьявол существует.

Другой часто повторяемый обряд носил название «Ритуал малой пентаграммы»: на расстеленной на полу белой простыне зеленой краской наносилась пятиконечная звезда, вписанная в символ Марса, который изображался с помощью серой бечевки. Затем нужно было погасить весь свет за исключением единственной лампочки на потолке, направленной прямо в центр пентаграммы так, чтобы получилось некое подобие столба света. С мечом в руке и совершенно голый, Пауло, повернувшись к солнцу, ступал на простыню и делал «асану дракона» (позу в йоге, при которой человек сидит на полу на корточках), прыгая по-лягушачьи и громко призывая дьявола. Однажды обряд получил незапланированное завершение, о чем имеется соответствующая запись в дневнике:

В конце первого получаса мои личные проблемы стали весьма серьезно препятствовать сосредоточенности, заставляя меня расходовать на них много энергии. Я сменил позу Дракона на позу Ибиса, оказавшись на корточках в центре круга и сотрясаясь всем телом. Это привело к сексуальному возбуждению, и я начал мастурбировать, думая не о какой-то женщине, но лишь о световом столбе, падавшем на круг. Бурный и долгий оргазм, казалось, решительно освятил меня. Разумеется, во время мастурбации я испытывал сильное чувство вины, но охвативший меня экстаз был столь мощен, что это быстро прошло.

Вот в таких невещественных — пока еще — попытках приблизиться к дьяволу и собирался Пауло дебютировать в качестве лектора. Он приготовил статьи и сценарии комиксов для «Трибуны» и других газет, с которыми сотрудничал, напечатал на машинке программу своих лекций, где профан не обнаружил бы и намека на что-либо магическое или дьявольское. «Я сознательно пошел на этот трюк, — признавался он годы спустя, — чтобы

никто ничего не понял, ибо знал, что намереваюсь совершить в высшей степени безответственный поступок, применяя магические технику и обряды в лекциях для школьников и преподавателей. Я занимался там „левой“ или самой настоящей черной магией, используя невинных и ничего не подозревающих людей для своих магических экспериментов».

Перед отъездом Пауло попросил у своего наставника Фратера Заратустры разрешения включить в курс «Изумрудную скрижаль» Гермеса Трисмегиста — свод из тринадцати заповедей, столь же пафосных, как и постулаты Кроули, — там говорилось, к примеру: «Ты достоин стяжать себе всю славу мира», или: «Сила твоя превыше всех прочих сил». Жители штата Мато-Гроссо, даже не подозревавшие, что некая секта сатанистов намерена использовать их в своих экспериментах как подопытных кроликов, приняли Пауло с распростертыми объятиями. Стоило ему появиться в одном из трех городов, включенных в проект, как тамошняя пресса рассыпалась в похвалах — неумеренных и не вполне отражавших действительность. Сравнив его с Плинио Маркосом и Нелсоном Родригесом — двумя ярчайшими звездами бразильской драматургии — газета «Диарио да Серра» (Кампо-Гранде) одобрила правительство штата, пригласившее Пауло читать курс лекций, «снискавший себе шумный успех в стенах аудиторий Рио-де-Жанейро, Белена и Бразилиа». Газета «Жорнал до Пово» (Трес-Лагоас) выражалась еще более велеречиво:

> …И вот настил черед нашего города. Мы ползшем возможность лицезреть одну из крупнейших фигур национального театра — Пауло Коэльо. Поначалу его обличье ничего нам не скажет. Но, поверьте, Пауло Коэльо — велик! Нам предстанет живое воплощение конкретизма, мощного, сложно устроенного, находящегося в постоянном развитии. Фигура, подобная этой, не сможет не расточать себя, ибо заключает в себе огромный заряд энергии, предназначенной для передачи. Не желая впасть в грех преувеличения, мы темпе менее можем с полным правом символически соотнести его с образом Иисуса Христа, как известно, тоже явившегося на землю, чтобы учить, воспитывать и взращивать.

Со времен фарса в Аракажу, когда он похитил и выдал за свою статью Карлоса Эйтора Кони, не получал Пауло таких цветистых комплиментов. А сам он посвящал немногие свободные часы тому, чтобы продвинуться еще глубже в мистицизм, не особенно выбирая средства для доступа в этот таинственный мир.

В Трес-Лагоас «через посредство некоего тибетца, выполнявшего там свою миссию», он оказался в Бразильском обществе Эубиоза[31], члены которого отстаивали необходимость гармоничного единения с природой, и в масонской ложе «Великий орден Бразилии». Узнав о существовании в городском предместье индейского квартала, он пытался расположить к себе его жителей, чтобы получить сведения об их колдовских обрядах. По прошествии трех трудовых недель Пауло собрал чемоданы и подвел в дневнике первые итоги эксперимента:

> Поначалу работа с «Изумрудной скрижалью» обернулась для меня разочарованием. Никто (включая и меня самого со всеми лабораторными опытами и импровизационными экспериментами) толком не понимал, как она действует. Тем не менее семя было заронено в души учеников, и многие из них изменили свой образ мыслей и научились думать иначе. Одна из учениц впала в транс посреди лекции. Большинство противилось, и работа до некоторой степени обрела смысл лишь в последний день занятии, когда мне все же удалось так или иначе взломать их эмоциональные барьеры. Разумеется, я говорю сейчас о чисто драматургическом развитии в отношении к Скрижали. Быть может, если бы это был не последний, а первый день занятий, я сумел бы добиться более впечатляющих результатов.
>
> Да, пока не забыл! Как-то раз я вышел собрать кое-каких трав и растений (ибо только что прочел Парацельса и собирался устроить в его память церемонию), как вдруг увидел коноплю, высаженную на газоне перед местным отделением «Банка до Бразил». Можете себе представить?

Вернувшись в Рио, Пауло от одного из сослуживцев по «Трибуне» узнал, что в редакции «Глобо» открылись вакансии. Соблазн работать в «крупнейшей общенациональной газете», как преподносила себя «Глобо», был столь велик, что он не устоял и через чье-то посредничество добился встречи с Ираном Фрежатом, грозным шеф-редактором принадлежавшей семейству Мариньо газеты. Он рассуждал так: если сумеет устроиться туда, то получит идеальный канал для распространения идей О.Т.О. В письмах к своему духовному руководителю Фратеру. Он несколько раз предлагал предоставить свою страницу в «Трибуне» в распоряжение секты, хоть его никогда об этом не просили. Рауль Сейшас, когда Коэльо рассказал ему об открывшейся

вакансии, попытался было отговорить друга от этого замысла и в очередной раз соблазнял предложением сотрудничать в музыкальной сфере:

— Да выкинь ты это из головы! Не надо тебе служить ни в какой газете — давай сочинять песни! «ТВ-Глобо» собирается выпускать в эфир новую версию «Вето Рокфеллер» (новаторски снятый сериал, с огромным успехом показанный в 1968–1969 годах теперь уже несуществующей телекомпанией «ТВ-Тупи») и заказала мне саундтрек. Давай займемся этим вместе. Я напишу музыку, а ты — тексты.

Покуда Пауло ломал себе голову, не зная, как совместить страсть ко всему сверхъестественному с необходимостью зарабатывать на жизнь, Рауль, посвятивший себя исключительно музыке, делал успешную карьеру певца: он уже выпустил долгоиграющий диск, контрабандой записанный на студии «Си-би-эс» за несколько недель до его увольнения, и собирался принять участие в Седьмом международном фестивале песни, который организовывала компания «Глобо». Но для Пауло такое сотрудничество означало бы возвращение к поэзии, а он поклялся, что этого не будет. По крайней мере в те дни ему казалось, что вакансия в редакции есть нечто вполне реальное и достижимое, а потому игра стоит свеч. В назначенный для интервью час он появился в здании на улице Иринеу, представился заведующему отделом хроники и репортажей — тот, судя по всему, пребывал в отвратительном расположении духа — и присел в уголке, ожидая, когда Фрежат обратит на него внимание. Выходя из дому, Пауло предусмотрительно прихватил с собой сборник стихотворений Сан-Хуана де ла Крус, и сейчас книга помогала ему скрасить ожидание. Но прошел уже целый час, а Фрежат ни разу даже не взглянул в его сторону, хотя несколько раз проходил мимо, раздавая распоряжения и распределяя меж сотрудниками работу. Пауло поднялся, налил себе кофе из термоса, закурил и вновь опустился на стул. Когда часы пробили три, он потерял терпение — вырвал несколько страниц из книги, разодрал их в мельчайшие клочки, собрал в сложенные ковшиком ладони, встал и засыпал этим конфетти письменный стол шефа. Тот сначала оторопел от такой невиданной в стенах редакции выходки, а потом расхохотался:

— Ты что вытворяешь, парень?! С ума сошел?!

Пауло ответил негромко, но вполне внятно:

— Я жду уже битых два часа, ты не заметил? Маринуешь меня только потому, что мне нужна работа? Я не намерен сносить такое!

Фрежат отреагировал неожиданно мирно:

— Ну, ладно, ладно, извини. Ты пришел устраиваться на работу? Мы проведем испытание: пройдешь — место за тобой. Начать можешь прямо сейчас. Отправляйся в «Санта-Каза» считать покойников.

Считать покойников? Да, одна из его ежедневных задач заключалась именно в этом: побывать в «Санта-Казаде-Мизерикордия» и других крупных клиниках Рио и собрать сведения об умерших, чтобы на следующий день заполнить их именами газетную полосу, отведенную под извещения о смерти. Несмотря на опыт, полученный в «Трибуне» и «Диарио де нотисиас», он начнет в «Глобо» с самой черной репортерской работы. Как стажер-репортер категории В, стоящий на самой нижней ступени журналистской иерархии, будет работать по семь часов в день с одним выходным в неделю и получать ежемесячно тысячу двести крузейро (около семисот нынешних реалов). Первые недели будут посвящены тому, что в газете называлось «репортажем о натюрмортах» или о «мирной демонстрации», то есть хождению по городским моргам. Те, кто при жизни сумел завоевать известность — политики и артисты, — становились добычей журналистов более высокого класса, сочинявших некрологи. В те дни, когда удавалось пройти этот скорбный путь поскорее и освободиться пораньше, Пауло будет захаживать в Манге, квартал публичных домов, и болтать с проститутками.

С ним не заключили формальный контракт — впрочем, так поступали с подавляющим большинством хроникеров почти во всех бразильских периодических изданиях, что закрывало журналистам доступ к «социальному пакету», — но дали право посещать самый дешевый редакционный кафетерий. За шесть крузейро — три реала на нынешние деньги — Пауло мог обедать или ужинать в этом заведении, где часто можно было видеть владельца «Глобо» — Роберто Мариньо, который вместе с простыми смертными двигался вдоль стойки, ставя на поднос тарелки, выкладывая приборы и салфетки. Патрон, надо полагать, тоже его заметил. Через несколько дней после того, как они вместе постояли в очереди к кассе, Фрежат сообщил новичку, что «доктор Роберто» — так все называли хозяина — уполномочил его озвучить ультиматум: Пауло, который в ту пору носил волосы до плеч, должен постричься, в противном случае он может больше в редакции не появляться. Работа в «Глобо» была так важна для него, что он исполнил требование, укоротив до разумных пределов свою черную гриву. Впрочем, мало-помалу облик сотрудников менялся, и респектабельных редакторов в пиджаках и при галстуках вытеснили косматые и расхристанные молодые люди, всем своим видом вгонявшие в столбняк ветеранов.

Тем не менее Пауло сделал два или три срочных репортажа о чрезвычайных происшествиях, и его начальники осознали, что этот новичок с глубоко посаженными глазами умеет писать и, пожалуй, его можно использовать как интервьюера. Его, правда, пока не привлекали к освещению значительных событий, и он целыми днями колесил по улицам, как и все прочие репортеры, перед которыми, однако, у него было одно неоспоримое преимущество — он почти никогда не возвращался с пустыми руками. Начальство, впрочем, даже не подозревало, что если он не находил материала для репортажа, то просто-напросто выдумывал его от начала до конца, уснащая вымышленными лее фактами, именами и свидетельствами. Однажды, получив задание сочинить репортаж о тех, кто имел отношение к организации карнавалов, Пауло провел на улице весь день, а по возвращении ранним вечером в редакцию вручил редактору, многоопытному Энрике Кабану, пять интервью с «Жоакином де Соуза, сторожем», «Алисой Перейра, официанткой», «Адилсоном Лопесом де Барросом, содержателем бара» и прочими. Репортаж завершался «анализом отношения жителей Рио к карнавалу», произведенным в высшей мере сомни-тельным «психологом Адолфо Раббитом». Ночью Пауло написал на машинописной копии своей статьи, которую унес домой, слова, навсегда оставшиеся неизвестными и Кабану, и всем прочим: «Все это ВЫДУМАНО от первого до последнего слова».

Но даже не беря в расчет столь предосудительную практикуй можно сказать, что дела Пауло в «Глобо» пошли хорошо. Не прошло и двух месяцев с начала его работы, как интервью, взятое им у Луиса Сейшаса, президента Института социального прогнозирования (на этот раз — настоящее, не фальсифицированное), поместили на первую полосу. Вслед за тем ему предложили: если он согласится пойти в «ночные редакторы», получит 50 процентов прибавки к жалованью. И то, что отпугивало большинство претендентов — работать ежедневно с двух ночи до девяти утра, — Пауло было нипочем, ибо он, человек бессонный, во мраке ночи чувствовал себя ничуть не хуже, чем при свете дня. Обязанности его заключались в следующем: прочитывать последние выпуски всех конкурирующих изданий, купленные ночью в ларьках в центре города, сравнивать их публикации с материалами, напечатанными в «Глобо», отмечать те события или явления, которые представляли интерес для газеты. После этого — вылавливать из потока радиосообщений все, что могло лечь в основу будущих статей и репортажей, и раздавать эти темы журналистам, появляющимся ранним утром. В его компетенции

было решать, какое событие, случившееся ночью, заслуживает того, чтобы послать на место происшествия репортера или фотографа, а какое — нет. В первые дни он молил Бога, чтобы в его дежурство не стряслось ничего экстраординарного, потому что побаивался брать на себя ответственность за освещение сенсации. «Я бы предпочел, конечно, иной график работы, но и этот меня устраивает, — заносит он в дневник. — Устраивал бы, если бы сукин сын Фрежат не задерживал меня здесь по утрам». За те полгода, что Пауло занимал эту должность, ему лишь однажды пришлось организовывать десант репортеров и фотокорреспондентов — это произошло, когда в ресторане «Рио Херес», в южной зоне Рио, португальские туристы в пьяной драке застрелили футболиста Алмира Албукерке, нападающего команды «Фламенго». По большей же части ночи выдавались спокойные, и Пауло, предоставленный самому себе, один в редакции, мог записывать приходящие в голову мысли на «срывах», которые потом вклеивал в дневник.

> <…> Мне кажется, шеф-редактор (Фрежат) не любит меня. В разговоре с кем-то он назвал меня «недоделанным интеллектуалом».
>
> <…> Я как-то сказал Жизе: журналистика мне нравится тем, что тому всех — короткий век. Каждый час одни падают, другие поднимаются. Скоро слетит и Фрежат, потому что задолбал всю редакцию. Впрочем, люди с хорошим характером в этой сфере — большая редкость. Таким тут не выжить.
>
> <…> Прочел о том, как некто исполосовал ножом жену, потому что не мог добиться от нее отклика. Вырежу эту заметку и покажу Жизе. Надеюсь, сделает нужные выводы.
>
> <…> Адалжиза уехала в Минас, оставив дома сущий пандемониум. Не отдала в «Трибуну» материалы, не заплатила за свет и даже не вымыла посуду. Меня подобные вещи приводят в бешенство. Порой кажется — она не имеет ни малейшего представления о том, что такое супружество. Денег у меня сейчас нет, заплатить за электричество нечем, придется сидеть в темноте. По телефону она оправдывалась тем, что у нее, видите ли, запор, но на самом деле речь идет об элементарной безответственности.

Поскольку договор с администрацией штата Мато-Гроссо предшествовал службе в «Глобо», Пауло в конце 1972 года с неимоверным трудом удалось добиться трехнедельного отпуска

за свой счет, чтобы продолжить курс лекций. Однако в начале следующего года проблема возникла вновь. «Разрываюсь между лекциями в Мато-Гроссо и работой в крупнейшей бразильской газете, пишет он в дневнике. — Кабан говорит, что мне нельзя уезжать, и вероятнее всего, придется выбирать одно из двух». Кроме того, Рауль настаивал на сотрудничестве. В доказательство искренности своего интереса к этому сотворчеству баиянец тонко польстил его самолюбию: подписал свою песню «Манговая косточка», которую только что сочинил для новой версии телеромана «Вето Рокфеллер», двумя именами. Хотя это было довольно распространенное явление в мире звукозаписи — друзей часто берут в соавторы, — этот жест означал для Пауло еще и половину отчислений по авторским правам. Мало-помалу персонаж по имени Рауль Сейшас стал занимать все больше места в жизни Пауло:

> <…> Как хорошо, как спокойно работать по ночам. Сегодня не мылся. Спал с девяти утра до семи вечера. Встал. Жиза была дома. Позвонили Раулю предупредить, что зайдем вечером.
>
> <…> Устал. Целый день барабанил по клавишам и сейчас не могу припомнить, что же я обещал Раулю.
>
> <…> Рауль пребывает в смехотворных терзаниях — соглашаться ли писать музыку на заказ, для рекламных роликов? Он не понимает — чем сильнее твоя позиция в СМИ, тем значительнее все, что ты делаешь.

Как Пауло и предвидел, в апреле 1973 пришлось определяться — остается он в «Глобо» или нет. Как и во всякой ситуации, когда он оказывался перед необходимостью делать выбор — причем неважно, много ли ставилось на карту, — он вверил свою судьбу «Книге Перемен». Оставшись дома один, сосредоточившись, Пауло бросил на стол три монетки и отметил в дневнике получившиеся гексаграммы. Сомнений не было: мудрая книга предостерегала его от работы в газете, предрекая, что подобная деятельность станет «медленным и долгим путем к несчастью». Больше ничего и не потребовалось. На следующее утро Пауло прервал свою эфемерную карьеру в газете «Глобо». Сальдо — включая и банковское — оказалось положительным. Гонорары за комиксы, за лекционное турне по штату Мато-Гроссо, страничка в «Трибуне», жалованье в «Глобо» не только обеспечили ему хлеб насущный, но и позволили начать приумножение капитала за счет скромной и осмотрительной игры на бирже. «Я потерял деньги, вложенные в акции „Банка до Бразил“. Я разорен, — скорбно отмечает Пауло в дневнике, но уже через

несколько дней ликует: — Акции „Петробраза“, стоившие по 25, когда я их покупал, сегодня взлетели до 300».

В промежутке между увольнением из «Глобо» и началом сотрудничества с Раулем Сейшасом Пауло занимался всем понемногу. Он снова начал давать уроки, готовя абитуриентов к поступлению, режиссировал шоу своего приятеля-музыканта и даже снялся в порнофильме «Рохли». Теперь, когда не надо было больше ночами напролет сидеть в редакции, а днем отсыпаться, он стал чаще видеться с Раулем — то у себя дома, то у него, — чтобы наконец наладить столько раз откладывавшееся сотрудничество. В перспективе совместного творчества имелся для Пауло и дополнительный стимул: если авторские за одну лишь «Манговую косточку» ощутимо пополняют его банковский счет, то можно себе представить, какие дивиденды принесет в случае успеха целый долгоиграющий диск.

Пауло на съемках порнофильма «Рохли». Слева от него актер Анри Фонтоура, справа — режиссер Фелипе Кароне

Раулю, человеку с опытом, который за краткий срок сумел создать свыше восьмидесяти музыкальных композиций для разных исполнителей, — хоть он и твердил, что ни одна из них ему не нравится, — удалось побороть предубеждение, которое Пауло все еще питал к любой форме поэтического творчества и простой версификации. «Чтобы говорить с людьми всерьез, не обязательно говорить сложно, — объяснял Рауль во время нескончаемых бесед. — Наоборот: чем проще ты будешь, тем серьезнее все получится». Он наставительно, как учитель ученику, растолковывал другу, что чрезмерная, головоломная усложненность ни к чему хорошему не приведет:

— Сочинить песню — значит уложить в двадцать строчек историю, которую люди будут слушать раз по десять, и их не

затошнит. Если сумеешь сделать такое — ты совершишь мощный рывок: будешь создавать искусство, понятное всем.

И они начали. С течением времени это сотрудничество переросло в нечто большее: они стали настоящими друзьями или, как любили называть себя перед журналистами — «закадычными врагами». Они часто ходили друг к другу в гости с женами, и потребовалось не так уж много времени, чтобы головокружительный омут наркотиков и черной магии затянул и Рауля с Эдит. В ту пору, правда, наркотики в жизни Пауло отошли на второй план под мощным воздействием тех ошеломительных откровений, что явили ему Фратер Заратустра и О.Т.О. Выражение «закадычные враги» было употреблено не для красного словца — вражда эта, похоже, зародилась одновременно с дружбой. Если Рауль отворил перед Пауло врата успеха и удачи, тот в свою очередь ввел его в таинственный мир, в неведомую вселенную, куда простым смертным доступа не было. По высказываниям каждого из них, повторявшимся в последующие годы, можно понять: то, что внешне походило на обмен любезностями, было тонким, едва заметным противостоянием, где каждый пытался побить карту другого — Рауль избрал себе дорогу славы, зато Пауло знал, как прийти к дьяволу.

Первый плод творческого союза появился в 1973 году — это был долгоиграющий диск, название которого — «Криг-Ха, Бандоло!» — позаимствовано у Тарзана, героя романов Эдгара Райса Берроуза, а также комиксов и кинофильмов: это его боевой клич. Из пяти песен на тексты Пауло только одна — «Аль-Капоне» — стала настоящим хитом из тех, что люди напевают себе под нос. Диск был памятен еще и тем, что в работе над ним у Рауля Сейшаса также обнаружилось дарование текстовика. По меньшей мере три песни, к которым он написал и музыку и слова — «Муха в супе», «Ходячая метаморфоза» и «Шальное золото», — будут звучать по радио и через много лет после его смерти, а умер он в 1989 году. Выход диска не стал сенсацией, однако на текущем счету Пауло впервые появились настоящие деньги. Он не поверил своим глазам, когда в отделении «Банко до Бразил» на Копакабане ему сообщили (прошло всего несколько недель после выхода пластинки), что «Филипс» перечислил на его счет ни много ни мало 240 млн. крузейро (около 200 тысяч долларов). Никогда прежде он не держал в руках таких денег.

Успех позволил им — Пауло и Жизе, Раулю и Эдит должным образом это отпраздновать. Сели в самолет и — после «детской недели» в Диснейленде во Флориде — посетили Мемфис, штат Теннеси, родной город Элвиса Пресли а потом целый месяц провели в Нью-Йорке. Однажды, гуляя по «Большому яблоку»[32],

четверка буквально наткнулась на «Дакота-билдинг» — серое и довольно мрачное здание в неоготическом стиле, где одну из квартир окнами на Центральный парк занимал Джон Леннон; кстати, там же разворачивалось действие классически сатанистской ленты Романа Полански «Ребенок Розмари». Движимые, вероятно, вошедшей в поговорку бразильской нескромностью, Рауль и Пауло сочли, что успех диска — более чем достаточное основание для того, чтобы два рокера-доходяги на какое-то время почувствовали себя равными создателю «Imagine». Вернувшись в Бразилию, оба давали интервью — в том числе и зарубежным изданиям, — наперебой вспоминая подробности разговора с Ленноном, который вместе с Йоко, якобы их принял, несмотря на то, что был нездоров, и удостоил беседы, а в обмен на их диск подарил им свой и даже дал понять, что не возражает против того, чтобы записать что-нибудь вместе. В «заявлении для прессы» было рассказано, как проходила встреча:

> <…> Джон Леннон в конце концов появился в Нью-Йорке за день до нашего возвращения. С нами был журналист одного бразильского телеканала. Когда мы расселись, журналист с места в карьер осведомился, правда ли, что Леннон и Йоко расстаются. Джон, не особенно стесняясь в выражениях, попросил его немедленно выйти вон, сказав, что «не собирается тратить время на вздорные сплетни». Из-за этого инцидента атмосфера встречи поначалу была довольно напряженной, тем более что Джон сразу предупредил нас, что любая попытка «капитализировать» ее и использовать для «самораскрутки» будет принята им с крайним неодобрением. Через несколько минут, когда обстановка немного разрядилась, мы полчаса без умолку) говорили о настоящем и будущем. Мы намерены предавать гласности результаты этой встречи постепенно — по мере развития ситуации.

Все это была чистейшая ложь — от первого до последнего слова. С течением времени все тайное, как водится, стало явным. Пауло и Рауль никогда не были у «битла» дома и никогда не встречались там с Йоко Оно. Ближайшим к Леннону человеком, с которым им удалось поговорить, был швейцар из «Дакота-билдинг»: он по интерфону сухо уведомил визитеров, что «мистера Леннона нет дома» — тем дело и кончилось. Не менее вопиющая ложь содержалась в заявлении для прессы, где сообщалось, будто на Леннона произвел глубокое впечатление

проект под названием «Альтернативное общество», который Рауль и Пауло собирались запускать в Бразилии.

На самом деле у них постепенно созрел план создать некую общность, вдохновленную идеями Алистера Кроули, которые в начале XX века тот пытался воплотить в жизнь в Чефалу, на Сицилии. Будущему «Городу Звезд», как предполагал назвать его Рауль, отводилось место в городке Параиба-до-Сул, где проживал «посвященный» Эуклидес Ласерда, он же — Фратер Заратустра. Рауль так быстро вписался в мир наркотиков и магии, что уже через год после знакомства с Пауло даже отдаленно не напоминал того благопристойного менеджера, что появился когда-то в редакции «Голубки». Бородатый и вызывающе длинноволосый, он и одевался теперь весьма экстравагантно: носил джинсы, узкие в бедрах и сильно расклешенные внизу, и пиджак из лайки на голое тело — костлявое, бледное и со впалой грудью.

По возвращении из Америки друзья приступили к своей наиболее успешной совместной работе — долгоиграющему диску «Гита». Тексты семи песен (из одиннадцати) были написаны Пауло, а по крайней мере три из этих семи стали визитными карточками тандема — «Страх дождя», «Гита» и «Альтернативное общество». В первой — с самого начала — обнаруживался, мягко говоря, нетрадиционный взгляд автора па институт брака:

Напрасно ты думаешь, будто я раб
Что если муж, так уйти не посмею
Как галька на пляже, останусь недвижен,
Рядом с тобой проживу, не познав
Новой любви, что жизнь мне подарит…

Конверт пластинки «Гита» с логотипом «Альтернативного общества»; по настоянию Пауло с берета Рауля удалили красную звездочку

Да и сама эта композиция была не чем иным, как точным и тщательно выполненным переводом диалога из священной индуистской книги «Бхагават Гита», только что прочитанной соавторами. Наиболее интригующей все же оказалась шестая песня — «Альтернативное общество» — точнее, ее подоплека. На первый взгляд, слова песни звучат как невинная сюрреалистическая шуточка, чей основной смысл заключен в единственной строфе, повторяющейся рефреном:

Если ты хочешь и я хочу
Мыться в шляпе,
Ждать Санта-Клауса,
Обсуждать Карлоса Гарделя —
Давай!

Именно в рефрене, начинавшем и завершавшем каждый

куплет, скрывалась тайна. Рауль, чей голос подхватывался затем хором, открывал ее:

Делай что хочешь, вот и весь закон.
Да здравствует Альтернативное общество!

Чтобы ни у кого не оставалось сомнений относительно их намерений, авторы включили в текст целые фрагменты из «Либер Оз» и потом открыли карты, назвав того, кому служат. Рауль пел рефрен, а на фоне рефрена его собственный голос произносил следующие слова:

Число 666 зовется Алистер Кроули!
Ура ему! Ура!
Да здравствует Альтернативное общество!
Телемский закон…
Ура! Ура!
Да здравствует Альтернативное общество!
Закон сильного —
Это наги закон и радость мира.
Ура! Ура!
Да здравствует Новый Аэон!

Несмотря на то, что лишь горсточка причастных к миру Кроули понимала смысл этих слов, Пауло Коэльо и Рауль Сейшас решили превратиться в глашатаев О.Т.О., а следовательно, — провозвестников сатаны. Правда, многие слушатели восприняли песню как зашифрованное послание, иносказательный гимн новому обществу как альтернативе режиму военной диктатуры. Судя по всему, правительство придерживалось того же мнения: разрешив выход диска, цензура тем не менее запретила Раулю публичное исполнение «Альтернативного общества» во время гастролей по стране. Так или иначе, но их финансовые дела были столь хороши, что Пауло окончательно уверовал, что годы нищеты остались позади. Однажды вечером он — уже не впервые — записал не в дневник, а на магнитофонную кассету следующее высказывание, прочитанное не без пафоса, словно со сцены:

15 апреля 1974 года на 26-м году жизни я, Пауло Коэльо, завершил оплату своих преступлении. Лишь в 26 лет я непреложно убедился, что расчелся сполна. Теперь мне причитается вознаграждение.

Теперь я хочу получить то, что мне следует.

А следует мне то, чего я пожелаю!
А желаю я денег.
И власти!
Я желаю славы, бессмертия и любви!

Покуда прочие желания не исполнились, он наслаждался деньгами, славой и любовью. В начале мая Рауль пригласил их вместе с Жизой в Бразилиа, где ему предстояло дать три концерта на Фестивале наций, проходившем в столице 10, 11 и 12 мая. А заодно и начать раскрутку нового диска «Гита», который должен был поступить в продажу через несколько недель. Пауло, верный последователь китайской «Книги перемен», заглянул в нее, подкинул монетку и убедился, что поездка ничем ему не грозит. В пятницу они остановились в фешенебельном в ту пору отеле «Насьональ», а в день первого концерта их обоих пригласили в федеральную полицию для рутинной процедуры: напомнить, что можно и чего нельзя исполнять на публике. Принимавшие их полковник и чиновник из цензурного комитета сообщили, что в их случае под запрет подпадает лишь одна композиция — «Альтернативное общество». Первые два выступления, проходившие в набитом до отказа спортивном комплексе, прошли без непредвиденных обстоятельств. В воскресенье, когда должно было состояться заключительное шоу, у Рауля, целый день и пол вечера курившего марихуану, случилось то, что он определял словом «затык»: он не мог вспомнить ни единого слова из своих песен. Покуда группа продолжала «разогрев», Рауль, присев у рампы на корточки, шептал соавтору, сидевшему в первом ряду:

— Дон Паулете, выручай! Поднимись на сцену, займи публику на минутку, а я хоть умоюсь холодной водой, вдруг поможет.

Представив зрителям своего «дорогого соавтора», он сунул тому в руки микрофон и скрылся за кулисами. Поскольку публика сопровождала музыку ритмичными рукоплесканиями и выкрикивала рефрен запрещенной песни, Пауло ничего не оставалось, как сделать то же самое и запеть вместе со всеми:

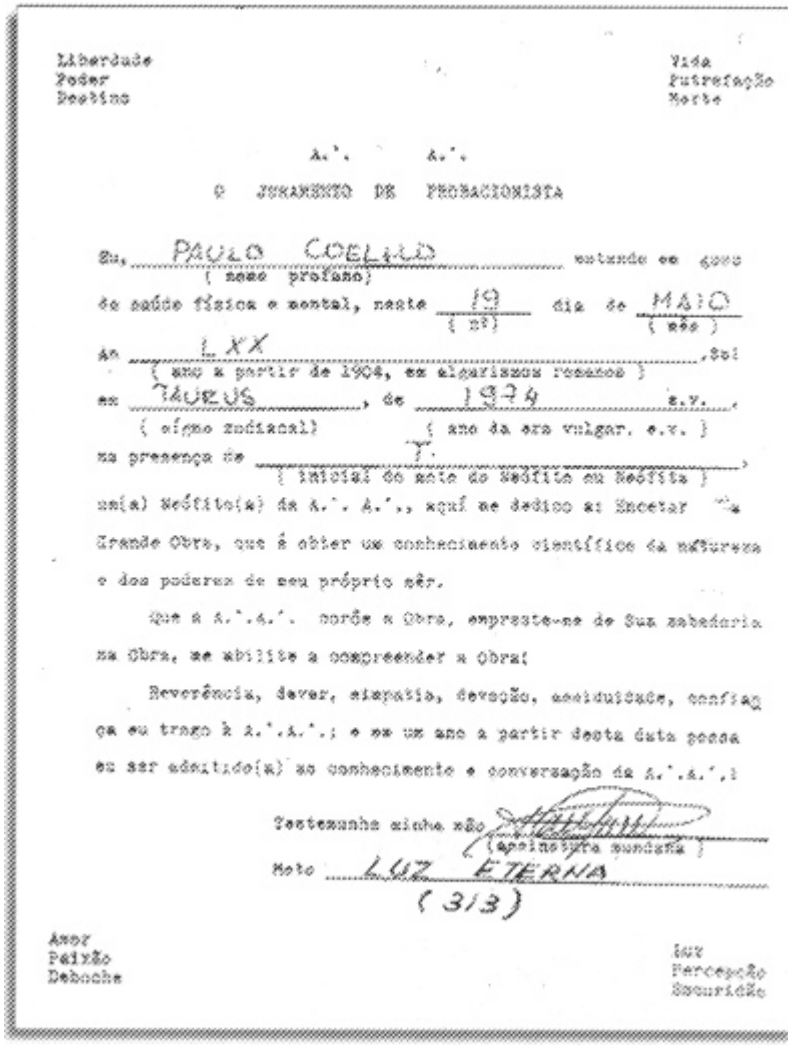
Ура! Ура! Да здравствует Альтернативное общество!
Ура! Ура! Да здравствует Альтернативное общество!

По возвращении в Рио он кратко подвел в дневнике итоги уикенда в столице:

Поездка была спокойной. В пятницу был у нас официальный контакт с властями — мы говорили с

начальником цензуры и полковником федеральной полиции. В воскресенье впервые общался с большой аудиторией — был захвачен врасплох.

В ту неделю Пауло принял важное для себя решение: оформить свое формальное членство в О.Т.О. в звании «испытуемого», то есть новичка, принеся клятву верности «великому делу». Для адептов сатанизма, для приверженцев дьявола с 19 мая 1974 года перестало существовать «профанное имя» Пауло Коэльо де Соузы, уступив место имени магическому, которое он выбрал для себя сам — «Вечный Свет», или «Стаарс», или совсем коротко — «313». Отослав по почте свою клятву, он записал в дневнике: «Его столько раз заклинали явиться, что где-то совсем близко должен был бы уже ощущаться запах серы». Что ж, он накликал. Утром 25 мая, через шесть дней после вступления Пауло в мир тьмы, состоялась его столь желанная встреча с сатаной.



Liberdade
Poder
Destino

Vida
Putrefação
Morte

A.·. A.·.

O JURAMENTO DE PROBACIONISTA

Eu, PAULO COELHO (nome profano) entendo ser gozo de saúde física e mental, neste 19 (nº) dia de MAIO (mês) An LXX (ano a partir de 1904, em algarismos romanos) Sol em TAURUS (signo zodiacal), de 1974 e.v. (ano da era vulgar. e.v.) na presença de T. (inicial do nome do Neófito ou Neófita) um(a) Neófito(a) da A.·. A.·., aqui me dedico a Encetar a Grande Obra, que é obter um conhecimento científico da natureza e dos poderes de meu próprio ser.

Que a A.·.A.·. corôe a Obra, empreste-me de Sua sabedoria na Obra, me abilite a compreender a Obra!

Reverência, dever, simpatia, devoção, assiduidade, confiança eu trago à A.·.A.·.; e em um ano a partir desta data possa eu ser admitido(a) ao conhecimento e conversação da A.·.A.·.!

Testemunha minha mão (assinatura aqui) Hollanda

Nome LUZ ETERNA

(313)

Amor
Paixão
Deboche

Luz
Percepção
Sexualidade

19 мая 1974 года (по профанному летоисчислению) Пауло меняет имя, полученное при крещении, на «Вечный Свет» — или «313»

16
Пауло ускользает из когтей дьявола и из лап политической полиции, но попадает туда, где хуже, чем в аду

Огромные деньги, перечисленные «Филипс» на банковский счет Пауло, были лишь обещанием грядущих богатств. Вдогонку за долгоиграющим диском (ДЦ), стяжавшим шумный успех, компания выпустила сингл с «Гитой» и «Беги, не стой!» — последняя родилась по дороге из Рио в Баию, когда соавторы на несколько дней завернули в глухое бразильское захолустье, где в городке Диас д'Авила жили родители Рауля. Сингл, который должен был по замыслу продюсеров всего лишь разжечь аппетит публики перед выходом ДЦ, намеченным на июнь, разошелся всего за месяц тиражом свыше 100 тысяч экземпляров и принес соавторам «золотой диск» — первый из тех шести, что они получат за свои произведения. Всякий раз, как на волнах той или иной радиостанции, которые, сами того не ведая, призывали дьявола, звучал рефрен «Да здравствует Альтернативное общество!», в копилке композитора и поэта раздавался сладостный звон. В апреле 1974 года Пауло приобрел 150-метровую квартиру на улице Волунтариос-де-Патриа в фешенебельном районе Ботафого — всего в нескольких кварталах от дома, где родился и вырос, — и переехал туда вместе с Жизой.

24 мая, в пятницу, через две недели после блиц-визита в Бразилиа, Раулю по телефону сообщили, что в понедельник ему надлежит явиться в ДОПС и «представить объяснения». Он, поднаторевший в переговорах с цензурой по поводу запретов на то или иное произведение, не слишком встревожился, но все же для большей уверенности попросил соавтора составить ему компанию. Едва повесив трубку, Пауло обратился к «Книге перемен» — не опасно ли отправляться с Раулем в ДОПС? И поскольку полученный ответ гласил скорее «нет», чем «да», — «скорее» потому, что «И Цзин» не всегда выражается определенно, — он выбросил свои опасения из головы.

В субботу утром; проснувшись, Пауло обнаружил записку от Жизы, которая спозаранку куда-то ушла и обещала скоро вернуться. Развернув просунутую под дверь «Жорнал до Бразил», он обратил внимание на дату, которая была указана сразу под названием газеты — оказалось, что в тот день исполнилось ровно два года их знакомству с Раулем, знакомству, которое

ознаменовало столь крутой поворот в его жизни. Пауло выпил кофе, закурил, взглянул в окно на залитую солнцем мостовую — и пошел надевать бермуды для ежедневной часовой прогулки. Ощутив легкий запах гари, он проверил розетки и электроприборы — все было в порядке. Однако запах усиливался. Странно, неисправная проводка или перегоревшая бытовая техника так не пахнут… Однако запах с каждым мгновением все сильнее напоминал ему о чем-то… У него похолодело в груди, когда память услужливо подсказала: запах, пропитавший его квартиру, похож на тот, что стоял в морге Санта-Каза-де-Мизерикордия, куда он на протяжении нескольких месяцев ежедневно наведывался, собирая сведения о покойниках для извещений о смерти в «Глобо». Это был особый запах никогда, очевидно, негаснущих свечей, озарявших процесс распада и тления. Но теперь он ощущался столь сильно, словно загорелись сотни, если не тысячи траурных светильников одновременно.

Он наклонился зашнуровать кроссовки — и в этот миг ему показалось, будто деревянные шашки паркета поднялись и летят прямо ему в лицо. Но нет: это от сильнейшего приступа головокружения у него вдруг ослабли и подкосились ноги. Чтобы сохранить равновесие, Пауло подался вперед и едва не распластался по полу. Головокружение усиливалось. Попытался вспомнить, что ел накануне, не отравился ли — но нет, все было как всегда, да и потом он не испытывал дурноты, не чувствовал позывов на рвоту — и вообще ничего, кроме того, что его неодолимо тянет к себе и вот-вот поглотит какая-то пучина, уже овладевшая всем вокруг. В промежутках, в моменты просветления Пауло сознавал, что квартира тонет в темной пелене тумана — словно солнце вдруг перестало светить, а дом заволокли пепельно-серые тучи. В голове мелькнула мысль, что все происходящее — это пугающий всякого наркомана «дурной трип»[33] — путешествие, отправившись в которое, любители ЛСД иной раз не возвращаются. Но это было невозможно — он уже очень давно не употреблял ЛСД. И никогда не слышал, чтобы марихуана или кокаин могли ввергнуть человека в столь тяжкое состояние.

Пауло хотел было открыть дверь, выйти, но страх парализовал его. Там, на улице, могло быть еще хуже, чем здесь. Теперь к головокружению и пелене перед глазами прибавился оглушительный шум — такой, словно какое-то могучее существо крушило все вокруг. Однако мебель оставалась на своих местах. Ослабев от ужаса, не находя в себе сил что-либо предпринять, Пауло как надежду на спасение воспринял трель внезапно зазвонившего телефона. Он взмолился: Господи, сделай так,

чтобы это был Эуклидес Ласерда, Фратер Заратустра, который, без сомнения, сумеет положить конец этой муке. Он схватил трубку и тут же едва не выронил ее, осознав, что воззвал к Господу ради того, чтобы поговорить с учеником дьявола. Но это оказался не Эуклидес! Дело обстояло хуже: звонила его подруга Стелла Паула, которую он сам некогда завлек в О.Т.О. Перепуганная не меньше Пауло девушка, захлебываясь рыданиями, просила помощи: ее квартира окутана черным дымом, пропахла смрадом разложения и еще какими-то удушающими миазмами. Услышав такое, неудержимо зарыдал и сам Пауло. Он дал отбой и тут, вспомнив верное средство, всегда помогавшее, если перебирал с марихуаной или кокаином, бросился к холодильнику и начал пить молоко, стакан за стаканом, а потом до отказа открутил кран и сунул голову под струю холодной воды. Никакого эффекта. Запах-мертвечины не исчез, черная пелена перед глазами не рассеялась, голова кружилась а в ушах, как и прежде, стоял такой немыслимый грохот, что Пауло заткнул уши, чтобы хоть немного его приглушить.

И лишь когда из глубин памяти вдруг выплыл древний иероглиф, он начал понимать, что происходит. Полностью разорвав узы, связывавшие его с христианской верой, он в последние несколько лет заряжался негативной энергией, стремясь к цели, которой не сумел достичь сам Алистер Кроули, — к встрече с дьяволом. А в это субботнее утро произошло то, что Фратер Заратустра называл «выбросом магической энергии»: то, о чем Пауло так часто просил, о чем заклинал, пытался добиться с помощью всех своих обрядов, омовений, мечей Святого Георгия, наконец свершилось. Просимое — даровано: Пауло оказался лицом к лицу с дьяволом. Ему захотелось выброситься из окна, однако он сообразил, что, прыгнув с четвертого этажа, может расшибиться, переломать руки и ноги, утратить способность двигаться, но вовсе не обязательно умрет. Рыдая, как заблудившийся ребенок, зажав уши, пригнув голову к коленям, он вспоминал обрывки проклятий, которыми в колледже Санто-Инасио гремел когда-то с амвона падре Руффьер:

> <…> И вот мы уже в аду! Мы видим вокруг лишь слезы и слышим скрежет зубовный!
>
> <…> И все мы рыдаем и каемся, а дьявол смотрит на нас с мерзкой улыбкой, от которой наши страдания становятся еще страшнее. Но самая лютая кара, самая невыносимая муки — в том, что у нас нет никакой надежды. Мы останемся здесь на веки вечные.

<…> А дьявол говорит: милый мой, твои страдания еще и не начинались!

Да, вот оно — Пауло попал в ад, который оказался пострашнее, чем живописал его падре Руффьер, и где вдобавок ему суждено пребывать в одиночестве. Да, потому что началось это уже давно — сколько же прошло? два часа? три? Он потерял представление о времени — а Жиза куда-то запропастилась. Может, и с ней что-нибудь стряслось? Чтобы перестать думать об этом и хоть как-то отвлечься, он принялся пересчитывать книги на полках, потом диски, картины, ножи и вилки, тарелки, носки, трусы… Доходил до конца и все начинал с начала — книги, пластинки… Жиза застала его над раковиной на кухне, с тарелками в руках и, переполошившись, принялась расспрашивать, что с ним, однако Пауло, дрожа всем телом и стуча зубами, не силах был ничего объяснить, только твердил: «Не знаю».

— Как не знаешь?! Все ты знаешь! — вспылила Жиза. Обнявшись, они опустились на колени и оба заплакали. В ту минуту, когда Пауло признался Жизе, что боится смерти, в голове его вновь ожили видения прошлого: «Тебя страшит смерть, — кричал ему когда-то падре Руффьер, — а меня возмущает твой страх!» Жизе тоже было неловко, что такой панический ужас обуял человека, еще совсем недавно казавшегося всезнающим, уверенным в себе, настоящим мужчиной, который познакомил ее с разнузданными магическими действами О.Т.О. Впрочем, он находился в таком состоянии, что ничье мнение — падре, возлюбленной или отца с матерью — его не интересовало. А истина заключалась в том, что он не хотел умирать, а еще меньше — отдавать душу дьяволу. Набравшись храбрости, он шепнул Жизе на ухо:

— Надо пойти в церковь! Надо выбраться отсюда и прямиком двинуть в церковь!

Активистка левого движения не поверила своим ушам: ее возлюбленный собрался в храм Божий?

— Что ты там собираешься делать, Пауло?

Общаться с Богом. Просить у Него прощения за то, что сомневался в Его существовании, и тем самым положить конец этим мукам. Он потащил Жизу в ванную, включил душ, а сам скорчился на полу рядом с нею. Смрад, туман и грохот не исчезали. Пауло принялся громко читать молитвы, все, какие только знал: «Отче наш», и «Верую», и «Богородице, Дево…», пока Жиза не начала вторить ему. Потом они так и не смогли вспомнить, сколько времени провели на полу душевой кабины,

под ледяными струями воды, от которой у них посинели и онемели кончики пальцев, но наконец Пауло вскочил, опрометью бросился в гостиную и схватил с полки Библию. Вернувшись к Жизе, он открыл священную книгу где пришлось, — а пришлось на 24-й стих 9-й главы Евангелия от Марка — и вместе с Жизой принялся твердить, как мантру:

Верую, Господи, помоги моему неверию…
Верую, Господи, помоги моему неверию…
Верую, Господи, помоги моему неверию…

Эти пять слов они повторяли сотни, если не тысячи раз. При этом Пауло — так же громко — отрекался от всяких связей с О.Т.О., Кроули и всеми демонами, которые в ту субботу, судя по всему, вырвались из преисподней, чтобы мучить его. Когда же наконец пришло умиротворение, за окнами уже вечерело, а Пауло пребывал в совершеннейшем изнеможении — физическом и моральном.

После всего пережитого они побоялись оставаться на ночь у себя дома, хотя там не было ни следа от бушевавшего совсем недавно землетрясения, все оставалось по-прежнему — и книги на полках, и мебель, и утварь. Решив не рисковать, они провели остаток уикенда в квартире Педро и Лижии, в квартале Гавеа. После того как Жиза сблизилась с Пауло, она часто бывала у его родителей, а те — Лижия в особенности — радушно ее принимали, были с ней ласковы и заботливы. В глазах родителей главным недостатком Жизы был ее политический радикализм. На воскресных семейных обедах, когда за столом собирались родители, дяди-тети и бабушки-дедушки Пауло, Жиза не упускала случая лишний раз продемонстрировать свои убеждения, хоть и знала, что аудитория состоит из пламенных сторонников Салазара, Франко и, разумеется, твердолобых апологетов нынешнего бразильского режима. Мало-помалу Жиза отходила от активной работы в студенческом движении, но взглядам своим оставалась верна.

…Когда во втором часу дня Пауло и Жиза покидали родительскую квартиру, дона Лижия напомнила, что вечером ждет их на ужин, который устраивала в честь своей сестры Элоизы. Пауло в ту пору еще не водил машину, и они на такси вернулись к себе. Не было ни зловония, ни миазмов, ни битого стекла — ничто не напоминало о том, что всего двое суток назад, по их убеждению, здесь развернулась битва Добра со злом. Приняв душ, Пауло выбирал одежду и решил больше не быть рабом предрассудков. Вытащил из шкафа голубую рубаху с

короткими рукавами и цветными аппликациями на карманах, подаренную матерью три года назад и ни разу не надеванную. Не надевал он ее потому, что она была куплена родителями в Асунсьоне, столице соседнего Парагвая, а Пауло после своего тюремного заключения в Понта-Гросса не мог ни слышать, ни произносить это название. Облачаясь в нее, он первым делом хотел проверить, избавился ли от своей эзотерической чуши. Они с Жизой пообедали, а в два часа Пауло отправился к Раулю, чтобы сопровождать друга в ДОПС.

Им потребовалось более получаса, чтобы по забитым машинами улицам проехать 15 километров от Жардин-де-Ала до штаб-квартиры ДОПС в самом центре города; они потратили это время на обсуждение предстоящих дел и прежде всего — раскрутки нового диска. Год назад, выпустив альбом «Криг-Ха, Бандоло!», оба прошли во главе шествия по самому центру старого Рио — идея принадлежала Пауло и оказалась очень удачной. Хеппенинг, к которому еще не успели привыкнуть, удостоился нескольких поистине бесценных минут в выпусках новостей, не говоря уж об интервью в газетах и журналах. Для «Гиты» они хотели устроить что-нибудь более экстравагантное. Спокойствие, в котором пребывали оба друга, направлявшиеся в политическую полицию военной диктатуры — причем одни, без адвоката или представителя фирмы-производителя, — объяснялось вовсе не легкомыслием. Оба они — Рауль уж точно — были довольно известны в музыкальном мире, а кроме того, не прятали никаких «скелетов в шкафу». Если не считать отсидки Пауло в Понта-Гросса в 1969-м да кое-каких трений с цензурой, ни того, ни другого нельзя было записать в противники режима. Режим так или иначе давно ликвидировал всех, кто с оружием в руках ему противостоял. Полгода назад, в конце 1973-го, армейские части буквально утопили в крови последние очаги сопротивления в Арагуайе, на юге штата Пара, убавив численность бразильской компартии на 69 активистов. Режим был и еще долго будет повинен в жестоких расправах и казнях, но в тот майский понедельник 1974 года не было никаких оснований опасаться ДОПС — уже хотя бы потому, что было известно: в пытках и тайных убийствах замешаны главным образом органы контрразведки сухопутных, военно-морских и военно-воздушных сил.

И когда такси доставило соавторов на улицу Раласан к столетнему трехэтажному зданию, находящемуся в двух кварталах от офиса «Филипс», на часах было ровно три. Пауло присел в коридоре на скамью и развернул газету, а Рауль просунул свои документы в окошечко, после чего отправился

куда-то, а через полчаса вернулся. Но вместо того чтобы подойти к Пауло — приблизился к висевшему на стене телефону-автомату и, сделав вид, будто набирает номер, пропел по-английски:

> My dear partner, the men want to talk with you, not with me…[34]

Пауло, кажется, не понял смысл этого трюка, призванного предупредить его об опасности. А Рауль продолжал барабанить пальцами по телефону и повторять как припев:

> They want to talk with you, not with me…
> They want to talk with you, not with me…

Пауло все еще ничего не понимал. Он поднялся, шагнул к нему и спросил с улыбкой:

— Что ты удумал, Рауль? Что это ты распелся?

Когда он был уже у самого выхода, полицейский взял его за плечо:

— Нет, ты как раз постой. Придется задержаться и кое-что объяснить.

Ошеломленный Пауло, едва успев пробормотать Раулю: «Дай знать отцу», отправился с полицейским по лабиринту полутемных коридоров, а потом через внутренний двор — в галерею с камерами-клетками по обеим сторонам: большая часть камер была пуста, и всюду стоял сильнейший запах мочи и дезинфицирующих средств. Провожатый остановился перед камерой, где сидели двое чернокожих парней, открыл дверь, втолкнул Пауло внутрь и повернул ключ в замке. Не говоря ни слова «старожилам», наш герой опустился на пол в состоянии, близком к панике, закурил и принялся соображать, почему вдруг оказался за решеткой и что стоит за этим арестом. Размышления, в которые он погрузился, прервал один из новых соседей — тот, что помоложе:

— Ты не Пауло Коэльо случайно? — спросил он.

— Ну да, он самый. А что? — машинально отвечал Пауло.

— Мы — «Божьи дети». Я муж Талиты, с которой ты познакомился в Амстердаме.

Да, действительно. Он вспомнил, как в Голландии к нему прицепилась бразильская девчонка, распознала земляка по национальному флагу, украшавшему спину его джинсовой куртки. Двое парней, как и Пауло, не знали, за что их задержали. Возникшая несколько лет назад в Калифорнии секта «Божьи дети»

обрела в Бразилии сотни адептов, за что и поплатилась серьезными обвинениями — в поощрении педофилии, например, и кровосмесительном растлении малолетних. Сам факт, что эти трое сидели сейчас в камере ДОПС, как нельзя лучше характеризовал вектор политических репрессий в стране. Грозная и беспощадная машина, предназначенная для борьбы с вооруженными герильеро, обрушивала теперь удары на хиппи, наркоманов и членов различных сект. Лишь около шести вечера полицейский в штатском — но с кобурой на поясе и картонной папкой в руках открыл зарешеченную дверь и осведомился:

— Кто тут Пауло Коэльо де Соуза?

Пауло встал, и его препроводили на второй этаж, в кабинет, где не было ничего, кроме письменного стола и двух стульев. На один сел полицейский, а на другой он велел сесть Пауло. Из папки полицейский извлек и разложил на столе четырехстраничный комикс, выпущенный вместе с ДЦ «Криг-Ха, Бандоло!», и завел с арестованным сюрреалистический разговор:

— Что это за дерьмо?

— Комикс, сопровождающий альбом, который записали мы с Раулем Сейшасом.

— А что означает «Криг-Ха, Бандоло!»?

— Означает «Берегись! Враги!»

— «Враг»? Какой враг? Правительство? На каком это языке?

— Против правительства мы ничего не имеем. Враги — это африканские львы, а написано это на языке, который в ходу в королевстве Пал-у-Дон.

Удостоверившись, что патлатый заморыш его дурачит, полицейский потребовал, чтобы ему все подробно объяснили. Пришлось объяснять, что все это — литературный вымысел, вдохновленный персонажами комиксов про Тарзана, который жил в воображаемой стране под названием Пал-у-Дон. Однако полицейского эти объяснения не убедили:

— А кто все это сочинил?

— Я. А моя жена — она архитектор — проиллюстрировала.

— Как зовут вашу жену? Где она сейчас? Интересно послушать, что она скажет.

Пауло перепугался — неужели по его вине весь этот кошмар ожидает и Жизу? — однако сообразил, что в такой ситуации лучше говорить правду, тем более что нет никаких оснований врать: ни он, ни она ни в чем не повинны. Он взглянул на часы — было почти восемь вечера.

— Зовут ее Адалжиза Риос. Мои родители сегодня пригласили нас на ужин. Сейчас она должна быть уже там.

Полицейский собрал разложенные по столу бумаги, сигареты и зажигалку, поднялся и велел окончательно павшему духом Пауло:

— Следуй за мной. Поедем за твоей хозяйкой.

…Садясь в черно-белый «воронок» с эмблемой Управления безопасности Рио-де-Жанейро, Пауло на миг испытал облегчение: это означало, что он арестован официально и, стало быть, формально находится под защитой государства. Несравненно хуже было бы попасться в руки людей в штатском, разъезжавших в автомобилях без номерных знаков, хватавших людей без ордера и постановления. Это означало бы пытки и перспективу разделить участь 117 бесследно сгинувших политиков. Родители Пауло глазам своим не поверили, когда из фургона вылез сын в окружении четверых вооруженных конвоиров. Сказали, что Жизы пока нет, стали спрашивать, что случилось. Пауло попытался их успокоить — дело пустяковое, небольшая проблема с диском, она вскорости решится, и они с Жизой успеют к ужину. Один из сопровождающих, обращаясь к родителям, подтвердил его слова:

— Это точно. Скоро оба будут дома.

И вот, опять оказавшись на заднем сиденье автомобиля — двое полицейских по бокам, двое впереди, — Пауло покатил назад, в управление ДОПС. По дороге он спросил, нельзя ли остановиться у телефона-автомата — дескать, надо сообщить в «Филипс» о неприятностях, которые вызвал выпущенный компанией диск. «Нельзя», — ответил один из спутников и успокоил Пауло, мол, волноваться нечего, скоро отпустят и его, и жену. Уловка не удалась: на самом деле Пауло хотел позвонить

домой и предупредить Жизу, чтобы та выбросила марихуану, лежавшую на видном месте в гостиной. Будто оледенев, он не произнес ни слова, пока не добрались до подъезда дома на Волунгариос. Один полицейский остался внизу, трое других погрузились вместе с Пауло в тесную кабину медленного лифта — казалось, на четвертый этаж он поднимал их целый час. Они вошли в квартиру в тот миг, когда Жиза в ярком индийском сари до пят гасила свет, собираясь уходить.

— Милая, это люди из ДОПС, они хотят кое-что выяснить насчет нашего диска и того комикса, что мы с тобой смастерили для «Филипс».

Жиза, хоть и испугалась, сумела взять себя в руки и с деланным спокойствием произнесла:

— Да, пожалуйста, я готова отвечать на любые вопросы. Что вас интересует, господа?

— Не здесь, — возразил один из полицейских. — Дознание мы проводим в управлении. Вам придется проехать с нами.

— Мы что же, арестованы? — не поняла Жиза.

— Нет, — учтиво ответил тот. — Вы задержаны до выяснения обстоятельств, и скоро мы вас обоих отпустим. Но сначала мы должны бегло осмотреть квартиру. С вашего позволения…

Сердце Пауло заколотилось, он даже испугался, что его хватит инфаркт: вот сейчас они обнаружат «дурь». Застыв посреди комнаты, положив руку на плечо Жизы, он молча следил за действиями агентов. Один разворошил стопку экземпляров — штук сто — комикса, другой рылся в ящиках и шкафах, третий — по всей видимости, старший — осматривал книжные полки и стеллаж с пластинками. Заметив лакированную деревянную китайскую шкатулку размером с конфетную коробку, он взял ее в руки, открыл крышку и убедился, что внутри — марихуана. Понюхал содержимое с таким видом, словно вдыхал аромат духов, и поставил шкатулку на место. Тут Пауло окончательно убедился, что дело дрянь, много хуже, чем он предполагал: если уж полицейский не заинтересовался «травкой», значит Пауло подозревают в чем-то гораздо более серьезном. Дал себя знать «синдром Понта-Гросса»: неужели его опять приняли за террориста, грабящего банки?

Оказавшись в управлении, они с Жизой окончательно убедились в том, что в отчем доме им ужинать не придется. Сразу при входе их разлучили, затем заставили сменить одежду на желтые комбинезоны с надписью «ЗАКЛЮЧЕННЫЙ» выше нагрудного кармана. На рассвете Пауло и Жизу сфотографировали, заставили «сыграть на рояле» — оставить отпечатки пальцев в заведенных на них обоих досье-формулярах с

анкетными данными и описанием внешности вкупе с особыми приметами. Пауло зарегистрировали под номером 13 720, Жизу — 13 721. Их допрашивали порознь в течение нескольких часов сколько именно, они не знали: часы у них отобрали вместе с прочим личным имуществом, а при таких обстоятельствах, в кабинетах с наглухо зашторенными окнами, представление о времени исчезает. Не применяя средств физического воздействия, дознаватели интересовались прежде всего психоделическим комиксом, сопровождавшим ДД «Криг-Ха, Бандоло!» и смыслом понятия «Альтернативное общество». Разумеется, после того как арестованные в мельчайших подробностях излагали протоколистам все, чем когда-либо занимались в жизни от рождения до задержания. Стоило Пауло упомянуть, что в мае 1970 года вместе с Верой Рихтер он был в Сантьяго, как его стали весьма настойчиво выспрашивать обо всех бразильцах, живущих в чилийской столице, однако толку не добились по той простой причине, что он не был знаком ни с кем из соотечественников, бежавших в эту или какую-либо другую страну. Жизе в свою очередь стоило немалого труда убедить полицейских, что название «Криг-Ха, Бандоло!» родилось во время «мозгового штурма» в «Филипс», когда Пауло, забравшись на стол, выкрикивал эти три слова.

ESTADO DA GUANABARA
SECRETARIA DE SEGURANÇA PÚBLICA
DEPARTAMENTO DE ORDEM POLÍTICA E SOCIAL

43

REGISTRO TÉCNICO
FICHA INDIVIDUAL

PRONTUÁRIO Nº .....

NOME ..PAULO COELHO DE SOUZA.....
NACIONALIDADE..Brasileira.....
NATURALIDADE ..Estado da Guanabara.....
FILHO DE ..Pedro Queima Coelho de Souza.....
E DE ..Lígia Araripa Coelho de Souza.....
IDADE 20 ANOS NASCIDO EM 24 DE agosto DE 1947
IDENTIDADE 2095515-Instituto F.Pacheco.....
T. ELEITOR Nº..... ZONA..... ESTADO.....
ESTADO CIVIL Solteiro ...INSTRUÇÃO Universitária
IMPÔSTO DE RENDA.....
PROFISSÃO..Cooperativar.....
LOCAL DE TRABALHO Gravadora PHILIPS.....
RESIDÊNCIA R. Voluntários da Pátria,54-ap.402

SINAIS CARACTERÍSTICOS

Cutis- branca.-Cabelos-.Casta.-Olhos-.Casta
Barba-.Aparada.-.Bigodes-.Aparado.-Alt.-1,69
Peso- 58.kg.....

DOPS GB 13720 25-5-972

FOTOGRAFIA TIRADA

IDENTIFICADO EM 25 DE maio DE 19 72.

ASSINATURA DO IDENTIFICADO

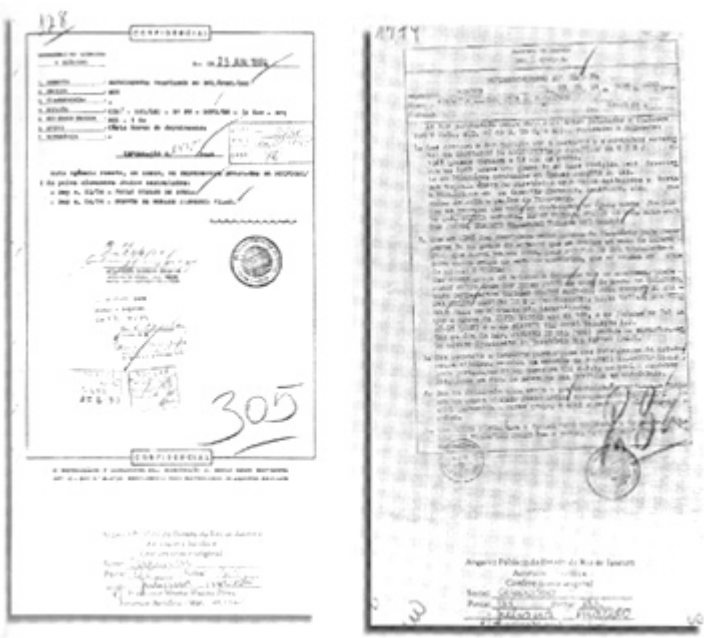
IDENTIFICADOR

SÉRIE	POLEGARES	INDICADORES	MÉDIOS	ANULARES	MÍNIMOS
MÃO DIREITA					
MÃO ESQUERDA					

SÉRIE ..... SEÇÃO .....

Arquivo Público do Estado do Rio de Janeiro
Seção Jurídica
Confere com o original
Setor: ADMINISTRATIVO
Pasta: 46 Folha: 43
Francisco Monte Vianna Pires
Assessor Jurídico - Mat. 149.114-1

Пауло задержан армейской спецслужбой, облачен в арестантскую робу и квалифицирован как «подрывной элемент»



Подписанные ими протоколы допросов; после проявленной Пауло трусости она станет «женщиной без имени»

А в квартале Гавеа родители всю ночь не находили себе места. С помощью приятельницы, служившей секретаршей у губернатора штата Гуанабара, журналиста и импресарио Антонио де Падуа Шагаса Фрейтаса, удалось наконец выяснить, что Пауло действительно задержан ДОПС и сидит на улице Реласан. Арест по всей форме давал — до известной степени, конечно — гарантии того, что человек не исчезнет бесследно. Поскольку само понятие «неприкосновенности личности» (пресловутый «хабеас-корпус») было исключено из бразильского законодательства того времени, ничего не оставалось, как искать по родственникам и знакомым влиятельных людей, связанных с государственной безопасностью. Маркос, тогдашний шурин Пауло, предложил обратиться к некоему полковнику Имбассахи, имевшему знакомства в этой сфере, однако дон Педро решил поначалу действовать законными методами, сколь бы ненадежными они ни казались. Тетушка Элоиза назвала имя адвоката Антонио Клаудио Виейры, 55 лет, работавшего в бюро «дяди Кандиньо», как называли в семействе Коэльо бывшего генерального прокурора республики Кандидо де Оливейра Нетто, к тому времени уже год как покойного. Пустив в ход все свои связи, в пять часов вечера родители уже стояли у дверей красивого, но мрачного здания. Узнав, что впустить разрешается лишь адвоката, доктор Педро Коэльо выложил козырную карту,

назвав имя одного из столпов режима:

— Мы — друзья полковника Жарбаса Пассариньо.

Он имел в виду бывшего губернатора штата Пара, входившего в состав трех военных правительств, а ныне только что переизбранного в сенат от партии Арена, которая оказывала диктатуре всяческую поддержку. Но услышал в ответ:

— Вы, сеньор, находитесь не где-нибудь, а в ДОПС, и здесь никакие птички не чирикают. Даже породы «жарбас»[35].

Покуда адвокат пытался что-либо выведать о Пауло у дежурного, Педро, Лижия, Соня и ее муж Маркос ожидали на тротуаре, под дождем, начавшимся так некстати. Через несколько минут Виейра принес отрадные новости:

— Пауло здесь и будет освобожден сегодня же. Дежурный звонит по начальству, чтобы узнать, смогу ли я увидеться с клиентом хоть ненадолго.

Тут адвоката окликнули и провели на свидание с арестованным. Виейру потрясло то, в каком виде предстал перед ним Пауло: хотя к нему не применяли физического насилия, он был мертвенно бледен, под глазами черные синяки, а взгляд блуждал, как у зомби. Адвокат попытался было его успокоить, сообщив, что комиссар обещал через несколько часов отпустить его. На том свидание и кончилось. Дона Лижия требовала, чтобы они остались дожидаться Пауло у дверей, но адвокат, хоть и с трудом, сумел убедить ее, что этого делать не стоит.

Часов в десять вечера надзиратель — тот, что сразу показался Пауло добрее и симпатичней — отпер дверь камеры, вернул ему одежду и документы: он и Жиза были свободны. Пауло торопливо оделся, и охранник отвел его вместе с возлюбленной в кафе, примыкавшее к зданию ДОПС. Там они выкурили одну сигарету на двоих. Торопясь поскорее убраться подальше от проклятого места, Пауло взял такси и велел ехать в Гавеа, к родителям. Водитель проехал авениду Мем-де-Са, свернул на засаженную деревьями Фламенго, но когда машина на высокой скорости шла мимо отеля «Глория», ей наперерез выехали с разных сторон, блокировав путь, три или четыре автомобиля, два из которых были марки «Шевроле-веранейо» — стандартного в ту пору транспорта сотрудников спецслужб. Из них выскочили несколько человек в штатском, бросились к желтому «Шеветту», в котором сидели Пауло и Жиза и, рывком распахнув задние двери, грубо вытащили обоих наружу. Пауло, сковав наручниками, швырнули на капот, но краем глаза он успел заметить, что Жизу втолкнули в машину, которая с визгом рванула с места. Последнее, что он видел перед тем, как ему надели на голову черный мешок, было элегантное здание отеля «Глория» — белое, феерически сияющее

огнями. Сидя на заднем сиденье, он только и смог пробормотать:

— Вы меня убьете?

Агент понял, какой ужас обуревает задержанного:

— Не дергайся, сиди тихо. Никто тебя не убьет. Хотим допросить.

Страх не исчезал. Пауло сжался в комок, руки у него дрожали, но от отчаяния он не испытывал стыда, только спросил у того, что сидел рядом:

— Я могу на тебя положиться?

Того, похоже, позабавил его нелепый вопрос:

— Ложись на кого хочешь, только не на меня. И не трясись: останешься жив.

17
Пауло выходит из катакомб, поклявшись, что верой преодолеет страх, а ненависть победит любовью

Лишь через тридцать лет, когда Бразилия вновь вернулась к демократическим принципам, Пауло довелось узнать, что в ту ночь его похитила группа ДОИ-Коди. Отец, Педро Кейма Коэльо, опасаясь, что события предшествующих суток пагубно повлияют на хрупкую психику сына, поджидал Пауло дома, чтобы сразу после освобождения окружить родительской любовью. Всю ночь он бодрствовал, сидя у безмолвствовавшего телефона, а в восемь утра взял такси и отправился в ДОПС. Каково же было его изумление, когда дежурный полицейский на входе объявил ему:

— Вашего сына и невестку отпустили вчера в десять часов.

Увидев, что посетитель онемел от изумления и не верит своим углам, дежурный открыл папку и предъявил ему два листка с печатью. «Это приказ об освобождении, а вот и подписи ваших родственников». А потом с деланным сочувствием добавил: «Отпустили его. А если не вернулся домой, значит, в подполье ушел».

Дальше начался сущий кошмар, поколебавший веру лояльных к власти родителей в ее справедливость. Накануне вечером, в 22:00 Пауло и Жиза были внесены в списки «исчезнувших». Это означало: что бы с ними отныне ни случилось, государство не будет нести никакой ответственности, раз оба вышли на свободу на своих ногах, целыми и невредимыми, живыми и здоровыми, поставив свои подписи на постановлении об освобождении.

События, последовавшие за похищением, сплелись в такой путаный и таинственный клубок, что и в 2007 году шестидесятилетний Пауло Коэльо не получил ответа на терзающие его вопросы. Архивы службы безопасности позволяют утверждать, что 27 мая Рауль Сейшас даже не был задержан, в отличие от Пауло и Жизы, которых арестовали, установили личность и допрашивали вечером этого дня и последующие сутки. Документы 1-й армии свидетельствуют о том, что после похищения у входа в отель «Глория» Пауло и Жизу порознь привезли в расположение 1-го батальона военной полиции, на улицу Барау-де-Мескита, в северной зоне Рио. О том, сколько они пробыли там, в казарме, сведений не имеется. Кое-кто из родственников утверждает — без особой, впрочем,

уверенности, — что «дней десять», однако 31 мая, в пятницу Пауло уже был в отчем доме и делал в дневнике первые записи после освобождения:

> Я — у родителей, в Гавеа. Боюсь даже писать о том, что со мной было. Я пережил самые скверные часы, какие только были в моей жизни. Еще раз попал за решетку без вины. Однако мои страхи будут преодолены верой, а ненависть побеждена любовью. Из неуверенности родится непреложная вера в себя.

Но случилось так, что в документах, извлеченных из архивов ведомства ABIN (Agenda Brasileira de Inteligencia — Бразильское разведывательное управление), которое выполняло те же функции, что и его расформированная предшественница — Национальная служба информации (SNI), обнаружился длинный протокол допроса Пауло в ночь с 14 на 15 июня в одном из подразделений пресловутой ДОИ-Коди. Загадка в том, что, по словам писателя, после освобождения он больше никогда там не бывал. Адвокат Антонио Клаудио Виейра также с полнейшей уверенностью заявляет и ручается, что не сопровождал своего клиента на улицу Барау-де-Мескита и что семейство Коэльо больше не прибегало к его услугам. Ту же версию отстаивают Педро Кемас Коэльо, сестра Пауло Соня Мария и ее тогдашний муж Маркос, непосредственный свидетель происходящего. Может закрасться подозрение, что Пауло, запуганный следователями, был вынужден кого-то выдать или оговорить, а потом сделал все, чтобы забыть о своем позоре. Однако эта версия немедленно отвергается при чтении протокола допроса на семи машинописных страницах, помеченных грифом 1-ой армии. Первые четыре страницы содержат уточненные биографические данные, подробнейшую историю жизни до момента ареста — учеба в разных школах, работа в театре, поездки, тюремное заключение в штате Парана, газета «Глобо», лекционное турне по городам штата Мато-Гроссо, сотрудничество с Раулем… Та часть показаний, которая относится к увлечению идеями О.Т.О., до такой степени невразумительна и туманна, что протоколист даже оставляет в тексте пометки «sic!» чтобы начальство не сомневалось, что арестованный именно так и выразился.

> …Что еще в 1973 году вместе с Раулем Сейшасом пришел к выводу о том, что «мир переживает интенсивный период тоски и упадка» (sic!), одновременно с этим определив для себя, что карьера певца завершится быстро и бесславно, если он не

> присоединится к какому-либо мощному движению. И что они с Сейшасом решили «капитализировать окончание эпохи хиппи и внезапный интерес всего мира к магии и оккультизму» (sic!), что побудило подследственного заняться изучением литературы некоего эзотерического сообщества O.T.O., после чего с тем же Раулем Сейшасом он задумывал создание «Альтернативного общества», зарегистрированного в соответствующих структурах во избежание кривотолков и недоразумений (sic!), с каковой целью они представит программу и основные концепции в Федеральную службу цензуры, настаивая на том, что «их цель — не оппозиция правительству, но исключительно желание заинтересовать молодежь деятельностью иного рода» (sic!).

Когда же агенты потребовали назвать знакомых ему активистов левого движения, Пауло смог припомнить только двоих — завсегдатая «Пайсанду», «которого все знали по прозвищу Философ», и бывшего жениха Жизы, «имени которого тоже не помнил: начиналось на букву „А“ или „Н“». Всеобщая уверенность в том, что посте похищения он не бывал больше в казармах, подкрепляется и его дневником, где нет ни единого упоминания о допросах в ночь с 14 на 15 июня. Предположение, что протоколист мог поставить дату по ошибке, не выдерживает критики — протокол, как уже было сказано, занимает семь страниц, и на каждой напечатано: «14 июня». Единственным доказательством присутствия Пауло в ту ночь в расположении батальона служит лишь маленькая деталь: на фотографиях, сделанных 27 мая после ареста ДОПС, он запечатлен с усами и бородкой, а в словесном портрете, составленном 14 июня, сказано: «бороду и усы бреет».

Что касается Жизы, то ее допрашивали дважды. Первый допрос начался в 8 утра 29 мая и завершился в 16:00; второй проходил на следующий день, в четверг, и длился с восьми до одиннадцати. В ходе обоих Жизе пытались вменить в вину принадлежность к бразильской компартии, однако ей, как и Пауло, нечего было рассказать, кроме того, что он была активисткой бразильского студенческого движения и кочевала из одной левой организации в другую. Пока они с Пауло еще находились в руках ДОИ, случилось нечто такое, что вскоре привело к окончательному разрыву между ними. Когда Пауло в наброшенном на голову мешке проводили по коридору в уборную, он вдруг услышал, как сдавленный от рыданий голос окликнул его:

— Пауло? Ты здесь?! Если это ты — откликнись!

Это была Жиза — тоже, вероятно, в глухом капюшоне, — которая узнала его по голосу. Но Пауло, боясь, что его снова бросят в «ледник» — камеру, где поддерживалась температура, соответствующая названию, — промолчал. А Жиза продолжала взывать к нему:

— Пауло, любимый! Прошу, скажи, что это ты! Больше ничего не надо — просто скажи, что ты здесь!

Ответа не было. Она не унималась:

— Умоляю тебя, Пауло, скажи им, что я тут не при чем!

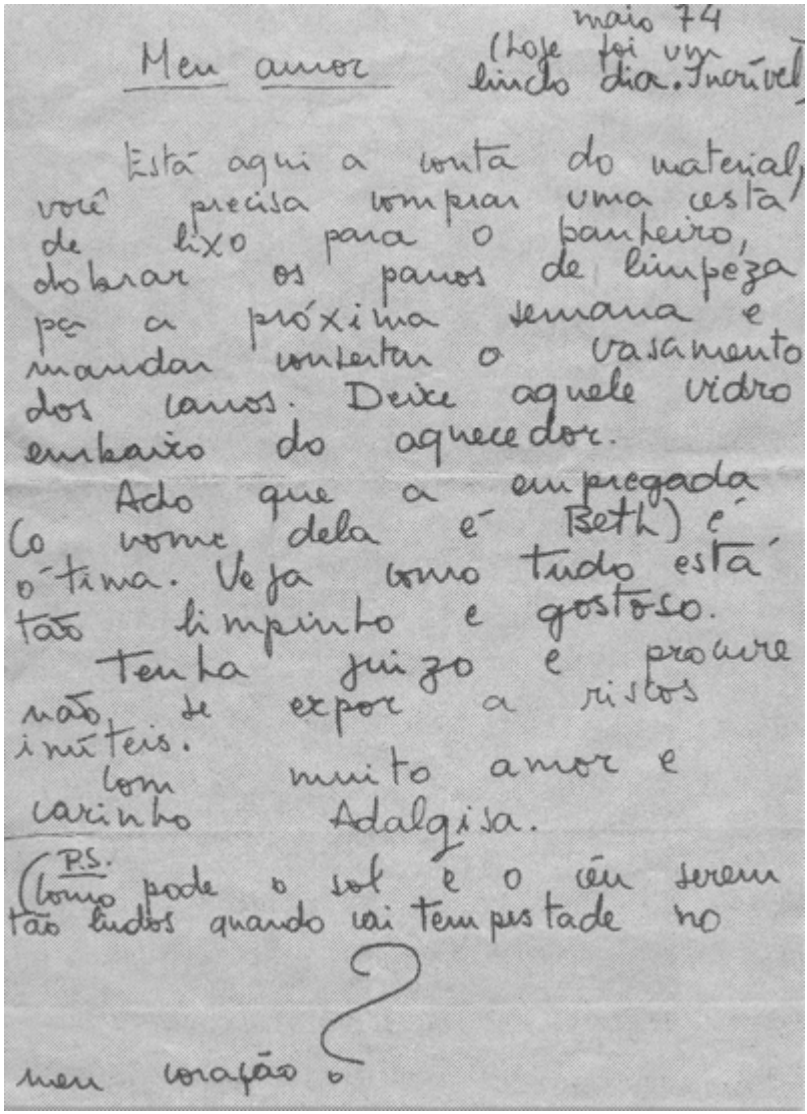
Он опять не откликнулся и после всю жизнь казнил себя, считая, что совершил тогда величайшую гнусность. На той же неделе — вероятнее всего в пятницу, 31 мая — надзиратель принес его вещи, велел переодеться и надел на голову мешок Пауло посадили на заднее сиденье машины, привезли на площадь Тижука — в тихом буржуазном квартале километрах в десяти от казарм — и отпустили.

Первые дни в родительском доме были ужасны. Стоило кому-нибудь постучать в дверь или раздаться телефонному звонку, как Пауло запирался у себя в комнате в полной уверенности, что за ним пришли, чтобы снова увезти в полицию, армейскую спецслужбу или бог знает куда еще. Чтобы хоть немного успокоить сына, дон Педро, встревоженный этим параноидальным страхом, вынужден был пообещать ему, что не допустит нового ареста, пусть даже дорогой ценой: «Если кто-то попробует арестовать тебя без ордера, выписанного по всей форме, получит от меня пулю». Две недели Пауло безвыходно провел в Гавеа и лишь после этого решился показаться на улице, выбрав для первого выхода день, когда легко обнаружить за собой слежку: 13 июня, в четверг, сборные Бразилии и Югославии открывали Чемпионат мира по футболу (Германия, 1974 год), и вся страна сидела перед телевизорами, болея за своих. По вымершему Рио, превратившемуся в город-призрак, Пауло на автобусе доехал до Фламенго, а потом, после долгих колебаний, набрался храбрости и вошел в квартиру, где они жили с Жизой и где в субботу им предстало явление дьявола. После обыска там все оставалось перевернутым вверх дном. Прежде чем свисток судьи возвестил о результатах матча, окончившегося нулевой ничьей, Пауло уже вернулся под крышу родительского дома. Одной из если так можно выразиться, епитимий, которые он наложил на себя, чтобы «как можно скорее вернуться в нормальное состояние», стал самозапрет смотреть матчи Чемпионата мира по футболу, где Бразилии было суждено занять четвертое место.

Сложнее всего было разыскать Жизу. После той жуткой встречи в тюремном коридоре он больше не видел свою возлюбленную, но голос ее, так жалобно моливший: «Пауло! Откликнись, Пауло!» по-прежнему звучал у него в ушах. Когда же наконец дозвонился Жизе на прежнюю квартиру, Пауло вспомнил, что телефон могут прослушивать, и не осмелился спросить, пытали ли ее и давно ли отпустили. Он предложил ей встретиться и обсудить их будущее, но получил в ответ определенное и решительное «нет»:

— Я не хочу больше жить с тобой, не хочу, чтобы ты обращался ко мне, и не хочу, чтобы ты произносил мое имя.

Жиза и ее последнее письмо возлюбленному



maio 74

Meu amor (hoje foi um lindo dia. Inavável

Está aqui a conta do material, você precisa comprar uma cesta de lixo para o banheiro, dobrar os panos de limpeza pra a próxima semana e mandar consertar o vasamento dos canos. Deixe aquele vidro embaixo do aquecedor.

Acho que a empregada (o nome dela é Beth) é ótima. Veja como tudo está tão limpinho e gostoso.

Tenha juizo e procure não se expor a riscos inúteis.

com muito amor e carinho Adalgisa.

P.S. (como pode o sol e o céu serem tão lindos quando vai tempestade no meu coração ?

Эмоциональное потрясение от этих слов было столь сильным, что родителям вновь пришлось прибегнуть к помощи Бенжамина Гомеса, того самого врача из психиатрической клиники доктора Эйраса. На счастье Пауло, на этот раз доктор заменил электрошоковую терапию ежедневными сеансами психоанализа, которые проводились у пациента на дому. Мания преследования принимала столь острые формы, что однажды Пауло от сильнейшего страха потерял сознание на улице, у входа в книжный магазин на Копакабане, куда его внесли прохожие. Получив от «Филипс» макет обложки «Гиты», уже отправленной в производство, он опять же едва не лишился чувств: на ней красовалась фотография Рауля в берете а-ля Че Гевара, украшенном пятиконечной коммунистической звездочкой Пауло

в ужасе позвонил в офис корпорации и поставил ультиматум: либо они заменят фото на конверте диска, либо выбросят оттуда все песни на его слова.

Когда сотрудники компании задали ему резонный вопрос «Почему?», он медленно, буквально по слогам ответил:

— Потому что больше не желаю сидеть в каталажке, а с такой картинкой на обложке меня сейчас же заметут по новой! Ясно?

После долгих препирательств была достигнута следующая договоренность: диск выходит с Раулем в берете, но руководство «Филипс» в письменном виде заявляет, что ответственность за выбор оформления целиком и полностью несет компания. Кончилось дело тем, что возобладало устроившее всех предложение художника: красную звездочку «пригасят», так что берет станет просто невинным головным убором, не наводящим ни на какие коммунистические идеи.

Поскольку Жиза бросала трубку, когда он звонил, Пауло ежедневно писал ей письма, умоляя простить его и предлагая снова жить вместе. Кое-где в этих посланиях сквозит неуверенность, сопровождавшая его последние три года их гражданского брака:

> Я не понял тебя еще тогда, когда ты переехала ко мне, захватив лишь самое необходимое. Никогда не понимал, почему ты так настаивала на том, чтобы по-прежнему платить за пустующую квартиру. Я пытался надавить на тебя с помощью денег, заявляя, что больше платить не стану, но в итоге квартира все равно осталась за тобой. И от этого меня охватывали сильнейшие сомнения в прочности нашего союза. Собственное жилье означало, что ты в любой момент можешь выскользнуть из моих когтей и вновь обрести свободу.

Жиза не отвечала (и так и не ответила), но он продолжал писать. Однажды дон Педро, явно смущенный, отвел сына в сторонку и сказал, положив ему руку на плечо: «Знаешь, мне на службу звонила Жиза. Она просит тебя больше не писать ей». Пауло проигнорировал эту просьбу и писать не перестал.

> Сегодня узнал от старика, что ты не желаешь меня видеть. Узнал также и о том, что ты здорова, работаешь и, хоть пока не оправилась от душевной травмы, — весела. Я только что услышал по радио «Гиту». Думаю о том, вспоминала ли ты меня, когда слушала эту музыку. Еще думаю, это — лучшее из всего, что я сделал. В ней — весь я. Сейчас я не читаю, не пишу, и друзей у меня

нет.

Это было одно из проявлений паранойи — жаловаться, что друзья бросили его, боясь общаться с человеком, которого арестовали, а потом похитили органы безопасности. Так ли было на самом деле или только в воображении, — неизвестно, но факт остается фактом: не считая, разумеется, Рауля, лишь двое из тех, кто составлял крут его общения, протянули Пауло руку в те дни. Журналистка Хильдегард Анжел и Роберто Менескал, отец «боссановы» и тогдашний директор «ПолиГрама», вместе с «Фонограмом», «Полидором» и «Эленко» бразильского подразделения транснационального гиганта «Филипс» — одного из основных конкурентов «CBS», «дочки» американской «Коламбии». Хильда, как все ее называли, не порывала с Пауло дружеских связей, хотя у нее были веские основания опасаться повышенного внимания со стороны режима: три года назад ее младший брат, Стюарт Анжел, входивший в группу «городских партизан» MR-8, был зверски убит — задушен — в казармах одного из подразделений ВВС. А его жену, Сонию Мораэс Анжел, тоже активистку левого движения, за несколько месяцев до этого, в конце 1973-го замучили пытками в Сан-Пауло. И словно маю было двух этих трагедий, спустя два года, в 1976-м, мать Хильды и Стюарта погибла в автокатастрофе, по всем признакам — неслучайной.

Именно Хильда, проявив изрядную настойчивость, сумела вытащить Пауло из добровольного заточения: пригласила его принять участие в дискуссии «Женщина и коммуникация», которая происходила в Национальном музее изящных искусств: ее оппонентом была феминистка Роз Мари Мураро. Маниакальная мнительность Пауло в тот день зашкалила бы, узнай он, что среди публики был шпион, полицейский агент Деутерономио Роша дос Сантос, немедленно отправивший «оперативное сообщение» об этом мероприятии и не позабывший упомянуть, что «среди присутствующих находился журналист и писатель Пауло Коэльо, близкий друг Хильдегард Анжел».

Слева от Пауло журналистка Хильдегад Анжел, одна из немногих, кто протянул ему руку после ареста и похищения

1974

ESTADO DA GUANABARA
SECRETARIA DE SEGURANÇA PÚBLICA
DEPARTAMENTO GERAL DE ORDEM POLÍTICA E SOCIAL
Divisão de Operações – SERVIÇO DE BUSCAS –
SEÇÃO DE BUSCAS ESPECIAIS.-

R E L A T Ó R I O Nº019 - Em, 02 de setembro de 1974 -

Ass.: II CICLO "MULHER NO MUNDO MODERNO"
PROMOVIDO PELO CONSELHO NACIONAL DE MULHERES DO BRASIL"-C.N.M.B.

Dr. Diretor da D.O.-

PUBLICADO
B.R. Nº 13/74

Em continuação ao "II Ciclo da Mulher no Mundo Moderno", patrocinado pelo C.N.M.B., realizou-se dia 29 de agôsto último, no auditório do Museu Nacional de Belas-Artes, com início às 16hs e término às 17h25m, a conferência da jornalista "HILDEGARD ANGEL JONES, abordando o tema: "A MULHER E A COMUNICAÇÃO".

Dentre os presentes, estava o Sr. PAULO COELHO DE SOUZA, escritor e jornalista, amigo pessoal de HILDEGARD ANGEL JONES, encarregada de divulgar seus escritos e de RAUL SEIXAS, na /

Внедренный армейской службой агент в своем рапорте о лекции Хильде называет в числе других присутствующих «журналиста и писателя Пауло Коэльо»

Как только «черная неделя» осталась позади, а Пауло нашел в себе силы ходить по городу, не опасаясь, что его похитят, он прежде всего отправился в О.Т.О. Две причины побудили его обратиться к Фратеру Заратустре: во-первых, он хотел понять, что произошло в его квартире в ту ужасную субботу, а во-вторых, какие бы объяснения ни были ему представлены, — решительно

порвать с орденом. Страх перед дьяволом был столь силен, что Пауло сумел уговорить Эуклидеса-Заратустру провести встречу в родительском доме на Гавеа, где он обосновался, а кроме того, пригласил в свидетели Роберто Менескала. И правильно сделал: каково же было его удивление, когда в назначенный час порог переступил сам Парсифаль XI, самопровозглашенный руководитель секты, угрюмый и скверно воспитанный Марсело Рамос Мотта собственной персоной. Пауло решил сразу взять быка за рога. Изложив все, что пришлось пережить в квартире и во время двух арестов, он возмущенно произнес:

— Мне бы хотелось понять, что со мной было, начиная с субботы!

Парсифаль XI поглядел на него с нескрываемым презрением:

— Тебе известно, что у нас действует закон сильного. Разве ты не помнишь, как я учил тебя этому? А ты сдрейфил и показал себя слизняком. Вот и все. Точка.

Менескал, прислушивавшийся к разговору на некотором отдалении, в этом месте поднялся и двинулся к гостю. Над хрусталем и фарфором Коэльо-старших нависла реальная угроза, ибо Роберто занимался айкидо, а последователь Кроули имел черный пояс по джиу-джитсу. Пауло успел остановить друга и впервые обратился к первосвященнику по его «профанному имени»:

— Значит это и есть О.Т.О.? Да, Марсело? В субботу у меня дома появляется дьявол, в понедельник меня арестовывают, в среду — похищают. Так действует сила О.Т.О.? Да? В таком случае, мой дорогой, я больше в этом не участвую.

Избавившись от сатаниста, Пауло испытал неимоверное облегчение и, словно сбросив с плеч тягчайшую ношу, немедленно сел за машинку и написал формальное отречение от таинственного Ордена Восточного Храма. Его драматичное погружение в потусторонний мир продлилось меньше двух месяцев.

Рио-де-Жанейро, 6 июля 1974 года

Я, Пауло Коэльо де Соуза, принесший клятву) в статусе «испытуемого» в год LXX, 19 мая, когда Солнце находилось в созвездии Тельца, ныне прошу об исключении меня из Ордена по причине полной непригодности к исполнению тех задач, для которых был предназначен.

Заявляю, что настоящее решение принимаю, пребывая в здравом уме и твердой памяти.

93/93/93 с подлинным — верно

Однако то, что он счел разрывом с дьяволом, не означало избавления от паранойи. Он чувствовал себя в безопасности лишь когда находился дома, при родителях и надежно запертых дверях. В этот период он был близок к отчаянью, так что идея покинуть Бразилию — хотя бы на то время, какое потребуется, чтобы рассеялись его страхи, — овладела им всецело. С Жизой они фактически расстались, и его ничто не удерживало на родине. Продажи долгоиграющего диска «Гита» превосходили самые смелые ожидания, и авторские отчисления постоянно пополняли его текущий счет.

Поворот, произведенный в его жизни сотрудничеством с Раулем, ознаменовался еще одним весьма значительным (в перспективе) событием: еще когда они были вместе с Жизой, Пауло выпустил свою первую книгу. Правда, он еще не мог бы назвать ее «великим творением», о каком мечтал. Опубликованная в 1973 году издательством «Форенсе», которое специализировалось на учебной литературе, книга под названием «Театр в образовании» представляла собой систематизированный курс лекций, которые Пауло читал в муниципальных школах Мато-Гроссо. Но хвалебная рецензия, подписанная Жизой и опубликованная на их с Пауло полосе в «Трибуне», ажиотажному спросу не способствовала: при тираже в 3 тысячи экземпляров за год было продано всего пятьсот. Пауло, хоть и предвидел, что книга останется незамеченной в литературном мире, все же решил отпраздновать рождение первенца. Когда Жиза откуда-то пришла, на столе стояли две рюмки и бутылочка бенедиктинского ликера, который пятнадцатилетний Пауло пообещал откупорить, когда издаст первую книгу. Однако ни неуспех «Театра…», ни обрушившаяся на него слава текстовика не смогли поколебать его давнюю мечту, ставшую, по его собственному признанию, чем-то вроде навязчивой идеи — стать всемирно знаменитым писателем. Даже теперь, когда их с Раулем композиции сделали его широко известным, наедине с собой он чувствовал, что эта мечта живет в нем, не слабея. Если бегло пролистать дневники, по встречающимся тут и там фразам можно видеть, что признание не заставило его оказаться от грандиозных планов: он хотел быть писателем — да не просто, а «таким, чье имя в буквальном смысле было бы у всех на слуху». Он сетует на то, что в его возрасте «Битлз» уже покорили мир, но не теряет надежды, что сбудутся и его мечты. «Я подобен воину, который ждет, когда придет его час вступить в бой, — пишет он, — и мой удел — слава. И мое главное достоинство — умение сражаться за нее».

Поскольку Рауль тоже был очень подавлен всеми этими происшествиями, уговорить его на некоторое время уехать за границу не составило особого труда. От решения покинуть Бразилию до посадки в самолет прошло не больше десяти дней. Необходимость посетить ДОПС, чтобы по установленному в ту пору порядку получить разрешение на выезд — эта мера появилась после установления диктатуры, — ввергла Пауло в такую панику, что в назначенный день у него случился сильнейший приступ астмы. И все-таки спустя полтора месяца после похищения, 14 июля 1974 года Пауло Коэльо и Рауль Сейшас приземлились в нью-йоркском аэропорту. Обратные билеты у них были с открытой датой.

Каждый прихватил с собой новую возлюбленную. Рауль расстался со своей Эдит, подарившей ему дочку Симону, и жил теперь с Глорией Вакер, американкой, сестрой игравшего на ударных Джея Вакера. Пауло, покинутый Жизой, завел роман со стройной смуглой 23-летней красавицей Марией до Розарио до Насименто-и-Силва, актрисой, сценаристом и кинопродюсером, дочерью юриста из штата Минас-Жерайс Луису Гонзаге до Насименто-и-Силва, который буквально за неделю до их отъезда указом президента страны генерала Эрнесто Гейзела был назначен министром социального обеспечения, то есть вернулся на пост, что занимал в первом правительстве военной диктатуры. Дочь, в отличие от отца, придерживалась крайне левых взглядов, укрывала преследуемых режимом и даже сама была арестована, когда снимала на Центральном вокзале Рио свидетельские показания рабочих о зверствах режима. Когда Хильдегард Анжел познакомила ее с Пауло, Мария уже три года была замужем за Уолтером Кларком, занимавшим пост генерального директора телесети «Глобо».

Пауло и Розарио в ресторане

Финансовые обстоятельства всех четверых были таковы, что они могли позволить себе роскошный нью-йоркский отель «Плаза» перед Центральным парком или еще что-нибудь в этом роде. Кстати, там имели обыкновение жить звезды, оказываясь проездом в Нью-Йорке. В «безумные 1970-е», однако, считалось хорошим тоном проживать в отелях, пробуждавших более сильные эмоции. И потому Пауло, Розарио, Рауль и Глория постучались в двери отеля «Марлтон», вернее сказать — оказались у железной решетки, защищавшей вход от уличных банд богемного квартала Гринвич-Виллидж «Марлтон», построенный в 1900 году, был славен тем, что привечал у себя всех без разбора: проституток, сутенеров, наркодилеров, киноактеров, джазистов, битников. Через его 114 номеров большинство даже без душа — прошли такие примечательные личности, как актеры Джон Бэрримор, Джеральдин Пейдж и Клэр Блум, певцы Гарри Белафонте, Кармен Макрэй и Мириам Макеба, писатель Джек Керуак. Здесь жила в июне 1968 года фанатичная феминистка Валери Соланас, отсюда она вышла с револьвером, чтобы совершить покушение на Энди Уорхола, которое просто чудом не окончилось гибелью создателя поп-искусства. Номер Рауля и Глории (гостиная, спальня, ванная) стоил триста долларов в месяц. Номер Пауло и Розарио (спальня и ванная) обошелся им в двести, правда, там не было холодильника, а потому приходилось пить теплую кока-колу и виски безо льда — разумеется, когда парочки не курили анашу или не нюхали

кокаин, что было их основным времяпрепровождением.

В тот день — 8 августа 1974 года — взоры всего мира были прикованы к Соединенным Штатам. В результате длившегося два года и два месяца шпионского скандала, получившего название «Уотергейтский скандал», администрация республиканца Ричарда Никсона доживала последние дни. Судьбоносные решения принимались, разумеется, в Вашингтоне, но сердце США билось в Нью-Йорке. Казалось, атмосфера «Большого яблока» до предела насыщена электричеством. С минуты на минуту ожидалось, что президент, не дожидаясь, пока ему объявят импичмент, сообщит о своей отставке. Пауло и Розарио, проведя ночь в модном клубе, проснулись около трех и отправились позавтракать в ресторанчик «Чайлд», находившийся в квартале от отеля, а потом вернулись в «Марлтон». Стали нюхать кокаин, а когда опомнились, за окнами уже смеркалось. По радио диктор объявил, что через десять минут по всем каналам национального вещания будет передано заявление президента Никсона. Услышав такое, Пауло соскочил с кровати, где обоих сморил сон:

— Идем скорее! Выйдем на улицу и запишем, как реагирует народ на отречение президента!

Набросив на голое тело джинсовую куртку, натянув длинные — до колен — ковбойские сапоги, он взял диктофон размером с телефонный справочник, набил карманы пустыми кассетами, а на шею Розарио повесил фотоаппарат:

— Идем-идем! Такое нельзя пропустить! Это будет почище финала чемпионата мира по футболу!

На улице он включил магнитофон и стал наговаривать, что видит и слышит, словно вел радиорепортаж в прямом эфире:

> **Пауло:** Сегодня 8 августа 1974 года. Я на 8-й улице, направляюсь к ресторану «Шекспир». Через пять минут президент известит нацию о своей отставке. Вот мы входим в холл ресторана. Телевизоры включены, но трансляция еще не началась… Что ты сказала?
>
> **Розарио:** Я говорю, что по-прежнему считаю — американцы горячий народ!
>
> **Пауло:** Все это напоминает футбол. Передача еще не началась, а на улицах — настоящее столпотворение.
>
> **Розарио:** Какой крик стоит, ты слышишь?
>
> **Пауло:** Еще бы!

В переполненном ресторане парочка сумела занять место у свисавшего с потолка телевизора, включенного на полную громкость. Никсон в темно-синем костюме и красном галстуке появился на экране: выражение лица у него похоронное. Стало

тихо как в церкви, когда он начал зачитывать свое беспрецедентное заявление об отставке. В течение пятнадцати минут в мертвой тишине, не нарушаемой ни словом, ни вздохом, Никсон объяснял, какие причины побудили его принять это решение. Он завершил свою речь таким меланхолическим пассажем:

> Пребывание на этом посту подразумевает особую близость с каждым американцем, и сегодня, покидая этот пост, я обращаюсь к Господу с молитвой: «Да пребудет с вами Его благодать ныне и присно».

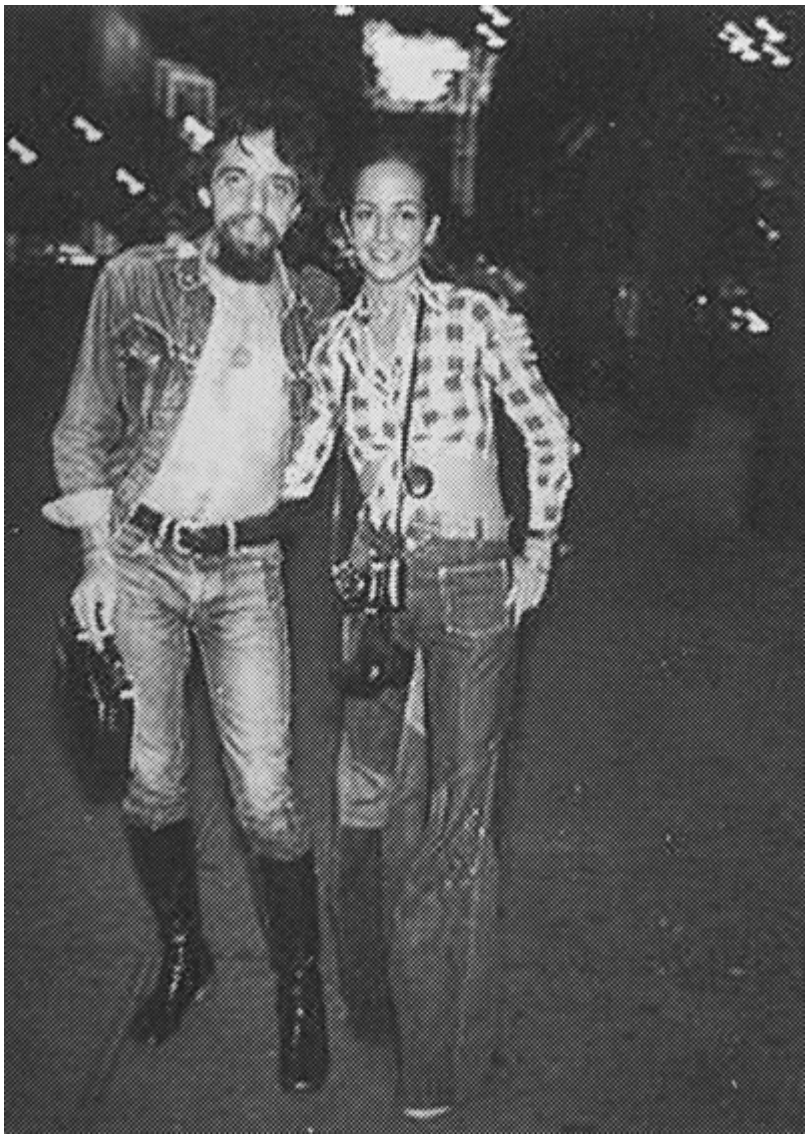
Едва завершилась прощальная речь теперь уже бывшего президента, как Пауло и Розарио вновь были на улице, продолжая изображать радиорепортеров.

> **Пауло:** Ах, чтоб тебя!.. Я ив самом деле под сильным впечатлением… Очень сильным, Розарио! Если мне когда-нибудь доведется отрекаться, я хочу, чтоб это было похоже на сегодняшнее действо. Нет, ты взгляни: Никсон ушел со своего поста, а вон тот малый на углу пляшет!
>
> **Розарио:** Пляшет и бренчит на банджо! Безумная страна!
>
> **Пауло:** Я не могу передать свои ощущения! Мы идем по 8-й улице…
>
> **Розарио:** Люди и вправду ликуют. Норма-а-ально!
>
> **Пауло:** Сами не свои от радости. Ошалели малость. Тележурналисты берут у них интервью на улицах… Исторический день, что тут скажешь!
>
> **Розарио:** А вон тетенька плачет… И девочка тоже… От избытка чувств, ясно!
>
> **Пауло:** Да-а, охренительный денек..

Взбудораженные происходящим, они вернулись в «Марлтон». Розарио вышла на третьем этаже и направилась в свой номер, а Пауло поднялся на седьмой, чтобы дать послушать Раулю ту чепуху, что записал на улице. Войдя без стука, как у них было принято, он обнаружил друга распростертым в беспамятстве на диване. На столике уже была выстроена и готова к приему очередная «дорожка», а рядом с полупустой бутылкой виски лежала пачка стодолларовых купюр, тысяч пять. Для того, кто, подобно Пауло, только что своими глазами наблюдал на улицах этот «гражданский карнавал», кто был свидетелем и участником беспримерного празднества, это зрелище — пьяный, обкуренный, в пыль растертый человек — было более чем тягостным —

омерзительным, еще и потому, что Пауло не просто увидел в таком жалком и гнусном виде друга, которого он же и приобщил когда-то к наркотикам, но внезапно понял: кокаин ведет его самого тем же путем. Он никогда никому не говорил об этом и не доверил эти мысли даже дневнику, но в тот миг с непреложной ясностью осознал, что впал в серьезную зависимость от наркотиков. В подавленном настроении он вернулся в свой номер. В голубоватом свете, проникавшем с улицы, увидел на кровати стройное обнаженное тело Розарио. Он присел рядом, погладил ее по спине и объявил со вздохом:

— Сегодня и для меня исторический день. 8 августа 1974 года я завязал с кокаином.



Праздник по случаю отставки Ричарда Никсона. В тот день, 8-го августа 1974 года, Пауло принимал кокаин последний раз в жизни

18
Сеньора Пауло Коэльо вводит ограничения: один косячок — еще туда-сюда, но никаких сексуальных экстравагантностей!

Они собирались провести в Нью-Йорке несколько месяцев, но в их планы вмешалось неожиданное происшествие. Однажды вечером Пауло решил испробовать новинку — электрический консервный нож — но остро заточенное лезвие соскользнуло и поранило ему правую руку. Розарио пыталась унять кровотечение туалетной бумагой, но без толку извела целый рулон. В амбулатории, куда Пауло доставили на «скорой», определили, что он перерезал себе сухожилие на большом пальце. Срочно сделали операцию, наложив девять швов, и потом еще несколько недель он носил на руке металлическую шину.

Вскоре после этого они с Розарио вернулись в Бразилию, а Рауль и Глория полетели в Мемфис, штат Теннесси. В Рио Пауло пришел к выводу, что достаточно окреп, чтобы не бояться теней и призраков, и может теперь жить в той самой квартире, но один, без Жизы. Однако бодрости духа и отваги хватило ненадолго. Прошло всего две недели, и 10 сентября он снова причалил к тихой пристани родительского дома, которому не страшны были никакие бури и шторма. Желая поскорее избавиться от всего, что напоминало бы ему о демонах, тюремных ка мерах и похищениях, прежде чем переехать, он продал все книги, картины и пластинки. Увидев пустую, догола ободранную квартиру, записал в дневнике: «Я только что разделался с прошлым». И все-таки это оказалось не так просто. Страхи, комплексы, параноидальные реакции продолжали томить его душу. Он часто признавался, что по-прежнему терзается виной за эпизоды, оставшиеся в далеком детстве — за то, что «трогал девочку между ног» или «нехорошо думал о маме», однако надеялся, что в отчем доме, по крайней мере, его никто не похитит.

В ту пору, когда разнообразие сексуальных партнеров и беспорядочность связей еще не представляли столь грозной опасности, как ныне, по дневнику Пауло можно проследить за бесконечной чередой женщин в его жизни — при том, что ни одна не удостоилась специального упоминания, исключая особо даровитых в постели. Иногда Пауло возобновлял старые романы,

но оправиться после разрыва с Жизой, которой продолжал писать, не получая в ответ ни строчки, он так и не смог. Узнав, что Вера Рихтер подумывает вернуться к бывшему мужу, он записал в дневнике:

> Сегодня отправился в город решить мою психоаналитическую проблему с акциями «Банко до Бразил». Я хотел продать их, а деньги предложить Марио с тем, чтобы я мог еще год обладать Верой. На самом деле это Вера обладала мною, но я своими вывихнутыми мозгами представлял дело именно так.

Сотрудничество с Раулем продолжалось и приносило превосходные результаты, однако где-то в трюме корабля под названием «Альтернативное общество» образовалась течь, скрытая от глаз. Еще задолго до «черной ночи» и ареста Пауло между Раулем и руководством компании возникли расхождения по части того, что же на самом деле представляет собой Альтернативное общество. Рауль, скорее всего, воспринимал всерьез идею создания нового сообщества — секты, религии, движения, — которое могло бы распространять и применять на практике идеи-заповеди Алистера Кроули, Парсифаля XI и Фратера Заратустры. А для продюсеров «Филипс» «Альтернативное общество» было не более, чем удачным и броским названием нового товара, способным подстегнуть спрос.

Президент бразильского филиала «Филипс», натурализовавшийся сириец Андре Мидани, создал неформальную рабочую группу, призванную помочь компании в успешном продвижении ее артистов на рынок. Координаторами выступили сам Мидани и композитор Роберто Менескал, а в состав dream team[36] вошли маркетолог Омеро Иказа Санчес, писатель Рубем Фонсека и журналисты Артур да Тавола, Доррит Аразим, Нелсон Мотта, Луис Карлос Масиэл, Жоан Луис де Албукерке и Зуэнир Вентура. Собирались раз в неделю в апартаментах какого-нибудь фешенебельного отеля и проводили там целый день в спорах о творчестве и облике того или иного артиста, интересовавшего «Филипс», сначала между собой, а на следующей встрече — вместе с ним самим. Платили им за это огромные деньги — Зуэнир Вентура говорит: «Получал за каждое такое совещание четыре тысячи или четыре миллиона, сейчас уж не помню, какие нули были тогда у нас в ходу, однако знаю твердо: сумма эта равнялась моему месячному окладу, а я занимал должность главного редактора журнала „Визао“ по Рио-де-Жанейро».

Когда же пришла очередь Пауло и Рауля подвергнуться этому

собеседованию, последнего захлестнули волны паранойи. Ему казалось, что за ним неотступно следят переодетые полицейские, и он нанял себе телохранителя — дознавателя Миллена Юнеса из отдела полиции, обслуживавшего квартал Леблон, и тот в свободное от службы время всюду его сопровождал. Когда Пауло сообщил другу о том, что Менескал приглашает обоих провести ближайший уикенд в избранном обществе известных интеллектуалов, Рауль вскричал:

— Все это подстроено полицией, чтобы взять нас с поличным! Ни минуты не сомневаюсь, что туда внедрены агенты, которые запишут все, что мы скажем. Открутись, дон Паулете! Скажи Менескалу, что мы не придем.

Пауло попытался убедить друга, что ему ничто не угрожает, что большую часть присутствующих он хорошо знает, что в группу входят люди, настроенные по отношению к режиму оппозиционно, и поручился своим честным словом, что ни Менескал, ни сам Мидани на подобную пакость не способны. Все было тщетно: Рауль стоял на своем, и Пауло ничего не оставалось, как идти одному. Чтобы предоставить напарнику всю информацию, он записал переговоры на магнитофон и вечером дал ему прослушать пленку. Перед началом дебатов слово предоставили Пауло, не ограничивая его временем — пусть объяснит, что же такое «Альтернативное общество». Тридцать лет спустя он будет утверждать, что в тот день не принимал наркотиков и даже не курил марихуаны, но когда слушаешь его речь, бесстрастно зафиксированную магнитофоном, кажется, что он о чем-то умалчивает или память его подвела:

> «Альтернативное общество» развилось до уровня социальной группы, общественной страты, стало фактором политики, понимаете или нет? И объединяет, мать ее, слой интеллектуалов нашего народа, который выбирается из ситуации и становится более требовательным… Вот тут недавно разгорелась дискуссия о журнале «Планета», ну, в Сан-Пауло… Я считаю, что «Планета» накроется уже через год, потому что все, кто ее читает, уже уразумели: это — дурацкий журналишко. Он уже накрылся во Франции, и там придумали «Le Nouveau Planet», а потом еще и «Nouveau Nouveau Planet», ну, то есть сперва «Новая», а потом и «Новая-Новая Планета», вам понятно? И то же самое будет со всей этой… братией! Нет-нет-нет, не с пролетариатом, а с теми, кто называет себя «средний класс». Ну, с буржуа, которые вдруг озаботились

интеллектуально, да? Понятно, есть и другой аспект этого дела… Вера. Ну, вот, скажем, кто-то из вас пойдет и принесет обет, ну, или что-то такое… И в категориях культуры это ознаменует перемены, я ведь ясно излагаю, да?

Умение излагать ясно было ему в тот момент недоступно, но слушатели привыкли к подобным персонажам. А Пауло, минутку передохнув, продолжал:

Ну и вот… Тут будет происходить некая фильтрация… По мне так это никакая не фильтрация, но никогда человек не перестанет благоговеть перед Сатаной, потому что это захватывает до предела, понятно, да? Это ведь такое табу… Ну, вроде невинности, понимаете? Потому что это — агрессия, агрессия Системы, направленная на нее самое, реакция на угнетение, притеснение и прочее… Это — такая волна, которой суждена короткая жизнь. Но феномен ее существует. Это результат притеснения, ну такой же, скажем, как свободная любовь, как отмена сексуальных табу, которую предложили хиппи…

[…]Ну все сказанное — это не программа «Альтернативного общества». Я тут вам изложил кое-что, но хотел взять пошире, в ином масштабе и перспективе… Ну и вот, теперь о Рауле Сейшасе… Относительно всего этого… «АО» служит Раулю Сейшасу… Служит в той мере, в какой он катализирует этот тип движения… Оно предстает неким мифом… никто ведь толком не объяснил, что это такое…

Ну, вы поняли меня?

«Более или менее», — поспешил ответить журналист Артур да Тавола. Как и все остальные, он не понял ни слова из этой речи, путаной и невразумительной. Вопрос, поставленный перед Пауло, был прост: неужели он и Рауль Сейшас действительно собираются представить прессе такие объяснения относительно цели и смысла «АО». Если так, то им следует быть готовыми к тому, что журналисты не оставят от проекта мокрого места. Доррит Аразин, в ту пору занимавшая пост главного редактора журнала «Вежа», считала, что если они собираются позиционировать «АО» не как продукт, но в качестве мистического или политического движения, для него следует приискать более убедительные аргументы.

— И прежде всего вам необходимо самим для себя решить:

«Альтернативное общество» — это все же из области политики или метафизики? С вашими доводами объяснить суть кому бы то ни было будет трудно.

Хотя в этом вопросе члены группы впервые оказались единодушны, Артур да Тавола счел нужным обратить внимание коллег на то, что все они рискуют загубить золотую жилу:

— Мы должны быть очень осторожны, ибо указываем на недостатки тем, чьи диски расходятся стотысячными тиражами. Не следует забывать, что Рауль и Пауло уже стяжали себе бесспорный успех.

Был и еще один вопрос, смущавший души экспертов, настойчивость, с которой оба партнера повторяли журналистам, причем вполне серьезно, что видели летающие тарелки Подобные дурачества, твердили все, могут серьезно повредить коммерческому успеху проекта. Пауло попросили передать Раулю, чтобы тот больше не распространялся на эту тему. Дня беспокойства имелись основания: за несколько месяцев до этого Рауль давал интервью журналу «Паским», и когда журналисты, как и следовало ожидать, попросили поподробнее рассказать про «АО» и летающие тарелки, стал заливаться соловьем. Он объяснил, что общество не одухотворено никакой идеей и не возглавлено никаким вождем: оно родилось «из ясного осознания новой тактики, новых средств борьбы». Сочтя, что выразился недостаточно определенно, он пустился в еще более пространные объяснения. «„Альтернативное общество“ — это плод, порожденный самим порядком вещей», — сказал он и добавил, что ныне общество уже перешагнуло национальные границы. «Мы находимся в постоянной переписке с Джоном Ленноном и Йоко Оно, тоже являющимися его членами». Рауль, сознавая, что за руку схватить его некому, дал волю воображению и принялся описывать, к примеру, фантастические обстоятельства первой встречи с Пауло. «Я познакомился с ним в Барра-да-Тижука. В пять часов вечера я там медитировал. И он — тоже. Но мы еще не были знакомы. И вот в тот день мы и увидели летающую тарелку». Один из интервьюеров попросил описать НЛО более детально, и Рауль, что называется, закусив удила, понес:

— Ну, она была такая… серебристая, но окружена желтоватым свечением. Огромная, неимоверных размеров. И зависла над нами. Тут прибежал Пауло. Мы с ним не были знакомы, но он спросил: «Ты видел то, что видел я?» И мы с ним сели, а тарелка заложила немыслимый вираж и исчезла.

Такие и подобные им откровения пугали членов группы, которые опасались, что соавторы выставят себя на посмешище в глазах публики. После долгой встречи Пауло собрал пленки,

сохранившие все, что он наговорил за день, чтобы передать их Раулю. Итоги встречи нельзя было счесть триумфальными, и вместо того чтобы рассказать о них лично, он предпочел наговорить свои впечатления на магнитофон:

> Больше всего рабочая группа боится, как бы «Альтернативное общество» не оказалось реальностью, а Рауль Сейшас — ты, слушающий сейчас эту запись, — не в состоянии с этой реальностью справиться. Боятся, что оно будет расти и развиваться, и Рауль, давая очередное интервью о том, что это такое, что лежит в его основе, не сумеет, как выразился Артур да Тавола, облечь в адекватную словесную форму свои объяснения. А пресса ухватится за какие-то несообразности и скажет, что все это — чушь и фарс, и карьера Рауля будет погублена. Еще раз: «Филипс» больше всего опасается, что ноша окажется Раулю не по плечу Встреча была на редкость напряженной. Был момент, когда я чувствовал: они не сдвинутся пи на пядь, полагая в своей некомпетентности, что Рауль не потянет. Ты услышишь это на пленке, а я повторю сейчас, потому что впечатление осталось очень сильное.
>
> Вторым основным пунктом были летающие тарелки, они хором твердили, что это — неудачная шутка с твоей стороны. И еще говорили, что если ты когда-нибудь повторишь ее при журналистах, они с тебя не слезут и живым не отпустят. Я решил, помалкивать и не объяснять, правда это или выдумка. Там я не успел это сказать, но с ходу не стал отвергать для нас возможность опровергнуть ту историю с тарелкой — по крайней мере, для рабочей группы.

Хотя идея «Альтернативного общества» была еще очень привлекательной для сотен тысяч покупателей ДЦ и неведомого числа поклонников сатаны в Бразилии и за ее пределами, время показало, что рабочая группа была права. Поскольку не возникло ни политического движения, ни оформленной метафизической идеи, выражение «альтернативное общество» какое-то время спустя стало восприниматься просто как музыкальный рефрен 1970-х.

Менескал на волне успеха «Гиты» (вышедшей, пока соавторы были в отъезде) пригласил Пауло стать членом этой же рабочей группы в статусе консультанта и с тем же окладом, что у остальных, а это означало ежемесячное пополнение банковского счета на 11 600 долларов. Деньги на него в ту пору так и

сыпались. Получив первое отчисление от продаж «Гиты», он не знал, как ими лучше распорядиться — вложить в акции или купить летний дом в Араруаме, но в итоге решил приобрести квартиру на оживленнейшей улице Барата-Рибейро в Копакабане. В это время, помимо текстов для Рауля, он сочинил еще три песни — «Почтовая открытка», «Некий Роке Энроу» и «Намек» — для ДЦ «Запретный плод», выпущенный певицей Ритой Ли в начале 1975-го, а еще написал несколько сценариев для Марии до Розарио. Кроме того, снялся в порнофильме «Тангарела». В декабре 1974 года «Филипс», распустив рабочую группу, прикрутил один из кранов, откуда текли деньги, однако тотчас же возник новый источник Андре Мидани с подачи Менескала пригласил Пауло в штат компании, на должность руководителя департамента креативных проектов.

Между тем ни финансовая стабильность, ни профессиональные успехи не исцелили его истерзанную душу. Он и до мая 1974-го чувствовал себя преследуемым и отторгнутым, а уж после ареста эти чувства сделались просто нестерпимыми. Из шестисот страниц дневника, заполненных за год после освобождения, более четырехсот повествуют о страхах, порожденных той «черной неделей», но не прошедших вместе с ней. В произвольно выбранном 60-страничном фрагменте слово «страх» повторяется 142 раза, за ним идет «проблема» — 118 раз, и еще десятки раз — «одиночество», «отчуждение», «паранойя» и т. п. Чтобы описать свое душевное состояние, он обычно прибегает к помощи классиков; так, одна из записей в дневнике завершается словами Гимараэнса Розы. «Нет, это не страх, не страх… Это я просто потерял желание быть смелым». В мае 1975-го, в первую годовщину своего освобождения из камеры ДОПС, он заказал благодарственную мессу в церкви Святого Иосифа, своего небесного покровителя.

Человеком, который после выхода Пауло из тюрьмы вселял в него несравненно большую уверенность, нежели доктор Бенжамин и даже родной отец, стал адвокат Антонио Клаудио Виейра — будущий писатель считал, что именно ему обязан своим освобождением. Вернувшись из США, он попросил отца договориться с адвокатом о встрече, чтобы лично поблагодарить его. Когда Пауло явился с визитом в роскошную квартиру, занимавшую целый этаж на Моро-де-Виува, с редкостной красоты видом на Фламенго, самым сильным впечатлением для него стала дочь хозяина, Энеида. Энеида тоже была адвокатом, работала в отцовском бюро. В тот раз между ними начался лишь легкий флирт, но ровно 47 дней спустя Пауло предложил Энеиде руку и сердце. По меркам бразильского общества — значительной

его части — он вполне мог рассчитывать на согласие, ибо, располагая средствами, необходимыми, чтобы содержать жену и детей, был «хорошей партией», завидным женихом.

В конце 1975 года вышел очередной альбом Пауло и Рауля под названием «Новый Аэон», где они были авторами четырех из тринадцати композиций. Альбом демонстрировал, помимо прочего, насколько Рауль в то время еще был связан с сатанизмом, сколь глубоко был укоренен в нем: бесцеремонный грубиян Марсело Мотта сочинил слова пяти песен («Попробуй еще раз», «Яблоко», «Я эгоист», «Пейшуша — приятель рыб» и «Новый Аэон», давшей название альбому). Рауль и прочие считали эту работу подлинным шедевром, однако коммерческий успех оказался несопоставим с предыдущими — было продано всего 40 тысяч экземпляров.

Итак, материальные условия для создания семьи имелись, однако подобная скоропалительность при принятие столь ответственного решения могла объясняться лишь пламенной страстью, которая оказалась не взаимной, что выяснилось лишь со временем. Для Пауло эта пассия была идеальной: одним выстрелом он убивал двух зайцев — получал подругу жизни и возможность «остепениться», о чем мечтал по выходе из тюрьмы, да вдобавок становился зятем человека, умевшего вносить мир в его смятенную душу. И вечером 16 июня 1975 года, выкурив двойной «косячок», Пауло пришел к выводу, что пора решать. Он позвонил Энеиде и попросил сообщить родителям о том, что намерен официально просить ее руки — причем незамедлительно:

— Я только заеду домой и захвачу родителей. Скоро будем у вас.

Родители, спавшие уже крепким сном, всполошились, когда полоумный сын сообщил о своем безотлагательном решении устроить помолвку. То ли под воздействием марихуаны, то ли оттого, что он впервые оказался в такой роли, но когда настала минута обратиться к будущему тестю, у Пауло пересохло во рту, он запнулся, стал заикаться и не смог выдавить из себя ни единого звука. Зато адвокат, чувствуя на себе умоляющие взгляды будущих родственников, также потерявших дар речи, обнаружил присутствие духа и спас положение:

— Мы все знаем, что ты хочешь сказать. Ты делаешь Энеиде предложение, не так ли? Если так, то мы согласны отдать ее за тебя.

Пока на скорую руку отмечали знаменательное событие французским шампанским, он достал из кожаной сумки, переброшенной через плечо, кольцо с бриллиантом для невесты.

Наутро Энеида, в свою очередь, преподнесет жениху свадебный подарок у него дома она вручит ему техническую новинку, предмет вожделения всех журналистов и литераторов, — электрическую пишущую машинку «Оливетти», которой Пауло будет пользоваться до 1992 года, пока не освоит компьютер. Но не прошло и трех недель, как в дневнике появляются записи, свидетельствующие о том, что жених жалеет о своем поспешном решении:

> У меня с Энеидой — серьезные проблемы. Я ее выбрал потому, что этот шаг давал мне чувство уверенности и эмоциональную стабильность. Я ее выбрал потому, что искал душевное равновесие, которого так не хватает мне от природы. А сейчас осознал, чем придется заплатить за него. Кастрацией. Все прежнее — поведение, привычки, разговоры, сумасбродства — будет отсечено. Я не могу это принять.

Нечего было даже думать о том, чтобы «отыграть назад» и расторгнуть помолвку — это означало бы не просто потерять Виейру, но и обзавестись в его лице врагом, а при одной мысли об этом у Пауло начинало сосать под ложечкой. Однако он чувствовал, что и нареченная мало-помалу начинает тяготиться его безумствами. В сущности, она не имела ничего против того, что жених продолжал курить марихуану, но сама вовсе не собиралась пробовать наркотики, Пауло же настаивал на этом. В отношении секса она со всей определенностью заявила: никаких menage a trois (брак втроем)! Энеида не собиралась допускать на свое супружеское ложе подружек мужа. Чем все это должно было завершиться, сомнений уже не вызывало. На 40-й день после помолвки Пауло отмечает в дневнике, что все пришло к концу:

> Энеида просто-напросто бросила меня. Мне это было очень трудно, просто очень… Я выбрал именно ее в возлюбленные и товарищи, но она не выдержала и внезапно исчезла из моей жизни. Я безуспешно пытался связаться с матерью Энеиды, но и родители тоже недоступны. Боюсь, она рассказала им про мои штуки в стиле Кастанеды и сексуальные игрища. Уж насчет последнего — не сомневаюсь, рассказала. Разрыв был тяжким, гораздо более тяжким, чем я предполагал. Мои старики ошеломлены известием о расторжении помолвки. Трудно будет добиться, чтобы новую они приняли так же, как Энеиду. Трудно, я знаю, но что я могу сделать? Вот и отправляюсь на поиски новой

подруги.

Таковая вскорости отыскалась в лице стажерки Сесилии МакДауэлл, работавшей в пресс-бюро «Филипс». Однако прежде чем открыть ей свое сердце, Пауло пережил скоропалительное увлечение журналисткой Элизабет Ромеро, которая брала у него интервью для одного музыкального издания. Стали встречаться, сблизились. Бет привлекала к себе внимание, рассекая по Рио на звероподобном мотоцикле «Кавасаки-900». Роман, хоть и вышел кратким, дал ей возможность впоследствии утверждать, что той несостоявшейся встречи Пауло с его кумиром Хорхе Луисом Борхесом, о которой Коэльо говорил десятки, сотни раз в интервью газетам и журналам всего мира, — действительно не было. С приближением рождественских каникул он пригласил возлюбленную в Буэнос-Айрес, где намеревался посетить великого аргентинского писателя.

Пауло не сразу отважился направиться в ДОПС за разрешением, то бишь визой, на выезд в соседнюю страну, опасаясь, что этот поход может кончиться арестом. Все обошлось, и пара, ни с кем предварительно не договорившись, не имея в Аргентине ни одного знакомого, а ориентируясь только на адрес Борхеса — улица Майпу, 900, — погрузилась в автобус и двое суток спустя высадилась в столице Аргентины. Пауло, бросив вещи в гостинице, отправился по этому адресу. Консьерж сообщил ему, что дон Луис находится в старом отеле напротив своего о дома, пьет кофе. Пауло перешел на другую сторону и в холле на стеклянной двери против света увидел силуэт, который ни с кем нельзя был спутать: автор «Алефа», в ту пору уже 76-летний, в самом деле сидел в полном одиночестве за столиком с чашечкой эспрессо. Пауло охватило столь сильное волнение, что он не решился подойти. Крадучись, он вышел из отеля тем же путем, что и вошел, не осмелившись даже поздороваться с великим слепцом или сказать, как счастлив его видеть, — и всю жизнь горько об этом сожалел.

Впервые за свои 28 лет он встречал Рождество не дома Уже вступив на стезю нового воцерковления, он пригласил Бет на рождественскую мессу в собор Нуэстра-Сеньора-де-Пилар, находившийся неподалеку от Розового дома — резиденции аргентинского правительства, и, удивленный отказом девушки, которая предпочла в эту ночь побродить по улицам Буэнос-Айреса, порвал с ней. Позвонил в Рио Сесилии МакДауэлл — Сиссе — чтобы пожелать счастливого Рождества, и немедленно объяснился:

— Я люблю тебя. Через три дня буду дома. Если пообещаешь

встретить меня в аэропорту — прилечу, чтобы как можно скорее увидеться с тобой.

Миниатюрной, под стать Пауло, кареглазой, с орлиным носом Сесилии МакДауэлл было тогда девятнадцать, она училась в Папском католическом университете в Рио. Дочь американки Патрисии Фэйт и столь же известного, сколь и процветающего врача-фтизиатра Афонсо Эмилио де ла Роке МакДауэлл, владевшего крупной туберкулезной клиникой в Жакарепагуа, Сисса училась в Колежио Бразилейро де Алмейда, созданном и руководимом Нилзой Жобим, матерью знаменитого композитора Тома Жобима. Нравы в доме МакДауэллов царили пуританские, благо отец происходил с Северо-Востока, где свято чтут традиции, а мать получила строгое протестантское воспитание. Однако родители с распростертыми объятиями встретили этого хиппи, влюбившегося в их младшую дочь, а еще несколько месяцев спустя закрывали глаза даже на то, что она проводила уикенды у него (Пауло к тому времени сдал квартиру на Волунтариос-де-Патриа и переехал на шумную Барата-Рибейро). Через тридцать лет Сисса, оглядываясь назад, с жестокой иронией объяснит подоплеку подобного либерализма:

— Поскольку мои старшие сестры так и не вышли замуж, полагаю, что требования, предъявляемые к будущим зятьям, сильно понизились. И лучше уж было не отпугивать возможных кандидатов в женихи.

Каковы бы ни были резоны родителей, каждый уикенд, когда они уезжали в свой загородный дом в Петрополисе, Сисса собирала вещички и туалетные принадлежности в модную тогда холщовую котомку на длинном ремне и отправлялась на улицу Барата-Рибейро. Однако призрак несостоявшегося брака с Энеидой возникал в душе Пауло всякий раз, как тема грозила повториться, и в дневнике он отмечает: «Сегодня вечером у родителей Сиссы будет званый ужин, а я в таких случаях всегда чувствую себя как на горячей сковороде…», жалуется: «…меня принимают как жениха, а это последнее, чего мне хочется». Во время одного из сеансов психоанализа, которые Пауло регулярно посещал, д-р Бенжамин Гомес предположил, что в основе его нервного напряжения лежат сексуальные проблемы:

> Он сказал, что мое отношение к сексу вызывает напряжение, в котором я постоянно пребываю. На самом деле Сисса в этом на меня не похожа и довольно равнодушна к сексу. Я же мог реализовать себя в сексе, потому что это не было обязанностью, и теперь буду относиться к нему как к средству снять напряжение.

> Доктор Бенжамин сказал, что на энцефалограмме электрошок и оргазм дают одинаковую картину — и эпилептический припадок тоже. Услышав такое, я нашел в сексе лекарство.

Как ни смущало Пауло все, что мало-мальски намекало на обязательства и отношения жениха и невесты, в марте 1976-го, когда Сисса вернулась из трехнедельной поездки по Европе, он сделал ей предложение. И хотя Сисса приняла предложение с искренней радостью, все же поставила условие: это должен быть настоящий брак, все честь по чести — свидетельство о регистрации, венчание в церкви, обручальные кольца, падре, невеста в белом под фатой, жених в черном костюме и все прочее. Пауло в ответ разразился хохотом, заявил, что принимает все требования во имя любви и еще потому, что собирается остепениться, а лучше свадьбы для этого ничего не придумаешь. Еще до церемонии он несколько Раз к «Книге перемен», чтобы узнать, правильно ли поступает, и оставил в дневнике свидетельство снедающих его сомнений:

> Вчера представил себе всю эту, мягко говоря, ерунду со свадьбой и, по правде сказать, спало страшно… Мы и так цапаемся из-за нее, а обернуться может вообще черт знает чем…

Впрочем, несколько дней спустя настроение изменилось:

> <…> Ночевал не дома из-за своей паранойи. Ужасно хочется, чтобы Сисса жила со мной. В сущности, мы любим друг друга, понимаем друг друга, а она — человек, с которым можно ладить. Но сначала надо будет вытерпеть этот цирк, со свадьбой…

В таких и подобных душевных метаниях пришел Пауло ко дню 2 июля — пришел при полном параде, как требовала невеста. Ровно в семь вечера, под звуки скрипок, исполнявших шопеновский ноктюрн № 2, он появился у алтаря в церкви Святого Иосифа, расположенной в самом центре Рио, и остановился справа от падре, который приступил к таинству венчания. По сравнению с тем косматым обтрепанным хиппи, какого запечатлели фотографии, еде данные в Нью-Йорке, Пауло выглядел теперь настоящим принцем. Подстриженный и тщательно причесанный с укороченными и приведенными в порядок усами и бородкой облаченный в короткий фрак современного покроя, полосатые брюки, черные туфли,

белоснежную сорочку, повязанную серебристым галстуком. Дон Педро Коэльо и отец невесты были, сообразно торжественным обстоятельствам, столь же чинно-элегантны, чего нельзя сказать о свидетелях — Роберто Менескале и Рауле Сейшасе.

Под музыку Элгара появились пять юных подружек, предварявших выход невесты в белом подвенечном платье до пят. Отец вел ее под руку. Среди десятков гостей, заполнивших церковь, выделялась фигура Рауля Сейшаса — он был в темных очках, несмотря на поздний вечер, в пиджаке с красной строчкой по лацканам и обшлагам и красной же «бабочке». После благословения молодых прозвучало «Адажио» Альбинони, и венчание завершилось. Из церкви все отправились к родителям новобрачной, где состоялась церемония регистрации брака, а затем — роскошный ужин.

Пауло и Сисса выходят из алтаря церкви Сан-Жозе

Новобрачные с родителями

Сисса после церемонии бракосочетания отправляется на праздничный ужин

Пригласительный билет на свадебное торжество

Медовый месяц в Англии: Пауло в лондонском пабе

Медовый месяц прошел вполне обыденно. Обоим надо было вскоре возвращаться на службу, и дело ограничилось неделей, проведенной в загородном доме Коэльо на острове Жагуанум, неподалеку от Рио. Ни у Пауло, ни у Сиссы эти дни в памяти не запечатлелись. В дневниках Пауло нет упоминаний о свадебном путешествии, а те эпизоды, что запомнились Сиссе, не свидетельствуют о «море роз»:

> Пауло не слишком счастлив… Похоже, он не хотел такой свадьбы — по всем правилам, с соблюдением мельчайших формальностей и обычаев. Да, он согласился, но мне кажется — потому лишь, что я

> настаивала. Но это был не тот медовый месяц, о каком можно было бы сказать — ах, как это упоительно, как влюблены мы были, как счастливы… Нет, таких воспоминаний у меня не осталось. Побыли там несколько дней, а сколько именно — опять же не помню, и вернулись в Рио, стали жить как жили…

А житье это началось с небольшого конфликта: Пауло предпочитал жить на шумной и оживленной улице Барата-Рибейро, и не из соображений экономии, а потому что ему хотелось жить ближе к родителям, которые к тому времени продали дом на Гавеа и перебрались на улицу Раймундо Коррейи на Копакабане, всего в нескольких минутах ходьбы от сына. Воспоминания, сохраненные Сиссой о первых месяцах супружества на Барата-Рибейро, нельзя назвать очень уж лучезарными:

> Жизнь там была просто чудовищная… Окна единственной гостиной выходили прямо на улицу Барата-Рибейро, где всегда стоял адский шум. Но Пауло в тот период непременно хотел находиться поближе к матери, жившей совсем неподалеку. Квартирка наша была крошечная… У Пауло была еще одна, но он хотел быть рядом с матерью. Я была воспитана в духе протестантской этики, предписывающей жертвовать всем на свете ради супружеского долга и семейного счастья, а потому спала в этом грохоте… Свадьба состоялась в июле, значит, прожили мы там с полгода…

Такое начало было не из многообещающих, но ведь всякая молодая чета должна пройти «притирку» и получить привычку к совместной жизни, а потому покуда все шло своим чередом. Впрочем, иногда случались довольно бурные ссоры — как, например, в ночь на 24 августа, когда Пауло исполнилось 29 лет. Сиссу в два часа ночи разбудил ужасающий грохот, подобный взрыву бомбы. Она в страхе вскочила с постели и обнаружила в гостиной мужа с грудой петард под рукой. Он, вероятно, обкурившись марихуаны, устраивал праздничный салют и иллюминацию в свою честь, запуская в окно ракеты к ужасу обитателей всей округи. Разумеется, это записывалось для потомства на магнитофон:

> **Пауло:** Сейчас 1:59 24 августа 1976. Мне исполнилось 29 лет. Сейчас запущу ракету в ознаменование и запишу звук. <слышен грохот>

Здорово! Люди бегут к окнам!

Сисса: Пауло!!

Пауло: Ну что? Все проснулись, собаки залаяли…

Сисса: Что ты устраиваешь?

Пауло: А что?

Сисса: С ума сошел?

Пауло: По-моему, прекрасно! Грохочет на весь город! Я — чемпион! <слышен смех> Как же здорово, что я додумался купить эти ракеты! Как здорово! Мать твою, вот это салют! Вот это салют так салют! Кайф! Словно от чего-то освобождаюсь!

Сисса: Побудь со мной, мне не по себе…

Пауло: Это еще почему? Недоброе предчувствие?!

Сисса: Не-е-ет… Просто день был тяжелый…

Пауло: Тогда — слава богу. Попробуй сама выпустить ракету — сразу успокоишься, придешь в себя. Попробуй! Вот давай из этого окна!!

Сисса: Нет! Услышат грохот — поймут, откуда пуляют… Да брось ты свои ракеты! Ну побудь со мной…

Пауло: <слышен смех> Какой кайф!! Два часа ночи, звезды светят, а я отмечаю свой день рождения салютам! Господи ты мой Боже! Спасибо Тебе! Сейчас зафитилю еще! <слышен грохот>

Сисса: Прекрати! Консьержи со всего квартала заметят, откуда идет эта пальба.

Сесилия и в самом деле была человеком покладистым и уживчивым, но обладала сильным характером и не любила, когда ее заставляли делать что-либо против воли. Точно так же, как Энеида, она принимала взбалмошные выходки мужа — в память своего кумира он называл их «кастанедами» — могла даже выкурить с ним на пару «косячок», но даже и слышать не желала о всяких сексуальных экстравагантностях. Однажды Пауло, проснувшись за полдень — Сисса уже ушла на службу, — обнаружил оставленную ему записку и, когда прочел ее, почувствовал, что она будто жжет ему пальцы. Из текста следовало, что если он и вправду намерен блудить по-прежнему, она с ним под одной крышей не останется:

К сведению всех, кого это касается:

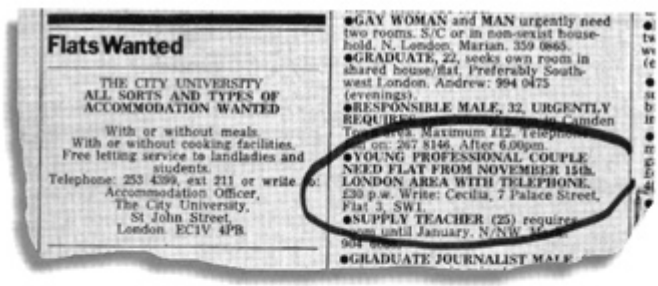
Я совершенно спокойна в отношении 500 женщин Пауло, поскольку ни одна из них не представляет опасности. Но сегодня по-настоящему задумалась о своем браке. Когда Пауло, заигрывая с секретаршей, говорил, что подержится за ее задницу, я сочла это

просто шуткой, хоть и очень дурного тона. Но гораздо хуже было его предложение — пусть и не прямое — подцепить в «Синеландии» нескольких «птичек», которые бы разнообразили наши сексуальные отношения. Я знала, что он уже делал нечто подобное, но даже представить себе не могла, что Пауло, зная меня, как только он один меня знает, и, стало быть, легко предугадывая мою реакцию, предложит мне столь омерзительные вещи. Сегодня ночью я чувствую себя одинокой как никогда, потому что мне некому излить душу Могу лишь наедине с собой пожелать себе расстаться с Пауло как можно скорее, как только эти дерьмовые условности и правила нашего круга позволят это. При этом отчетливо сознаю, что нанесу тяжкую душевную травму и себе, и своим родителям.

Еще не достигнув первого рубежа, на котором отмечают «бумажную свадьбу» — со дня бракосочетания минуло всего несколько месяцев — их супружеский союз дал серьезную трещину.

Сисса в их крошечной квартирке

Пауло читает новости из Бразилии

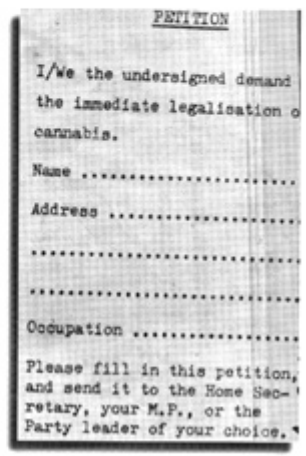


Flats Wanted

THE CITY UNIVERSITY
ALL SORTS AND TYPES OF
ACCOMMODATION WANTED

With or without meals.
With or without cooking facilities.
Free letting service to landladies and students.
Telephone: 253 4399, ext 211 or write to:
Accommodation Officer,
The City University,
St John Street,
London EC1V 4PB.

●GAY WOMAN and MAN urgently need two rooms. S/C or in non-sexist household. N. London. Marian. 359 0865.
●GRADUATE, 22, seeks own room in shared house/flat. Preferably South-west London. Andrew: 994 0475 (evenings).
●RESPONSIBLE MALE, 32, URGENTLY REQUIRES [illegible] in Camden Town area. Maximum £12. Telephone Yvon: 267 8146. After 6.00pm.
●YOUNG PROFESSIONAL COUPLE NEED FLAT FROM NOVEMBER 15th. LONDON AREA WITH TELEPHONE. £30 p.w. Write: Cecilia, 7 Palace Street, Flat 3, SW1.
●SUPPLY TEACHER (25) requires [illegible] until January. N/NW [illegible] 904 [illegible].
●GRADUATE JOURNALIST MALE [illegible]



PETITION

I/We the undersigned demand the immediate legalisation o cannabis.

Name .....

Address .....

.....

.....

Occupation .....

Please fill in this petition, and send it to the Home Secretary, your M.P., or the Party leader of your choice.

Супруги Коэльо подыскивают себе новую квартиру, а в свободное время ратуют за легализацию марихуаны

19
«В Лондоне разлетелись в прах все мои надежды стать когда-нибудь всемирно известным писателем»

Да, брак не задался, чего нельзя было сказать о профессиональной деятельности. В декабре 1976-го «Филипс» выпустил пятый альбом Сейшаса и Коэльо (сочинившего тексты десяти песен из одиннадцати) — «Десять тысяч лет назад», — сразу же завоевавший себе поистине ошеломляющий успех. У композиции, давшей заглавие альбому, имелось две особенности: необычно пространное название и то, что это был вольный перевод американской песни «I Was Born Ten Thousand Years Ago», исполнявшейся, что называется, повсеместно в нескольких версиях, самую известную из которых записал за четыре года до этого сам Элвис Пресли. Другая примечательная особенность заключалась в том, что впервые с четырнадцати лет, когда его вдохновил на такую акцию фильм Витторио де Сики, Пауло кому-то посвятил свое творение: на сей раз — отцу, дону Педро Кейма Коэльо. В песне речь идет о конфликте отцов и детей, но звучит и призыв быть снисходительными друг к другу, так что автор текста выражал свое уважение отцу очень своеобразно. Всякий, кто был хоть немного посвящен в семейную историю Пауло, мог понять, что «Педро» из рок-баллады «Мой старый Педро»— это и есть Коэльо-старший, но сам автор признался в том лишь много лет спустя.

Успех означал деньги, а для Пауло деньги должны были превратиться в камни, скрепленные цементом, в конце 1976 года он приобрел свою третью недвижимость — квартиру с двумя спальнями на улице Паулино Фернандеса в районе Фламенго, в ста шагах от дома, где родился и вырос. Приобретение собственности, как и достаток вообще, доставляли ему удовольствие, но и внушали страх перед чужой завистью — прежде всего перед коммунистами. В этом отношении он ничем не уступал своему другу и соавтору Раулю Сейшасу. Косматый рокер, который совсем еще недавно обличал «общество потребления» и в своих песнях едко иронизировал над страстью к материальным благам, теперь сделался настоящим стяжателем и ни за что не согласился бы расстаться хоть с самой малой толикой скопленного добра. «Сегодня в кино я вдруг дьявольски испугался, что настанет коммунизм, и у меня отнимут все мои

квартиры, — записывает Пауло в дневнике и продолжает с обескураживающей прямотой: — Я никогда не буду сражаться за народ. Звучит скверно, я понимаю, но я никогда не буду сражаться за народ. Буду сражаться за идею и, быть может, за привилегированную элиту, или отдельное избранное сообщество».

Материальное благополучие, обеспеченное миром музыки, ни на миг, ни на пядь не могло отклонить его от исполнения давней заветной мечты — стать великим писателем. В минуты упадка и тоски ему иногда «становилось почти непреложно ясно», что мечта эта недостижима. Всякий раз, вспоминая, что ему скоро тридцать, он пугался — ибо считал, что это крайний срок, deadline, для того, чтобы добиться мировой известности, и по достижении этого рубежа надежда на успех меркнет и гаснет. Однако стоило ему однажды прочесть в газете, что книги знаменитой английской писательницы Агаты Кристи принесли своей создательнице 18 млн долларов, как его настроение заметно улучшилось.

> Я вовсе не собираюсь издавать мои книги в Бразилии — здесь еще нет настоящего рынка книготорговли. Трехтысячный тираж считается у нас большим успехом, тогда как в Соединенных Штатах — оглушительным провалом. Здесь нет перспективы. Если я хочу стать писателем, то должен постоянно и непрестанно думать о том, куда бы отвалить.

Покуда судьба не указала ему путь к славе, Пауло был вынужден подчинять свою жизнь жесткому расписанию — присутственные часы, совещания, поездки в Сан-Пауло, словом, все то, что входило в обязанности креативного директора. Корпорация «Филипс» решила объединить все свои отделы и департаменты в одном здании, находившемся тогда на отдаленной окраине Рио — в современном и только еще строящемся районе Барра-до-Тижука. Пауло был против переезда: во-первых, офис теперь находился в сорока километрах от дома, и ему пришлось преодолеть психологическую травму Арарuамы, купить машину и получить права, а во-вторых, на новом месте ему выделили слишком маленький кабинет. Впрочем, свое недовольство он изливал только в дневнике:

> Я сижу в новом кабинете, если так можно назвать эту каморку. Я и мой персонал — две секретарши, ассистентка и курьер — ютимся на пространстве в 30 кв. м, то есть на каждого приходится всего по 5. Этого было

бы просто мало, если бы тут к тому же не громоздилась всякая рухлядь, — но и ее к нам запихнули.

Помимо того что место службы располагалось неудобно и далеко от центра, Пауло чувствовал себя неуютно еще и потому, что занимал должность, находившуюся в эпицентре постоянного землетрясения, порождаемого острым соперничеством, борьбой за место под солнцем, состязанием честолюбий и тем, что называется «подсиживанием». Поле борьбы, в которой личность попирается, а удары по большей части наносятся в спину, — едва ли подходящее место для человека, чью душу постоянно томят страхи и параноидальные мании. Если ему казалось, что какой-нибудь местный громовержец недостаточно любезно раскланялся с ним в лифте, Пауло тут же видел в том угрозу своему пребыванию в должности. Если приглашали на какой-нибудь спектакль, шоу или презентацию, это гарантированно влекло за собой несколько дней бессонницы и десяток слезливых страниц в дневнике. Если не вызывали на совещание, это приводило к сильнейшему припадку астмы. Тревога и неуверенность в себе достигали крайних пределов. Если какой-нибудь музыкальный продюсер не связывался с ним напрямую, Пауло становился нетрудоспособным — настолько это выбивало его из колеи. Когда же несколько признаков того, что его преследуют или что им пренебрегают, складывались, как ему казалось, в систему, он, попросту говоря, впадал в ступор:

> Сегодня я совсем никуда не гожусь, паранойя доконала. Мне кажется — меня никто не любит, и каждый так и норовит подстроить мне какую-нибудь пакость. Еще кажется — ко мне не так прислушиваются, как прежде.
>
> А настроение такое из-за того, что меня практически выставили с утреннего совещания… Из носу течет; может, у моего гриппа — психологическая подоплека? Андре Мидани, президент компании, входит в зал, но ко мне не обращается; у моего партнера — отвратительное настроение, и мне кажется, что и то и другое — звенья заговора. В газетной колонке мое имя даже не упомянули, хотя и следовало.
>
> И вдобавок ко всему (отчего моя паранойя разыгралась не на шутку, а тревога стала буквально подступать к горлу) обнаружилось, что меня не пригласили на презентацию книги Нелсона Мотты. Он всегда меня сторонился, да и мне почти никогда не удавалось скрыть своей к нему неприязни.

> Мне вообще иногда кажется, что люди терпят меня лишь потому, что я друг Менескала… И так от этого муторно и гадко на душе…

А сфера его деятельности в корпорации, где он исполнял одновременно функции и музыкального редактора и креативного директора, тоже была для него постоянным источником непреодолимых страхов. По должности ему часто приходилось писать длиннейшие доклады руководству компании, давая подробные отчеты, делая нелицеприятные критические обзоры, посвященные виднейшим музыкантам, связанным с корпорацией контрактами, а иными словами — оценивать своих коллег. И хотя доступ к этим материалам получал строго ограниченный круг лиц — Мидани, Менескал, Армандо Питтильяни и еще один-два высокопоставленных руководителя, — Пауло леденел от страха при мысли о том, что его аналитические разборы могут попасться на глаза тем, кому они посвящены. Страх все возрастал и усиливался, ведь сам этот «жанр» предусматривает известную скупость на похвалу и серьезный разбор недостатков. Сколь ни велик был стресс, Пауло проявил себя более чем добросовестным сотрудником, а энтузиазм, с которым он работал, нередко заставлял его засиживаться за отчетами до глубокой ночи. Служба в «Филипс» была одной из опор той «треноги», на которой в шатком равновесии зиждилось его эмоциональное равновесие. Второй было супружество, а третьей — йога, последнее увлечение, покорившее и душу, и тело. Когда же становилось совсем невыносимо, он обращался к помощи психиатра Бенжамина Гомеса, и тот приводил его в порядок лошадиными дозами антидепрессантов.

К январю 1977 года Пауло успел убедиться, что Сисса не похожа на своих предшественниц. «Она — такая, как есть, и не скоро станет другой, — признавал он. — Я бросил попытки изменить ее, ибо теперь понимаю всю бессмысленность этого». Тем не менее ему постепенно удалось сделать так, чтобы Сисса признала наркотики, хоть что-то из мира его интересов. Она никогда не будет всерьез употреблять их, но все же приняла из рук мужа свой первый «косячок», а потом попробовала ЛСД. Следуя тому же ритуалу, который придумал когда-то Пауло, вовлекая в это дело Веру Рихтер, инициация произошла 19 марта, в день Святого Иосифа, и перед началом церемонии оба приложились к его образу. Как только Сисса положила на язык первую облатку, включили магнитофон, записывавший с этой минуты ее ощущения — вначале чувство тревоги, затем как будто потянуло в сон, по телу забегали мурашки, и вот наконец экстаз.

В этот миг ей стали слышаться звуки, которые, как обычно бывает, невозможно описать. Рыдая, она тщетно пыталась передать, что чувствует:

> Никому не под силу выдержать то, что слышали мои уши… Я никогда не смогу это позабыть… Но должна постараться описать… Знаю, ты слышал то же, что и я. Я смотрела на потолок нашей комнаты. Не знаю… Нет, описать это невозможно, но я должна. Пауло, это очень сильно.

Пауло меж тем занимался мониторингом и одновременно — звуковой дорожкой. Увертюрой послужила музыкальная заставка «Жорнал насионал» — новостной программы «ТВ-Глобо», открывавшейся сообщением о повышении аварийности на дорогах Рио. Затем последовали «Токката и фуга» Баха и «Свадебный марш» Вагнера.

Успокаивая жену, Пауло заверил ее, что в случае «bad trip» стакана свежевыжатого апельсинового сока вполне достаточно, чтобы устранить эффект ЛСД.

Хоть они и скрывали друг от друга свою тревогу и тоску, наркотики не помогли с этим справиться. Во время одного из таких «глубоких погружений» в их квартире появился герой, призванный спасти Пауло и Сиссу и принявший на этот раз облик тяжеловеса Рокки Бальбоа, сыгранного Сильвестром Сталлоне. В ту мартовскую ночь 1977 года Пауло вместе с женой смотрел по телевизору церемонию вручения «Оскара». Он был потрясен тем, что «Рокки» получил целых три статуэтки — за лучший фильм, лучшую режиссуру и лучший монтаж. И у Пауло вновь возникло желание стать победителем — подобно боксеру Бальбоа, возникшему ниоткуда и ставшему чемпионом, — и обрести причитающуюся ему награду. А то единственное, что по-прежнему его интересовало, было связано с давней мечтой — стать писателем, которого читал бы весь мир, и Пауло уже давно и отчетливо осознал, каков должен быть первый шаг на долгом пути к этой цели. Покинуть Бразилию и писать книги за границей. Уже на следующий день он пришел в спортзал, где у Менескала была тренировка по айкидо, и сообщил, что уезжает. Будь его воля, он предпочел бы Мадрид, но Сисса настояла на своем, и в самом начале мая 1977 года супруги прилетели в аэропорт Хитроу — Лондон был призван стать колыбелью литературного первенца Пауло Коэльо.

Спустя несколько дней в трехэтажном доме, стоявшем на Пэлас-стрит на полпути от вокзала «Виктория» к Бэкингемскому дворцу, была снята квартирка за 186 фунтов стерлингов в месяц

— тесная, но удачно расположенная и обладавшая к тому же дополнительным преимуществом в виде ванной. По прибытии в столицу Соединенного Королевства в местном отделении «Банко до Бразил» супруги открыли счет и положили на него 5 тысяч долларов.

Денег в ту пору у Пауло хватало, однако дело тут было не только в свойственной ему разумной осмотрительности в тратах — имелась еще и некая юридическая тонкость: по существующим правилам для бразильских граждан за границей был установлен лимит переводов — не более 300 долларов ежемесячно. И вот, чтобы обойти требования Центрального банка, в конце месяца в Рио объявлялась мобилизация всех бабушек, тетушек, кузенов с тем, чтобы каждый присылал бразильским друзьям Пауло и Сиссы по 300 долларов, которые переводились на их счет в «Банке до Бразил». Благодаря этой хитрости супруги получали ежемесячно около полутора тысяч долларов, не облагаемых налогом.

Пауло зарабатывал еще и тем, что вел музыкальную колонку в еженедельном журнале «Амига». Сисса подрабатывала в бразильской службе «Би-би-си» и время от времени публиковала короткие, но подписные репортажи в «Жорнал до Бразил». На ней же была и вся домашняя работа, поскольку на помощь супруга в этом отношении рассчитывать не приходилось. Более того — он не только не разделял с нею бремя повседневных забот, но и запрещал покупать замороженные продукты, а также ласково просил Сиссу приобрести поваренную книгу. Перевод рецептов из «Basic Cookery» потребовал немало сил и времени: чета Коэльо часами разгадывала смысл текста, чтобы потом преобразовать слова, рецепта в кушанье. На стене их комнаты, на самом видном месте, красовалось недельное меню, изучив которое, пытливый исследователь пришел бы к выводу, что мясо было для супругов изысканным деликатесом, который они позволяли себе не чаще, чем раз в неделю. Впрочем, это компенсировалось тем, что они отдавали дань экзотической кухне, довольно часто посещая пакистанские и таиландские рестораны.

Того, что супруги получали, хватало на все: занятия по йоге и фотографии, лекции по вампиризму, которые Пауло исправно посещал, прогулки, короткие поездки по стране и обширную культурную программу, предлагаемую Лондоном. Пауло и Сисса неизменно оказывались первыми в очереди в кассу кинотеатра, когда выходил какой-нибудь фильм, который в Бразилии наверняка был бы запрещен цензурой, — например, «Осада» греческого режиссера Косты-Гавраса, посвященный уругвайской диктатуре… Потребовалось, чтобы минуло три долгих,

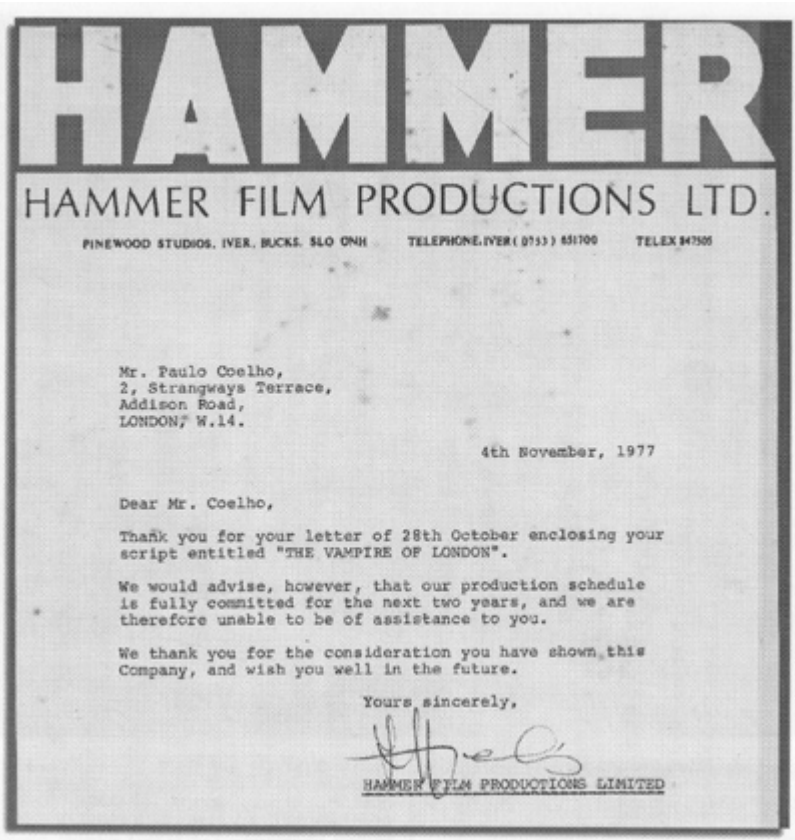
монотонных месяца, не заполненных решительно никакой деятельностью, чтобы Пауло осознал, какой глубочайшей праздности он предается:

> Я работаю самое большее два дня в неделю. Это значит, что в среднем за три месяца в Европе проработал меньше одного. Для человека, который задался целью покорить мир и приехал сюда осуществлять свои мечты и желания, два дня работы в неделю — это очень мало.

Поскольку у него не было средств выпустить благословенную и столь долгожданную книгу, он решил все же занять время какой-нибудь полезной деятельностью. Лекции по вампиризму вдохновили на создание сценария, названного «Лондонский вампир». Пауло разослал свое сочинение известным продюсерам, и все ответили учтиво, но в том смысле, что, по их мнению, фильм о вампирах в настоящее время сборов не сделает. Один из продюсеров оказался особенно любезен и предложил свои услуги в качестве эксперта, вызвавшись сообщить, готовы ли они будут прокатывать фильм, — но все это, разумеется, после того как он будет снят…

В июле Пауло и Сисса окончательно убедились, что обзавестись друзьями в Лондоне — дело нелегкое. Чтобы компенсировать их отсутствие, принимали у себя родителей Пауло, недолго у них гостивших. Переписка с теми, кто остался на родине, тоже стала более интенсивной; Пауло, впрочем, предпочитал свои послания наговаривать на магнитофон, если тот, конечно, оказывался под рукой, и целые горы кассет росли у родителей и друзей — прежде всего, у самого близкого из всех, Роберто Менескала. От последнего он узнал, между прочим, что Рита Ли завела себе нового партнера. Эта новость наряду с отказами продюсеров и издателей отражена на многих страницах дневника:

> Моя партнерша тоже нашла нового текстовика. Я оказался забыт гораздо раньше, чем предполагал, прошло всего три месяца. За три месяца я перестал что-то значить в культурной жизни этой страны — что называется, выпал из контекста. Вот уже несколько дней мне никто не пишет.



HAMMER

HAMMER FILM PRODUCTIONS LTD.

PINEWOOD STUDIOS, IVER, BUCKS. SLO ONH TELEPHONE IVER (0753) 651700 TELEX 847505

Mr. Paulo Coelho,
2, Strangways Terrace,
Addison Road,
LONDON, W.14.

4th November, 1977

Dear Mr. Coelho,

Thank you for your letter of 28th October enclosing your script entitled "THE VAMPIRE OF LONDON".

We would advise, however, that our production schedule is fully committed for the next two years, and we are therefore unable to be of assistance to you.

We thank you for the consideration you have shown this Company, and wish you well in the future.

Yours sincerely,

HAMMER FILM PRODUCTIONS LIMITED

it

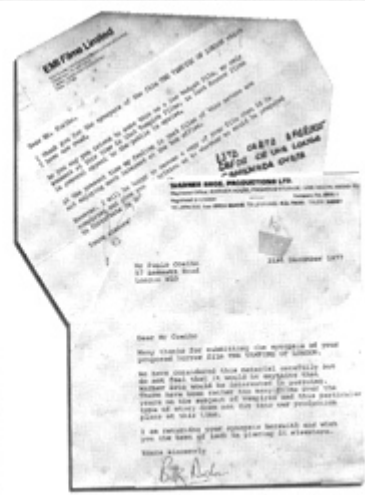
E AS REJEIÇÕES CONTINUARAM CHEGANDO...

9/12/77

Dear Paulo,
Sorry can't make Wed. Come up to the office and check back to see you.

PHOTOGRAPHY

INTERSONG INTERNATIONAL



EMI Films Limited

HAMMER FILM PRODUCTIONS LTD.

Dear Mr. Coelho

Издатели и продюсеры отвечают отказом на все предложения Пауло

В конце 1977 года, когда пришло время возобновлять договор аренды, Пауло и Сисса решили покинуть квартиру на Пэлас-стрит — она стоила слишком дорого. Они дали краткое, на пять строк,

объявление в газету: «Молодые супруги снимут квартиру с 15 ноября. Телефон обязателен». И спустя всего несколько дней переехали на Бассет-Роуд, в районе Ноттинг-Хилл: поблизости, на Портобелло-роуд, находится знаменитый лондонский «блошиный рынок», там и развернется действие книги, которую Пауло напишет тридцать лет спустя. Нынешнее жилье помещалось в не столь фешенебельном районе (километров на десять дальше от центра), зато было гораздо просторнее, во всех отношениях лучше и к тому же дешевле прежнего.

Лекции по вампиризму, хоть и не помогут Пауло превратиться в профессионального сценариста, все же оставят некоторый след в его жизни. Там он познакомился с 24-летней изящной японкой-массажисткой по имени Кейко Саито, девушкой из Токио, «отрывавшейся по полной» в Лондоне, и так же, как Пауло, интересовавшейся сатанизмом и мистикой. Вместе они будут принимать участие в уличных манифестациях: в первый раз — протестуя против массового истребления людей, которое проводил в Камбодже «маршал» Пол Пот, во второй — когда собирали подписи под петицией в пользу легализации марихуаны в Великобритании. Познакомился, увлекся ею всерьез и завел с нею роман. По своему обыкновению — так же он будет поступать и впредь со всеми женами — он не утаил этого от Сиссы:

— Я влюбился в Кейко. Как ты отнесешься к тому, что она будет жить с нами?

Один-единственный раз упоминая об этом эпизоде публично — в интервью журналу «Плейбой» в октябре 1992 года, — Пауло признался, что предложение было принято охотно:

> **«Плейбой»:** А ваш третий брак, с Сесилией МакДауэлл?
>
> **Пауло:** С нею мы венчались в церкви.
>
> **«Плейбой»:** И вы были при полном параде, как полагается?
>
> **Пауло:** Да. А шафером был Рауль Сейшас. Потом мы с женой какое-то время жили в Лондоне, где, кстати, попробовали «любовь втроем».
>
> **«Плейбой»:** Да ну?
>
> **Пауло:** Я ходил на лекции о вампиризме и там влюбился в одну слушательницу, японку, звали ее Кейко. Но и Сесилию я любил, а потому мы решили жить втроем.
>
> **«Плейбой»:** И обе согласились?
>
> **Пауло:** Да. Мы прожили вместе около года.
>
> **«Плейбой»:** А как это было в смысле секса?

Пауло: Я занимался сексом с обеими одновременно, но между ними ничего такого не было.

«Плейбой»: И они не ревновали вас друг к другу?

Пауло: Нет, никогда.

«Плейбой»: А не слушалось так что вам хотелось остаться лишь с одной из них?

Пауло: Насколько мне помнится — нет. Ни разу. Это и вправду была «любовь втроем», и очень сильная.

«Плейбой»: Ну хорошо, Сесилия и Кейко не спали друг с другом. Но все же — как складывались их отношения? Как они относились друг к другу?

Пауло: С большой нежностью. Они прекрасно понимали, как сильно я люблю их обеих, а я понимал, как они любят меня.

Кейко и Пауло…

Взяв на вооружение методы советских и китайских коммунистических лидеров, вытравлявших любую память о тех, кто был сподвижником и «товарищем по борьбе» а потом становился «разоблаченным и обезвреженным врагом народа», Пауло ни словом не обмолвился в этом интервью еще об одном персонаже этой истории. О длинноволосом музыкальном продюсере — бразильце Пенинье, который в ту пору тоже обитал в Лондоне. В доме была только одна комната, а в комнате — одна кровать, и Сисса поняла, что муж намерен жить с ней и Кейко заведя себе на манер арабского шейха мини-сераль. Пауло неизменно уверял, что с Сиссой «было легко ладить», однако уже через год после венчания он убедился, что девушка, которую взял

в жены, не отличается безропотной покорностью. И был немало поражен, когда в ответ на предложение делить кров и ложе с японкой услышал столь же непринужденный, сколь и шокирующий ответ, звучавший в устах девушки из хорошей семьи неожиданно, если не сказать — дико:

— Хорошо. Я позволю Кейко жить с нами, если ты согласишься, чтобы с нами жил и Пенинья. Понимаешь, я «запала» на него.

Пауло, оказавшемуся в положении, которое шахматисты называют «цугцванг», а проще говоря — в тупике, ничего не оставалось, как примириться с воцарением еще одного участника этого экстравагантного сообщества, получившего название «семья расширенного состава», или «Генеральная ассамблея ООН». (Если в Лондон наведывались родственники Пауло или Сиссы, Кейко и Пенинья улетучивались — так было, например, когда на недельку приехала Гайл, старшая сестра Сиссы, и остановилась, естественно, у них.) Первый и единственный Новый год супругов Коэльо будет отпразднован в расширенном составе в Эдинбурге, куда все четверо отправились на несколько дней.

Сисса и Пенинья…

… и новая семья в полном составе

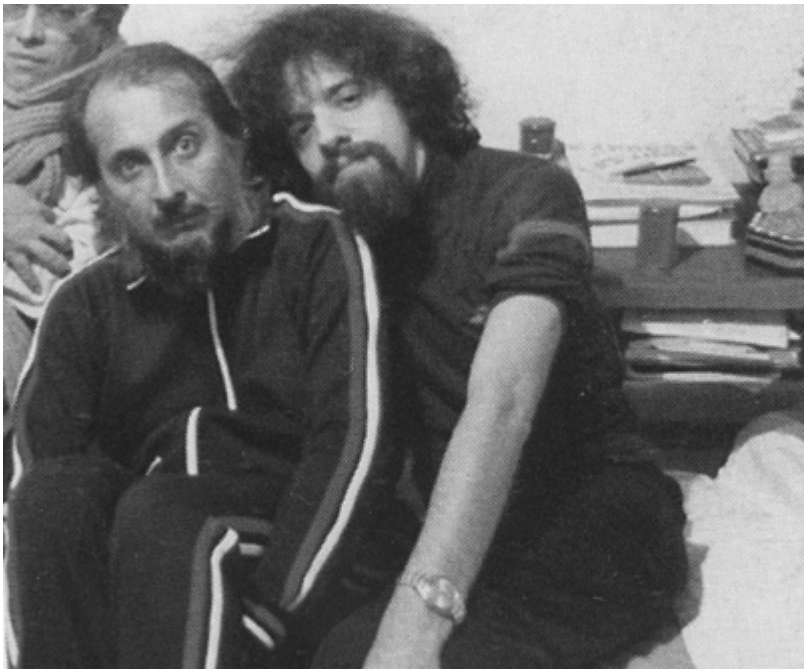
В конце года Пауло был занят нескончаемым и весьма разочаровывающим подведением итогов, пытаясь определить баланс побед и поражений. Получалось, что вожделенный, хоть и умозрительный «Оскар», столь сильно повлиявший в марте на его решение уехать из Бразилии, все еще невообразимо далек. Проходил месяц за месяцем, а он не сочинил ни строчки книги, о которой так долго и страстно мечтал. Приходилось признать поражение, что он и сделал, записав в дневнике слова, не предназначавшиеся для посторонних глаз:

> Череда отказов. Что бы я ни посылал на конкурсы — все отвергалось. Только что получил очередной отказ. Все женщины, которых я стремился покорить, отвергали меня. Когда я говорю «все» — это не для усиления образа. Я хочу сказать, что не было ни единого исключения.
>
> […] С самого раннего детства я мечтал стать писателем, жить и творить за границей и получить мировую известность. И Лондон, конечно, был шагом на пути к этой мечте. Однако результаты оказались не те и не такие, каких я ждал. Мое первое и самое сильное разочарование — это я сам. Шесть месяцев обстановка

вокруг меня способствует невиданному вдохновению, а я не могу взять себя в руки и написать хотя бы строчку.

Пауло тщился предстать в глазах окружающих заметным представителем бразильской поп-культуры, ради удовольствия пописывающим в Лондоне для отечественных журналов. Впрочем, старый друг Роберто Менескал, с которым он состоял в переписке, уже начал высказывать сомнения, что ученик поступает правильно, и прозрачно намекал — не пора ли закрывать лондонский сезон и собираться домой? Однако признать себя побежденным и возвращаться с поджатым хвостом Пауло не хотелось. Вот если «Филипс» вновь пригласит его на работу, он на следующий же день вылетит в Рио. И вот в Лондон с соответствующим предложением прибыл громовержец-Менескал, да еще и привез с собой Элену Оливейра, еще одного топ-менеджера мультинационального гиганта. Приступать к работе предстояло лишь в марте 1978-го, но дело было не в работе, а в приглашении. Накануне отъезда Пауло собрал все то немногое, что ему удалось выжать из себя за эти бесплодные лондонские месяцы, сложил в конверт, конверт заклеил, надписав на нем свои имя и адрес. А потом, когда они с Менескалом пили виски в скромном пабе на Портобелло-роуд, «забыл» конверт на стойке бара. Накануне отлета, в последнюю ночь, проведенную в Лондоне, он так объяснил в дневнике мотивы этого поступка:

> Все написанное за год я оставил в баре. Это мой последний шанс. Пусть кто-нибудь найдет, прочтет и скажет: «Этот малый — гений!» На такой случай я указал и фамилию, и адрес. Если потребуется — меня разыщут.



Роберто Менескал приехал в Лондон, чтобы забрать Пауло в Бразилию. Английские каникулы подошли к концу

Да, речь шла всего лишь о еще одном поражении — но никак не о полном разгроме. Эти слова как заклинание будут повторять некоторые персонажи Пауло спустя много лет. И вот — без книги, которую поклялся написать, без работы, без партнеров, почти без друзей и без защиты анонимностью, которая в Лондоне позволяла ему сделать супружеские отношения, мягко говоря, далекими от традиционных, они с Сиссой вернулись в квартиру на Барата-Рибейро, которая не особенно их устраивала еще до путешествия в Англию. Едва они обосновались, как Пауло принялся строить мрачные прогнозы на дальнейшую жизнь, твердя, что они непременно сбудутся, если не удастся распространить приобретенную в Лондоне «эмоциональную подвижность» на бразильское бытие.

> Союз с Сиссой будет продолжаться, только если вернется та «эмоциональная подвижность», которая существовала в Лондоне. Мы зашли слишком далеко, чтобы поворачивать назад. Если же нет — у нас нет шансов… Все это — лишь вопрос времени. Ладно, подождем, пока все выяснится и определится. Впрочем, я считаю, что так или иначе возвращение в Бразилию не сблизит пас, а разведет. И едва ли мы долго пробудем

вместе, потому что здесь мы нетерпимее к слабостям друг друга…

Спустя несколько месяцев они перебрались в новую квартиру четвертую из тех, что составляли маленькую городскую латифундию Пауло Коэльо. Купленное на деньги, полученные от аренды остальных (за год составилась изрядная сумма!), уютное жилье с тремя спальнями находилось на улице Сенадор-Эузебио, в районе Фламенго, в двух кварталах от кинотеатра «Пайсанду», в трех — от дома бывшей возлюбленной Пауло Энеиды и совсем рядышком с домом Рауля Сейшаса. Полстены в гостиной занимали лондонские фотографии и сувениры, имевшие двойное предназначение: супругам они напоминали о счастливых днях, а Пауло — о поражении, которое он потерпел, так и не сумев сочинить свою книгу.

В марте он приступил к работе в качестве художественного продюсера и на протяжении нескольких месяцев вновь тянул лямку сотрудника звукозаписывающей компании. Поскольку он терпеть не мог вставать рано довольно часто по утрам, часов в десять, его будил телефонный звонок секретарши, сообщавшей, что его ищут и не могут найти. Из дома в офис, расположенный на Барадо-Тижука, он ехал за рулем собственного автомобиля — скромного «Форда-корсела» — и целый божий день проводил нескончаемые совещания и встречи с певцами и музыкантами, с сотрудниками и журналистами, специализирующимися в этой сфере. В кабинете беспрерывно звонил телефон; надо было одновременно направлять и контролировать оборот документов, подписывать в печать эскизы конвертов, отвечать от имени знаменитых артистов на письма фанатов.

Вернувшись на родину, Пауло становится сотрудником «Фонограма». С Сидни Магалом

С Вануссой

С Раулем Сейшасом они, как уже было сказано, соседствовали, но прежней близости не было. В конце года «закадычных врагов» удалось заманить в студию компании WEA с которой сотрудничал Рауль, чтобы попытаться воскресить союз, потрясавший некогда Бразилию. Попытка провалилась. Выброшенный на рынок в начале 1979 года долгоиграющий диск «Девственный лес» (Пауло принадлежат там тексты пяти песен — «Иуда», «Предсказания», «Вовремя», «Сохрани свои страх» и

«Магия любви») не набрал и десятой доли того, что принесли «Гита» и «Десять тысяч лет назад».

Слава, сопутствовавшая им в 1973–1975 годах, осталась позади, но Пауло всем сердцем усвоил урок, преподанный Раулем: «Сочинить песню — значит уложить в двадцать строчек историю, которую люди будут слушать раз по десять, и их не затошнит», и уже не зависел от партнера. Помимо этих пяти песен, в течение 1978 года он написал слова еще примерно к двадцати композициям; работал и с теми, кто оставит заметный след в истории бразильской поп-музыки, писал сценарии и режиссировал шоу. Когда режиссер Педро Роваи решил снять полнометражный порнофильм «Латинский любовник», в авторы сценария был, разумеется, приглашен Пауло Коэльо.

Как всегда бывало с ним при его хрупкой нервной организации, если работа получалась — душа пела, и наоборот. Так происходило и теперь. Но безоблачное небо профессиональной деятельности покрывалось хмурыми тучами, едва он попадал домой. Взаимное недовольство перерастало во все более ожесточенные и частые скандалы, сменявшиеся отчужденным молчанием: супруги Коэльо порой не разговаривали друг с другом сутками. В феврале 1979-го Пауло решил в одиночку совершить морскую прогулку в Патагонию, а когда на обратном пути его трансатлантический лайнер зашел в порт Буэнос-Айреса, позвонил Сиссе и предложил расстаться. Любопытно, что он, придающий такое значение «знакам», столь чуткий к совпадениям, лишь кажущимся случайными, не заметил, что ровно три года назад, тоже из аргентинской столицы и тоже по телефону предложил ей руку и сердце.

Фактически развод датируется 24 марта того же 1979 года, когда Сисса покинула квартиру на Сенадор-Эузебио, а расторжение брака произошло 11 июня в суде, расположенном метрах в пятидесяти от церкви Святого Иосифа, где проходило венчание. Процедура едва не сорвалась: в самый последний момент Сиссе пришлось бегом покупать чулки, ибо предстать перед судьей в джинсах не разрешали правила. Кроме того, адвокат забыл предоставить какой-то документ, так что супруги были вынуждены «позолотить ручку» делопроизводителю и получить свидетельство о расторжении брака с черного хода. Когда наконец препятствия были преодолены. Пауло и Сисса как цивилизованные люди отметили свой развод в ресторане. Каждый из них по-своему отозвался об этом событии. Пауло записал в дневнике:

Не знаю, вправду ли она так близка к отчаянию, но

плакала сильно. Для меня моральная травма оказалась незначительна. По окончании этого искуса я отправился заниматься своими делами в другие кабинеты, помещения, миры. Ужинал с давно позабытым удовольствием, и это связано не с разводом, а — с кухаркой, вкусно меня накормившей.

В свою очередь Сесилия, отказавшаяся делить с бывшим мужем что бы то ни было, включая даже «совместно нажитое имущество», на часть которого по бразильским законам имела право, сформулировала свои мысли и чувства в краткой записке, написанной по-английски и отправленной Пауло по почте. И без промаха попала в его ахиллесову пяту:

> По моему мнению, едва ли не главная проблема из всех, что мешали нам жить, возникала в постели. Я никогда не понимала, почему ты не думаешь обо мне. Все могло быть гораздо лучше, если бы я чувствовала, что ты заботишься и омоем наслаждении. Но этого не было. Никогда не было. И очень скоро твои ощущения тоже стали мне безразличны.

Для человека, чья эмоциональная стабильность столь зависела от сочувственного понимания, от женщины, призванной помочь ему справиться с бушующими в душе бурями, окончание брака означало скорое наступление депрессии и беспросветной меланхолии. И это было не из-за отсутствия женского внимания, скорее напротив. Но теперь он вбил себе в голову, что женщины похищают у него энергию, которую следует направить на литературное творчество. «Да, я познал многих, очень многих, — писал он, — но все они были женщины-вампиры. С этим покончено навсегда».

Больше всех по поводу развода сына переживала Лижия. Отвлекшись от праздничных хлопот по случаю Пасхи, она отправила сыну письмо, убористо напечатанное на машинке через один интервал. Не похоже, что оно написано «дурой», как не раз аттестовал свою мать Пауло, — изящный стиль, безупречно правильный язык, и потом, люди такой категории имеют весьма слабое знакомство с психоаналитической терминологией. Мать настаивает, что брак распался по его вине, из-за его вечной неуверенности в себе и неспособности признать, как много он потерял:

> Мой милый мальчик,
> У нас с тобой много общего: в том числе —

способность изливать свои чувства в письмах. По этой причине сегодня, в день Воскресения Христова, я посылаю тебе эти строки в надежде, что они поддержат тебя. Или, по крайней мере, — чтобы ты знал, что я очень люблю тебя и потому страдаю, когда тебе плохо, и радуюсь, когда ты весел и счастлив.

Как ты, должно быть, догадываешься, я беспрестанно возвращаюсь мыслями к вашему с Сиссой разводу. Нет нужды говорить, что это — твое и только твое дело, и мне бы лучше помолчать. И я даже не уверена, что решусь отправить это письмо.

Повторяя, что хорошо тебя знаю, я исхожу исключительно из своего материнского чутья, ибо многое в тебе сформировалось, к сожалению, без нашего участия и не у нас на глазах, а потому укрылось от нашего внимания. В детстве ты был постоянно удручен, а потому и возникла необходимость разрыва связей с самыми близкими людьми, потребность сломать все схемы и все начать с нуля. И тебе удалось освободиться, хотя ты боязлив, не уверен в себе, подвержен тревогам и страхам. Да, удалось! И еще как удалось! Но ты высвободил и то, что было подавлено, а теперь сам не можешь с этим справиться и совладать.

Я не слишком хорошо знаю Сесилию, но все же она казалась мне очень здравомыслящим и трезвым человеком. Сильной Бесстрашной. Чуткой. Простой. Думаю, для тебя было тяжким испытанием, когда она, как свойственно невротикам, начала возвращать тебе усвоенные у тебя же черты — твою зависимость, твои чудачества, твои недостатки… Она не пожелала и дальше подставлять плечо под чужое бремя, и вот равновесие супружества нарушилось. Не знаю, каков был ваш последний разговор, но ты воспринял его как отторжение, как нелюбовь и не пожелал выдержать это. И есть лишь один способ решить проблему — понять ее. Ты однажды сказал мне, что не умеешь проигрывать. Но жить полной жизнью можно лишь в том случае, если принимаешь и победы, и поражения.

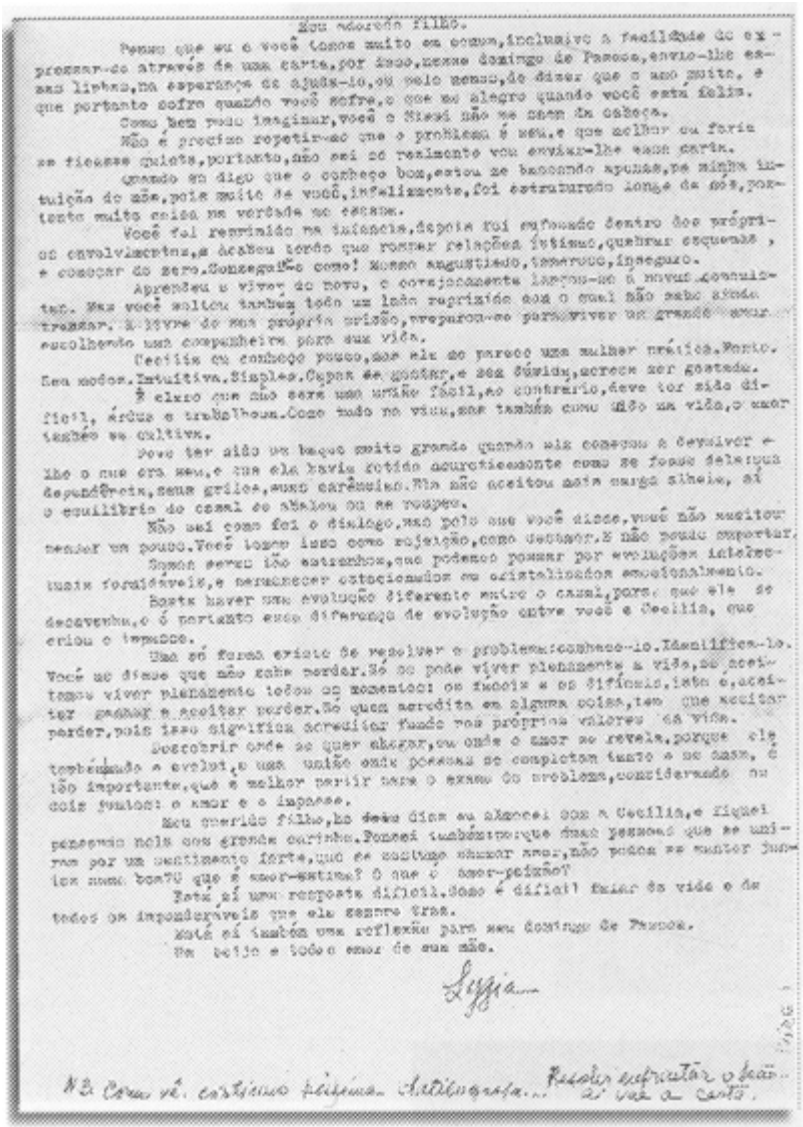
Лижия.

NB: Как видишь, я по-прежнему очень скверно печатаю на машинке. И все же решила рискнуть. Результат налицо.

Мой милый сыночек, сегодня я много молилась за тебя. Молилась, чтобы Господь даровал тебе уверенность

выстроить свою жизнь собственными руками. И чтобы она и впредь была такой же, какой была до сих пор, — полной сознательных и честных свершений, и чтобы в ней было побольше радостных и счастливых минут.

Крепко целую тебя.



Meu adorado filho.

Penso que eu e você temos muito em comum, inclusive a facilidade de expressar-se através de uma carta, por isso, nesse domingo de Páscoa, envio-lhe estas linhas, na esperança de ajudá-lo, ou pelo menos, de dizer que o amo muito, e que portanto sofro quando você sofre, e que eu alegro quando você está feliz.

Como bem pode imaginar, você e Nieni não me saem da cabeça.

Não é preciso repetir-se que o problema é meu, e que melhor eu feria se ficasse quieta, portanto, não sei se realmente vou enviar-lhe esta carta.

Quando eu digo que o conheço bem, estou me baseando apenas, na minha intuição de mãe, pois muito de você, inflamente, foi estruturado longe de mim, portanto muito coisa na verdade me escapa.

Você foi reprimido na infância, depois foi enfeixado dentro dos próprios envolvimentos, e acabou tendo que romper relações íntimas, quebrar esquemas, e começar do zero. Conseguiu-o como! Mesmo angustiado, tenaroso, inseguro.

Aprendeu a viver de novo, e corajosamente lançou-se à novas conquistas. Mas você soltou também todo um lado reprimido com o qual não sabe ainda tramar. A livre de sua própria prisão, preparou-se para viver um grande amor escolhendo uma companheira para sua vida.

Cecília eu conheço pouco, mas ela me parece uma mulher prática. Ponto. Sem modos. Intuitiva. Simples. Capaz de gostar, e sem dúvida, merece ser gostada.

É claro que não será uma união fácil, ao contrário, deve ter sido difícil, árdua e trabalhosa. Como tudo na vida, mas também como não na vida, o amor também se cultiva.

Deve ter sido um baque muito grande quando ela começou a devolver-lhe o que era seu, e que ela havia retido acuradamente como se fosse delerosa dependências, seus grilos, suas carências. Ela não aceitou mais carga alheia, aí o equilíbrio do casal se abalou ou se rompeu.

Não sei como foi o diálogo, mas pelo que você disse, você não soube tender um pouco. Você logo leu como rejeição, como desamor. E não pode suportar.

Somos seres tão estranhos, que podemos pensar por evoluções intelectuais formidáveis, e permanecer estacionados ou cristalizados emocionalmente.

Deste haver uma evolução diferente entre o casal, para que ele se desavenha, e é portanto esta diferença de evolução entre você e Cecília, que criou o impasse.

Uma só forma existe de resolver o problema: conhecê-lo. Identificá-lo. Você me disse que não sabe perder. Só se pode viver plenamente a vida, se aceitamos viver plenamente todos os momentos: os felizes e os difíceis, isto é, aceitar ganhar e aceitar perder. Só quem acredita em alguma coisa, tem que aceitar perder, pois isso significa acreditar fundo nos próprios valores da vida.

Descobrir onde se quer chegar, ou onde o amor se revela, porque ele também é evolui, e uma união onde pessoas se completam tanto e se amam, é tão importante, que é melhor partir para o exame do problema, considerando os dois fatores: o amor e o impasse.

Meu querido filho, ~~ke deixa~~ dizer eu abocei com a Cecília, e fiquei pensando nela com grande carinho. Pensei também porque duas pessoas que se uniram por um sentimento forte, que se costuma chamar amor, não podem se manter juntas numa boa? O que é amor-entrega? O que é amor-posição?

Este aí uma resposta difícil. Como é difícil fazer da vida e de todos os imponderáveis que ela sempre traz.

Está aí também uma reflexão para meu domingo de Páscoa.

Um beijo e todo o amor de sua mãe.

Lygia

P.S. Como vê, cortei a última página datilografada... Resolvi escrever à mão. 2ª vez a certo.

Письмо Лижии сыну после его развода с женой: «Но жить полной жизнью можно лишь в том случае, если принимаешь и победы, и поражения»

Как он сам писал на первых страницах дневника, нет ничего нового под солнцем. И как уже не раз бывало в его жизни

единственным способом компенсировать горечь этого поражения была работа. И тут, в апреле 1979 года, когда еще и месяца не прошло после развода, на него как с неба свалилось приглашение перейти к главному конкуренту «Филипс» — в «Си-би-эс», — и в этом приглашении содержался многообещающий намек на возможность в скором времени занять пост художественного директора американской звукозаписывающей корпорации. После целой череды провалов в личной жизни и в профессии — неудача альбома «Девственный лес», блиц-роман с Энеидой, творческое бесплодие, обнаружившееся в Лондоне, крах супружества — приглашение казалось бальзамом на душу; прежде всего в случае своего перехода Пауло вновь оказался бы в самом центре поп-культуры Рио и Сан-Пауло. Впрочем, когда он начал работать на новом месте, обнаружилась новая и весьма неприятная черта его личности: высокомерие. Одной из поставленных перед ним задач была реорганизация художественного департамента, и он повел себя весьма ретиво. «Да, это правда, — вспоминал он впоследствии. — Я выказал никогда не проявлявшуюся прежде спесь на грани грубости, устраивал нагоняи подчиненным, командовал, ругался и вел себя весьма авторитарно». Дошло даже до того, что, боясь злоупотреблений, он отказывался подписывать счета и платежные ведомости, если они не внушали ему доверия.

Не ведая, что собственными руками роет себе могилу, Пауло нанимал одних, увольнял других, урезал сметы, сокращал штаты, подливая таким образом масла в и без того уже жарко полыхавший огонь амбиций и ущемленных самолюбий. А покуда он на свой страх и риск проводил операцию «чистые руки», вокруг него сплелась целая сеть интриг. Силки сработали в понедельник, 13 августа 1979 года, когда исполнилось два месяца и десять дней его работы в новой ДОЛЖНОСТИ: около полудня он явился в офис, и его неожиданно вызвали к президенту «Си-би-эс» по Бразилии, аргентинцу Хуану Трудену. Тот ожидал его, стоя посреди кабинета, с улыбкой на устах. Протянув руку, он произнес одну-единственную фразу:

— Друг мой, вы уволены.

И больше ничего. Ни тебе «здравствуй», ни «прощай». Удар был ошеломителен не только по форме, в которую была облечена отставка, но еще и потому, что она знаменовала собой крах карьеры. «Меня уволили с самого высокого менеджерского поста, сбросили с вершины, и нечего было рассчитывать, что можно отступить, перегруппироваться и стать тем, кем я был прежде, то есть начать с начала, — вспоминал Пауло много лет спустя в интервью Музею образа и звука. — В Бразилии существовало всего шесть компаний подобного профиля, и должности, на

которые я мог претендовать, были заняты». Прежде чем собрать вещи, он сочинил длинное обиженное письмо Трудену, где писал, что из-за огрехов в организации и порочной структуры «Си-би-эс» «артисты, сотрудничающие с корпорацией, имеют в настоящее время несчастье котироваться на бразильском рынке ниже всех остальных». И завершил с драматическим пафосом, воспользовавшись чеканной формулой, которой некогда поразил воображение своих соотечественников президент Жанио Куадрос в своем письме-отречении:

> И те же самые тайные силы, что повинны в моем увольнении, когда-нибудь будут уничтожены силой истины. Ибо ладонью солнца не закроешь, сеньор Хуан Труден!

Увольнение (как он потом узнает, с формулировкой «по профессиональной непригодности»), с ликованием встреченное всей когортой врагов, которых он успел нажить за этот краткий срок, принесет ему унижения и в дальнейшем. Через несколько дней он встретится на светском мероприятии с Антонио Коэльо Рибейро, только что назначенным президентом «Филипс», откуда Пауло ушел попытать счастья в «Си-би-эс». Увидев его, Рибейро при всех бросил ему в лицо:

— Только блефовать и умеешь!

Десять месяцев спустя за дверь выставили и самого Рибейро. Наш герой, когда до него дошло это известие, вынул из ящика своего стола некий сверток, который хранил там с того дня, как получил публичное оскорбление, и отправился домой к обидчику. Едва тот открыл дверь, Пауло поспешил объяснить, чем вызван его визит:

— Помнишь, что ты сказал, когда меня уволили? Так вот, теперь ты можешь повторять эти самые слова, глядя себе в глаза.

Он развернул обертку и протянул Рибейро настенное зеркало, где поперек стекла крупными буквами было написано: «ТОЛЬКО БЛЕФОВАТЬ И УМЕЕШЬ!». Потом повернулся, сел в лифт и был таков.

Пришло время зализывать раны. Его выкинули на обочину мира шоу-бизнеса (имя Пауло Коэльо появилось в прессе лишь к концу года, когда журнал «Фатос & Фотос» поместил репортаж, озаглавленный: «Вампирология: Корифей этой науки есть ныне и в Бразилии»). Корифеем был он, ныне представлявшийся высоким специалистом в этой области и во всеуслышание объявлявший, что пишет сценарий для полнометражного блокбастера, который, впрочем, так никогда и не был снят. Неожиданное увольнение из «Си-би-эс» едва не добило его, еще не оправившегося от

драматического разрыва с женой: свежая рана кровоточила, и исцелять ее в одиночку было ему не под силу. Погруженный в одиночество, казавшееся безысходным, он метался между полубредовыми помыслами о своем величии и тягостным ощущением затравленности. Порой то и другое укладывалось в его дневнике в рамки одной фразы:

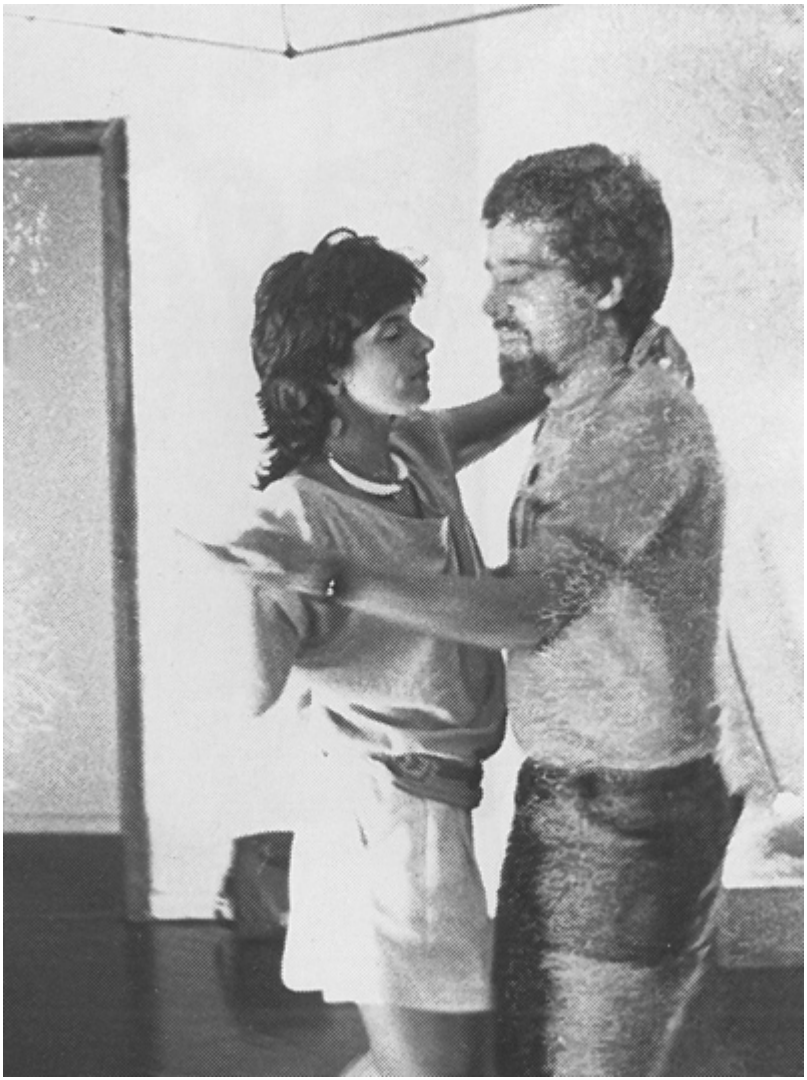
> Мне с каждым днем все труднее осуществлять мой великий идеал — стать знаменитым и почитаемым, стать тем человеком, который создаст Книгу Века, Мысль Тысячелетия, Историю Тысячелетия.

Это могло показаться всего лишь обострением давней параноидальной шизофрении или маниакально-депрессивного психоза — именно такой диагноз ставили заботившиеся о его душевном здоровье врачи, начина с Бенжамина Гомеса. Но дело было в том, что близился конец года — время традиционного подведения итогов — а тридцатидвухлетний Пауло пока так и не добился исполнения своей мечты. Иногда он соглашался понизить планку и готов был признать себя просто писателем — одним из многих, таким, как все. «Время от времени мне хочется сочинить эротический рассказ, и я знаю, что он наверняка будет напечатан, — отмечает он в дневнике. — Да, я мог бы вдруг взять и посвятить себя исключительно этому жанру, который сейчас, после того как сняли запрет на порнографические журналы, пользуется в стране и спросом, и успехом. Я мог бы писать под прозрачным псевдонимом». Но вслед за подобными планами неизбежно и тотчас возникали вопросы. Ну, допустим, он начнет писать эротику. Зачем? Чтобы заработать денег? Он уже зарабатывал деньги, а счастливее не стал. Стараясь не оставаться наедине со своими проблемами, которые на самом деле больше никого не касались, он вернулся к прежнему занудливому нытью: раньше он не писал, потому что был женат, а Сиссе его планы были безразличны. Теперь не пишет потому, что остался один, и это ему мешает.

> Вынашиваю прежние планы — они все еще не умерли во мне. Я могу в любую минуту воскресить их, надо только найти женщину — женщину моей жизни. Как я хочу, чтобы она поскорее отыскалась…
>
> <…> Я очень, очень одинок. Я не могу быть счастлив, если рядом со мной нет женщины.
>
> <…> Я устал искать. Мне нужен кто-то… Если бы рядом была та, кого я люблю, все можно было бы снести.

Казалось, что всеми этими жалобами Пауло лишний раз подтверждает правоту старинной пословицы: «Хуже слепца тот, кто не хочет видеть». Ибо та, кого он так ждал и искал, уже больше десяти лет была у него на глазах и за все это время не удостоилась даже такой малости, как приветливая улыбка или хотя бы рукопожатие. Удивительно, впрочем, и то, что этот опытный женолюб не разглядел, как хороша эта миниатюрно-изящная брюнетка с фарфоровой кожей и мягким взглядом. Кристина Ойтисика и Пауло Коэльо познакомились еще в 1968 году при следующих обстоятельствах: ее дядюшка Маркос посватался к Соне, сестре Пауло.

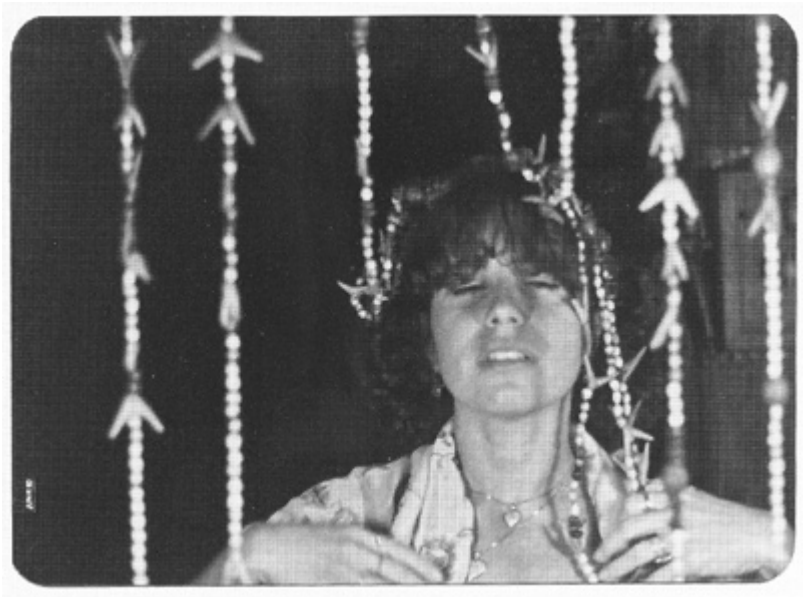
По требованию доны Лижии на ужине, устроенном в честь обручения, все женщины должны были быть в вечерних платьях, мужчины — в черных костюмах. Исключения не сделали и для Пауло, который в ту пору носил черные патлы до плеч, а на празднестве производил впечатление не то нанюхавшегося, не то обкуренного, но в любом случае — крепко подсевшего на наркотики. В последующие годы они несколько раз пересекались на семейных торжествах и обедах, однако интереса друг к другу не проявляли. Отчасти, быть может, потому, что в числе этих торжеств была свадьба Пауло и Сиссы, где присутствовала и Кристина, породнившаяся с ними через своего дядюшку. Когда же в 1979 году Соня повела брата на рождественский ужин в дом родителей Кристины, та была обручена с Висенте, молодым миллионером, владевшим, помимо прочего, еще и огромной яхтой. И все же судьба распорядилась так, что именно ей, Кристине Ойтисика, выпал жребий стать той женщиной, которую так ждал Пауло. Через неделю после сочельника двое соединились — вероятно, уже навсегда.



В январе 1980-го года происходит новая встреча Пауло с Кристиной Ойтисика: начинается «история любви», преодолевшая грань веков

20
Пауло теряет интерес к сексу, деньгам, кинематографу и даже к творчеству

Кристина, по окончании начальной школы учившаяся в Колежио Беннетта, где воспитание давали в духе традиционных протестантских ценностей, интересовалась только библейскими историями на уроках закона Божьего: все прочие предметы не давались ей категорически — никогда, ни за что, ни в какую — так что колледж пришлось оставить и кочевать из школы в школу, а потом, подобно Пауло, и вовсе махнуть на это рукой. В шестнадцать лет родители формально освободили ее от своей опеки, согласившись на некую юридическую процедуру, предусмотренную для тех несовершеннолетних, которые желали стать «правоспособными» и сдать экзамены на аттестат зрелости, пройдя менее чем за год курс и гимназии, и колледжа. После этого она вернулась в Беннетт, где появились специальные классы, дающие высшее образование, и стала заниматься там изобразительным искусством и архитектурой. В конце 1979 года, когда в рождественский сочельник Пауло появился в ее доме, Кристина как раз работала в архитектурной компании.



Крис

Ее родители, Кристиано и Паула, оставаясь искренне верующими католиками, придерживались самых либеральных воззрений, в том числе и на воспитание дочери. Хочешь ходить в школу — ходи. Не хочешь — не ходи. Желаешь вместо уроков в кино — на здоровье. С какого-то момента она стала приводить в дом своих возлюбленных и оставлять их до утра, что не встречало со стороны родителей ни возражений, ни нареканий. Впрочем, справедливости ради следует оговориться, что число счастливцев, удостоенных ее благосклонности, было невелико: красавица Кристина была девушкой строгих правил: в свое время получила первое причастие, характером обладала задумчивым, любила читать и часами слушать протестантские хоралы, доносившиеся с площади Машадо, на каждом углу которой стояло по лютеранской церкви. Сперва слушала, а потом и сама стала петь в хоре. Раз или два в неделю вместе с другими певчими — как правило, людьми «из низов» — она встречалась в условленном заранее месте и исполняла для прохожих гимны и псалмы. При этом умудрялась не сделаться ни ханжой, ни святошей. Была вполне современной девушкой из Рио-де-Жанейро: смотрела в «Пайсанду» последние фильмы, одевалась в «Биббе», моднейшем бутике на Ипанеме, в «промышленных количествах» потребляла виски в баре «Ламаз». Кристина посещала это заведение каждый вечер, возвращаясь домой под утро не вполне уверенной походкой. «Моим наркотиком было спиртное, — признается она много лег спустя. — Я просто обожала пить».

…Когда на рождественском ужине в доме Ойтисика допивали последний кофе, за окнами было уже темно. Пауло, весь вечер не сводивший глаз с Кристины, сумел с помощью двоюродного брата Сержио Вегелина вызнать, что на вечер у нее не назначено никаких встреч. И когда расходились, закинул удочку — но не впрямую, а опять же с помощью кузена: попросил, чтобы тот пригласил их обоих в «Пайсанду»: там с огромным успехом шел тогда «Манхэттен» — новый фильм Вуди Аллена. Кристина, растерявшись, не знала, что ответить, а когда пришла в себя, уже сидела в кинотеатре — и не в «Пайсанду», где все билеты оказались распроданы, а в «Кондоре» — и смотрела «Аэропорт», старый фильм, выпущенный больше десяти лет назад. Пауло в течение тех двух с лишним часов, что длился сеанс, вел себя как истинный джентльмен, не сделав даже попытки хотя бы взять Кристину за руку. Когда они вышли из темного кинозала на улицу, их ослепила и оглушила феерическая вечерняя Машадо, больше напоминавшая улицу где-нибудь в Бомбее: жонглеры, акробаты, хироманты, гадальщики по картам Таро, предсказатели

судьбы, глотатели огня и, разумеется, сразу несколько религиозных хоров, которые стоя под деревьями, одновременно пели псалмы. Пауло и Кристина остановились перед лже-факиром, чье туловище — явно выкрашенное анилином — было несколько раз обвито жуткого вида отвратительной рептилией метров шести в длину. Это была исполинская сукури — разновидность удава, неядовитая змея, способная, однако, задушить теленка или человека, целиком, не жуя, заглотнуть добычу и несколько недель переваривать ее. Преодолевая страх и омерзение, они приблизились, и Пауло так непринужденно, словно справлялся, который час, спросил Кристину:

— Я сейчас поцелую эту гадину, а ты за это поцелуешь меня. В губы.

— Собираешься целовать такое чудище?! Ты с ума сошел! — не поверила своим ушам Кристина, но, поняв, что он не шутит, приняла вызов, — Ладно. Если так сделаешь, я тоже тебя поцелую.

И к ужасу не только своей спутницы, но и всех окружающих, и самого факира-заклинателя, он сделал два шага вперед, обеими руками обхватил голову змеи и поцеловал. Потом на глазах — вытаращенных от изумления — десятков зевак повернулся, обнял Кристину и прильнул к ее губам затяжным голливудским поцелуем, который был встречен настоящей овацией присутствующих. Пауло сорвал не только поцелуй. Эту ночь они с Кристиной провели вместе — в его квартире на улице Сенадор-Эузебио.

В последний день года он (предварительно заглянув в «Книгу перемен») предпринял еще одну атаку, предложив Кристине встретить Новый год в своем маленьком и очень симпатичном загородном доме (шестом в списке объектов его недвижимости), который недавно приобрел в курортном городке Кабо-Фрио, находившемся в получасе езды от Арарауамы, где так часто бывал в детстве. Пятидесятиметровое белое шале с красными окнами и черепичной крышей было точь-в-точь таким, как остальные 74 дома, которые входили в закрытый кондоминиум «Кабана-Клуб», выстроенный архитектором Ренато Менескалом, братом Роберто. Перед отъездом Пауло рассказал Кристине, что прошлой ночью ему приснилось, будто кто-то несколько раз повторил одну и ту же фразу: «Не проводи новогоднюю ночь на кладбище». Поскольку тайный смысл предупреждения никто из них разгадать не смог, а ночевать среди надгробий местного кладбища они не собирались, сон был предан забвению. Но едва Пауло и Кристина появились в Кабо-Фрио, оба почувствовали нечто странное, разлитое, казалось, в воздухе, но что именно это было,

определить не смогли. Это был не дурной запах и не что-то вещественное, скорее то, что Пауло называл «отрицательной энергией». К ночи послышались неясные шорохи — тоже непонятного происхождения: создавалось впечатление, будто какое-то существо — человек или животное — ходит по комнатам, хотя, кроме них, в доме никого не было. Сбитые с толку и слегка напуганные, они отправились ужинать. А когда в ресторане рассказали об этом феномене мэтру, услышали объяснение, от которого у обоих волосы стали дыбом:

— Вы из «Кабана-клуб»? Ничего удивительного, ведь ваш кондоминиум стоит на месте индейского кладбища! Когда рыли котлованы под фундамент, обнаружили скелеты сотен индейцев, но работ не прекратили и построили дома буквально на костях. У нас в Кабо-Фрио все знают: место нехорошее.

Вот это да! Теперь понятно, о чем так настойчиво предупреждал его во сне неведомый голос, твердя, чтоб не оставался в новогоднюю ночь на кладбище! Пауло и Кристина переночевали в отеле, а в дом зашли лишь белым днем, да и то на минутку — забрать вещи. Уже через несколько недель шале было продано за те же 4 тысячи долларов. Время показало, что призраки не смогли омрачить отношения Пауло и Кристины. Порвав с прежним возлюбленным, она перевезла из родительского дома в квартиру на Сенадор-Эузебио свои наряды, кое-что из мебели и личных вещей, и среди прочего — орудие производства, чертежную доску, с помощью которой зарабатывала на жизнь. Так начался их супружеский союз: он хоть и не был освящен церковью и зарегистрирован в префектуре, оказался на диво прочен и, перевалив за грань веков, продолжает оставаться незыблемым и в третьем тысячелетии.

Впрочем, поначалу совместная жизнь была нелегка. Кристине, столь же чуткой к интерпретациям знамений и примет, ежедневно расставляемых жизнью, не понравилось, что, едва переступив порог квартиры, она наткнулась на жизнеописание графа Дракулы, лежавшее на аналое, куда во время мессы возлагают Священное Писание. Нет, у нее не было предубеждения против вампиров или вампирологии — она любила «ужастики», — но подобное кощунство возмутило ее до глубины души: как можно использовать для забавы элемент церковной утвари?! Тем более что это наверняка заполняет дом негативной энергией. Она была так потрясена, что сейчас же вышла на улицу, из первого автомата позвонила баптистскому пастору, с которым привыкла советоваться, и рассказала ему обо всем. Они вместе помолились — по телефону же — и Кристина, прежде чем вернуться домой, сочла нужным зайти в церковь. Она

успокоилась лишь когда Пауло наставительно разъяснил ей, что его интерес к вампирологии не имеет ничего общего с сатанизмом, О.Т.О. и идеями Алистера Кроули.

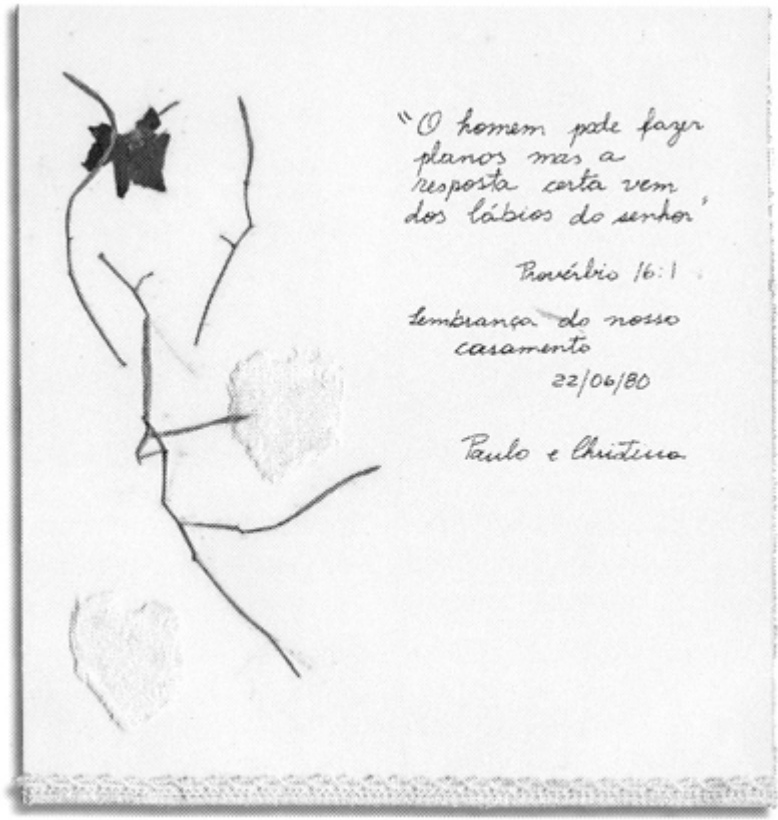
— Миф о вампире возник лет за сто до появления Христа. А с поклонниками тьмы я давным-давно не поддерживаю никаких связей.

На самом деле он и вправду еще в 1974 году порвал с сатанистами Марсело Мотты, но по-прежнему продолжал во всеуслышание объявлять себя знатоком творчества Алистера Кроули. Позднее он даже написал для журнала «Планета» пространную статью об английском колдуне — а Кристина проиллюстрировала статью своими рисунками. Подобное сходство вкусов — или родство душ — не спасло от бурь и штормов, неизбежных в начале брака. Пауло, хоть и обнаружил способность быть удивительно галантным — он, например, провел с нею уикенд в президентских апартаментах «Копакабана Палас Отеля», самого дорогого и фешенебельного в Рио — однако по-прежнему терзался сомнениями: Кристина — это и есть та «чудесная спутница», которую он ждал столько лет? Даже убедившись в том, что она и впрямь, по выражению доны Лижии, «золото, а не девочка», он все же опасался, что они оказались вместе по одной и той же тщательно скрываемой причине, и имя ей — «параноидальное желание убежать от одиночества». Но хотя Пауло и твердил, что боится увлечься и потерять голову, его пробивал холодный пот при одной мысли, что он может лишиться Кристины.

> Наша первая серьезная размолвка произошла несколько дней назад, когда Крис отказалась ехать со мной в Арарауму. И я вдруг с ужасом подумал, что ей ничего не стоит ускользнуть от меня. Я сделал все, чтобы удержать ее, и пока мне это удается — она рядом. Я люблю ее: она вселяет в мою душу покой и мир, и я чувствую, что мы можем попытаться что-то сделать вместе.

Все эти метания, неизбежные при начале совместной жизни, не помешали им 22 июня 1980 года, в пасмурный воскресный день, освятить свой союз званым обедом для родителей, родственников и немногочисленных друзей, устроенным в квартире на улице Сенадор-Эузебио. Кристина позаботилась о том, чтобы создать антураж в стиле хиппи, и на каждом пригласительном билете написала строчку из псалма или изречение из Писания, украшенное собственным рисунком. Единственный, кто не откликнулся на приглашение, был

баптистский священник, которому она звонила в тот день, когда обнаружила на аналое книгу о Дракуле.



В июне 1980-го Кристина иллюстрирует стих из псалма, превращая его в приглашение на свадьбу

Эклектичные вкусы Кристины, похоже, помогли ей и Пауло лучше понимать друг друга, легче ладить между собой. К моменту знакомства она уже могла счесть себя специалисткой по картам Таро и — хоть без той одержимости, что была присуща Пауло — часто заглядывала в «И Цзин», чьи пророчества умела толковать. Когда Пауло прочел «Книгу медиумов» Аллана Кардека, чета решила проверить собственные дарования в этой области. Подобно тому, как когда-то Пауло ставил опыты с ЛСД на Жизе, теперь он пытался через посредство Крис расшифровывать потусторонние послания. Исследование привело к новым открытиям, а те повлекли за собой и новые страхи.

> Мы поставили несколько опытов. Начали на прошлой неделе, едва я кутил книгу. Крис выступала в роли медиума, и мы сумели получить кое-какие элементарные сообщения. Пребываю в глубоком

смятении. Мое понимание суши вещей претерпело радикальные изменения после того, как я с помощью научных методов пришел к убеждению: духи существуют. Существуют и окружают нас.

Спустя много лет Кристина будет уверять, что все эти эксперименты прошли удачно. «Я убеждена, что стол и в самом деле двигался, — вспомнит она. — И я сумела даже „психографировать“ какие-то тексты». Подозрение в том, что она — медиум, укрепилось с той минуты, как ее стали навязчиво одолевать необъяснимые чувства, стоило лишь зайти в ванную в квартире на Сенадор-Эузебио. Это были непонятные, совсем ни на что не похожие ощущения, в которых ей самой трудно было разобраться и о которых она тогда никому не рассказывала. Дело было в том, что ей не раз приходила в голову мысль открыть газ, заткнуть все щели и покончить с собой. Однажды во второй половине дня, в понедельник, 13 октября, она оставила свой планшет и зашла в ванную. В тот момент тяга к самоубийству казалась неодолимой. И Кристина, сдавшись, решила положить конец своей жизни. Но опасаясь, что смерть от удушья окажется слишком мучительной и долгой, предпочла прибегнуть к таблеткам. Неторопливо и спокойно вышла из дома, взяла такси и отправилась на Жардин-Ботанико, в родительский дом, где, как она знала, хранился запас транквилизатора, который принимала мать — то ли сомалиума, как запомнилось Кристине, то ли валиума, как утверждает Пауло. Впрочем, как бы ни называлось лекарство, она высыпала в рот содержимое флакона, написала мужу прощальную записочку и рухнула на кровать.

Вернувшись домой и не застав жену, Пауло отправился к ее родителям, где они обыкновенно ужинали, и обнаружил Кристину без чувств, а рядом — записку и пустой пузырек. С помощью появившейся тещи он поволок ее к лифту, но предварительно заставил сунуть два пальца в рот и вызвать рвоту. На улице они остановили первое же такси и помчались в клинику Сан-Бернардо, где Крис сделали промывание желудка, а через несколько часов когда она окончательно оправилась, отпустили домой. Кристина вскоре заснула, а Пауло все ломал себе голову какие таинственные эманации могли вселять в его жену столь гибельные мысли, стоило той войти в ванную? Этот вопрос не давал ему покоя, и спустившись, он рассказал о том, что случилось с женой, консьержу и спросил, что все это может означать. Тот как будто ждал этого вопроса, потому что, едва дав Пауло договорить, ответил:

— Перед вами в этой квартире жил один летчик, командир

воздушного судна из авиакомпании «Панэир». Он покончил с собой, отравился газом.

Когда Пауло вернулся домой и рассказал об этом жене та с решимостью, казавшейся невероятной для человека еще несколько часов назад распростертого на больничной койке, поднялась, собрала кое-какую одежду, захватила гребни, зубные щетки, умывальные принадлежности и прочие мелочи, сунула все это в чемодан и провозгласила:

— Едем к родителям. Ноги моей здесь больше не будет!

И не только ее. Пауло тоже ни разу с тех пор не переступил порог этой квартиры. Чуть более месяца они пользовались гостеприимством своих тезок родителей Кристины, Паулы и Кристиано — и этого времени хватило, чтобы завершить и оформить сделку: был куплен седьмой «объект недвижимости», куда они и переехали. Эта большая и красивая квартира, выходившая в сад, обладала одним поистине бесценным достоинством: находилась на первом этаже того же дома, где жили дона Лижия и дон Педро Кейма Коэльо. Большую эмоциональную стабильность Пауло получил бы, только если бы оказался с ними в одних стенах.

И хотя Крис наложила строгий запрет на все, что так или иначе относилось к сексуальным экстравагантностям мужа, жизнь этой супружеской пары все же сильно отличалась от всех прочих. К примеру, однажды Пауло предложил подвергнуться средневековому испытанию, которому дал витиеватое название «обоюдный тест на определение болевого порога». Кристина согласилась, хоть и знала, что ее ждет: супруги разделись догола и принялись стегать друг друга по спине тонкой бамбуковой палкой метровой длины. Поочередно они наносили удары, наращивая их силу, чтобы определить, до какого предела способны переносить физическое страдание — и остановились лишь после того, как из-под рассеченной до «живого мяса» кожи обильно хлынула кровь.

Тем не менее супружество, хоть и отмеченное такими, мягко говоря, своеобразными чертами, мало-помалу входило в колею. Первые два года ничто не омрачало гармонию. Кристина, всячески побуждаемая к этому Пауло, вновь стала заниматься живописью, заброшенной четыре года назад, а он начал сотрудничать с телеканалом «Реде-Глобо». И вовсе не потому, что нуждался в деньгах. Помимо 41 песни, сочиненной для Рауля Сейшаса, Пауло написал еще более ста других — это были оригинальные или вольные версии заграничных «хитов» — для десятков композиторов, в большинстве своем неизвестных широкой публике. Это означало, что поток отчислений, лившихся

на его банковский счет, не иссякал и не скудел. Так что Пауло работал не столько ради денег, сколько потому, что боялся, как бы праздность не привела к мучительным депрессиям, и старался «не простаивать». Помимо сценариев для телевидения, он был занят тем, что участвовал в «круглых столах», посвященных музыке и — время от времени — вампиризму. Однако это средство уже не действовало: он начинал испытывать душевные страдания, даже если был загружен с головой. Когда это случалось, как например в конце 1981 года, свои печали он поверял дневнику:

> За эти два дня, отговорившись тем, что мне удаляли зуб, я не сдал в срок две работы. Совершенно сбит с толку и не знаю, что делать. Не могу написать даже крошечный пресс-релиз за смешные деньги. Я и эти-то страницы пишу с неимоверным трудом. Год, на который я возлагал, такие надежды, уповая, что он будет лучше прошлого, этих, надежд не оправдал[37]. Ах да, уже несколько дней не мылся.

Очередной кризис ударил по нему так сильно, что сумел переменить отношение Пауло к тому, что всегда ценилось им весьма высоко. Речь о деньгах.

> Меня сейчас ничего не тешит и не интересует, включая вещи, которые я очень люблю — деньги. Трудно себе это представить, но я не знаю, сколько лежит у меня на счету, а раньше помнил во всех подробностях. Потерял интерес к сексу, творчеству, кино, книгам. Даже к растениям, за которыми столько времени так нежно и тщательно ухаживал… А теперь забываю поливать, и они вянут, сохнут, гниют…

Отсутствие интереса к деньгам и к сексу означало, что положение серьезно и требует чрезвычайных мер — то есть вмешательства доктора Бенжамина Гомеса, к которому Пауло начнет ходить еженедельно на более продолжительные, чем прежде, сеансы. В такие примерно моменты он беспрестанно задавал Кристине один и тот же вопрос: «Не сбился ли я с пути?» И вот в конце 1981 года она предложила ему нечто такое, что затронуло самую чувствительную струну в его душе, всегда расположенной к кочевью и скитанью: «Почему бы не бросить все и не отправиться странствовать без цели и даты возвращения?» Инстинкт подсказывал ей, что это и будет выбором верного пути. «Что-то твердило мне: именно так и следует поступить, —

вспоминала она спустя много лет. — И Пауло доверился моему наитию и в самом деле все бросил». Решившись искать «смысл жизни, где бы он ни находился», он взял отпуск за свой счет в «ТВ-Глобо», купил два самых дешевых билета на самолет до Мадрида и вместе с Кристиной поклялся, что вернется в Бразилию не раньше, чем истратит последний цент из тех 17 тысяч долларов, что были у него с собой.

В отличие от предыдущих нынешнее путешествие Пауло оно продлится восемь месяцев — не имело предварительного плана. Хотя денег было более чем достаточно, чтобы обеспечить полнейший комфорт и ни в чем не отказывать себе и жене, Пауло экономил как мог. Выбрал авиакомпанию «Иберия», предлагавшую самый дешевый перелет в Европу, да к тому же в виде бонуса предоставлявшую ночлег в мадридском отеле. Из Испании супруги в начале декабря 1981 года направились в Лондон, где взяли в аренду автомобиль — опять же самый дешевый из имевшихся в наличии — маленький «Ситроен-2СУ». Там же, в столице Соединенного Королевства они выработали первое правило совместного путешествия: не следует брать с собой более шести килограммов багажа. Под запрет попала тяжелая пишущая машинка «Оливетти» — ее пришлось морем отправить назад, в Бразилию. Слушая мессу в церкви неподалеку от отеля, Пауло и Кристина узнали из проповеди о том, что в Польше произошел государственный переворот: министр обороны генерал Войцех Ярузельский взял власть, распустил независимый профсоюз «Солидарность» и отдал приказ об аресте ее лидера Леха Валенсы, который девять лет спустя, когда после падения Берлинской стены станут рушиться коммунистические режимы, будет избран президентом страны.

Раздумывая над тем, куда податься, супруги Коэльо пробыли в Лондоне до середины января 1982-го и наконец тронулись в путь, движимые желанием посетить два города: Прагу, где Пауло хотел дать обет Младенцу Христу, и Бухарест, столицу Румынии, в которой 550 лет назад появился на свет трансильванский дворянин Влад Тепес, в 1897 году вдохновивший ирландского писателя Брама Стокера на создание образа самого знаменитого из всех вампиров — графа Дракулы. 19 января, во вторник, полузамерзшие Пауло и Кристина, преодолев почти полторы тысячи километров, отделяющие Лондон от Вены, прибыли в столицу Австрии. «Ситроен», кроме всего прочего, не был оборудован печкой, и путешественникам приходилось кутаться в шерстяные одеяла, без которых едва ли удалось бы выдержать холод европейской зимы. В Вене сделали остановку: надо было получить въездную визу в Венгрию, чтобы через ее территорию

попасть в сопредельную Румынию. После этого они направились в бразильское посольство, где Кристине предстояло уладить небольшие бюрократический формальности. Пока она поднималась на этаж, где помещалась бразильская миссия, оставшийся внизу Пауло покуривал и прогуливался по мостовой. Внезапно от карниза отделилась и, пролетев пять этажей, со страшным грохотом, подобным разрыву авиабомбы, упала на тротуар гигантская сосулька: она пробила крышу припаркованного у обочины автомобиля и чудом не задела Пауло, находившегося в нескольких сантиметрах от нее, — на волосок от нелепой гибели…

Переночевав в Будапеште, они двинулись в сторону югославской столицы, где намеревались задержаться дня на три. Не то чтобы Белград их особенно интересовал, просто у супругов не хватало отваги вновь погрузиться в насквозь промерзший неудобный «Ситроен», делавший путешествие таким мучительным. В Белграде они решили с ним расстаться, сдав его в местный пункт прокатной фирмы. С помощью управляющего отелем совершили выгодную сделку: посольство Индии за пустячную сумму в одну тысячу долларов (2200 — по курсу 2008 года) продавало девятилетний голубой «Мерседес» — хоть и с большим пробегом, но в хорошем состоянии, с мощным двигателем в 110 лошадиных сил и с исправно работающей системой отопления. Это была единственная крупная покупка за все путешествие. В отношении всего остального они руководствовались путеводителем «По Европе за 20 долларов в день».

Теперь, когда в распоряжении Пауло и Кристины оказалась настоящая машина, пятисоткилометровый путь от Белграда до Бухареста можно было проделать, что называется, одним махом. Однако именно потому, что они путешествовали на скоростном и удобном автомобиле, было решено сделать зигзаг. Проехав Венгрию из конца в конец и проделав больше тысячи километров, они оказались в Праге, где Пауло дал обет Младенцу Христу, который будет исполнен четверть века спустя. И лишь потом снова устремились вниз, на юг, в сторону Бухареста — до него было еще полторы тысячи километров. Для них, никуда не спешивших и не стесненных в деньгах, путешествие было просто замечательным. По какой-то необъяснимой причине поездка по стране, давшей миру графа Дракулу, не пробудила особого интереса в душе вампиролога Пауло Коэльо. Через несколько недель после покупки «Мерседеса» Пауло обнаружил, что машина зарегистрирована в ФРГ и смену владельца следовало зафиксировать в Бонне, тогдашней столице Западной Германии.

Ехать из Бухареста в Бонн значило пересечь всю Европу и одолеть две тысячи километров, но подобные расстояния супругов уже не пугали.

Проделав тысячи километров на «Ситроене 2CV», Пауло теперь с гордостью демонстрирует мощный «Мерседес-Бенц»

И вот через двое суток после того, как чета Коэльо покинула столицу Румынии, голубой «Мерседес» пересек германскую границу. От Бухареста до Мюнхена, первого на их пути немецкого города, спидометр накрутил 1193 км. Все было в снегу, шел двенадцатый час, есть путешественникам не хотелось, и потому они решили проехать еще двести километров до Штутгарта. Через несколько минут, когда Мюнхен, столица Баварии, остался позади, Пауло вдруг свернул с магистрали и въехал в аллею по-зимнему голых деревьев. На указателе значилось по-немецки: «Концентрационный лагерь Дахау». Своими глазами увидеть то, что осталось от печально известного лагеря смерти, было давней мечтой Пауло, с самого детства увлекавшегося всем, что имело отношение ко Второй мировой войне — но он даже не мог себе вообразить, что те несколько часов, в течение которых он будет осматривать его, так радикально изменят его жизнь и судьбу.

21
Пауло, которому в концлагере Дахау воссиял свет, переживает первое в своей жизни чудо богоявления

Хотя его первая настоящая книга вышла только в 1987 году, писатель Пауло Коэльо родился именно там и тогда — 23 февраля 1982 года, в бывшем германском концлагере Дахау. За пять дней до этого в столице Чехословакии ему пришлось пережить необычное впечатление. Принеся обет Христу-Младенцу в пражском соборе, они с Кристиной пошли гулять по городу, как и вся Восточная Европа заснеженному и скованному довольно сильным морозом: температура была значительно ниже нуля. Перешли через реку Влтаву по величественному Карлову мосту — полукилометровому сооружению XIV века, украшенному по обеим сторонам черными изваяниями святых, героев и библейских персонажей. Мост соединял Старый Город с улицей Алхимиков, где, если верить указателю, находились врата ада. Пауло, разумеется, не мог отказать себе в удовольствии непременно пройти через них. Предметом его интереса была средневековая подземная тюрьма, которая в те годы была открыта для посетителей. Прежде чем попасть в нее им пришлось дожидаться, покуда оттуда выведут многочисленную группу молоденьких советских солдат, явившихся, судя по всему, на экскурсию.

Уже через несколько минут после того, как они вошли в двери старинного узилища и двинулись по коридору, по обеим сторонам которого тянулись камеры, Пауло почувствовал, что в душе его оживают давно, казалось, похороненные призраки — сеансы электрошока в клинике доктора Эйраса, явление дьявола, арест и похищение ДОПСом, и то, как он проявил слабость, побоявшись ответить на зов Жизы. Все это, помимо воли, всплывало на поверхность и представало мысленному взору так ярко, словно только что случилось. Не совладав с собой, он разрыдался, и Кристина поспешила его увести. Угрюмая средневековая темница всколыхнула воспоминания, грозившие вогнать его в тяжелейший приступ депрессии, который способен был повлечь за собой самые грозные последствия, тем более что Пауло находился за тысячи километров от родительского дома, кушетки доктора Бенжамина и надежного дружеского плеча Роберто Менескала.

На этот раз источником душевных терзаний было не что-либо

метафизическое, но самое что ни на есть конкретное, ежечасно представавшее на экране телевизора и газетных страницах — диктатура, угнетение людей государством, войны, похищения и тайные тюрьмы, которые множились по всей планете. Гражданская война в Сальвадоре уже выкосила не менее 80 тысяч человек. В Чили отмечал свою десятилетнюю годовщину и был прочен как никогда жестокий режим генерала Аугусто Пиночета. В Бразилии власть военных, похоже, себя исчерпала, но это вовсе не означало, что до демократии рукой подать. Словом, трудно найти более неподходящее расположение духа для посещения бывшего немецкого концлагеря, и именно в таком состоянии находился Пауло в тот миг, когда заехал на автостоянку у ворот Дахау.

Это был первый концентрационный лагерь, построенный в Третьем рейхе и ставший образцом при создании остальных 56 лагерей, что находились в десяти европейских странах. Дахау действовал с 1941-го по апрель 1945-го, когда его узников освободили союзные войска. Он был рассчитан на 6 тысяч заключенных, но ко дню ликвидации в нем содержалось впятеро больше, а всего за свою краткую и трагическую историю через него прошло свыше двухсот тысяч человек шестнадцати национальностей. Большинство составляли евреи, но были также коммунисты, социалисты и другие «враждебные режиму» группы вроде цыган или «свидетелей Иеговы». По причинам, оставшимся неизвестными, построенная там газовая камера так и не начала действовать, а потому приговоренных к смерти везли в Хартгейм (неподалеку от австрийского города Линца), превращенный в центр массового уничтожения.

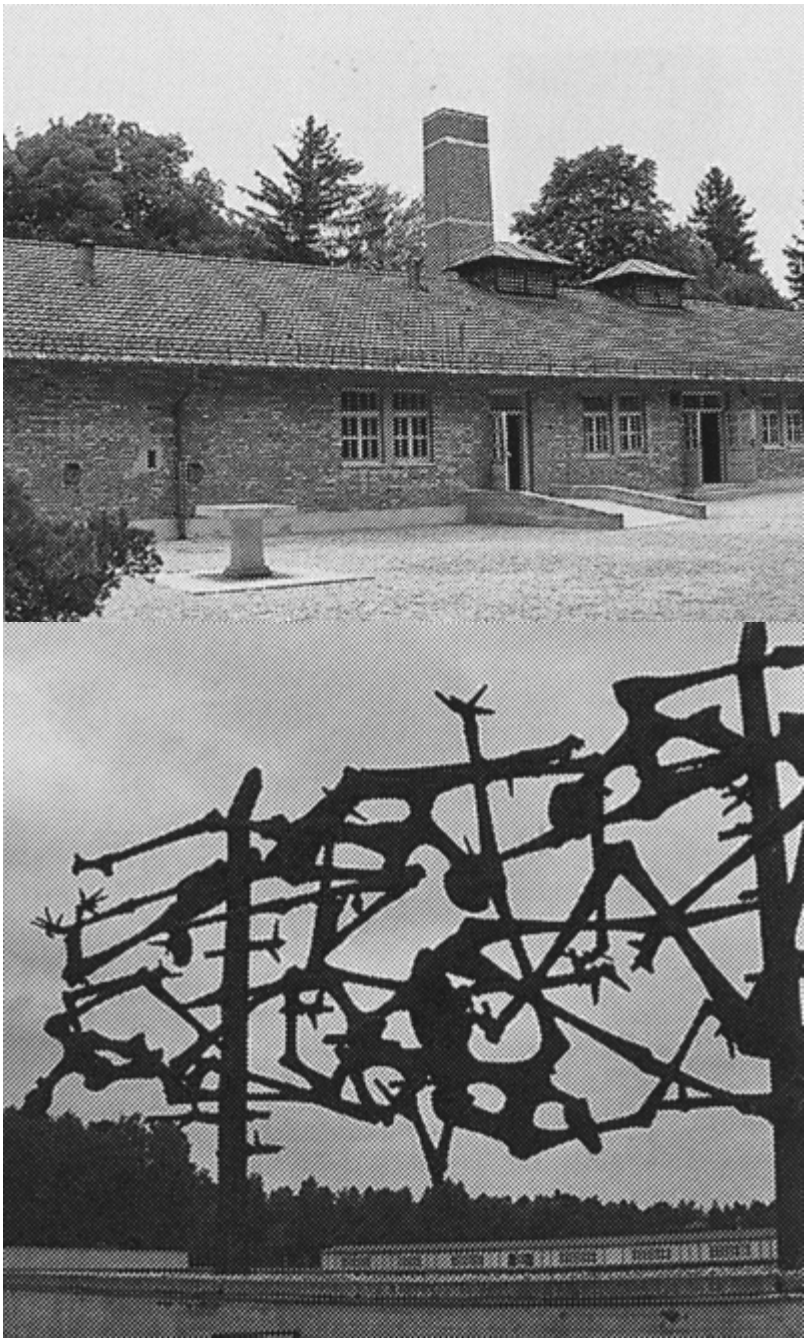
Первое, что удивило Пауло и Кристину, едва они вступили через главные ворота на территорию бывшего лагеря там не было ни души. Не исключено, что туристов спугнул ледяной ветер, однако не было там ни охранников, ни привратников, ни кого-либо из администрации, к кому можно было обратиться с вопросом. Они оказались — ну, так им померещилось — в полнейшем одиночестве посреди этого исполинского прямоугольника площадью 180 тысяч квадратных метров, со всех сторон окруженного глухими стенами со сторожевыми вышками по углам — пустыми, разумеется. Пауло, хоть и не оправился еще от вихря черных мыслей, налетевшего на него несколько дней назад в Праге, все же непременно желал осмотреть лагерь — один из крупнейших в нацистском государстве. Следуя указателям, они прошли по экскурсионному маршруту, повторявшему тот путь, которым когда-то следовали узники. Сперва в приемную, где новоприбывшим выдавали лагерные полосатые пижамы, брили

головы и подвергали «дезинфекции», потом — по коридорам, где размещались камеры и где на привинченных к потолку крюках подвешивали на допросах арестованных. И наконец — в бараки, где вплоть до самого конца войны на трех — и даже четырехъярусных деревянных нарах в звериной скученности и тесноте обитали заключенные. Чета Коэльо двигалась молча и с каждым шагом впадала во все больший ужас.

К облегчению обоих, самая мучительная часть осталась позади. Пауло был, конечно, подавлен, но все же мог утешаться тем, что трагедия концлагерей — в прошлом, что нацизм повержен и уничтожен в войне, которая завершилась до его рождения. Однако оказавшись в специальном помещении, предназначенном для тех, кто хотел почтить память своих погибших родственников, он почувствовал, что вновь, как это было в Праге, «срывается в штопор». Букеты живых цветов у фотографий замученных доказывали, что Дахау продолжает быть кровоточащей раной, а 30 тысяч погибших там — не абстрактная цифра, вычитанная из книг: жестокая смерть постигла их столь недавно, что горечь утраты была такой же свежей, как эти цветы.

В ошеломлении Пауло и Кристина вышли наружу и двинулись по аллее, обсаженной деревьями, чьи нагие ветви казались крючковатыми костлявыми пальцами, вскинутыми в небо. В северной части лагеря стояло три маленьких храма — католический, протестантский и иудейский (в 1990-е годы здесь появится еще и русская православная церковь). К ним и направились супруги, следуя стрелке, указывавшей направление к самому печальному месту — крематорию, и здесь заметили, как неузнаваемо изменилось все вокруг. Если весь остальной Дахау представлял собой голый камень, без единого клочка зелени, и больше всего напоминал безжизненно-угрюмый лунный пейзаж, то дорожка к крематорию, вдруг, словно по мановению волшебной палочки, привела к рощице, посреди которой на полянке, утопая в густой, почти тропически пышной зелени, стояло сложенное из красного кирпича скромное строение самого буколического вида, отличавшееся от жилища обычной бюргерской семьи только непомерно массивной трубой. Там, внутри, и помещались печи, в которых были сожжены тела 30 тысяч человек, казненных, покончивших с собой, умерших от голода и болезней (за несколько месяцев до освобождения в Дахау свирепствовала эпидемия тифа).

После того, как Пауло побывал в крематории концлагеря Дахау и прошел мимо памятника-символа, ему было видение, преобразившее его жизнь



Впечатления от средневекового пражского застенка, видимо, изгладились не до конца, ибо Пауло по-прежнему плохо собой владел. Он увидел восемь печей, тоже сложенных из красного кирпича, в устья которых по стальным полозьям-направляющим загружали трупы, и остановился перед облезлой дверью с табличкой «Badzimmer». Это была не душевая и не баня — газовая

камера. Хотя в Дахау ее не использовали, Пауло захотелось самому познать тот ужас, который испытывали миллионы людей в нацистских лагерях уничтожения. Оставив Кристину, он вошел в камеру и закрыл за собой дверь, прислонился к стене, поднял глаза к потолку и увидел свисавшие с него фальшивые душевые лейки, по которым поступал газ, сделавшийся главным оружием Гитлера и его присных в истреблении неугодных режиму. Пауло почувствовал, как кровь стынет у него в жилах, и поспешил покинуть это место, навеки пропитанное смрадом смерти. Оказавшись снаружи, он услышал доносившийся с невысокой колокольни над католической церковью перезвон — был полдень. Он пошел туда, откуда долетали эти звуки и, снова оказавшись в суровой наготе лагерного пейзажа, увидел огромную современную скульптуру, выполненную под явным влиянием «Герники» Пикассо, а над нею — надпись на нескольких языках: «Никогда больше!» Эти два слова вселили мир в его душу. Как он сам будет вспоминать много лет спустя:

> Я вхожу в церковь, взгляд мой падает на это «Никогда больше!» и я говорю: «Слава Богу! Никогда больше! Никогда больше этого не будет! Мать твою, как хорошо! Никогда больше!! Никогда больше не будут стучаться в дверь по ночам и люди никогда больше не будут пропадать бесследно. Какое счастье! Никогда больше мир не испытает этого ужаса!»

С сердцем, как принято говорить, преисполненным упования, Пауло вошел в часовню и в тот краткий миг, что потребовался, чтобы зажечь свечу и начать молитву, почувствовал — им овладевают прежние, давние фантазмы. И его резко развернуло на 180 градусов: от веры — к полному отчаянию. Покуда он шел по ледяной лагерной пустыне вслед за Кристиной, его осенило: только что прочитанные им слова «Никогда больше!» — не более чем фарс, пусть и многоязычный.

> И я молча стал твердить себе: «Что еще за „Никогда больше!“»? Что это за чушь? То, что происходило в Дахау, продолжает происходить сию минуту на моем континенте, в моей стране! Известно, что в Бразилии противников режима сбрасывают с вертолетов в море. Я сам — пусть и в несравненно меньшей степени — пережил нечто подобное и несколько лет кряду сходил с ума в ожидании того, что стану жертвой подобного зверства. И сейчас же в памяти всплыли и обложка «Тайма» со статьей о бойне в Сальвадоре, и все, что я

> знал про войну, которую ведет аргентинская хунта против оппозиции. И я вмиг утратил веру в человеческий род. И пришел к выводу, что мир сотворен из дерьма, и жизнь — дерьмо, и сам я — дерьмо, но ничего не могу с этим поделать.

Но вот, сквозь вихрь этих противоречивых мыслей, стали пробиваться слова: «Нет человека, что был бы сам по себе, как остров…» Где он вычитал их? Пауло задумался и постепенно в голове стала всплывать вся фраза: «Нет человека, что был бы сам по себе, как остров; каждый живущий часть континента; и если море смоет утес, не станет ли меньше вся Европа — на каменную скалу, на поместье друзей, на твой собственный дом…» Не хватало лишь последней фразы, и вот двери памяти отворились настежь: «…Смерть каждого человека умаляет и меня, ибо я един со всем человечеством. А потому никогда не посылай узнать, по ком звонит колокол: он звонит по тебе». Да, сомнений не было: эти слова из «Медитации XVII» Джона Донна, английского поэта, жившего четыреста лет назад, получили широкое распространение благодаря Эрнесту Хемингуэю, который взял их эпиграфом к своему роману «По ком звонит колокол»: действие его происходит во время гражданской войны в Испании 1936–1939 годов. Ничего особенного, если не принимать в расчет, что колокола Дахау продолжали звонить и — самое главное! — если бы все это не происходило с человеком, умевшим замечать знаки и понимать их сокровенный смысл везде и всюду — и в голубином перышке на мостовой, и в жестах незнакомца, стоящего в будке телефона-автомата.

То, что случилось в следующие минуты, навсегда покрыто завесой тайны, которая сгустилась и благодаря усилиям самого героя — в те редкие моменты, когда ему приходилось рассказывать об этом, он от полноты чувств неизменно плакал навзрыд.

> Мы стояли посреди концентрационного лагеря — я и моя жена одни-одинешеньки в этом месте, где не было больше ни души. И в тот миг я понял: колокола звонили по мне. Произошло богоявление.

По его словам, откровение, явленное ему в Дахау, материализовалось в сноп света, под которым некое существо, имеющее вид человека, сказало ему что-то о возможной встрече через два месяца. Это был голос не человека, но, как утверждает Пауло, «разговор двух душ». Он никогда не выражался яснее, не старался растолковать смысл произошедшего тогда, но даже

самый закоренелый атеист принужден будет согласиться — да, что-то в самом деле произошло, ибо иначе невозможно объяснить радикальный поворот, что начался в жизни Пауло с того дня. Правда сам он, похоже, осознал это не сразу. На парковке, то есть уже за воротами лагеря, рыдая, он объяснил Кристине, что с ним случилось несколько минут назад — а первой и ужасающей мыслью была мысль об О.Т.О. Что если ему предстало одно из воплощений «зверя»? Склубились и обрели плоть призраки Алистера Кроули и Марсело Мотты. Однако по приезде в Бонн, то есть спустя шесть часов, Пауло предпочел остановиться на ином, более банальном варианте: вероятно, это была всего-навсего зрительная и слуховая галлюцинация, спровоцированная страхом и напряжением, в которых он пребывал.

Супруги намеревались пробыть в тогдашней столице Федеративной Республики Германии ровно столько времени, сколько потребуется, чтобы перерегистрировать автомобиль и познакомиться с новорожденной племянницей Кристины. Поскольку остановились в доме ее сестры Тани, а следовательно, были избавлены от расходов на гостиницу, они решили продлить свое пребывание здесь еще на неделю. В первых числах марта «Мерседес» вновь мчал их по автостраде, на этот раз преодолевая те 250 километров, что отделяли их от либерального Амстердама, столь очаровавшего Пауло десять лет назад. Остановились в маленьком отеле «Броуэр», открытом в начале XX века в трехэтажном здании, что построили здесь, на берегу канала Сингел, в 1652 году. Проживание (включая завтрак) обходилось в 17 тогдашних (40 нынешних) долларов в сутки. В первом же письме родителям Пауло упоминает potshops — «кафе, где можно свободно купить и тут же попробовать относительно легкие наркотики вроде гашиша, марихуаны, хотя кокаин, героин, опий и препараты амфетамина, включая ЛСД, по-прежнему под запретом, как и везде», и пользуется случаем, чтобы тонко высказаться о необходимости разрешить и их тоже:

> Это вовсе не значит, что голландская молодежь вся поголовно сидит на наркотиках. Наоборот: правительственная статистика доказывает, что в Нидерландах (пропорционально численности населения) наркоманов меньше, нежели в Соединенных Штатах, Англии и Франции. А по уровню безработицы страна занимает последнее место в Западной Европе, Амстердам же считается четвертым по значимости торговым центром в мире.

Именно там, «на свободе» супруги обкуривались до одури,

именно там Кристина в первый и единственный раз в жизни приняла ЛСД Но Пауло был столь потрясен той физической немощью, к которой приводит употребление героина, — он видел на улицах Амстердама истощенных разноязыких людей: они брели по городу как зомби — что даже написал два репортажа для бразильского журнала «Фатос & Фотос»: один назывался «Героин: дорога в один конец», другой — «Амстердам: поцелуй иглы». Его взаимоотношения с этой субкультурой были тогда исключительно профессиональными — репортер изучает явление. И если судить по его письмам к отцу, странствуя по Европе, они с Кристиной лишь внешне походили на кочующих хиппи:

> Мы можем позволить себе все, что захотим, обедаем и ужинаем ежедневно. Помимо того, что содержим постоянно терзаемого жаждой ребеночка (110-сильный «Мерседес»), ходим в кино, сауну, парикмахерскую, клубы и даже в казино.

Этой привольной жизни Пауло и Кристины, казалось, не будет конца. Уже через несколько недель Пауло в полной мере вкусил от изобилия доступной «травки». Не опасаясь никакого преследования, он, что называется, «дорвался» и отведал редкостные сорта, выращенные в столь отдаленных местах, как Йемен и Боливия. Он курил смеси с самым разнообразным содержанием ТГС — тетрагидроканнабинола, составляющего основу марихуаны — и настоящие «бомбы», увенчанные премиями на «Кубке Каннабиса», чемпионате мира по марихуане, ежегодно проводимом в Амстердаме. Отдал должное и сканку — травке, выращенной в особых условиях с добавлением белков и минеральных удобрений. И вот там-то, в этом раю для хиппи, в который превратилась неофициальная столица Нидерландов, Пауло внезапно обнаружил, что травка больше ничего не может ему предложить. Он, по собственному выражению, «объелся», и подобно тому, как восемь лет назад в Нью-Йорке поклялся покончить с гашишем, теперь дал зарок не курить марихуану.

Об этом шла у них с Кристиной речь в кафе при гостинице, когда его вдруг пробрал тот же ледяной озноб, что и в Дахау. Он оглянулся и увидел, что образ концлагеря воплотился в живое существо, сидевшее туг же и пившее чай за соседним столиком. Первым чувством Пауло был ужас: ему приходилось слышать о сообществах, которые ради сохранения своих тайн преследуют и даже убивают перебежчиков и отступников. Может, и за ним с другого континента перебрались сюда агенты сатанинской секты. Захлестываемый волнами ужаса, он вспомнил давний урок, полученный еще в детстве на уроке физкультуры в Форталезе-де-

Сан-Жоан: чтобы страх не мучил — шагни ему навстречу. Он оглядел незнакомца — мужчину лет сорока, европейского вида, в пиджаке и при галстуке — и, набравшись храбрости, обратился к нему по-английски, весьма недружелюбно:

— Я вас видел два месяца назад в Дахау. И хочу прямо сказать вот что: я больше никакого отношения к сектам, магии, оккультизму и орденам не имею и иметь не желаю! Если вы тут оказались из-за этого, то зря прокатились по Европе.

Незнакомец с нескрываемым удивлением вскинул на него глаза и спокойно ответил, причем — к удивлению Пауло — по-португальски, бегло и правильно, хоть и с сильным акцентом:

— Успокойтесь. Присядьте, поговорим.

Можно, я позову жену, она вон за тем столиком?

— Нет, я хочу говорить с вами с глазу на глаз.

Пауло жестом показал Крис, что все в порядке, и пересел за другой стол.

— О чем же вы хотите говорить? — спросил он.

— Что там насчет Дахау? Я не понял, о чем вы.

— Мне показалось, что два месяца назад я видел вас там.

Незнакомец с недоумением пожал плечами, прибавив, что, вероятно, Пауло с кем-то его спутал. Но тот не унимался:

— Простите, но я совершенно уверен — в феврале я видел вас в бывшем концлагере Дахау. Вы не помните этого?

Столкнувшись с такой настойчивостью, незнакомец вынужден был признать, что Пауло и впрямь мог видеть его, однако не исключен и иной вариант — произошел феномен «астральной проекции», хорошо известный бразильцу, который бессчетное число раз упоминал о нем в дневнике.

— Я не был в Дахау, но понимаю вас. Позвольте взглянуть на вашу ладонь.

Пауло не помнит, левую руку он протянул незнакомцу или правую, но, едва глянув на его ладонь, таинственный господин, оказавшийся хиромантом, медленно заговорил, причем так, словно его глазам предстало некое видение:

— У вас здесь какое-то неблагополучие… Что-то разрушилось на грани 1974-го и 1975-го… Познавал Магию, вы росли в «традиции Змеи». И, вероятно, даже не имеете представления о «традиции Голубки».

Пауло имел представление об этом не только потому, что некогда был посвящен в тайны оккультизма, но еще и потому, что с неистовой жадностью глотал книги, имевшие отношение к этой безграничной сфере. Самые что ни на есть основы оккультизма, его начала и азы его «традиции», пути, ведущие к одной и той же цели, к магическому постижению, которое следует толковать как

способность использовать навыки и дарования, доступные далеко не каждому. Согласно этим же понятиям, «традиция Голубки» (также называемая «традицией Солнца») это медленное, неуклонное, многоэтапное продвижение к познанию, в котором каждый ученик-неофит сильнейшим образом зависит от своего Наставника (именно так, с заглавной буквы). «Традиция Змеи» (она же «традиция Луны») избирается обычно теми, в ком развита интуиция, или теми, кто принес из предыдущего воплощения в теперешнее связь с магией — или уже в этой жизни испытал ее воздействие. Оба пути, помимо того что не исключают друг друга, могут переплетаться либо идти последовательно: как правило, людям, претендующим на «магическое образование», рекомендуют следовать вначале стезей «Змеи», а потом вступить на стезю «Голубки» Пауло испытал известное облегчение, когда его собеседник наконец представился. Он оказался французом еврейского происхождения, парижским сотрудником транснациональной корпорации «Филипс», а также активным членом старинной и весьма таинственной организации католического толка, именуемой RAM. — Regnus Agnus Mundi, то есть «Агнец Царства Мира». Аббревиатура имела и другую расшифровку — Rigor, Amor y Misencordia (R от Rigor — неукоснительность, A — от Amor — любовь, и M — от Miseriordia — милосердие). По-португальски же он говорил так свободно и бегло благодаря тому, что по долгу службы длительное время жил в Бразилии и Португалии. Его настоящее имя, которое может быть «Хаим», «Хайме» или «Жак», Пауло никогда не назовет, всюду именуя его исключительно «Наставником», «Жаном» или просто «Ж». Размеренно и неторопливо роняя слова, этот человек сказал, что знает: бразилец вступил на стезю черной магии, но потом сошел с нее, и что он намерен помочь Пауло.

— Если захочешь вернуться на этот путь и вновь заняться магией в нашем ордене, я смогу направить тебя. Но если уж примешь такое решение, тебе придется безропотно и покорно исполнять все, что я буду приказывать.

Пауло, пребывая в растерянности от услышанного, попросил дать ему время на раздумье. Жан строго ответил:

— Даю тебе сутки. Буду ждать завтра, здесь же, в это же время.

С этой минуты Пауло уже ни о чем другом не думал. Испытывая огромное облегчение после того, как порвал с О.Т.О. и отрекся от идей Кроули, он по-прежнему был заворожен миром магии — пусть даже теперь этот мир остался позади. «Черная ночь», тюрьма и похищение — все это послужило ему хорошим уроком, но мир магии не лишился в его глазах ни своего

очарования, ни притягательной силы. «Я испытал в нем все наихудшее, — будет он вспоминать много лет спустя, — и оставил его сознательно, то есть из рациональных побуждений. Но эмоционально был с ним связан, как и прежде».

«Все это похоже вот на что: предположим, ты сильно любил какую-то женщину и был вынужден прогнать ее, потому что она не сочеталась с твоей жизнью. Но ты продолжаешь любить ее. И вот однажды она появляется в каком-то баре, как появился Ж., и ты пытаешься выдавить из себя: „Пожалуйста, уходи. Я не хочу тебя видеть, не хочу повторения прежних мук“».

Ночью он не сомкнул глаз, обсуждая с Кристиной ситуацию, а когда понял наконец, какое примет решение, в Амстердаме был уже день. Что-то подсказывало: ему предстоит сделать судьбоносный выбор, и вызов следует принять — к добру это будет или к худу. Спустя несколько часов состоялась его вторая (или третья?) встреча с таинственным человеком, который отныне будет его Наставником. Жан сразу рассказал Пауло, какие следующие шаги должен будет тот предпринять для своей инициации: во вторник ему надлежало быть в столице Норвегии Осло, в Музее кораблей викингов (Vikingskipshuset).

— Пройдешь в зал, где выставлены ладьи викингов — «Тун», «Гокстад» и «Осеберг». Там к тебе подойдет человек и вручит тебе нечто.

Бразилец, хоть и понял суть задания, принялся уточнять:

— В котором часу я должен быть в музее? Как я узнаю того, с кем должен встретиться? Это мужчина или женщина?

Жан, поднимаясь из-за столика и оставив несколько монет за выпитую чашку чая, удовлетворил любопытство Пауло лишь отчасти:

— В музей тебе следует прийти к открытию. Прочие твои вопросы в ответах не нуждаются. О времени нашей следующей встречи будешь уведомлен. Прощай.

Он произнес это — и исчез, словно его никогда и не было. (А может, и вправду не было?) Реальный или сверхъестественный, он так или иначе дал новому ученику задание, и чтобы выполнить его, надо было для начала проделать две тысячи километров до столицы Норвегии, где Пауло никогда прежде не бывал и где ему предстояло увидеться с кем-то, не зная даже, мужчина это или женщина. Супруги Коэльо промчались по заснеженным автострадам Голландии, Германии и Дании.

В назначенный день Пауло, желая быть пунктуальным и опасаясь, что из-за очередей в кассу опоздает к сроку, поднялся чуть ли не затемно. Буклет-проспект, полученный у портье, сообщал, что музей открывается в девять, но в путь он пустился

на час раньше. Как всегда бывает в Скандинавии в это время года, в восемь утра было еще темно, и на небе светились звезды.

Музей, расположенный на полуострове Бюгдё, в десяти минутах ходьбы от центра города, представлял собой тяжеловесное желтое здание, выстроенное в форме креста, без окон и с остроконечной крышей. Лишь у входа Пауло понял, что невнимательно прочел проспект: с 9 до 18 часов музей работал только «в сезон», с мая по сентябрь, а с октября по апрель двери были открыты с 11 до 16-ти. Иными словами: ему еще два часа предстояло томиться с колотящимся сердцем, прежде чем он сделает первый шаг за порог нового таинственного мира. Он потратил это время на то, чтобы еще поразмышлять о принятом решении. «В свои 34 года я испробовал все, чтобы осуществить мечту и стать писателем, — позднее будет он вспоминать. — Осознав, что магия и оккультные науки ничем мне не помогают, я их бросил. Так отчего было не вступить на путь, предложенный Жаном?»

Ровно в 11 он присоединился к маленькой, человек в пять — шесть, группе японских туристов, мерзнувших среди голых деревьев во дворе музея, и прошел в зал, напоминавший овальной формой церковный неф, где стояли три корабля IX века, когда-то найденные при раскопках. Кроме него, в зале была только одна посетительница — красивая белокурая женщина лет сорока, сосредоточенно читавшая табличку на стене. На звук его шагов женщина обернулась, и тогда стало видно, что она держит в руках продолговатый предмет, то ли посох, то ли меч. Молча, не произнося ни слова, она направилась к Пауло и, сняв с указательного пальца серебряный перстень с изображением кусающей собственный хвост змеи, надела ему на средний палец левой руки. Посохом-мечом очертила на полу круг, показав, что Пауло должен стать в него, и когда он повиновался, сделала такое движение, будто выливала туда содержимое воображаемой чаши. Провела правой рукой перед лицом Пауло, почти коснувшись его и показывая, что он должен закрыть глаза. «В этот миг я почувствовал, что кто-то высвободил застоявшуюся энергию, — вспоминал он впоследствии, — словно, впуская в озеро свежую воду, открылись некие духовные шлюзы». Когда же он вновь открыл глаза, о том, что мгновение назад здесь была эта таинственная женщина, напоминал только странный перстень, который отныне он будет носить на пальце всю жизнь.

В следующий раз Пауло встретится с Жаном через много лет, уже в Бразилии, а теперь, в конце апреля 1982 года истекал срок его отпуска — он должен был вернуться в «Глобо». Однако посоветовавшись с Кристиной, он решил послать к чертям службу

и задержаться в Европе. Только в середине июля чета Коэльо собрала наконец чемоданы и, за три дня покрыв более 1900 километров от Амстердама до Лиссабона, вылетела из португальской столицы в Бразилию. Однако первые, зримые и явственные перемены, произошедшие в поведении Пауло после встречи с Жаном, обнаружились еще в Европе. Исключительно вмешательством сверхъестественных сил можно объяснить то обстоятельство, что столь рачительный и аккуратный с деньгами человек, как он, предпочел не продавать «Мерседес», чтобы положить в карман лишнюю тысячу долларов, а подарить машину благотворительной организации, основанной в 1758 году королевой Марией Первой и называвшейся «Младенца Христа братство попечения о слепых в Лиссабоне».

22
Тониньо «Будда» надеется основать альтернативное общество, взорвав голову Христа-спасителя

Освеженные восьмимесячным пребыванием в Европе, Пауло и Кристина, вернувшись в Рио-де-Жанейро, вновь поселились в квартире на улице Раймундо Коррейа, где в их отсутствие жили Ойтисика-старшие. Пауло начал выполнять так называемые ордалии — задания (скорее испытания, пройдя которые он получал право вступить в RAM.): Жан передавал их по телефону или в письмах. Первое, называвшееся «ритуал стакана» и требовавшее ежедневного повторения на протяжении полугода, заключалось в следующем: новый, ни разу не бывший в употреблении стакан каждый день в одно и то же время следовало наполнить водой и поставить на стол, испытуемый же, открыв Новый Завет на любой странице, вслух читал произвольно выбранный фрагмент из Евангелий. Псалтыря или Деяний, после чего воду выпивал. Прочитанный стих следовало пометить датой. Если назавтра выбор вновь падал на него, надо было читать следующий за ним. И все это требовалось совершать неукоснительно каждый день, в один и тот же час. Дабы не оказаться в этот час в неподходящей ситуации — в кино, на совещании или за обедом — Пауло счел наиболее пригодным для этого послушания первый час ночи. А поскольку размер стакана никак не оговаривался, он купил совсем маленький — в таких подают водку в барах, — вместе с Новь Заветом легко умещавшийся в кармане. Таким образом в случае необходимости он мог даже среди званого ужина подняться, уйти в туалет и там провести обряд.

К счастью, ни одна из ордалий не мешала ему вести обычную жизнь. Деньги у него по-прежнему не переводились, но песни, сочиненные вместе с Раулем Сейшасом, решительно вышли из моды. Пластинки еще продавались, но поток роялти сильно оскудел. Хотя арендная плата, регулярно получаемая за пять квартир, обеспечивала безбедное существование, однако творческое бездействие неминуемо должно было ввергнуть его в депрессию Так что Пауло счел за благо не тянуть с поисками новой работы.

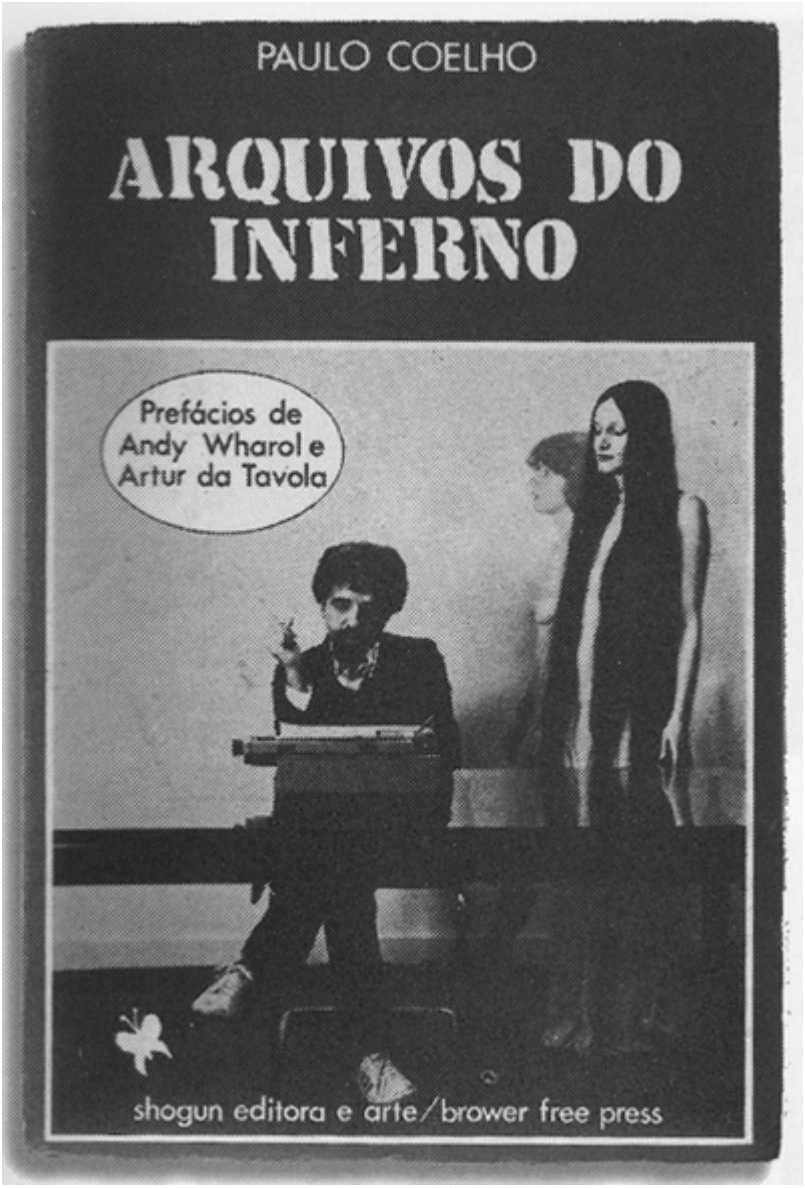
Примерно за год до путешествия в Европу он уговорил Кристину зарегистрировать некое предприятие — издательство

«Шоган Эдитора и Арте», Ltd, первоначальная цель заключалась в том, чтобы через издательство оформлять счета за архитектурные проекты, которые выполняла Кристина, однако со временем супруги оценили возможность обзавестись визитными карточками, конверсии и почтовой бумагой, помеченными респектабельным логотипом юридического лица. Кроме того, Паро рассуждал так: «Когда я начну писать свои книги, отчего бы не печатать их самому?» Вернувшись в Бразилию, он решил взяться за дело всерьез, для чего в качестве первого шага снял помещение — две комнаты на улице Сао Жульо в двух кварталах от собственной квартиры. И хотя издательство со временем стало приносить доход, оно оставалось семейным «предприятием малого бизнеса», супруги-владельцы осуществляли повседневное руководство, а бухгалтерией занимался дон Педро Коэльо, как раз к тому времени вышедший на пенсию. Кроме того, в штате имелся еще один-единственный сотрудник — курьер.

Не прошло и трех месяцев после возвращения в Бразилию, как в октябре 1982 года издательство выпустило в свет своего первенца — «Архивы ада», сборник из шестнадцати текстов, сочиненных владельцем, Пауло Коэльо. Книжка получилась весьма примечательная. На обложке был представлен автор: с видом мыслителя он сидит нога на ногу за пишущей машинкой, в руке сигарета, а за спиной — две барышни топлесс. Одной из них была его жена Кристина, другой — старинная приятельница Стелла Паула, запечатленная на фотографии с распущенными длинными волосами, прикрывавшими обнаженную грудь и спускавшимися до талии. Несмотря на небольшой объем — всего 106 страниц — «Архивы ада» били все рекорды по числу предисловий, аннотаций и отзывов, из коих первое называлось «Предисловие к голландскому изданию» и было подписано основоположником поп-культуры Энди Уорхолом (в глаза не видевшим эту книгу, в чем спустя много лет признался сам Пауло):

> …Я познакомился с Пауло Коэльо на моей лондонской вы-ставке и обнаружил, что этот человек — один из очень и очень немногих, кто по-настоящему способен сделать шаг вперед. (…) Дорогой Пауло, ты попросил меня предпослать несколько слов твоей книжке. Но у меня нет ни малейших сомнений, что она сама — предисловие к новой, уже наступающей эре, которая не станет ждать, когда уйдет предыдущая. Того, кто, подобно тебе, идет вперед, никогда не будет подстерегать опасность свалиться в яму, ибо ангелы

расстелют над землей свои одежды.



На обложке «Архивов ада» Пауло с видом мыслителя сидит за машинкой, а рядом стоят топлесс Кристина и Стелла

"Ao invés de ser um literato em busca de fórmulas pomposas, Paulo Coelho atinge friamente — e em cheio — as inquietações e as perspectivas do tempo presente. Este livro, ARQUIVOS DO INFERNO, é um prefácio para a nova época que começa — antes que a outra tenha acabado."

ANDY WARHOL

"Paulo Coelho é a mina inesgotável da imaginação criadora. ARQUIVOS DO INFERNO nos revitaliza a cada momento com sua sabedoria louca, inquietante, culta, indispensável a todos nós".

ROBERTO MENESCAL

"ARQUIVOS DO INFERNO é mais do que um simples livro de relatos — é o bom humor, que serve de tônica principal até para os momentos de desespero. Mesmo que eu não tenha encontrado as bananeiras e os personagens típicos do Brasil, encontrei outra coisa — os meus próprios personagens típicos".

JIMMY BROUWER

"Paulo Coelho é um grande marginal. Já viveu a marginalidade exterior e interior. ARQUIVOS DO INFERNO são reflexões soltas de um visionário, alguém que coloca nas intuições e alcances tão reprimidos pelo pragmatismo contemporâneo, as verdadeiras luzes da existência".

ARTUR DA TAVOLA

"Este livro é uma caixa de surpresas. Sua leitura nos fascina pela variedade de emoções, pelo ângulo novo que nos transmite as emoções".

EDUARDO MASCARENHAS

Суммарный объем пяти предисловий к «Архивам ада» был почти равен объему всей книги

Второе принадлежало перу Джимми Броуэра, хозяина отеля, где супруги жили в Амстердаме, третье — журналиста Артура да Тавола, вместе с Пауло работавшего в «Филипе», четвертое — психиатра Эдуардо Маскареньяса, в ту пору — телеведущего и депутата Федерального Собрания, пятое — Роберто Менескала, которому вместе с Кристиной была посвящена книжка. В «Архивах ада» все интригует и почти ничто не поддается

расшифровке. Согласно выходным данным, издание осуществлено совместно «Шоганом» и голландской фирмой «Броуэр фри пресс», по всей видимости никогда не существовавшей. Пресс-релиз еще больше запутывает дело, ибо сообщает, что «Архивы ада» первоначально были изданы за границей, что также не соответствует действительности.

> Снискав себе всего за два месяца небывалый успех у критиков и читающей публики, «Архивы ада» Пауло Коэльо уже через месяц поступили на прилавки всех книжных магазинов Бразилии.

На титуле книги сообщалось, что Пауло — помимо «Манифеста Криг-Ха» и «Театра в просвещении», является автором некоего сочинения «Лон: Дневник мага», якобы выпущенного издательством «Шоган» в 1979 году, когда его еще и в помине не было; книга «Дневник мага» увидела свет лишь в 1987-м. Впоследствии, мельком затронув эту тему, Пауло с полной искренностью дал всему такое объяснение: «Это могло быть только пророчеством». Наконец, на обороте титула мелким шрифтом было напечатано кое-что еще:

> 300 нумерованных и подписанных автором экземпляров из первого тиража этой книги на португальском и голландском языках продаются по 350 долларов. Выручка поступит в фонд Ордена Золотой Звезды.

Ни в одной главке не было ни слова, которое имело бы отношение к заглавию, то есть к загробному миру. Шестнадцать текстов представляют собой пеструю смесь событий, никак не выстроенных тематически или хронологически: рядом с подобиями «пословиц» английского поэта Уильяма Блейка — обрывки гомеопатических и астрологических трактатов, чередующиеся с сочинениями некоего Перо Ваза и собственными творениями Пауло — вроде такого, например, озаглавленного «Частицы»:

> Очень важно понять, что я рассеял части собственного тела по всему миру. В Риме я стриг ногти, в Голландии и Германии — волосы. Я видел, как моя кровь обагряла асфальт нью-йоркских улиц, а моя сперма часто падала на французскую почву в виноградниках возле Тура. Я испражнялся в реки трех континентов, поливал своей мочой деревья в Испании, мои плевки текли по Ла-

Маншу и фьордам Осло. Однажды я оцарапал щеку и оставил несколько капель крови на решетке в Будапеште. И все эти крошечные частицы меня — моя плоть, которую я никогда больше не увижу — дают мне приятнейшее ощущение того, что я вездесущ. Во мне кое-что осталось от тех мест, по которым я ходил, от пейзажей, которые видел и которые тронули мою душу. Кроме того, эти частицы сослужат мне и другую службу, пригодятся практически: в следующем своем перевоплощении я не буду страдать от одиночества, ибо что-нибудь знакомое — волос, ноготь или засохший плевок — обязательно окажется рядом. Я оставил свое семя в разных концах земли, потому что не знаю, где мне суждено однажды воскреснуть.

В этой пестроте наибольшего внимания заслуживает вторая глава, названная «Истина об инквизиции». Пауло подчеркивает, что не сочинял этот текст, но был всего лишь медиумом и записывал то, что диктовал ему дух испанского монаха-доминиканца Томаса де Торквемады, который в конце XV века возглавлял инквизицию в Испании и снискал своей жестокостью зловещую славу. Словно желая снять с себя всякую ответственность за содержание этой главы, Пауло настойчиво повторяет: не только орфография и курсив, но даже «синтаксические ошибки» сохранены в неприкосновенности — то есть так; как передал их дух великого инквизитора. На восьми страницах превозносятся мучительства и пытки — необходимые орудия защиты веры.

> <…> И потому в высшей степени справедливо карать смертью тех, кто, с упорством и рвением распространяя ересь, добивается того, чтобы Вера — драгоценнейшее достояние человечества — погибла навсегда!
>
> <…> Всякий, у кого есть право приказывать, должен быть наделен также и правом карать. И власть, имеющая право предписывать законы, должна иметь также право действовать так, чтобы законы эти соблюдались.
>
> <…> Моральные страдания могут оказаться недостаточны. Большинство людей неспособно их понять. Церковь должна обладать и обладает правом причинять физические муки.

С явным намерением придать своей психографии

наукообразный вид, Пауло завершает текст любопытным наблюдением:

> После этих слов всякая связь с тем, кто именовал себя «духом Торквемады», была утеряна. Сознавая, как важно для будущих научных исследований фиксировать условия, в которых осуществлялся контакт, отметим температуру на улице (29 °C), атмосферное давление (760 мм), погоду (пасмурно), точное время приема (21:15–22:07).

Впрочем, Пауло уже не впервые выказал интерес к истории Святейшей инквизиции: в сентябре 1971 года он обдумывал пьесу, посвященную этой теме, и в своих штудиях наткнулся на «Истину об инквизиции» — книгу некоего Энрике Элло, выпущенную в свет в 1936-м и переизданную в 1951 году. 90-страничное исследование представляет собой пространную апологию как целей, которые преследовали инквизиторы, так и методов, которыми они этих целей достигали. Кое-что из этой книги использовал в своей пьесе «Святое дознание» (1966) известный бразильский драматург Диас Гомес. В дневнике Пауло отзывается о творчестве Элло с иронией. Однако впоследствии, пережив арест и похищение, он воздерживается от критики и переписывает Элло простодушно и чистосердечно. Если сравнить фрагмент из «Архивов ада» с «Истиной об инквизиции», можно и впрямь утверждать о психографии — только диктовал Пауло дух не Томаса Торквемады, а Энрике Элло, ибо не менее 95 процентов текста просто-напросто позаимствованы у него.

Впрочем, ничто не идет в сравнение с удивительной информацией, представленной автором в самом начале «Истины об инквизиции»: Пауло утверждает, что «психография произошла вечером 28 мая 1974 года». Однако именно 28 мая 1974 года с 21:15 до 22:07 автор в надвинутом на голову мешке лежал на полу полицейского фургона, увозившего его во владения ДОИ-Коди. Трудно поверить, что надзиратели одной из самых жутких тюрем бразильской диктатуры позволили заключенному сочинить текст в 12 тысяч знаков, даже если это было похвальным словом пыткам и мучениям. Да и сам автор, похоже, сообразил, что «Архивы ада» не принадлежат к числу удач, и никогда не заботился о переизданиях. Потом, когда Пауло обретет мировую известность, этой книге будет уделено на его веб-сайте несколько скромных слов: «В 1982 году выпустил свою первую книгу „Архивы ада“, не получившую широкого резонанса».

Но через четверть века после этого полного провала «Архивы…» станут раритетом и предметом вожделения для

библиофилов, и на аукционах в интернете пойдут по стартовой цене 220 долларов, словно давняя фантазия Пауло станет явью — пусть и несколько окольными путями.

Неуспех первой книги, выпущенной их с Кристиной издательством, не только не обескуражил его, но послужил прекрасным уроком, наглядно объяснив, что всякое дело требует профессионального подхода. Он решил поставить издательство на деловые рельсы, взял на себя коммерческое руководство и более того, в течение семи месяцев исправно учился на заочных курсах «менеджмента и финансового планирования». Объем знаний, которые необходимо было усвоить из целой стопки учебников, кажется, дал определенные плоды, ибо в 1984-м, спустя всего два года после начала, «Шоган» вышел на 34-е место в опубликованном специальным журналом «Лейа ливрос» («Читайте книги») рейтинге бразильских издательств. Соперничая с такими «китами», как «Сивилизасан Бразилейра», «Ажир», опередив FTD и даже «Роккo» (через несколько лет оно будет выпускать в Бразилии книги Пауло), «Шоган» участвовал во всех крупных ярмарках, выставках и биеннале, а каталог его насчитывал более семидесяти названий.

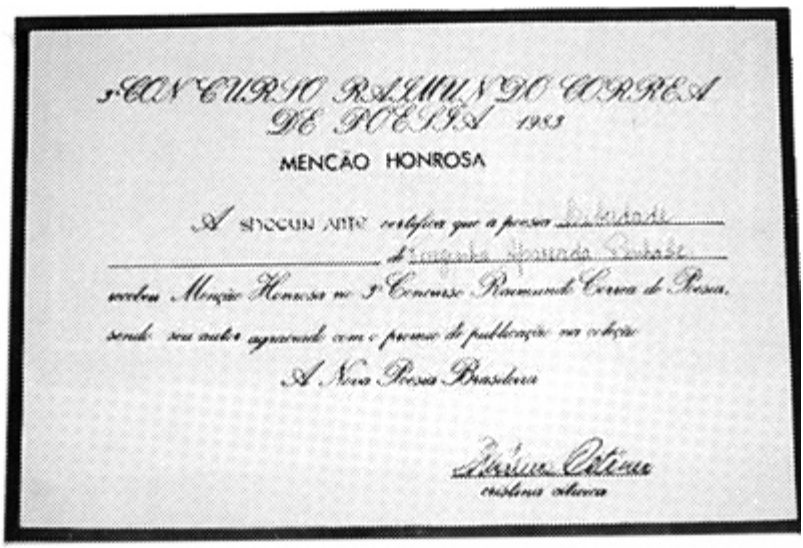
Известных авторов (не считая супругов-совладельцев) было лишь двое, причем известности оба добились не в литературе. Это была рок-певица Неузинья Бризола, дочь тогдашнего губернатора Рио, и «закадычный враг» Пауло — Рауль Сейшас. Впрочем, тиражи, выведшие «Шоган» в первые ряды, были — по крайней мере в ту пору — обеспечены не громкими именами знаменитостей. Напротив, деньги притекали от сотен и тысяч безвестных поэтов со всех концов Бразилии, которые, подобно хозяину издательства, много лет мечтали подержать в руках свои изданные стихи, честь по чести набранные, сверстанные и отпечатанные в типографии. В стране, где полчища молодых поэтов обивали пороги издательств, буквально умоляя издать их творения, «Шоган» осуществил идею, витавшую, что называется, в воздухе, но почему-то никому не приходившую в голову — организовал «Поэтический конкурс Раймундо Коррейи». Это было настоящее «Колумбово яйцо».

Кристина превратила «Шоган» в процветающее издательство. У стенда на книжном биеннале

Печатая краткие анонсы в газетах или раздавая их при входе в театры и кинотеатры, Пауло оповещал неизданных поэтов со всей Бразилии, что они приглашаются к участию в конкурсе, имя которому — как и улице на Копакабане, где проживали Пауло и Кристина — дал поэт-парнасец из штата Маранья, скончавшийся в начале XX века. Правила были элементарны — к конкурсу допускались «поэты, профессионалы и любители, пишущие по-португальски, ранее публиковавшиеся или нет, без каких бы то ни было возрастных ограничений». Каждый мог представить до трех стихотворений общим объемом в две машинописные страницы, напечатанные через два интервала, после чего состоящее из «критиков и специалистов высшего уровня» жюри (состав его никогда не становился достоянием гласности) отберет достойных и рекомендует их к изданию в «Шогане». Отобранные заключали с издательством договор, обязуясь уплатить 380 тысяч крузейро (около 165 долларов 2008 года) за десять экземпляров. Желавшие приобрести двадцать книг должны были уплатить вдвое больше — и т. д. К несказанному изумлению супругов, в глубине души считавших свою затею химерической, в конкурсе изъявили желание участвовать 1150 человек, из коих 115 были включены в сборник «Бразильские поэты». Риск для издательства был нулевым, ибо книга ушла бы в печать лишь после того, как авторы внесли бы деньги. И каждый из лауреатов, помимо авторских экземпляров, получал право на диплом издательства «Шоган», подписанный Кристиной, и следующее письмецо,

сочиненное Пауло:

> Дорогой Имярек!
>
> Я уже получил и прочел Ваши стихи. Не стану распространяться о достоинствах материала — он высочайшего качества и Вы сами это знаете — но хочу высказать свое одобрение тому, что Вы не позволили своим стихам остаться в ящике. В современном мире в тот своеобразный исторический момент, который мы переживаем, требуется немалая отвага для того, чтобы сделать свои мысли всеобщим достоянием.
>
> Еще раз от души поздравляю.



Диплом, который получили лауреаты

Постепенно затея, которая, на первый взгляд, предназначалась для узкого круга друзей, стала превращать успешный бизнес-проект. Когда чета Коэльо оправила на почту последнюю пачку книг, в кассе издательства оказалась сумма, эквивалентная 4 тысячам долларов 2008 года. Успех идеи, казавшейся та банальной, побудил Пауло и Кристину придать проекту промышленные масштабы, и прибыль возросла впятеро. После «Бразильских поэтов» были анонсированы новые конкурсы, победители которых будут напечатаны в четырех новых антологиях — «Бразильские поэты сегодня», «Новая бразильская поэзия», «Новая бразильская литература» и «Поэтическая антология бразильских город», чтобы поощрить тех, кто не стяжал лавров на первом и заставить их открыть ящики своих

столов, Кристина отправила каждому из неудачников любезное письмо, извещая, что число удостоенных права на публикацию повышается со 116 до 250 человек.

Рио-де-Жанейро, 29 августа 1982 года

Дорогой поэт!

Значительная часть работ, представленных на Конкурс Раймундо Коррейи, зарекомендовала себя как произведения высокого уровня. В связи с этим мы, хоть и вынуждены ограничить число премий, решили отыскать выход из положения для тех, кто не был избран жюри или не отвечал требованиям, предъявляемым правилами Конкурса, и чьи стихи, соответственно, не попали на страницы Антологии.

Еще до конца нынешнего года наше издательство планирует осуществить еще один поэтический проект, а именно — выпустить книгу «Бразильские поэты сегодня» — и мы были бы очень рады, если бы одно из Ваших произведений украсили ее страницы. Каждый из авторов заключит с издательством дополнительное соглашение и представит оговоренную сумму, получив за нее десять экземпляров из первого тиража. Иными словами, Вам придется заплатить за антологию чуть больше того, что Вы платите за еженедельный журнал — а при этом Вы инвестируете в самого себя, увеличиваете область распространения своего творчества и — совершенно не исключено — открываете себе двери блистательной литературной карьеры.

«Шоган» в соответствии с дополнительным соглашением осуществит рассылку антологии самым значительным литературным критикам-колумнистам страны, а также направит информационный материал в редакции двухсот крупнейших газет и журналов. Часть тиража будет разослана в федеральные и муниципальные библиотеки, открыв таким образом доступ к Вашему творчеству тысячам читателей на протяжении многих лет.

Лорд Байрон, Лима Баррелю, Эдгар По и многие другие великие писатели были вынуждены сами оплачивать публикацию своих произведений Сейчас, благодаря системе распределения расходов, появилась возможность без особых затрат издать книгу, которую будут читать и обсуждать во всех уголках на-шей страны. Для того чтобы принять участие в антологии

«Бразильские поэты сегодня», Вам необходимо лишь заполнить форму дополнительного соглашения, подписать его и направить в наш адрес вместе с оговоренной суммой.

Всегда буду рада ответить на любые Ваши вопросы.

Кристина Ойтисика.

Антологии «Шогана», постепенно обретавшие все большую популярность, стали чем-то вроде волшебной палочки, множившей во всех концах Бразилии ряды поэтов-романтиков, парнасцев и конкретистов. В те вечера, когда вручались почетные дипломы и прочие отличия, их вкупе с родственниками и друзьями оказывалось столько, что приходилось арендовать помещение цирка «Воадор» на Лапе — одну из самых крупных в Рио площадок: иные залы и арены не в силах были вместить толпу лауреатов и их гостей. Помимо этих торжеств, Кристина занималась устройством открытых поэтических вечеров, где поэты декламировали свои стихи при большом стечении публики, состоявшей, в основном, из зевак, которые, впрочем, внимали поэтическому слову с неподдельным интересом. Не все, разумеется, проходило гладко: случались и недоразумения, когда поэты не переводили деньги вовремя или протестовали против этого столь полезного начинания. Вот письмо, с которым его автор обратился в «Жорнал до Бразил»:

Я принимал участие в V Конкурсе поэзии имени Раймундо Коррейи и был удостоен за сочиненное мною стихотворение «Человек» премии в виде права на публикацию. И, чтобы осуществить таковую, мне было предложено внести в четыре приема 380 тысяч крузейро в качестве предоплаты десяти авторских экземпляров. Когда же я получил книги, испытал горчайшее разочарование, отбившее у меня охоту читать их, и осознал, что стал жертвой мошенничества.

Полиграфическое исполнение книг ужасающее — неряшливо набранный шрифт, скверного качества бумага. Их просто неприятно брать в руки. Издательская политика «Шогана» сводится к лозунгу: «Кто не платит, тот не печатается». Я лично знаю людей, которые остались, так сказать, за бортом, потому что не обладали необходимыми средствами, чтобы оплатить расходы. Всего было опубликовано 116 стихотворений. По моим расчетам «Шоган» заработал 44 миллиона крузейро, получая возможность распоряжаться нашими деньгами со дня перевода первой доли.

За свои деньги мы заслуживаем несравненно лучшего качества. Я утверждаю это с полной ответственностью, ибо являюсь по профессии полиграфистом. Такую книгу не то что подарить, но и продать будет стыдно даже злейшему врагу.

Руй Диас де Карвальо

Кристина ведет поэтический вечер на одной из площадей Рио-де-Жанейро

Через неделю газета опубликовала ответ издательства «Шоган» за подписью его директора Кристины Ойтисики, утверждавшей, что издательство печатает книги в тех же типографиях, которые оказывают полиграфические услуги таким гигантам книжного бизнеса, как «Рекорд» и «Нова фронтейра». Что же до обвинения в зарабатывании денег на культуре, то Кристина эти обвинения отмела, сообщив, что деньги идут на финансирование проектов, которыми никогда не заинтересуются крупные издательства — например, «Поэзия в тюрьме» (конкурс среди заключенных исправительных учреждений Рио-де-Жанейро).

Мы не выпрашиваем подачки у правительства на наши культурные инициативы. Мы независимы и гордимся этим, ибо все мы — и издатели, и поэты — доказываем своими каждодневными усилиями: молодые художники могут публиковаться и показывать свое творчество людям.

Жалобы Карвальо не были ни услышаны, ни поддержаны

остальными авторами, публиковавшимися в «Шогане». Спустя много лет поэт Марселино Родригес будет с гордостью вспоминать в своем блоге, как впервые увидел свой «Вечный сонет» на страницах одной из антологий.

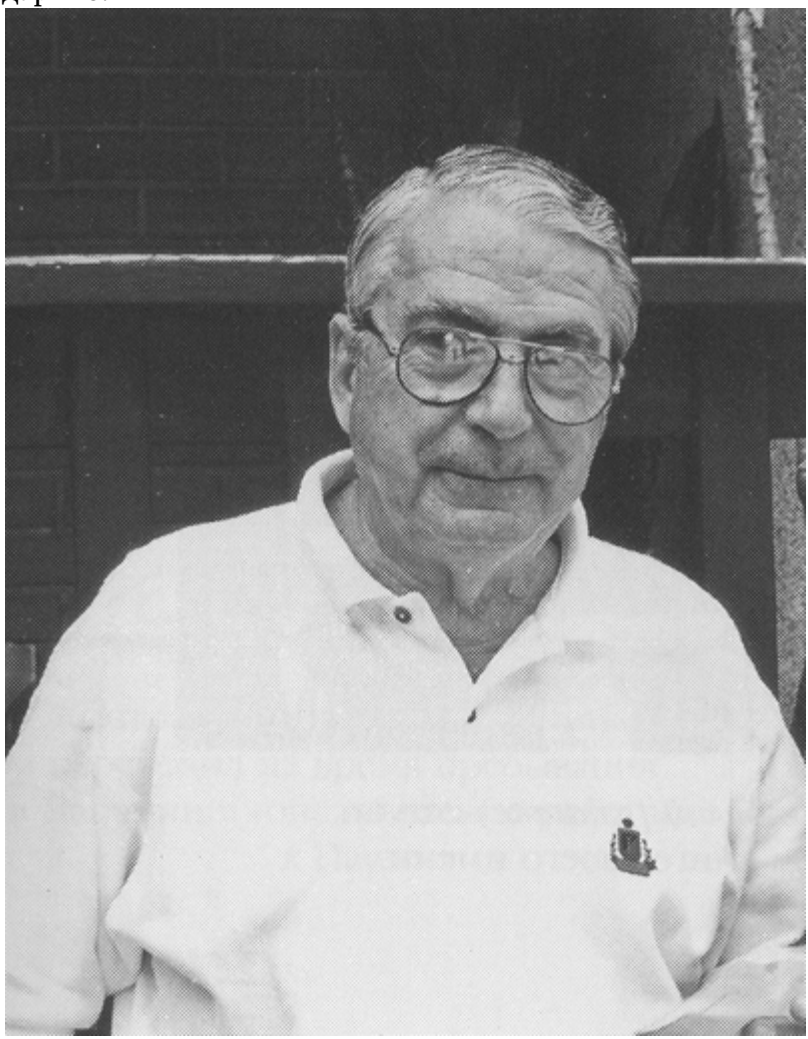
> Моя первая литературная авантюра связана с издательством «Шоган», принадлежавшим Пауло Коэльо (ныне одному из знаменитейших наших писателей, пусть иные «академисты» и не признают его заслуг — оттого, быть может, что не понимают содержания его работ) и его жене Кристине Ойтисика, даровитой и весьма привлекательной художнице (я и поныне помню улыбку, которую она подарила мне, когда я был в их офисе).

Впрочем, дело было не только в поощрении юных авторов: проект оказался и в самом деле удачным. «Шоган», выпуская по четыре антологии в год, зарабатывал сумму, равную примерно 520 тысячам долларов (2008). С 1983-го по 1986-й, когда наблюдался настоящий бум антологий и поэтических конкурсов, прибыли, вероятно, оказались даже более высокими, особенно после того, как удвоилось число премированных. Напряженная деятельность заставила увеличить штат издательства, и среди новых сотрудников оказался некий аргентинец Рикардо, которого Пауло и Кристина подозревали в связях со спецслужбами его страны, но спросить об этом так и не отважились.

На пороге сорокалетия Пауло мог считать, что его жизнь наконец вошла в колею. Кристина оказалась идеальной женой, супружеский союз был прочен как никогда и креп с каждым днем, дела шли на всех парусах и при попутном ветре. Для полного счастья не хватало только осуществления давней и неотвязной мечты — сделаться всемирно известным писателем. Он по-прежнему получал «духовный инструктаж» от Жана, но это не отвлекало его от чтения эзотерической литературы, дискуссий на эту же тему или тех, что посвящены были другому его увлечению — вампирологии. Именно в этом своем качестве Пауло и был в 1985 году приглашен принять участие в публичных дебатах, происходивших в так называемом Риосентро, крупнейшем из городских залов.

На первой в Бразилии Эзотерической ярмарке ее инициатор, гуру Каанда Ананда, владелец магазина эзотерических товаров в Тижуке, пригласил Пауло открыть действо лекцией о вампиризме. Явившись туда в субботу, 19 октября, тот увидел, что его уже поджидает репортер Нелсон Лиано Жуниор, присланный воскресным приложением к газете «Жорнал до Бразил» взять у него интервью. Лиано в свои 24 года сотрудничал

со всеми основными газетами Рио-де-Жанейро, подобно Пауло был не понаслышке знаком со всеми видами наркотиков, в 13 лет в своем родном городе Марилия (штат Сан-Пауло) получил и опыт мистического откровения. Если между эзотериками бывает любовь с первого взгляда, то именно это и произошло между Пауло и Лиано. Они так увлеклись разговором, что Каанде Ананде трижды пришлось напомнить лектору о том, что переполненный зал с нетерпением ожидает его выступления. Собеседники, обменявшись телефонами, братски обнялись на прощанье, после чего один взошел на кафедру, а другой отправился к стенду издательства «Эдитора Эко», чтобы выпить кофе с его владельцем и своим другом Эрнесто Эмануэлле Мандарино.



Владелец издательства «Эко» Эрнесто Эммануэлле Мандарино

«Эко», маленькое издательство, созданное в начале 1960-х годов, размещалось тогда за недавно открытым Самбодромом, в центре города. В интеллектуальных кругах оно было неизвестно, зато за двадцать лет существования привлекло внимание тех, кто интересовался магией, кандомблэ, умбандой (бразильские разновидности вуду) и прочим. В его пространном каталоге в то время (в конце 1985 года) значилось множество занятных как минимум занятных книг. За кофе Лиано рассказал Мандарино, что только что взял интервью у одного специалиста по вампирам:

— Его зовут Пауло Коэльо. Он получил в Англии диплом вампиролога. И сейчас в переполненном зале читает лекцию по этому предмету. Ты не находишь, что мог бы заказать ему книжку?

Мандарино воззрился на него в недоумении:

— Вампиролог?! Но вампиры хороши для кино! Будет ли продаваться такая книга? Ну, ладно, после лекции приводи его сюда, поговорим.

Но разговорами дело не кончилось. Уже через несколько минут после знакомства Мандарино выпалил:

— Если сочинишь книгу о вампирах, «Эко» ее издаст!

Пауло, глазом не моргнув, будто обо всем было договорено заранее, ответил:

— Возьмусь, если Нелсон Лиано пойдет в соавторы. Смастерим в четыре руки.

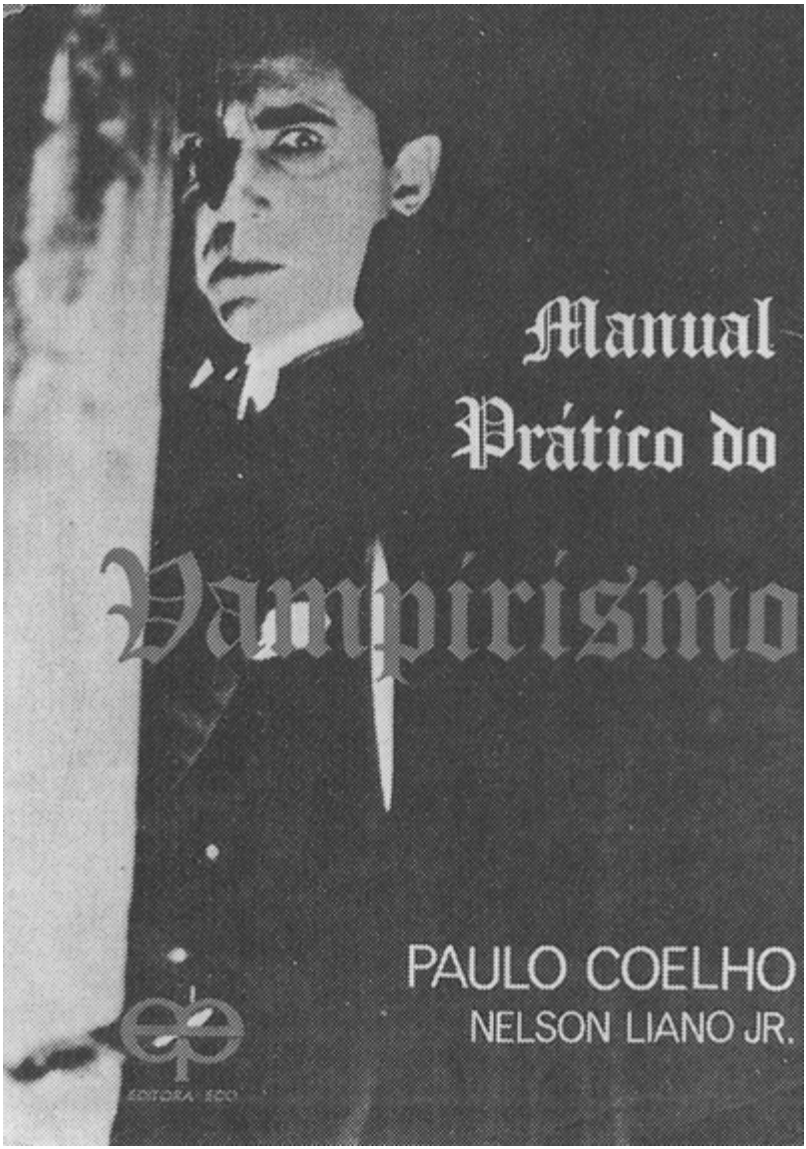
— Вы же только что познакомились! — удивился Мандарино.

— Да, но теперь мы друзья на всю жизнь! — расхохотался Пауло.

Ударили, как говорится, по рукам. Соавторы обязались представить издательству «Эко» оригинальное сочинение «Курс практического вампиризма» — книгу из пяти частей: первую и последнюю пишет Пауло, вторую и четвертую — Лиано, а третья будет создана их совместными усилиями. Супруги Коэльо, разумеется, еще помахали немного кулаками после драки, недоумевая, почему бы не выпустить будущую книгу в «Шогане», но Лиано охладил их пыл, убедив, что только книга с логотипом издательства «Эко» на переплете способна занять свою нишу на рынке, поскольку специализация «Шогана» — поэтические антологии. Когда пришло время подписывать издательский договор, Пауло, уверенный, что создает будущий бестселлер, потребовал изменить условия, на которых «Эко» обычно работало со своими авторами. Его тревожила инфляция, и он настоял, чтобы отчисления поступали не ежеквартально, как всем, а ежемесячно. Кроме того, хотя на долю Лиано приходилась

половина книги плюс окончательная ее редактура, Пауло продиктовал секретарше Мандарино следующее добавление:

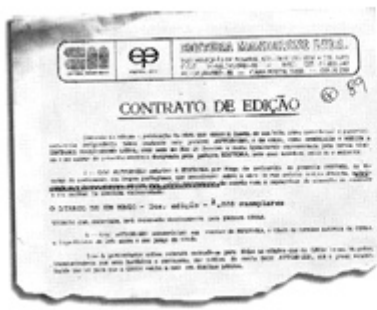
> На переплете должно значиться имя одного Пауло Коэльо, а на фронтисписе, ниже заглавия, будет указано: «Подготовка текста Нелсона Лиано Жуниора».

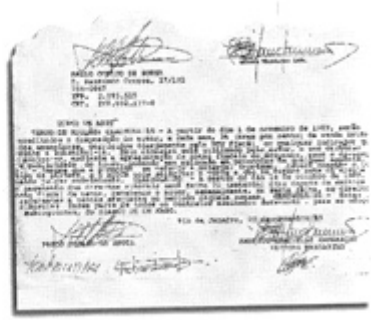


Бела Лугози на обложке «Курса практического вампиризма»

Представая перед читателем в этой странной роли, вышеуказанный обязан был на хорошем португальском языке

написать половину книги и всю целиком — отредактировать. И при этом, согласно последнему пункту, предложенному Пауло, иметь право только на 5 процентов роялти (то есть на 0,5 процента продажной цены за экземпляр «Курса…»), оставляя, таким образом, 95 процентов соавтору. Мандарино, словно предчувствуя, что эта курочка будет нести золотые яйца, безропотно принял невиданные прежде условия и, поскольку Лиано тоже не стал возражать, через неделю после первой встречи контракт был подписан. В оговоренный срок, однако, свою часть представил в издательство только Нелсон. Пауло, загруженный работой в «Шогане», не написал ни единой буквы. Время шло, соавтор и издатель торопили и требовали теперь уже ежедневно — но текст не появлялся. И вот, когда все сроки были безбожно пропущены, он наконец сдал свои главы в «Эко». В самую последнюю минуту, почувствовав, надо полагать, угрызения совести оттого, что так нехорошо поступил со своим соавтором, Пауло разрешил поместить его имя на обложку — но более мелким шрифтом, словно это был не равноправный соавтор, а помощник.


CONTRATO DE EDIÇÃO



Подписывая контракты с Мандарино, Пауло выговаривал себе условия, которых не добивался от своих издателей ни один автор бестселлеров

Презентация и автограф-сессия «Курса практического вампиризма» проходили в фешенебельном отеле «Глория» — того самого, у фасада которого одиннадцать лет назад Пауло был похищен сотрудниками спецслужбы. Официанты разносили белое вино и канапе. Обложка, созданная по эскизу Кристины, демонстрировала готические буквы заглавия под известной фотографией Белы Лугози, американца венгерского происхождения, который в 1931 году сыграл графа Дракулу в знаменитой экранизации Теда Браунинга и вмиг обрел мировую славу. Тексты были сгруппированы тематически: от истоков и причин вампиризма до великих династий «пиявок в образе человеческом» — и распределялись по румынской, британской,

германской, французской и испанской ветвям. Чтение становится особенно увлекательным в той главе, где перечисляются приметы, по которым можно узнать вампира: в обществе это возможно при наблюдении за чертами или особенностями поведения собеседника. Например, если судьба сведет с любителем недожаренного мяса, особенно если он к тому же чересчур любопытен и словоохотлив — следует остерегаться: ваш сотрапезник вполне может оказаться законным наследником румынского графа Влада. Во время полового сношения, наставлял «Курс…», читательнице не составит труда определить, не опасный ли кровопийца делит с ней ложе: вампир не двигает тазом при совокуплении, а температура его пениса на пару градусов ниже, чем у простых смертных. Учебное пособие по распознаванию вампиров скрывало, в себе еще больше тайн, чем могло показаться на первый взгляд: не вызывает сомнений, что ни один из приглашенных, фланировавших в холле отеля «Глория» с бокалом вина в руке и свежеподписанной книгой подмышкой, не знал, что хотя имя Пауло Коэльо и доминирует на обложке, ему не принадлежит ни единого слова на этих 144 страницах. И сам он благоразумно не станет распространяться о том, что, оказавшись в жесточайшем цейтноте и не имея решительно никакого желания, а равно и возможности исполнить обещанное — решил на условиях полной секретности нанять «литературного негра».

Выбор пал на весьма примечательную личность, Антонио Вальтер Сена Жуниора, уроженца штата Минас-Жерайс, в мире любителей эзотерики известного как Тониньо «Будда», имея, мало подходившее для человека, который весил не более 55 килограммов. Тониньо, получивший образование на инженерном факультете Федерального университета в городе Жуиз-де-Фора, где жил постоянно, познакомился с Пауло в 1981 году на дебатах о вампиризме в колледже Беннетта в Рио. Увлекаясь магией и оккультизмом, он с большим сочувствием следил за творчеством Пауло и Рауля Сейшаса и лелеял мечту о возрождении давешнего Альтернативного общества. Возможность увидеть на обложке свое имя рядом с именем Пауло Коэльо чрезвычайно польстила его самолюбию, и он согласился выполнить задание, взяв за это, как он сам потом будет рассказывать, столько, что «не хватило бы расплатиться за обед в забегаловке на Копакабане». Он и сочинил все пять глав, приходившихся на долю Пауло.

Тониньо Будда (в белой рубашке) сетует, что не нашел в книге своего имени

25 апреля 1986 года, в пятницу, Тониньо Будца, за не-сколько недель до того попавший в аварию, лежал у себя в Жуиз-де-Фора с ногой в гипсе; другая была забинтована. Заметка в «Жорнал до Бразил» о том, что в отеле «Глория» состоится презентация «Курса практического вампиризма» Пауло Коэльо, который будет подписывать книги, как нетрудно догадаться, произвела на Тониньо сильное впечатление. Он счел, что не пригласить его на торжество по случаю выхода их творения — по меньшей мере свинство, но, впрочем, утешался тем, что приглашение просто не было вовремя доставлено. Хотя передвигался он с трудом и еще на костылях, все же решил отправиться на презентацию книги, к которой имел непосредственное отношение. Добрался до автобуса, погрузился — и через два часа, уже в сумерках, въехал в Рио. Пересел на такси, пересек город и, опираясь на костыль, медленно одолел четыре беломраморные ступени у парадного входа в отель. И тут понял, что пришел первым: в холле, кроме сотрудников издательства, раскладывавших стопки книг, никого еще не было.

Тониньо воспользовался случаем приобрести «Курс…» — ему не прислали не только приглашения, но и авторского экземпляра, — а затем уселся в кресло в глубине зала, приготовившись насладиться своим творением. Полюбовался переплетом, скользнул глазами по фронтиспису и шмуцтитулу… Но в книге, половина которой была написана им, нигде своего имени так и не увидел. Не может быть, думал он, наверное я проглядел, пропустил… Тем временем появились первые гости, и

к столику, где автор должен был подписывать книги, выстроилась очередь. Тониньо вновь медленно пролистал книгу страница за страницей и убедился, что ошибки быть не может: его имя в ней не значится. Он уже собирался выйти, взять такси и вернуться на автовокзал, когда в зал в сопровождении Кристины, Лиано и Мандарино вошел сияющий Пауло. В этот миг Тониньо решил, как говорят в его родном Минас-Жерайсе, по крайней мере, «оправдать поездку» и, воздев к небу костлявый указательный палец, возопил:

— Пауло, паскуда! Ты не упомянул мое имя в книге!! А я ведь только об этом тебя просил! Только об этом! Тварь ты последняя!

Пауло сделал вид, будто не понимает, о чем речь, взял в руки экземпляр, перелистал и со вздохом сожаления признался:

— Да, Тониньо… Пропустили тебя… Но я обещаю: мы закажем наклеечку с твоим именем и вклеим в первый тираж. Когда будет допечатка — поправим. А сейчас — не сомневайся! — вклеим в каждый экземпляр. Ты уж меня извини.

Тониньо Будда, как ни был обескуражен, посовестился портить торжество другу и счел за благо закруглить разговор:

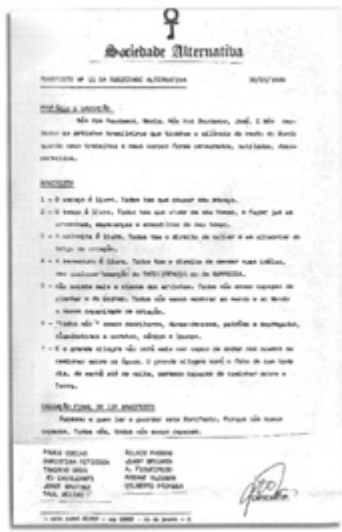
— Пауло, не надо считать меня идиотом. И чушь нести насчет вклеек! Иди, презентуй, вон сколько людей ждет от тебя автографа. А я пойду отсюда.

Он проглотил обиду во имя великой цели — привлечь Пауло к делу возрождения Альтернативного общества. И стратегию для этого избрал незамысловатую: на всех манифестациях, на всех празднествах и торжественных церемониях провозглашать свои лозунги, привлекать внимание прессы и телевидения, склонять общественное мнение на свою сторону. Несколько месяцев назад он из своего Жуиз-де-Фора прислал Пауло пространное письмо, предлагая «коллективные действия в общественных местах», а в качестве первого шага — ворваться на сцену во время международного концерта «Рок в Рио», когда там будут выступать бразильцы Бэби Консуэло и Пепеу Гомес вместе с суперзвездами мировой величины — Уайтснейком, Оззи Осборном, группами «Скорпионз» и «AC/DC». Замысел Тониньо заключался в том, чтобы в кульминационный момент шоу завладеть микрофоном и «толкнуть» речь в защиту Альтернативного общества:

> Считаю, мы должны будем любой ценой перехватить микрофон… Сейчас это почти полностью будет зависеть от тебя и твоих связей в Рио. Я-то готов. Если берешься, можешь уже сейчас начинать действовать, но, пожалуйста, держи меня в курсе.

В январе 1986 года, то есть за несколько месяцев до

презентации «Курса…», Пауло и Тониньо приняли участие в одном из хепенингов в Рио. Воспользовавшись демонстрацией жителей южной зоны, протестовавших против решения префектуры закрыть публике доступ в парк Лаже, одно из «зеленых легких города», соратники решили смешаться с толпой и объявить о том, что выходит новая газета под названием «Альтернативное общество» — ее дизайн был разработан Буддой. Он же добился, чтобы организаторы манифестации предоставили ему слово, и, взобравшись в строгом костюме и при галстуке на импровизированную трибуну, принялся перед телекамерами зачитывать так называемый «Манифест номер одиннадцать» — лист бумаги, испещренный формулами вроде: «Пространство свободно, каждый имеет право на свое пространство!», «Время свободно, каждый имеет право жить в своем времени!», «Не существует больше сословия художников: мы все — домохозяйки, предприниматели и работяги, подпольщики и буржуа, мудрецы и безумцы — писатели!». Необычный характер этого перфоманса проявился не в содержании, а в форме: после каждой фразы, изречения или стиха, прочитанного Буддой, Кристина аккуратно и молча срезала какую-нибудь часть его одежды. Сначала — галстук, потом рукав пиджака, потом брючину, потом другой рукав, манжет, отворот… Когда же была произнесена последняя фраза — что-то наподобие того, что «величайшим чудом станет ныне не ходить по водам, но двигаться по суше» — Тониньо остался в чем мать родила, без единого клочка материи на теле.



Наперекор всему Пауло не оставляет колдовства и магии. Манифест, зачитанный Тониньо, покуда Кристина кромсала одежду. Листовка с анонсом выступления последователей

Кроули

Вечером все отмечали резонанс «публичной акции» в парке Лаже, а Пауло продолжал ворчать, что необходимо предпринять что-нибудь более скандальное и с более серьезными последствиями. Тониньо вверг его и Кристину в оторопь, заявив, что задумал нечто такое, благодаря чему «Альтернативное общество» «навсегда останется в памяти миллионов бразильцев», а именно — решил взорвать голову статуи Спасителя (в 2007 году этот знаменитый монумент Христа с раскинутыми руками вошел в число семи «новых чудес света»). Вооружась карандашом и бумагой, он с хваткой инженера набросал план и рассчитал, как взорвать голову высотой в 3,75 м и весом в 30 тонн. Любой здравомыслящий человек и слушать бы не стал этого безумца, однако не таков был Пауло. Он произнес только одно слово:

— Продолжай.

Тониньо того и надо было. Поднявшись во весь рост и жестикулируя, он, казалось, уже с упоением провидел грядущую катастрофу:

— Представьте: жители Рио просыпаются утром и видят безголового Христа, а из шеи вздымаются к синему небу перекрученные куски арматуры! Представьте, как возмущенный папа римский шлет буллу, как многотысячные толпы будут ползать по склону, отыскивая обломки, чтобы сберечь их в качестве реликвий. Каково?! Церковь объявит сбор пожертвований на восстановление, местные торговцы заявят о поддержке правительству! И тут выйдем мы с криком «Да здравствует Альтернативное общество»! и раздадим с пылу с жару свеженький номер нашей газеты с описанием означенного прискорбного эпизода.

Пожалуй, это было уже чересчур, особенно для человека, находящегося в процессе нового воцерковления, и Пауло поспешил прекратить разговор и никогда больше к нему не возвращаться. Тониньо лишь несколько месяцев спустя узнал о том, что Пауло в качестве или ранге Наставника-Мастера вот-вот вступит в R.A.M. — религиозный орден, куда ввел его Жан. Первая и неудачная попытка достичь этой иерархической ступени произошла в январе того же года. Воспользовавшись деловой поездкой в Бразилию, Жан назначил на второе января 1986-го тайную церемонию, на которой Пауло должны были вручить меч — символ орденского звания. Местом проведения этого обряда избрали склон расположенной между штатами Минас-Жерайс и Рио-де-Жанейро Мантикейрской гряды рядом с пиком Агульяс-Неграс (Черные Иглы) — одной из высочайших вершин Бразилии.

Кроме Жана и Пауло, присутствовали только Кристина, проводник из местных и еще один человек, вступавший в орден. Пауло дали единственное указание — захватить с собой старый меч, который он давно уже использовал в своих эзотерических обрядах. В прологе к «Дневнику мага», принесшему ему первый крупный литературный успех, он рассказывает, как все собрались вокруг костра, и ритуал начался с того, что Жан, подняв к небесам принесенный с собой новенький меч, не вынимая его из ножен, произнес следующие слова:

— Перед священным ликом R.A.M. прикоснись руками к Слову Жизни и обрети силу, которая потребуется тебе, чтобы стать свидетелем его.

Выкопав голыми руками неглубокую, но довольно длинную яму, Пауло получил от Кристины свой прежний меч, положил его туда и присыпал землей, произнося при этом дрожащим и задыхающимся голосом ритуальные фразы. Завершив, он увидел, что Жан кладет поверх ямы новый, столь вожделенный меч. Тут и случилось нечто нежданное: «Все присутствующие широко раскинули руки, и по воле Наставника возник вокруг нас странный, ничего не освещающий, но явственно видимый свет, озарявший наши фигуры, помимо желтоватых бликов костра, как-то по-иному». Приближался конец не только церемонии, но и долгого дня. Сам не веря тому, что все это происходит наяву, Пауло слышал слова, которые произносил Жан, едва дотрагиваясь до его лба острием нового меча:

— Могуществом и любовью R.A.M. назначаю тебя отныне и до конца дней твоих Мастером и Рыцарем ордена. R — rigor, A — amor, M — misericordia; R — regnum, A — agnus, M — mundi. Взяв этот меч, не давай ему залеживаться в ножнах, ибо оружие ржавеет в бездействии. Но обнажив его, не вкладывай назад, не совершив доброго деяния, не проторив пути, не дав ему напиться крови врага.

Дрожь унялась, и впервые за все то время, что он провел в этом выстуженном месте, Пауло почувствовал облегчение. Когда его рука коснется меча, положенного Жаном на землю, он наконец станет магом. Но когда он протянул к мечу руку, кто-то с размаху наступил ему на пальцы ногой. Потом он испугается, не сломаны ли у него кости, а в тот миг страх был сильнее боли. Пауло поднял глаза и увидел Жана, чей башмак едва не размозжил ему фаланги и плюсны. Француз в ярости поднял с земли меч, вложил его в ножны и протянул Кристине. Пауло заметил, что таинственный свет померк и исчез, а Жан пребывает в несказанном гневе:

— Будь у тебя больше смирения, ты понял бы, что недостоин

меча. И если бы отказался от него, он стал бы твоим, потому что твое сердце осталось бы чистым. Но как я и опасался, в решающий, высший миг ты поскользнулся и упал. И теперь из-за своей алчности и в наказание за страсть к чудотворству тебе придется одолеть множество препятствий, совладать со множеством трудностей, прежде чем вновь обретешь то, что так щедро было предложено просто так и едва тебе не досталось.

Церемония завершилась невесело. Возвращаясь вдвоем в машине в Рио-де-Жанейро, Пауло и Кристина молчали едва ли не весь обратный путь, но вот наконец любопытство превозмогло, он не выдержал и спросил:

— Что же это было со мной сегодня? Жан сказал тебе что-нибудь?

Жена, сохраняя спокойствие, успокоила его. Без сомнения, он получит и меч, и титул наставника или мага. Кристина получила от Жана точные инструкции, где именно должна спрятать меч, чтобы муж, пустившись на поиски, в конце концов его обрел. Пауло, впадая во все большую тревогу, стал расспрашивать, где же будет этот тайник, но она не смогла ответить определенно:

— Он не объяснил — сказал только, что ты должен будешь найти на карте Испании старинную средневековую дорогу, известную как Путь Сантьяго.

23
Пауло проходит по пути Сантьяго, но по-прежнему несчастен. Остается написать вожделенную книгу

Запросив туристические агентства, Пауло смог убедиться, что в 1986 году интерес к так называемому Пути Сантьяго был крайне незначителен. Менее четырехсот человек в год отваживались пройти семьсот километров по мистической и не слишком гостеприимной трассе, пролегавшей от города Сен-Жан-Пье-де-Пор на юге Франции до Сантьяго-де-Компостела, столицы Галисии на северо-востоке Испании, — трассы, по которой с первого тысячелетия христианской эры шли пилигримы, желавшие поклониться тому месту, где по преданию был похоронен апостол Иаков.

Пауло нужно было всего лишь набраться храбрости да сесть в самолет. Однако оставив все дела на Кристину, он безвыходно сидел дома, страницу за страницей исписывая свой дневник привычными сетованиями:

> Давно уже не кипел во мне такой протест, как сегодня. Нет, он направлен не против Христа, а против собственной моей неспособности собрать силу воли и исполнить свои мечты.

Он переживал очередной кризис веры, чувствуя, что силы, поддерживающие ее, иссякают, и часто заявлял, что намерен «обратиться к полному атеизму». Он хоть и не упускал из виду договоренность с Жаном, но без конца отодвигал срок путешествия, так что инициативу пришлось взять на себя Кристине. Без ведома супруга она в конце июля посетила турагентство, купила два билета и поставила его перед совершившимся фактом:

— Мы летим в Мадрид.

Пауло попытался в очередной раз отсрочить отъезд под тем предлогом, что издательство не может оставаться без своих руководителей и что вся эта история с поисками меча, который Кристина спрячет где-то в укромном месте вдоль семисоткилометровой дороги, лучше всего характеризуется определением «чушь собачья»:

— Может быть, Наставник дал мне заведомо невыполнимое

поручение?

Но Кристина оставалась непреклонна:

— Вот уже семь месяцев, как ты ничего не делаешь. Сейчас пришло время выполнить то, что обещал.

И вот в первых числах августа 1986 года супруги приземлились в Международном аэропорту «Барахас» в Мадриде, где их встречал изможденный «раб» Антонио Вальтер Сена Жуниор — тот самый Тониньо Будда, мечтавший взорвать голову Христа. «Рабом» Пауло стал называть его и в глаза и заочно с тех пор, как, решившись совершить паломничество по Пути Сантьяго, нанял его в помощники. Едва оправившись от жестокого разочарования, причиненного «Курсом практического вампиризма», Тониньо открыл в своем родном Жуиз-де-Фора ресторанчик, но тут получил от Пауло предложение — да, тот постарался недвусмысленно дать понять, что речь идет не о приглашении отправиться в совместное путешествие, а именно о найме на работу. Услышав по телефону кое-какие подробности, Тониньо завел следующий сюрреалистический диалог:

— Но ведь ты предлагаешь мне продаться в рабство!

— Совершенно верно: я спрашиваю, согласен ли ты на те два месяца, что я буду странствовать по Испании, стать моим рабом?

— Да зачем я тебе сдался?! Денег ни гроша, из Бразилии никогда не выезжал и в жизни не летал на самолете.

— Деньги тебя пусть не волнуют. Я оплачу билеты и буду выдавать ежемесячно жалованье — 27 тысяч песет.

— Это сколько в долларах?

— Около двухсот. Огромная сумма, если принять в расчет, что Испания — самая дешевая страна в Европе. Ну, идет?

Тониньо, в 36 лет остававшийся неприкаянным холостяком, не видел причин отказываться: в конце концов, тебя не каждый день приглашают слетать в Европу, а зачем — это уже следующий вопрос. В том случае, если что-нибудь не заладится, можно в любую минуту сесть в самолет и вернуться в Бразилию. Так рассуждал он до тех пор, пока с чемоданами не оказался в Рио-де-Жанейро и не прочел «трудовой договор», напечатанный Пауло. Тут ему пришлось убедиться, что все не так уж радужно: во-первых, чета Коэльо летела в Испанию авиакомпанией «Иберия» и имела право на одну бесплатную ночь в отеле, а Тониньо в целях экономии отправляла сомнительными «Парагвайскими авиалиниями» (LAP). Мало того, что эта компания держала одно из последних мест в мире по безопасности полетов, — для того чтобы воспользоваться ее услугами, Тониньо предстояло сначала добраться до Асунсьона, столицы Парагвая, а уж оттуда лететь в Мадрид. Билет стоил так дешево еще и потому, что дата

обратного рейса была определена и назначена заранее: иными словами, через два месяца, в начале октября, Тониньо должен был оказаться в пределах отчизны на условиях, определяемых изящной формулой: «Кровь из носу!». Забытый на дне сундука и пожелтевший от времени контракт дает представление о том, сколь драконовские условия предложил Пауло своему «рабу» — «в дальнейшем именуемому Тони»:

Условия:

1. Тони имеет право в случае необходимости только ночевать в моей комнате, поскольку я буду там работать день и ночь;

2. Тони получает ежемесячное содержание в размере 200 USD, каковые могут быть уплачены ему по желанию и после возвращения в Рио;

3. В том случае если моя комната или квартира окажутся заняты другим лицом, Тони обязуется за собственный счет подыскивать себе иной ночлег;

4. Во всех случаях, когда по моему желанию Тони сопровождает меня на те или иные мероприятия, я беру расходы на себя;

5. Перелет с Кристиной должен произойти в отсутствие Тони, который обязан будет ждать нас в Мадриде;

6. Тони подтверждает, что ознакомлен со следующими положениями:

Дата обратного вылета в Бразилию переносу не подлежит; работать в Испании по найму он не имеет права.

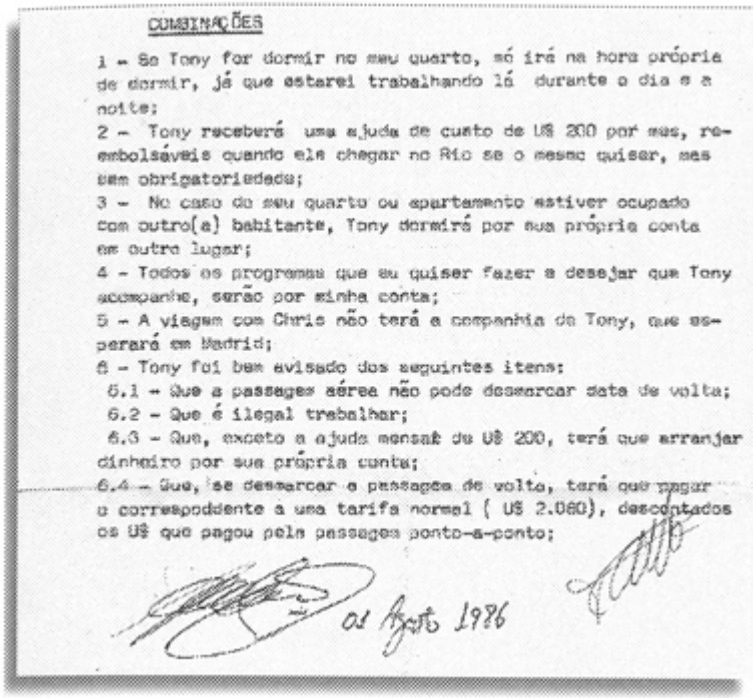
Помимо ежемесячного содержания в размере 200 USD, Тони не имеет права на иные субсидии и обязан будет изыскивать источники дохода себе сам.

В случае переноса даты обратного вылета Топи обязуется уплатить сумму, соответствующую обычному тарифу (2080 USD).

1 августа 1986 года

Антонио Вальтер Сена Жуниор

Пауло Коэльо



COMBINAÇÕES

1 - Se Tony for dormir no seu quarto, só irá na hora própria de dormir, já que estarei trabalhando lá durante o dia e a noite;
2 - Tony receberá uma ajuda de custo de U$ 200 por mes, reembolsáveis quando ele chegar no Rio se o mesmo quiser, mas sem obrigatoriedade;
3 - No caso do seu quarto ou apartamento estiver ocupado com outro(a) habitante, Tony dormirá por sua própria conta em outro lugar;
4 - Todos os programas que eu quiser fazer e desejar que Tony acompanhe, serão por minha conta;
5 - A viagem com Chris não terá a companhia de Tony, que esperará em Madrid;
6 - Tony foi bem avisado dos seguintes itens:
6.1 - Que a passagem aérea não pode desmarcar data de volta;
6.2 - Que é ilegal trabalhar;
6.3 - Que, exceto a ajuda mensal de U$ 200, terá que arranjar dinheiro por sua própria conta;
6.4 - Que, se desmarcar a passagem de volta, terá que pagar o correspondente a uma tarifa normal (U$ 2.060), descontados os U$ que pagou pela passagem ponto-a-ponto;

ao Agosto 1986

Контракт, по которому Тониньо переходил на время пребывания в Испании в «оплачиваемое рабство» к Пауло

Прочитав такое, Тониньо сначала подумал, не вернуться ли ему в Минас, но желание побывать в Европе возобладало, так что оставалось лишь подписать «Условия». Он вылетел на день раньше, чем супруги Коэльо, но, вероятно, в то утро, когда началось его путешествие, встал не с той ноги: оказавшись в Мадриде, битых три часа силился объясниться с чиновником иммиграционной службы (не зная при этом ни слова по-испански), допытывавшимся, как он намерен провести шестьдесят дней в Испании с четырьмя десятидолларовыми бумажками в кармане. Его подвергли унизительному «личному досмотру» и допросу, а потом наконец освободили. На следующий день, во вторник 5 августа, он снова был в аэропорту Барахас и встречал прилетающего «хозяина». Тониньо устроился в пансионе, который содержала слепая старушка, ненавидевшая Бразилию («Страна потаскух», постоянно бормотала она) и задвигавшая засов на дверях в одиннадцать вечера: тот, кто к этому часу оказывался на улице, на улице, разумеется, и оставался. Единственное достоинство пансиона доньи Кристины Беларано заключалось в том, что она взимала с постояльцев всего 600 песет (7 долларов 2008 года) в сутки, предоставляя за эти деньги и скромный завтрак. Прилетев в Мадрид, супруги Коэльо вместе провели

только первую ночь. Наутро Кристина взяла напрокат машину и уехала прятать меч в месте, указанном Жаном.

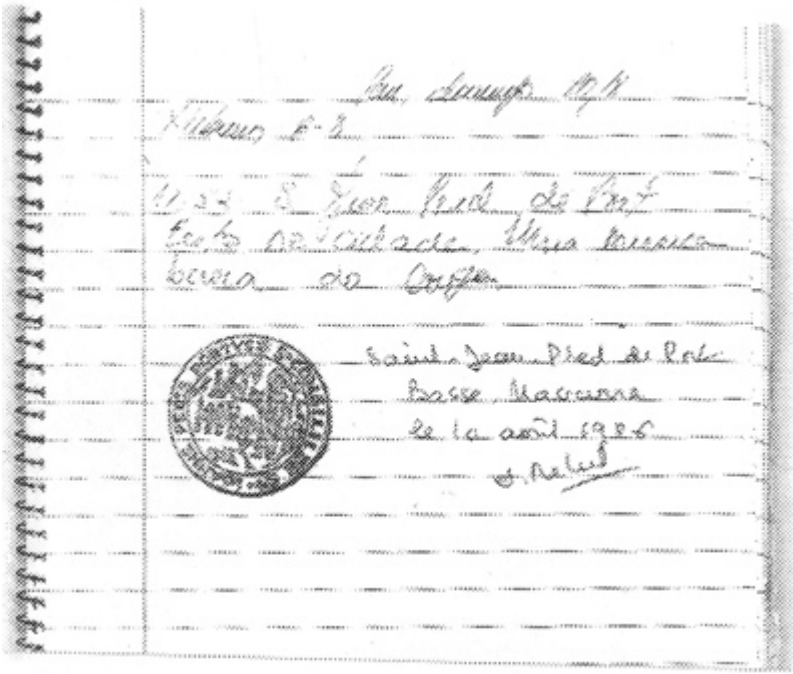
7 августа 1986 года испанскую столицу, где стояла нестерпимая жара, покинул и Пауло: проехав в арендованном автомобиле около 450 км на север, он пересек французскую границу и остановился в гостинице городка Пау, где и провел две ночи. В воскресенье утром, 10-го, на поезде доехал до пиренейских предгорий и там сделал последнюю запись в дневнике, с этой минуты ставшем путевым:

> 11:57 Сен-Жан-Пье-де-Пор
> Городской праздник. Вдалеке слышится баскская музыки.

Пониже, на той же странице, виден штамп, на котором можно разобрать латинскую надпись — «St. Joannes Pedius Portus», а рядом — три строчки от руки по-французски и подпись: литера «J» и фамилия, похожая не то на «Релюль», не то на «Эллюль»:

> Saint-Jean-Pied-de-Port
> Basse-Navarre
> Le 10 Août 1986
> J…….

Чей это инициал? Жана? Того, который был в Амстердаме и в урочище Агульяс-Неграс? Пауло Коэльо, как всегда, когда кто-нибудь с помощью чересчур дотошных вопросов дерзает вторгнуться в пределы его мистического мира, не подтверждает и не опровергает это. По всем приметам, человек, что ждал его в Сен-Жан-Пье-де-Пор (вероятно, представляя там орден R.A.M.) — тот самый Жан, который приехал засвидетельствовать на бумаге, что его ученик приступил к исполнению очередной предписанной ордалии. Паломничество должно будет завершиться лишь в испанском городе Себреро, где он отыщет свой меч. На протяжении многих лет таксист по имени Педро, житель маленького городка Ронсеваля, стоящего на полпути из Памплоны в Сен-Жан-Пье-де-Пор, рассказывал всем, кто хотел слушать, что всемирно известный писатель на самом деле проделал весь путь на заднем сиденье его комфортабельного «Ситроена», оснащенного кондиционером. Это продолжалось, как уже было сказано, лет пятнадцать, пока в 2001 году японские тележурналисты из компании Эн-эйч-кей не решили снять о жизни Пауло документальный фильм «Путешествие в мир Алхимика». Они подстроили таксисту ловушку и установили, что тот никогда не был знаком с Пауло Коэльо.



В Сен-Жан-Пье-де-Пор, откуда берет начало Путь Сантьяго, возникает тайна: неужели Ж. Релюль, подписавший дневник Пауло, это и есть его Наставник Жан?

Этот случай побудил писателя включать во все переиздания «Дневника мага» маленький отрывок, в котором он предоставляет читателю полную волю выбрать ту версию, какая кажется ему предпочтительней, тем самым еще больше сгущая завесу тайны над своим путешествием.

> Чего только не приходилось мне слышать по поводу моего паломничества: одни уверяют, что я совершил его в такси (представьте, сколько это должно было бы стоить!) другие — что мне тайно содействовали некоторые религиозные общества (представьте путаницу и неразбериху!)
>
> Читатель вовсе не обязан быть непреложно убежден, что я прошел Путем Сантьяго или наоборот — что не прошел им. Пусть каждый отыщет в этой книге отзвук личных переживаний, а не отчет о том, что я сделал или чего не сделал.
>
> Я совершил паломничество только однажды, да и то — не до конца: в Себреро остановился и сел в автобус до Сантьяго-де-Компостелы. И часто думаю об этой иронии

судьбы: самый известный в конце этого тысячелетия текст о Пути Сантьяго создан человеком, который так его и не одолел.

А обретение меча — самое важное, самое таинственное событие всего путешествия, происходящее лишь в самом финале повествования — произошло в окрестностях города Себреро, когда до цели оставалось еще полтораста километров. Там Пауло увидел на обочине дороги хромого бесхозяйного ягненка и, движимый безотчетным побуждением, пошел за ним следом через лес. Ягненок привел его к маленькому кладбищу рядом со старой часовенкой у въезда в город.

Когда я приблизился к дверям часовни, она вся была залита светом. Да, я был достоин того, чтобы переступить ее порог — я обрел свой меч и знал, что с ним делать. И это были не Врата Прощения, ибо я уже был прощен и омыл свои одежды в крови Агнца. Я хотел ныне лишь одного — взять меч в руки и отправиться на Праведный бой.

В часовне не было креста. А на алтарь были возложены реликвии Чуда — дискос и чаша, которые я видел во время Танца, и серебряный ковчежец, хранящий кровь и плоть Иисуса. Я вновь обрел веру в чудеса и в то невероятное и небывалое, что способен совершить человек в своем будничном повседневье. А окружавшие меня вершины гор, казалось, твердили, что существуют лишь для того, чтобы бросать человеку вызов. А человек — чтобы удостоиться чести этот вызов принять.

Ягненок скользнул за одну из двух скамеек, а я поглядел вперед. У алтаря стоял Наставник с улыбкой облегчения на устах. И с моим, мечом в руке.

Я остановился. А он приблизился ко мне и прошел мимо через всю часовню, оказавшись снаружи. Я двинулся следом. Поглядев в черное небо, он обнажил, мой меч и велел мне взяться за рукоять. Устремил острие вверх и прочел священный псалом о даровании победы тем, кто странствует и сражается:

— Падут подле тебя тысяча и десять тысяч одесную тебя; но к тебе не приблизится. Не приключится тебе зло, и язва не приблизится к жилищу твоему; Ибо Ангелам Своим заповедает о тебе — охранять тебя на всех Путях твоих.

Я преклонил колени, и, коснувшись клинком моих плеч, он проговорил:

— На аспида и василиска наступишь; попирать будешь льва и дракона.

Пауло рассказывает, что в тот самый миг, когда Жан произнес эти слова, с небес хлынул благодатный летний ливень. «Поискал глазами ягненка, — пишет он, — но тот куда-то исчез. Впрочем, теперь это уже не имело никакого значения: Живая Вода падала с неба, и в струях ее блистал клинок моего меча».

И Пауло как ребенок принялся праздновать свое воскресение, душой и телом предавшись мадридской Мовиде. Отель, в котором остановился по приезде, он сменил на приятную меблированную квартиру в фешенебельном районе Алонсо-Мартинес и погрузился в фиесту, бушевавшую по всей Испании. Он рассчитывал до начала октября пользоваться услугами Тониньо, которого в дневнике называет исключительно «раб» или «р.», но довольно скоро понял, что законтрактовал не того. Покуда Пауло сибаритствовал и желал до последней капли осушить чашу богемных удовольствий, Тониньо обернулся радикальным вегетарианцем, ел только то, что способствует здоровью и долголетию, причем — в мизерных количествах, и не пил ничего, в чем содержался хотя бы грамм алкоголя.

Тониньо не мог веселиться вместе со своим хозяином, потому что обязан был возвращаться в пансион доньи Кристины до одиннадцати — то есть как раз тогда, когда Мовида только еще начиналась. И все чаще, и с каждым разом — все настойчивее Тониньо сетовал, что на его жалованье прожить невозможно. Однажды после заявления, что денег не хватает даже на еду, у них состоялся острый диалог:

— Ты бы перечел наш договор, а? Там ведь сказано, что если выбьешься из бюджета, недостающие деньги будешь добывать сам — как знаешь и где сумеешь.

— Черт бы тебя взял, Пауло, но еще там сказано, что иностранец не имеет права работать в Испании.

— Вот что, раб, это все чушь. Все как-то крутятся, крутись и ты. Слава богу, не инвалид.

Что же, пришлось крутиться. Едва лишь пальцы Тониньо выскребли из кармана последний завалившийся там медяк, как волей-неволей пришлось взяться за привезенную из Бразилии гитару. Он выбрал самую оживленную станцию метро, уселся на мостовую и принялся напевать бразильские песенки, подыгрывая себе на гитаре. В перевернутую тульей вниз шапку прохожие бросали монеты и — изредка — кредитки. Долго сидеть на одном месте он не мог: полицейские гоняли его вместе с другими попрошайками, однако за час обычно набиралось от 800 до одной

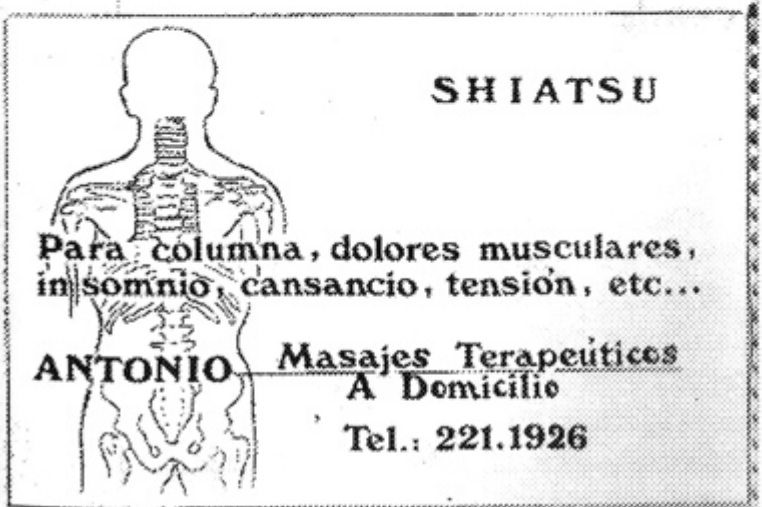
тысячи песет (9–11 долларов 2008 года), и этого хватало на еду и оплату пансиона. Другим способом хоть немного повысить уровень жизни были азы азиатского точечного массажа, которыми он владел и начал тайно пользоваться здесь, благо это не требовало знания испанского языка (как и никакого другого). Он стал даже подумывать о том, не дать ли в одну из мадридских газет объявление о своих услугах, однако расценки за объявления заставили отказаться от этой идеи. С помощью одного из новых приятелей он добился того, что какая-то добрая душа напечатала ему набор визитных карточек, где предлагался «терапеутический масаж шиатцу на дому, снимающий безсонницу, утомление и напряжение». Одну из них он вклеил в свой ежедневник и сверху приписал:

> Четв. 25 сент. 1986
>
> Проснулся поздно, но все-таки отправился бегать в парк Ретиро. По возвращении у меня начался понос, и сейчас я вконец обессилел. Позвонил Пауло и сказал ему, что должно произойти чудо, чтобы я вышел из дому… Сделал карточки с предложением массажа, собирался раздавать их в людных местах, но на самом деле в массаже нуждаюсь я сам. Мне нужно окрепнуть…

42

SEXTA FEIRA 35 SET 86

ACORDEI TARDE MAS FUI CORRER NO PARQUE DO RETIRO. AO VOLTAR TIVE DIARREIA E PERDI AS FORÇAS COMPLETAMENTE. AS 4 DA TARDE FUI NA CASA DO ROBERTO E ELE ME DEU DICAS INTERESSANTES. LIGUEI PRO JORNAL E O ANÚNCIO DE MASSAGENS FICA EM 100 PESETAS/PALAVRA. FIZ O CARTÃO P/ DISTRIBUIR EM LUGARES ESPORTIVOS. PRECISO ME FORTALECER. PAULO ME LIGOU. EU DISSE QUE É PRECISO ACONTECER ALGUM MILAGRE PRA EU FICAR AQUI... A TENSÃO ESTÁ ME ARREBENTANDO... EU É QUE ESTOU PRECISANDO DE UMA MASSAGEM! (FIZ O CARTÃO ABAIXO)!



Страница дневника, где Тониньо Будда признается, что в Мадриде, чтобы продержаться, подрабатывал массажем

По возвращению в Бразилию он — зазывала на шоу Рауля Сейшаса

А Пауло Коэльо, безразличный к страданиям «раба» (который в начале октября, не попрощавшись, вернется в Бразилию), кроме развлечений, знать ничего не хотел. Он обедал и ужинал в лучших ресторанах, много ходил в кино и по музеям, а также познал две новые страсти — корриду и электронную игру пинбол, причем не отходил от автомата, пока не перекрывал рекорд предыдущего игрока. Постепенно он так увлекся боем быков, что способен был проехать несколько часов на поезде, чтобы увидеть того или иного тореро — или быка — в действии. Если не было корриды, он проводил целые дни в клубах и на дискотеках среди подростков. Если заняться было нечем, записывался на какие-нибудь курсы — например, где обучали танцам с кастаньетами. Впрочем, прошло совсем немного времени, и в душе его вновь начал свое мучительное движение маятник: эйфория — депрессия. У него на счету в банке лежало 300 тысяч долларов, у него было пять квартир в Рио, исправно приносивших доход, он был удачно женат и совсем недавно получил свой меч Мага или Наставника (оба слова он неизменно писал с заглавной буквы), — но счастливым себя не чувствовал. Несмотря на «рассеянный образ жизни», он нашел время исписать с сентября по январь, когда вернулся в Бразилию, более пятисот страниц дневника. По большей части там заунывно и бессчетно перепевается, как повелось уже лет двадцать, один и тот же мотив, превратившийся в подобие плаксивой мантры; «Мне скоро сорок, а я все еще не стал великим писателем». Кристина, в конце октября на несколько кратких недель появившаяся в Мадриде, подсыпала на

его раны соли. Однажды, воспользовавшись тем, что супруг восхитился творческой продуктивностью Пабло Пикассо, она сделала первый ход:

— Знаешь, Пауло, что я тебе скажу: у тебя таланта не меньше, чем у него. Но с тех пор, как я тебя знаю — а тому уже шесть лет — ты ничего не сделал. Я поддерживала и буду поддерживать тебя всегда и во всем. Но ты должен поставить перед собой конкретную цель и упорно ее добиваться. Только так ты придешь, куда захочешь.

Когда в начале декабря Кристина оставила его, а сама вернулась в Бразилию, с головой у Пауло стало еще хуже.

Он постоянно сетовал, что «утратил способность рассказывать истории о себе самом и о своей жизни». Он находил, что его дневник «плоский, банальный, лишенный событий», но признавал, что ответственность за это несет сам: «Я ведь даже не описал здесь Путь Сантьяго». Регулярные дозы сомалиума помогали держаться, но когда депрессия становилась особенно тяжелой, невольно подумывал, не пора ли поставить точку:

> Порой я в самой глубине души чувствую такой ужас перед ходом вещей, что думаю о самоубийстве, но верю в Бога и знаю, что никогда этого не сделаю. Ибо тогда сменил бы один страх на другой, гораздо больший. Я должен отогнать от себя мысль, что написать книгу — вот то главное, зачем я приехал в Мадрид… Быть может, я сумел бы продиктовать ее кому-нибудь.

В середине декабря Кристина позвонила из Бразилии и сообщила, что работать вместе со свекром в издательстве больше не в состоянии:

— Пауло, твой отец стал невозможен! Мне нужно, чтобы ты вернулся.

Дон Педро Кейма Коэльо, человек старого закала, приходил в ужас, видя, какие суммы расходуются на рекламу, и это вызывало постоянные конфликты между ним и Кристиной. Ее телефонный звонок означал, что пошел «обратный отсчет» времени до возвращения Пауло в Бразилию, и уже не имело значения, с книгой он приедет или без нее. Эту, последнюю, ответственность Пауло предпочел перевалить на Бога, взмолившись в дневнике, чтобы Тот подал ему знак и указал, когда придет время начинать работу. Спустя несколько дней, во вторник утром, выдавшимся на редкость холодным, он вышел погулять в парк Ретиро в центре города. А вернувшись, немедленно записал в дневник:

> Едва успел я сделать несколько шагов, как увидел

знамение, о котором просил Бога — на мостовой лежало голубиное перышко. Пробил час — я должен посвятить всего себя моей книге.

В биографиях писателя и на официальных сайтах говорится, будто «Дневник мага» был создан во время карнавала 1987 года, однако в дневнике имеются свидетельства, оставленные самим автором, из которых следует, что первые строки он вывел, еще находясь в Европе, ибо через день после получения того, что счел знаком свыше, принялся за работу, ясно сознавая: он стоит перед чем-то очень значительным.

15/12 — Я не могу писать эту книгу, как писал бы любую другую. Я не могу писать эту книгу для времяпрепровождения, для того, чтобы оправдать мою жизнь и/или занять свой досуг. Я должен писать ее как главную книгу моей жизни. Ибо она знаменует начало чего-то очень важного. Это начало моей работы в статусе члена R.A.M., и отныне ему я буду посвящать все свои усилия.

18/12 — Я писал в течение полутора часов. Идет легко, но чего-то не хватает. Текст кажется мне слишком неправдоподобным, в духе и стиле Кастанеды. Рассказ от первого лица меня тревожит. Альтернативой была бы форма дневника. Быть может, завтра попробую. Первая сцена, мне кажется, удалась — в том смысле, что позволяет варьировать эту тему до тех пор, пока я не найду верный тон.

По всем приметам вот-вот должно было свершиться чудо.

24
«О Господи! Почему не позвонит какой-нибудь журналист и не скажет, что ему понравилась моя книга?»

Вернувшись в Бразилию, Пауло в качестве первоочередной и безотлагательной меры убедил отца не вмешиваться в издательские дела и дать Кристине возможность работать спокойно. Уверенность в том, что Кристина руководит издательством не хуже, а может, и лучше, чем он, оказалась для Пауло мощным стимулом — он безраздельно предался писанию. Впрочем, писатель терзался многочисленными тяжкими сомнениями: можно ли создать книгу, рассказывая о своем паломничестве? Не станет ли это всего лишь очередной рядовой историей? Не отказаться ли от этой идеи и не взяться ли за другой проект — какой-нибудь «Трактат о практической магии»? И где публиковать книгу, как бы она ни называлась — в «Шогане» или, подобно тому, как он поступил с «Курсом практического вампиризма», передать ее в «Эко»?

В подобной неуверенности он пребывал до 3 марта 1987 года, до карнавального вторника. В тот день Пауло уселся перед своей электрической «Оливетти» с твердым намерением не вставать, пока не будет поставлена последняя точка в «Дневнике мага». Три недели искупленной работы, когда он не выходил из дому и в самом деле вставал из-за стола только чтобы поесть, поспать и умыться. И 24 марта Кристина увидела в руках мужа двухсотстраничную машинопись, готовую к отправке в печать. В нем крепло желание отдать книгу в «Шоган», и он даже поместил в журнале «Идейас», субботнем приложении к «Жорнал до Бразил», несколько кратчайших анонсов: «Скоро! „Дневник мага“ — издательство „Шоган“!»

Одним из тех, кто не раз пытался убедить Пауло не становиться одновременно и автором, и издателем, был журналист Нелсон Лиано Жуниор: он-то и посоветовал ему вновь постучаться в дверь Эрнесто Мандарино. «Постучаться в дверь» в данном случае следует понимать буквально, ибо в той скромной комнате, где размещалось издательство «Эко», была только одна дверь, выводившая прямо на улицу. Пауло размышлял и колебался еще несколько дней и лишь в середине апреля

подписал договор на первое издание «Дневника мага»: подписание состоялось на стойке соседнего с издательством бара на улице Маркез-де-Помбал. Договор содержит кое-что примечательное: прежде всего вместо обычных 5 или 7 лет, на которые автор уступает издательству права, Пауло потребовал, чтобы контракт перезаключали при каждом новом издании (тираж первого составил 3 тысячи экземпляров). Затем — в отличие от того, как это было с «Курсом практического вампиризма», когда он добился, чтобы авторские перечисляли ежемесячно — неожиданно согласился на общепринятый ежеквартальный порядок, хотя в Бразилии инфляция в ту пору достигала почти одного процента в день. И в самом низу приписал еще один пункт, на первый взгляд совершенно бессмысленный, однако демонстрирующий его исключительную дальновидность:

> После реализации первой тысячи экземпляров издательство обязуется оплатить переводы книги на испанский и английский языки.

Если бы в числе прочих дарований Пауло была способность предвидеть будущее, он мог бы воспользоваться случаем и поставить в счет Мандарино переводы не только на испанский и английский, но и на те 44 иностранных языка — включая албанский, эстонский, фарси, иврит, хинди, малайский и маратхи — на которые будет переведен «Дневник мага» двадцать лет спустя. Не сразу, медленно и постепенно, а затем все стремительнее по сумме продаж он стал намного превышать все прочие названия издательства «Эко». Через много лет Эрнесто Мандарино, удалившись от дел в городок Петрополис в семидесяти километрах от Рио-де-Жанейро, будет вспоминать, сколь значительной частью обязан этот успех свойству, которое довольно редко встречается у писателей и которым Пауло Коэльо был наделен весьма щедро:

— Обычно авторы приносят рукопись в издательство и все прочее их не касается — они не прилагают никаких усилий для того, чтобы их книги покупали. Пауло же не только давал интервью в газетах, журналах, на телевидении и по радио, но и читал лекции при всяком удобном случае.

По совету журналиста Жоакина Феррейры дос Сантоса Пауло предпринял шаг, на который не всегда отваживались даже признанные писатели: он нанял на свои деньги 20-летнюю журналистку Андреа Кальсу, поручив ей продвигать книгу в СМИ. Деньги были довольно скромные — приблизительно 400 нынешних долларов в месяц — но писатель пообещал, если дело

пойдет, всякие соблазнительные удовольствия. Если до конца 1987 года книга выйдет на рубеж 20 тысяч экземпляров, Андреа получит билеты по маршруту Рио-де-Жанейро — Майами — Рио-де-Жанейро. В контракте была предусмотрена и PR-компания вокруг выставки работ Кристины: если все 22 картины продадутся до закрытия экспозиции, журналистке будут выплачены 250 долларов премии. Пауло и Кристина тоже трудились не покладая рук, печатали рекламные буклеты и листовки и сами же раздавали их ежевечерне в кино, театрах и варьете.

Все эти усилия были попыткой компенсировать упорное нежелание крупных СМИ уделить место или время столь необычному явлению, как «Дневник мага», которым интересовался только слой андеграундных изданий, истончавшийся на глазах. Андреа вспоминает о своих тщетных попытках подверстать рекламный анонс о появлении книги к телесериалу «Мандала», выпущенному в то время компанией «Глобо», благо в сюжете имелось что-то общее. Благодаря ее неустанным трудам появилось наконец первое упоминание о «Дневнике…» в крупной газете — но заметочка, напечатанная в воскресном приложении к «Жорнал до Бразил», была такая куцая, что резонанса не вызвала. Рядом с ней по предложению Жоакина поместили фотографию самого Пауло в черном плаще и с мечом. Впрочем, надо признать, что заметка все же привлекла внимание продюсеров программы интервью «Без цензуры», которая каждый вечер шла в прямом эфире по общенациональному каналу «Эдукатива», и они пригласили Пауло на передачу.

Отвечая на вопросы телеведущей Лусии Леме, Пауло впервые объявил на публике — перед миллионной аудиторией — что наделен тайным даром, о котором до сей поры знали лишь горсточка близких друзей да дневник: он в самом деле — маг и среди прочего способен по своему желанию вызывать дождь. Эта стратегия оказалась выигрышной. Регина Герра из газеты «Глобо» увидела передачу и предложила своему начальству сделать репортаж о новом персонаже, появившемся в культурном пространстве Рио-де-Жанейро — о писателе, способном вызывать дождь. Начальство, хоть и сочло это несусветной чушью, дрогнуло перед настойчивостью юной журналистки и разрешило. И в итоге 3 августа раздел, посвященный культуре, отдал всю первую полосу Пауло Коэльо, окрещенному в жирно набранном заголовке «Кастанеда с Копакабаны». На помещенных там фотографиях он — все в том же черном плаще, в темных очках и с мечом — стоит среди деревьев сада, примыкающего к его квартире. «Врезка», предваряющая интервью, сделана как будто по заказу того, кто владеет сверхъестественным даром:

Благодаря толстым стенам старого дома в квартире царит тишина, хотя в двух шагах отсюда — Копакабана, одно из самых оживленных мест в городе. Одна из комнат служит рабочим кабинетом; окна выходят в миниатюрный лес: кусты, вьющиеся растения, самамбайи. На наш первый вопрос: «Вы — маг?» Пауло Коэльо, недавно выпустивший «Дневник мага», свою пятую книгу, отвечает вопросом:

— Сегодня ветрено?

Одного взгляда на переплетение ветвей за окном достаточно, чтобы покачать головой и пробормотать «нет», тоном, который дает понять, что для нашего интервью совершенно неважно, перемещаются ли сейчас воздушные потоки или нет.

В таком случае смотрите, — говорит он, по-прежнему сидя на одной подушке, откинувшись на другую, не меняя позы и не шевелясь.

И вот кончик самого верхнего листка на маленькой пальме начинает чуть заметно подрагивать. В следующее мгновение покачивается уже все дерево, а за ним и все остальные вокруг. Позвякивает бамбуковая занавесь в коридоре, слетают с пюпитра странички, на которых репортер приготовился делать заметки. Проходит минута или две — и ветер стихает так же внезапно, как налетел. На ковре остаются несколько сухих листков, в душе — сомнение: что это было — совпадение или наги хозяин в самом деле одарен магическими свойствами вызывать ветер? Надо прочесть книгу и попытаться понять.

Чтобы сделать рекламу своей книге, Пауло позирует газетным репортерам в плаще и с мечом в руке. Пресса называет его «Кастанедой с Копакабаны»

Помимо репортажа в «Глобо», повелитель бурь добился только еще двух публикаций — в «Паскиме» и в журнале «Маншете». Пауло был неизменно мил и приветлив с журналистами: позировал перед камерами в позах йоги, на фоне дымящихся колб и реторт своей лаборатории, по просьбе гостя снимал и надевал черный плащ… Лед отчуждения начал таять. И мало-помалу все больше светских обозревателей — среди них была его старинная приятельница Хильдегард Анжел — записывали в свои ежедневники номер его телефона, все чаще

появлялись заметки о том, как его «видели выходящим» из такого-то ресторана или театра. Впервые в жизни Пауло испытал, что значит — быть пригретым славой, впервые в жизни — потому что даже на пике его музыкальной карьеры все лавры доставались Раулю Сейшасу, который все-таки был «лицом» их тандема. Эти усилия не прошли даром и вскоре отозвались на цифрах продаж, хотя до звания «бестселлер» «Дневник мага» было еще очень далеко.

В попытках конвертировать то, что он сам называл «обломком славы», Пауло вместе с астрологом Клаудией Кастело-Бранко, написавшей предисловие к «Дневнику…», стали пайщиками фирмы «Итатайа туризмо» и принялись предлагать клиентам пакет духовно-туристических услуг, названный «Три священных пути» — имея в виду христианство, иудаизм и ислам. Заинтересовавшихся Пауло и Клаудия сулили отправлять в круиз, который начинался в Мадриде, завершался в Сантьяго-де-Компостела, а до этого делал протяженный зигзаг через Египет (Каир и Луксор), Израиль (Иерусалим и Тель-Авив), Францию (Лурд) и вновь Испанию (Памплона, Логроньо, Бургос, Леон, Понферрада и Луго). Трудно сказать, что именно под корень подрубило проект — скверно составленные рекламные объявления, где не сообщалось даже, сколько продлится тур, или заоблачная его стоимость (5 тысяч долларов), но так или иначе предложением не заинтересовался никто. Затея, хоть и не принесла результатов, потребовала и времени, и труда, так что агентство, чтобы хоть отчасти возместить их, за полцены отправило Пауло и Клаудию в экскурсионную поездку по Ближнему Востоку — в одно из мест, посещение которых было предусмотрено столь бесславно провалившимся проектом.

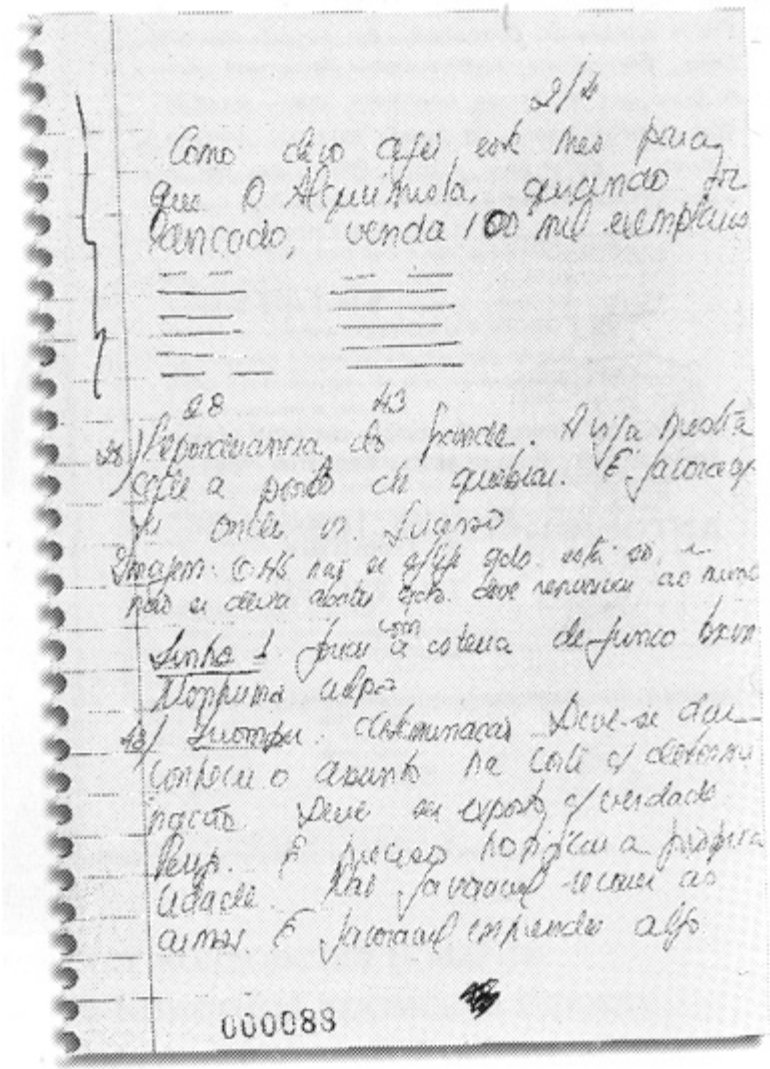
И вот Пауло вместе с Паулой, матерью Кристины, и Клаудией 26 сентября прилетел в Каир, где, впрочем, тотчас предпочел продолжить путешествие со своей тезкой-тещей. На второй день пребывания в столице Египта он нанял местного гида (по имени Хасан) и попросил его отвезти их в юго-западную часть города, в квартал Мокаттам, где находился коптский монастырь Святого Симона-Сапожника. Побывав там, они на такси пересекли Каир и уже под вечер ступили па пески Сахары, крупнейшей в мире пустыни, оказавшись в сотне шагов от Сфинкса и знаменитых пирамид Хеопса, Хефрена и Микерина. Из такси пересели на лошадей (в качестве средства передвижения предлагался также верблюд, но Пауло опасался, что может с него сверзиться) и двинулись к пирамидам. Подъехав к этим каменным монументам ближе, Пауло спешился и дальше пошел своим ходом, меж тем как Хасан держал лошадей и читал Коран, священную книгу

мусульман. Оказавшийся совсем рядом с освещенными пирамидами Пауло уверяет, что увидел в пустыне женщину, окутанную покрывалом, и с глиняным кувшином на плече. По его словам, это было нечто совсем иное, нежели в Дахау: «Видение — это то, что предстает твоему взору, а явление — почти физическая реальность, — объяснял он. — В Каире произошло именно явление». Даже он, привычный к подобному, был поражен. Он вглядывался в окружавшее его бескрайнее пространство, залитое светом полной луны, но не видел никого, кроме Хасана, продолжавшего бормотать суры — женская фигура, приблизившись к Пауло, исчезла так же таинственно, как возникла. Однако впечатление оставила столь сильное, что и месяцы спустя, сочиняя свою вторую книгу, он мог воссоздать ее в мельчайших подробностях.

Первое ошеломительное известие о начале своей карьеры он через несколько недель получит еще в самолете авиакомпании «Вариг» на обратном пути в Бразилию. Взяв предложенную стюардессой газету «Глобо» за прошлую субботу, он положил ее на колени, закрыл глаза, произвел безмолвное мыслительное усилие и лишь затем развернул прямо на разделе, посвященном культуре: в еженедельном списке самых продаваемых книг значился и «Дневник мага». До конца года он подпишет договоры еще на пять переизданий, и тиражи перевалят за 12 тысяч экземпляров. Успех побудил его представить книгу на учрежденную Министерством просвещения премию Национального института книги, жюри которой в том году будет заседать в городе Витория, столице штата Эспирито-Санто и состоять из поэта Ивана Жункейры (Рио-де-Жанейро) — спустя годы Пауло станет его коллегой по членству в Бразильской академии литературы, — прозаика Роберто Алмады (Эспирито-Санто) и журналиста Карлоса Эркулано Лопеса (Минас-Жерайс). Однако их выбор пал на книгу живущего в Бразилии португальца Кунья де Лейраделлы «Долгий век Эдуардо да Кунья Жуниора». «Дневник мага» не вошел даже в шорт-лист, и за него голосовал один Жункейра. «Книга оказалась для нас совершеннейшей новинкой, — вспоминал академик годы спустя. — В ней причудливо перемешивались явь и фантасмагория. А лично меня она привлекла „постольку поскольку“ — я вообще очень люблю литературу о путешествиях и подобный тип повествования, зыбкий и призрачный».

После оглашения результатов Пауло ожидало новое жгучее разочарование: журнал «Вежа» опубликовал пространный репортаж о том, какой бум переживает в Бразилии эзотерическая литература — и не упомянул «Дневник мага», даже не

обмолвился о нем ни единым словом, словно его и на свете не было. Удар был так силен, что Пауло в очередной раз стал подумывать о том, не оставить ли ему писательскую стезю: «Сегодня я всерьез размышлял, не бросить ли все и не уйти ли на покой», — заносит он в дневник. Впрочем, через несколько недель он оправился от двойного потрясения и заглянул в «И Цзин». В дневнике он записал вопрос: «Что я должен сделать, чтобы следующая книга разошлась стотысячным тиражом?» — бросил на стол три монетки и в радостном изумлении вытаращил глаза, увидев результат. «Книга перемен», обычно пророчащая через посредство туманных иносказаний, на этот раз — если верить Пауло — высказалась с недвусмысленной ясностью: «Великого человека ждет удача».

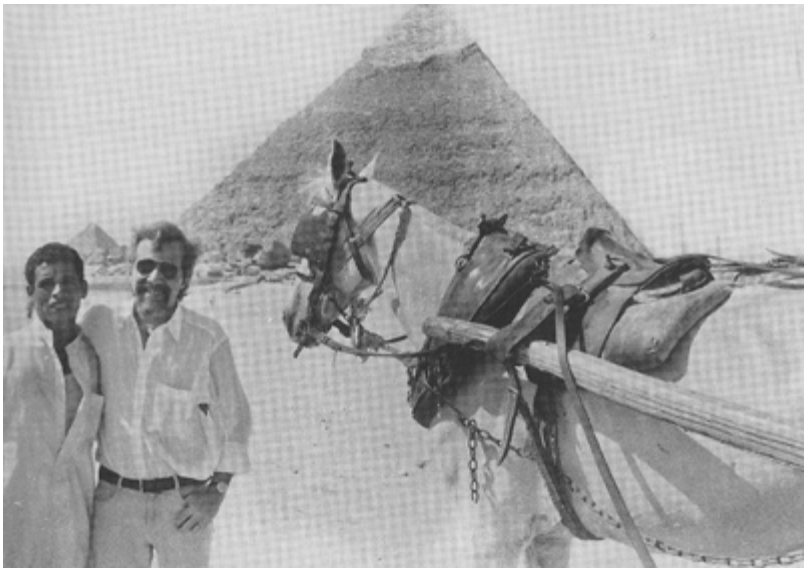


Пауло запрашивает «И Цзин», что сделать для того, чтобы было распродано 100 тысяч экземпляров «Алхимика». Спустя двадцать лет суммарный тираж книги, изданной по всему миру, превысил 50 миллионов

А новая книга, которая и принесет удачу, уже полностью сложилась у него в голове. В истоках следующей работы Пауло Коэльо лежала персидская легенда, вдохновившая в свое время Борхеса на создание рассказа «История двоих, которые мечтали», опубликованного в 1935 году в его «Всеобщей истории подлогов». Пастух Сантьяго, мечтая о сокровищах, спрятанных где-то у египетских пирамид, решает бросить свою деревню и отправиться на поиски того, что автор называет «своя стезя». На пути в Египет пастух встречает разных людей, среди которых есть и алхимик, и извлекает из каждой такой встречи урок для себя. В конце странствия он понимает, что цель его поисков находится именно в той деревне, откуда он пустился в путь. Было выбрано и название — «Алхимик». Не перестает изумлять, что книга, ставшая одним из величайших бестселлеров всех времен — к концу первого десятилетия XXI века было продано свыше 35 млн. экземпляров — задумывалась первоначально как театральная комедия, где Шекспира скрещивали с бразильским юмористом, о чем в январе 1987 года автор писал в своем дневнике:

> Менескал и <актер> Перри Салес обратились ко мне по телефону с просьбой сочинить пьеску, по которой можно было бы поставить моноспектакль. Так совпало, что я как раз недавно посмотрел по видео фильм Стивена Спилберга «Дуэль», где тоже рассказывается об одиночке.
>
> Возникла идея: большая лаборатория, где старик-алхимик ищет секрет философского камня — мудрость. Он хочет отчетливо представлять себе, чего способен достичь человек, окрыленный вдохновением. Алхимик (кстати, это может стать названием) будет читать тексты Шекспира и Шико Анизио, исполнять музыку и вести с самим собой диалоги, представляя еще одного персонажа. Им может быть алхимик или вампир. Знаю по собственному опыту, что вампиры очень подхлестывают воображение, и очень давно уже не видел на одной сцене сочетания ужасного и смешного.
>
> Алхимик подобно Фаусту приходит к выводу, что мудрость — не в книгах, но в людях — а люди сидят в зале. Его сыграет Перри, эта роль станет открытием. Все

это должно быть сдобрено изрядной долей юмора.



С проводником у египетских пирамид

Пауло ищет вдохновения, которое будет питать его следующие книги

Поскольку пьеса никогда не была поставлена, этот набросок был расширен и изменен до полной неузнаваемости и более того — утратив драматургическую форму, превратился в роман. Пауло был до такой степени «в материале», что, начав писать, потратил всего две недели на двести страниц текста — объем, равный «Дневнику мага». Роман открывался посвящением Жану, которому Пауло дал прочесть рукопись: «Посвящается Ж. — Алхимику, который познал тайну Великого Творения».

В июне 1988 года, когда «Алхимик» готовился к выходу, «Дневник мага» преодолел рубеж 40 тысяч экземпляров и девятнадцать недель подряд держался в списке национальных бестселлеров. Пренебрежительное равнодушие, с которым к нему относились гранды бразильской прессы, исчезло, что придавало особый, неповторимый вкус победе, одержанной и самой книгой и той партизанской войной, что вели Пауло, Кристина и Андреа Кале, продвигая «Мага». «И Цзин» — по крайней мере, так трактовал это Пауло — рекомендовала возобновить контракт с Андреа, но поскольку она оказалась занята другой работой и не могла посвятить себя Коэльо и уделять ему все время и силы, ее обязанности возложила на себя Кристина. В отношении «Алхимика» применили ту же тактику, что оказалась столь плодотворной с «Магом»: супруги раздавали рекламные листовки у дверей кино, театров, баров, посещали книжные магазины и оставляли продавцам экземпляры с автографом. Из мира звукозаписи Пауло позаимствовал и привнес в мир литературы предосудительную практику так называемой «джинсы», то есть заранее проплаченных репортажей или сюжетов, лестно отзывающихся о том или ином диске (здесь — книге). Можно отыскать следы «джинсы» в сохранившихся в архиве писателя материалах, выходивших в эфир на «Повo AM-FM», высокорейтинговой радиостанции города Форталезы (штат Сеара). Присылавшиеся ему сводки доказывают, что всю вторую половину июля «Алхимик» был объектом «комментариев свидетелей» (кодированное иносказание, обозначавшее безудержно льстивые похвалы), трижды в день звучавших в эфире в программах Карлоса Аугусто, Ренана Франсы и Роналдо Сезара, в ту пору наиболее популярных ведущих.

И он, и Кристина ясно понимали, что на войне все средства хороши. От посылки экземпляров с дарственными надписями «тузам и шишкам» бразильских СМИ (из коих один Силвио Сантос, владелец телеканала «Си-би-ти», ответил учтивой телеграммой) — до чтения бесконечных лекций (с той лишь разницей, что вопреки обыкновению публичные выступления Пауло были бесплатными). Подобно миссионеру он в любое время дня и ночи был готов говорить на любую из восьми отработанных тем, которые сам предлагал: «Священные пути древности», «Пробуждение магов», «Обряды и ритуалы R.A.M.», «Философия и практика оккультных обрядов», «Эзотерическая традиция и практики R.A.M.», «Магия и могущество» и т. д. По окончании лекции слушатели имели возможность получить экземпляры «Алхимика» и «Мага» с автографом. Заполнять зал труда не составляло. Судя по ежедневнику Пауло, он выступал не

только в таких респектабельных аудиториях, как Национальный театр (Бразилиа) и на факультетах университета Кандидо Мендеса (Рио-де-Жанейро), но и в маленьких отелях-фазендах в провинциальных городках штата Гойас и даже в частных домах. Плоды этой кампании, однако, проявлялись не сразу, и цифры продаж росли медленно. Через шесть недель после выхода было реализовано всего несколько тысяч экземпляров — это настоящее чудо для такой страны, как Бразилия, и в то же время ничтожно мало по сравнению с тем, как расходился «Дневник мага», а главное — с надеждами, которые возлагал на свою вторую книгу автор.

> Продажи до сих пор не достигли и 10 % запланированного объема. Я считаю, что успех зависит от чуда. Целый день сижу у телефона, а он молчит. О Господи! Почему не позвонит какой-нибудь журналист и не скажет, что ему понравилась моя книга? Моя работа для меня важнее, чем мои мании, слова и чувства. Ради нее я унижаюсь, прошу, надеюсь и отчаиваюсь.

Однако «Дневник мага» неколебимо стоял в начале списка бестселлеров, «Алхимик» явно вырывался в лидеры — и игнорировать их автора было уже невозможно. Если выход первой книги в крупных СМИ замолчали, то выпуск второй предварялся материалами на целую полосу в наиболее влиятельных газетах Бразилии. После успеха «Алхимика» пресса волей-неволей должна была обратиться и к его предшественнику. Публикаций было много, но ни один журналист не позвонил автору и не сказал, что книга ему понравилась: все сводилось к репортажам о Коэльо и краткому пересказу содержания «Мага». Газеты победнее простодушно перепечатывали пресс-релиз издательства «Эко».

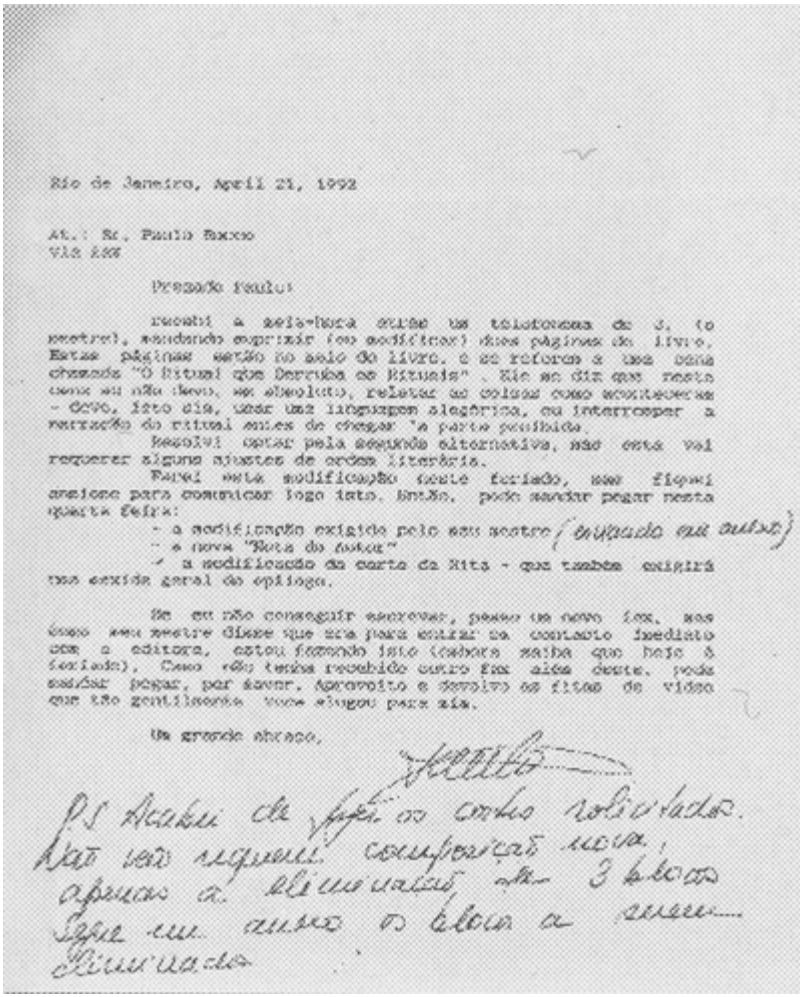
Честь впервые опубликовать собственно рецензию, то есть решиться вынести оценочное суждение, принадлежит газете «Фолья де Сан-Пауло», 9 августа 1988 года поместившей статью журналиста и критика Антонио Гонсалвеса Фильо. Он заметил, что «Алхимик» лишен «обольстительного воздействия», свойственного «Дневнику мага», и обратил внимание, что история, которой воспользовался автор, «уже служила темой значительному числу книг, пьес, фильмов и опер»:

> …Строго говоря, нет никакой новизны в этом переплетении легенд, которые могут брать начало как в раннехристианских рукописях, так и в книгах Сент-Экзюпери. И не ради новизны была создана эта книга. Подобно «Парсифалю», герой «эпоса» Коэльо предстает

«невинным дурачком», отыскивающим средство нейтрализовать зло мира. Культ веры, восстановление порядка, утверждение разнообразия внутри структуры, тяготеющей к однородности и единообразию, короче говоря, все мотивы, присутствующие в «Парсифале», повторяются и в «Алхимике». Как и тема предназначения героя.

И потому «Алхимик» — тоже книга символическая, и на страницах ее я не только излагаю все, что усвоил по этому вопросу, но и пытаюсь воздать должное тем великим писателям, которые смогли овладеть Всемирным Языком: Хемингуэю, Блейку, Борхесу (он тоже использовал в одном из своих рассказов эпизод из истории Персии), Мальбу Тагану.

Во второй половине 1988 года, когда Пауло подумывал о судьбоносном переходе от «Эко» в более крупное и профессиональное издательство, он получил от Жана еще одно задание. Они с Кристиной должны были провести сорок дней в американской пустыне Мохаве на юге Калифорнии. Уже перед самым отъездом у Пауло состоялся телефонный разговор с Мандарино, который, хоть и был преисполнен энтузиазма по поводу «Дневника мага», не верил, что «Алхимика» ждет подобный успех. По житейской и деловой логике следовало отложить поездку и решить проблему, однако Жан — «Наставник Ж.» — был непреклонен. Так что в середине сентября, на пятидесятиградусной жаре калифорнийской пустыни супруги уже делали духовные упражнения Святого Игнатия Лойолы. Из этого опыта четыре года спустя родятся «Валькирии»: чтобы получилось одиннадцать букв (число, считающееся в некоторых эзотерических течениях «сильным»), название по-португальски будет написано через «k», а не через «qu».



Rio de Janeiro, April 21, 1992

At.: Sr. Paulo Roxo
Via ASE

Prezado Paulo:

recebi a pela-bota escrita em tchetcheno de J. (o mestre), mandando suprimir (ou modificar) duas páginas do livro. Estas páginas estão no meio do livro, e se referem a uma cena chamada "O Ritual que Derruba os Rituais". Ele me diz que nesta cena eu não devo, em absoluto, relatar as coisas como aconteceram - devo, isto diz, usar uma linguagem alegórica, ou interromper a narração do ritual antes de chegar "a parte proibida".

Resolvi optar pela segunda alternativa, não creio vai requerer alguns ajustes de ordem literária.

Farei esta modificação neste feriado, mas fiquei ansioso para comunicar logo isto. Então, pode mandar pegar nesta quarta feira:

- a modificação exigida pelo seu mestre (enviado em anexo)
- a nova "Nota do Autor"
- a modificação da carta da Rita - que também exigirá uma revisão geral do epílogo.

Se eu não conseguir escrever, peço um novo fax, mas disse meu mestre disse que era para entrar em contato imediato com a editora, estou fazendo isto (sabora saiba que hoje é feriado). Caso não tenha recebido outro fax além deste, pode mandar pegar, por favor. Aproveito e devolvo os fitas de vídeo que tão gentilmente você alugou para mim.

Um grande abraço,

Paulo

P.S. Acabei de ver o corte solicitado. Não vai ficar como queríamos, apenas a eliminação de 3 blocos. Será um pouco o clima e emoção... Eliminados.

Письмо Пауло издателю с перечнем исправлений, которые внес Жан в рукопись его новой книги «Валькирии»

В конце октября они вернулись в Рио-де-Жанейро. Пауло хотел решить вопрос с «Эко», но не мог бросить одно издательство, не узнав предварительно, в какую дверь постучать. Однажды вечером, надеясь отвлечься от этих невеселых дум, он вместе с приятелем отправился на поэтический вечер, проходивший в маленьком ультрамодном баре в южной зоне. Все это время его не покидало странное ощущение, что кто-то из публики, сидевшей сзади, не сводит с него глаз. Лишь когда вечер окончился и вспыхнул свет, он обернулся и увидел красивую черноволосую девушку лет двадцати — в полном расцвете юности. Никаких видимых причин для столь пристального внимания не имелось: он давно уж не был тем косматым хиппи — почти совсем седые волосы 41-летнего Пауло были аккуратно и

довольно коротко подстрижены, так же, как усы и бородка. Девушка была слишком хороша собой, чтобы он мог не проявить инициативу. Подойдя, он спросил без околичностей:

— Это случайно не вы смотрели на меня весь вечер?

Девушка улыбнулась:

— Я.

— Я — Пауло Коэльо.

— Знаю. Поглядите, что у меня в сумке.

Она сунула руку в свой кожаный мешок и извлекла из него растрепанный экземпляр «Дневника мага». Пауло хотел уж было подписать книгу ей на память, но, узнав, что экземпляр принадлежит не ей, а подруге, вернул:

— Купите собственный, тогда подпишу.

Договорились встретиться через два дня в кондитерской «Коломбо», расположенной в самом центре города и за сто лет существования не утратившей своей элегантности. Выбор столь изысканного места обнаруживал дальние цели Пауло, однако вмешались другие обстоятельства — вмешались и помешали им сбыться. В назначенный день он появился с получасовым опозданием и с ходу сказал, что времени у него нет: издатель сию минуту подтвердил, что не заинтересован в переиздании «Алхимика», и по этому поводу назначает ему незапланированное свидание. Чтобы иметь возможность поговорить подольше, Пауло и девушка пошли пешком до издательства «Эко», находившегося в десяти кварталах от «Коломбо».

Девушку звали Моникой Резенде Антунес, ей было двадцать лет, и она была единственной дочерью инженера Жоржи Ботельо Антунеса и офис-менеджера Беллины Резенде Антунес, либеральных родителей, возложивших на девочку единственную обязанность: ходить на курсы бальных танцев, которые, впрочем, она благополучно бросила. Моника окончила лучшую гимназию Рио-де-Жанейро и была там первой ученицей, а ко времени знакомства с Пауло стала студенткой инженерно-химического факультета университета штата. Как много лет спустя будет вспоминать Моника, сильнее всего ей врезалось в память в тот день, как «нелепо она тогда вырядилась».

— Представь, каково это: обсуждать с издателем условия контракта в сопровождении девицы в шортиках, блузке в цветочек и с прической «а-ля нимфетка»!

Моника стала живым свидетелем той минуты, когда Мандарино выпустил из рук курочку, несущую золотые яйца, в которую уже очень скоро суждено было превратиться «Алхимику». Издатель не верил, что роман сможет повторить успех «Дневника мага», документального рассказа от первого лица. И девушка,

хоть только его и успела к тому времени прочесть, не могла постичь, как можно было отказаться от сотрудничества с автором, столь сильно потрясшим ее воображение. Пауло — быть может, для собственного утешения — предложил ей версию отказа, имевшую очень мало общего с истинными причинами, которыми руководствовался Эрнесто Мандарино: когда инфляция достигает 1200 % в год, рентабельнее вкладывать деньги в финансовые проекты, нежели с риском для себя издавать книги. Пауло и Моника еще немного погуляли, обменялись телефонами и расстались. Через несколько дней, когда он еще не решил, какую судьбу уготовить авторским правам на «Алхимика», Пауло прочел в колонке светской хроники о том, что писательница Лия Луфт из штата Рио-Гранде-до-Сул презентует свой поэтический сборник «Роковая сторона» на коктейле, устраиваемом ее издателем Пауло Роберто Рокко в книжном магазине «Аргументе» на Леблоне — там традиционно собирались интеллектуалы Рио-де-Жанейро. Пауло давно следил за тем, как поворотливо и успешно действует Рокко — его издательство, существуя на рынке менее десяти лет, уже могло похвастать именами таких тяжеловесов, как Гор Видал, Томас Вулф и Стивен Хокинг. В восемь вечера, когда Пауло появился в магазине, там уже было не протолкнуться. Лавируя меж официантов и гостей, он пробрался к Рокко, которого знал только по фото в газетах, и завел с ним такой диалог:

— Добрый вечер. Меня зовут Пауло Коэльо. Мне бы очень хотелось с вами познакомиться.

— Я слышал про вас.

— Хотелось бы поговорить с вами о моих книгах. У меня есть подруга, Бона, живет в том же доме, что и вы, я даже хотел попросить ее устроить ужин и познакомить нас.

— Не надо никого ни о чем просить. Приходите в издательство, выпьем кофе и поговорим о ваших книгах.

Рокко назначил ему встречу через два дня. Но прежде чем принять решение, Пауло вновь обратился к «И Цзин», «Книге перемен», с вопросом, надо ли передавать «Алхимика» новому издательству — разумеется, если Рокко проявит интерес. Из полученного ответа он сделал вывод, что делать это следует лишь в том случае, если книга появится в книжных магазинах до Рождества. Что ж, ответ был уместен и вполне предсказуем: кто из писателей не знал, что перед Рождеством книги раскупаются лучше всего?! Когда Пауло выходил из дому, позвонила Моника, и он пригласил ее составить ему компанию. Его самолюбию польстило, что вместе с ним приема у владельца издательства дожидается Жоан Жилберто Нолл, писатель из штата Рио-Гранде-до-Сул, дважды лауреат премии Жабути, присуждаемой

бразильской Книжной палатой, а книги этого писателя не раз экранизировались. После краткого и приятного разговора Пауло оставил Рокко по экземпляру «Дневника мага» и «Алхимика». Издателя, правда, слегка покоробило требование издать роман в столь сжатые сроки, но Пауло объяснил, что достаточно всего лишь приобрести у «Эко» готовые оригинал-макеты, поменять логотип — и вскоре книгу можно будет выложить на прилавок Рокко взял время на размышление и сказал, что даст ответ на этой же неделе. Однако не прошло и двух дней, как он позвонил, чтобы сообщить: новый контракт готов, осталось только подписать. Рокко готов был издавать «Алхимика».

25
После успеха «Бриды» критика разверзла уста: Пауло Коэльо грозит четвертование

Отвергнутый Мандарино «Алхимик» в конце концов станет одним из самых популярных подарков не только на Рождество, но и на Пасху, Новый год, день рождения, именины, карнавал, Великий пост и пр. — не только в Бразилии, но и еще в сотне стран. Первое издание, выпущенное Рокко, в считанные дни испарилось с прилавков книжных магазинов, автор же — невиданное дотоле дело — попал сразу в два списка бестселлеров: с «Дневником мага» — в «нон-фикшн», с «Алхимиком» — в разряд «художественная литература». С той поры объем продаж будет только возрастать. Феномен, который случился с «Алхимиком», попавшим в руки Рокко, побудил Пауло забрать из «Эко» и первую книгу. Поскольку для этого требовался предлог, он предъявил Мандарино новые требования: чтобы защитить свои гонорары от чудовищной инфляции, достигавшей 1350 % в год, он пожелал, чтобы авторские отчисления выплачивались не раз в квартал (что само по себе было привилегией немногих авторов), а еженедельно, и вопреки всем законам рынка это желание было удовлетворено. Пользуясь беспримерной уступчивостью владельца «Эко»(и его явным стремлением удержать «Дневник мага» за собой), Пауло добавил в договор еще два пункта, также не имевшие прецедентов в практике бразильского книгоиздания: ежедневную (!) индексацию с учетом инфляции и требование направлять определенный процент от валового дохода на рекламу.

Подобное отношение к обоим издателям представляло особый интерес для Моники Антунес, которая теперь была неразлучна с Пауло и сопровождала его повсюду. В начале 1989 года девушка призналась ему, что подумывает о том, чтобы оставить свой инженерно-химический факультет (она была тогда на втором курсе) и вместе с женихом уехать за границу. При этом известии глаза писателя засияли, словно им въяве предстало, как открываются новые врата для его карьеры:

— Прекрасная мысль! Почему бы вам не отправиться в Испанию?! У меня там есть друзья, они помогут. Ты могла бы заняться там продажей моих книг! Если получится, будешь получать на 15 процентов больше того, на что имеет право всякий

литературный агент.

Когда Моника обсудила это со своим возлюбленным, выяснилось, что компания, где он работает, имеет филиал в Барселоне, и, кажется, ему не составит труда добиться туда перевода — хотя бы на несколько месяцев. Кроме того, Моника узнала, что в Барселоне находятся некоторые крупнейшие испанские издательства. В конце мая 1989 года они с Эдуардо приземлились в Мадриде.

Свой первый год в Испании Моника и Эдуардо прожили в квартирке, расположенной в районе Руби. На книжных выставках и ярмарках они обходили стенды издательств, собирали проспекты и каталоги, а потом в каждое посылали по почте краткий пресс-релиз, предлагая уступить авторские права на «Алхимика», а если речь шла об иностранных издательствах — то и на «Дневник мага». «Дневник мага» в переводе на испанский, сделанном боливийкой Кати Шумер вскоре вышел в издательстве Мартинеса Роки под названием «Паломничество в Компостелу».

А меж тем в Бразилии «Дневник мага» и «Алхимик» по-прежнему занимали первые строчки рейтингов читательского спроса. И хотя Мандарино и соглашался на все требования своего успешного автора, в один прекрасный день ему пришлось получить от Пауло Рокко дурное известие: издательство Рокко, предложив Коэльо 60 тысяч долларов аванса, приобрело у него права и на первую книгу. Даже и теперь, когда прошло двадцать лет, Эрнесто Мандарино не скрывает, какое горькое чувство вызвал у него поступок автора, которого «Эко» поддерживало, когда он был еще никем.

— Переиздания шли одно за другим и вызывали зависть у моих коллег. И тут является Рокко и сообщает, что дает Пауло Коэльо 60 тысяч аванса и забирает его у меня. Я только и мог сказать: «Если такова его воля, ничего поделать не могу, потому что договор мы заключали на каждое издание». «Дневник мага» выдержал 28 изданий, после чего Коэльо от нас ушел. Конечно, мне горько было об этом узнать. А еще было горько потому, что ни разу, ни в одном интервью, вообще нигде он не упомянул маленькое издательство Эко, с которого начал. — Отставив сантименты, Мандарино признает, сколь важен Коэльо не только для книжного рынка, но и для бразильской литературы: «Пауло Коэльо превратил книгу в массовый продукт потребления, пользующийся высоким спросом. Он совершил настоящую революцию на нашем издательском рынке, где прежде доминировали смехотворные тиражи в три тысячи экземпляров. Благодаря ему рынок поднялся. Пауло Коэльо, можно сказать, возвеличил книгу в Бразилии и нашу литературу в мире».

Неудивительно, что те, кто возделывал скудную ниву бразильского книжного бизнеса, заинтересовались автором, который всего двумя названиями сумел достичь полумиллионной отметки проданных экземпляров. Под олимпийски бесстрастным присмотром СМИ люди сметали книги с прилавков, тысячами собирались по всей стране слушать автора — и вовсе не затем, чтобы перед ними переливали из пустого в порожнее. Создавалось впечатление, что читатели хотели приобщиться к духовным поискам, о которых автор рассказал в своих книгах. Лекции — или «встречи с читателями», — устраиваемые Коэльо, пользовались огромным успехом, народ на них в буквальном смысле ломился, и нередки бывали эпизоды, подобные тому, что произошел в столичном университете Мартинса Пены, когда устроители вечера вынуждены были вывести наружу динамики для тех, кому не хватило места в аудитории, рассчитанной на две тысячи человек. Интервью, которое Пауло дал журналистке Маре Режеа с канала «Радио насьонал де Бразилиа», пришлось повторить трижды по просьбе тех, кто желал в течение полутора часов слушать про алхимию и мистицизм. И так было по всей стране. В городе Бело-Оризонте трехсотпятидесятиместный зал в «Банко де Дезенволвименто де Минас-Жерайс» не смог вместить тысячную аудиторию, так что молодой Афонсо Боржес, организатор лекции, должен был поставить в разных концах здания теле мониторы, чтобы никто не лишился возможности послушать слова мага.

Пресса же, очнувшись от спячки, впала в растерянность, ибо не знала, как объяснить такой лавинообразный успех. Не решаясь судить о собственно литературных достоинствах обеих книг, журналисты предпочли расценить его как преходящий маркетологический феномен. По почти единодушному мнению, писатель Пауло Коэльо просто вошел в моду, «попал в струю», подобно тому, как в свое время это случилось с твистом или с автором рок-текстов Пауло Коэльо и его Альтернативным обществом. Два года назад в газете «Глобо» его назвали «Кастанедой с Копакабаны», после чего СМИ практически позабыли о его существовании. Лишь когда его книги вышли на первые места в списках бестселлеров, а газета «Эстадо де Сан-Пауло» обнаружила, что «Дневник мага» и «Алхимик» разошлись более чем полумиллионным тиражом, критики осознали: два года не просто стабильного, но и нарастающего успеха — слишком много для модного поветрия. Лишь в октябре 1989 года имя его замелькает в прессе, появится в «Кадерно-2», литературно-художественном приложении к газете «Эстадо де Сан-Пауло». Первой оказалась большая статья, подписанная Терезой Жоржи и

посвященная траектории его жизни еще со времен рокерства. Заканчивалась она таким недвусмысленным заявлением: «Однако свое неповторимое место Пауло Коэльо было суждено занять не в музыке, а в литературе». Здесь же можно видеть свидетельство того, что по поводу творчества Коэльо не могли прийти к единому мнению люди, писавшие даже не в одной газете, а на одной полосе. В нескольких сантиметрах от этого дифирамба была помещена заметка в двадцать строк некий Гамильтон дос Сантос называл в ней писания Пауло «студенистым синтезом положений, идущих от христианства к буддизму». По признанию самого Коэльо, «это была первая оплеуха, полученная от критиков»:

— Прочитав такое, я просто потерял дар речи. Онемел. Возникло такое впечатление, будто журналист предупреждал меня, как недешево обойдется мне слава.

Ежемесячный литературный таблоид «Лейа ливрос», выходящий под редакцией Кайо Грасо Прадо, сына почтенного коммунистического историка Кайо Прадо-мл., «прогнулся» перед силой цифр. На обложке декабрьского (1989) номера изображен Пауло — волосы дыбом, в руке меч, взгляд по-дзен-буддийски устремлен в бесконечность. Манера, в которой обращался с Коэльо таблоид, мало отличалась от наскоков, принятых в его отношении другими СМИ: из двенадцати страниц репортажа одиннадцать пространно повествовали о жизненном пути Пауло, не давая никакой оценки его творчеству. Собственно литературный разбор, произведенный однофамильцем нашего героя, профессором Тейшейрой Коэльо из университета Сан-Пауло, умещался на половине странички. Среднему бразильцу — а такими, надо полагать, было подавляющее большинство читателей «Дневника Мага» и «Алхимика» — было весьма затруднительно уразуметь, хвалят Пауло или ругают, превозносят или втаптывают в грязь, поскольку ученый муж выражался очень витиевато:

> Давно прошло то время, когда видение, воображение — иррациональное, однако наделенное собственной внутренней рациональностью — было неотъемлемой составной частью реальности и приходило «сверху», становясь мыслительной привычкой. Она — или, если угодно, обыкновение — определяла культурную парадигму, образ мысли и способ познания мира. Парадигму, отставленную в сторону иной рационалистической парадигмой XVIII века. Сейчас и она представляется (быть может, на какое-то время)

исчерпанной. Феномен Пауло Коэльо есть символ деградации этой парадигмы и недвусмысленно воплощает в себе недоверие к такому рационализму, каким мы знали его на протяжении двух столетий.

(…) Я склонен объяснять коммерческий успех произведений Пауло Коэльо приматом воображения, все активнее отвоевывающего свои права под разными обличьями (религии, «магия», «альтернативные» медицина и секс, поэтический метод познания и осмысления) — словом, всего того, что эмблематический картезианский метод определяет понятием «иррациональное».

(…) В жанре, избранном для себя Пауло Коэльо, безусловно, лучший писатель — это Лоуренс Даррелл с его «Авиньонским квинтетом», а наиболее интеллектуализированный — Колин Уильямс. Впрочем, оценки такого рода неизбежно, хоть и невольно, грешат поверхностностью.

Покуда журналисты ломали голову, силясь разгадать феномен Пауло Коэльо, тиражи продолжали расти. В один из тех редких моментов, когда обычная сдержанность — особенно когда дело касалось вопросов денежных — ему изменяла, Пауло обмолвился в интервью «Жорнал да Тарде», что две книги принесли ему никак не менее 250 тысяч долларов (410 тысяч 2008 года). Не исключено, что и больше. Если принять на веру цифры, «озвученные» автором и его издателем Рокко, то, по самым приблизительным подсчетам, получается, что из прибыли, полученной за полмиллиона экземпляров «Дневника мага» и «Алхимика», 350 тысяч долларов причитались Коэльо. И он, имея в своем активе два бестселлера, нового издателя, несколько сотен тысяч на счету, отчетливую перспективу международной известности, получил от Жана приглашение пройти по очередному из четырех так называемых «Священных путей», по которым совершают паломничества вступающие в орден R.A.M. После «Пути Сантьяго» он выполнил второй обет, побывав в пустыне Мохаве, и теперь ему оставался третий, предпоследний искус — «Римский путь». Четвертым же странствием принято считать путь к смерти. Название третьего паломничества следует понимать метафорически, благо совершить его можно было в любой точке планеты и более того — на машине, что было несомненным преимуществом. Выбор Пауло пал на Лангедок, узкую полоску в Пиренеях на юго-западе Франции, где в XII–XIII веках был центр катарской (или, как ее еще называли —

альбигойской) ереси, жесточайшим образом искорененной инквизицией. Еще одна особенность «Римского пути», по словам Пауло, ссылавшегося на Жана, заключалась в том, что паломник непременно должен следовать своим снам. Пауло счел такое определение чересчур расплывчатым и попросил уточнить, однако ответ Наставника еще сильнее его озадачил:

— Если ночью увидишь во сне остановку автобуса, наутро отправляйся на ближайшую. Если приснится мост — твоим следующим пунктом назначения должен стать мост.

Чуть больше двух месяцев Пауло бродил по горам, долинам и берегам рек в этом красивейшем уголке Европы. 15 августа он покинул «Отель д'Анвер», где жил в Лурде, священном для католиков городе, и двинулся по направлению к Фуа, Рокфиксаду, Монсегюру, Пейрепертюзу и десятку других крохотных городков, где было порой не более десятка домов. Поскольку Жан не оговорил это специальным запретом, Пауло счел, что может взять с собой Монику, выкроившую неделю среди своих барселонских трудов и забот и приехавшую составить ему компанию. 21 августа 1989 года, прибыв в Перпиньян, он сунул несколько жетонов в прорезь телефона-автомата и позвонил в Бразилию Кристине, по которой скучал. Жена сообщила: в Сан-Пауло только что скончался от застарелого панкреатита, вызванного алкоголизмом, Рауль Сейшас.

Для Пауло эта утрата стала настоящим потрясением. Несколько лет они с Раулем не виделись, а четыре месяца тому назад встретились в Рио-де-Жанейро в «Канекане», где баиянец давал свой концерт, который оказался чуть ли не последним. Нет, о примирении речи не было, тем более что они никогда и не ссорились — просто новый партнер Сейшаса, молодой рок-музыкант Марсело Нова, предпринял попытку вновь сблизить их. Пауло был вызван на сцену и вместе с остальными музыкантами повторял рефрен: «Да здравствует Альтернативное общество!» Если верить бывшему «рабу» Тониньо Будде, на всех углах отзывавшемуся о Пауло весьма нелицеприятно, тот пел, «в буквальном смысле держа фигу в кармане, поскольку вынужден был публично исполнять мантру дядюшки Кроули». На кадрах любительской киносъемки, сделанной одним из фанатов и выложенной в интернет спустя много лет, глядя на Рауля Сейшаса, мы видим дрожащие руки и опухшее лицо тяжко пьющего человека. Последней совместной работой Пауло и Рауля был альбом «Девственный лес», который они записали давным-давно — в 1978 году. А в 1982-м, когда Элдорадо, музыкант из Сан-Пауло, попытался было восстановить былое сотрудничество в работе над новым диском, из этого ничего не вышло: Пауло жил в

Рио-де-Жанейро, Рауль — в Сан-Пауло, и ни один не желал сделать первый шаг и приехать к другому. Призванный разрешить спор Роберто Менескал предложил поистине соломоново решение: провести встречу в точке, равноудаленной от Рио и Сан-Пауло — в национальном парке Итатиайа. И Пауло, поселившись в одно прекрасное воскресенье в отеле «Симон», рано утром в понедельник подсунул под дверь номера, где остановился Рауль, записку: «Готов начать работу». Баиянец, однако, не откликнулся и лица не показал ни в этот день, ни во вторник. А в среду к Пауло пришел хозяин отеля, встревоженный тем, что Рауль трое суток сидит взаперти, пьет и даже не притрагивается к заказанным по телефону сандвичам. Так была похоронена надежда воссоединить партнеров, некогда революционизировавших бразильский рок.

На концерте Рауля Сейшаса Пауло неожиданно поднялся на сцену и встал рядом со своим соавтором, которому оставалось жить всего несколько месяцев

Пауло, совершая паломничество по «Римскому пути», пребывал под тягостным впечатлением от смерти своего «закадычного врага», а через шесть дней после этого печального известия он вновь испытал «экстрасенсорное потрясение». За рулем арендованного автомобиля он направлялся в сторону некоего городка, где должен был участвовать в «ритуале огня», когда при свете костра произносятся заклинания. И, по его словам, ощутил — ни больше ни меньше — присутствие своего ангела-хранителя.

Нет, ощущения были не слуховые и не осязательные, но он явственно чувствовал рядом с собой существо, общаться с которым мог только мысленно. И как он вспоминает, это

существо заговорило первым, начав такой диалог, беззвучный и невербальный:

— Чего ты хочешь?

Не повернув головы, не затормозив, писатель ответил:

— Хочу, чтобы мои книги читались.

— Для этого придется снести много брани и хулы.

— Почему? Только потому, что я хочу, чтобы люди читали мои книги?

— Твои книги принесут тебе славу, и тебе достанется по полной программе. Вот и реши, в самом ли деле ты этого хочешь.

И прежде чем рассеяться в воздухе, существо добавило:

— Даю тебе день на раздумья. Сегодня тебе приснится определенное место. И завтра в этот же час мы встретимся там.

Приехав в городок По, он заночевал в маленьком отеле, и увидел во сне трамвайчик, везший пассажиров на вершину высокой горы. А наутро портье рассказал ему, что одна из здешних достопримечательностей — это канатная дорога, фуникулер, расположенный в нескольких метрах отсюда, рядом с железнодорожной станцией. Гора, на которую каждые десять минут взбирались темно-зеленые вагончики с тридцатью пассажирами, была не так высока, как та, что ему приснилась, но сомнений не было — он на верном пути. Когда стало смеркаться, и со вчерашней встречи минули сутки, Пауло, отстояв недлинную очередь, через несколько минут уже пребывал на горной террасе, откуда открывался удивительный вид на город, где в окнах домов уже зажигались первые огни. Коэльо точно помнит не только дату — «это было 27 сентября 1989 года, в день Святых Козьмы и Дамиана» — но и свою просьбу:

— Я хочу, чтобы мои книги читались. Но еще хочу, чтобы через три года эту мою просьбу можно было подтвердить. Ты даешь мне три года, я возвращаюсь сюда 27 сентября 1992 года и говорю, хватает ли мне духа продолжать.

…Когда семьдесят дней паломничества, казавшегося бесконечным, подходили к концу, однажды вечером, после «ритуала огня», к Пауло подошла девушка, светлокожая и белокурая, и завела разговор. Она оказалась тридцатилетней ирландкой Бридой О’Ферн, достигнувшей, как и он, ранга Наставника в ордене и тоже совершавшей паломничество по «Римскому пути». Приятное знакомство не только скрасило окончание утомительной ордалии: Пауло, хоть и намеревался написать книгу о своем паломничестве, до такой степени проникся историей этой девушки, что переменил замысел и в третьей книге, так и названной — «Брида» — вдохновлялся тем, что узнал от ирландки.

Ордалия была исполнена, а в работе над «Бридой» определился метод, который отныне будет применяться Коэльо ко всем последующим произведениям — выносить тему, дать ей созреть и оформиться, а сам текст написать за две недели. Новый роман — история 21 — летней Бриды О'Ферн, решившей познать мир магии. В лесу, находящемся в 150 километрах от Дублина, столицы Ирландской Республики, она встречает мага. Ведьма Викка руководит ее шагами, и Брида, выполнив все обряды, становится Наставницей ордена. Автор уже на первых страницах предуведомляет читателей:

> В «Дневнике мага» я заменил два ритуала упражнениями на постижение, которым научился в ту пору, когда был тесно связан с театром. Хотя полученные результаты были в точности те же самые, мой Наставник сурово выбранил меня: «Даже если существуют более короткие и легкие пути, Традицию никогда ничем другим заменять нельзя», сказал он тогда. И потому немногие ритуалы, описанные на страницах «Бриды», являются теми же, исполнение которых предписывалось на протяжении столетий «традицией Луны» — ритуалом особого свойства, требующим большого опыта и долгого навыка. Исполнение этих ритуалов без цели — опасно, нежелательно, не нужно и может сильно затруднить поиск Своей Стези.

Когда окрыленный успехом предшествующих книг — «Дневника мага» и «Алхимика» — Рокко узнал, что Пауло только что «достал из печи» новый роман, он сам проявил инициативу и предложил ему за «Бриду» 60 тысяч долларов. В данном случае примечательна не сама сумма, хоть и высокая по бразильским меркам, но отнюдь не астрономическая и не рекордная на рынке рекламы или хотя бы издательском — тот же Рокко за несколько месяцев до того уплатил ровно в три раза больше за авторские права на «Костры амбиций» американца Томаса Вулфа. Внимание привлекает то, как именно Пауло Коэльо предложил разделить выплаты, и эта модель будет принята почти во всех его дальнейших отношениях с издательствами в Бразилии: 20 тысяч издательство тратит на рекламу и продвижение книги, еще 20 тысяч — на поездки автора по стране, предпринятые опять же для ее продвижения, и лишь последняя треть будет являться собственно авансом. Изюминка, впрочем, была в том, что издательство держало свои планы в полнейшем секрете и лишь накануне выхода книги, в первую неделю августа 1990 года, нарушило молчание и оповестило о том, что первый тираж

«Бриды» составит 100 тысяч экземпляров — эту цифру среди соотечественников автора до тех пор перекрывала только «Тьета до Агресте» Жоржи Амаду, в 1977 году выпущенная для начала тиражом 120 тысяч экземпляров.

Если даже ангел, с которым Пауло повстречался в Лангедоке, и был всего лишь плодом его воображения, все равно он как в воду смотрел, предрекая, что критики не оставят на авторе живого места. В отличие от подслащенных пилюлей, какими его пичкали после выхода двух первых книг, тут критики возжаждали крови — и тем больше, чем значительней был читательский успех. Появлявшиеся в ведущих изданиях Рио-де-Жанейро и Сан-Пауло рецензии — бранные и зачастую просто выходившие за рамки приличий — были на редкость беспощадны и свирепы:

> Автор очень плохо пишет. Он не умеет пользоваться ресурсами языка, неправильно употребляет местоимения, нарушает правила управления и согласования, игнорирует такие элементарные вещи, как разница понятий «говорить» и «сказать».
>
> *(Луис Гарсия, «Глобо»)*

> С точки зрения эстетической «Брида» — это настоящий провал. Имитация томительного стиля Ричарда Баха, приправленная Карлосом Кастанедой. Стереотипы составляют существо книги Пауло Коэльо.
>
> *(Журемир Машадо да Силва, «Эстадо де Сан-Пауло»)*

> Быть может, автору следовало бы заняться своим прямым делом — вызывать дождь. Это у него получается лучше, нежели писать книги.
>
> *(Эуженио Буччи, «Фолья де Сан-Пауло»)*

> «Алхимик» — одна из тех книг, которую, дочитав, больше не хочется брать в руки.
>
> *(Рауль Гиудиселли, «Жорнал до Коммерсио»)*

Каменья летели со всех сторон — не только из редакций журналов и газет. Через несколько дней после выхода книги автор участвовал в популярном ток-шоу «В половине двенадцатого с Жо Соаресом», которое шло по телеканалу Эс-би-ти. Хотя Пауло давно дружил с ведущим и даже когда-то

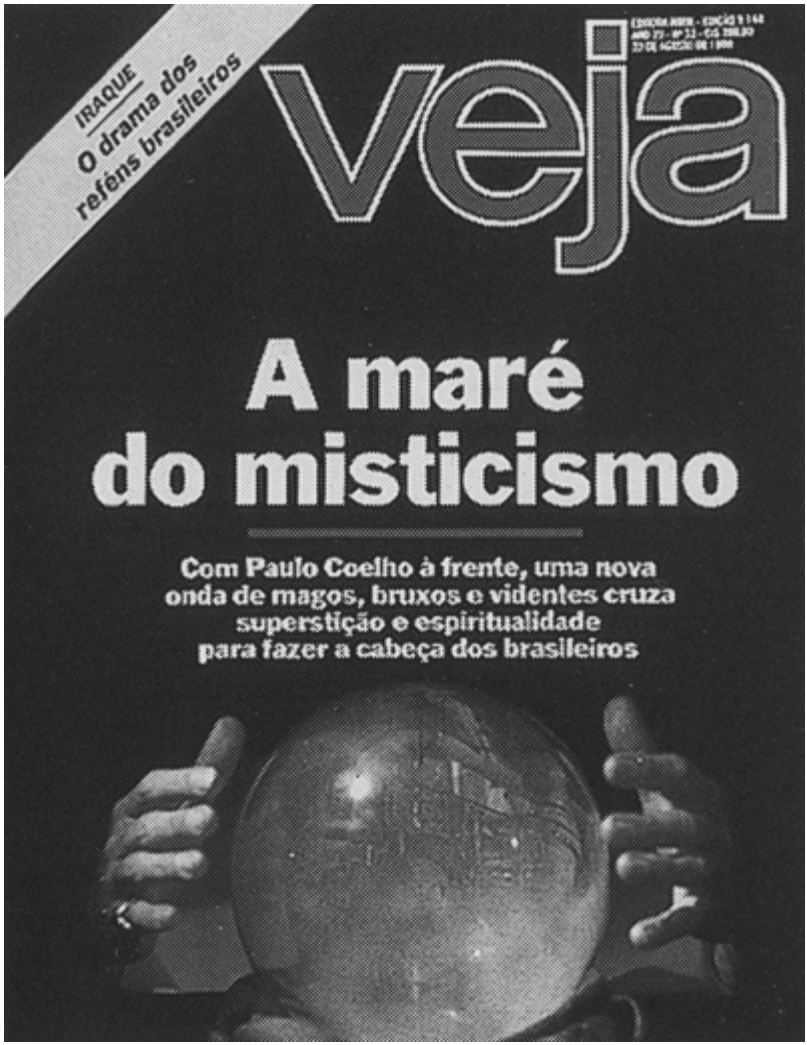
снимался с ним в порнофильме «Тангарела», Соарес был явно не на стороне гостя и начал программу с того, что предъявил длинный перечень ошибок, обнаруженных в «Алхимике». Интервью переросло в «параллельную полемику». Через два дня газета «Диа» (Рио-де-Жанейро) поместила в колонке Артура да Таволы — да-да, былого коллеги по «рабочей группе» «Филипс» и автора одного из предисловий к «Архивахм ада» — статью под названием «Как тебе верить, Жо?»:

> Эта колонка завоевывает мир. Хоть и не вызывает того доверия, какое должна, раз уж вошел позавчера в студию, держа в руках факс с 86 ошибками, обнаруженными в «Алхимике», Жо Соарес, чтобы взять интервью у Пауло Коэльо и заодно сделать отбивную котлету из корректорской службы издательства Рокко.
>
> Маг отмазывал, как мог, недостатки издания, утверждая, что это и не ошибки вовсе, а «так было задумано». «Это — код, — уверял нас Пауло Коэльо, — а что не код, то будет исправлено в последующих изданиях». Жо поинтересовался тогда употреблением глагола «haver» [38] во множественном числе, что, как известно, не допускается грамматическими правилами португальского языка. «Я употребляю, — отвечал автор, — потому что так принято».
>
> Где же это принято? В Мозамбике?

В нем, впрочем, еще теплилась надежда, что кто-нибудь из журналистской братии прочтет его книги непредвзято, взглянет на них так же, как глядели тысячи людей, рыскавших по книжным магазинам всей страны в поисках его бестселлеров. Быть может, это сделают сотрудники журнала «Вежа», самого читаемого и влиятельного бразильского еженедельника? Пауло дал им длинное интервью, попозировал фотографу и стал с нетерпением ждать воскресенья, когда свежий номер должен был поступить в киоски Рио-де-Жанейро. Первое изумление ожидало его уже при взгляде на обложку, на которой вместо собственного изображения он увидел хрустальный шар под броским заголовком «Море мистицизма». Пауло принялся листать журнал и вот наконец наткнулся на репортаж, называвшийся «Маг на высотах» и снабженный фотографией, где он был запечатлен в черном плаще, кроссовках и с посохом в руке. Он стал жадно проглядывать статью по диагонали, но уже на десятой строчке понял: автор, что называется, бил прямой наводкой — и «Брида», и «Алхимик», и «Дневник мага» были классифицированы как «скверно рассказанные метафизические истории, утопающие в

многословном мистицизме». На шести последующих страницах пальба продолжалась с неослабевающей силой, и не встречалось ни единого абзаца, где не было бы огульной критики и издевательской насмешки:

> (…) дурацкие суеверия…
>
> (…) никто не возьмется суверенностью сказать, где кончается искренняя убежденность и начинается фарс…
>
> (…) еще один серфист, скользящий по высокодоходной поверхности мистики…
>
> (…) уже получил 20 тысяч долларов как аванс за распространение «Бриды» и предполагает получить за свои лекции…
>
> (…) без сомнения, наихудшая из трех его книг…
>
> (…) убогая проза…



К вящему разочарованию писателя, журнал «Вежа» вместо его портрета поместил на обложке хрустальный шар

Досталось даже его вере. Упомянув религиозный орден, к которому принадлежал Пауло, «Вежа» уверял читателей, что R.A.M. — не более чем «несколько разрозненных латинских слов, означающих приблизительно „Царство Агнца Мира“». Из всего того, что наговорил он в этом нескончаемом интервью, в неприкосновенности оставили одну фразу. Когда его спросили, в чем, по его мнению, причина такого беспримерного успеха, Коэльо ответил:

— Это дар свыше.

В редакцию «Вежа» он послал краткое письмо: «Мне хотелось бы внести только одно уточнение в репортаж „Маг на высотах“. Я не собираюсь брать деньги за мои встречи с читателями. Все

прочее меня не удивило: мы — ослы, вы — чрезвычайные умники». Журналисту Луису Гарсия из «Глобо» было направлено длинное письмо, занявшее в напечатанном виде половину полосы и озаглавленное «Я — НЛО литературы». Там Пауло впервые посетовал на то, как с ним обращаются СМИ:

> (…) В данное время я — летающая тарелка нашей литературы, нравится ли кому-то или нет ее форма, цвет, состав экипажа. Пусть смотрят на меня с удивлением, но зачем же смотреть с такой агрессивной злобой? Уже три года публика покупает мои книги во все большем количестве, и мне просто не удалось бы обмануть такое множество людей всех классов и сословий. Все, что я делаю, я делаю ради того, чтобы показать мою истину, то, во что я со всей искренностью верю — но критика и этого за мной не признает.

Автор статьи в «Вежа» ответил там же и в том же едко-ехидном стиле, что и в своем предыдущем тексте:

> Ничего не имея против того, чтобы автор продолжал, по собственному туманному выражению, «подвиг добрый», я хочу все же посоветовать ему не настаивать на сомнительном утверждении, будто писать просто — то же самое, что писать плохо. Впрок это не пойдет.

Цифры меж тем показывали, что афоризм Нелсона Родригеса может быть применен и к миру книг: на счастье Пауло, критики не могли предоставить книжным магазинам ни одной молекулы текста. И покуда они в лупу высматривали сомнительные словоупотребления, спорные согласования и пропущенные запятые, читатели не переставали покупать, книги. Через неделю после выхода на рынок «Брида» заняла первую строчку в рейтингах по всей стране, одарив Пауло новым рекордом — он был автором одновременно трех национальных бестселлеров. Феномен этой нежданно обретенной массовой популярности заставлял «публичных людей», интеллектуалов и художников, определяться, вырабатывать к нему собственное отношение. Забавно, что если критики выступали единым фронтом, мир «культовых фигур» оказался разделен в зависимости от отношения к новому чуду бразильской словесности. Об этом легко судить по многочисленным интервью в газетах и журналах того времени:

> Это гений. Он учит, что благодать — не обязательно

в сложном.

(Регина Казе, актриса)

Как вы сказали? Пауло Коэльо? Нет, не приходилось читать ничего им написанного. Да я уж давно пребываю вне реальности.

(Олгария Матос, философ, профессор Университета Сан-Пауло)

«Алхимик» — это история про каждого из нас. Я был до такой степени вдохновлен этой книгой, что рекомендовал прочесть ее всей семье.

(Эдуардо Суплиси, экономист и политик)

Читал и проникся. Рассказ будоражит интуицию и течет естественно, как река. (Нелсон Мотта, композитор) Две книги произвели на меня сильное впечатление. Благодаря им я понял что-то такое, что трудно объяснить в словах.

(Тесил Линс-и-Силва, адвокат и политик)

Да, я читал «Дневник мага», но предпочитаю тексты, которые он создавал в сотрудничестве с Раулем Сейшасом.

(Кака Россет, театральный режиссер)

Вопреки язвительной критике «Брида» за год выдержала 58 изданий и продолжала возглавлять списки продаж, которые (если считать две предшествующие книги) перевалили уже за миллион экземпляров — рубеж, до тех пор достигнутый очень немногими бразильскими авторами. Пауло, окрыленный успехом, готовился в 1991 году взорвать новую бомбу — он работал над документальной книгой, в подробностях повествующей о сотрудничестве с Раулем Сейшасом, об их погружении в мир черной магии и сатанизма и, разумеется, о той «черной ночи», когда, как он был уверен, ему явился дьявол. Нарушив свое правило — обычно Кристина читала рукопись только после того, как была поставлена последняя точка — Пауло давал жене читать книгу по главам. Покуда он целыми днями сидел, склонившись над своим маленьким ноутбуком «Тошиба-1100», Кристина читала, и, когда он был уже на 600-й странице, вдруг сурово

сказала ему:

— Пауло, брось эту книгу.

— Что?

— Я от нее в восторге, но беда в том, что она вся — про зло! Я знаю, зло завораживает, но тебе нельзя продолжать писать.

Пауло еще попытался — «сперва словесными аргументами, а потом круша все вокруг себя» — переубедить жену, заставить ее отказаться от этой безумной, как ему казалось, идеи:

— Ты с ума сошла! По крайней мере, ты ведь могла бы сказать мне об этом на десятой странице, а не на шестисотой!

— Ладно, я открою тебе причину: я взглянула на образ Пречистой Девы, и она сказала мне, что ты не должен писать эту книгу.

После долгих споров возобладала, как, впрочем, почти всегда, точка зрения Кристины. Решив, что работа погибнет неизданной, Пауло распечатал текст, после чего уничтожил в компьютере все следы написанного. Пригласил издателя Рокко на обед в фешенебельный португальский ресторан «Антикуариус» на Леблоне и выложил на стол пачку бумаги сантиметров в десять толщиной.

— Рукопись новой книги. Открой на любой странице.

Хотя прежде Рокко, быть может, из суеверия, никогда не читал оригиналы Пауло прежде чем послать их корректорам, в данном случае он исполнил просьбу автора: вероятно, тот неспроста обставил дело такими церемониями. Он наугад вытащил страницу, стал читать, а когда окончил, услышал слова Пауло:

— Кроме меня и Кристины, ты будешь единственным человеком на свете, кто читал хотя бы фрагмент этой книги, ибо я собираюсь ее уничтожить. Я не прошу официанта сжечь рукопись, потому что не хочу, чтобы ее отрицательная энергия превратилась в огонь. Из компьютера я ее удалил.

После обеда Пауло в одиночку двинулся по пляжу Леблона в поисках места, где бы он мог похоронить книгу. Увидев фургон, загружавший в свое нутро и перемалывавший там содержимое мусорных баков, он швырнул рукопись под ножи измельчающего барабана — и через мгновение листки рукописи превратились в труху.

26
Предсказанная Моникой лихорадка пересекает океан и охватывает читателей во Франции, Австралии и Соединенных Штатах

Не исключено, что уничтожив рукопись книги, заряженной отрицательной энергией, Пауло сумел избавить себя в будущем от каких-то метафизических разочарований. Однако книга-то была практически готова, и теперь перед автором и издателем возник вопрос: что издавать в 1991 году, чтобы не потерять мощный импульс, приданный этому проекту фантастическим успехом трех бестселлеров? Пока решения не находилось, Пауло предложил Рокко перевести на португальский небольшую книжку — скорее даже брошюру — содержавшую проповедь, в 1890 году прочитанную в Англии молодым протестантом-миссионером Генри Друммондом. В ней автор развивал темы из Первого послания апостола Павла коринфянам, рассуждал о таких добродетелях, как терпение, доброта, смирение, невинность и искренность, обо всех духовных ценностях, увенчиваемых любовью, «но любовь из них наибольшая». Книжица, в переводе озаглавленная «Высший дар», полностью проигнорированная СМИ и выпущенная на рынок практически безо всякой рекламы, всего за несколько недель вошла в список бестселлеров, где первые строчки прочно занимали «Дневник мага», «Алхимик» и «Брида».

Тем не менее Пауло не чувствовал полного удовлетворения: все же это была не оригинальная работа, а всего лишь перевод, призванный заполнить брешь, пробитую так и не вышедшими воспоминаниями о «сатанинском периоде». И в поисках темы для нового произведения Пауло вспомнил историю, которую вынашивал с 1988 года, когда вместе с Кристиной побывал в Соединенных Штатах. Его Наставник Жан дал ему тогда конкретное поручение — они с женой должны были подвергнуться своего рода «духовному карантину» в пустыне Мохаве, одном из крупнейших в Америке национальных парков. Пустыня славится тяжким климатом и уникальными геологическими особенностями: например, реки и озера Долины Смерти исчезают на полгода, оставляя на виду лишь пересохшие, засоленные русла. Во исполнение ордалии, предписанной

Наставником — найти своего ангела-хранителя — Пауло должен был отыскать проводника, который помог бы ему ориентироваться в этом бескрайнем песчаном пространстве, раскинувшемся по штатам Калифорния, Невада, Юта и Аризона. Человек, указанный Жаном, был существом из плоти и крови и звался Туком.

Пауло и Кристина во время паломничества по пустыне Мохаве (США)

Оставив до своего возвращения проблемы с Эрнесто Мандарино и его издательством «Эко», супруги Коэльо 5 сентября 1988 года приземлились в аэропорту Лос-Анджелеса, взяли напрокат машину и двинулись на юг, в сторону «Солтон-Си», соленого озера в 50 км длиной и 20 км шириной. Через несколько часов пути доехали до одной из тех полузаброшенных заправочных станций, что так часто встречаются в фильмах про американский Дальний Запад. «Далеко ли до пустыни?» — осведомились они у девушки на бензоколонке. Та — не бензоколонка, разумеется, а девушка — отвечала, что нет, недалеко: в тридцати километрах отсюда расположен городок Борреро-Спрингз, за которым и начинается пустыня. Она же — опять же не пустыня, а девушка — дала им несколько ценных советов: не включать кондиционер не на ходу, иначе мотор может перегреться, положить в багажник запас воды галлона на четыре и в случае чего-то непредвиденного — не покидать автомобиль. Услышав, что пустыня рядом, Пауло встревожился:

— Вокруг меня все так пышно и благодатно зеленело, что трудно было поверить, что через 15 минут пути все неузнаваемо изменится, однако так и вышло: едва мы перевалили через горную цепь, дорога пошла вниз и вскоре привела нас к безмолвию необозримой Мохаве.

На протяжении тех сорока дней, которые Пауло и Кристина жили в палатке или, если удавалось — в отелях, они повсюду сталкивались со следами исторического прошлого, составлявшего легенду озера, — видели заброшенные золотые копи, обломки телег, на которых когда-то двигались пионеры, городки-призраки, подобия скитов, где поселялись те, кто хотел удалиться от мира и людей, коммуны хиппи, проводивших дни в молчаливых медитациях. Помимо хиппи, обитателями пустыни были лишь гремучие змеи, койоты и зайцы, которые, спасаясь от зноя, появлялись только по ночам.

По требованию Наставника первые две недели супруги Коэльо обязаны были хранить абсолютное молчание: нельзя было даже сказать друг другу «Доброе утро». Этот период был полностью посвящен духовным упражнениям, разработанным Святым Игнатием Лойолой. Одобренные и принятые Ватиканом в 1548 году, эти упражнения — плоды личного опыта основателя «Общества Иисуса» — базировались на вере в то, что духовность достигается не путем напряженной молитвы или интеллектуального осмысления, но исключительно экспериментом, личным опытом. «Только через опыт тайна Бога неповторимо и индивидуально открывается каждому человеку, — объясняют изданные иезуитами учебники, — с тем, чтобы

преобразить его бытие». Главная цель Лойолы заключалась в том, чтобы каждый упражняющийся превращался в активного созерцателя, «что означает — видеть во всем и во всех фигуру Бога, присутствие Святой Троицы, созидающей и преобразующей мир» …Однажды вечером, через неделю после приезда, когда супруги Коэльо, погруженные в атмосферу духовности, сидели на песчаной дюне под небом, усыпанном мириадами звезд, безмятежную тишину нарушил первый громовой раскат, за которым последовали второй и третий, а за ними еще и еще. Оглушительный грохот, доносившийся из поднебесья, производили огромные огненные шары, которые разлетались на тысячи фрагментов, на несколько секунд озаряя пустыню всеми цветами радуги. Пауло и Кристине потребовалось несколько минут, чтобы понять — это не Армагеддон.

— Мы со страхом наблюдали, — вспоминал впоследствии писатель, — ослепительные сполохи, медленно скользившие по небосклону. Вокруг нас было светло как днем. Потом послышался гром — это фантасмагорически освещенные боевые самолеты, пройдя звуковой барьер, сбрасывали где-то у линии горизонта зажигательные бомбы. Только потом мы узнали, что в пустыне проводились военные учения. Жуткое зрелище… Мороз по коже.

Когда позади остались первые две недели духовных упражнений, Пауло с Кристиной, неукоснительно выполняя инструкции Жана, пришли к старому трейлеру, поставленному на прикол в окрестностях Боррего-Спрингз, — там и жил проводник Тук. И оба очень удивились, что могущественный экстрасенс, о котором говорил им Жан, оказался пареньком не старше двадцати. Вместе с ним Пауло пройдет через несколько десятков городков на мексиканской границе, покуда не встретит группу, известную в округе под именем «Валькирии». Так назвались восемь молодых красивых женщин, возглавляемые самой старшей из них, бывшей сотрудницей «Чейз Манхэттен банк», которые оделись в черную кожу, оседлали мощные мотоциклы и кружили по окрестным селениям. Встреча с нею — она тоже была посвященной — и привела Пауло на 38-й день путешествия туда, где он увидел голубую бабочку и услышал некий голос, который — по его словам — говорил с ним. Затем, рассказывает писатель, ему предстал его ангел — или, по крайней мере, его материализовавшаяся рука, блиставшая в воздухе. Там прозвучали библейские слова, и Пауло, дрожа в священном трепете, записал их на клочке бумаги.

Объятый волнением, он поспешил к Кристине рассказать о случившемся с ним и о том, что «увидеть ангела гораздо проще, чем говорить с ним».

— Достаточно лишь поверить, что ангелы существуют, достаточно лишь почувствовать, что нуждаешься в них, — и они появятся, сияя, как утренняя заря.

И чтобы отпраздновать это событие, Пауло вместе с Кристиной и Туком перед окончанием путешествия проехали по пустыне и, оказавшись в местечке под названием Глориета-Кэньон, остановились перед маленькой пещерой. Пауло достал из багажника мешки с цементом и песком, бутыль воды и стал замешивать раствор. Когда тот достаточно загустел, но еще не успел схватиться, Пауло укрепил у подножия маленький образ Носса-Сеньора-Апаресиды, чернокожей покровительницы Бразилии, и палочкой вывел внизу по-английски:

> Это Пресвятая Дева Апаресида из Бразилии. Помолись о чуде и возвращайся сюда.

Потом зажег свечу, сотворил краткую молитву и уехал. Вернувшись в Бразилию, он еще три года вынашивал этот замысел и лишь в конце 1991 года, осознав, что книгу, уничтоженную измельчителем мусоровоза, надо чем-то заменить, решил написать «Валькирии». Судя по зафиксированным его компьютером «свойствам», текст был начат в 23:30, в понедельник 6 января 1992 года. Через семнадцать дней непрерывных — как уже вошло у него в обычай — трудов он набрал заключительную фразу на 239-й и последней странице:

> (…) И лишь тогда обретаем мы дар понимания звезд, ангелов и чудес.

Место, где Пауло поставил образ Пречистой Девы Апаресиды, впоследствии похищенный

21 апреля, когда книга уже была готова уйти в типографию, Пауло отправил факс в издательство Рокко, сообщая, что Жан не «предложил», но «приказал» и «потребовал» произвести в рукописи изменения:

> Дорогой Рокко,
>
> Полчаса назад мне позвонил Жан (Наставник), приказав исключить (или полностью переписать) две страницы текста. В описании сцены ритуала я, по его мнению, должен применять аллегорические средства описания либо вообще прервать повествование.
>
> Я склоняюсь ко второму варианту, но это потребует дополнительной литературной правки, которую я собираюсь внести в течение субботы и воскресенья, но тороплюсь сообщить тебе об этом незамедлительно. (…)
>
> Пауло Коэльо

Кроме Жана, самого автора и Пауло Рокко, никто никогда не узнал содержания исключенных из окончательного текста отрывков. Впрочем, вмешательство Наставника не повлияло на успех книги. Менее чем за сутки после выхода около половины 120-тысячного тиража было распродано — да-да, почти 60 тысяч экземпляров исчезли с полок книжных магазинов в тот самый день, когда «Валькирии» поступили в продажу. Спустя две недели новинка вытеснила с первого места в рейтинге «Алхимика», продержавшегося там 159 недель кряду. Автор бил рекорд за рекордом. После выхода «Валькирий» Коэльо стал единственным бразильским автором, все пять книг которого значились в списках бестселлеров: «Алхимик» (159 недель), «Брида» (109), «Дневник Мага» (68), «Высший дар» (19). Пауло уступал только американцу Сидни Шелдону.

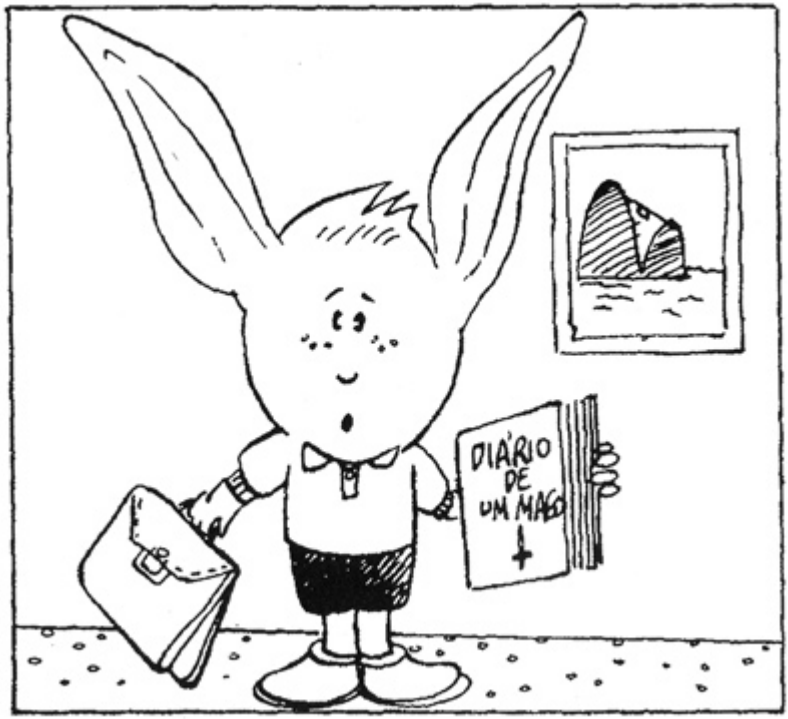
После первых ошеломительных известий о масштабе продаж пресса опомнилась, но внимание ее привлекло не содержание новой книги, а подробности договора Коэльо и Рокко. Одна газета уверяла своих читателей, будто автор получает 15 процентов с продажной цены каждого экземпляра (тогда как повсеместно принято было 10); другая — что поставил условием выплату 400 тысяч долларов премии, если объем продаж превысит 600 тысяч экземпляров. Третья распространялась об Астрономических суммах, пущенных издательством на рекламу, и о том, что автор, опасаясь инфляции, потребовал производить выплаты каждые две недели. «Жорнал до Бразил» клялась, что на волне успеха

«Валькирий» рынок будет наводнен пластиковыми мешками с надписью «Я верю в ангелов», плакатами «Ангелы среди нас», керамическими бюстиками автора и шестью сотнями футболок с изображением архангела Михаила. Колумнист из Рио-де-Жанейро возвещал, что Коэльо отказался от 45 тысяч долларов, предложенных одной страховой компанией за появление в рекламном ролике с единственной фразой: «Я верю в жизнь после смерти, но на всякий случай советую застраховаться». Абсолютным новшеством было и то, что Пауло с этих пор стал требовать, чтобы издательство согласовывало с ним продажную цену книги — прежде авторы в эту сферу, считавшуюся прерогативой издательства, не вмешивались. Коэльо, желая, чтобы его произведения были доступны людям «с низкой покупательной способностью», отныне особо оговаривал в контрактах «потолок» стоимости — для «Алхимика» он был определен в 11 долларов (равных 16 долларам 2008 года).

Когда же было утолено первоначальное любопытство к цифрам, суммам и числам, критики завели свои старые песни, отрепетированные на предыдущих книгах: «Сомнительные литературные достоинства „Валькирий“ могут в конце концов возыметь неожиданный положительный эффект. Чтобы походить на бред, она слишком банальна. И, стало быть, ее легче читать» («Фолья де Сан-Пауло»). «Если рассуждать в категориях литературы, понимаемых прежде всего как писательское мастерство, „Валькирии“ в изрядных дозах обнаруживают те же качества прозы, что характерны и для других книг, вышедших из-под этого пера — то есть, никаких качеств не обнаруживают» («Вежа»). «Книги Пауло Коэльо — и „Валькирии“ здесь не исключение — не блещут стилистической виртуозностью. Помимо фабульной невнятицы, обращают на себя внимание неуклюже слепленные фразы, которые кажутся взятыми из школьного сочинения» («Эстадо де Сан-Пауло»).

В громе этой пальбы незамеченным осталось скромное сообщение о том, что Управление образования Рио-де-Жанейро намеревается использовать книги Пауло Коэльо для того, чтобы прививать учащимся привычку к чтению. Впрочем, два отзыва на эту инициативу, напечатанные в «Жорнал до Бразил», оказались еще более неприязненно-язвительными, нежели критические разборы. В первом, подписанном журналистом Роберто Мариньо де Азеведо и озаглавленном «Глупость», автор сообщал, что ошеломлен известием, и обвинял Управление в том, что «оно намерено засорять головы бедных детей мистицизмом восьмого разведения, изложенным к тому же весьма корявым языком». Похлеще самого текста была сопровождавшая его иллюстрация:

карикатура изображала школьника с ослиными ушами и «Дневником мага» в руке.



Карикатура, напечатанная в «Журнал до Бразил», привела Пауло в негодование: по мнению критика, изучать книги Коэльо в школах — значит превращать детей в ослов

А писатель, достигший четырьмя своими книгами беспримерного для Бразилии успеха, мог по пальцам одной руки сосчитать положительные отзывы, напечатанные у него на родине на любую из них. Журналисты, которые не в силах были предоставить читателям внятное объяснение того, почему автор, записанный ими в безнадежные посредственности, имеет такой феноменальный успех, продолжали искать ответы наугад. Одни относили целиком и полностью на счет умелой рекламы рекорды, которые один за другим продолжал бить Коэльо, — но тотчас возникал резонный вопрос: если рецепт успеха так элементарен, почему им не воспользовались другие писатели, другие издатели? К Монике Антунес, после выхода «Валькирий» ненадолго оказавшейся в Бразилии, «Жорнал до Бразил» тоже обратился с неизбежным вопросом: «Чем вы объясняете успех Пауло Коэльо?» Моника в ответ произнесла пророческие слова:

— То, что мы наблюдаем сейчас, — только начальная стадия лихорадки.

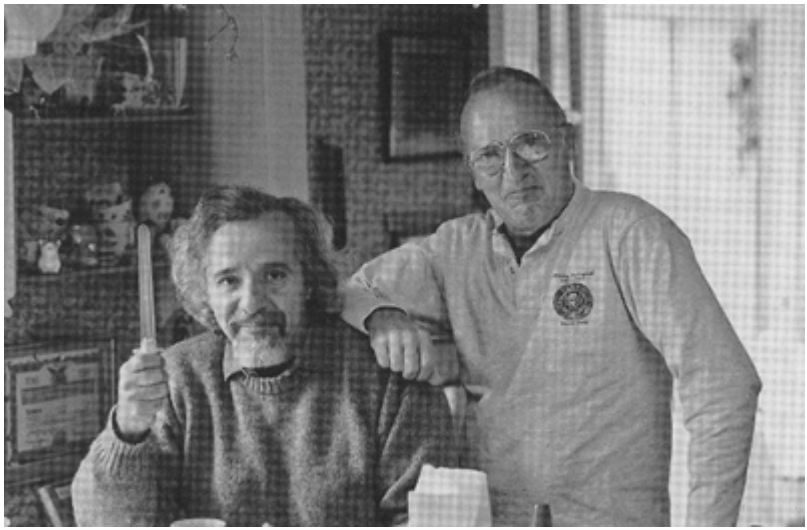
Другой неизменный аргумент — ссылка на низкий культурный уровень бразильцев, не приученных к чтению, — опровергался тем обстоятельством, что книги Пауло стали завоевывать себе место на книжном рынке Франции и Соединенных Штатов — стран, законодателей литературной моды. Издания в Америке стали появляться в конце 1990 года. Пауло в ту пору жил в гостинице «Холидей-Инн» в Кампинасе, городке, отстоящем на сто километров от Сан-Пауло, и готовился к дискуссии со студентами местного университета по поводу «Бриды», когда в его номере раздался телефонный звонок. На другом конце провода был 50-летний Алан Кларк, владелец «Джентльмен'з Фармер», маленького (всего на пять номеров) отеля, работающего по системе «bed and breakfast» из Вест-Барнстейбл, городишки в штате Массачусетс. Кларк, бегло говоривший по-португальски, объяснил, что на досуге подрабатывает переводчиком в суде, а прежде провел несколько лет в Бразилии по контракту с транснациональной корпорацией ITT (International Telephone&Telegraph), до конца 1980-х годов доминировавшей в сфере мировых телекоммуникаций по всей планете. И сообщил, что прочел «Дневник мага» и книга ему понравилась до такой степени, что он задумал ее перевести. Пауло хоть и понимал, что американский книжный рынок может предоставить ему огромные возможности, не пришел от этого предложения в восторг:

— Спасибо вам за ваш интерес, но в Соединенных Штатах мне нужен не переводчик, а издатель.

Кларка такой ответ нисколько не обескуражил:

— Я могу попробовать найти вам издателя.

Пауло, убежденный, что все это — не более чем пустые слова, согласился. Алан Кларк же, никогда прежде не имевший дела с художественной литературой, перевел 240 страниц «Дневника мага» и с рукописью подмышкой вышел, что называется, в «чисто поле». И лишь пройдя через бесчисленные и нескончаемые мытарства, двадцать два раза услышав слово «нет», наткнулся наконец на тех, кто заинтересовался. Овчинка стоила выделки, ибо переводом заинтересовалось ни больше ни меньше как издательство «Харпер Коллинз», крупнейшее в ту пору в США. Но лишь в 1992 году, когда в Бразилии вышли «Валькирии», оно выпустило в свет «Дневник мага», много позднее переименованный в «Паломничество». Проходили дни и недели, но становилось ясно: книга событием не стала. «Честно говоря, — признавался позднее сам автор, — книга не состоялась. Она прошла незамеченной критикой и не удостоилась внимания прессы».



Пауло с Аланом Кларком, своим переводчиком и первым литературным агентом в Соединенных Штатах

Неуспех, однако, не охладил пыл Кларка, агента и переводчика. Спустя несколько месяцев он доставил в издательство перевод «Алхимика» — и книга покорила всех экспертов, призванных дать свое заключение относительно того, выпускать ее на американский рынок или нет. Воодушевление «Харпер Коллинз» может быть оценено точными цифрами первого издания, составившего 50 тысяч экземпляров (за книгу в твердой обложке). Чутье не подвело руководителей издательства: через несколько недель «Алхимик» появился в списках бестселлеров, публикуемых крупнейшими газетами — «Лос-Анджелес таймс», «Сан-Франсиско кроникл» и «Чикаго трибьюн». Издание было дорогим, но имело такой успех, что уже два года спустя на рынке появилась книга в мягкой обложке.

Выход американского «Алхимика» открыл автору рынки, о которых он прежде и не мечтал, «Сидней морнинг геральд» объявил опубликованный в Австралии роман «книгой года» и назвал его «увлекательным повествованием, исполненным бесконечной философской прелести». Читатели, вероятно, были согласны с газетой, потому что всего через несколько недель после выхода «Алхимик» вошел в самый престижный список бестселлеров, составленный «Сидней морнинг геральд». Пауло, однако, метил еще выше. Он знал, что подлинное писательское признание приходит не из Нью-Йорка и Сиднея, а с другой стороны Атлантики. Как девять из десяти писателей, он мечтал, чтобы его издавали — и главное, читали — во Франции, на родине Виктора Гюго, Флобера и Бальзака.

В начале 1993 года, во время краткого пребывания в Испании, до Пауло докатилось первое эхо американского успеха: свои услуги ему предложила знаменитая Кармен Бальселльс. Владелица самого престижного литературного агентства в Европе, каталанская родоначальница этого бизнеса числила среди своих авторов Марио Варгаса Льосу и лауреата Нобелевской премии 1982 года Габриэля Гарсию Маркеса. Более того — в отличие от большинства литературных агентов (и Моники Антунес в их числе), бравших 15 процентов с итоговой суммы сделки, Кармен соглашалась работать всего за 10 процентов гонорара.

Предложение запало Пауло в душу. Его давно беспокоило, что и он, и Моника — люди неопытные в мировом книжном бизнесе. Они не знали ни издателей, ни книжных журналистов, и едва ли в обозримом будущем ситуация могла перемениться. Кроме того, Пауло опасался, что Моника загубит свою молодость на этой авантюре, длившейся уже четыре года без видимых результатов. «Я был просто обязан сказать ей, что она не сможет жить только тем, что будет зарабатывать в качестве моего международного литературного агента, — вспоминал писатель впоследствии. — Для этого за границей мои книги должны издаваться миллионными тиражами, а пока этого что-то не происходило». Наилучшим способом разрешить этот внутренний конфликт было открыть ей карты.

Снова и снова обдумав предложение, Пауло пригласил Монику выпить кофе в маленьком баре и сразу перешел к делу. Их диалог больше походил на раунд армрестлинга:

— Ты знаешь, кто такая Кармен Бальселльс?

— Знаю.

— Она прислала мне письмо, предлагая представлять мои интересы. Я вкладываюсь только в тех, в кого верю, но давай будем реалистами: если пойдем вместе, мы никуда не придем. Это дело требует опыта и навыка, а на кону стоит очень многое.

Моника не верила, казалось, своим ушам, но Пауло продолжал:

— Давай признаем — наша работа не принесла тех плодов, на которые мы рассчитывали. Ставка в этой игре — моя жизнь, однако я не хочу, чтобы и ты жертвовала своей ради достижения мечты — судя по всему, несбыточной…

Моника не перебивая, слушала его слова:

— Итак, как ты, здраво и реалистично оценив положение, отнесешься к тому, чтобы прекратить наше сотрудничество? Если отправляться к Кармен, делать это надо немедля. Я заплачу тебе за все эти годы работы… Но последнее слово — за тобой. Ты

положила на меня четыре года собственной жизни, и я не могу просто так прогнать тебя. Ты должна понять: и для тебя, и для меня будет лучше, если мы расстанемся. Ты согласна?

— Нет.

— Как «нет»? Я заплачу тебе за все то время, что ты мне посвятила, за все твои усилия и старания… Ведь мы с тобой даже не подписывали контракт, Моника.

— Это неважно. Если хочешь прогнать меня — твое право, но сама я просить отставку не собираюсь.

— Ты ведь сказала, что знаешь, кто такая Кармен Бальселльс. Что же, ты хочешь, чтобы я ответил ей отказом? Она собирается объявить о начале нашего сотрудничества во Франкфурте, развесив повсюду плакаты с моими книгами, а ты хочешь, чтобы я сказал ей «нет»?

— Нет. Я всего лишь говорю: хочешь уволить меня — увольняй. Ты вправе делать все, что захочешь. Но ты еще не договорился с Аланом Паркером насчет американских изданий. Я уверена, что справлюсь лучше, чем он.

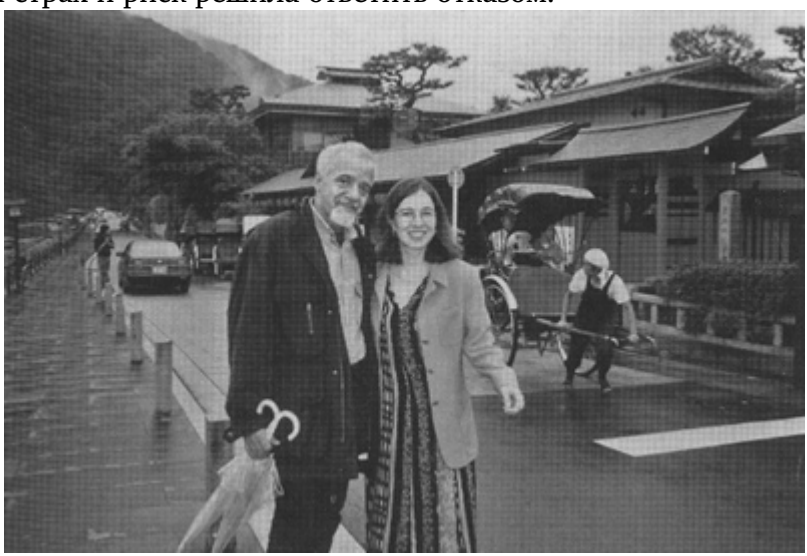
Убежденность, звучавшая в ее словах, заставила Пауло отступить. В долю секунды развеялись мечты о постерах, украшающих павильоны Франкфуртской ярмарки, о каталогах, где его имя будет значиться рядом с именами Варгаса Льосы и Гарсии Маркеса. Он только что променял просторные, элегантно обставленные кабинеты агентства Кармен, на проспекте Диагональ в центре Барселоны, — на агентство «Сан-Джорди Асосиадос», которое пока что целиком умещалось на деревянном стеллаже с несколькими бумажными папками в скромной квартирке Моники. В сентябре она набралась храбрости и приготовилась достойно принять первый грандиозный вызов — попытаться продать авторские права Пауло Коэльо на важнейшем ежегодном сборе книгоиздателей и литературных агентов, проходящем во Франкфурте.

Пауло дает интервью на Франкфуртской книжной ярмарке. Рядом с ним — Шико Буарке, один из немногих бразильцев, уделивших внимание этому мероприятию

25-летней Монике, не имевшей никакого опыта в этой сфере, было страшно принимать вызов в одиночку, и потому она взяла с собой подругу и тезку — Монику Морейра, дочь поэтессы Марли де Оливейра. Первым неприятным сюрпризом, ожидавшим ее во Франкфурте, было то, что в отелях не было ни единого свободного номера. Поскольку бразильянки не озаботились тем, чтобы забронировать номера заранее, ночевать им пришлось в молодежном пансионате, находившемся в соседнем городке. Те четверо суток, что продолжалась Франкфуртская ярмарка, Моника трудилась с истинно муравьиным усердием. Ни постеров, ни баннеров, обещанных Кармен, у нее не было — ее снаряжение состояло из скромного каталога, содержавшего краткую биографию Коэльо и список его изданий в Бразилии и за границей. С каталогом в руках она обходила стенд за стендом, стараясь назначить максимально возможное число встреч. Изнурительные усилия Моники были вознаграждены сторицей: к концу года она продала права на издание книг Пауло не менее чем на шестнадцати иностранных языках.

Первый контракт, заключенный ею во Франкфурте — с норвежской издательской фирмой «ЭксЛибрис», — магически преобразил и ее личную жизнь: спустя четыре года, в 1997-м, владелец компании Ойвинд Хаген и Моника решили пожениться. За несколько месяцев она договорилась о публикации «Дневника мага», «Алхимика» или обеих книг сразу не только с норвежцами, но и с издательствами из Австралии, Японии, Португалии,

Мексики, Румынии, Аргентины, Южной Кореи и Нидерландов. В 1993 году Коэльо попал в бразильскую «Книгу рекордов Гиннесса» по случаю того, что «Алхимик» 208 недель подряд оставался в списке бестселлеров, публикуемом журналом «Вежа». Однако из столь вожделенной ему Франции не доносилось ни звука. Моника разослала американскую версию «Алхимика» в несколько французских издательств, но ни одно из них не проявило интереса к безвестному бразильцу. Одним из тех, кто отклонил предложение, был Робер Лаффон, владелец престижного и респектабельного издательства, основанного во время Второй мировой войны. Безразличие, с которым там встретили «Алхимика», простерлось так далеко, что «профессиональное чтение», то есть внутреннюю рецензию — отзыв, от которого зависело, будет книга принята или отвергнута, — поручили некоей секретарше — единственному сотруднику издательства, знавшему португальский язык, и та на свой страх и риск решила ответить отказом.



С Моникой в Японии на презентации своих книг

Впрочем, похоже, судьбе было угодно, чтобы литературная будущность Пауло Коэльо во Франции все же определялась семейством Лаффон. В начале 1993 года дочь Робера, Анна, оставила должность его пресс-секретаря и открыла собственное издательство — маленькое «Эдисьон Анн Каррьер». Нет, это был не способ убить время и не хобби — Анна вместе с мужем Аленом вложили в это предприятие все свои сбережения, взяли кредит в банке, да еще одолжили денег у друзей и родственников. Новому издательству не исполнилось еще и трех месяцев от роду, как Брижитт Грегони, кузина и лучшая подруга Анны (и к тому же —

одна из инвесторов, вложивших средства в новый бизнес), позвонила ей из Барселоны, где проводила отпуск, и сообщила, что прочла испанский перевод «очаровательной книжки под названием „Алхимик“, которую сочинил никому не ведомый бразилец». Анна, не знавшая ни слова ни по-испански, ни по-португальски, поверила подруге на слово (благо вообще доверяла ее мнению) и попросила выяснить, принадлежат ли кому-нибудь права на издание этой книги во Франции. Брижитт отыскала Монику и та сообщила: как только в мае «Алхихмик» выйдет в Соединенных Штатах, ей немедленно будет выслан экземпляр.

Пауло и Анна Каррьер, его первая издательница во Франции. Для нее узнать о существовании автора было «бесконечной удачей», позволившей ей выпустить 8 миллионов экземпляров его книг

Прочитав английский перевод и получив представление о содержании романа, Анна тотчас приняла решение устремить всю свою недюжинную энергию на этот проект. Хотя по заключенному в августе договору аванс составлял всего 5 тысяч долларов, в виде некоторой компенсации для перевода «Алхимика» был призван один из виднейших мастеров — Жан Ореччиони, числивший в своем активе все произведения Жоржи Амаду. Крестная мать французского «Алхимика», Брижитт Грегони, к несчастью, не успела увидеть его триумф — в июле, еще до выхода книги, она скончалась от опухоли мозга. Спустя много лет Анна Каррьер посвятит ее памяти книгу воспоминаний «Бесконечный шанс: история одной дружбы», вышедшую в «Едисьон ла Табль Ронд», где рассказывает о своих отношениях с Пауло Коэльо и о скрытых

от постороннего взгляда подробностях беспримерного бума, устроенного во Франции латиноамериканским писателем.

Неспешный, как и во всем мире, производственный процесс завершился тем, что «Алхимик» вышел в свет в марте 1994 года — как раз в то время, когда Пауло в Бразилии готовил к печати свою пятую книгу «На берегу Рио-Пьедра села я и заплакала» или просто «Рио-Пьедра», как стали называть ее читатели. Перед Анной стояла проблема двойной сложности — как выпустить книгу неизвестного писателя в никому не ведомом издательстве? Как сделать так, чтобы взгляды книготорговцев задержались на этой книге, как выделить ее из тысяч других, постоянно появляющихся на рынке? Именно эти мысли заставили ее предварить тираж специальным изданием — напечатать за месяц до выхода «Алхимика» пятьсот нумерованных экземпляров и разослать их французским книготорговцам. Четвертая сторонка обложки содержала короткую аннотацию, написанную Анной собственноручно:

> Пауло Коэльо — бразильский автор, знаменитый во всей Латинской Америке. «Алхимик» рассказывает историю юного пастуха, который покидает родину и, следуя за своей мечтой, отправляется на поиски сокровищ, спрятанных у пирамид. В пустыне он поймет язык знамений, постигнет смысл жизни и — самое главное — научится слышать свое сердце. Он выполнит то, что ему суждено.

На корешке была напечатана фраза, уже использованная «Харпер Коллинз» в американском издании:

> «Алхимик» — это магическая книга. Прочесть ее — то же самое, что проснуться на заре и увидеть восход солнца, покуда весь остальной мир еще спит.

Если успех наполовину был гарантирован добрым отношением книготорговцев, то вторая половина зависела от критиков, и, можно сказать, Анне сказочно повезло. Мнение наиболее влиятельных французских СМИ, среди которых была и респектабельный «Нувель обсерватер» (который спустя несколько лет подвергнет автора суровой критике) было самым благожелательным, о чем свидетельствует в своей книге Анна Карьер:

> Пауло Коэльо, придавая сказочную форму своему роману, умиротворяет сердце человеческое и заставляет

с уважением относиться к миру вокруг нас. Эта завораживающая книга бросает в душу зерна здравого смысла и открывает сердце.

(Аннет Колетт Симар, «Журналь дю диманш»)

Достоинство ясности, вознесенное Пауло Коэльо на небывалую высоту, придает его книге прелесть свежего родника под сочной зеленью, который несет читателя, иногда даже и не сознающего это, к самому себе, к его таинственной и далекой душе.

(Кристиан Шаррьер, «Фигаро литтерер»)

Это — редкая книга, нежданно обретенное сокровище… Им надо наслаждаться не спеша, смакуя.

(Сильви Женевуа, «Экспресс»)

Эта книга творит добро.

(Даниэль Мазэнгарб, «Мадам Фигаро»)

Написанная простым и очень чистым языком, книга повествует о путешествии посвящаемого через пустыню, где на каждом шагу один знак сменяет другой, где вся тайна мира заключена в изумруде, где при всей ее летучей природе познается «душа мира», где ведется диалог с ветром и солнцем, — все это буквально завораживает.

(Анни Копперман, «Эко»)

(…) Наше предубеждение побеждено весельем этого рассказа. Это — большая редкость и бесценная удача в наше удушливое время, когда удается вдохнуть немного свежего воздуха.

(«Нувель обсерватер»)

Теперь надо было лишь ждать и пожинать плоды — и они не замедлили появиться. Скромные 4 тысяч экземпляров начального тиража исчезли с прилавков в течение нескольких дней, а в конце апреля, когда распродано было и следующее, 18-тысячное издание, «Алхимик» впервые появился в списке бестселлеров, опубликованном в еженедельнике «Ливр эбдо», посвященном

издательскому миру. Речь не шла об оглушительном успехе, и место «Алхимика» в рейтинге было двадцатое и последнее, однако Моника оказалась права: это было только начало. В мае «Алхимик» вышел на девятое место в самом значительном списке еженедельника «Экспресс» и пробыл там — трудно поверить! — 13 недель подряд. Книга имела успех во многих странах за пределами Бразилии, однако именно признание в США и во Франции превратило автора из латиноамериканской диковинки в феномен планетарного масштаба.

27
Бразильское правительство не включило Пауло Коэльо в делегацию писателей, отправляющуюся во Францию, но Ширак принял его с распростертыми объятиями

Если для человечества авторитет Пауло Коэльо, был уже непререкаем, то отношение к нему бразильской критики доказывало справедливость язвительного афоризма, пущенного композитором Томом Жобимом: «У нас в Бразилии чужой успех воспринимается как личное оскорбление — что-то вроде пощечины». Критики продолжали изощряться в колкостях. Успех французского «Алхимика» только подхлестнул их пыл. «Прежде мои недоброжелатели могли сделать клеветнический вывод о том, будто все бразильцы — ослы, раз они меня читают, — заявил Коэльо журналисту Наполеону Сабадо из „Эстадо де Сан-Пауло“. — Ныне, когда мои книги с успехом продаются за границей, трудно перенести это огульное высказывание и на всех остальных». Оказалось, что вовсе не трудно. Для критика Силвиано Сантьяго, доктора литературоведения из Сорбонны, то обстоятельство, что книги Коэльо стали бестселлерами в такой стране, как Франция, ровным счетом ничего не значило. «Пора прояснить природу успеха, которого он добился во Франции, — сказал он в журнале „Вежа“. — Широкая читающая публика в этой стране в массе своей столь же незатейлива и примитивна, как и во всякой другой». Некоторые критики даже не дали себе труда открыть книги Пауло, прежде чем осудить их. «Не читал, но мне не понравилось», — вынес свой вердикт Дави Арригуччи-младший, влиятельный критик и преподаватель литературы из университета Сан-Пауло. Тем временем зубодробительные отзывы не оказывали ни малейшего воздействия на бразильских читателей и еще менее — на иностранных. Скорее наоборот. Если судить по цифрам, армия поклонников Коэльо росла в той же пропорции, что и ярость критиков. Ситуация повторилась и в 1994 году, когда, кроме «Рио-Пьедры» вышел и 190-страничный «Мактуб» — собрание микроновелл, размышлений и притч, с 1993-го печатавшихся в «Фолья де Сан-Пауло».

Подобно тому как сюжет «Валькирий» был почерпнут автором

из собственной сорокадневной епитимьи в американской пустыне Мохаве, в «Рио-Пьедра» Пауло делится с читателями своим спиритуальным опытом, полученном на «Римском пути» — на юге Франции, где он странствовал вместе с Моникой Антунес. На 236 страницах автор описывает неделю из жизни Пилар, 29-летней студентки, которая учится в испанском городе Сарагоса и неожиданно встречает своего давнего возлюбленного — предмет отроческой страсти. Новая встреча происходит на лекции: ее читает этот человек, чье имя, как имена прочих персонажей (кроме рассказчицы) не называется. Ныне он учится в духовной семинарии и дал обет безбрачия, но по дороге из Мадрида в Лурд — в этом французском городе находится одна из главных святынь католического мира — признается Пилар в своей любви. Она и ее спутник, по мнению Пауло, воплощают в себе страх любви, страх полного растворения в ней — давний миф, преследующий человечество еще со времен грехопадения. На обратном пути в Сарагосу Пилар садится на берегу Рио-Пьедры (небольшой реки в ста километрах к югу от города) и проливает слезы, которые, соединившись с водами других рек, уносятся в океан.

«Рио-Пьедра», где центр тяжести смещен по сравнению с другими произведениями Коэльо от магических мотивов к ритуалам и символам католицизма, снискала неожиданные похвалы церковников (весьма лестно отозвался о ней, например, дон Пауло Эваристо Арне, кардинал-архиепископ Сан-Пауло), но нисколько не удивила критиков. Точно так же, как это случалось с пятью предыдущими книгами Коэльо, и «Мактуб», и «Рио-Пьедра» в газетах и журналах были ошельмованы. Жералдо Галван Ферраз из «Жорнал да Тарде» (Сан-Пауло) аттестовал последнюю как «невразумительную мешанину из мистицизма, религии и любовного романа, приправленную общими местами и населенную ходульными героями, большую часть времени произносящими высокопарные речи». «Женский лик Бога» также вызвал насмешки журналистов, одному из которых это теологическое новшество позволило назвать книгу «Пауло Коэльо для девочек». Журнал «Вежа» поручил расправу над «Мактубом» Диого Майнарди, в будущем — видному колумнисту. Он в весьма провокативном тоне иронизировал над выхваченными из контекста отрывками, а всю книгу уподоблял паре грязных носков, позабытых в машине:

> Честно говоря, весь этот вздор не заслуживал бы даже упоминания, будь Пауло Коэльо всего лишь шарлатаном, зарабатывающим на чужой глупости. Я никогда не стал бы тратить время, клеймя автора, если

бы он периодически выпускал в свет учебник эзотерических «ключей». Но дело обстоит совершенно иначе. На, последней книжной ярмарке во Франкфурте, посвященной Бразилии, Пауло Коэльо подавали как настоящего писателя, как законного представителя отечественной словесности. Это уж слишком. Сколь бы ни были плохи наши писатели, а все же получше будут, чем Пауло Коэльо. То, что он делает, вполне понятно. Только не надо даже пытаться выдавать себя за писателя. Ибо в Пауло Коэльо литературы столько же, сколько в моих ношеных носках.

Но как и прежде, эти отзывы не влияли на продажи книг Пауло Коэльо. Пронзенная критическими стрелами «Рио-Пьедра» побила рекорд «Валькирий», и в первый же день число проданных экземпляров достигло 70 тысяч. И «Мактуб» всего через несколько недель после выхода уже значился в списке бестселлеров. Разница была лишь в том, что жертва нападок на этот раз находилась за тысячи километров от Бразилии — Пауло вместе с Анной Каррьер колесил по Франции, участвуя в десятках встреч с читателями. Помимо огромного успеха, само присутствие Коэльо на Франкфуртской ярмарке 1994 года — первой в его жизни — с непреложной ясностью доказывало, что предвзятое отношение к его творчеству не было привилегией лишь бразильских критиков, — схожие чувства испытывали к нему и собратья по перу.

Несмотря на то, что пост министра культуры в кабинете президента занимал в ту пору старый друг Пауло дипломат Луис Роберто до Насименто-и-Силва, брат его бывшей возлюбленной Марии до Розарио. Представлять бразильскую словесность во Франкфурте, где Бразилия в тот год была почетной гостьей, министерство, взяв на себя все расходы, направило делегацию, состоявшую из 18 писателей. Пауло в состав этого каравана не включили. Если верить министру, критерием для отбора служила «популярность того или иного автора у немцев». Пауло в связи с этим отправился в Германию за счет издательства Рокко.

Чтобы отметить контракты Пауло с издательствами всего мира, Петер Эрд, в ту пору выпускавший его книги в Германии, устроил коктейль, на который пригласил всех присутствовавших на ярмарке издателей и, разумеется, бразильскую делегацию в полном составе. Многолюдное торжество можно было бы признать вполне удачным, если бы не одна деталь — на него демонстративно не явились все бразильские писатели, которые сочли такие почести, оказанные собрату по перу, крайне

оскорбительными для себя: помимо самого Коэльо, Кристины и Моники, присутствовали лишь двое соотечественников — романист из штата Минас-Жерайс Роберто Друммонд и баиянский поэт Вали Саломан. Из прочих членов делегации лишь у Шико Буарке хватило такта позвонить, поблагодарить за приглашение и с сожалением сообщить, что именно на это время назначена его пресс-конференция. В защиту и поддержку Пауло прозвучал и одинокий, но могучий голос Жоржи Амаду, которого не было в литераторском десанте: «Бразильские интеллектуалы нападают на Коэльо по одной-единственной причине, и причина эта — его успех», — трубно возгласил автор «Габриэлы» и «Доны Флор».

Но ничуть не ослабев после атаки критиков, лихорадка, названная британским журналом «Паблишинг ньюс» «коэльоманией», а французскими СМИ — «коэльизмом», в 1995 году, напротив, стала обретать масштабы пандемии. Пауло, к которому с просьбой предоставить права на экранизацию «Алхимика» обратился сначала француз Клод Лелуш, а затем и американец Квентин Тарантино (за несколько месяцев до этого получивший за свое «Криминальное чтиво» «Золотую Пальмовую ветвь» на Каннском фестивале), ответил обоим, что голливудский киноисполин «Уорнер Бразерс» оказался проворнее и уже приобрел права за 300 тысяч долларов (400 тысяч 2008 года). Кроме того, о своем намерении написать сценарий на основе «Валькирий» и снять по нему фильм сообщил журналистам не менее знаменитый кинорежиссер Роман Полански. В мае, когда Анна Каррьер готовила новое издание «Алхимика» с иллюстрациями Мёбиуса, издательница «Ашетт», самое громкое имя в мире европейского гламура и моды, владелица женского журнала «Elle», сообщила, что в этом году Большая премия журнала по литературе присуждается Пауло Коэльо. Подобный ажиотаж дал писателю право красоваться в разделе «Портрет» журнала «Лир» — библии французского читающего мира, — но истинными лаврами увенчал его октябрь. «Алхимик», 37 недель занимавший второе место в списке бестселлеров по версии «Экспресс», влиятельнейшего французского журнала, наконец вырвался вперед, оттеснив лидера — неоконченный роман гениального Альбера Камю «Первый человек». И вот, когда Коэльо опередил идола французской культуры и Нобелевского лауреата, двое критиков сравнили его «Алхимика» с другим культовым произведением — с «Маленьким принцем» Антуана де Сент-Экзюпери: «При чтении обоих произведений у меня возникали схожие чувства, — писал колумнист Фредерик Виту в журнале „Нувель обсерватер“. — Я был пленен этой искренней и свежей

душевной безыскусностью». Его коллега Эрик Дешо из еженедельника «Актюэль» придерживается того же мнения: «Не вижу в таком сопоставлении ничего кощунственного, ибо простота, прозрачность и чистота этой сказки невольно напоминают таинственную историю, поведанную Сент-Экзюпери».

Известие о том, что «Алхимик» занял верхнюю строчку в рейтинге «Экспресс», застало Пауло на Дальнем Востоке, где он вместе с Кристиной выполнял более чем обширную и насыщенную программу презентаций и встреч с читателями. В тот день, когда «поезд-пуля» мчал писателя с женой из Нагои в Токио, и за окном возникла заснеженная вершина священной горы Фудзиямы, Коэльо принял решение: вернувшись в Бразилию, он сменит издательство. На подобный шаг его побудило не какое-то знамение или тайный, одному ему внятный знак: нет, оно стало итогом долгих размышлений о том, как складываются его взаимоотношения с Рокко. Помимо прочего, они не сошлись в вопросе об системе распространения книг, альтернативной книготорговле: писатель отстаивал возможность продажи в газетных киосках и в супермаркетах, что удешевило бы стоимость книг и, значит, сделало бы их более доступными для читателей. Рокко предложил проанализировать такой вариант Фернандо Шиналье, опытнейшему дистрибьютеру газет и журналов, однако дальше этого дело не пошло. Автор провел переговоры с другими издательствами, и вот 15 февраля хорошо информированный обозреватель Зосимо Баррозо до Амарал заметкой, опубликованной в газете «Глобо», оповестил об окончании «одного из самых удачных литературных супружеств».

Прочие газеты подхватили сенсационное известие, и спустя несколько дней вся Бразилия уже знала, что Пауло Коэльо за 1 млн долларов (=1,3 млн 2008 года) поменял издательство Рокко на «Обжетиву». Эта невиданная по бразильским меркам сумма шла не прямо в руки автору, а делилась в пропорции, предусмотренной договорами с прежними издательствами: 55 процентов выплачивалось ему в виде аванса, а 45 — инвестировалось в рекламную кампанию его следующей книги «Пятая гора». Ставки, надо сказать, были высоки для Роберто Фейта, некогда экономиста, потом — журналиста-международника, корреспондента телекомпании «Реде-Глобо», пять лет назад взявшего в «Обжетиве» бразды правления. Только те 550 тысяч долларов, которые следовало выплатить Коэльо в виде аванса, «съедали» 15 процентов всего бюджета издательства, формируемого в основном за счет трех «тяжеловесов» — американцев Стивена Кинга, Гарольда Блума и Дэниела Големана. Специалисты, опрошенные прессой, были единодушны:

если «Пятая гора» повторит успех «Рио-Пьедра», «Обжетива» всего за несколько месяцев «отобьет» этот вложенный в Коэльо миллион. Переход к другому издателю не вызвал, судя по всему, недобрых чувств у Рокко: Пауло хоть и ушел в «Обжетиву», оставил ему весьма рентабельную коллекцию из семи книг, публиковавшихся у него с 1989 года. И в самом деле — не прошло и месяца после того, как было объявлено о смене издательства, а Пауло Рокко оказался среди гостей писателя, на празднике, который Коэльо по традиции устраивал у себя 19 марта, в день Святого Иакова.

Роман «Пятая гора», вдохновленный ветхозаветным сюжетом (3 книга Царств, 18:8-24), повествует о страданиях, сомнениях и духовных открытиях пророка Илии в ту пору, когда он пребывал в изгнании в финикийском (ныне ливанском) городе Сарепте. Этот город, населенный народом, весьма далеким от варварства и чрезвычайно способным к торговле, триста лет не знавший войны, готовился тогда к нашествию ассирийцев. Пророк Илия оказывается в эпицентре религиозного конфликта и перед немыслимо трудным выбором — навлечь на себя ярость людей или гнев Господа, чью волю вынужден нарушить. В прологе Пауло в очередной раз обнаруживает, как тесно переплетаются пережитые им испытания с тематикой его произведений. Признаваясь, что, кажется, научился наконец понимать и принимать неизбежное, он вспоминает свое увольнение из корпорации «Си-би-эс», случившееся шестнадцать лет назад и положившее конец его успешной служебной деятельности:

> Дописывая «Пятую гору», я вспомнил этот эпизод — и другие проявления неизбежного в моей жизни. Всякий раз, когда я чувствовал, что целиком и полностью контролирую ситуацию, происходило нечто такое, что сбрасывало меня вниз. Я спрашивал себя: «За что?» Неужели я обречен вечно приближаться к заветной черте, но так никогда и не переступить ее? Неужели Господь так жестокосерд, что, позволяя мне уже различать на горизонте пальмы оазиса, делает это для того лишь, чтобы уморить меня жаждой среди пустыни? Прошло немало времени, прежде чем я понял: это не тик. Есть такое, что высшие силы посылают нам, чтобы перенаправить нас на истинный путь, на Свою Стезю. Есть и такое, что происходит ради того, чтобы мы могли применить на деле все, чему научились. И в конце концов чему-то мы все же научаемся.

Книга была уже готова к сдаче в «Обжетиву», когда Пауло в

своих изысканиях наткнулся на новые, хоть и отрывочные сведения о жизни Илии Пророка, не содержащиеся в канонических текстах Ветхого Завета — и речь там шла как раз о периоде его финикийского изгнания, то есть о времени, выбранном автором для исторического фона «Пятой горы». Открытие обрадовало Пауло, но заставило переработать всю книгу, которая в итоге вышла в свет лишь в августе 1996 года, во время 14-го Книжного биеннале в Сан-Пауло. Ее выходу предшествовала беспримерная по размаху рекламная кампания, проводимая агентством Salles/DMB&B, владельцу которого Мауро Саллесу, старому другу Пауло и его неформальному консультанту по вопросам маркетинга, и была посвящена книга. Кампания включала в себя полосные анонсы в четырех ведущих газетах Бразилии («Жорнал до Бразил», «Фолья де Сан-Пауло», «Эстадо де Сан-Пауло» и «Глобо») и в журналах «Вежа-Рио», «Вежа-СП», «Карас», «Клаудия» и «Контиго»; 350 плакатов на автобусах в Рио-де-Жанейро и Сан-Пауло; 80 рекламных щитов в Рио, баннеры, афиши и растяжки в местах продаж Вдохновленный примером Анны Каррьер, чей креатив так эффективно сработал во Франции при выпуске «Алхимика», Пауло предложил своему новому издателю последовать ее примеру и подготовить специальное издание ограниченного количества экземпляров книги, пронумерованных и снабженным автографом автора, которые будут распространяться по всей стране через 400 книжных магазинов за неделю до начала основных продаж Чтобы избежать каверз со стороны прессы, каждый «привилегированный» давал письменное обязательство до выхода книги массовым тиражом никому не рассказывать историю Илии Пророка.

Результаты оказались прямо пропорциональны усилиям, потраченным на их достижение. Менее чем за сутки разошлись 80 тысяч экземпляров из стотысячного первого тиража. Еще 11 тысяч — в течение недели на Биеннале, где Пауло ждали бесконечные вереницы читателей, жаждавших получить автографы, которые он раздавал десять часов без перерыва. «Пятой горе» не исполнилось еще и двух месяцев, а цифры продаж уже превысили 120 тысяч экземпляров, что означало: 550 тысяч долларов, выплаченных автору, уже вернулись в кассу издательства, и та же судьба ждала оставшуюся часть гонорара.

По отношению к «Пятой горе» критика вела себя более кротко и благожелательно. «Предоставим колдунам решать, маг Пауло Коэльо или шарлатан, нас это мало волнует, — писала „Фолья де Сан-Пауло“. — Дело в том, что он рассказывает вполне удобоваримые истории и, не кичась своей литературной

мускулатурой, увлекает читателей на десятках языков». Главный конкурент этой газеты, «Эстадо де Сан-Пауло», поместил статью весьма взыскательного критика и беллетриста Жозе Кастелло, который не поскупился на похвалы новой книге. «Суховато-лаконичный стиль изложения доказывает, что перо автора стало острее, точнее и тверже, — утверждал он. — Нравятся вам книги Пауло Коэльо или нет, но он все еще — жертва предрассудков, порожденных застарелой ненавистью, которая, будучи перенесена когда-то на религиозную почву, залила планету кровью». За неделю до выхода книги даже брюзгливый журнал «Вежа», вынужденный смириться с очевидным фактом, посвятил Пауло пространный и сочувственный репортаж, озаглавленный «Улыбка мага», а затем поместил фрагмент из книги. Впрочем, дабы не утратить навыка, журнал разбавил поток похвал заявлением, сводящим творчество Пауло Коэльо к тому, что было названо «наивные истории, по философской глубине своего месседжа сопоставимые с фильмами из серии „Малыш-каратист“».

Однако едва появилась следующая — «Книга воина света» — критика набросилась на нее с удвоенным рвением. Это была первая книга Коэльо, вышедшая сначала за границей, а потом уже в Бразилии. Она родилась благодаря итальянской издательнице Элизабете Сгарби из Бомпиани. Воодушевленная успехом, который Пауло снискал у нее на родине («Рио-Пьедра» как раз к тому времени опередила по рейтингу «Остров накануне», роман прославленного Умберто Эко), издательница связалась с Моникой, чтобы узнать, нет ли у Пауло чего-нибудь неопубликованного для составленной ею серии «Ассаджи» («Пробы»), Коэльо же уже давно вынашивал идею объединить в одной книге размышления и заметки, которые делал на протяжении многих лет, — так что предложение поступило очень своевременно. Кое-что из этих микроновелл печаталось в «Фолья де Сан-Пауло», и объем, предписанный газетным колонкам, определил формат главок будущей книги. Метафорические, оснащенные средневековой религиозной символикой истории раскрывали читателям «Книги воина света» то, что Коэльо переживал на протяжении своего жизненного пути, названного им «процессом духовного возмужания». Для него степень взаимопроникновения автора и его работы была такова, что «Книга…» превратилась в ключ к пониманию его вселенной — «не столько магической, сколько идеологической», как предупреждал он. «„Книга воина света“ для меня столь же важна, как для Мао Цзэдуна „Красная книжечка“, а для Каддафи — „Зеленая“». Помимо журнальных колонок, выражение «воин света», обозначающее личность, которая неуклонно стремится к своей

цели вопреки любым трудностям и препонам, встречается также и в других книгах Пауло — в «Алхимике», «Рио-Пьедра», «Валькириях». А если еще остаются сомнения относительно того, что означает это понятие, их призван рассеять недавно созданный сайт Коэльо в интернете:

> Эта книга объединяет серию текстов, призванных напомнить, что в каждом из нас живет воин света. Каждый способен услышать безмолвие своего сердца, признать поражения, не отступив перед ними, сохранить надежду в период упадка и усталости.

Выход «Книги…» в Бразилии был предварен ее итальянской премьерой, прошедшей с большим успехом, однако это не произвело на критиков никакого впечатления. Даже «Фолья де Сан-Пауло», печатавшая прежде миниглавки, устами молодого журналиста и одного из своих редакторов Фернандо Барроса-и-Силвы высказалась о новинке как о «последней мистической судороге, пробившей самую феноменальную личность нашего издательского мира», а затем в первых же строках отказала Коэльо в праве называться писателем:

> Пауло Коэльо — не писатель. Даже не плохой писатель. Неверно было бы относить то, что он делает, к сфере сублитературы. Это было бы чересчур лестно для него. Он гораздо ближе к Эдиру Маседо, «епископу»-руководителю Вселенской церкви Царства Божьего, чем к Сидни Шелдону. (…) Охарактеризовав таким, образом автора, перейдем непосредственно к произведению. Нового там нет ничего. Секрет прост: выстроить в ряд прописные истины так, чтобы читатель сам выбрал то, что ему больше подходит. Расплывчатая метафоричность, туманная метафизичностъ и прочие дымки способны сказать все что угодно именно потому, что не говорят ничего. (…) В эту неизменно срабатывающую формулу можно подставить любые клише — экологически чистые и идиллически безмятежные пейзажи, аллюзии на нескончаемые битвы между Добром и Злом, беглые упоминания о чувстве вины и христианском смирении — и все это, изложенное бесцветным и плоским языком, кажется делом рук восьмилетнего ребенка, а в качестве «целевой аудитории» предполагаются люди с той же степенью умственной и душевной зрелости. При самом бережном и внимательном чтении Пауло Коэльо каждое

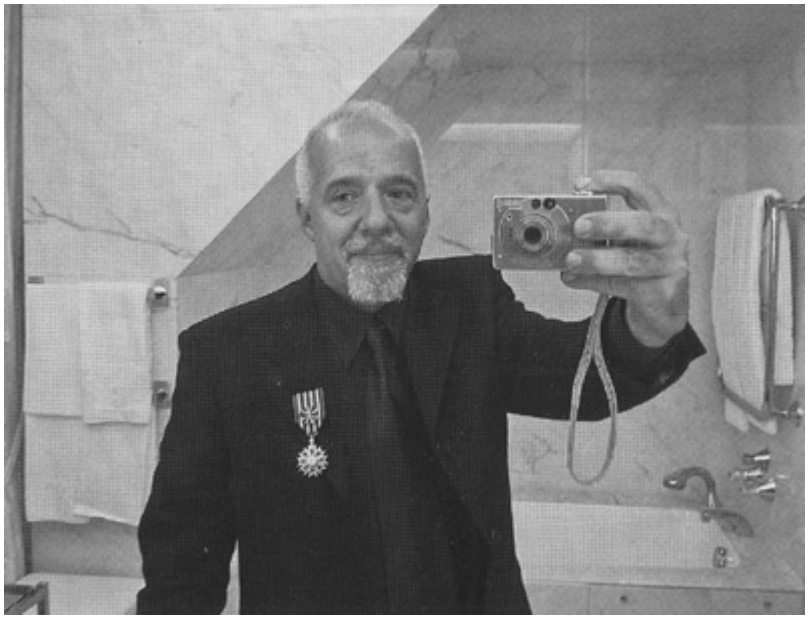
последующее произведение представляется глупее и бездарнее предыдущего.

Для Коэльо подобные заявления лишь подтверждали, что между отношением критиков и поведением читателей существует глубокая, зияющая пропасть. Как повелось с его первой книги и повторялось со всеми последующими, «Книга воина света», подвергшаяся саркастическим разборам, подобным вышеприведенному, уже через несколько дней появилась в списке бестселлеров не только в газете, редактируемой Барросом-и-Силвой, но и во всех рейтингах, публикуемых бразильской прессой. Вслед за тем Пауло удалось то, что еще не удавалось ни одному из бразильских писателей, — одна и та же книга возглавляла список бестселлеров и в категории «художественная литература» (в данном случае — по версии газеты «Глобо»), и по разряду «нон-фикшн» («Жорнал до Бразил»), В остальном мире дело обстояло примерно так же: «Книга воина света», переведенная на 29 языков, в Италии разошлась миллионным тиражом, сделавшись после «Алхимика» и «Одиннадцати минут» самым большим успехом Коэльо, — и даже десять лет спустя переиздается в среднем по 100 тысяч экземпляров в год. Популярность ее в Италии достигла такой степени, что в конце 1997 года Донателла Версаче, сестра и наследница великого модельера, скончавшегося за год до этого, объявила, что именно это творение Коэльо послужило источником вдохновения для работы над коллекцией «весна-лето 1998 года». Во Франции объем продаж «Алхимика» достиг 2 млн экземпляров, «Рио-Пьедры» — 240 тысяч, и этот успех побудил Анну Каррьер приобрести за 150 тысяч долларов права на перевод и публикацию «Пятой горы». За несколько месяцев до выхода книги Пауло с радостным волнением узнал, что французское правительство наградило его орденом «За заслуги в области наук и искусств». На церемонии вручения министр иностранных дел Филипп Дуст-Блази назвал Коэльо «алхимиком слова, приносящим радость миллионам читателей». «Ваши книги творят добро, ибо стимулируют нашу способность мечтать, наше желание искать и верить в самих себя в ходе этого поиска».

Впрочем, многие бразильцы продолжали морщить нос при виде того, как расстилают красную ковровую дорожку под ноги их соотечественнику, где бы тот ни появлялся. Подобное отношение в очередной раз ярко проявилось в начале 1998 года, когда было объявлено, что с 19 по 25 марта Бразилия будет почетной гостьей на 18-м Международном книжном салоне в Париже. Министр культуры Бразилии Франсиско Уэффорт

поручил президенту Национальной библиотеки академику Эдуардо Портеле сформировать делегацию писателей, которые будут принимать участие в торжествах по приглашению бразильского правительства. Утряски и согласования длились несколько недель, а когда до отъезда оставалось десять дней, в СМИ появился список тех пятидесяти счастливцев, что проведут за казенный счет неделю блаженного ничегонеделанья в Париже. Как и четыре года назад, перед Франкфуртом, имя Пауло Коэльо в этом списке не значилось. Правительство совершило по отношению к писателю, который поддерживал его, тем более бессмысленный демарш, что Пауло больше не нуждался в официальных приглашениях, чтобы участвовать в подобных церемониях. Прилетев в Париж по приглашению своей издательницы, он в день открытия Салона устроил автограф-сессию по случаю выхода французской версии «Пятой горы», выпущенной тиражом 250 тысяч экземпляров — вовсе не чрезмерным для человека, чьи книги выходили в этой стране тиражом пятимиллионным. Коэльо оказался в Париже на неделю раньше бразильской делегации и начал настоящий марафон интервью, пресс-конференций и выступлений на шести разных каналах французского телевидения. И наконец вечером 19 марта, под оглушительные звуки настоящей батукады, президент Жак Ширак и Рут Кардозо, «первая леди» Бразилии, представлявшая здесь своего мужа. Фернандо Энрике, перерезали ленточку, открыли Салон и в окружении толпы репортеров и охранников двинулись по залам «Пари-Экспо», где разворачивалось действо. На глазах у растерянных бразильцев Ширак вдруг отделился от своей свиты, подошел к стенду издательства Анны Каррьер, поздоровался с хозяйкой и, широко улыбаясь, заключил в горячие объятия Пауло Коэльо — единственного, как потом выяснилось, бразильского писателя, которого читал и которого через два года наградит орденом Почетного легиона — отличием, которого в недалеком прошлом были удостоены международные знаменитости вроде Уинстона Черчилля и Джона Ф. Кеннеди, а из бразильцев — авиатор Сантос-Дюмон, футболист Пеле и архитектор Оскар Нимейер. Прежде чем продолжить путь, Ширак полушутя заметил Анне Каррьер:

— Вы, должно быть, недурно заработали на книгах мсье Коэльо. Примите мои поздравления!



Одиночество триумфатора: Пауло, получив орден Почетного легиона, заперся в ванной отеля и запечатлел свою радость от получения высокой награды

Под взглядом бразильской «первой леди», Рут Кардозо, президент Франции Жак Ширак остановился, чтобы приветствовать Пауло, к которому официальная бразильская делегация отнеслась с пренебрежением

В открытом для широкой публики на следующий день «Париэкспо» был поставлен еще один рекорд. Впервые с тех пор, как в 1970 году основали Салоны, автор подписывал свои книги семь часов кряду, делая краткие промежутки, чтобы выкурить очередную сигарету или выйти в туалет. И все же самое блистательное завершение «парижского сезона» сумела осуществить Анна Каррьер: за несколько дней до окончания выставки она сняла «Карусель дю Лувр», фешенебельную эксклюзивную галерею над знаменитым парижским музеем, где обычно устраивались показы мод знаменитых французских кутюрье. Пауло дал там банкет на шестьсот персон — изысканный ужин с лучшими сортами шампанского — для книготорговцев, издателей, журналистов и интеллектуальных звезд, настояв при этом, чтобы каждому из членов бразильской делегации в награду — или в отместку — за их спесь доставили в отель персональное приглашение на ужин. Один из них — писатель Зуэнир Вентура, только что выпустивший книгу с красноречивым названием «Зависть», вспоминает, как был озабочен Пауло тем, чтобы к бразильцам отнеслись с особым вниманием:

— Сам он не ужинал, а присаживался то за один, то за другой столик с гостями, стараясь, чтобы никто не чувствовал себя обойденным. Хотя в то время у его ног было все мало-мальски значительное в литературном мире, Пауло оставался в точности таким же, как всегда. Когда он подсел ко мне, то принялся расспрашивать, как идет моя «Зависть», получил ли я предложения перевести ее на иностранные языки и чем он мог бы посодействовать…

…Попросив музыкантов сделать паузу, чтобы произнести тост, Пауло поднялся с бокалом в руке и на хорошем французском поблагодарил присутствующих, рассыпался в похвалах соотечественникам и добавил под конец:

— Я хочу, чтобы этот праздничный вечер превратился в чествование самого выдающегося из всех бразильских писателей, моего дорогого друга Жоржи Амаду, и предлагаю всем выпить за его здоровье.

Под звуки вновь грянувшей бразильской музыки шестьсот гостей превратили торжественные мраморные залы «Карусель» в дискотеку. Самба продолжалась до рассвета. По возвращении в отель каждого ожидал еще один сюрприз: специально отпечатанный по этому случаю экземпляр «Пятой горы», вложенный в бархатный футляр, с факсимильной надписью по-французски: «Упорство и спонтанность — вот парадоксальные

условия для того, чтобы пройти Своей Стезей» — и автографом Коэльо. Когда Пауло три недели спустя садился в самолет, вылетавший в Бразилию, во Франции уже было распродано 200 тысяч экземпляров «Пятой горы».

Прочно и комфортно чувствуя себя среди писателей, книги которых являются лидерами продаж во всем мире, Пауло Коэльо стал предметом пристального интереса некоего иного, не журналистского универсума. Одним из первых обратил внимание на его работы профессор Марио Маэстри из Университета Пассо Фундо (штат Рио-Гранде-до-Сул), автор исследования, в котором признал, что творчество Коэльо «по праву принадлежит к национальному литературно-беллетристическому корпусу». Впрочем, судя по книге «Почему Пауло Коэльо имеет успех?», выпущенной шесть лет спустя, в 1999-м, Маэстри, похоже, подхватил от литературных критиков вирус злобного предубеждения:

> Ранняя проза Пауло Коэльо, пересыпанная афоризмами и сентенциями, рассказывающая незамысловатые истории, полные клише и общих мест, несет также еще одну важную функцию: она позволяет читателям, деморализованным убогой повседневностью, мечтать о стремительном и волшебном обретении счастья. Эзотерика, осовремененная, но все равно дряхлая, предлагает легкие и доступные формы воздействия на самих себя и социальный мир — прежде всего в поисках материального благополучия и личного счастья. Речь идет о магическом пути к умопостигаемой вселенной общества потребления.

С течением времени подтвердилось, что статьи «ученых людей», множившиеся по всей стране, за немногим исключением, повторяли придирчиво-недоброжелательную критику журналистов. Порою это становилось особенно заметно, как, например, в репортаже, опубликованном в «Жорнал до Бразил» в 1998 году. В нем газета повествовала о том, каким, можно сказать, гонениям подверглась преподавательница Отасилия Родригес де Фрейтас из университета Сан-Пауло на защите своей докторской диссертации, озаглавленной «Бестселлер на взгляд читателя: „Алхимик“ Пауло Коэльо», которую ее коллеги сочли сочувственной по отношению к предмету исследования. Отасилия в негодовании рассказала корреспонденту «Жорнал до Бразил», что коллеги не то что намекали, а прямо утверждали, что ее работа «проплачена Коэльо», а сама диссертантка была его любовницей.

Но Пауло, не обращая внимания на все то, что профессора и магистры уже сказали или могли сказать по поводу его творчества, готовился в очередной раз погрузиться в то столпотворение, каким уже десять лет, начиная с «Алхимика», сопровождался выход каждой его новой книги. Разница заключалась лишь в том, что «Вероника решает умереть» стала первым его произведением, оставшимся практически без внимания критики. Действие романа разворачивается в Словении — одной из стран, на которые распалась некогда единая Югославия — имея на заднем плане историю любви сына дипломата Эдуарда и заглавной героини, ныне, после попытки самоубийства, помещенной родителями в психиатрическую больницу, где ее подвергают бесчеловечному лечению электрошоком. Гораздо сильнее, чем достоинства фабулы, действовали на читателей откровения автора, впервые решившегося рассказать о том, как в середине 1960-х годов он был трижды госпитализирован в клинику доктора Эйраса в Рио-де-Жанейро. Сделав свои юношеские и столь драматические переживания достоянием гласности, Пауло тем самым нарушил клятву — рассказать об этом лишь после того, как родителей не будет на свете. Мать умерла за пять лет до этого, в 1993 году, от осложнений, вызванных болезнью Альцгеймера, и сын, находившийся в то время в Канаде, где шла презентация «Алхимика», не поспевал прилететь в Бразилию на ее похороны. Впрочем, энергичный дон Педро был не только жив, но и, как сказано про героя, которому он послужил прототипом, «пребывал в полном здравии и расцвете умственных способностей». «Вероника решает умереть» без недомолвок и околичностей рассказывает, какому насилию подвергался автор со стороны здравствующего отца и покойной матери. «Вероника — это Пауло Коэльо», — мог услышать каждый, имеющий уши.

А сам автор, всегда добивающийся, чтобы его книги были как можно более доступны для читателей, решил на этот раз изменить тактику выпуска новинки. Издательство «Обжетива» по настоянию Коэльо вдвое сократило расходы на рекламу «Пятой горы», и эта мера позволила урезать цену на экземпляр в твердой обложке на 25 %. Следующим шагом к популяризации его произведений стал контракт с сетью супермаркетов «Каррефур», включившей «Веронику…» в пакет своих предложений к празднику «Дня нации». Появление книги совпало с развернувшимися в стране ожесточенными дебатами по поводу тех жестокостей, с которыми было сопряжено лечение душевнобольных в государственных и частных клиниках. Сенат обсуждал принятие законопроекта о преобразовании системы

психиатрической помощи — с тем, чтобы изменить фактически тюремный режим содержания людей с умственными отклонениями, — ив качестве аргументов на пленарном заседании зачитывали отрывки из «Вероники…». В день голосования по законопроекту сенатор Эдуардо Суплиси с трибуны прочел письмо Пауло Коэльо, горячо поддержавшего предполагаемые изменения. «Я сам в прошлом становился жертвой „карательной психиатрии“ и трижды — в 1965-м, 1966-м и 1967 годах — оказывался безо всяких на то оснований — в лечебном учреждении закрытого типа, а потому считаю принятие нового закона не только уместным, но и безотлагательно необходимым». К этому письму были приложены заметки Пауло об этих трех госпитализациях. Разоблачения, содержавшиеся в «Веронике…», имели широкий международный резонанс — через два года Пауло был приглашен принять участие в Международном трибунале Рассела по психиатрии, созданном Европарламентом.

История, рассказанная в «Веронике…», имела продолжение и в 2003 году, когда Пауло был одним из докладчиков на семинаре «Защита прав лиц с умственными расстройствами», организованном Комитетом по правам человека при Евросоюзе. Сама книга побила все: рекорды, поставленные самим Коэльо. Единственное отличие заключалось лишь в том, что СМИ отнеслись к роману с большим почтением. Тронутые, быть может, теми разоблачениями, что содержались в книге, газеты и журналы вместо критического разбора текста посвящали целые страницы описанию трех госпитализаций автора. Исключение составил лишь друг Коэльо, писатель Марсело Рубен Пайва. Призванный «Фолья де Сан-Пауло» отрецензировать «Веронику…», он сделал это в весьма иронических тонах и даже предложил внести в текст кое-какие изменения:

> Но что это? Кому я читаю нотации? Писателю, который продает свои книги миллионными тиражами, получает по всему миру награды и премии?!

Да, вот именно: если судить по цифрам продаж, премиям и чествованием, шедшим беспрерывной чередой, читатели по-прежнему принимали Коэльо таким, каков он есть. Вскоре после выхода «Вероники…» Денис де Мораэс, журналист и университетский преподаватель из города Нитероя (штат Рио-де-Жанейро) написал статью под названием «Большая четверка». Речь в ней шла о Великой четверке чемпионов мира по продажам — американцах Стивене Кинге, Майкле Кричтоне, Джоне Гришэме и Томе Клэнси. Мораэс, рассматривая программу Коэльо

на 1998 год, показывает, что бразилец одной ногой уже шагнул в этот клуб планетарных знаменитостей.

Выступал на Всемирном экономическом форуме в Давосе с речью о духовности.

Получил аудиенцию в Ватикане и благословение папы римского Иоанна Павла II.

Поставил рекорд продолжительности автограф-сессии на 18-м Международном книжном салоне в Париже, где была выставлена его книга «Пятая гора», тираж которой превысил 300 тысяч экземпляров.

Наговорил закадровый текст для документального фильма «Феномен», посвященного его жизни (совместное производство Канады, Франции и США).

Фирма Джанни Версаче продемонстрировала коллекцию одежды 1998/1999 года, вдохновленную его «Книгой воина света».

Провел восемь дней в Великобритании, представляя читателям «Пятую гору».

По возвращении в Рио-де-Жанейро в мае дал интервью для канадского телевидения (TV5) и английских газет «Санди таймс» и «Гардиан».

С августа по октябрь выполнял ранее принятые обязательства в Новой Зеландии, Австралии, Японии, Израиле и Югославии.

Вернулся в Рио-де-Жанейро и дал интервью французскому и германскому телевидению, после чего совершил поездку по странам Центральной Европы (Польша, Чехия, Словакия, Словения, Болгария).

Перед возвращением в Бразилию в канун Нового года побывал в Финляндии и России.

Голливуд намерен экранизировать четыре его романа.

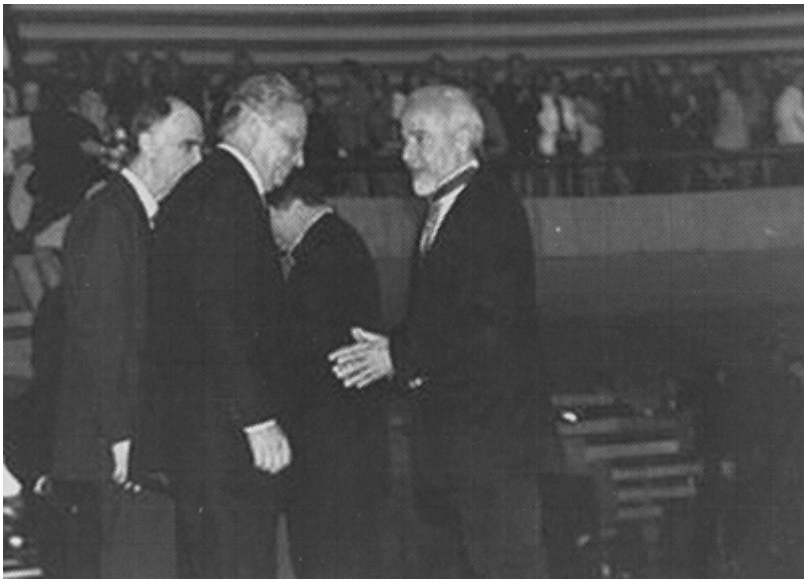
Французская актриса Изабель Аджани оспаривает у американки Джулии Робертс право сыграть главную роль в фильме по его роману «На берегу Рио-Пьедра села я и заплакала».

«Аренас груп», связанная с корпорацией «Сони энтертейнмент», планирует экранизировать «Валькирии», кинокомпания «Вирджин» — «Дневник мага».

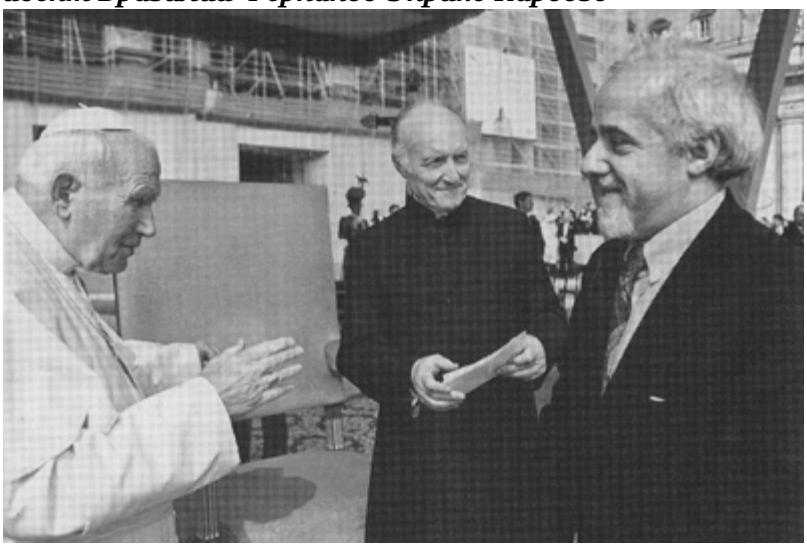
Президент Бразилии Фернандо Кардозо наградил его Орденом Рио-Бранко.

Назначен специальным советником ООН по программе «Духовная конвергенция и межкультурный

диалог».



Мировой знаменитости Пауло Коэльо вручает награду президент Бразилии Фернандо Энрике Кардозо



На аудиенции у папы римского Иоанна Павла II

Эта лихорадочная активность была прервана только в 2000 году, когда Пауло поставил точку в своей новой книге «Дьявол и сеньорита Прим». Хотя ее путь к читателям в точности повторял все предшествующие, имелись и некоторые особенности. Прежде всего автор решил не трогаться из дому ради международной «раскрутки» (книга одновременно выходила и в Бразилии, и за границей): он предпочел принять журналистов в своей новой

огромной квартире, занимавшей целый этаж в доме на Копакабане, откуда открывался удивительный вид на знаменитый бразильский пляж Идея устроить международное паломничество журналистов родилась несколькими неделями раньше, когда американская компания Си-эн-эн записала с ним длинное интервью, которое демонстрировалось в 230 странах мира.

Затем в Рио по приглашению агентства Моники Антунес начали прибывать бригады пишущих и снимающих журналистов из Германии, Аргентины, Боливии, Чили, Колумбии, Эквадора, Испании, Франции, Греции, Англии, Италии, Мексики, Португалии, Чехии — многие из них воспользовались поездкой в Бразилию, чтобы сделать репортаж о Рио-де-Жанейро. «В газетах и журналах рекламу городу сделали такую, — комментирует Моника Антунес, — что, будь она платной, префектуре Рио-де-Жанейро пришлось бы раскошелиться». Другой особенностью «Дьявола и сеньориты Прим» был выбор места для презентации книги. Пауло предпочел устроить празднество в столетних стенах Бразильской академии литературы. Не требовалось особой проницательности, чтобы верно истолковать этот выбор: Пауло Коэльо, один из тех, кого нещадно поносила и ругала отечественная критика, дерзнул предъявить права на место на Олимпе бразильской литературы.

28
Моджахеды Бен-Ладена и американские морские пехотинцы сходятся во вкусах — те и другие любят книги Пауло Коэльо

На переломе тысячелетия Пауло собирался опубликовать вовсе не «Дьявола и сеньориту Прим». Он написал роман, в центре которого был секс. С новым сочинением ознакомились Моника Антунес и человек, с которым у Пауло недавно завязались дружески-доверительные отношения — богослов и бывший предприниматель Шико Кастро Силва. Роман не прошел экспертизу жены, снова, как и в отношении книги о сатанизме, не поставившей на нем гриф: «Печатать дозволяется». Пауло не впервые попытался пойти по этому пути. В самом конце 1980-х, вскоре после выхода «Алхимика» в Бразилии, он решился написать книгу, трактовавшую проблему секса с невиданной еще в бразильской литературе откровенностью и прямотой. Стостраничное сочинение, созданное в течение двух месяцев (с января по март 1989 года) и носившее условное название «Магия секса», или «Божья слава», или просто «Разговоры с Д.», было посвящено истории некоего человека, измученного сомнениями относительно природы своей сексуальности. Он способен быть состоятельным как мужчина лишь с собственной женой, а в своих кошмарах видит, как несколько человек жестоко насилуют его мать и потом мочатся на нее. Сорокалетнего Д. терзает не столько этот кошмар сам по себе, сколько то наслаждение, которое он испытывает, наблюдая жуткую сцену. Запутавшийся, сбитый с толку, переставший отличать сон от яви, Д. рассказывает о своих проблемах другу — от его лица и ведется повествование. Они встречаются каждый вечер, пьют пиво. Давая выход своим страхам, подавленным желаниям и затаенным влечениям, Д. в конце концов признается, что, хотя он и не гомосексуалист, но сладострастно воображает, как его насилуют мужчины («я получаю удовольствие, представляя, как униженно и покорно становлюсь объектом чужого наслаждения»). Книга окончена не была — и остается непонятным, какая судьба была уготована центральному персонажу, чья история порой явно соотносится с чертами биографии и личности самого Пауло. «Разговоры с Д.» никогда никем не были прочитаны, ибо заняли

свое место в сундучке с дневниками, по воле автора подлежащими сожжению после его смерти.

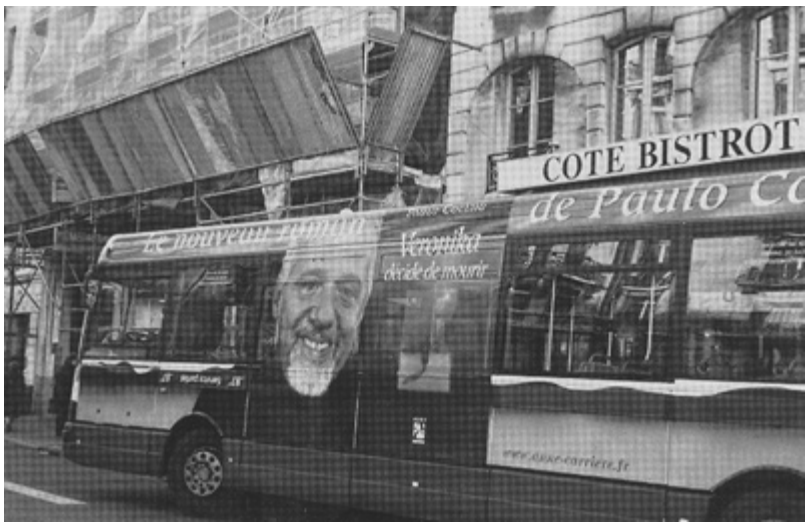
А замысел романа «Дьявол и сеньорита Прим», возник у Пауло после того, как он побывал во французском городке Вискос, на границе с Испанией. Фонтан на главной площади был украшен любопытной скульптурной композицией: струя вода, бьющая из солнца, попадала прямо в разинутый рот лягушки. Сколько ни спрашивал Пауло местных жителей о смысле этой скульптурной группы, никто не смог просветить на этот счет заезжего чужестранца. Однако изваяния крепко засели у него в памяти, пока он не решил истолковать их как воплощения Добра и зла. «Дьяволом и сеньоритой Прим» Пауло завершал трилогию, названную им «И в день седьмой», начатую «Рио-Пьедра…» (1994) и продолженную «Вероникой…» (1998). По словам автора, «эти три книги рассказывают о неделе из жизни обычных людей, внезапно оказавшихся лицом к лицу с любовью, смертью и властью над душами людей».

Действие романа «Дьявол и сеньорита Прим» разворачивается в вымышленной деревушке, каждый из 281 жителя которой отличается безукоризненной честностью. Мирное устоявшееся бытие нарушается прибытием некоего чужестранца Карлоса, в котором старуха Берта — она живет на свете дольше всех — узнает того, кто принесет им зло, а иными словами — дьявола. Чужестранец поселяется в гостинице, где работает единственная незамужняя женщина этой деревни — Шанталь Прим. Приезжий, желая проверить моральные качества обитателей деревни, избирает своим орудием именно ее — сироту, недолюбливаемую соседями. Представившись предпринимателем, потерявшим жену и двоих детей в результате злодейского убийства, он предлагает сеньорите Прим возможность разбогатеть и начать новую жизнь вдали от этого захолустья. Взамен она должна будет помочь ему — убедить односельчан принять участие в зловещем состязании: если кто-нибудь согласится без причины убить хотя бы одного из местных жителей, остальные получат десять слитков золота, спрятанных пришельцем в надежном месте. Срок — неделя. Это бессовестное предложение порождает конфликт, а через него в притчевой форме раскрывается сосуществование в душе каждого человека одновременно и ангела и демона.

В марте 2000 года, сдав в издательство «Обжетива» роман «Дьявол и сеньорита Прим», Коэльо улетел в Париж, где набирала обороты рекламная кампания, приуроченная Анной Каррьер к выходу «Вероники…» в переводе на французский. Однажды в понедельник, в пепельно-серое промозглое утро, его внимание,

как и внимание миллионов парижан и приезжих на улицах французской столицы, привлекли автобусы маршрута 87, на бортах которых Пауло на голубоватом фоне увидел собственное лицо крупным планом и сообщение о том, что «Вероника…» поступила во все книжные магазины города. Автобусы, украшенные такой рекламой, выехали с востока, с Пор-де-Рёйи, пересекли весь город, проделав около тридцати километров по самым оживленным местам Парижа — Лионский вокзал, площадь Бастилии, Сен-Жермен-де-Пре, — и завершили путь в финальной точке, на Марсовом Поле. Подобная рекламная акция прошла в тот день и в четырнадцати других французских городах. Тем не менее ожидаемых результатов PR-усилия на этот раз не принесли. Французам, вероятно, не понравилось, что книгу рекламируют как новый сорт мыла или зубную пасту, и продажи «Вероники…» оказались ниже ожидаемых, не достигнут уровня предыдущих книг, несмотря на то, что средства были вложены более значительные. Пресса, впрочем, приняла новинку тепло, а консервативная и основательная «Фигаро», пользующаяся репутацией влиятельнейшей газеты в стране, в своих оценках ничем не отличалась от бойкого «Экспресс». Одновременно — но тоже без прежнего ажиотажа — роман начал поступать в книжные магазины Тайваня, Японии, Китая, Индонезии, Таиланда и Соединенных Штатов.

По Парижу разъезжали автобусы, украшенные портретами Пауло и рекламой его книги «Верониа решает умереть», но такой вид маркетинга оказался для читателей неприемлемым



«Глобализация» литературного успеха способствовала проникновению Коэльо в самый высший круг международной элиты («jet set»). Начиная с 1998 года он неизменно участвовал во Всемирном экономическом форуме, впервые организованном в 1971 году профессором-экономистом Клаусом Швабом в швейцарском городе Давосе, куда ежегодно съезжались мировые знаменитости из мира политики (с 2000 года Пауло по приглашению учредителя стал членом фонда Шваба). Главный гость Давосского форума-2000, американский президент Билл Клинтон, за несколько месяцев до этого на лужайке Белого дома, где приземлился его вертолет, сфотографировался с томиком «Алхимика» в руках. Узнав, что и бразилец тоже в Давосе, Клинтон сделал первый шаг к знакомству: «Эту книгу дала мне моя дочь Челси, — сказал президент, — она просто заставила меня прочесть „Алхимика“. И мне так понравилось, что я дал ее Хиллари». Встреча завершилась приглашением «с открытой датой»:

— Когда будете в США, известите меня. Если буду в Вашингтоне, я и моя семья хотели бы пригласить вас на ужин.

Спустя семь лет, в 2007 году, по просьбе предвыборного штаба Хиллари Клинтон Пауло напишет обращение в поддержку ее кандидатуры на пост президента США. Давос и до, и после этого давал ему возможность лично познакомиться с самыми именитыми своими читателями — бывшим премьер-министром Израиля, лауреатом Нобелевской премии мира Шимоном Пересом, голливудской кинозвездой Шарон Стоун, итальянским писателем Умберто Эко, предпринимателем Биллом Гейтсом, палестинским лидером Ясиром Арафатом и германским канцлером Герхардом Шредером. Автор «Имени Розы», входящий в число крупнейших специалистов мира по семиотике, в

интервью, которое дал на одном из многочисленных «литературных чаепитий», проходивших в рамках Давосского форума, выказал превосходное знание творчества бразильца:

— Из книг Пауло Коэльо я больше всего люблю «Веронику». Она глубоко тронула меня. Признаюсь, «Алхимик» мне не очень понравился, потому что мы с автором исповедуем разные философии. Пауло пишет для верующих, а я — для тех, кто не верит.

Во второй половине 2000 года лихорадка, предсказанная Моникой Антунес десять лет назад, превратилась в эпидемию, захлестывавшую представителей всех социальных, культурных, экономических слоев общества, независимо от пола, возраста, расы, а тем более идеологических различий. Автор едва успел отреагировать на сообщение британской «Гардиан» о том, что «Алхимик» и «Пятая гора» — настольные книги бывшего чилийского диктатора Аугусто Пиночета, задержанного в Лондоне по требованию испанского трибунала, который предъявил ему обвинения в «применении пыток, в терроризме и геноциде»: «Мне бы хотелось знать, будет ли генерал читать мои книги и после того как узнает, что бразильский военный режим трижды арестовывал меня и что у меня множество друзей, в период диктатуры схваченных в Чили или высланных из страны». И вот вскоре, давая интервью каракасской газете «Универсаль», венесуэлец Мигель Санабрия, идеологический комиссар организации, поддерживающей президента Уго Чавеса, сообщил, какие книги следует читать для политического самообразования, и в числе авторов наряду с Карлом Марксом, Симоном Боливаром и Хосе Карлосом Мариатеги оказался Пауло Коэльо. Книги Пауло держали в руках или ставили на свои книжные полки и еще более одиозные личности, как например, Виктор Бут, в начале 2008 года арестованный в Таиланде американскими спецслужбами. Этот отставной майор КГБ, который считается одним из крупнейших контрабандистов оружия (его судьба вдохновила создателей фильма «Оружейный барон» с Николасом Кейджем в главной роли), сообщил корреспонденту «Нью-Йорк таймс» Питеру Ландесману, бравшему у него интервью, что в перерывах между продажами зенитно-ракетных установок находит отдохновение в книгах Пауло Коэльо. На войне, которую США вели против террористической сети «Аль-Каида», те же книги появлялись по обе стороны линии фронта. По сведениям английской газеты «Санди таймс», «Алхимика» чаще всего спрашивали при посещении походной библиотеки солдаты 10-й горнострелковой дивизии США, охотившиеся за сподвижниками Бен Ладена по афганским урочищам и пещерам. А журналистка

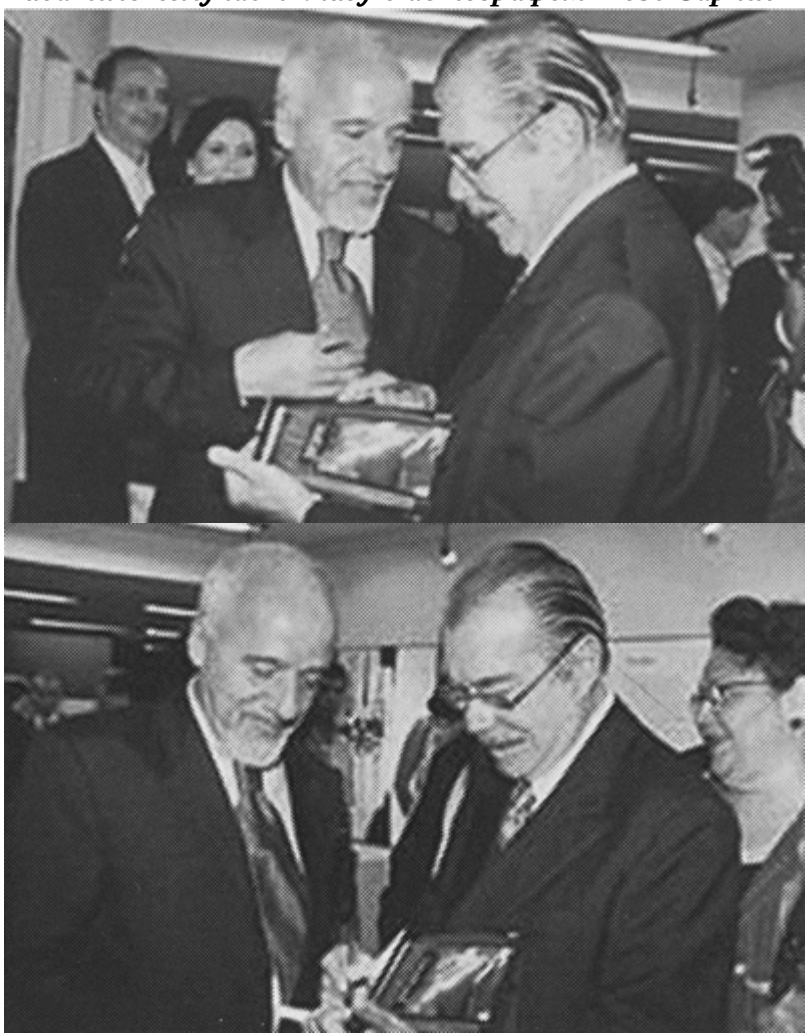
Патрисия Кампос Мелло из газеты «Эстадо де Сан-Пауло», посетив 4-й концентрационный лагерь в Гуантанамо (Куба), где содержались подозреваемые в связях с лидером исламского терроризма, обнаружила, что американские надзиратели готовы предоставить заключенным несколько экземпляров «Дневника мага» в переводе на фарси.

Сам Пауло был немало удивлен, когда на просмотре фильма кубинского режиссера Томаса Гутьерреса Алей «Гуантанамера» обнаружил, что главный герой, отпущенный на похороны родственника, совершает долгое путешествие по острову с «Алхимиком» в руках. Поскольку книги Коэльо не выходили на Кубе, автор провел расследование и установил, что это — испанское издание, купленное на черном рынке за огромную сумму в 40 долларов. «Я ни секунды не раздумывая связался с кубинцами и предоставил им права на издание безвозмездно, — рассказывал он журналистам, — чтобы мои книги не продавались там по таким заоблачным ценам и большее число людей получило к ним доступ». В 2007 году Пауло станет жертвой хамства со стороны министра культуры Республики Куба Абеля Прието, отвечавшего за организацию Гаванской книжной ярмарки. «С Коэльо дело непросто, — заявил министр иностранным журналистам, демонстрируя, что недостаток воспитания не зависит от идеологической окраски. — Хотя он друг нашей страны и выступает за отмену экономической блокады, я не мог пригласить его на ярмарку, чтобы не подрывать авторитет и престиж этого мероприятия». Писатель не смолчал, и его реплику в блоге тотчас перепечатала газета «Нуэво геральд», крупнейшее в США испаноязычное издание, выходящее в Майами, цитадели антикастровских настроений. «Меня нисколько не удивляет подобное заявление, — написал Пауло, — Дорвавшись до власти, люди, прежде боровшиеся за свободу и справедливость, превращаются в угнетателей».

Впрочем, международный резонанс, который — благодаря или вопреки полемикам подобного рода — приобрели книги Коэльо, не отдалили его от Бразилии. Писатель, уже несколько лет не устраивавший у себя на родине автограф-сессии, в октябре 2002 года назначил презентацию своей книги «Дьявол и сеньорита Прим» во дворце Малый Трианон, где помещалась Бразильская академия литературы, и это было расценено как очередной шаг на пути к креслу «бессмертного». Очередной и уже не первый. На банкет, который давала Анна Каррьер в «Карусель дю Лувр», были приглашены все члены бразильской писательской делегации, присутствовавшие в Париже, но лишь трое удостоились от Пауло личного звонка с подтверждением —

Нелида Пиньон, Эдуардо Портела и Жозе Сарней, экс-президент страны, а ныне — сенатор. Все трое были членами Академии. В тот вечер, когда была назначена автограф-сессия, разослали четыре тысячи приглашений. У входа в старинное здание на проспекте президента Вильсона собралась такая толпа, что пришлось усилить меры безопасности и вызвать полицейские подкрепления. Гостям были розданы тысячи пластиковых стаканчиков с ледяной минеральной водой — так захотел Пауло, жалевший, что нельзя сделать как в Париже: «Там моя издательница угощала присутствующих французским шампанским», — улыбаясь, говорил он журналистам.

Писатель получает книгу с автографом Жозе Сарнея



Ко всеобщему удивлению, бразильская критика отнеслась к «Дьяволу и сеньорите Прим» на редкость благожелательно.

«Пауло Коэльо, достигнув 53 лет, наконец выпустил книгу с хорошим концом, рассказал историю, которая будит в читателе любопытство и держит его в напряжении», — писал комментатор журнала «Эпока». Исключением стала лишь заметка астролога Бии Абрамо из «Фолья де Сан-Пауло», которой редакция поручила откликнуться на новинку: «По примеру всех прочих его книг „Дьявол…“ также представляет собой безбожно растянутую притчу, — писала она, — притчу, которую можно было бы уложить в три абзаца, уподобив ее тем миниатюрам, что столь часто украшают повествование Пауло Коэльо».

Если внимательно понаблюдать за шагами автора в этот период, можно заметить, что вся его энергия направлена на подготовку нового паломничества — несомненно не менее трудного, нежели предыдущие: Пауло решил завоевать себе место в пантеоне бразильской словесности. Он не питал иллюзий и знал, что один провалившийся кандидат в Академию был совершенно прав, утверждая, что «легче победить на выборах губернатора штата, чем быть причисленным к лику „бессмертных“». Знал он и то, что многие из 39 выборщиков морщат носы при упоминании имени Пауло Коэльо и не скрывают этого. «Я попыталась прочесть его книгу, но застряла на восьмой странице», — сказала журналистам Ракел де Кейроз, писательница из штата Сеара, четвероюродная сестра Коэльо, на что тот ответил, что ни одна из его книг не начинается раньше восьмой страницы. Уважаемый христианский мыслитель Кандидо Мендес, ректор и владелец университета, носящего его имя, где Пауло чуть было не выучился на юриста, оценил его творчество еще более сурово:

> Я прочел все его книги от конца к началу, что, впрочем, не меняет дела. Пауло Коэльо уже затмил во Франции славу Сантоса-Дюмона. Но он — не отсюда (то есть не из Бразилии), а из глобального мира облегченного мышления и невежества, преобразованного в субмагию. Наш симпатичнейший колдунчик бесстрашно служит этому прирученному воображению. И субкультура процветания нашла в нем своего идеального выразителя. Нет, он создает не текст, а расфасованный продукт массового потребления.

Уверенный в том, что мнения Ракел и Мендеса не разделяет большинство остальных 37 выборщиков, Пауло не «поддавался на провокации» и продолжал осуществлять свой план. Он обхаживал лидеров групп и подгрупп, на которые была разделена Академия, обедал с ними и ужинал и не пропускал выхода их книг. Во время

автограф-сессии Жозе Сарней — еще одна излюбленная мишень критики — с улыбкой позировал фотографам, подписывая экземпляр своего романа «Сараминда» самому именитому из сотен читателей, что выстроились в очередь, чтобы получить от бывшего президента страны книгу с дарственной надписью. Впрочем, очень скоро цель Пауло сделалась секретом Полишинеля. В конце года нашумевший своими романами Карлос Эйтор Кони, обладатель кресла № 3 в Академии, выступил в «Фолья де Сан-Пауло»:

> Я написал хронику, комментируя то пренебрежение, с которым критика отнеслась к творчеству певца Роберто Карлоса и писателя Пауло Коэльо. И считаю истинным чудом то, что они сумели выжить, потому что если бы дело зависело от специализированных СМИ, оба жили бы где-нибудь под мостом, побираясь и изрыгая хулу на божий мир. Все обстоит иначе. У того и у другого есть преданные приверженцы, тот и другой не обращают внимания на критику, идут вперед, никому не мстят, а даже по мере сил помогают ближним. Я — личный друг Пауло Коэльо, и он знает, что может рассчитывать на мой голос, когда будет баллотироваться в Академию. Меня восхищает его характер, его великодушное умение ни на кого не нападать и достоинство, с каким он относится к своему успеху.

С тех пор как мысль об Академии засела в голове Пауло, он вынашивал и еще одну мечту — не просто попасть в ареопаг «бессмертных», но и занять там кресло № 23, принадлежавшее величайшему из всех бразильских писателей Машадо де Ассизу, основателю и первому президенту Бразильской академии литературы. Сложность, однако, заключалась в том, что занимал это место академик, к которому Пауло относился с особой нежностью и уважением, при всяком удобном случае воздавая ему почести. Это был Жоржи Амаду. И потому всякий раз, как заходила речь о выборах и баллотировке в Академию, Пауло вынужден был делать оговорку: «Поскольку место, на которое я претендую, занимает Жоржи, думаю, что стану кандидатом в академики, когда буду уже совсем стареньким» — то есть, иными словами: «дай ему Бог долгих-долгих лет жизни». Амаду, которому шел в ту пору 89-й год, уже лет семь, после перенесенного в 1993 году инфаркта, испытывал проблемы со здоровьем. В июне 2001 года Амаду, частично потерявший зрение от прогрессирующей дегенерации сетчатки, с воспалением почек и правого легкого снова оказался на больничной койке — на этот

раз в родном Сальвадоре. Писателя интенсивно лечили антибиотиками и добились успеха: 16 июля он смог отметить у себя дома, в кругу семьи, 40-ю годовщину своего избрания в Академию. Однако три недели спустя, 6 августа, родные сообщили о его кончине. Кресло № 23 стало вакантным; Новость достигла ушей Пауло в тот же вечер — позвонивший ему журналист (и член Академии) Мурило Мело Фильо был краток.

— Жоржи Амаду умер. Пришел твой час.

Пауло испытал в тот миг противоречивые чувства — и радость от того, что можно наконец выставить свою кандидатуру, и душевную скорбь: не стало автора первых прочитанных им книг, человека, который так давно был ему и верным другом, и неизменным защитником. Впрочем, предаваться сентиментальным воспоминаниям было некогда. Пауло, хоть и был в этом деле новичком, понял, что гонки к креслу «бессмертного» начнутся раньше, чем увянут цветы на могиле предшественника. После столь обнадеживающего заявления Мурило последовал, однако, и второй телефонный звонок — столь же неожиданный, сколь и обескураживающий: профессор и журналист Арналдо Нискиер, обладатель кресла № 18 и один из тех, кто первым, несколько месяцев назад, узнал о притязаниях Пауло, теперь вылил на него ушат ледяной воды. «Я думаю, это не твой шанс, — предупредил он. — Похоже, свою кандидатуру выставит Зелия, а если это произойдет, Академия будет за нее». Многоопытный академик имел в виду вдову Жоржи Амаду — писательницу Зелию Гаттаи — и как в воду глядел: она и в самом деле решила претендовать на кресло покойного мужа.

Пауло подписывает экземпляры «Сеньориты Прим» академикам Мурило Мело Фильо и Маркосу Алмиру Мадейре с дальним прицелом — занять место в Бразильской академии

литературы

На следующее утро газеты рядом с пространными некрологами и статьями памяти баиянского патриарха поместили имена возможных преемников. Их оказалось пятеро: кроме Зелии и Пауло, баллотироваться собрались астроном Роналдо Рожерио де Фрейтас Моуран, юморист Жо Соарес и журналист Жоэл Силвейра. Днем, совершая свою обычную пробежку по набережной Копакабаны, Пауло услышал в наушнике голос одного из тех очень немногих людей, которые могли бы подвигнуть его на деяние или наоборот, побудить отказаться от него — иногда и вопреки собственному мнению: голос Кристины. С обычной своей мягкостью она сказала, что у нее скверное предчувствие:

— Пауло, ты не выиграешь.

Этого оказалось достаточно, чтобы он, «неизменно покорный ее воле», отказался от идеи баллотироваться в Бразильскую академию и, даже не успев зарегистрироваться по всей форме, пробыл кандидатом в «бессмертные» меньше двенадцати часов. Пауло отправил Зелии факс с соболезнованиями, сложил чемоданы и отбыл вместе с Кристиной на юг Франции. Супруги, осуществляя давнюю мечту, собирались проводить часть года в Европе, а облюбованное ими место находилось неподалеку от Лурда, столь почитаемого католиками. Одной из целей поездки было приискать и приобрести подходящее жилье. Пока собственного дома у Пауло и Кристины не было, они остановились в скромном и уютном отеле «Король Генрих IV» в городке Тарб. 9 октября, во вторник оба посетили Одос, находившийся в пяти километрах от Сен-Мартена, где спустя несколько месяцев поселятся. Пауло, будто искушаемый дьяволом, от которого отрекся уже так много лет назад, решил включить в реестр своего недвижимого имущества нечто такое, что больше подходило бы рок-звезде, чем человеку с почти аскетическими (разумеется, по стандартам миллионера) привычками, — замок. И выбор четы пал не на какой-нибудь, а на Шато д’Одос, где жила и умерла Маргарита Валуа, знаменитая королева Марго, жена короля Генриха IV. Намерение приобрести замок так и не было воплощено в жизнь: «Если куплю замок, не я буду владеть им, а он — мной», — сказал Пауло одному журналисту. В тот же день он оставил Кристину в Тарбе, на поезде добрался до По, где пересел в самолет и прилетел в Монте-Карло, столицу княжества Монако, чтобы приступить к своим обязанностям члена жюри проходившего там кинофестиваля. Вечером, когда он пил кофе с американским

режиссером Сиднеем Поллаком, автором классических фильмов «Загнанных лошадей пристреливают…» и «Из Африки», зазвонил его мобильный телефон. Пауло услышал голос Арналдо Нискиера:

— Умер Роберто Кампос. Могу ли я передать в секретариат Академии подписанное тобой письмо о том, что ты собираешься баллотироваться, когда откроется вакансия?

— Если считаешь, что это своевременно, — можешь.

Спустя двое суток, уже вернувшись во Францию, по дороге к дому он остановился в маленьком городке Барбазан-Деба у часовни Нотр-Дам-де-Пьета и с безмолвной молитвой обратился к Младенцу Христу:

— Помоги мне стать членом Бразильской академии литературы.

Еще через несколько часов, расположившись в своем гостиничном номере, Пауло давал по телефону длинное интервью репортеру «Жорнал до Бразил» Марсело Камашо. Первый вопрос был:

— Правда ли, что вы — кандидат в Академию?

Пауло ответил не задумываясь:

— Кандидат, да еще какой!

Эти слова на следующий день были вынесены в заголовок статьи, напечатанной в «Жорнал до Бразил» на целую полосу. Пауло объясняет там, по каким мотивам решил выдвинуть свою кандидатуру («повинуясь желанию общаться с такими особыми людьми, какими являются академики»), отмахнулся от нападок критики («если бы написанное мною никуда не годилось, мои читатели во всем мире давным-давно забыли бы меня»), яростно обрушился на внешнюю политику президента Джорджа Буша («то, что Соединенные Штаты творят в Афганистане, — это терроризм, самый настоящий терроризм»). Избирательная борьба за кресло, которое занимал прежде Роберто Кампос, экономист, дипломат, сенатор и депутат, уже началась, но Пауло сообщил журналисту, что в связи с напряженной программой поездок и встреч с читателями вернется в Бразилию лишь через два месяца и тогда уж выполнит обязательный ритуал — нанесет визиты всем 39 «бессмертным». Промедление не должно было сыграть особой роли, благо выборы были назначены на март 2002 года, после торжественной встречи Нового года в узком кругу академиков и приглашенных.

В последующие недели определились конкуренты, у которых Пауло предстояло оспаривать членство в Бразильской академии литературы. Ими оказались политики Элио Жагуарибе и бывший дипломат Марио Жибсон Барбоза — обоим было далеко за

семьдесят, у обоих были свои сильные и слабые места.

То обстоятельство, что в члены Академии наряду с другими решил баллотироваться едва ли не самый читаемый писатель мира, привлекло к этому учреждению внимание, которого оно за всю свою историю удостаивалось всего несколько раз. Бригады иностранных журналистов, «мобилизованные» газетами и телеканалами для освещения событий. В своем пространном и выдержанном в иронических тонах репортаже, опубликованном «Нью-Йорк таймс», корреспондент Ларри Ротер приписал Бразильской академии «волшебную способность превращать престарелых и никому не ведомых эссеистов, поэтов и философов в знаменитостей, вознесенных почти на ту же высоту, что и футболисты, актеры или поп-звезды». Ротер приводит высказывания таких сторонников Коэльо, как Арналдо Нискиер: «Это Пеле нашей литературы», — но не упускает случая подлить масла в огонь:

> Публичный «имидж» Пауло Коэльо плохо вяжется с образом чинного и благонамеренного академика, посещающего пышные «четверговые чаепития», которыми так славится Академия. Он начал свою карьеру с сочинения рок-н-ролльных песен, потом написал статьи о наркотиках, которыми и сам злоупотреблял в ту пору, в ранней юности лежал в психиатрической лечебнице, но, что хуже всего — отказывается извиняться за свой коммерческий успех, накрывший мир, подобно лавине. «Бразильское общество требует, чтобы в этом доме царила особая взыскательность, — сказала в интервью журналу „Глобо“ писательница Нелида Пиньон, некогда президент Бразильской академии литературы, и этот комментарий можно расценить как пощечину популярности Коэльо. — Мы не можем допустить, чтобы рынок диктовал нам свои понятия об эстетике».

Игнорируя интриги, Пауло делал то, что должен бы делать. Рассылал письма, наносил визиты академикам (всем, за исключением падре Фернандо Авилы, который сухо избавил его от этой формальности), принимал спонтанную и оттого особенно радовавшую его поддержку со стороны, например, Карлоса Эйтора Кони и экс-президента Жозе Сарнея. В день выборов, после четырехкратного подсчета голосов выяснилось, что никто из троих кандидатов не набрал минимального кворума — требующихся по регламенту девятнадцати голосов. Как предписывает традиция, бородатый президент Академии Алберто

да Коста-и-Силва сжег бюллетени в бронзовой вазе, сообщил, что кресло № 21 остается вакантным, и назначил дату новых выборов на 25 июля. Вечером, через несколько часов после оглашения результатов, к Пауло домой явилась делегация «бессмертных», чтобы выразить ему протокольные сожаления. Он не помнит точно, кто именно из них выразился так:

— Наше сотрудничество в тот недолгий срок, когда вы были кандидатом, оставило самые благоприятные впечатления. Надеемся, что когда откроется следующая вакансия, вы воспользуетесь возможностью повторить свою попытку стать нашим коллегой…

Поскольку Пауло набрал весьма скромные десять голосов (против семнадцати, поданных за Жагуарибе), делегатов буквально огорошил его молниеносный ответ:

— Нет, не при следующей вакансии! Я завтра же снова зарегистрирую свою кандидатуру и буду баллотироваться еще раз!

Вполне вероятно, что дата новых выборов не имела для большинства академиков ни малейшего значения, но Пауло увидел в ней несомненный знак свыше: он должен вновь попытать судьбу. 25 июля — это день Святого Иакова Компостельского, по пути которого он прошел когда-то, так круто изменив свою жизнь. Хотя назначенный день был, по его мнению, вернейшей приметой того, что он и сейчас вступает на верный путь, стоило все же заглянуть в «И Цзин». Три монетки, несколько раз брошенные на стол, дали одинаковый результат и довольно странную рекомендацию: «Отправляйся в странствие и возвращайся не скоро», которую Пауло поспешил выполнить. Улетел во Францию, остановился в отеле в Тарбе и последующие три месяца руководил своей избирательной кампанией с помощью мобильного телефона и ноутбука. Уже очень скоро он через интернет узнал, что у него остался теперь единственный соперник — Элио Жагуарибе. Это заставило Коэльо и главу его штаба Арналдо Нискиера пересмотреть тактические схемы. Кристина вспоминает, как удивило ее неожиданно проявившееся мастерство мужа в этой сфере:

— Выяснилось, что Пауло наделен способностями, о которых я даже не подозревала. Для меня стало настоящим открытием, что он хладнокровен при принятии решений и умело направляет переговоры в нужную ему сторону.

Вопреки мнению многих своих сторонников, считавших, что он совершает крайне опрометчивый шаг, ведя кампанию «дистанционно», а сопернику предоставляя возможность непосредственно контактировать с избирателями, и вопреки

призывам приехать в Бразилию, становившимся с каждым днем все упорней и горячей, Пауло оставался неколебим, ибо «И Цзин» настаивала: «Не спеши возвращаться». «Мой астральный покровитель велит оставаться вдалеке, — напоминал писатель тем, кто настаивал особенно рьяно. — А если выбирать, кого слушать — астрал или академиков — я выбираю астрал». Однако истинный размах кампания приобрела с того момента, как на «четверговых чаепитиях» один из его сторонников выдвинул аргумент убийственной силы:

— Я буду голосовать за Коэльо. С ним можно сварить кашу.

На жаргоне «бессмертных» это выражение применялось к тем потенциальным членам академии, которые способны были обеспечить ей не только новый престиж, но и вполне материальные блага. С этой точки зрения автор «Алхимика» представлялся исключительным «кашеваром». Помимо своего бесспорного международного признания, что ясно доказывалось беспрецедентным интересом мировой прессы к событиям в Малом Трианоне, Пауло Коэльо имел шанс смягчить каменные сердца академиков еще и тем, что был бездетен, а стало быть, вполне мог в завещании отписать изрядную часть своего миллионного состояния Академии — так поступали в прошлом другие члены академии. Пауло же, не подозревая, что на достаток, стоивший ему стольких трудов, энергии и усилий, устремлены алчные глаза академиков, за три недели до выборов прилетел наконец в Рио-де-Жанейро. И вопреки «Книге перемен», ничего хорошего там не обнаружил. В его отсутствие конкурент сильно преуспел в предвыборной борьбе, и даже те, кого Пауло считал своими безусловными сторонниками, готовы были переметнуться на противоположную сторону.

Не стоило большого труда определить, что ударные части Элио Жагуарибе получают массированную огневую поддержку не из Академии, а из некоего бункера, находящегося в Бразилиа, в 1200 км от Рио-де-Жанейро. А если точнее — из-за тонких бетонных арок дворца Итамарати, где помещается Министерство иностранных дел, которое возглавлял Селсо Лафер. С Жагуарибе его связывали и личные, и профессиональные отношения, ибо с апреля по октябрь 1992 года оба входили в последнее правительство президента Фернандо Коллора. Согласно тому, что разузнал Пауло и что стало потом достоянием гласности, министр активно собирал голоса в поддержку своего коллеги, предлагая взамен путешествия, угощение и медали. «Полагаю, большая часть академиков была обработана им, — заявлял Пауло в интервью журналу „Исто-Э“, — по крайней мере, трое прямо сообщили мне об этом: Арналдо Нискиер, Маркос Алмир

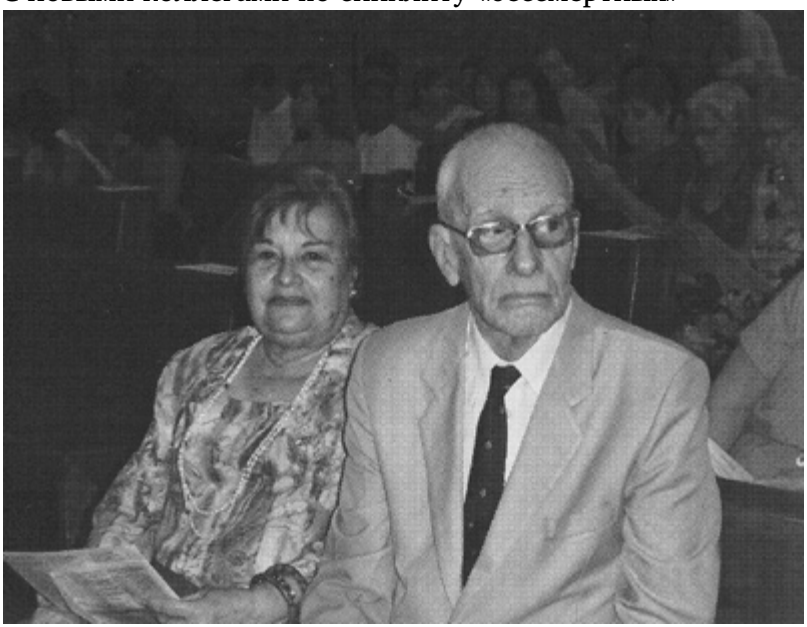
Мадейра и Карлос Эйтор Кони». Взбешенный тем, что он назвал «непропорциональным вмешательством», Коэльо не упустил возможность подпустить министру шпильку:

— Когда за границей приходится защищать Бразилию от обвинений в том, что у нас горят амазонские джунгли, убивают детей и используется рабский труд, это делаю я, а не тот, кому подобное положено по должности.

Люди, следившие за деятельностью Пауло, знали, что это — не пустые слова и не предвыборная фанфаронада. Но лишь несколько лет спустя, после Давоса-2008, станет широко известно: когда английский маэстро Бенджамин Зандер, руководитель Бостонского филармонического оркестра, позволил себе неуважительное высказывание по адресу бразильянок, Пауло вскочил с криком: «Я — бразилец, и меня оскорбляет ваше замечание! Это ложь! Бразильянки так себя не ведут!» — чем вынудил неудачно пошутившего дирижера публично извиниться.

Вечером 25 июля журналистов, фотографов и телерепортеров, толпившихся у подъезда дома на проспекте Атлантике, пригласили подняться на девятый этаж и бокалом французского шампанского отпраздновать радостное событие в жизни хозяина — он только что 22-мя голосами против 15-ти, поданных за Жагуарибе, был избран членом Бразильской академии литературы. Его соперник, если верить заявлению для прессы, не смирился со своим поражением, оправдывая участие в своей избирательной кампании министра иностранных дел («Лафер — мой давний друг с еще юношеских лет и он в самом деле звонил тем, кто не собирался голосовать за меня») и рассуждая о результатах выборов, не выказал джентльменского умения проигрывать: «С избранием Пауло Коэльо Бразильская академия литературы увенчала себя маркетинговым успехом, — неприязненно процедил он. — Его достоинства сводятся к умению продавать свои книги». На вопрос журналиста о том, собирается ли Жагуарибе вновь выдвигать свою кандидатуру, тот ответил так «Академия меня больше не интересует». Впрочем, спустя три года, когда шок прошел, прошел в академики и он, заняв кресло, принадлежавшее экономисту Селсо Фуртадо. А еще через год стал «бессмертным» и министр Лафер.

С новыми коллегами по синклиту «бессмертных»



В зале сидят мать Кристины, Паула Ойтисика, и Педро Кейма Коэльо, отец писателя

Если кто-либо из академиков голосовал за Пауло Коэльо в надежде «сварить кашу», ему пришлось испить горькую чашу разочарования. Прежде всего потому, что ослепительный блеск международной известности, которую сулило дому Машадо де Ассиза появление Коэльо, не вспыхнул ни разу по весьма простой причине: главный герой там практически не появлялся. Из двухсот сессий, прошедших в БАЛ со дня его избрания, Пауло посетил шесть, что позволяет выдвинуть рискованную гипотезу:

уж не стал ли он исповедовать философию абсентеизма? Не менее жестоко разочаровались и те, кто уповал, что часть гонораров, выплачиваемых автору в полутораста странах мира, осядет и в кассе Академии. В завещании Коэльо, трижды обновлявшемся после избрания, о Бразильской академии литературы даже не упоминается.

Во время своего «медового месяца», в упоении от победы, о котором в американском журнале «Ньюсуик» говорилось, что «впервые представитель бразильской поп-культуры шагнул за порог учреждения, вот уже 105 лет свято блюдущего чистоту португальского языка и возвышенную изысканность интеллектуального вкуса», Пауло готовил торжественную речь, как и само торжество, назначенное на 28 октября. Он решил лично отправиться в Бразилиа, чтобы вручить президенту страны Фернандо Энрике Кардозо приглашение. Его сердечно приняли во дворце Планалто и уведомили, что глава государства будет в этот дел проводить ранее назначенные встречи, но своего представителя пришлет. По окончании аудиенции Коэльо — уже в столичном аэропорту, в ожидании задерживавшегося рейса в Рио-де-Жанейро — зашел в книжный магазин «Ливрария Ласелва» и увидел свои выставленные на витрине книги — все были изданы «Эдиторой Роккo» и ни одной — «Обжетивой». В этот миг он начал обдумывать весьма важное решение, которое примет окончательно лишь несколько месяцев спустя, — оставить «Обжетиву» и вернуться к прежнему издателю.

Через несколько дней на торжественной церемонии вступления в состав членов Академии «бессмертные» были в парадных мундирах — темно-зеленых, расшитых на груди и по обшлагам золотыми пальмовыми ветвями. Мундир дополнялся треугольной бархатной шляпой с белым плюмажем и позолоченной шпагой на боку. Как предписывает традиция, все это великолепие, стоившее 26 250 долларов, оплачивала префектура того города, где родился новый академик — в данном случае, Рио-де-Жанейро. Среди нескольких сотен гостей можно было заметить издателей Коэльо — Роберто Фейта и Пауло Рокко. Предупредительность, с которой они общались друг с другом, не давала возможности вообразить, какая совсем уже скоро поднимется буря — хотя именно в тот день и был посеян ветер.

Эпизод в столичном аэропорту на самом деле переполнил чашу давно уже копившихся сомнений и тревоги. Нечто подобное произошло и за несколько месяцев до этого, когда литературный агент Пауло — Моника Антунес, проводившая в Бразилии отпуск, решила вместе с мужем предпринять путешествие по маршруту Рио-де-Жанейро — Натал (штат Рио-Гранде-до-Норте). Она

заметила, что ни в одном из книжных магазинов 600-тысячного в ту пору города, столицы штата, она не нашла произведений Коэльо. Их не было даже в международном аэропорту. У автора, впрочем, нашлись иные, совсем уже веские причины для беспокойства. По его подсчетам, за период с 1996-го по 2000 год (когда «Пятую гору», «Веронику» и «Сеньориту Прим» выпускало издательство «Обжетива») он потерял не менее 100 тысяч читателей, причем судить следовало по продажам не блокбастера «Алхимик», а «Рио-Пьедра», последней книги, выпущенной Рокко перед тем, как права перешли к издательству «Обжетива». Соблазн немедленно оставить Роберто Фейта и вернуться к Рокко был велик, однако имелась некая дополнительная сложность. Рукопись последней книги Пауло «Одиннадцать минут» уже находилась в руках Фейта, более того — он даже предложил кое-какие незначительные поправки и изменения, которые автор согласился принять.

Подобно тому, как уже много раз случалось в жизни Коэльо, последнее слово осталось за «Книгой перемен». За четыре дня до торжества в Академии Пауло сформулировал два вопроса: «Что будет, если я издам свою следующую книгу „Одиннадцать минут“ в „Обжетиве“»? и «Что будет, если я издам свою следующую книгу „Одиннадцать минут“ и все предшествующие ей у Рокко?» Три монетки, брошенные на столешницу, дали ответ, далекий от конкретной определенности вопроса:

> Превосходство малого. Успех. Малое может быть сделано, большое делаться не должно. Советую пребывать внизу. Крупная удача.

Прочитав такое, большинство остались бы в недоумении, однако для Пауло Коэльо все было предельно ясно: после семи лет и четырех книг пришла пора бросить «обжетиву» и вернуться к Рокко. Роберто Фейт, сильно раздосадованный намерением автора уйти и, более того — забрать подготовленную к печати книгу, согласился отдать оригинал «Одиннадцати минут» лишь при том условии, что «Обжетива» возместит ему производственные расходы. Пауло расценил это как угрозу и обнажил меч — заключил договор с крупной юридической компанией и приготовился к долгой и мучительной тяжбе, столь характерной для «правосудия по-бразильски». Решение было принято, он сообщил, что возвращается в издательство Рокко, которое выпустит «Одиннадцать минут» в первые месяцы 2003 года, — и улетел с Кристиной в Тарб, оставив бразильский книжный мир полниться самыми невероятными слухами. Одни газеты уверяли, что он покинул «обжетиву», приревновав якобы к

тому, что «основным и главным» там с некоторых пор сделался не он, а Луис Фернандо Вериссимо, писатель из штата Рио-Гранде-до-Сул. Другие — что польстился на 300 тысяч долларов, предложенные ему Рокко, если вернется. Страсти стали остывать лишь после того, как Кристина на ежедневной прогулке с мужем в предгорьях Пиренеев посоветовала ему пойти с Фейтом на мировую: «Похоже, что в драку лезешь ты, а не он! Ради чего? И почему?» — вопрошала она и предлагала сделать все возможное, чтобы найти разумный компромисс. Пауло, хоть и сопротивлялся до последнего, в конце концов все же уступил. Остановился перед Распятием и попросил Господа изгнать злобу из своего сердца. После переговоров, которые вели посредники на протяжении нескольких недель, владелец «Обжетивы» вернул не только рукопись «Одиннадцати минут», но и те четыре названия, что оставались за ним и теперь подлежали передаче Рокко. И уперся лишь в одном пункте — запретил использовать свою редакторскую правку в изданиях Рокко и за границей — и это заставило Монику Антунес на время забрать оригинал, над которым уже работали переводчики в разных странах. Профессиональные вопросы были улажены, но Пауло и Фейт больше друг с другом не разговаривали.

Замысел книги, породившей столько шума, возник за несколько лет до этого — в 1997 году, в Мантуе, на севере Италии, где Пауло проводил встречу с читателями. В отеле он обнаружил конверт от бразильянки по имени Соня, сообщившей, что она, его читательница и горячая поклонница, не так давно эмигрировала в Европу и зарабатывает себе на жизнь проституцией. В конверте оказалась рукопись — ее жизнеописание. Пауло, нарушив правило никогда не читать чужих рукописей, ознакомился, заинтересовался и переслал эту историю в «Обжетиву», однако издательство отнеслось к идее публикации холодно. Через три года они вновь встретились в Цюрихе, куда к этому времени переехала Соня, и она устроила ему единственную в своем роде автограф-сессию, какой, вероятно, не проводил ни один другой писатель в мире. Она отвела его на Лангштрассе — улицу, которую после десяти вечера заполняли вышедшие на промысел проститутки со всех концов планеты. Соня оповестила их о приходе Пауло, и десятки девиц обступили его, протягивая зачитанные экземпляры его книг на всех языках мира, подавляющее большинство которых, как он заметил, приходилось на республики бывшего Советского Союза. Соня, работавшая и в Женеве, предложила Пауло повторить этот уникальный хеппенинг и в квартале «красных фонарей» второго по величине швейцарского города. Именно там он познакомился

со своей соотечественницей, которую назвал Марией, — ее история и легла в основу «Одиннадцати минут»: история девушки из северо-восточной Бразилии, приехавшей в Европу якобы для участия в шоу и обнаружившей, что ей придется заниматься проституцией. По мнению автора, эта книга — не о продажной любви, «не о невзгодах и испытаниях, выпавших на долю девицы легкого поведения, а о том, как происходит внутренний процесс сексуальной идентификации, — говорил Пауло в интервью. — Эта книга — о сложных взаимоотношениях чувства и физического наслаждения».

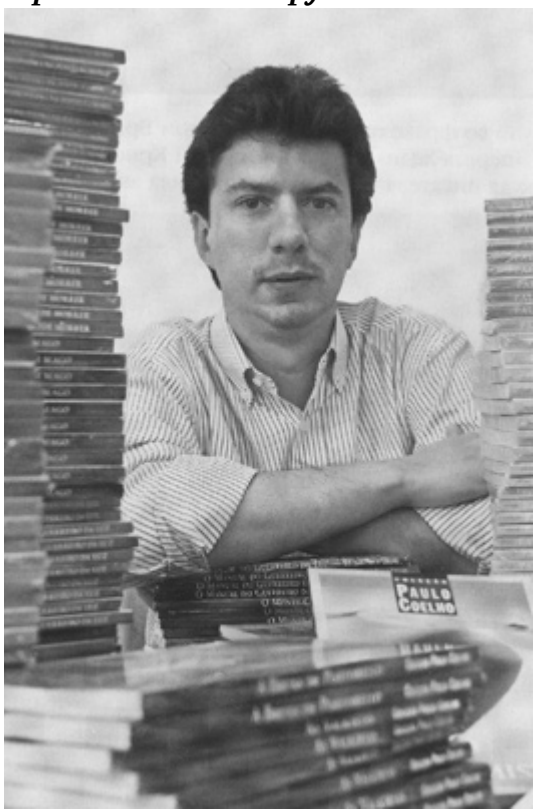
Название книги отсылает к «Семи минутам», — бестселлеру 1969 года, в котором американский писатель Ирвинг Уоллес рассказывает о судебных прениях, развернувшихся между сторонниками и противниками запрета на публикацию некоего романа, посвященного сексу. Когда перевод «Одиннадцати минут» был опубликован в США, репортер газеты «Ю-Эс-Эй тудэй» осведомился у бразильца, почему в его версии средняя протяженность полового акта возросла с семи минут до одиннадцати? Пауло со смехом ответил, что срок, отпущенный англосаксом, «плохо вяжется с латиноамериканскими стандартами». Книга, вышедшая в Бразилии в первом квартале 2003 года, была встречена СМИ с уже ставшей привычной недоброжелательной иронией — впрочем, ничего иного автор не ожидал и еще за месяц до выхода книги в свет в интервью журналу «Исто-Э» предрек, что реакция будет именно такой:

— Вы спрашиваете, откуда я знаю, что критике книга не понравится? Это очень просто. Нельзя поносить автора за десять книг и превознести за одиннадцатую — так не бывает.

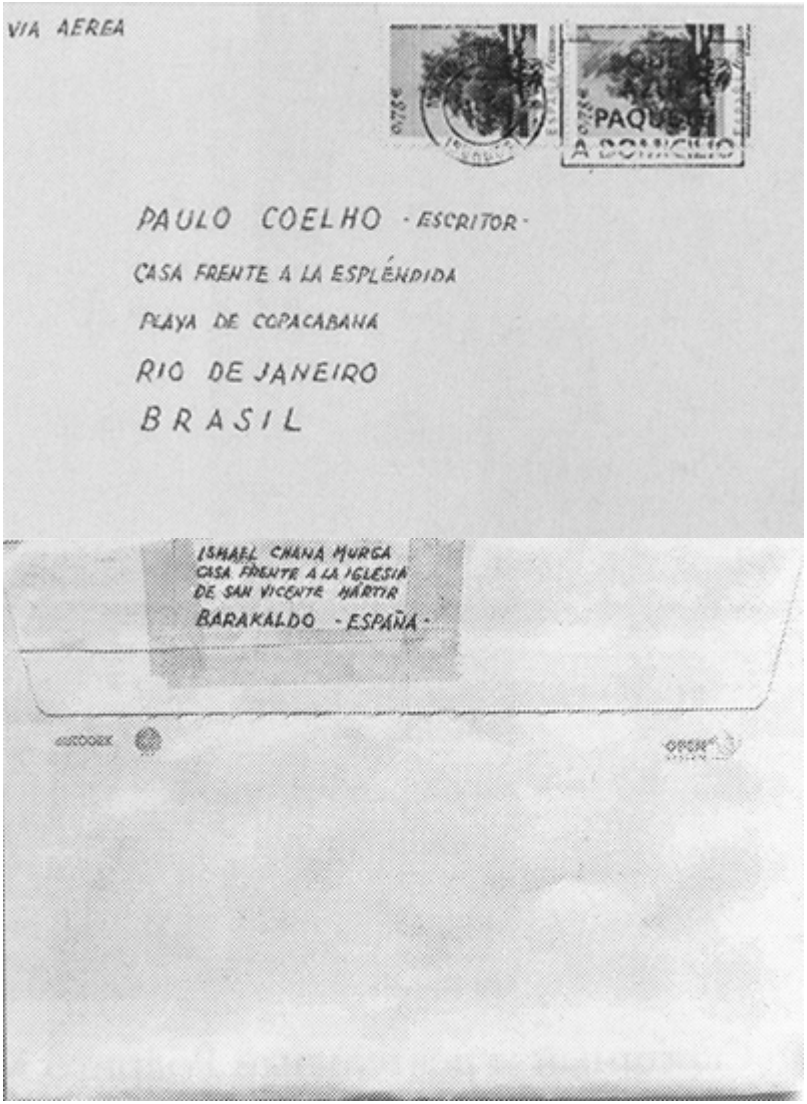
Журналистам, однако, книга не просто не понравилась — они предсказывали, что Коэльо ждет и первый крупный коммерческий провал. Критики утверждали, что пикантная тематика «Одиннадцати минут», где речь идет об оральном сексе, отличиях клиторального оргазма от вагинального, о садомазохизме и прочем, покажется среднему читателю Коэльо чересчур забористой и скандальной. Но произошло как раз обратное. Еще до того, как начальный 200-тысячный тираж поступил в книжные магазины, литературное агентство «Сан-Джорди» продало права на книгу двадцати с лишним иностранным издательствам, заработав таким образом для автора больше 6 миллионов долларов. Через три недели после своего появления на прилавках «Одиннадцать минут» возглавила списки самых продаваемых книг в Бразилии, Италии и Германии. Британское издание в первый же день продаж привлекло в лондонский магазин «Бордерс» две тысячи человек Точно так же, как это было с

десятью предшествующими книгами Коэльо, поведение читателей непреложно свидетельствовало, что и одиннадцатая не обманула их ожиданий: сейчас «Одиннадцать минут», суммарный тираж которой составил 10 миллионов экземпляров, уступает в популярности только непревзойденному и непобедимому «Алхимику».

Журнал «Карта Капитал» и другие



Скромный и деятельный Родриго Мейнберг без шума и рекламы в газетах продал по системе «от двери к двери» 5 миллионов книг



В эпоху интернета и электронных сообщений почта умудряется находить Пауло Коэльо, даже если на конверте вместо адреса стоит лишь слова «Копакабана»

29
Пауло во фраке отправляется на прием в Букингемский дворец. Писатель приглашен королевой, а не своим президентом

Первые месяцы 2004 года Пауло и Кристина посвятили тому, чтобы привести в божеский вид и сделать пригодной для проживания старую мельницу, которую они приобрели в Сен-Мартене. Первоначальный план — проводить четыре месяца на юге Франции, четыре — в Бразилии и четыре — в путешествиях по свету — был нарушен программой, присланной Моникой в самом начале года. Агентство «Сан-Джорди» буквально завалили приглашениями — их оказалось 187, не больше и не меньше — на вручение премий, участие в тех или иных мероприятиях, автограф-сессии, лекции, встречи с читателями, презентации по всему миру. Если бы Пауло Коэльо, восторженно принимаемый толпами читателей и почитателей в любом уголке планеты, друг королей, шейхов и голливудских суперзвезд, принял хотя бы половину этих приглашений, у него не осталось времени ни на что другое — и уж тем более на то, что занимало и тревожило его сильнее всего. Речь идет, разумеется, о новой книге. Все второе полугодие Пауло прокручивал эту историю в голове, так что ему хватило двух недель, чтобы переложить ее на бумагу — вернее, в память компьютера — и к концу года появился «Заир», название которого, позаимствованное у Хорхе Луиса Борхеса, означает «нечто такое, что, однажды увидев или пережив, ты не забудешь никогда». Главный герой, не наделенный именем, но с легко узнаваемыми чертами — бывший рокер, а ныне писатель, ненавидимый критиками, обожаемый читателями, — живет в Париже с журналисткой и военной корреспонденткой Эстер. Повествование начинается с того, что рассказчик с ужасом узнает, что она его бросила. Книга, оконченная, как уже было сказано, к концу года, в марте 2005-го была готова к выходу в Бразилии и за границей.

Однако прежде чем с ним познакомились читатели из какой-либо иной страны, включая и соотечественников автора, «Заир» стал объектом несколько обескураживающей операции — прежде всего роман был опубликован в непредсказуемом Тегеране, столице Ирана, где Пауло был самым популярным иностранным

автором. Операция, проведенная молодым издателем Арашем Хеджази, была направлена против местных пиратов, которые хоть и не перекрыли рекорды своих египетских собратьев, все же действовали столь бесстыдно, что выпустили в свет

27 разных изданий одного только «Алхимика» — изданий незаконных, с точки зрения Пауло, и вполне легальных, по мнению властей Ирана, не подписывавшего никаких международных конвенций по охране авторского права. То обстоятельство, что подпольное книгоиздание и книготорговля оставались безнаказанными, объяснялось особенностями законодательства страны, где правили аятоллы: оно обеспечивало защиту лишь тем книгам, которые впервые были напечатаны и выпущены в свет именно в Иране. Ради того чтобы обеспечить своему издательству «Караван» «первородство», а значит, и монопольное право на «Заир», Хеджази предложил Монике следующее: она меняет график выпуска этой книги по всему миру с тем, чтобы в Иране тираж был первым. «Заир» в самом деле вышел и действительно перекрыл пути пиратам, однако уже через несколько дней начались не-приятности с правительством. Хеджази сообщил скверную новость Пауло, который в это время вместе с Моникой был в Будапеште, в отеле «Геллерт», по телефону, причем воспользовался телефоном-автоматом, чтобы избежать возможной прослушки. Запуганный 35-летний издатель рассказал, что на экспозицию «Каравана» на Международной книжной ярмарке вломились агенты Базеджи, организации, аналогичной «полиции нравов», и, конфисковав 1000 экземпляров «Заира», объявили, что книга запрещена к распространению, а Хеджази приказали через два дня явиться в цензурное ведомство.

В ходе этого быстрого и крайне напряженного телефонного разговора собеседники согласились, что наилучший способ противостоять такому бесчинству, а заодно и обеспечить издателю свободу и безопасность, — это предать дело самой широкой международной огласке. Встревоженный Пауло немедленно связался с двумя-тремя знакомыми журналистами — первыми, кого сумел разыскать, — и вскоре «Би-би-си» и «Франс-пресс» объявили об этом цензурном произволе на весь мир. Неожиданный резонанс, похоже, смутил тегеранские власти, потому что двое суток спустя книги были возвращены без объяснения причин, а запрет снят. Еще можно понять, когда репрессивное и авторитарное государство ополчается на книгу, где речь идет о таких непристойных с точки зрения исламских моралистов вещах, как секс и прелюбодеяние. Странно однако, что ревнители нравственности замахнулись на столь популярную в стране личность — на Пауло Коэльо, «первого

немусульманского писателя, побывавшего в Иране после падения шахского режима», то есть — с 1979 года.

Пауло и в самом деле посетил Иран в мае 2000 года по приглашению президента Сайеда Мохаммада Хатами, проводившего пусть и осторожную, но все же более открытую политику. Когда прилетели в Тегеран, (Кристина надела, как подобает замужней женщине, обручальное кольцо на левую руку и неукоснительно следовала тому, как должна вести себя женщина в исламской стране), несмотря на то, что было три часа ночи, они увидели тысячную толпу читателей, узнавших из газет о прибытии автора «Алхимика». Ситуация в стране была довольно напряженной — приступал к своим обязанностям новоизбранный парламент. Ежедневно на улицах иранской столицы бушевали студенческие манифестации в поддержку реформ Хатами, встречавших упорное сопротивление со стороны консервативно настроенных мулл, которым и принадлежала реальная власть в стране. Пауло, хоть его и сопровождали неотступно человек десять бразильских и иностранных журналистов, постоянно находился под бдительным присмотром шестерых телохранителей с автоматами. По окончании автограф-сессий и встреч с читателями, которых ни разу не собиралось меньше тысячи человек, в честь писателя от имени министра культуры Атаоллы Мохаджерани был устроен торжественный ужин, на котором почетное место занимал не кто иной, как сам президент Ирана. Видный романист Махмуд Долатабади, объявивший себя поклонником Коэльо, не принял приглашения на ужин, показывая тем самым, что осуждает ограниченную и робкую либерализацию, проводимую главой государства. Власти преследовали его, и, не желая сидеть за одним столом со своими гонителями, он заявил: «Я не могу утром ходить на допрос, а вечером пить кофе с президентом».

Лишь через несколько недель — таково было условие — 8 миллионов экземпляров на 42 языках поступили в книжные магазины 83 стран мира. После выхода «Заира» в Европе это название вновь замелькало в газетах — не на страницах политических разделов, как во время скандала с иранской цензурой, а в колонках светской хроники и репортажах из жизни знаменитостей. Весной 2005 года один вопрос витал в редакциях европейских СМИ, специализирующихся на этих темах: какая женщина вдохновила автора на создание образа Эстер, главной героини нового романа? Стараниями московского таблоида «Комсомольская правда» первое подозрение пало на красивую русскую модельершу Анну Росса, которая, как уверяла молва, была не только музой, но и мимолетной возлюбленной автора.

Узнав об этой новости, размещенной на итальянском литературном сайте, Пауло незамедлительно направил в газету письмо, переведенное на русский его другом, журналистом Дмитрием Воскобойниковым:

> Уважаемая газета «Комсомольская правда» и ее читатели!
>
> Благодаря вашей газете («КП» от 21 марта), я с большим интересом узнал, что, оказывается, три года назад у меня был роман с модельершей Анной Росса и что якобы эта женщина стала прототипом главной героини моей новой книги «Заир», которая в России поступит в продажу 23 апреля. К счастью или к сожалению — мы этого никогда не узнаем, но эта информация не соответствует действительности.
>
> После того как мне показали фотографию этой девушки, где она изображен рядом со мной, я сразу же ее вспомнил. Мне действительно представили эту девушку на приеме в бразильском посольстве.
>
> Никакого «романа» у нас не было и, вероятно, быть не могло, хотя, несмотря на ваше утверждение, «аскетичный образ жизни» мне не свойствен. (…)
>
> А вообще «Заир», наверное, одно из наиболее личных моих произведений, и посвятил я его своей жене Кристине Ойтисике, с которой не расстаюсь уже около 25 лет.
>
> Желаю и Анне Росса, и вашей газете удачи и любви.
>
> Искренне Ваш
>
> Пауло Коэльо

Мировая пресса пытается определить, кто вдохновил Пауло на создание «Заира» — русская модельерша Анна Росса?

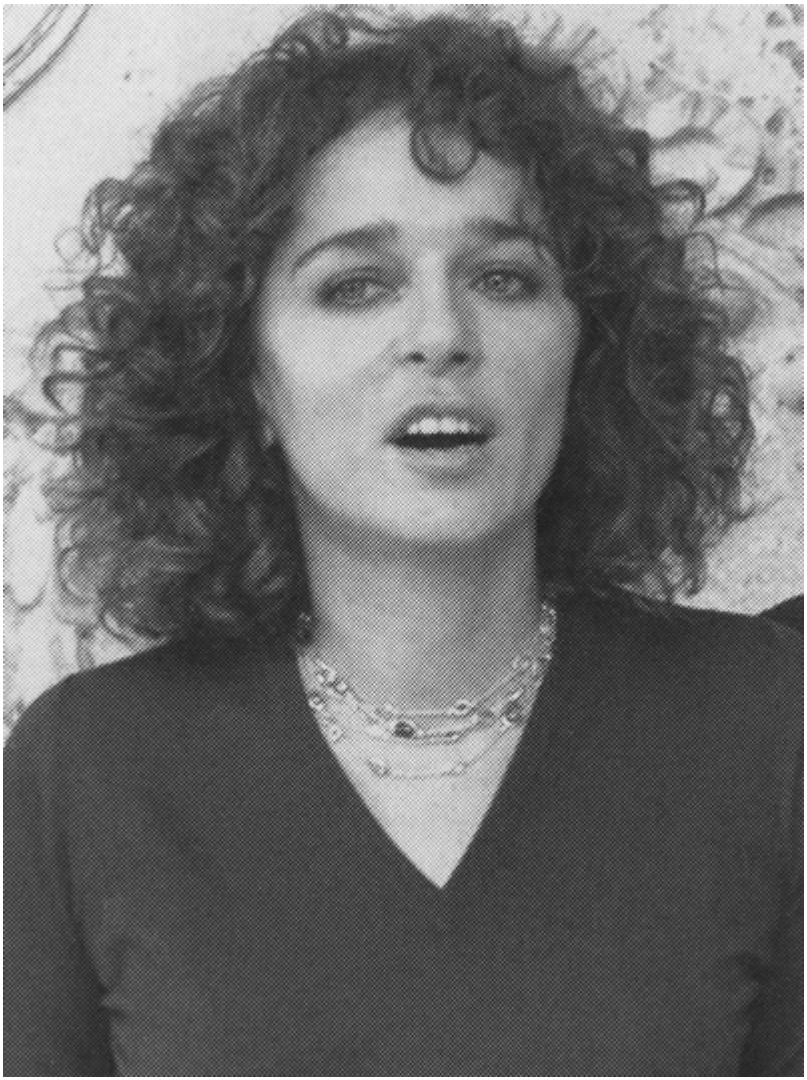
Получив столь решительное опровержение этой версии, журналисты развернулись в сторону другой красавицы — чилийки Сесилии Болокко, победительницы конкурса «Мисс Вселенная—1987», а в ту пору — ведущей очень популярного в ее стране ток-шоу «Вечер с Сесилией». Когда в Мадриде, где она записывала очередную программу, ей задали неизбежный вопрос «А правда ли, что…», она расхохоталась, узнав, что ее прочат в прототипы Эстер:

— Тс-с! Ни слова больше! Карлитос очень ревнив…

Под Карлитосом имелся в виду бывший президент Аргентины Карлос Менем, за которого Сесилия вышла замуж в мае 2000 года, когда ей было 35 лет, а ему — 70, и три года спустя родила ему сына. Непосредственная реакция Сесилии вполне понятна и

объяснима. За несколько лет до этого, когда пресса впервые принялась трубить о ее предполагаемом романе с Коэльо (с начала 1999-го по октябрь 2000-го), она уже была замужем за Менемом.

…Бывшая «Мисс Вселенная» и нынешняя жена президента Аргентины Сесилия Болокко?



…Итальянская актриса Валерия Голино?

Другие журналисты еще делали ставки на итальянскую актрису Валерию Голино, но 17 апреля 2005 года тайна была раскрыта. В тот воскресный день португальский журнал «Коррейо де Манья» заголовком на первой полосе оповестил: женщина, вдохновившая Пауло на создание образа Эстер, — английская журналистка Кристина Лэмб, военный корреспондент лондонского еженедельника «Санди таймс». В этот день она находилась по работе в Хараре (столице Зимбабве) и, узнав по телефону, что секрет стал достоянием гласности, едва не упала в обморок «Это и есть Эстер во плоти», — сообщала португальская газета. «Целую неделю меня осаждали испанские, португальские, бразильские, южноафриканские и даже британские репортеры, —

расскажет Кристина впоследствии, — и все просили описать те чувства, которые испытывает муза Пауло Коэльо». Еще неделю спустя в «Санди таймс ревью», воскресном приложении к своей газете, она опубликовала на целую полосу статью под названием: «Он похитил мою душу» и примечательным подзаголовком:

> Кристина Лэмб вела для нашей газеты репортажи со многих войн, однако оказалась беззащитна, когда писатель, чьи книги держат первое место в мире по продажам, решил завладеть ее жизнью.

…Ни одна из них: музой Пауло стала журналистка из «Санди Таймс» Кристина Лэмб

В статье журналистка рассказала, что познакомилась с Пауло два года назад, когда ее послали взять у него интервью по поводу мирового успеха «Одиннадцати минут». В ту пору писатель жил еще в отеле «Король Генрих IV». Это была их единственная встреча, а в последующие месяцы они только переписывались по электронной почте: он — с юга Франции, она — из Кандагара или Кабула. Пауло так понравилась ее книга-репортаж «Шьющие круги Герата», посвященная афганской провинции Герат, что он включил ее в свой список «Десяти лучших книг», который составил по просьбе сайта «Barnes & Noble», крупнейшей книготорговой сети Соединенных Штатов. В июне 2004-го Кристина обнаружила в своей электронной почте среди «однообразных сообщений о действиях коалиционных войск против талибов и средств для увеличения пениса» письмо от Пауло, в которое был «вложен» текст «Заира» с кратким

предуведомлением: «Образ главной героини навеян тобой». Вслед за тем Пауло объяснял, что поскольку встречаться вновь было затруднительно, а он писал роман, то воспользовался поисками в интернете и ее книгой, чтобы очертить характер своей героини — Эстер. В опубликованном «Санди таймс ревью» тексте Кристина рассказывала, какие чувства испытала при чтении этого мейла:

> Я была одновременно и ошеломлена до такой степени, что на миг лишилась дара речи, и польщена. Как же он мог, не зная меня, создать мой образ?! Я чувствовала себя как голая. В моей жизни есть много такого, что я, как и все мы, наверное, не хотела бы предавать гласности, и уж точно — видеть на страницах книги. (…)
>
> Охваченная такими противоречивыми чувствами, я взялась за чтение 304-страничного файла, узнавая эпизоды, о которых рассказывала ему в Тарбе, и вполне субъективные впечатления моей личной жизни, и проблемы, которые затрагивала в своей книге. Первый абзац начинался так: «Она: Эстер, военная корреспондентка, только что вернувшаяся из Ирака, где в любой миг могут начаться боевые действия. Тридцать лет. Замужем, детей нет». Что ж, по крайней мере, он сделал меня моложе.

Но то, что при первом чтении казалось забавным («Мне начинала нравиться мысль о героине романа, наделенной моими чертами и биографией, к тому же исчезающей на первой странице», — писала Кристина), затем стало вызывать смутное, но все усиливающееся беспокойство:

> Описание встречи Эстер с мужем — первой после долгой разлуки — я читала не без тревоги: «Однажды я давал интервью некой журналистке — ее интересовало, как это так получается, что мое творчество известно по всей стране, а меня самого не знает никто… Она была красива, умна, немногословна. Вскоре мы опять встретились на какой-то вечеринке, и, раз уж она была „не при исполнении“, я сумел в тот же день затащить ее в постель».

Кристина, сказав, что «ошеломлена», показала матери и мужу — португальскому адвокату, которого тоже звали Пауло — только что прочитанный фрагмент.

> Его самолюбию это совершенно не польстило, и он решительно не понимал, какие мотивы могли побудить другого мужчину написать книгу про его жену. Вероятно, он рассказал об этом своим друзьям — сужу по тому, что они смотрели на меня, как на сумасшедшую. И я сочла за благо больше никогда не упоминать об этом случае.

Дело тем бы и кончилось, если бы «Коррейо да Манья» не раскрыла тайну. Впрочем, это «разоблачение» не причинило журналистке никакого дополнительного дискомфорта, о чем она сама написала в своей статье:

> Постепенно освоившись с этой идеей, я стала находить все больше и больше отрады в своей роли музы. Впрочем, у меня не было точных сведений о том, в чем именно заключаются ее обязанности. Я осведомилась у автора, как должна вести себя муза. «С музами надо обращаться как с феями», — отвечал он, добавив, что и сам раньше дела с ними не имел. Я представила себе, что муза, по всей видимости, должна нежиться, раскинувшись, на диване, с огромной коробкой изысканного шоколада — и с задумчивым видом. (…) Быть музой — задача не из простых, если ты работаешь в журналистике и у тебя есть пятилетний сын. (…) Тем временем я поняла, что брать интервью у писателей, ставших знаменитостями, — дело, быть может, еще более рискованное, чем освещать ход боевых действий. Писатели, хоть и не стреляют в тебя, способны похитить твою душу.

Книга, казалось, была просто обречена вызывать споры. Читателей, успевших привыкнуть ко всегдашнему предвзято-враждебному отношению прессы, в последнюю неделю марта 2005 года ожидал сюрприз: во всех газетных киосках появились три ведущих федеральных еженедельника, на обложку поместившие фотографию Пауло Коэльо, а внутри — по восемь пространных страниц о нем, о его жизни и творчестве. Ситуация с «Заиром» была столь нетривиальна, что заставила журналиста Марсело Берабу, омбудсмена газеты «Фолья де Сан-Пауло», посвятить ей всю свою воскресную колонку.

«Дело о трех обложках» стало широко известно лишь потому, что ознаменовало собой радикальные перемены в отношении СМИ к Пауло — за редким и случайным исключением, журналисты были к нему недоброжелательны. Показалось даже,

что Бразилия, запоздав на несколько лет, наконец-то и для себя открыла феномен, которому с тех пор, как разорвалась бомба «Алхимика», радостно удивлялся весь остальной мир.

Как бы ни пытались его критики игнорировать это, от других авторов бестселлеров — таких, как американцы Джон Гришем и Дэн Браун — Пауло отличался именно содержанием своих произведений. Иные «рекордсмены продаж» могли и опережать его по количеству проданных экземпляров, однако мы не располагаем сведениями о том, что их выступления в любой точке планеты собирали тысячные толпы, тогда как с Пауло происходило именно так Воздействие на умы и сердца читателей может быть в известной степени измерено неимоверным количеством электронных писем, ежедневно приходивших в его офис со всех уголков земли, причем очень и очень многие отправители сообщали о тех метаморфозах, которые произошли в их жизни после прочтения его книг. Почта доставляла и горы обычных писем со штемпелями отдаленнейших мест, причем на конверте зачастую значилось просто: «Пауло Коэльо — Бразилия».

В феврале Пауло, находившийся у себя в Сен-Мартене, получил письмо из Лондона. Сэр Джеймс Гамильтон, герцог Эберкорнский, шеф протокольной службы британского королевского дома, приглашал его на ужин, который королева Елизавета II и принц Филипп давали в Букингемском дворце в честь президента Бразилии Луиса Инасио Лулы да Силвы, через несколько недель прибывавшего в Великобританию с официальным визитом. В приглашении сообщалось также, что надлежит быть во фраке и при орденах («white tie with decorations»). Когда дата приблизилась вплотную, газеты оповестили о том, что по просьбе бразильской делегации (и самого Лулы, и семидесяти человек, его сопровождавших) приглашенных освободили от предписанного протоколом фрака. Узнав об этом, Пауло (давно убравший в самый дальний шкаф фрак, крахмальную манишку и белый галстук-бабочку) задумался: касается ли это послабление и его тоже? Опасаясь совершить какой-нибудь faux pas, он в кратком мейле запросил у службы протокола дальнейших инструкций:

> Я только что узнал, что президент Лула наложил запрет на фраки для бразильской делегации. Сообщите, пожалуйста, как мне поступить — я не хотел бы оказаться на ужине единственным человеком во фраке.

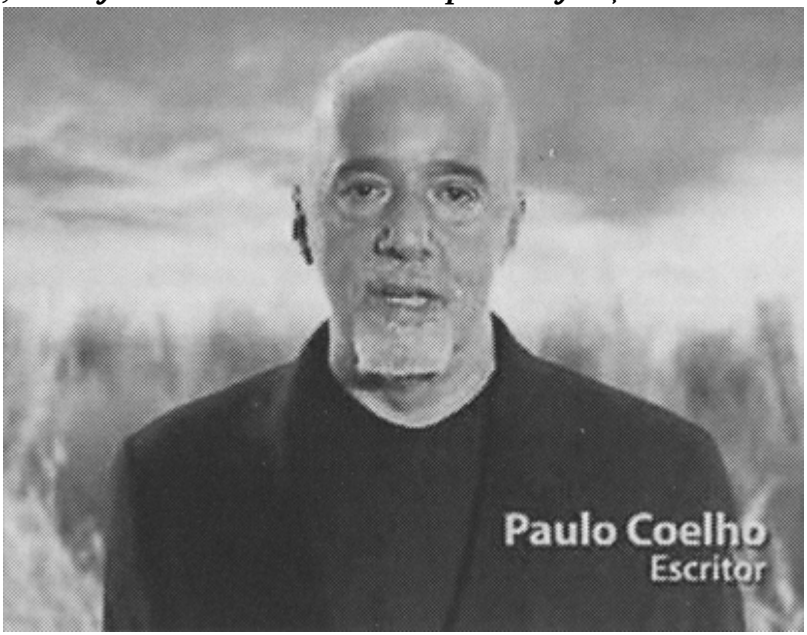
Через двое суток за подписью какого-то придворного чиновника пришел ответ тоже по e-mail.

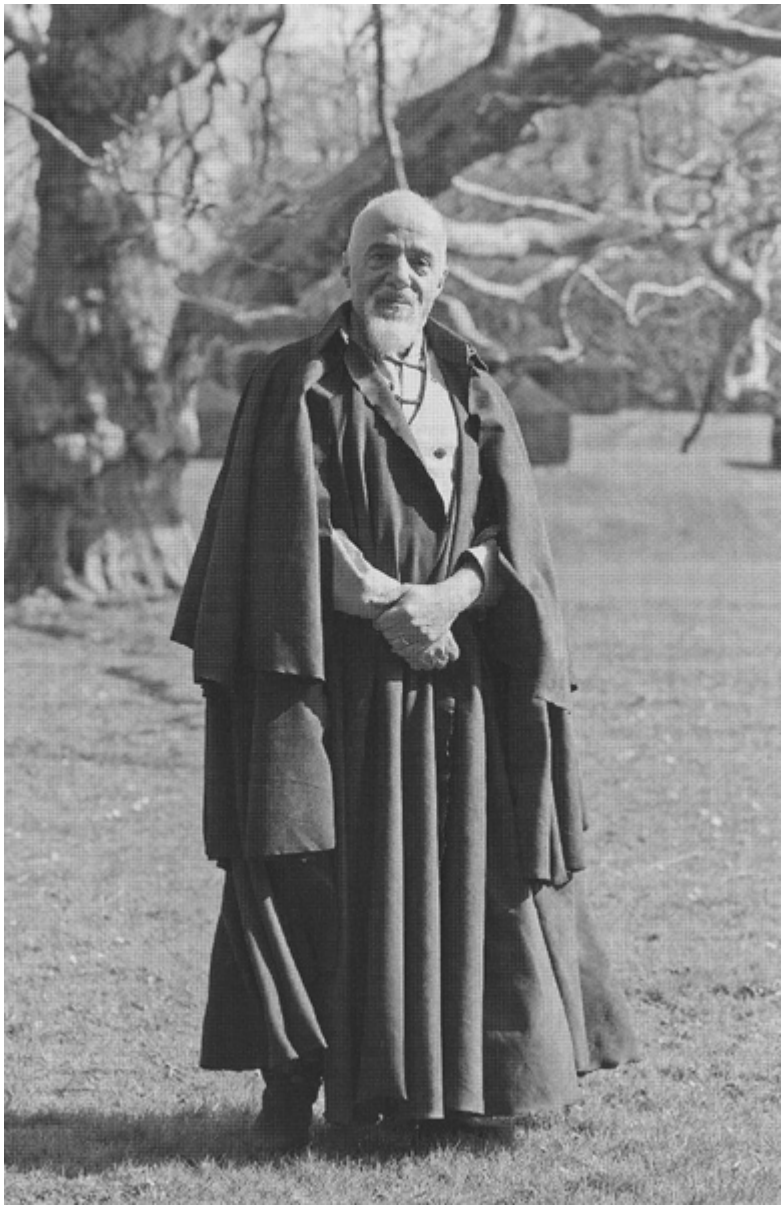
Сеньор Коэльо,

Ее Величество королева Елизавета II согласилась с тем, чтобы президент Лула и члены официальной бразильской делегации явились на предстоящий ужин в обычных вечерних костюмах. Тем не менее это касается лишь ограниченного числа лиц (менее двадцати). Остальные НО приглашенных будут одеты в строгом соответствии с протоколом. Таким образом, могу заверить вас, что вы будете не единственным человеком во фраке. Ее Величество королева надеется, что ее гости будут во фраках, а вы официально приглашены ею, а не президентом Лулой.

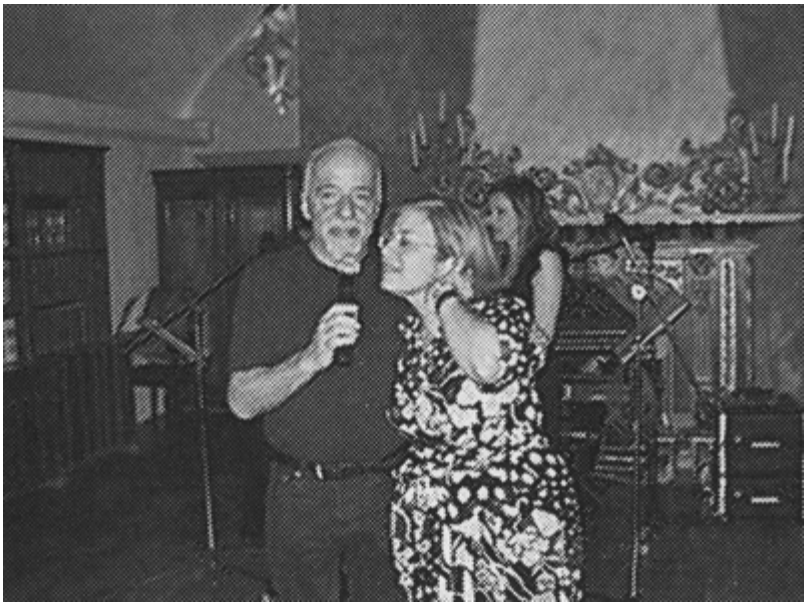
Пауло во фраке принят президентом Бразилии Лулой (в центре — «первая леди» Мариза Летисия и Кристина) в Букингемском дворце, куда писателя, впрочем, пригласила английская королева

Пауло выступает по бразильскому телевидению в поддержку Лулы, баллотирующегося в президенты на новый срок, и получает свыше 10 тысяч протестующих мейлов





Пауло в теленовелле играет роль Мага (гонорар за съемки передан в образовательный центр для неимущих детей)



Празднование Дня Святого Иосифа в Испании: писатель с Кристиной

30
Под сенью аэробуса A380 Пауло задает безответный вопрос: «Как скоро будут забыты мои книги?»

Через несколько недель после того как Пауло вручил издателям текст «Ведьмы», который закончил за неделю до банкета в Букингемском дворце, он приготовился к новому испытанию. Два десятилетия минули с того далекого теперь 1986 года, когда он совершил паломничество по Пути Сантьяго, важнейшую епитимью, наложенную на него Жаном. В последующие годы таинственный Наставник регулярно предписывал новые ордалии. По крайней мере об одной из них писатель говорил, что выполнял ее не столько с удовольствием, сколько из чувства повиновения: ему надлежало собирать учеников и передавать им «тайное знание», полученное от Жана, дабы указывать путь духовного возвышения. «Да, у меня есть ученики, — признавался он журналистам, — Но ни малейшего призвания к учительству. Я очень ленив и еще более нетерпелив». Несмотря на это, Пауло подготовил, как требовал того устав R.A.M., четверых новых «посвящаемых».

Помимо паломничеств (или, как называли это члены ордена, — «прохождения Путей»), Жан настаивал, чтобы Пауло исполнял и иные ордалии. Одни не требовали силы воли или физической выносливости: например, предписывалось по крайней мере раз в день совершать молитву, подставив руки под струю воды — хотя бы из-под крана. Другие задачи, поставленные Жаном, как вспоминает Пауло, выполнить было сложнее — скажем, на семь месяцев исключить из своей жизни всякий секс (запрет подразумевал даже мастурбацию). Несмотря на подобные тяготы, писатель вспоминает об этом испытании, пришедшемся на конец 1980-х годов, вполне благодушно: «Я открыл, что сексуальное воздержание сопровождается сильным искушением. Абстиненту кажется, что все женщины, сколько ни есть на свете, его вожделеют. Впрочем, нет, не все, а только самые красивые». Третьи ордалии весьма напоминали обряды самобичевания — в буквальном смысле слова. Пауло должен был на протяжении трех месяцев час в день бродить в чаще леса босым и голым до пояса так, чтобы колючки и ветви хлестали его по плечам и по груди, а острые камни терзали подошвы ног. По сравнению с таким мучительством и трехдневные посты, и обязанность ежедневно

пять минут кряду и безотрывно созерцать какое-нибудь дерево были, можно сказать, сущими пустяками и исполнялись без особого труда.

Подобно многим предшествующим искусам, испытание, которое Жан приготовил своему ученику в апреле 2006 года, могло бы показаться человеку непосвященному совершеннейшей чушью. Пришел час пройти по Внешнему Пути Иерусалима, что означало в течение четырех месяцев (или, как предпочитали выражаться члены ордена — «три месяца и еще один») не переступать порог ни дома в Сен-Мартене, ни квартиры на Копакабане. Вот именно: ему предстояло провести следующие сто двадцать дней в странствиях по свету, останавливаясь где заблагорассудится, но только не у себя дома. В его случае это означало — в отелях. Любопытно узнать, как вступил был в члены ордена тот, у кого не хватило бы на это средств? Подобное сомнение мучило Пауло еще двадцать лет назад, накануне первого паломничества по Пути Сантьяго, и вот какой ободряющий ответ, по его словам, получил он тогда от Жана:

— Путешествие — это вопрос не столько денег, сколько отваги. Значительную часть своей жизни ты скитался по свету как хиппи. Разве у тебя были тогда деньги? Не было. Их едва хватало, чтобы заплатить за билет, но я уверен тем не менее, что когда ты питался кое-как, ночевал на вокзалах, не мог объясниться, ибо не знал языка, зависел от других решительно во всем — даже в поисках пристанища на ночь, ты познал лучшее время твоей жизни.

Пауло рассудил, что новое паломничество неизбежно, следует расслабиться и попытаться извлечь из него если не удовольствие, так пользу. Первые несколько недель были посвящены тому, чтобы выполнить давно запланированные обязательства, которые значились в программе, составленной литературным агентством «Сан-Джорди», — и прежде всего посетить Лондонскую книжную ярмарку, которая по праву считается одним из самых значительных событий в этой сфере человеческой деятельности. Случайно встретившись там с Юрием Смирновым, генеральным директором и владельцем издательства «София», выпускавшего произведения Коэльо в России, Пауло рассказал ему, что совершает паломничество особого рода, и что оно, быть может, позволит ему исполнить давнюю мечту — проехать по легендарной Транссибирской магистрали, которая, протянувшись от Москвы до Владивостока на 9289 километров, покрывает 75 процентов территории Российской Федерации. Несколько недель спустя, когда он путешествовал по Каталонии, на севере Испании, Смирнов позвонил и сообщил: он готов

осуществить мечту Пауло и предлагает ему совершить двухнедельную поездку по одной из самых протяженных железных дорог в мире.

Пауло — как и всякий бы на его месте — предполагал, что речь идёт о купе, и каково же было его удивление, когда 15 мая, по прибытии в Москву, выяснилось, что Смирнов решил превратить поездку в роскошный хепенинг. Он целиком выкупил два вагона: в первом предстояло разместиться писателю (в отдельном салоне) вместе с самим издателем, его женой и Евой, поклонницей Коэльо, в течение двух недель исполнявшей обязанности переводчицы. Помимо вышеперечисленных лиц, в состав экспедиции (чтобы обеспечить максимальный комфорт) входили: шеф-повар, двое его помощников, официант и еще двое крупногабаритных молодых людей с телосложением борцов-тяжеловесов — им российское правительство поручило охрану и личную безопасность бразильского гостя. Во втором вагоне ехали тридцать журналистов (российских и из других европейских стран), приглашенных сопровождать Коэльо. Широкий жест Смирнова, по самым приблизительным оценкам обошедшийся ему в 200 тысяч долларов, оказался крайне неудачной инвестицией: уже через несколько месяцев Пауло сменит «Софию» на издательство «Астрель».

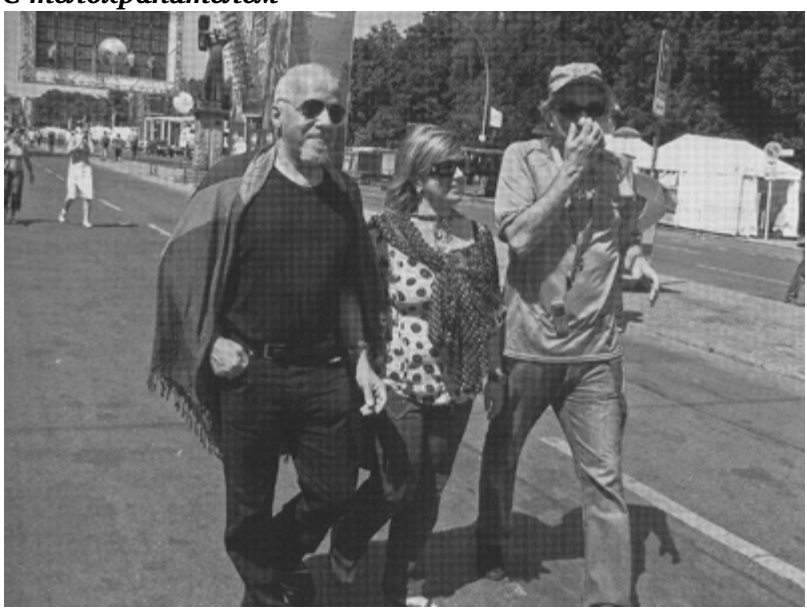
Это были изнурительные две недели — и не только потому, что расстояние, которое предстояло покрыть, казалось немыслимым, но и из-за безудержного напора читателей. На каждой станции, где поезд делал остановку, платформы заполнялись сотнями и сотнями тех, кто жаждал получить автограф, пожать автору руку, услышать от него хоть одно слово. Пронизав Дальний Восток и области, граничащие с Монголией и Китаем, а затем и Дальний Восток — расписание пришлось менять восемь раз, — 30-го мая экспедиция прибыла наконец во Владивосток, на тихоокеанское побережье.

Во всех интервью, которые Коэльо давал во время поездки по Транссибирской магистрали, он настойчиво подчеркивал, что несмотря на весь комфорт, это не туристический вояж: «Это не просто путешествие на поезде, это — духовное перемещение в реальном пространстве и реальном времени, это — паломничество, которое я совершаю по воле своего Наставника». Любопытно отметить, что после стольких лет неотлучного присутствия Пауло на страницах газет и журналов всего мира ни один из журналистов так и не смог установить личность этого таинственного персонажа, которому писатель стольким обязан. Через несколько месяцев по окончании Чемпионата мира по футболу-2006, где сборную Германию победили итальянцы,

некто, подписавшийся просто: «читатель Пауло Коэльо», прислал на «форум» одного из сайтов (http:// www.cpc.com.br/ paulocoelho/) фотографию, сделанную на улице какого-то города. Пауло запечатлен там с бразильским флагом на спине, в сопровождении Кристины и еще одного человека с висящим на шее сотовым телефоном — сухощавого, седеющего, в вытертых джинсах и футболке бразильской сборной. На нем бейсболка, темные очки закрывают верхнюю часть лица, а правая рука — подбородок и рот. Снимок сопровождался краткой подписью неведомого читателя: «Я сделал эту фотографию в Берлине во время Чемпионата мира по футболу-2006. Человек в бейсболке — это Жан, Наставник Пауло Коэльо». Увидев снимок, писатель отреагировал с намеренной неопределенностью: «Не знаю, что вам сказать… Но если это и не он, то некто, очень на него похожий».

Автограф-сессия в России во время путешествия по Транссибирской магистрали

С телохранителем



Анонимный сплетник-читатель пытается разгадать тайну и утверждает, что человек рядом с Кристиной — это и есть Наставник Жан. Пауло не подтверждает, но и не отрицает: «Если это и не он, то некто, очень на него похожий»

Спустя два месяца после окончания Чемпионата в бразильские магазины поступили первые 100 тысяч экземпляров «Ведьмы с Портобелло» — первой книги Пауло, изданной «Планета-Бразил». Книга эта знаменовала собой новый этап в творчестве Коэльо. С самого начала бросалась в глаза совсем иная техника повествования о злоключениях главной героини Афины.

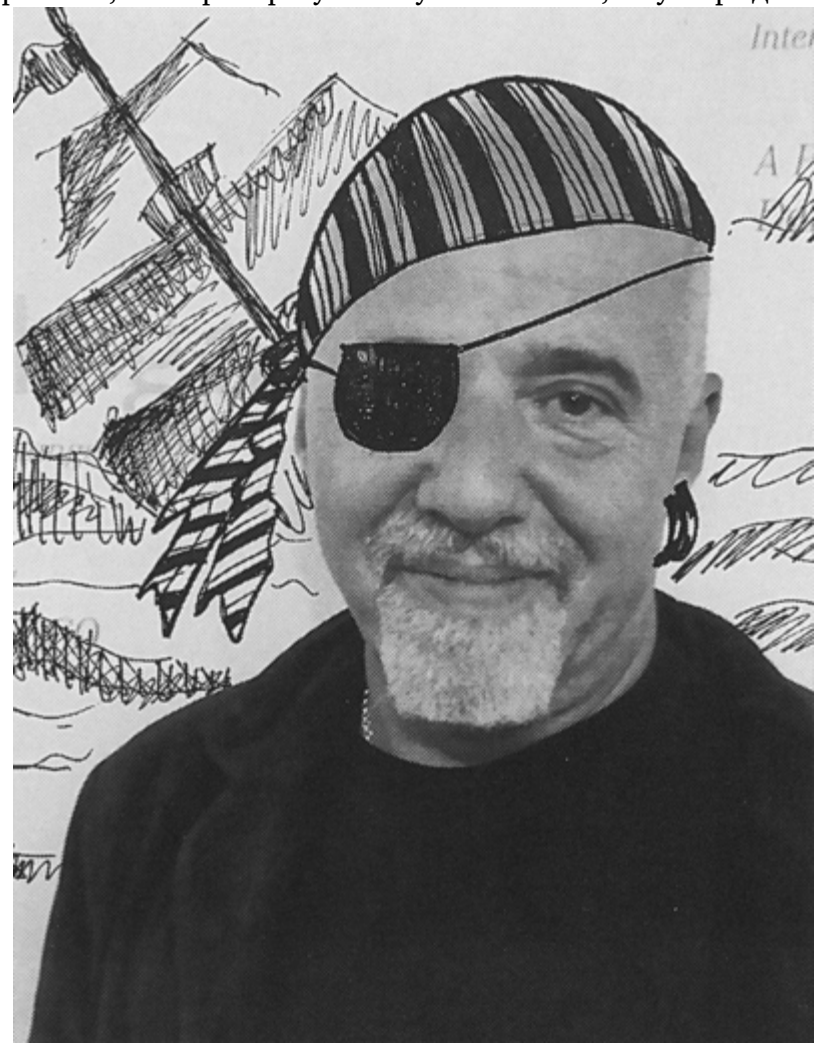
Историю молодой женщины, цыганки по происхождению, появившейся на свет в Трансильвании и брошенной матерью при рождении, рассказывают пятнадцать человек. Чисто литературные достоинства «Ведьмы» одной из первых весьма красноречиво отметила «Фолья де Сан-Пауло»: «Нельзя отрицать, что с точки зрения литературы этот роман — одно из самых амбициозных произведений Пауло Коэльо», — писал Марсело Пен. Не упустив возможности с ядовитой иронией отозваться о других его книгах, критик заметил, что «история о женщине, главе секты, увиденная глазами полутора десятков персонажей, обретает особую глубину». Афина, которую удочеряет чета ливанцев, попадает в Бейрут, а оттуда вместе с приемными родителями бежит от ужасов гражданской войны, опустошавшей страну в 1975-м и 1990 годах, и оказывается в Лондоне. В Великобритании она вырастает, выходит замуж, рожает ребенка, делает карьеру в банке, но затем расстается с мужем и отправляется в Румынию, чтобы увидеть свою биологическую мать. Затем переезжает в Арабские Эмираты и становится там, в Дубай, успешным агентом по торговле недвижимостью. Возвратившись в Лондон, совершенствует и развивает свои оккультные дарования, помогающие ей стать жрицей и привлечь сотни адептов, но вскоре ее убивают религиозные фанатики.

Второе новшество было скорее технологического свойства. Прежде чем роман оказался в книжных магазинах Бразилии и Португалии, текст нескольких первых глав был выложен в блоге Коэльо, который всего за двое суток посетило 29 тысяч человек, что было полнейшей неожиданностью для всех и прежде всего — для самого автора. «Это было поистине фантастическим сюрпризом и доказало, что интернет отныне — та территория, где писатель делится своим трудом с читателем, и обойтись без него отныне уже невозможно», — заявил он журналистам. Опасения тех, кто предполагал, что подобная практика отобьет охоту покупать «бумажные книги», он развеял весьма конкретными аргументами:

— В 1999 году я обнаружил в интернете русский перевод «Алхимика». И тогда решил бороться с пиратами на их территории и сам, собственноручно принялся размещать свои книга в сети. И продажи не только не упали, но возросли.

Словно бы лишний раз доказывая, что слова «бороться с пиратами на их территории» сказаны не просто так, на сайте, где можно прочесть его произведения (http://pirate-coelho.wordpress.com), он поместил свою фотографию в виде настоящего морского разбойника — с банданой на голове и с черной повязкой на глазу. Непреложно убежденный, что есть

люди, которые иначе как с экрана своих компьютеров читать книги не будут, но знают, что распечатывать их обойдется дороже, чем покупать бумажную версию, Пауло «вывесил» все свои произведения в сети всемирной паутины. «Проверено и доказано, что если люди прочтут первые главы в интернете и им понравится, они приобретут книгу в магазине», — утверждает он.



Давая бой пиратам «на их территории», Пауло появляется на своем сайте в образе пирата и открывает доступ к своим книгам в интернете

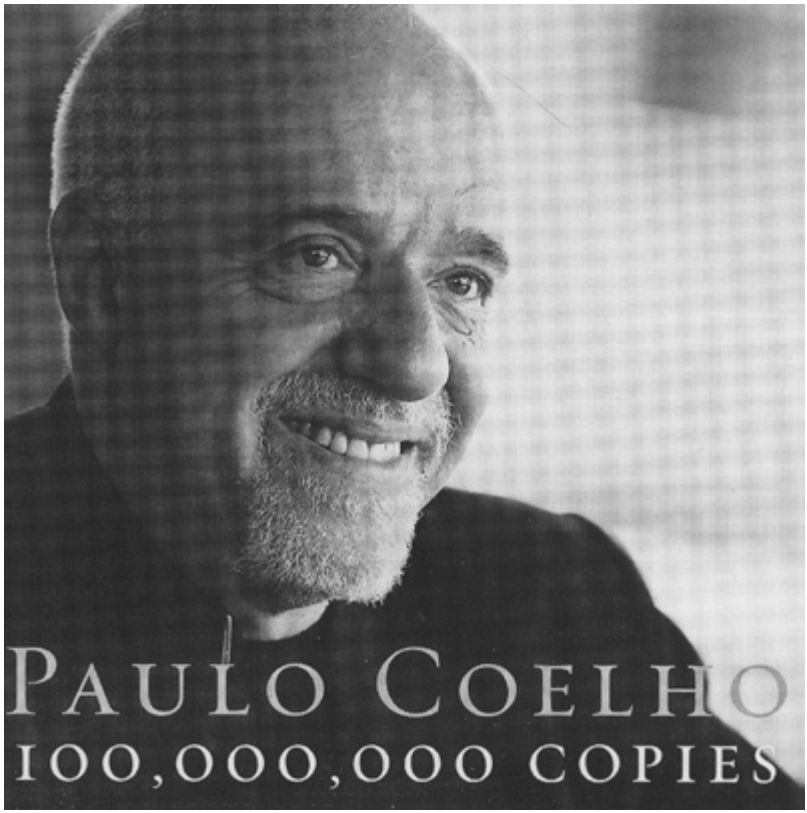
С середины 2006-го года и он, и Кристина с Моникой, и несколько самых близких ему издателей прилагали скрытые от посторонних глаз усилия, направленные на то, чтобы рубеж в 100 миллионов проданных экземпляров его книг был достигнут к 19 марта следующего года — ко Дню Святого Иакова, когда Пауло

должно было исполниться шестьдесят лет. Скажем сразу, что затея не удалась: стомиллионная книга выйдет из печати на пять месяцев позднее запланированного события, в августе — том самом месяце, когда Пауло на самом деле появился на свет. Хоть он и заявлял журналистам, что, в сущности, нет особой разницы, 60 тебе, 35 или 47, но все же в феврале ре-шил отпраздновать День Святого Иакова в отеле «Эль Перегрино», в Пуэнте-ла-Рейна, испанском городке, находящемся в двадцати километрах от Памплоны, на середине Пути Сантьяго. В тот же день он объявил в своем блоге, что приглашает к себе тех, кто откликнется в числе первых десяти. Когда же стали прибывать послания из таких отдаленных мест, как Венесуэла, Япония, Великобритания, Катар, — Пауло, испугавшись, как бы интернавты не решили, что приглашение включает авиабилеты в оба конца и оплату гостиницы, поспешил внести ясность. К его удивлению, оказалось, что все и так поняли истинный смысл его объявления и согласны были сами нести расходы. 29-го на вечере оказались четверо испанцев (Луис-Мигель, Клара, Роса, Лоли и Рамон), гречанка (Хрисса), англичанин (Алекс), венесуэлка (Мариан), японка (Хейко) и американка, живущая в Ираке (Ника). Кроме них, на празднестве можно было увидеть бывшую футбольную звезду Раи и старых друзей вроде Нелсона Лиано Жуниора, соавтора по «Курсу практического вампиризма». Присутствовавшая там же Дейна Гудьер, сотрудница американского журнала «Ньюсуик». А сам Лиано в своем блоге дает краткое и исчерпывающее описание той атмосферы, что царила на вечере в «Эль Перегрино»:

> Этот праздник в честь Святого Иакова шел на четырех языках. Пауло воспользовался Днем Святого Труда, чтобы по староиспанской христианской традиции отметить свой день рождения. Покуда шел праздник, выпал снег и покрыл Путь Сантьяго белой пеленой. Сальса, народные французские танцы, болеро, танго и давние, но незабываемые песни Рауля Сейшаса и Пауло Коэльо задали тон празднику, сдобренному лучшими винами из Риохи.

Пауло после избрания в Академию с Нельсоном Лиано Жуниором

Спустя пять месяцев, когда приблизился истинный день рождения, возглавляемая Моникой команда агентства «Сан-Джорди», не покладая рук и на всех парах готовила элегантный 40-страничный буклет, напечатанный по-английски, в четыре цвета и на глянцевой бумаге, с портретом лучезарно улыбающегося Коэльо на обложке и с надписью внизу, не нуждающейся в эпитетах: «Пауло Коэльо — 100 000 000 экземпляров». Спешка объяснялась тем, что каталог должен был выйти в первую неделю октября, к началу Франкфуртской книжной ярмарки.



Буклет, посвященный знаменательному событию — тираж книг Коэльо составил 100 миллионов экземпляров

24 августа, покуда в агентстве «Сан-Джорди» еще вовсю кипела работа — надо было успеть подготовить весь материал к открытию ярмарки, — сам юбиляр по обыкновению предавался сосредоточенным и уединенным размышлениям. Тот, кто проходил бы в три часа дня по узким, залитым солнцем тропинкам округа Барбазан-Деба, километрах в десяти от Сен-Мартена, быть может, даже и не заметил бы этого седого господина с косичкой на затылке. Пауло, в кроссовках, футболке и бермудах, только что вышел из часовни Нотр-Дам-де-Пьета (Богоматери Скорбящей), опустился на деревянную скамью и, положив на колено блокнот, принялся что-то в него записывать. Редкие туристы, проезжавшие мимо на машинах, едва ли узнали бы в этом человеке — хрупком, худощавом, аскетического вида — писателя, которого считают за честь принять коронованные особы и голливудские кинозвезды, восторженно приветствуют толпы поклонников, в каком бы уголке земного шара он ни появился. Кристина, наблюдающая за ним издали, подходит ближе, заинтересовавшись тем, что пишет муж.

— Письмо, — отвечает он, не поднимая головы.

— Кому? — спрашивает она.

— Автору моей биографии.

Отправленное с почты Сен-Мартена письмо приведено целиком и дословно.

Барбазан-Деба, 24 августа 2007

Дорогой Фернандо,

Я сижу сейчас перед этой маленькой часовней, где только что исполнил всегдашний ритуал — зажег три свечи перед образом Богоматери Скорбящей. Первую — с просьбой спасти и сохранить, вторую — во исполнение желаний моих читателей, третью — моля Пречистую Деву, чтобы даровала возможность продолжать мои труды с достоинством и не испытывая упадка сил. Солнечно, но непереносимого летнего пекла нет. Вокруг, насколько хватает глаз, никого, кроме моей жены, которая, ожидая, когда я допишу это письмо, разглядывает горы, деревья и высаженные монахами розы.

Мы пришли сюда пешком — десять километров за два часа, что вполне нормально. Назад тоже надо будет возвращаться пешком — и тут я спохватился, что не запасся водой в обратный путь. Но ничего; порой жизнь не предоставляет иного выбора, а я же не смогу просидеть здесь до скончания века. Меня ждут мои мечты, мечты дают работу, и я должен вернуться домой, даже страдая от жажды.

Сегодня мне исполняется 60 лет. Я планировал сделать то же, что делаю всегда: так оно и получилось. Вчера в 23:15 я был в Лурде, с тем, чтобы в пять минут первого 24 августа, в день и час моего рождения, оказаться у пещеры Пречистой Девы, поблагодарить ее за все, что было в моей жизни прежде, и попросить защиты на будущее. Все это сильно тронуло мою душу, но когда я возвращался в Сен-Мартен, испытал вдруг безмерное одиночество. Сказал об этом жене и услышал в ответ: «Ты сам себе выбрал такую судьбу!» Да, это был мой собственный выбор, но отчего-то в эту минуту мне стало не по себе. Мы с Кристиной словно остались вдвоем на всей этой огромной планете.

Я включил телефон, и в тот же миг он зазвонил. Это была Моника — мой агент и друг. Дома, на автоответчике меня ожидали другие сообщения.

Довольный, я пошел спать, а наутро убедился, что для вчерашних горьких мыслей сегодня нет ни малейших оснований. Стали приносить цветы, подарки и т. п. Участники интернет-сообществ делали что-то необыкновенное, используя мои тексты и фотографии. И все это было организовано, по большей части, людьми, которых я не видел ни разу в жизни, — исключение составляет Марсия Насименто, проведшая поистине титаническую работу и подарившая мне счастье сказать: «Я — писатель, у которого есть свой всемирный фан-клуб!» (А Марсия — его президент).

Зачем я пишу тебе? Затем, что сегодня — не в пример всем прочим дням моей жизни — мне ужасно хочется вернуться в прошлое. Заглянуть в него, увидеть — но не своими собственными глазами, а глазами того, кто получил доступ к моим дневникам, моим друзьям, моим недругам, ко всем, кто сделался неотъемлемой частью прожитой мною жизни. Я бы очень хотел сейчас прочесть свою биографию, но, как видно, с этим придется погодить.

Не знаю, как отнесусь к тому, что будет там написано. Однако на фронтоне часовни, находящейся в поле моего зрения, начертаны слова: «Познаете истину, истина вас освободит». Истина — сложное понятие: в конце концов ради нее совершено было много преступлений на религиозной почве, объявлено много войн, много людей подвергалось гонениям со стороны тех, кто считал себя правым. Но одно сомнению не подлежит: если истина приносит освобождение, бояться нечего. И, по сути, именно по этой причине я согласился на создание моей биографии — ради того, чтобы открыть для самого себя еще одну грань, еще один лик человека, которым являюсь. Ради того, чтобы почувствовать себя еще более свободным.

В небе над моей головой набирает высоту самолет — это новый аэробус A380, еще не совершающий регулярных рейсов, а только проходящий испытания неподалеку) отсюда. Я провожаю его взглядом и думаю: сколько времени потребуется, чтобы это новое чудо техники безнадежно устарело? Сама собой приходит и следующая мысль: сколько времени потребуется, чтобы мои книги погрузились в забвение? Лучше выбросить ее из головы — ведь я писал их, не помышляя о вечности, но пытаясь открыть и определить то, чего, если

вспомнить о твоем журналистском образовании и марксистских, взглядах, наверняка не будет в этой книге — мои тайные чары, иногда темные, иногда просветленные, которые я сам узнаю лишь после того, как они, облекшись в словесную плоть, будут запечатлены на бумаге.

Как и всякому писателю, мне всегда нравилась идея написать автобиографию. Но ведь невозможно писать о себе, не пытаясь оправдать свои ошибки и выпятить удачи, — стремление к тому и другому есть неотъемлемое свойства человека. Оттого и согласился я так скоро на твое предложение, хоть и знал, что иду на риск: будет выявлено и обнародовано многое из того, что я считаю ненужным и излишним. Ибо если это составляет часть моей жизни, то должно увидеть свет дня. Оттого я и принял решение, о котором на протяжении этих долгих трех лет не раз сожалел и в котором раскаивался, — открыть доступ к дневникам, охватывающим всю мою жизнь, начиная с отрочества.

И если даже я не узнаю себя в этой книге, уверен, что найду там какую-то часть Пауло Коэльо. Пока ты задавал мне вопросы, я, поневоле обязанный заново осмысливать какие-то стороны и этапы своей жизни, думал: как сложилась бы моя судьба, если бы я не испытал всего, что выпало намою долю?

Но не стоит углубляться сейчас в такие абстракции — Кристина говорит, что пора возвращаться, впереди у нас два часа пути, солнце палит все сильнее… Я прошу у нее еще пять минут, чтобы дописать. Кем предстану я в написанной тобой биографии? Ее еще нет, а я уже знаю — людьми, пересекшими мой путь. Человеком, который протягивал руку и знал, что чья-то другая рука готова поддержать его в трудную минуту.

Я существую лишь потому, что у меня есть друзья. Я выжил лишь потому, что они встретились мне на пути. Они научили меня отдавать все, что есть во мне самого лучшего, хоть в иные минуты своей жизни оказывался я не в числе первых учеников. Но все же мне кажется — нечто очень важное из области великодушия и благородства я усвоил.

Крис настаивает, говорит, что пять минут уже истекли, но я прошу еще немножко времени, чтобы записать здесь, в этом письме, стихи, больше ста лет назад сочиненные Халилом Джибраном. Наверное, я что-

нибудь напутаю, переставлю местами строчки, потому что выучил их много лет назад, в один печальный, сумрачный вечер, когда слушал Саймона и Гарфункеля на странном аппарате, который мы называли «виктрола» — сейчас он безнадежно устарел, как устареет когда-нибудь аэробус A380 и мои книги. Стихи говорят именно о том, как важно отдавать:

«Ты лишь тогда отдаешь что-либо, если отдаешь самого себя. И происходит это всегда с тобой, а не с твоими наследниками.

Люди говорят: отдам тому, кто достоин. А вот деревья говорят иначе. Они отдают, чтобы продолжать бытие, ибо таить и прятать — не значит ли погибнуть?

И потому ведут себя не как щедрые люди, когда те чем-то с кем-то делятся. Ибо на самом деле жизнь сама делит и разделяет, люди же — не более чем свидетели собственного бытия».

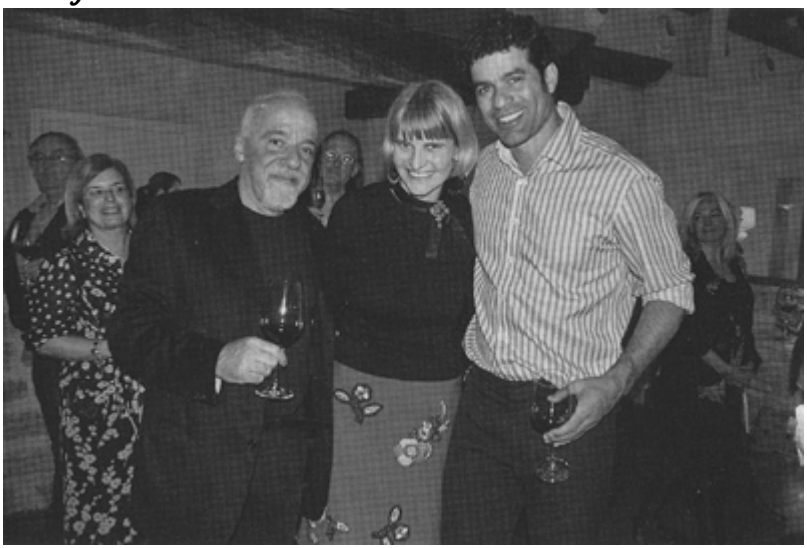
Сейчас я поднимусь со скамьи и двинусь в обратный путь, к дому. Свидетель собственного бытия — вот кем был я на протяжении всех этих дней, которых сегодня набралось на шестьдесят лет.

Да благословит тебя Богоматерь Скорбящая.

Пауло

Когда в феврале 2008 года жизнеописание Пауло Коэльо было завершено, введенный в эксплуатацию аэробус A380 начал регулярные коммерческие рейсы. Технологии устаревают так стремительно, что, вероятнее всего, гигантский воздушный лайнер перестанут выпускать прежде, чем исчезнут сотни миллионов книг Пауло Коэльо и — те глубокие следы, которые, вопреки мнению критиков, оставляют эти книги в душах людей, рассеянных по необозримому пространству планеты Земля.

Моника Антунес с Марсией Насименто, президентом фан-клуба Пауло Коэльо



Коэльо с футболистом Раи и Дейной Гудьер из журнала «Ньюсуик»

Об этой книге

Замысел этой книги родился в начале 2005 года в аэропорту «Сент-Экзюпери», в городе Лионе на юге Франции, где я впервые увидел Пауло Коэльо. По многолетней профессиональной привычке к общению со знаменитостями и звездами международного уровня я ожидал увидеть человека, окруженного телохранителями, секретарями и помощниками. К моему удивлению, тот, с кем мне предстояло тесно общаться на протяжении трех последующих лет, был один — за плечами у него висел рюкзак, и он катил за собой небольшой чемодан на колесиках. Там начался процесс раскопок, в итоге которого я открыл для себя одну из самых своеобразных и «особенных» личностей, какие мне доводилось знать.

Проведя шесть недель с ним рядом, я вернулся в Бразилию, точнее — переехал в Рио-де-Жанейро, поскольку именно там определилась траектория его жизни. И прожил там восемь месяцев, идя по следам писателя и меткам, оставленным им. Я искал Пауло Коэльо всюду, где только возможно, и шел вослед за теми событиями, которые оставили столько шрамов в его душе. Искал в угрюмых переулках квартала Копакабана и на развалинах старой лечебницы для душевнобольных, в опасном мире наркотиков, в архивах разнообразных карательных органов, в сатанизме, в загадочных тайных обществах, в сотрудничестве с Раулем Сейшасом, в его семье, в его генеалогии. Я выслушивал признания его друзей и откровения недругов, беседовал с бывшими женами и близко общался с нынешней супругой — последней, если верить Коэльо, — скульптором Кристиной Ойтисика. Я исследовал его жизнь, вторгался в ее интимные глубины, копался в его завещании, рылся у него в карманах, отыскивал детей, которые по моим предположениям могли родиться от его браков и любовных приключений.

Я получил от него редкостное право выкопать и прочесть сокровище, подлежащее, по решению Коэльо, сожжению, — дневники, которые Пауло вел на протяжении сорока лет, записывая на бумаге или магнитной ленте впечатления бытия. Недели напролет проводил я в «Институте Пауло Коэльо», сканируя документы, фотографии, письма — полученные и отправленные. Когда окончился «сезон Рио-де-Жанейро», я снова стал сопровождать Пауло по всему свету с магнитофоном наперевес, слушая его речи и удивляясь его странному обыкновению отмахиваться от невидимой мухи перед глазами. Я прошел с ним по священному Пути Сантьяго, видел, как

волновали его группы рядовых читателей, собиравшихся в Оньяте, в Стране Басков, в Каире, как на банкетах в его честь в Париже и Гамбурге приветствовали писателя мужчины в смокингах и дамы в вечерних платьях.

Я собирал воедино крупицы, разбросанные Коэльо за шестьдесят лет жизни, и результатом этого стал «Маг» — книга, которую вы держите в руках. Хотя ответственность за все, что содержится в ней, несу я один, не могу не признать публично, что авторство ее делят со мной те десятки людей, что помогли мне выдержать этот марафон. Прежде всего я хочу поблагодарить старого друга Вагнера Оменя. Я попросил его обработать горы интервью, документов и другого материала, собранного за три года разысканий и исследований. Он переселился ко мне домой и за десять месяцев непрестанных трудов не только упорядочил и обработал документы, но и, читая и перечитывая работу, внес бесценный вклад в окончательную доработку текста, способствуя тому, чтобы он лучше понимался и воспринимался. Самую горячую признательность я выражаю двум своим братьям — названому, Рикардо Сетти, который еще со времен «Ольги» заботится о качестве моих текстов и талант которого так помогал мне в трудные часы моей жизни, и родному, Рейналдо Морайсу, приложившему поистине нечеловеческие усилия ради того, чтобы «Маг» благополучно прибыл в порт назначения.

Я от всей души благодарю всех, кто великодушно помогал мне в создании этой книги, — десяткам журналистов, исследователей, стрингеров, нашедших и опросивших тех, благодаря кому «Маг» приобрел живые черты, краски и тепло.

notes

Примечания

1

Руй Барбоза (1849–1923) — бразильский политический деятель и оратор. Эуклидес да Кунья (1868–1909) — бразильский журналист и писатель, автор книги «Сертаны», в которой описал восстание крестьян на северо-востоке Бразилии в 1896–1897 гг.

2

Главный город Галисии на северо-западе Испании, основанный там, где в начале IX в. были обретены мощи святого апостола Иакова, после чего сюда началось паломничество, не прекращающееся и поныне. Здесь и далее прим. перев.

3

«Пастух и его мечты» (англ.).

4

Угол для непослушного мальчишки (англ.).

5

«На устах у всех» (фр.).

6

От фр. «новой кухни».

7

«Облачу тебя в траур» (англ.), «Или ты наденешь траур по мне» (фр.).

8

Педро II (1825–1892) — император Бразилии в 1831–1889 гг.

9

Адольф Фриц, чаще называемый Доктор Фриц, предположительно немецкий врач, чей дух являлся самым разным экстрасенсам в Бразилии с 1950-х и до настоящего времени. Его существование ничем не подтверждено.

10

Нелсон Родригес (1912–1980) — один из виднейших бразильских драматургов. Ненависть к коммунизму и всяческой «левизне» привела его к апологетике жестокой диктатуры, установленной в Бразилии в 1964 г.

11

Жозе де Апшиета (1534–1597) — бразильский иезуит, миссионер, писатель.

12

Алуизио Азеведо (1857–1913) — бразильский романист, испытавший влияние Золя и «натуральной школы».

13

Винисиус де Мораэс (1913–1980) — бразильский поэт, посвятивший значительную часть своей лирики гражданским и социальным темам.

14

Мануэл Баидейра (1886–1968) — бразильский поэт и литературный критик.

15

Жуан Кабрал де Мело Нето (1920–1999) — бразильский поэт-классик.

16

Карлос Друммонд де Андраде (1902–1987) — один из крупнейших бразильских поэтов XX века.

17

Мир на земле (лат.).

18

Маленький гиньоль (фр.).

19

Соотношение бразильского реала к доллару США ~ 2,3–1.

20

Глаубер Роша (1939–1981) — бразильский кинорежиссер, лидер, теоретик и пропагандист «нового кино».

21

Католическая мужская монашеская организация, основанная в Польше в 1673 году.

22

Одувалдо Виана Фильо (1936–1974) — драматург и актер, видный деятель борьбы с «культурным империализмом». Пауло Аутран (р. 1922) — бразильский актер.

23

Гомози ди Лампедуза (1896–1957) — итальянский писатель. Наибольшую известность принес ему социально-психологический роман «Леопард» (издан в 1959), на основе которого снят знаменитый фильм Лукино Висконти.

Входящие, оставьте упованья (ит., пер. М. Лозинского).

25

Искаженный бразильским произношением снукер — разновидность бильярдной игры.

От порт. индеец.

27

Эй, парень, твой билет?

28

Не понимаешь? Билет предъяви! Без билета у меня в поезде никто не ездит.

29

Серебряная Звезда (лат.).

30

Израильская военная разведка.

31

Эубиоз (от греческих слов «добро» и «образ жизни») — неологизм, придуманный основателями Бразильского теософского общества, понимавшими процесс эволюции человечества как преобразование энергии в сознание.

32

Самое известное прозвище Нью-Йорка. — Прим. ред.

33

От англ. «bad trip» — термин, означающий передозировку наркотиками.

34

Дорогой партнер, им, оказывается, нужен не я, а ты (англ.).

35

Игра слов: «Пассариньо» (passarinho) — птичка (порт.).

36

«Команда мечты» — команда, составленная из лучших игроков (англ.).

см. выше

«Иметь». — Прим. перев.